

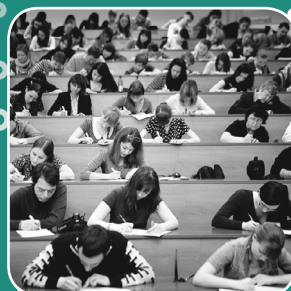

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

экономические и социальные перемены

№ 2 (168)
март — апрель 2022

СОЦИОЛОГИЯ
ОБРАЗОВАНИЯ

СОЦИОЛОГИЯ
ТРУДА

СОЦИОЛОГИЯ
МОЛОДЕЖИ

МЕДИА-
СОЦИОЛОГИЯ

18+

ISSN 2219-5467

9 772219 546006 >

Главный редактор журнала:

Федоров Валерий Валерьевич —
кандидат политических наук, генеральный директор ВЦИОМ,
профессор НИУ ВШЭ

Заместители главного редактора:

Седова Наталья Николаевна —
помощник гендиректора по науке ВЦИОМ

Подвойский Денис Глебович —
кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН, доцент РУДН

Ответственный редактор:

Кулешова Анна Викторовна —
кандидат социологических наук, член российской
Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) (Россия)

M77   Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — М.: АО «ВЦИОМ», 2022. — № 2 (168). — 484 с.

ISSN 2219-5467

Объективная, точная, регулярная и свежая информация «Мониторинга» полезна всем, кто принимает управленческие решения, занимается прогнозированием и анализом развития общества. Наш журнал пригодится сотрудникам научных и аналитических центров, работникам органов управления, ученым, преподавателям, молодым исследователям, студентам и аспирантам, журналистам.

Тематика материалов охватывает широкий круг социальных, экономических, политических вопросов, основные рубрики посвящены теории, методам и методологии социологических исследований, вопросам взаимодействия государства и общества, социальной диагностике. Каждый номер журнала содержит двухмесячный дайджест основных результатов еженедельных общероссийских опросов ВЦИОМ.

Мы публикуем статьи специалистов, представляющих ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также ВУЗы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность выступить на его страницах представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные.

Журнал издается с 1992 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ

- А. В. Резаев, Н. Д. Трегубова*
«Эмоциональный утилитаризм» и пределы развития
искусственного интеллекта 4
- А. А. Воробьев, Е. Д. Ноздрачева*
Методика прогнозирования результатов выборов с использованием
комбинирования методов аналитического и трендового моделирования.....24
- Н. Ю. Озорнина, К. А. Любичкая, А. А. Бочавер*
К проблемам понятийного аппарата в исследованиях родительства
в образовании 42

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

- Е. Л. Омельченко, И. В. Лисовская*
Молодежь как барометр будущего? Молодежная повестка в современной
России сквозь мнения экспертов по молодежной политике.....66
- М. Ю. Малкина, Д. Ю. Рогачев*
Самоуверенность, склонность к риску и склонность к недобросовестным
действиям как детерминанты экономического поведения студентов 93
- А. Н. Кравцова, Е. Н. Кузинер*
Быть взрослым и/или уметь им быть:
модели взросления ранних миллениалов..... 120
- Д. Б. Ефимов*
Студенческое представительство в университетском управлении:
факторы вовлеченности 140

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

- Мониторинг мнений: март — апрель 2022..... 168

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ

- А. А. Поплавская*
Факторы формирования внутренних и внешних трудовых ценностей
студентов российских вузов 181

<i>М. В. Картузова</i> Конкурентные стратегии фрилансеров старшего возраста на электронных трудовых платформах	207
--	-----

МИГРАЦИЯ

<i>Е. А. Варшавер, Н. С. Иванова, А. Л. Рочева</i> Когда и почему мигранты приобретают жилье в России и как это связано с интеграцией?	223
--	-----

<i>Н. П. Космарская, В. М. Пешкова, И. С. Савин</i> Москва — город контактов? Форматы и масштабы взаимодействия москвичей с мигрантами	248
--	-----

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

<i>А. В. Андреевкова, Е. В. Дмитриева, А. В. Носкова</i> Восприятие цифровизации школьного образования: исследовательские результаты онлайн-фокус-групп с учителями и родителями учеников	272
---	-----

<i>Т. В. Семенова</i> «Когда сидишь просто перед компьютером, он от тебя ничего не требует»: трудности и стратегии студентов при прохождении МООК в вузах	292
---	-----

<i>Г. З. Ефимова</i> Профессиональное продвижение преподавателей высшей школы в виртуальных социальных сетях	317
--	-----

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ИССЛЕДОВАНИЕ

<i>О. В. Забелина</i> Качество медицинской помощи глазами пациентов: итоги независимого онлайн-опроса. Часть I	342
--	-----

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

<i>Т. М. Полушкина, Ю. А. Акимова, Е. Г. Коваленко</i> Социальные стандарты и инклюзивная модель развития сельских территорий	359
---	-----

<i>И. И. Краснопольская, П. Д. Гусева, Л. Мейс, Р. Кнаан</i> Факторы удовлетворенности эпизодических волонтеров	384
--	-----

Е. А. Цацура, Н. Ю. Ключева
Социально-демографические характеристики, условия жизни
и потребности людей в ситуации бездомности в Москве 409

МЕДИАСОЦИОЛОГИЯ

Р. Э. Бараш
Социальные медиа как фактор формирования общественно-политических
установок, российский контекст 430

Е. А. Островская
Альтернативный медиадискурс об РПЦ: православные Telegram-каналы 454

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Е. А. Ирсетская, М. Ю. Милованова
Проблематика гендерных исследований в условиях современных общественно-
политических трансформаций. По материалам международной научно-
практической конференции «Гендерные ресурсы устойчивого развития:
международный и российский опыт» 477

DOI: [10.14515/monitoring.2022.2.2127](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2127)

А. В. Резаев, Н. Д. Трегубова

«ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ УТИЛИТАРИЗМ» И ПРЕДЕЛЫ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Правильная ссылка на статью:

Резаев А. В., Трегубова Н. Д. «Эмоциональный утилитаризм» и пределы развития искусственного интеллекта // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 4—23. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2127>.

For citation:

Rezaev A. V., Tregubova N. D. (2022) “Emotional Utilitarianism” and the Frontiers of Artificial Intelligence Evolvement. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 4–23. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2127>. (In Russ.)

«ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ УТИЛИТАРИЗМ» И ПРЕДЕЛЫ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

РЕЗАЕВ Андрей Владимирович — доктор философских наук, профессор, руководитель Международной исследовательской лаборатории ТАНДЕМ, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: rezaev@hotmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-4245-0769>

ТРЕГУБОВА Наталья Дамировна — кандидат социологических наук, ассистент кафедры сравнительной социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: n.tregubova@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3259-5566>

Аннотация. Вхождение технологий искусственного интеллекта (ИИ) в повседневную жизнь общества ставит перед исследователями новые и нетривиальные задачи, которые могут быть решены только при объединении усилий специалистов из разных областей знания. Авторы статьи предпринимают попытку объединить перспективы социологической теории, философской антропологии и компьютерных наук для ответа на вопросы о том, существует ли альтернатива утилитаризму при разработке ИИ и какие свойства человеческой социальности и эмоциональности могут быть воспроизведены в ИИ, а какие — нет. Основной тезис статьи состоит в том, что концепция индивида, которую предполагает утилитаризм, — весьма спорная в качестве характеристики человека, но неизбежная при описании функционирования искусственного интеллекта. Для обоснования данного тезиса авторы проводят сравнения

“EMOTIONAL UTILITARIANISM” AND THE FRONTIERS OF ARTIFICIAL INTEL- LIGENCE EVOLVEMENT

Andrey V. REZAEV¹ — Prof. Dr. habil., Director of International Research Laboratory TANDEM
E-MAIL: rezaev@hotmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-4245-0769>

Natalia D. TREGUBOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Assistant Professor, Chair of Comparative Sociology
E-MAIL: n.tregubova@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3259-5566>

¹ St Petersburg State University, St Petersburg, Russia

Abstract. The paper aims to discuss relations between outlooks of utilitarianism on individuals and the subsistence of artificial intelligence (AI) in a society. It deals with two essential questions: a) are there other principles but those developed by utilitarianism for retaining artificial intelligence in everyday life? b) what are the human being attributes that can and cannot be reproduced in artificial intelligence? The starting point for the reflection is the idea that while principles of utilitarianism are debatable when adopted for a concept of the individual in a society, they work fine when appropriated to AI in society. Further, the paper introduces the notion of “emotional utilitarianism”. It characterizes an individual’s emotional dynamics that organize his/her behavior according to the fundamentals of utilitarianism. The authors argue that “emotional utilitarianism” can be reproduced in AI. However, AI fails to execute those features

между базовыми принципами социальной и эмоциональной жизни людей и животных, с одной стороны, и агентов ИИ — с другой. Авторы вводят понятие «эмоциональный утилитаризм», которое характеризует эмоциональную динамику индивида, ориентированного на максимизацию эмоциональной энергии. Делается вывод, что «эмоциональный утилитаризм» может быть воспроизведен в искусственном интеллекте — в отличие от собственно человеческих характеристик эмоций и общения. Аргументация статьи базируется на критическом обсуждении и сопоставлении идей ключевых фигур в современной теоретической социологии и философской антропологии: Рэндалла Коллинза, Энн Ролз, Аласдера Макинтайра, Марты Нуссбаум, Мэри Мидгли.

Ключевые слова: искусственный интеллект, искусственная социальность, утилитаризм, общение, эмоции, социальная теория

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства по науке и технологиям Тайваня в рамках научного проекта № 21-511-52002.

that characterize emotional dimensions of “obschenie” (“social intercourse”) and human interconnectedness. The authors develop their arguments based on the ideas and concepts presented in publications by leading contemporary social theorists — Martha Nussbaum, Alasdair MacIntyre, Mary Midgley, Randall Collins, and Anne Rawls.

Keywords: artificial intelligence, artificial sociality, utilitarianism, social intercourse, emotions, social theory

Acknowledgments. The study was supported by RFBR and MOST, the research project No. 21-511-52002.

Общение и, следовательно, интеллект развиваются только там, где есть долговременные близкие отношения. Если интеллект и может возникнуть в ином контексте, то никто не знает, на что это будет похоже.
Мэри Мидгли [Midgley, 2002: 196]

Исследование принципов работы искусственного интеллекта (ИИ), пределов его развития и следствий проникновения технологий, основанных на ИИ, в повседневную жизнь людей — бесспорно актуальная задача и с практической, и с теоретической точки зрения. Данная задача сегодня стоит перед философами, математиками, представителями технических, естественных и социальных наук и гуманитарного знания.

Настоящая статья рассматривает один из аспектов развития новых технологий — а именно, возможности воспроизведения у агентов ИИ человеческих эмоций и социальности. Наша цель — обозначить и обосновать *пределы* развития технологий ИИ в данном направлении. Чтобы достичь данной цели, мы рассматриваем, сопоставляем и критически оцениваем аргументацию ведущих социальных теоретиков и исследователей искусственного интеллекта о базовых свойствах человеческой социальности и возможностях ее имитации агентами ИИ. Статья представляет собой теоретическое исследование, основанное на анализе и синтезе релевантной литературы. В рамках данной работы мы стремимся объединить узкодисциплинарные перспективы; мы анализируем исследования в области теоретической социологии, философской антропологии, моральной философии, философии науки и техники, а также в области компьютерных наук.

Наша аргументация организована вокруг поиска ответов на два вопроса:

— Какие свойства человеческой социальности могут быть воспроизведены в ИИ, какие — нет?

— Есть ли альтернатива утилитаризму при разработке искусственного интеллекта?

Мы полагаем, что эти вопросы связаны: размышление над вторым способно помочь в определении «системы координат» для решения первого вопроса.

Дальнейшее рассуждение организовано следующим образом. Мы начнем с характеристики традиции утилитаризма в моральной философии и соотнесем идеи утилитаризма с принципами работы ИИ. Затем последует сравнение систем предпочтений у людей и агентов ИИ: мы увидим, что функционирование ИИ, в отличие от деятельности человека, хорошо описывается в логике утилитаризма. Рассматривая вопрос об имитации человеческой социальности и эмоций искусственным интеллектом, мы сформулируем концепцию «эмоционального утилитаризма» и критические аргументы в ее адрес, что позволит зафиксировать пределы развития технологий ИИ. Мы также обратимся к этическим вопросам развития ИИ и прокомментируем «тезис об ортогональности». В завершение статьи будут предложены ответы на вопросы, поставленные в ее начале.

Прежде чем перейти к основному рассуждению, следует зафиксировать, что мы понимаем под «искусственным интеллектом». «Рабочее определение» ИИ мы формулируем следующим образом: искусственный интеллект представляет собой ансамбль (гармоничную совокупность) разработанных и закодированных человеком рационально-логических, формализованных правил, которые организуют процессы, позволяющие имитировать интеллектуальные структуры, производить и воспроизводить целерациональные действия, а также осуществлять последующее кодирование и принятие инструментальных решений вне зависимости от человека. Современное состояние развития и распространения технологий ИИ характеризуется тем, что агенты ИИ становятся активными посредникам и участниками социальных взаимодействий; данное положение мы фиксируем как возникновение искусственной социальности. Под «агентом ИИ» далее в тексте мы понимаем устройство, деятельность которого опосредует и фиксирует проявления искусственного интеллекта. Детальное обоснование и обсуждение данных определений в соотношении с другими традициями исследования ИИ см в [Резаев, Трегубова, 2019].

Традиция утилитаризма в современной моральной философии

Существует ли альтернатива утилитаризму при разработке ИИ? Данный вопрос с необходимостью предполагает предварительное разъяснение того, что есть утилитаризм.

Традиция утилитаризма — одна из наиболее значимых для современной моральной философии. Утилитаризм «в его простейшей формулировке утверждает, что морально правильным действием или мерой государственной политики является то, которое создает наибольшее счастье для наибольшего количества членов общества» [Кимлика, 2012: 27]. Джон Ролз, один из наиболее выдающихся моральных философов современности, утверждал, что утилитаризм — это неявный фон, на котором другие теории должны утверждать и защищать себя [там же].

Проблема соотношения утилитаризма с другими системами является ключевой для современной моральной и политической философии и неоднократно обсуждалась в специальной литературе (см., например, [Scarre, 1996; Griffin, 1991; Резаев, Жихаревич, Трегубова, 2014; Юдин, 2018]). В рамках настоящей статьи, однако, нас интересует другая сторона утилитаризма. Далее мы будем рассматривать не этическую аргументацию утилитаризма, а его «антропологию» — идеи и допущения о человеческой природе, о человеческих желаниях и действиях, на которых основывается эта моральная философия. Представления утилитаристской традиции о природе человека существуют и вне контекста дебатов об этике. Они, прямо или косвенно, лежат в основе утверждений о человеческих действиях и предпочтениях в повседневной жизни и в научной дискуссии (наиболее очевидный пример — бихевиористская исследовательская программа в социальных науках).

Камень преткновения антропологии утилитаризма — это квантификация счастья, количественное сопоставление удовольствий и страданий. Утилитаристы приписывают ценность удовольствию или счастью, предполагая, что эти состояния представляют ценность для тех, кто их испытывает. При этом удовольствие и неудовольствие (счастье и несчастье) поддаются сравнению по количественной шкале «больше-меньше» и для одного, и для многих людей: сегодня я счастливее, чем вчера, а несчастье граждан моей родины сильнее, чем несчастье их соседей. Против такого представления о природе человека, однако, можно выдвинуть как минимум два аргумента.

Первый критический аргумент состоит в том, что индивидуалистическая форма утилитаризма противоречит весьма распространенной концепции ценности. Согласно данной концепции, в мире существует множество вещей, обладающих внутренней ценностью для любой человеческой личности или даже для любого отдельного существа: множество различных форм индивидуальности и способов жизни, распределительная справедливость, красивые ландшафты и т. д. [Резаев, Жихаревич, Трегубова, 2014].

Второй аргумент, развиваемый в работах Аласдера Макинтайра, заключается в том, что «понятие человеческого счастья не является унитарным, простым понятием и не может обеспечить нас критерием для ключевых актов выбора. Если кто-либо предложит нам, в духе Бентама и Милля, руководствоваться при нашем выборе перспективами нашего будущего наслаждения или счастья, подходящим возражением будет такое: „Но каким наслаждением, каким счастьем

нам следует руководствоваться?“ <...> Различные наслаждения, как и различные случаи счастья, по большому счету несоизмеримы, не существует шкалы качества и количества, которая могла бы взвесить их. Следовательно, апелляция к критериям наслаждения не подскажет мне, пить пиво или плавать, а апелляция к счастью не позволит мне сделать выбор между жизнью монаха и жизнью солдата» [Макинтайр, 2000: 90—91]. Иными словами, существуют качественно разнородные виды человеческого счастья (и несчастья), несравнимые напрямую. Более того, выбор между ними и поиск оснований для такого выбора является, по-видимому, ключевым обстоятельством жизни человека.

Утилитаризм как теория искусственного интеллекта

Ирония состоит в том, что, рассматривая внутренние механизмы работы искусственного интеллекта, созданного человеком, мы, по-видимому, не можем избежать суждений в духе утилитаризма. Иными словами, *утилитаризм является спорным в качестве антропологии, но хорош (или неизбежен) в качестве характеристики основных принципов существования агентов ИИ.*

У читателя может возникнуть вопрос, какое отношение утилитаризм в принципе имеет к искусственному интеллекту и почему имеет смысл их сопоставлять. Здесь можно привести как минимум два аргумента. Во-первых, технологии ИИ (как почти все технологии) создаются для достижения некоторых, определяемых людьми целей. ИИ отличается тем, что способен выбирать средства для достижения цели и ставить себе промежуточные цели. Соответственно, рассуждения в терминах целей и средств их достижения объединяют традицию утилитаризма и теорию ИИ. Во-вторых, на тесную связь между утилитаристским мышлением и разработками ИИ указывает техническая терминология: одна из ключевых задач в создании агента ИИ состоит в определении его функции полезности (utility function).

Изначально ИИ создавался для решения конкретных задач — например, выиграть шахматную партию. Тогда логика утилитаризма может быть применена следующим образом: выигрыш является «счастьем», проигрыш — «страданием». Однако многие современные разработки ИИ сложнее: поведение робота-уборщика или беспилотного автомобиля явным образом не ориентируется на достижение конкретной цели. В таком случае ориентация на цель становится частным случаем более общего принципа — функции полезности, которая определяет предпочтительность одних состояний окружающей среды по сравнению с другими, при этом соблюдается свойство транзитивности: если А предпочтительнее В и В предпочтительнее С, то А предпочтительнее С¹. Стюарт Рассел и Питер Норвиг в классической для компьютерных наук монографии «Искусственный интеллект: современный подход» определяют и обосновывают применение функции полезности следующим образом: «Функция полезности отображает состояние (или последовательность состояний) на вещественное число, которое обозначает соответствующую степень удовлетворенности агента. <...> Во-первых, если имеются конфликтующие цели, такие, что могут быть достигнуты только некоторые из них (например, или скорость, или безопасность), то функция полезности позволяет найти приемле-

¹ Обсуждение функции полезности, ее пользы и неизбежности для ИИ см.: What's the Use of Utility Functions? // Robert Miles. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8AviErXFoH8> (дата обращения: 19.04.2022).

мый компромисс. Во-вторых, если имеется несколько целей, к которым может стремиться агент, но ни одна из них не может быть достигнута со всей определенностью, то функция полезности предоставляет удобный способ взвешенной оценки вероятности успеха с учетом важности целей» [Рассел, Норвиг, 2007: 99]. Далее авторы отмечают, что «любой рациональный агент должен вести себя так, как если бы он обладал функцией полезности, ожидаемое значение которой он пытается максимизировать» [там же].

Неизбежно ли для искусственного интеллекта упорядочение состояний? Мы даем утвердительный ответ на этот вопрос — по двум причинам. Первая причина: ИИ создается для решения функциональных задач (выполнения конкретной работы). Изначально ИИ разрабатывается людьми как нечто, ориентированное на достижение целей, включая варианты с постановкой промежуточных целей, оценкой последствий собственных действий и задействованием других, более сложных интеллектуальных операций. Вторая, более фундаментальная причина заключается в том, что в основании функционирования ИИ лежит использование математического аппарата, а это предполагает квантификацию, упорядочивание, наделение определенных состояний окружающей среды численными значениями, с помощью чего и реализуются фиксированные цели.

Математика представляет собой продукт человеческого разума в социальной среде: ей учатся у других, математики продолжают работу своих предшественников, сотрудничают и спорят с другими людьми. Отличительная черта математики, согласно определению Рэндалла Коллинза, одного из наиболее выдающихся современных теоретических социологов, состоит в следующем: те, кто ей занимается, «сосредоточивают свое внимание на чистых, свободных от конкретного содержания формах человеческих коммуникативных операций: на жестах обозначения единиц как эквивалентных друг другу и составлении из них ряда, на операциях более высокого порядка. <...> Математика имеет дело с универсальным и общим, с теми моделями, которые действительно неопровержимым образом обнаруживаются среди универсальных понятий, поскольку темой математики является чистая общность человеческих коммуникативных операций» [Коллинз, 2002: 1129—1131]. Иными словами, математика универсальна — в той мере, в какой два человека, пересчитывая предметы, согласятся друг с другом. Сложный и разветвленный математический аппарат представляет собой возведение рефлексивных конструкций над этими коммуникативными актами [Коллинз, 2002: 1130]. Именно благодаря характеру коммуникативных операций математика допускает квантификацию. А это, в свою очередь, определяет существенные особенности агентов ИИ, основанных на применении рационально-логических, формализованных правил, которые определяют функцию полезности.

Таким образом, *искусственный интеллект предполагает именно то, что приписывают человеку представители утилитаризма, — возможность однозначным и непротиворечивым образом упорядочить собственные предпочтения*².

² Проблема определения и упорядочения предпочтений является одной из ключевых для современных утилитаристов. Вопрос о том, сводится ли счастье к реализации предпочтений, или, напротив оценка и упорядочивание предпочтений должны исходить из более общего понимания счастья, также остается дискуссионным в рамках утилитаризма [Scarre, 1996]. Далее мы рассуждаем о предпочтениях, поскольку это позволяет сравнивать поведение людей и машин: не вполне ясно, что было бы аналогом «счастья» для ИИ.

Системы предпочтений у людей, животных и ИИ

На данном этапе рассуждений мы сталкиваемся с контраргументом. Разве люди не обладают упорядоченной системой предпочтений? Разве они не используют интеллект именно для выстраивания подобной системы? А если так, есть ли разница между человеком и ИИ? Мы соглашаемся с первой частью контраргумента и отвергаем вторую. Действительно, люди (за исключением некоторых пограничных случаев) обладают упорядоченной системой предпочтений, но это не делает их похожими на агентов ИИ. Чтобы понять, чем они различаются, введем в наше рассуждение третий объект — животных.

В дискуссии об ИИ сравнение людей, животных и искусственного интеллекта не редкость, причем исследователи склонны либо противопоставлять человека — с одной стороны, животных и компьютеры — с другой [Wolfe, 1993], либо подчеркивать сходство всех трех вариаций реализации интеллекта [Boden, 2016]. В рамках настоящей статьи мы поступим по-иному: рассмотрим, в чем заключается сходство между человеком и другими сложно организованными животными по сравнению с искусственным интеллектом.

Обратимся для этого к рассуждениям видного британского философа Мэри Мидгли. Анализируя результаты многочисленных исследований по этологии и социобиологии, Мидгли показывает, что различие между человеком и другими животными состоит в степени рефлексии о собственных приоритетах и в степени осознания затруднений при организации их в последовательную структуру. Однако это различие не столь значительно, как мы привыкли полагать. Мидгли утверждает: человеческая рациональность — это не просто «сообразительность». Быть рациональным — значит обладать «определенной структурой предпочтений, системой приоритетов, основанных на чувстве. Такой тип структуры не уникален для людей, он также обнаруживается у высших животных» [Midgley, 2002: 181]. В развитии интеллекта решающую роль играют эмоциональные конфликты, связанные с затруднениями в определении предпочтений и представляющие собой «столь же серьезную угрозу для жизни, что и голод, и более серьезную, чем нехватка орудий» [Midgley, 2002: 200].

Чем отличается система предпочтений высших животных (включая человека) от системы предпочтений ИИ? Наиболее явное различие состоит в степени их непротиворечивости. Поведение ИИ программируется как последовательное, так что для каждого состояния, как было отмечено, определена его предпочтительность по отношению к любому другому состоянию. Для животных и людей это не так: полная непротиворечивость остается недостижимой. Несмотря на работу интеллекта, в поведении всегда присутствуют конкурирующие мотивы, скрывающие различные предпочтения. «Большинство из нас имеют личность, весьма хорошо интегрированную с одной стороны, со стороны, к которой мы проявляем внимание, и фрагментированную с других сторон, к которым мы менее внимательны» [Midgley, 2002: 189].

Данный аргумент с легкостью встраивается в рассуждение о том, что люди — это недостаточно совершенные машины и нам стоило бы стремиться к тому, чтобы быть логически последовательными и менее эмоциональными. Однако мы, вслед

за Мидгли, утверждаем другое: *между системами предпочтений человека и ИИ существует качественное, а не только количественное различие.*

Система приоритетов человека и животных определяется нуждами, потребностями, имеющими собственную, внутренним образом определяемую значимость. Именно поэтому система предпочтений нуждается в постоянной переоценке. Наиболее эффективная реализация потребностей, их совмещение в рамках одной жизни и делает существо рациональным. Рациональность заключается не в осуществлении некоторого алгоритма, а в суждении и действии в ответ на многообразные изменения в окружающем мире³. Потребности несводимы друг к другу и потенциально конфликтны: «структура [предпочтений] должна состоять из некоторого числа мотивов, вполне отличных и автономных, но приспособленных к тому, чтобы при нормальном взрослении индивида сочетаться в жизни, удовлетворительной для него в его целостности» [Midgley, 2002: 237]. Мотивы определяются характером взаимодействия существа с окружающей средой; в качестве их природных источников Мидгли называет агрессию, секс, доминирование и заботу о потомстве. Качественная несводимость потребностей составляет биологическую основу качественного разнообразия человеческого счастья и страдания, о которых напоминал Макинтайр, критикуя утилитаризм. Также важно, что выстраивание системы предпочтений у людей и других животных предполагает не просто организацию взаимодействия с окружением, но и установление отношений с другими существами.

Агенты ИИ, в свою очередь, не имеют собственных нужд, помимо реализации внешним образом заданной цели или достижения максимального значения функции полезности. Мидгли замечает: «Компьютеры не рациональны; это глупые вещи. Они не знают, что *имеет значение*; они лишь последовательны» [Midgley, 2002: 201]⁴. Их предпочтения совершенным образом упорядочены именно потому, что они могут быть *любими*.

Здесь возникает вопрос: что будет, если наделить искусственный интеллект системой предпочтений, сходной с человеческой? Решение данной задачи, по-видимому, сталкивается с тем, что ИИ работает с помощью математического аппарата, который предполагает квантификацию. При конфликте предпочтений или одно окажется численно большим и потому более важным, или оба внесут свой вклад в поведение машины, или произойдет сбой в ее работе. Но как возможно их совмещение на качественном уровне? Как возможны суждения самого ИИ о том, как совместить разнородные предпочтения за рамками предписанной системы

³ Для удовлетворения простых потребностей (голод, жажда, сон) достаточно инстинктов, в которых сами потребности и последовательности действий, направленных на их удовлетворение — своеобразные алгоритмы, — «жестко» сцеплены друг с другом. У высших животных интеллект дополняет инстинкт при удовлетворении более сложных потребностей, когда строгая привязка средств к целям неэффективна (например, при выращивании жизнеспособного потомства у теплокровных животных). Это объясняет различия между общественными насекомыми, которые руководствуются только инстинктами, и общественными млекопитающими и птицами с гораздо более разнообразными и индивидуализированными формами отношений даже внутри одного вида.

⁴ Мидгли также заявляет: «Люди, программирующие их [компьютеры] должны быть рациональными, то есть должны быть способны видеть приоритеты среди человеческих потребностей» [Midgley, 2002: 201]. Вопрос в том, в какой степени мы можем предугадать действия сложного и развитого ИИ, когда задаем для него благоую или «безобидную» цель. Обсуждение данной проблемы см. в: *Deadly Truth of General AI?* // Computerphile. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tcdVC4e6EV4> (дата обращения: 19.04.2022).

действий? Наконец, что гарантирует внутреннюю связность предпочтений и действий ИИ? Эти вопросы остаются открытыми⁵. В любом случае «рациональность» такого агента лежит за пределами человеческой (и животной) рациональности.

Перспективы развития ИИ: «эмоциональный утилитаризм»

Итак, системы предпочтений у людей и агентов ИИ имеют качественные различия, причем вторые гораздо лучше описываются в терминах утилитаризма, чем первые. Что из этого следует в отношении того, какие свойства человеческого разума и социальности могут быть воспроизведены в искусственном интеллекте?

На первый взгляд, это означает, что ИИ способен совершать действия, направленные на достижение целей, воплощать инструментальный разум, и не способен на решение собственно «человеческих» задач, связанных с эмоциональностью, воображением, достижением согласия. Но такое заключение противоречит тому, что уже сегодня созданы и успешно функционируют роботы и программы, нацеленные на взаимодействия с людьми, будь то уход за пожилыми или игра с детьми, психотерапия или покер. Многое здесь объясняется усложнением математического аппарата (главным образом — механизмов обучения и самообучения), которые позволяют достигать целей неочевидным для людей образом, а также склонностью людей к «одушевлению» партнеров по взаимодействию. Однако на концептуальном уровне остается нерешенным вопрос о том, что в принципе возможно воспроизвести, что — имитировать, а что остается за границами возможностей ИИ.

С позиций социологической теории очевидно, что человеческое мышление социально, оно становится возможным благодаря способности людей вступать в отношения друг с другом, независимые от их сознания, и развивать различные формы общения⁶. Поэтому исходный вопрос может быть переформулирован: какие свойства человека как социального существа — и, как следствие, человеческого разума — могут быть воспроизведены в ИИ, какие — не могут?

Начнем с того, что моделировать можно. Для этого обратимся к идеям Рэндалла Коллинза, аргументы которого мы уже привлекли для разьяснения природы математики. Коллинз — автор теории ритуалов взаимодействия (interaction ritual theory) [Collins, 2004], ключевое положение которой состоит в том, что реальность взаи-

⁵ Представленный анализ выстраивания предпочтений агентами ИИ основывается на определении искусственного интеллекта, приведенном в начале статьи: ИИ определяется как ансамбль формально-логических правил, определяющих некоторый процесс. В этом отношении способ воплощения агентов ИИ оказывается вторичен по отношению к тем процессам, которые искомые правила определяют. Иными словами, ИИ для нас — это формальная логика, выраженная в форме математических выражений, плюс «железо». Контраргумент к данному тезису мог бы заключаться в следующем: при соединении одного с другим (математики с «железом») возникает нечто, обладающее свойствами, не сводимыми к свойствам соединяемых элементов. Данный контраргумент — классический для исследований сознания в современной философии (достаточно вспомнить дискуссию о «китайской комнате» между Джоном Серлем и его оппонентами). Мы признаем, что такой контраргумент возможен, и ответ на него мог бы быть развит в двух направлениях. Первое — анализ того, как именно в современных агентах ИИ «софт» соединяется с материальным воплощением, как материальное воплощение определяет агентов ИИ — в сравнении с тем, как телесное воплощение определяет человека и животных. Второе направление — исследование того, каким образом нечто, возникшее из соединения элементов, могло бы сочетаться с существованием функции полезности в ее определяющей роли по отношению к агенту ИИ. Мы оставляем эти сюжеты для будущих исследований, здесь же отметим лишь то, что существующие агенты ИИ действуют в соответствии с функцией полезности — и, по-видимому, ни с чем иным.

⁶ Выше мы показали, как этот тезис применим к математической деятельности: универсальность математики объясняется характером ее коммуникативных актов.

модействия с другими людьми является определяющей для человеческого сознания и поведения. «В центре ритуала взаимодействия — процесс, в ходе которого участники создают общий фокус внимания и вовлекаются в телесные микроритмы и эмоции друг друга. <...> Как следствие ритуалов возникают солидарность, символы и эмоциональная энергия индивида. <...> Взаимное вовлечение участников в общие эмоции и фокус внимания создает разделяемый эмоциональный/когнитивный опыт» [Collins, 2004: 47—48]. С точки зрения индивида, «баланс» успешных и неуспешных (солидарных и несолидарных) взаимодействий выражается в уровне эмоциональной энергии — общем эмоциональном фоне краткосрочных эмоций конкретных взаимодействий. Эмоциональная энергия может быть эмпирически зафиксирована: как физический комфорт при вступлении во взаимодействие, как эмоциональная привлекательность общения определенного рода, как живость воспоминаний и переживаний о прошлых взаимодействиях, как легкость синхронизации с собеседником на уровне реплик и движений.

Теория ритуалов взаимодействия является дискуссионной и задумывалась автором как таковая. Коллинз именуется ее «радикальной микросоциологией» и стремится объяснить динамикой ритуалов взаимодействия все, что происходит в жизни людей: от истории философии до истории курения, от половых сношений до стремления к богатству. Автор начинает с общего постулата о важности социальных связей для формирования индивида. Однако то, как именно Коллинз понимает «социальность» и как именно раскрывает данный постулат в своей аргументации, отличает его от многих теоретиков социального взаимодействия.

Согласно Коллинзу, поведение людей в самом общем виде описывается принципом максимизации эмоциональной энергии: «Люди не очень хорошо умеют просчитывать издержки и выгоды, но они чувствуют, как двигаться по направлению к целям, потому что на подсознательном уровне могут судить обо всем происходящем в соответствии с его вкладом в фундаментальный мотив — в поиск максимальной эмоциональной энергии в ходе ритуалов взаимодействия» [ibid.: xiii]. Стремление к достижению материальной выгоды (и иных социальных благ) также объясняется социальными (в коллинзовском смысле) мотивами.

Очевидно, что Коллинз использует антропологию утилитаризма, причем антропологию особого рода, которую уместно назвать «эмоциональным утилитаризмом». Согласно Коллинзу, человек — существо социальное, стремящееся к солидарности с другими людьми. Поэтому счастье и несчастье человека поддаются количественной оценке в соответствии с уровнем эмоциональной энергии, который суммирует успехи и неудачи в достижении искомой солидарности. Человеческое мышление объясняется согласно тому же принципу: мы думаем о том, что наиболее эмоционально «заряжено», а стиль мышления зависит от того, у кого мы учимся думать, то есть от групп, в которых взаимодействуем.

«Эмоциональный утилитаризм» Коллинза отличается от «интеллектуального утилитаризма», более привычного для разработок искусственного интеллекта. Какое следствие данный теоретический ход имеет для развития ИИ? Примечательно, что сам Коллинз рассматривает этот вопрос. Он замечает: «по-настоящему „человеческий“ ИИ должен быть способен к настройке на ритмы человеческой речи и их воспроизводству в беседе с реальными людьми; это

был бы робот с эмоциональными способностями, который учится использовать символы по-человечески во взаимодействии с людьми, подобно тому как ребенок учится говорить» [ibid.: 182].

Как нам представляется, идеи Коллинза весьма перспективны: они намечают новые горизонты для того, чтобы воспроизводить (и превосходить) в ИИ некоторые человеческие качества. Представим: перед нами два робота, настроенные на ритмическую координацию и «считывание» эмоциональных состояний собеседника (по мимике, жестам, тембру голоса, темпу речи, гормональным изменениям и т. д.). Для первого функция полезности состоит в максимизации координации с собеседником во время взаимодействия, для второго наилучшие состояния собеседника будут предпочтительными состояниями самого робота. В первом случае мы, по-видимому, получим робота — «душу компании», с которым всегда весело; во втором — совершенного альтруиста. Такие варианты ИИ будут обладать некоторыми свойствами человека. Но будут ли они похожи на человека?

Критика «эмоционального утилитаризма»

Вернемся к положению о том, что утилитаризм — это плохая, скажем мягче, — не вполне точная антропология. Из данного положения, если оно верно, следует, что теория ритуалов взаимодействия имеет весьма серьезные ограничения, связанные с пониманием Коллинзом природы социальности и сущности человеческого Я.

Основной контраргумент против «эмоционального утилитаризма» сформулирован в работах Энн Ролз, еще одного крупного социального теоретика. Ролз утверждает, что человеческое общение не сводится к ритуальной динамике, которую характеризует Коллинз, хотя последняя и важна для понимания значительной части содержательной и формальной сторон социальной жизни людей: «Согласно Коллинзу, взаимодействие имеет ценность в основном как источник эмоциональной энергии и культурного капитала. <...> Однако, хотя Коллинз может быть прав в характеристике того, как ритуалы и соответствующие им символы получают свою значимость, он не прав в том, что большая часть взаимодействий являются ритуальными» [Rawls, 1989: 105].

Что во взаимодействии не сводится к стремлению к солидарности, создаваемой в ритуалах? Основной ответ на данный вопрос состоит в указании на связь общения и человеческого Я (Self). Ролз анализирует и реинтерпретирует положения социальной теории Джорджа Герберта Мида и Эмиля Дюркгейма, привлекая внимание читателя к тому, что социальность несводима к поискам солидарности: «Дюркгейм явно указывает на то, что социальной солидарности может быть слишком много (что вызывает альтруистическое самоубийство). Слишком мало солидарности, с другой стороны, приводит к дезинтеграции Я (аномическое самоубийство). Дюркгейм мог бы написать, хотя и не написал об этом прямо, что ценность представляет тот оптимальный баланс солидарности, который и можно назвать „социальностью“. <...> Для Мида <...> социальность — это самоценное (intrinsic) благо, поскольку она служит созданию и поддержанию двух высших самоценных благ [человеческого Я и смысла]. Это обстоятельство не делает социальность „телеологическим“, как заявляет Коллинз, и тем самым чисто утилитаристским

благом, потому что она преследует цель не вне, а внутри себя. <...> С точки зрения Мида, нужда в других для поддержания своего Я — это не телеологическая нужда, подлежащая утилитаристскому вычислению, это нужда, внутренне присущая природе Я» [Rawls, 1989: 106].

Иными словами, общение конституирует человеческое Я и тем самым создает субъекта, который затем стремится к взаимодействиям, иногда — к эмоционально интенсивным, солидарным ритуалам взаимодействия. Поиск наиболее интенсивных ритуалов, во-первых, не единственный мотив; во-вторых, разные ритуалы взаимодействия могут быть одинаково привлекательны с точки зрения создаваемой солидарности и баланса эмоциональной энергии. Или, как было отмечено выше, «апелляция к счастью не позволит мне сделать выбор между жизнью монаха и жизнью солдата» [Макинтайр, 2000: 91].

При анализе проблемы создания искусственного интеллекта, подобного человеческому разуму, такая «двуслойная» структура человеческой социальности представляется чрезвычайно важной. На поверхности мы имеем дело с динамикой ритуалов взаимодействия, обусловленной поиском солидарности и определяющей значительную часть человеческого поведения и мышления. Ритуальная динамика поддается частичной или полной квантификации и потому может быть воспроизведена в ИИ. Однако за поверхностью скрывается «ядро» человеческой социальности, определяющее само существование Я, которое зависит от существования других и от взаимодействия с ними. Здесь «другие» — не просто часть окружающей среды (пусть самая важная), «Я» — не просто обозначение механизма подсчета приобретений и потерь. Детальная аргументация в защиту данного положения требует обращения к классическим текстам: от Джорджа Герберта Мида до Мартина Бубера и Карла Ясперса. Данная задача остается за рамками настоящей статьи. Далее мы рассмотрим одну область, в которой отчетливо проявляются ограничения «эмоционального утилитаризма», — исследование эмоций.

Альтернатива «эмоциональному утилитаризму»: эмоции как ценностные суждения

Проблема возникновения у ИИ эмоциональных структур, сходных с человеческими эмоциями, обсуждается в специальной литературе на протяжении нескольких десятилетий [Sloman, Croucher, 1981; Picard, 2000]. И здесь также принципиален вопрос о том, что может быть воспроизведено или имитировано и что воспроизведено быть не может.

Как ограничения «эмоционального утилитаризма» проявляются в трактовке человеческих эмоций? Для ответа на данный вопрос мы предпримем сравнение двух трактовок человеческих эмоций — концепции эмоциональной энергии Рэндалла Коллинза и концепции эмоций Марты Нуссбаум [Nussbaum, 2001; 2004], одной из наиболее важных фигур в современной философской антропологии.

«Эмоциональная энергия» — ключевое понятие для обоснования «эмоционального утилитаризма» как теории и как исследовательской программы. Согласно Коллинзу, эмоциональная энергия поддается количественной оценке (или, по крайней мере, упорядочиванию): о ней можно сказать «больше» или «меньше». Эмоциональная энергия — долгосрочная эмоция, общее состояние индивида, на которое ока-

зывают воздействие отдельные взаимодействия и которое служит для них фоном. То, что мы называем эмоциями в обыденном языке, определяется Коллинзом как колебания эмоциональной энергии в конкретных ситуациях взаимодействия. Эмоциональная энергия побуждает, часто на бессознательном уровне, вступать в одни взаимодействия и избегать других. Эмоциональная энергия «заряжает» некоторые объекты (в том числе других людей), связанные с успешными или провальными взаимодействиями в прошлом, придавая им ценность, положительную или отрицательную.

В свою очередь, Нуссбаум характеризует эмоции как «перевороты в мысли» (*upheavals of thought*). Согласно ее определению, «эмоции — это оценки (*appraisals*) или ценностные суждения, которые приписывают вещам и людям (*persons*), находящимся за пределами контроля человека, значимость в отношении благополучия (*flourishing*) самого человека. Оно [определение] содержит, таким образом, три важные идеи: идею когнитивной оценки; идею собственного благополучия или важных целей и проектов; идею значимости внешних объектов как элементов собственной системы целей» [Nussbaum, 2001: 4]. Эмоции предполагают Я и мир объектов, обладающих значимостью, и включают в себя историю отношений с объектами. Кроме того, согласно Нуссбаум, эмоции свойственны не только людям: высшие животные также переживают эмоциональные состояния.

Как соотносятся между собой данная концепция эмоций и идеи теоретиков, которых мы рассматривали выше? При сопоставлении аргументов Марты Нуссбаум и Энн Ролз становится очевидным, что они дополняют друг друга. Для обеих важнейшим элементом «ядра» человеческой социальности является необходимость выделения из окружающего мира значимых других и отношения с ними, выстраивание собственной системы целей с возможностью ее переоценки, а также существование качественно различных эмоциональных состояний, воплощающих оценочные суждения об отношениях Я со значимыми другими.

Характеристика эмоций, которую предлагает Нуссбаум, также хорошо соотносится с анализом систем предпочтений людей и животных Мэри Мидгли. Наличие индивидуальной системы предпочтений (целей и проектов) позволяет говорить о наличии эмоций не только у людей, но и у высших животных. Эмоции не сводятся к сиюминутному удовольствию или страданию, эмоциональная реакция на события определяется их значением для системы (*scheme*) целей, и ее «пересмотр изменит объекты и конкретные проявления эмоций» [*ibid.*: 132]. Нуссбаум, как и Мидгли, подчеркивает амбивалентность эмоций по отношению к своим объектам, связанную с противоречивостью системы целей: «мы часто ценим вещи, не спрашивая, согласуются ли наши цели друг с другом; иногда они плохо согласуются, из чего проистекают болезненные эмоциональные конфликты» [*ibid.*: 49]. Автор дополняет биологическое объяснение амбивалентности эмоций психологическим, указывая на базовый конфликт: объекты эмоций необходимы для собственного благополучия, но не вполне поддаются контролю.

Возвращаясь к сравнению, следует отметить, что между концепциями эмоций Коллинза и Нуссбаум существуют примечательные сходства и не менее важные различия. Сходства суммируются следующим образом. Во-первых, в окружающем мире существуют объекты, обладающие ценностью для индивида. Во-вторых, их

ценность определяется историей взаимодействия с объектами того, кто испытывает эмоции. В-третьих, эмоции представляют собой реакцию на ценность объектов и направляют деятельность субъекта, часто — помимо сознательных расчетов. Наконец, эмоции — это долгосрочные явления, которые не сводятся к сиюминутным проявлениям, к краткосрочным реакциям на события.

Различия между рассматриваемыми концепциями заключаются в статусе объектов и в том, что придает им ценность. Для Коллинза ценность объектов — производная от характеристик ритуалов взаимодействия, от динамики солидарности, которая отражается в колебаниях эмоциональной энергии. Для Нуссбаум ценность объектов связана с отношением к личной системе целей и проектов, определяющей благополучие персоны; эмоции «содержат неустранимую отсылку к своему Я (self)» [ibid.: 52]. Для Коллинза объекты эмоций представляют собой структурные части окружающего мира, необходимые элементы ритуалов взаимодействия; они являются внешним и отчасти случайным условием для реализации успешного ритуала взаимодействия (одни люди и символы могут быть заменены другими). Для Нуссбаум объекты отделены от окружения и обладают собственным существованием — в той же мере, что и субъект эмоций. Для Коллинза эмоциональная жизнь человека упорядочена и, потенциально, исчислима; поэтому подлинные конфликты в ней, по-видимому, невозможны. Для Нуссбаум эмоции — это качественно различные состояния (одна привязанность не отменяет и не преодолевает другую); кроме того, эмоции, особенно наиболее важные для нас, амбивалентны по отношению к своим объектам. Для Коллинза эмоции определяют познавательные процессы, однако сами составляют особую предкогнитивную сферу, направляющую деятельность разума и в некотором смысле главенствующую над ней. Для Нуссбаум эмоции — это когнитивные суждения особого рода, связанные с оценкой значимости объектов, они вступают во взаимодействие с другими суждениями и являются частью познавательной сферы человека. Наконец, концепция Нуссбаум предполагает гораздо больше возможностей для «переоценки ценностей» и рефлексии субъекта над собственной эмоциональной жизнью, над собственными целями и планами, в то время как концепция Коллинза, доведенная до логического завершения, подразумевает «эмоциональный детерминизм» при определении системы предпочтений.

Какая из двух концепций эмоций более точная? Обе обладают большой эвристической ценностью, однако мы полагаем, что концепция Нуссбаум более предпочтительна — именно как теория *эмоций*. Динамика эмоциональной энергии в упрощенном виде показывает, как складываются человеческие привязанности, как формируются общности и соответствующие им вкусы и стили мышления. Однако концепция Коллинза не позволяет увидеть и понять важнейшие свойства человеческих эмоций: их качественную несводимость друг к другу, чреватую конфликтами; их амбивалентность; их связь с нашими представлениями о благой жизни, а не только с удовольствием; их когнитивную природу; наконец — существование «созерцательных» эмоций, не связанных с социальными взаимодействиями⁷.

⁷ Нуссбаум пишет о созерцательной эмоции удивления (wonder), которая позволяет «переместить удаленные объекты в круг системы целей человека» [Nussbaum, 2001: 54], будь то другие люди, явления природы, произведения искусства или нечто иное.

Выход на этические проблемы: «тезис об ортогональности»

В завершение настоящей статьи попробуем приложить наши рассуждения к «проблеме ортогональности» — одной из важнейших проблем в осмыслении возможностей и рисков развития ИИ. Современный философ Ник Бостром формулирует «тезис об ортогональности» следующим образом: «Интеллект и конечные цели (final goals) представляют собой перпендикулярные (orthogonal) оси, по отношению к которым возможные акторы могут располагаться где угодно. Иными словами, почти любой уровень интеллекта совместим с почти любыми конечными целями» [Bostrom, 2012: 73].

«Тезис об ортогональности» является возражением на следующее, весьма распространенное суждение: по-настоящему «умный» искусственный интеллект научится понимать, что такое хорошие (с точки зрения человека) цели, и не сможет достигать «глупых» или «злых» целей. Возражение Бострома заключается в том, что уровень интеллекта, понимаемый как способность инструментальной реализации заданных целей с помощью оптимальных средств, и постановка самих целей являются независимыми (ортогональными) свойствами для различных акторов. Под «акторами» (agents) автор понимает любые возможные формы разума, включая те, что нам уже известны (животные, человек, ИИ). Так, очень недалекий человек может ставить благие цели, а очень искусный компьютер — уничтожить вселенную, чтобы вычислить число «пи» с наибольшей точностью.

«Тезис об ортогональности» основан на разделении между целями и средствами, внешними по отношению к целям, которое характерно для утилитаризма. Поэтому, следуя логике настоящей статьи, уместно предположить, что данный тезис справедлив в отношении ИИ (для характеристики которого неизбежны суждения в духе утилитаризма), однако является спорным в отношении человека (ибо спорна сама антропология утилитаризма). Чтобы показать, в чем состоит дискуссионность «тезиса об ортогональности», вернемся к идеям Аласдера Макинтайра.

Бостром, обосновывая тезис, ссылается на различие между существованием и долженствованием: еще Давид Юм писал, что из «есть» не выводится «должно быть»; соответственно, цель не определяется существующими средствами. Это кажется общим местом, однако такое понимание характерно для современного мышления. Альтернативой является аристотелевская традиция добродетелей, реконструируемая Макинтайром: «В рамках классической традиции „человек“ — это „хороший человек“, а „часы“ — это „хорошие часы“ и „фермер“ — это „хороший фермер“» [Макинтайр, 2000: 87—88]. То есть из сущего можно вывести должное: часы, поскольку они существуют, должны показывать время точно, фермер должен усердно трудиться, а человек в принципе — быть добродетельным. Здесь цели и средства не могут рассматриваться по отдельности: мудрость как раз и заключается в том, чтобы выбирать адекватные средства для хороших целей. Связано это с отношением между целями и средствами — не внешнем, как в утилитаризме, но внутреннем (как при общении и поддержании границ своего Я): «Средства и цели могут быть адекватно охарактеризованы без ссылки друг на друга; и для достижения одной и той же цели могут быть использованы совершенно разные средства. Но проявление добродетелей не является в этом смысле средствами достижения человеческого блага. Потому что человеческое благо представлено

человеческой жизнью в ее лучших достижениях, и проявление добродетелей есть необходимая и центральная часть такой жизни, а не просто подготовительное упражнение для обеспечения такой жизни» [Макинтайр, 2000: 205]⁸.

Таким образом, при рассмотрении человеческой жизни и человеческого блага существует альтернатива «тезису об ортогональности», связанная с антиутилитаристским пониманием связи между целями и средствами благой жизни. Однако в отношении искусственного интеллекта такая альтернатива невозможна, если мы принимаем вывод о неизбежности утилитаризма для характеристики принципов действия ИИ. Наше дополнение к тезису состоит в том, что понимание «инструментальной рациональности» ИИ, «ортогональной» конечным целям, следует расширить, включив в нее реализацию функции полезности в соответствии с принципами «эмоционального утилитаризма». Это важно в ситуации искусственной социальности, когда эффективная работа агентов ИИ все больше зависит от того, как они взаимодействуют с людьми [От искусственного интеллекта..., 2020].

Выводы

Мы начинали статью с двух вопросов:

— Какие свойства человеческой социальности могут быть воспроизведены в ИИ, какие — нет?

— Есть ли альтернатива утилитаризму при разработке искусственного интеллекта?

На второй вопрос мы отвечаем отрицательно: деятельность существующих агентов ИИ и их системы предпочтений хорошо описываются в логике утилитаризма, и нет оснований предполагать, что в будущем нас ждет нечто иное.

На первый вопрос можно ответить так: успехи и провалы ИИ в воспроизведении человеческой социальности связаны с тем, насколько хорошо общение и эмоции могут быть описаны в терминах утилитаризма. Для обозначения «пределов роста» ИИ в данной сфере мы вводим понятие «эмоциональный утилитаризм».

Подводя итоги, сформулируем тезис, суммирующий критику «эмоционального утилитаризма». *Познавательная деятельность человека с необходимостью включает в себя эмоциональную сферу с неустранимой отсылкой к своему Я (Self). Эмоциональная сфера содержит не вполне согласованную систему предпочтений, связанную с благополучием субъекта, в которую включается оценка значимых других как отдельных субъектов, а не как элементов окружающего мира.* Если данный тезис верен, то задача воспроизведения подлинно человеческого способа мышления и взаимодействия у искусственного интеллекта представляется недостижимой. Вместе с тем воспроизведение *некоторых* эмоциональных структур, в частности тех, что описываются моделью «эмоционального утилитаризма», возможно — по крайней мере, в теории.

Какие выводы следуют из настоящего рассуждения?

⁸ Макинтайровская трактовка добродетелей предполагает ведение человеком социальной жизни в сообществах особого рода. Таким образом, он связывает благоую человеческую жизнь с особой социальностью, которая является по отношению к ней средством, неразрывно связанным с целью. В этом отношении сравнение идей Аласдера Макинтайра, Марты Нуссбаум и Энн Ролз могло бы стать предметом для отдельного исследования, которое, однако, выходит за рамки настоящей статьи.

Во-первых, «плохие» (не вполне точные) идеи о человеке оказываются хорошими применительно к искусственному интеллекту. В попытках понять себя (или убедить других, что мы себя понимаем), люди сформулировали идеи и принципы, позволяющие понять создание собственного разума — искусственный интеллект. Настоящая статья обосновывает, что такие идеи развиваются в рамках утилитаристской традиции, включая то, что мы обозначили как «эмоциональный утилитаризм».

Во-вторых, наш аргумент подтверждает тривиальный, но часто упускаемый из виду факт: человек и искусственный интеллект представляют собой разные сущности, и, как следствие, взаимодействие между человеком и ИИ отлично от взаимодействия между людьми. В этом отношении представленное рассуждение развивает экзистенциально-феноменологическую критику искусственного интеллекта, основания которой были заложены Хьюбертом Дрейфусом [Дрейфус, 1978]. В настоящее время в исследованиях ИИ (особенно в узкоспециальных) наблюдаются две тенденции. Первая, техническая, состоит в том, чтобы рассматривать человека как «плохую машину»: с противоречивой «функцией полезности», запутанным «интерфейсом», подверженную внешним влияниям и т. д. Вторая, гуманитарная, заключается в «одушевлении» машины, когда проблемы сводятся к знанию о том, как именно пользователи очеловечивают ИИ — или как это следовало бы делать. Обе тенденции маскируют действительную проблему: мы имеем дело с существами разной природы, с разными принципами деятельности, и осмысление взаимодействий между ними — новая, концептуально захватывающая и прагматически важная исследовательская задача.

Наконец, следует вернуться к тому, что имели в виду основоположники утилитаризма и чего они желали. Джон Стюарт Милль верил в свободу одновременно и как во благо в себе, и как в средство для достижения счастья. Он настаивал, что свой собственный способ «развертывания своего существования» — наилучший именно потому, что он свой, уникальный. Данное стремление считаться с «особенностью индивидов» сталкивается в рамках утилитаризма с серьезными проблемами [Резаев, Жихаревич, Трегубова, 2014]; возможно, другие авторы и другие философские традиции успешнее отстаивали дух миллевских сочинений, чем сама традиция утилитаризма. В этом отношении буквальное воплощение принципов утилитаризма — будь то в человеческой жизни или в работе искусственного интеллекта — вызывает большие сомнения не только в качестве цели, но и в качестве средства.

Список литературы (References)

Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины? Критика искусственного разума. М.: Прогресс, 1978.

Dreyfus H. (1978) What Computers Can't Do: A Critique of Artificial Reason. Moscow: Progress. (In Russ.)

Кимлика У. Современная политическая философия: введение. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010.

Kymlicka W. (2010) Contemporary Political Philosophy: An Introduction. Moscow: Higher School of Economics Press. (In Russ.)

Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.

Collins R. (2002) *The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change*. Novosibirsk: Sibirskii khronograf. (In Russ.)

Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000.

MacIntyre A. (2000) *After Virtue: A Study in Moral Theory*. Moscow: Academic Project, Ekaterinburg, Delovaya kniga. (In Russ.)

От искусственного интеллекта к искусственной социальности: новые исследовательские проблемы современной социальной аналитики / под ред. А. В. Резаева. М.: ВЦИОМ, 2020.

Rezaev A. V. (ed.) (2020) *Artificial Intelligence on the Way to Artificial Sociality: New Research Agenda for Social Analytics*. Moscow: VCIOM.

Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект: современный подход, 2-е изд. М.: Вильямс, 2007.

Russel S., Norvig P. (2007) *Artificial intelligence: A modern approach*. 2nd ed. Moscow: Williams. (In Russ.)

Резаев А. В., Жихаревич Д. М., Трегубова Н. Д. Либерализм против утилитаризма»: проблема «особенности индивидов» в социальной теории // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки». 2014. Т. 5. № 1. С. 31—36.

Rezaev A. V., Zhikharevich D. M., Tregubova N. D. (2014) Liberalism against utilitarianism: the problem of the “distinctive individuals” in social theory. *Izvestiya vuzov. Seriya “Gumanitarnyye nauki”*. Vol. 5. No. 1. P. 31—36. (In Russ.)

Резаев А. В., Трегубова Н. Д. «Искусственный интеллект», «онлайн-культура», «искусственная социальность»: определение понятий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 35—47. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.03>.

Rezaev A. V., Tregubova N. D. (2019) Artificial Intelligence, On-Line Culture, Artificial Sociality: Definition of the Terms. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 35—47. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.03>. (In Russ.)

Юдин Г. Б. Утилитаризм и коммунитаризм: два подхода к проблеме биотехнологического улучшения человека // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 114—124. <https://doi.org/10.7868/S0042874418050084>.

Yudin G. B. (2018) Utilitarianism and Communitarianism: Two Approaches to Biotechnological Human Enhancement. *Voprosy Filosofii*. No. 5. P. 114—124. <https://doi.org/10.7868/S0042874418050084>. (In Russ.)

Boden M. (2016) *AI: Its Nature and Future*. Oxford: Oxford University Press.

Bostrom N. (2012) The Superintelligent Will: Motivation and Instrumental Rationality in Advanced Artificial Agents. *Minds and Machines*. Vol. 22. No. 2. P. 71—85. <https://doi.org/10.1007/s11023-012-9281-3>.

- Collins R. (2004) *Interaction Ritual Chains*. Princeton: Princeton University Press.
- Griffin J. (1991) Modern Utilitarianism. In: Petit P. (ed.) *Contemporary Political Theory*. New York: Macmillan. P. 73—100.
- Midgley M. (2002) *Beast and Man. The Roots of Human Nature*. London: Routledge.
- Nussbaum M. (2001) *Upheavals of Thought. The Intelligence of Emotions*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Nussbaum M. (2004) *Hiding from Humanity: Disgust, Shame, and the Law*. Princeton: Princeton University Press.
- Picard R. (2000) *Affective Computing*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Rawls A. (1989) Interaction Order or Interaction Ritual: Comment on Collins. *Symbolic Interaction*. Vol. 12. No. 1. P. 103—109. <https://doi.org/10.1525/si.1989.12.1.103>.
- Scarre G. (1996) *Utilitarianism*. London: Routledge, 1996.
- Sloman A., Croucher M. (1981) Why Robots will Have Emotions. *Proceedings IJCAI*. P. 1—10.
- Wolfe A. (1993) *The Human Difference: Animals, Computers, and the Necessity of Social Science*. Berkley: University of California Press.

DOI: [10.14515/monitoring.2022.2.1921](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1921)

А. А. Воробьев, Е. Д. Ноздрачева

МЕТОДИКА ПРОГНОЗИРОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ВЫБОРОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМБИНИРОВАНИЯ МЕТОДОВ АНАЛИТИЧЕСКОГО И ТРЕНДОВОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Правильная ссылка на статью:

Воробьев А. А., Ноздрачева Е. Д. Методика прогнозирования результатов выборов с использованием комбинирования методов аналитического и трендового моделирования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 24—41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1921>.

For citation:

Vorobyev A. A., Nozdracheva E. D. (2022) Methodology for Forecasting Election Results Using Combination of Analytical and Trend Modeling Methods. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 24–41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1921>. (In Russ.)

МЕТОДИКА ПРОГНОЗИРОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ВЫБОРОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМБИНИРОВАНИЯ МЕТОДОВ АНАЛИТИЧЕСКОГО И ТРЕНДОВОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

ВОРОБЬЕВ Андрей Анатольевич — кандидат технических наук, доцент, сотрудник, Академия ФСО России, Орел, Россия

E-MAIL: awa@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1566-4139>

НОЗДРАЧЕВА Екатерина Дмитриевна — сотрудник, Академия ФСО России, Орел, Россия

E-MAIL: katerina_belonozhko@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6123-4060>

Аннотация. Работа посвящена исследованию возможностей прогнозирования рейтинга политических партий на коротких временных рядах с помощью данных социологических опросов ВЦИОМ по выборной тематике. Рассмотрены три основные группы методов: трендовое моделирование, экспертные оценки, аналитическое моделирование.

В результате теоретического анализа и проведенных экспериментов выявлена низкая точность прогнозов, полученных только с помощью методов, относящихся к группе трендового моделирования. Поэтому предложена методика, позволяющая повысить точность прогнозирования за счет корректировки полученных в результате логарифмической аппроксимации прогнозов. С помощью иерархической кластеризации находится вектор значений, состоящий из коэффициентов уравнений аппроксимации и описывающий наиболее

METHODOLOGY FOR FORECASTING ELECTION RESULTS USING COMBINATION OF ANALYTICAL AND TREND MODELING METHODS

Andrey A. VOROBYEV¹ — Cand. Sci. (Tech.), Associate Professor, employee

E-MAIL: awa@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1566-4139>

Ekaterina D. NOZDRACHEVA¹ — employee

E-MAIL: katerina_belonozhko@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6123-4060>

¹ Russian Federation Security Guard Service Federal Academy, Oryol, Russia

Abstract. The study is devoted to forecasting political party ratings using short time series based on the VCIOM electoral polls data. The authors examine three groups of methods: trend modeling, expert assessments, and analytical modeling.

A review of the theoretical background and the results of empirical experiments shows low accuracy of forecasts produced solely by the trend modeling methods. To improve their accuracy, the authors propose a method of adjusting forecasts by logarithmic approximation. This method bases on hierarchical clustering that uses a vector of the coefficients of the approximated equations and describes the most similar electoral situation in the past. Then the remainder calculated as the difference between the sum of the predicted values and 100% is proportionally redistributed among the participants of the election campaign. To forecast political party ratings where the

«похожую» электоральную ситуацию в прошлом. Затем «остаток», вычисленный как разница суммы прогнозных значений и 100 %, пропорционально перераспределяется в соответствии с участниками избирательной кампании. Для прогнозирования рейтинга партий, где значения временного ряда не превышают 5 %, предпочтительнее применять метод среднего темпа роста.

Ключевые слова: опросы общественного мнения, короткий временной ряд, интерполяция, трендовое моделирование, аппроксимация, иерархический кластерный анализ

time series values do not exceed 5%, it is preferable to use the average growth rate method.

Keywords: opinion polls, short time series, interpolation, trend modeling, approximation, hierarchical cluster analysis

Введение

Для изучения поведения электората в ходе избирательной кампании, которая в соответствии с действующим законодательством проводится в течение трех месяцев до дня голосования, а также для реализации функции контроля проведения выборов с целью минимизации возможности намеренного искажения результатов проводятся социологические опросы, на основе которых строится прогноз, позволяющий общественности ознакомиться с предварительными результатами выборов.

Один из актуальных методов сбора социологических данных — интервьюирование по репрезентативной выборке, не только учитывающей половозрастную структуру населения, но и охватывающей представителей всех социальных групп и населенных пунктов. Однако для достижения целевого показателя статистической ошибки выборки необходимы большие затраты человеческих, временных и материальных ресурсов. Поэтому такие социологические исследования проводятся, как правило, в течение месяца. Следовательно, за период избирательной кампании может собираться статистическая информация по результатам 3—4 последовательных социологических опросов, которые можно представить в виде короткого временного ряда.

Анализ методов прогнозирования [Горшков, 2011] на коротких временных рядах показывает низкую точность прогнозов по выборной тематике. Это связывают не только с ограниченностью длины ряда, но и использованием различных моделей прогноза, дающих разную степень достоверности тенденций в зависимости от явки избирателей. Кроме того, в результате анализа [Клисторин, 2011] было выявлено, что на точность прогнозов существенно влияют «неопределившиеся» респонденты. При большом количестве пропусков в данных, возникших в результате выбора варианта «затрудняюсь ответить», в оценках электоральных предпочтений могут возникать смещения.

В работе предлагается решить проблему низкой точности прогнозов результатов выборов, построенных на коротких временных рядах, путем выдвижения и проверки гипотез, связанных с экспериментальным исследованием предлагаемых О. Капитановой трех групп методов: трендовое моделирование, экспертные оценки и аналитическое моделирование [Капитанова, 2016]. Основным результатом анализа является методическое обеспечение, позволяющее повысить точность прогнозных оценок за счет совместного использования методов, относящихся к группе трендового и аналитического моделирования.

Особенности используемых в работе социологических данных

В качестве исходных данных были использованы результаты социологических исследований Всероссийского центра изучения общественного мнения, проведенных в 2016 г. в ходе предвыборной кампании в Государственной думе Федерального Собрания Российской Федерации VII созыва по партийным спискам¹.

Известно, что на этапе предварительной подготовки исходных данных возможна их корректировка, основанная на моделях прогнозирования, учитывающих или не учитывающих наличие пропусков (неопределившихся респондентов) в данных [Горшков, 2011]. В работе использовались результаты экспериментов [Жучкова, Ротмистров, 2018], в которых данные с пропусками исключались из дальнейшего анализа, если количество пропущенных значений не превышало 5% от общего количества опрошенных. В случае превышения порога в 5% для перераспределения неопределившихся респондентов использовался метод множественной импутации, обоснованный в работе [Фабрикант, 2015] и реализуемый в виде методики, подробно рассмотренной в [Воробьев и др., 2020]. В состав методики входят следующие основные процедуры:

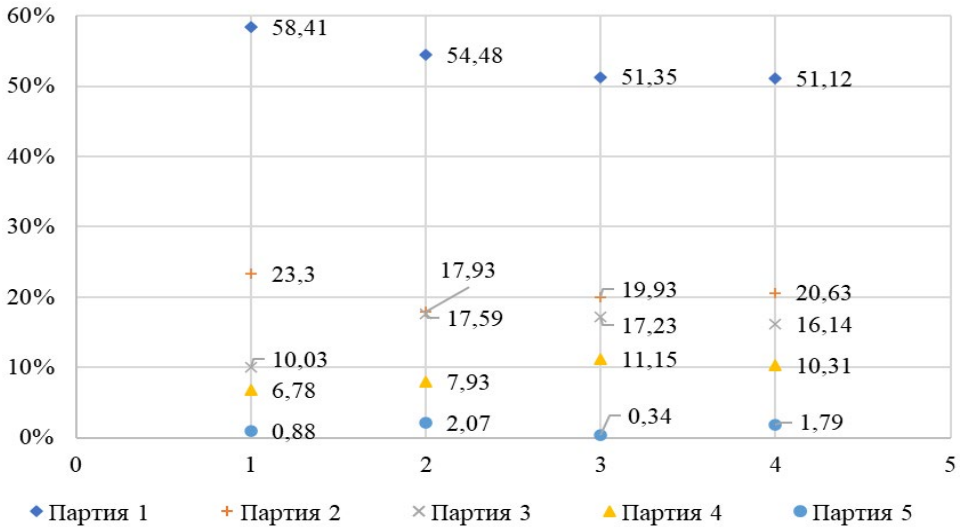
— выбор независимых переменных, коррелируемых с зависимой переменной («Партия»), с целью приведения неслучайных пропусков (NMAR) к случайным (MAR) с использованием подхода [Enders, 2010] и экспериментально проверенного в работах [Зангиева, 2011; Zhuchkova, Rotmistrov, 2022];

— расчет импутированных значений вместо пропусков с помощью процедуры «множественная импутация» (метод импутации «автоматический» обоснован в [Воробьев, Воронежский, 2019]), реализованной в программе IBM SPSS Statistics версии 23, где в качестве предикторов использовались отобранные в предыдущей процедуре независимые переменные.

На следующем этапе для создания временного ряда по каждой политической партии проводился частотный анализ результатов, полученных в рамках социологических опросов, реализовывавшихся в течение трех месяцев до выборов (по одному измерению ежемесячно) и непосредственно перед выборами (одно измерение). В связи с различным числом опрошенных респондентов в регионах все частоты переводились в процентные значения. На рисунке 1 представлено частотное распределение предпочтений электората (в процентах) в соответствии с месяцами опросов для одной из выборов.

¹ См. База социологических данных ВЦИОМ. URL: <https://bd.wciom.ru/> (дата обращения: 15.02.2021).

Рис. 1. Частотное распределение предпочтений электората в соответствии с месяцами опросов, в %

Однако в результате анализа [Домбровский, 2016] было определено, что минимальная длина короткого временного ряда для расчета одного прогнозного значения с помощью существующих методов прогнозирования должна быть не меньше 6. Следовательно, чтобы прогнозирование на полученном временном ряду было возможно, необходимо увеличить количество точек. В работе [Знаменский, 2018] было выявлено, что наиболее точной из существующих методов восстановления пропущенных значений во временном ряду является формула кусочно-квадратичной интерполяции:

$$F(x) = a_0 + a_1x + a_2x^2, \text{ при } x_{i-1} < x < x_{i+1}, \quad (1)$$

где коэффициенты a_0 , a_1 и a_2 на каждом интервале $[x_{i-1}; x_{i+1}]$, x_i — частоты проголосовавших за каждого кандидата в i -й соцопрос, определяются решением системы уравнений для условия прохождения параболы через три точки:

$$\begin{cases} f_{i-1} = a_0 + a_1x_{i-1} - a_2x_{i-1}^2 \\ f_i = a_0 + a_1x_i + a_2x_i^2 \\ f_{i+1} = a_0 + a_1x_{i+1} + a_2x_{i+1}^2 \end{cases}, \quad (2)$$

Из системы уравнений находятся коэффициенты:

$$a_0 = f(x_{i-1}) - a_1x_{i-1} - a_2x_{i-1}^2, \quad (3)$$

$$a_1 = \frac{f(x_i) - f(x_{i-1})}{x_i - x_{i-1}} - a_2(x_i + x_{i-1}), \quad (4)$$

$$a_2 = \frac{f(x_{i+1}) - f(x_{i-1})}{(x_{i+1} - x_{i-1})(x_{i+1} - x_i)} - \frac{f(x_i) - f(x_{i-1})}{(x_i - x_{i-1})(x_{i+1} - x_i)}, \quad (5)$$

В конечное уравнение подставляются необходимые значения оси абсцисс и рассчитываются соответствующие им значения оси ординат.

Так был сформирован новый временной ряд (см. табл. 1), где в столбцах в названии с целыми числами представлены результаты непосредственно проведенных социологических опросов, а в столбцах с дробными значениями — интерполированные.

Таблица 1. **Временной ряд с интерполированными значениями, построенный на одной из обучающих выборок**

	1	1,5	2	2,5	3	3,5	4
Партия 1	58,41	56,44	54,48	52,92	51,35	51,24	51,12
Партия 2	23,30	20,62	17,93	18,93	19,93	20,28	20,63
Партия 3	10,03	13,81	17,59	17,41	17,23	16,69	16,14
Партия 4	6,78	7,36	7,93	9,54	11,15	10,73	10,31
Партия 5	0,88	1,48	2,07	1,20	0,34	1,07	1,79

Таким образом, выполненные преобразования исходных данных, включающие перераспределение неопределившихся респондентов и увеличение числа точек до необходимого уровня, позволяют перейти к оценке тенденций короткого временного ряда, осуществить теоретическое и экспериментальное исследование возможностей существующих методов прогнозирования.

Теоретический анализ существующих методов прогнозирования на коротких временных рядах

В настоящее время актуальны два подхода для получения прогноза на коротких временных рядах: качественный (экспертные опросы) и количественный [Vox et al., 2015]. Так как недостатком качественных методов является слабая надежность [Тамбиева, Попова, Салпагарова, 2015], то с точки зрения обоснованности прогнозов должны применяться либо преимущественно количественные модели, либо комбинация методов.

Прогнозирование на коротких временных рядах принципиально отличается от прогнозирования на временных рядах, имеющих накопленные закономерности развития в прошлом (содержащих более 30 значений), в связи с недостатком априорной информации о поведении ряда. Во-первых, невозможно выявить долгосрочные тенденции развития процесса, так как оценки параметров модели такого ряда ненадежны. Во-вторых, при анализе коротких временных рядов нет возможности использовать сложные модели (например, нейронные сети) для описания трендов, так как их оценивание требует больших непротиворечивых выборок [Домбровский, 2016]. Также в работе [Барбашова, Гайдамакина, Польшакова, 2020] выявлено, что прогнозирование на коротких временных рядах допустимо

только на шаг вперед, а применение в прогностических целях полиномов второго и выше порядков недопустимо из-за высокой вероятности кардинального изменения характера динамики исследуемого ряда при экстраполяции полиномиальных моделей за пределами исторических данных. Сравнение существующих количественных методов (моделей) прогнозирования временных рядов проводилось по трем основным показателям (см. табл. 2): требования к исходным данным, срок упреждения, вычислительная сложность [Курилин и др., 2019].

Таблица 2. Сравнение методов прогнозирования

Метод	Показатели			Соответствие
	Требования к исходным данным	Сроки упреждения	Вычислительная сложность	
Экстраполяция тренда	Нет	Краткосрочные	Простой	+
Сглаживание по экспоненте	Нет	Краткосрочные, среднесрочные, долгосрочные	Простой	+
Регрессионные и авторегрессионные модели	Нет	Среднесрочные	Сложный	–
Модель на основе среднего темпа роста	Нет	Краткосрочные	Простой	+
Модель по выборке максимального подобия	Соответствие «подобной» выборке	Среднесрочные	Простой	–

Из таблицы 2 следует, что для прогнозирования на коротких временных рядах будут использоваться следующие количественные модели прогнозирования: модель экспоненциального сглаживания, среднего темпа роста, а также модель экстраполяции аппроксимированной функции временного ряда. Более подробное описание методов представлено ниже.

Суть метода экспоненциального сглаживания заключается в том, что прогноз ожидаемых величин определяется путем взвешенных средних величин текущего периода и сглаженных значений предшествующего рассчитывается по рекуррентной формуле:

$$S_t = \alpha x_t + (1 - \alpha)S_{t-1}, \quad (6)$$

где S_t — значение экспоненциальной средней в момент t ; α — параметр сглаживания ($\alpha = \text{const}$; $0 < \alpha < 1$); x_t — фактическое значение исследуемого показателя за период, предшествующий прогнозному. Таким образом, величина S_t является взвешенной суммой всех членов ряда, причем веса падают экспоненциально в зависимости от давности наблюдения. Однако сложности возникают с выбором начального значения S_0 и значением параметра сглаживания.

Метод среднего темпа роста T характеризует отношение двух сравниваемых значений ряда и выражается в процентах:

$$T_t = \frac{y_t}{y_{t-1}} \cdot 100\%, \quad (7)$$

где y_t и y_{t-1} — соответствующие два последовательных уровня временного ряда.

Средний темп роста — обобщающая характеристика динамики процесса, отражающая интенсивность изменения уровней ряда. Он показывает, сколько в среднем процентов последующий уровень составляет от предыдущего на всем периоде наблюдений. Этот показатель рассчитывается по формуле средней геометрической из цепных темпов роста:

$$T^{cp} = \sqrt[n-1]{T_1 T_2 \dots T_n}, \quad (8)$$

где $T_1, T_2, \dots, T_n$ — цепные темпы роста.

Метод регрессионного анализа основан на аппроксимации временного ряда, то есть замене одних объектов другими, близкими к исходным, но более простыми. Полученная эмпирическая формула обычно справедлива только для узкого интервала измерений. В общем случае регрессия может быть представлена в виде суммы неслучайной и случайной составляющих.

$$y = f(x) + v, \quad (9)$$

где $f(x)$ — функция регрессионной зависимости, а v — аддитивная случайная величина с нулевым математическим ожиданием.

Адекватность полученного уравнения регрессии определяется по критерию Фишера:

$$F = \frac{s_{ад}^2}{s_{восп}^2}, \quad (10)$$

где $s_{ад}^2$ — дисперсия адекватности, $s_{восп}^2$ — дисперсия воспроизводимости [Блохин, 2002]. Уравнение можно считать адекватным эксперименту, если вычисленное значение F окажется меньше для уровня значимости p табличной величины $F_{1-p}(f_{ад}, f_{восп})$, где f — соответствующие числа степеней свободы. Повышения адекватности уравнения регрессии эксперименту обычно добиваются увеличением степени аппроксимирующего полинома. Однако при малых объемах выборки увеличение порядка полинома может иногда приводить к росту остаточной дисперсии. Чтобы избежать этого, при решении многих задач производят замену переменных. Например, зависимости типа $\hat{z} = a_0 t^{a_1}$ сводятся к линейным $\hat{y} = b_0 + b_1 x$ следующим образом:

$$\ln \hat{z} = \ln a_0 + a_1 \ln t, \quad (11)$$

где $b_0 = \ln a_0$, $b_1 = a_1$, $x = \ln t$ коэффициенты уравнений находятся методом наименьших квадратов [там же].

Результаты экспериментов по использованию методов прогнозирования на коротких временных рядах

С целью сравнения точности прогнозирования с использованием выбранных в работе методов прогнозирования на коротких временных рядах был осуществлен ряд экспериментов.

Первый эксперимент проводился для решения задачи выбора метода экстраполяции аппроксимированной функции временного ряда — вида кривой регрессионного уравнения, форма которой соответствует характеру изменения динамического ряда и выбора значения коэффициента сглаживания в методе экспоненциального сглаживания.

Для выбора вида регрессионной кривой было проведено 4 испытания в соответствии с каждой из рассматриваемых функций (линейная, степенная (квадратичная), показательная, логарифмическая).

Количество временных рядов, достаточное для того, чтобы утверждать, что выборка из генеральной совокупности всех временных рядов (5 основных партий по 85 субъектам) будет репрезентативной (остальные заявленные партии не учитываются, так как процент проголосовавших за них меньше 1), было рассчитано исходя из формулы (12):

$$n = \frac{Z^2 pq / del^2}{1 + \frac{Z^2 pq / del^{2-1}}{N}}, \quad (12)$$

где Z — коэффициент, зависящий от доверительной вероятности (для заданной 95-процентной доверительной вероятности $Z = 1,96$), N — объем генеральной совокупности, $p (q = 1 - p)$ — доля временных рядов, у которых исследуемый признак присутствует (значения p и q принимаются равными 0,5, поскольку точно неизвестны до проведения исследования, однако при этом значении размер ошибки выборки максимален), del — предельная ошибка выборки (принимается равной 10%), n — объем выборки.

Таким образом, результаты эксперимента, отражающие точность прогнозного значения, выраженную в частоте встречаемости ошибок при прогнозировании на 75 временных рядах (по 5 партиям в 15 регионах), представлены в таблице 3.

Порог для критерия проверки точности был взят в 5% (средней точности), для более достоверного прогноза принят порог 3% (точный) [Баскакова, 2018].

Таблица 3. Результаты экспериментов по выбору вида кривой регрессионного уравнения

Свойство	Критерий	Регрессионная функция, %			
		Линейный	Степенной	Показательный	Логарифмический
Точность	Менее 3%	24	27	32	40
	3% — 5%	39	38	36	32
	Более 5%	37	35	32	28

Так как прогноз, основанный на логарифмической функции, по сравнению с остальными чаще дает точный результат (72% временных рядов в совокупности позволили получить результат средней точности), то можно сделать вывод, что

аппроксимация логарифмической функцией более предпочтительна для прогнозирования результатов социологических опросов по выборной тематике.

Для выбора коэффициента сглаживания были проведены расчеты с использованием ранее рассмотренных 75 временных рядов. С шагом 0,1 рассчитаны средняя и максимальная ошибки метода (см. табл. 4).

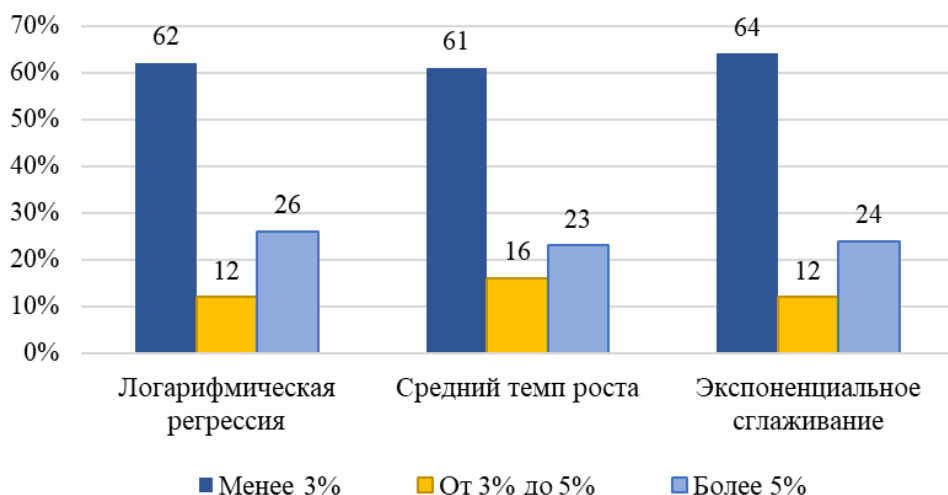
Таблица 4. Сравнение точности результатов прогнозов с различной степенью сглаживания

Коэффициент сглаживания	0,9	0,8	0,7	0,6	0,5	0,4	0,3	0,2	0,1
Средняя ошибка (%)	2,93	2,91	2,86	2,91	2,92	2,95	3	3,2	3,6
Максимальная ошибка (%)	11,72	11,66	11,541	11,55	12,3	13,4	15,1	17,8	22,0

В результате расчетов получено, что средняя и максимальная ошибки минимальны при коэффициенте сглаживания, равном 0,7.

Второй эксперимент заключался в сравнении выбранных ранее методов прогнозирования и выборе лучшего из них по точности прогноза. Критерием точности являлась не превышающая 3% ошибка, вычисленная как разность прогнозного и реального значений. Так, для сформированных исходных данных (см. табл. 1) были получены прогнозные оценки с помощью аппроксимации логарифмической функцией, метода экспоненциального сглаживания и среднего темпа роста, а затем рассчитаны ошибки прогнозирования с использованием фактических данных по результатам выборов, представленные на рисунке 2.

Рис. 2. Частотное распределение ошибок, полученных в результате прогнозирования временных рядов с помощью различных методов

Анализ результатов экспериментов по выбору метода прогнозирования показал, что все из представленных методов обеспечивают заданную точность прогнозирования примерно в 60 % случаев. Примерно в 20 % случаев ошибка прогнозирования превышает 5 %, что потребует расширения исследования. Также в результате анализа выбранных в работе методов — экспоненциального сглаживания, среднего темпа роста, экстраполяции аппроксимированной функции временного ряда — выявлено, что при формировании прогнозных показателей участников избирательных кампаний необходимо в дальнейшем учитывать значения суммарного прогноза по каждому участнику, которые не будут сходиться к 100 %, и на заключительном этапе прогнозирования потребуются их корректировка.

В работе была выдвинута гипотеза о том, что повышение точности прогнозирования результатов социологических опросов можно достичь за счет использования аппроксимации логарифмической функцией, а затем корректировки прогнозных значений на основе имеющихся данных, полученных в ходе прошлых избирательных кампаний. Использование результатов выборов прошлых лет возможно из-за выявленного в работе [Чучуева, 2010] свойства подобия двух выборок. Одинаковый фактический результат голосования в большинстве случаев определяет похожесть электоральных ситуаций в регионе. Так как каждое уравнение регрессионной кривой уникально описывает ее расположение относительно системы координат, то необходимо найти такую электоральную ситуацию в прошлом, которая была бы близка к прогнозируемой.

На первом шаге для временного ряда каждой партии строится логарифмический тренд. Но из-за того, что одно и то же уравнение может описывать различное расположение точек относительно начала координат, необходимо выявить, насколько точно логарифмическая функция задает значения, полученные на практике. Оценку соответствия регрессионной модели исходным данным можно произвести на основе ошибки MAPE [Елисеева, 2003]. В качестве критерия близости аппроксимирующей функции к совокупности точек используются модули относительной разности табличных значений y_i и теоретических, рассчитанных по уравнению регрессии $\hat{y}_i$. Следовательно, средняя абсолютная процентная ошибка аппроксимации будет рассчитываться по формуле:

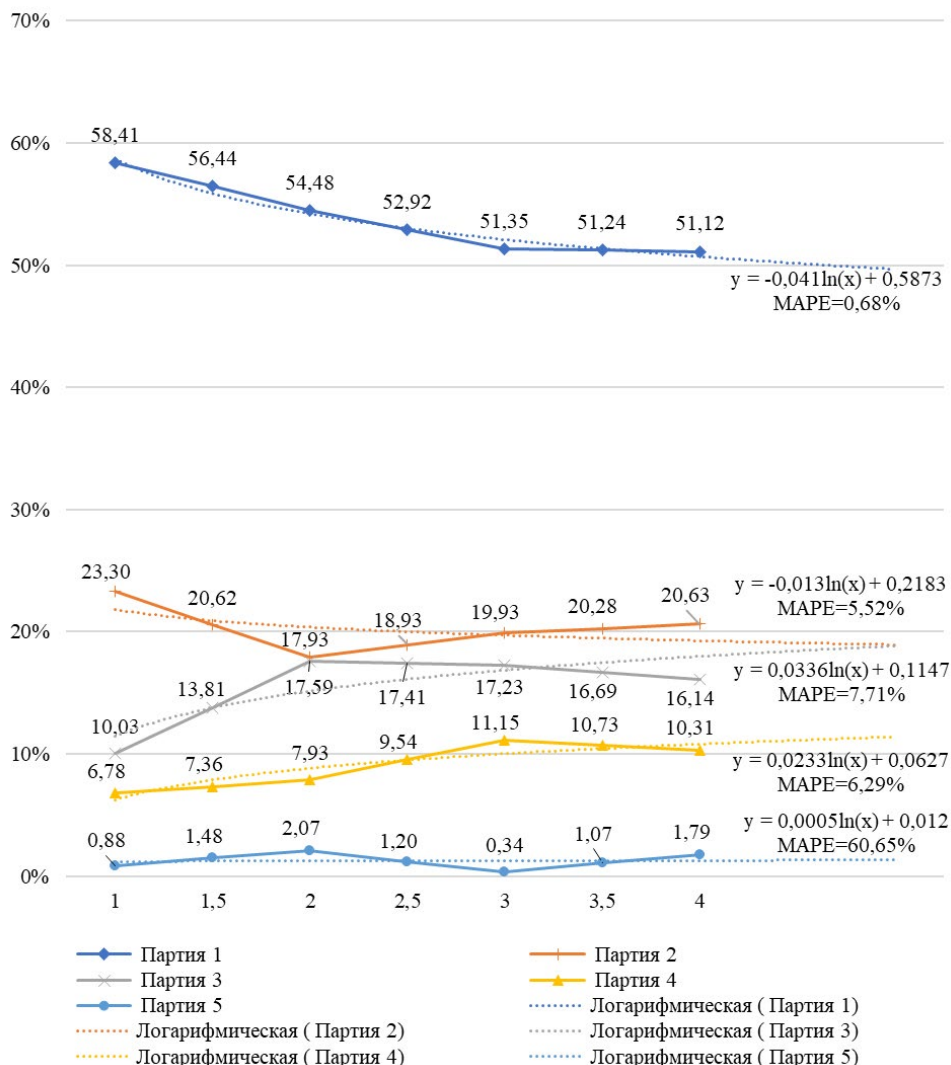
$$MAPE = \frac{1}{n} \sum \left| \frac{y_i - \hat{y}_i}{y_i} \right| \cdot 100 \%, \quad (13)$$

Критерием для проверки MAPE являются следующие значения: до 5 % ошибки — отличный прогноз, от 5 % до 10 % — приемлемый, более 10 % — недопустимый [там же]. Таким образом, для каждого временного ряда получено логарифмическое уравнение и ошибка MAPE (см. рис. 3).

Так как в полученных на рисунке 3 расчетах кроме партии 5 у всех временных рядов MAPE меньше 10 %, то аппроксимированные логарифмической функцией кривые являются приемлемыми. Следовательно, их можно использовать для прогнозирования. Однако для временных рядов, у которых MAPE больше 10 %, следует использовать другой метод прогнозирования. На данных второго эксперимента (см. табл. 5) для логарифмической регрессии была рассчитана ошибка

МАРЕ и выявлено, что в таких случаях наименьшую ошибку прогнозирования позволяет получить метод среднего темпа роста.

Рис. 3. Построение логарифмических уравнений и расчет ошибки MAPE

Второй этап заключается в нахождении похожей электоральной ситуации в прошлом. Такая операция возможна в том случае, когда имеется большой накопленный объем данных, представляющих собой результаты социологических опросов в разных регионах с различными электоральными ситуациями. Предложенная методика предполагает, что электоральная ситуация с близкими к текущим значениями социологических опросов в прошлом существует и коэффициенты, приме-

няемые для расчетов прогнозных значений в прошлом так же применимы. Данное допущение ограничивает рассматриваемую методику.

Таблица 5. **Результаты экспериментов, где MAPE превышает 10 %**

№	MAPE, %	Ошибка прогнозирования, полученная с помощью различных методов, в %		
		Логарифмическая регрессия	Средний темп роста	Экспоненциальное сглаживание
1	60,65	0,09	0,58	0,23
2	32,26	0,83	0,01	0,10
3	15,65	3,19	1,21	1,54
4	14,47	0,28	0,22	0,30
5	14,17	0,36	1,75	1,95
6	14,52	1,62	0,42	0,91

Чтобы однозначно описать сложившуюся электоральную ситуацию, необходимо сформировать вектор значений, состоящий из коэффициентов аппроксимированных уравнений для партий по каждому субъекту. Например, в рассмотренном выше примере (см. рис. 3) вектор значений будет выглядеть следующим образом:

$$(-0,041; 0,5873; -0,013; 0,2183; 0,0336; 0,1147; 0,0233; 0,0627),$$

где первые два значения вектора соответствуют коэффициенту при логарифме и свободному члену логарифмического уравнения первой партии, вторые два и последующие — к соответствующим партиям в порядке убывания среднего значения по ряду. Если в каких-либо случаях партии меняются местами, то следует учитывать их порядок, меняя пары коэффициентов местами.

Для нахождения похожей ситуации необходимо провести иерархический кластерный анализ [Everitt, 2001], на первом этапе которого будет найдено самое ближайшее «расстояние» до сформированного n -мерного вектора (предварительно по данным социологических опросов за предыдущие года также были сформированы вектора) с помощью метрики «Евклидово расстояние».

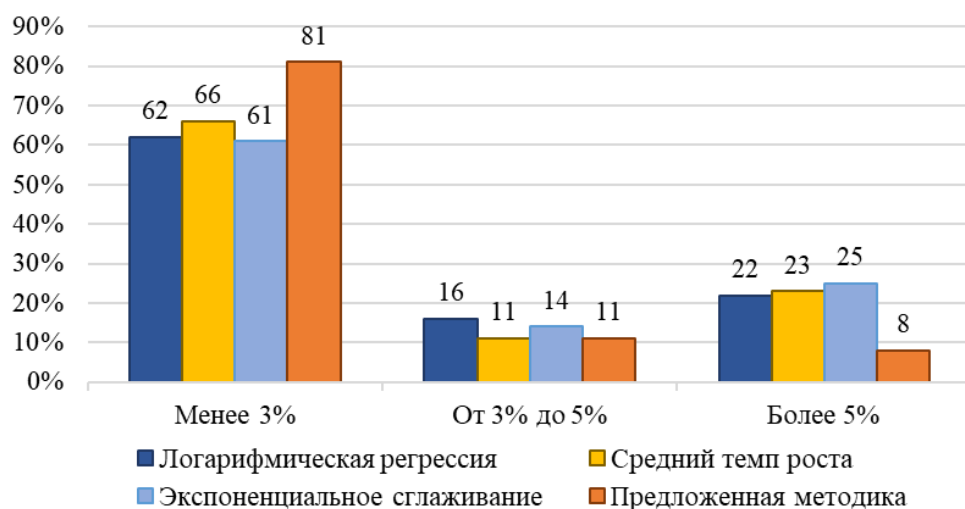
Однако из-за того, что регрессионное уравнение не всегда точно описывает расположение точек относительно начала координат, необходимо сравнить MAPE каждой из выбранных кривых. Если ошибка MAPE больше 10 %, то для прогнозирования нельзя использовать эту электоральную ситуацию, и необходимо рассмотреть второй «по близости» вектор. Итерации повторяются до тех пор, пока не будет найден удовлетворяющий всем условиям вектор.

Для корректировки полученных прогнозных значений необходимо учитывать изменение фактических значений в «исторически сложившейся» электоральной ситуации по сравнению с результатами последнего социологического опроса. Под «исторически сложившейся» электоральной ситуацией следует понимать совокупность логарифмических кривых и точек, описывающих распределение частот,

проголосовавших за каждого кандидата в течение проведенных социологических опросов, которая найдена кластерным анализом по ближайшему вектору. Если наблюдается увеличение числа проголосовавших за первого кандидата, то следует сделать вывод, что, скорее всего, и в текущей электоральной ситуации процент проголосовавших увеличится. Следовательно, необходимо скорректировать прогноз по всем кандидатам, изменив значение с учетом поправочной разницы. Для приведения общей суммы к 100 % необходимо пропорционально увеличить (уменьшить) «остаток», являющийся разницей суммы полученных с помощью различных методов прогнозных оценок и 100 %. Таким образом, по каждой партии были получены прогнозные оценки, значительно не отклоняющиеся от фактических значений и соответствующие динамике изменения мнения общества под влиянием различных общественно-политических и социально-экономических процессов.

Третий эксперимент проводился с целью проверки гипотезы, связанной с повышением точности прогнозирования за счет использования данных, полученных в ходе прошлых избирательных кампаний. Эксперимент заключался в формировании прогнозов результатов выборов с помощью предложенной и существующих методик на десяти случайно выбранных контрольных выборках в субъектах РФ. В качестве показателя точности использовалось отклонение полученного прогноза от фактического результата (если разница не превышала 3 %, то прогноз считается высокой точности, если от 3 % до 5 %, то средней точности, если более 5 %, то низкой точности). Точность логарифмического приближения также предлагалось оценивать с использованием выражения (13). Сравнение результатов, полученных с помощью предложенной методики и существующего метода прогнозирования, проводилось по критерию превосходства. Частота получения ошибки в прогнозах с помощью различных методов по партиям представлена на рисунке 4.

Рис. 4. Частота встречаемости различных ошибок прогнозирования в зависимости от используемого метода

В результате эксперимента была подтверждена гипотеза о возможности повышения точности прогнозирования с использованием предложенных процедур, которые были оформлены в виде методики прогнозирования на коротких временных рядах и графическое представление которой представлено на рисунке 5.

Рис. 5. Методика прогнозирования на коротких временных рядах

Для возможности автоматизации предложенных процедур в методике была разработана программа для ЭВМ².

Заключение

Прогнозирование результатов выборов на основе социологических опросов является актуальной задачей и может решаться различными методами. Однако существующие методы не позволяют получить высокую точность прогнозов на основе коротких временных рядов. В настоящей работе были использованы метод экспоненциального сглаживания, среднего темпа роста и экстраполяции временного ряда. Для метода экстраполяции в качестве аппроксимирующей функции была взята логарифмическая — в связи с тем, что она дает наиболее точный прогноз. Для метода экспоненциального сглаживания коэффициент сглаживания был выбран равный 0,7, так как в результате эксперимента при этом значении коэффициента получается наименьшая средняя и максимальная ошибка.

² Воробьев А. А. Программный модуль прогнозирования результатов избирательных кампаний на коротких временных рядах. Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU2020666538, 11.12.2021. Заявка № 2020665715 от 03.12.2020.

В результате анализа проведенных в работе экспериментов выяснилось, что все рассматриваемые методы с одинаковой точностью дают прогноз, однако примерно 20 % всех прогнозов являются «неточными» (ошибка превышает 5 %).

В связи с этим была разработана и апробирована методика, заключающаяся в аппроксимации временного ряда логарифмическим уравнением, построением вектора, описывающего электоральную ситуацию, нахождением методом иерархической кластеризации наиболее близких социологических данных прошлых лет, а затем пропорционального перераспределения «остатка», являющегося разницей суммы полученных с помощью метода экстраполяции прогнозных оценок и 100 %.

Применение предложенной методики прогнозирования обеспечивает повышение точности по сравнению с существующими методами на рассмотренных исходных данных. За счет сравнения текущей и «исторически сложившейся» электоральной ситуации найдены значения, позволяющие скорректировать и перераспределить «остаток», уменьшив таким образом количество партий, на основе которых был получен неточный прогноз в исследуемых регионах.

Список литературы (References)

Барбашова Е. В., Гайдамакина И. В., Польшакова Н. В. Прогнозирование в коротких временных рядах: методологические и методические аспекты // Вестник аграрной науки. 2020. № 2. С. 84—98. <https://doi.org/10.17238/issn2587-666X.2020.2.84>.
Barbashova E. V., Gaydamakina I. V., Polshakova N. V. (2020) Forecasting in Short Time Series: Methodological and Methodical Aspects. *Bulletin of Agrarian Science*. No. 2. P. 84—98. <https://doi.org/10.17238/issn2587-666X.2020.2.84>. (In Russ.)

Баскакова Ю. М. Сравнительная оценка точности разных методов прогнозирования результатов выборов // Материалы VIII Международной социологической Грушинской конференции «Социолог 2.0: трансформация профессии», 18—19 апреля 2018 г. URL: <https://profi.wciom.ru/index.php?id=1771> (дата обращения: 13.04.2022).

Baskakova Yu. M. (2018) Comparative Assessment of the Accuracy of Different Methods for Predicting Election Results. In: *Proceedings of the VIII International Sociological Grushin Conference “Sociologist 2.0: Transformation of the Profession”*, April 18—19, 2018. URL: <https://profi.wciom.ru/index.php?id=1771> (accessed: 13.04.2022). (In Russ.)

Блохин А. В. Теория эксперимента: курс лекций в двух частях. Минск: Научно-методический центр «Электронная книга БГУ», 2002.

Blokhin A. V. (2002) Theory of Experiment: a Course of Lectures in Two Parts. Minsk: Scientific and Methodological Center “Electronic Book of Belarusian State University”. (In Russ.)

Воробьев А. А., Воронежский А. А. Исследование возможностей математических методов по перераспределению неопределившихся респондентов // Мягкие измерения и вычисления. 2019. № 9. С. 35—39.

Vorobiev A. A., Voroneckiy A. A. (2019) Research of Possibilities of Mathematical Methods for Redistributing Uncertain Respondents. *Soft Measurements and Calculations*. No. 9. P. 35—39. (In Russ.)

Воробьев А. А., Воронежский А. А., Азрапкин А. И., Белоножко Е. Д. Исследование возможностей математических методов по восстановлению пропусков в номинативных социологических данных // Системы управления и информационные технологии. 2020. № 2. С. 93—97.

Vorobyov A. A., Voronetsky A. A., Azrapkin A. I., Belonozhko E. D. (2020) Research of Possibilities of the Mathematical Methods for Restoring Omissions in Nominative Sociological Data. *Journal of Control Systems and Information Technology*. No. 2. P. 93—97. (In Russ.)

Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Прикладная социология: методология и методы. М.: Институт социологии РАН. 2011. С. 270—275.

Gorshkov M. K., Sheregi F. E. (2011) *Applied Sociology: Methodology and Methods*. Moscow: Institute of Sociology RAS. P. 270—275. (In Russ.)

Домбровский В. В. Анализ и прогнозирование коротких временных рядов с привлечением экспертной информации // Эконометрика. Томск: Томский государственный университет, 2016. URL: <https://lib.tsu.ru/mminfo/2016/Dombrovski/book/chapter-8/chapter-8.htm> (дата обращения: 28.03.2021).

Dombrowski V. V. (2016) Analysis and Forecasting of Short Time Series with the Involvement of Expert Information. In: *Econometrics*. Tomsk: Tomsk State University. URL: <https://lib.tsu.ru/mminfo/2016/Dombrovski/book/chapter-8/chapter-8.htm> (accessed: 28.03.2021) (In Russ.)

Елисеева И. И. Эконометрика. М.: Финансы и статистика. 2003. С. 225—262.

Eliseeva I. I. (2003) *Econometrics*. Moscow: Finance and Statistics. P. 225—262. (In Russ.)

Жучкова С. В., Ротмистров А. Н. Возможность работы с пропущенными данными при использовании CHAID: результаты статистического эксперимента // Социология: 4М. 2018. № 46. С. 85—122.

Zhuchkova S. V., Rotmistrov A. N. (2018) Handling Missing Data with CHAID: Results of a Statistical Experiment. *Sociology: 4M*. No. 46. P. 85—122. (In Russ.)

Зангиева И. К. Проблема пропусков в социологических данных: смысл и подходы к решению // Социология: 4М. 2011. № 33. С. 28—56.

Zangieva I. K. (2011) The Problem of Missing Values in Sociological Data: Essence and Solution Methods. *Sociology: 4M*. No. 33. P. 28—56. (In Russ.)

Знаменский С. В. Численная оценка точности интерполяции несложных элементарных функций // Программные системы: теория и приложения. 2018. № 4. С. 69—92. <https://doi.org/10.25209/2079-3316-2018-9-4-69-92>.

Znamenskij S. V. (2018) Numerical Evaluation of the Interpolation Accuracy of Simple Elementary Functions. *Program Systems: Theory and Applications*. No. 4. P. 69—92. <https://doi.org/10.25209/2079-3316-2018-9-4-69-92>. (In Russ.)

Капитанова О. В. Прогнозирование социально-экономических процессов. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2016.

Kapitanova O. V. (2016) *Forecasting Socio-economic Processes: Study Guide*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University. (In Russ.)

Клисторин В. И. О точности и надежности прогнозов // ЭКО. 2011. № 12. С. 40—47.
Klistorin V. I. (2011) About the Accuracy and Reliability of Forecasts. *ECO Journal*. No. 12. P. 40—47. (In Russ.)

Курилин Б. Л., Киселевская-Бабиница В. Я., Карасёв Н. А., Киселевская-Бабиница И. В., Кислухина Е. В., Васильев В. А. Выбор метода прогнозирования основных статистических показателей работы ГБУЗ «НИИ СП им. Н. В. Склифосовского Департамента здравоохранения города Москвы» // Журнал им. Н. В. Склифосовского «Неотложная медицинская помощь». 2019. Т. 8. № 3. С. 246—256. <https://doi.org/10.23934/2223-9022-2019-8-3-246-256>.

Kurilin B. L., Kiselevska-Babinina V. G., Karasv N. A., Kiselevska-Babinina I. V., Kislukhina E. V., Vasilyev V. A. (2019) Selection of Prediction Method of Basic Statistical Work Parameters of N. V. Sklifosovsky Research Institute for Emergency Medicine of the Moscow Healthcare Department. *Russian Sklifosovsky Journal "Emergency Medical Care"*. Vol. 8. No. 3. P. 246—256. <https://doi.org/10.23934/2223-9022-2019-8-3-246-256>. (In Russ.)

Тамбиева Д. А., Попова Е. В., Салпагарова Ш. Х. К проблеме недостаточности информации. Малые выборки или «очень короткие» временные ряды // Политический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 107. С. 126—141.

Tambieva D. A., Popova E. V., Salpagarova Sh. H. (2015) To the Problem of Lack of Information. Small Samples or “Very Short” Time Series. *Polythematic Online Scientific Journal of Kuban State Agrarian University*. No. 107. P. 126—141. (In Russ.)

Фабрикант М. С. Модель-ориентированный подход к отсутствующим значениям: множественная импутация в многоуровневой регрессии посредством R (на примере анализа опросных данных) // Социология: 4М. 2015. № 41. С. 7—29.

Fabrykant M. S. (2015) Model-Oriented Approach to Missing Values: Multiple Imputation in Multilevel Regression Using R (On the Example of Analyzing Survey Data). *Sociology: 4M*. No. 41. P. 7—29. (In Russ.)

Чучуева И. А. Модель прогнозирования временных рядов по выборке максимального подобия // Информационные технологии. 2010. № 12. С. 43—47.

Chuchueva I. A. (2010) Model for Forecasting Time Series on a Sample of Maximum Similarity. *Information Technology*. No. 12. P. 43—47. (In Russ.)

Box G. E. P., Jenkins G. M., Reinsel G. C., Ljung G. M. (2015) *Time Series Analysis: Forecasting and Control*. 5th Edition Hoboken, NJ: John Wiley & Sons.

Enders C. (2010) *Applied Missing Data Analysis*. New York, NY: The Guilford Press.

Everitt B. S., Landau S., Leese M. (2001) Miscellaneous Clustering Methods. In: *Cluster Analysis*. New York, NY: Taylor & Francis. P. 141—176.

Zhuchkova S., Rotmistrov A. (2022) How to Choose an Approach to Handling Missing Categorical Data: (Un)expected Findings from a Simulated Statistical Experiment. *Quality and Quantity*. Vol. 56. P. 1—22. <https://doi.org/10.1007/s11135-021-01114-w>.

DOI: [10.14515/monitoring.2022.2.1997](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1997)

Н. Ю. Озорнина, К. А. Любичкая, А. А. Бочавер

К ПРОБЛЕМАМ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА В ИССЛЕДОВАНИЯХ РОДИТЕЛЬСТВА В ОБРАЗОВАНИИ

Правильная ссылка на статью:

Озорнина Н. Ю., Любичкая К. А., Бочавер А. А. К проблемам понятийного аппарата в исследованиях родительства в образовании // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 42–65. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1997>.

For citation:

Ozornina N. Yu., Lyubitskaya K. A., Bochaver A. A. (2022) On the Problems of the Conceptual Apparatus in Research on Parenting in Education. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 42–65. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1997>. (In Russ.)

К ПРОБЛЕМАМ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА В ИССЛЕДОВАНИЯХ РОДИТЕЛЬСТВА В ОБРАЗОВАНИИ

ON THE PROBLEMS OF THE CONCEPTUAL APPARATUS IN RESEARCH ON PARENTING IN EDUCATION

ОЗОРНИНА Надежда Юрьевна — стажер-исследователь Центра исследований современного детства, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: nozornina@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-8637-9394>

*Nadezhda Yu. OZORNINA*¹ — Research Assistant at the Centre for Modern Childhood Studies, Institute of Education
E-MAIL: nozornina@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-8637-9394>

ЛЮБИЦКАЯ Кристина Александровна — кандидат наук об образовании, научный сотрудник Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: kerstina@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6600-8879>

*Kristina A. LYUBITSKAYA*¹ — Cand. Sci. (Education), Research Fellow at the Institute of Education
E-MAIL: kerstina@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6600-8879>

БОЧАВЕР Александра Алексеевна — кандидат психологических наук, научный сотрудник Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: a-bochaver@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6131-5602>

*Aleksandra A. BOCHAVER*¹ — Cand. Sci. (Psych.), Research Fellow at the Institute of Education
E-MAIL: a-bochaver@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6131-5602>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Аннотация. Статья посвящена анализу ряда ключевых конструкторов, описывающих различные аспекты родительской активности, которые используются в междисциплинарных исследованиях детского образования. Цель статьи — реконструкция развития понятийного аппарата, прояснение значений и сфер применения ключевых конструкторов, описывающих родительство, и освещение последних тенденций в исследованиях родительства в образовании. Для выявления ключевых конструкторов проведен биб-

Abstract. The article is devoted to analyzing some key constructs describing various aspects of parenting activity that are used in interdisciplinary research on child education. The purpose of the article is to reconstruct the development of the conceptual apparatus, clarify the meanings and areas of application of key constructs describing parenting, and highlight the latest trends in research on parenting in education. The authors did a bibliometric analysis of the Web of Science and Scopus databases to identify these key constructs and selected

лиометрический анализ баз Web of Science и Scopus и отобраны 12 114 статей. Выделены три кластера ключевых понятий, в первый из которых вошли конструкты, характеризующие особенности взаимодействия родителя и ребенка (в первую очередь, стили воспитания) в контексте образования. Во втором кластере родительская активность оценивается «из перспективы школы», важнейшим понятием является родительская вовлеченность. Третий кластер включает понятия из наиболее новых публикаций, в которых обсуждаются полюса благополучия и стресса детей и родителей в контексте образования. Для дальнейшего анализа отобраны четырнадцать конструктов, наиболее часто используемых в англоязычной научной литературе (parenting styles, parent-child relationship, parental attachment, parental support, parenthood, parental practices, parental involvement, parental engagement, parental beliefs, parental education, parent training, parental stress, parent-child interaction, parental participation). Обсуждается путь, пройденный исследователями от первой половины XX века до начала 2021 г., рассматриваются доминирующие представления о вкладе родителей в развитие детей на разных этапах развития науки и перспективы исследований родительства в ближайшем будущем.

Ключевые слова: родительство, образование, родительская вовлеченность, стили воспитания, библиометрия

Благодарность. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

12 114 articles. As a result, three clusters of key concepts have been identified. The first includes constructs that characterize features of the interaction between the parent and the child (primarily parental styles) in the context of education. In the second cluster, parental activity is assessed “from the school’s perspective”; parental involvement is the essential concept. The third cluster includes concepts from the most recent publications that discuss the poles of well-being and stress for children and parents in the context of education. For further analysis, we selected fourteen constructs most often used in the English-language scientific literature: parenting styles, parent-child relationship, parental attachment, parental support, parenthood, parental practices, parental involvement, parental engagement, parental beliefs, parental education, parent training, parental stress, parent-child interaction, parental participation. The article reviews the path taken by researchers from the first half of the 20th century to 2021 and analyses dominant ideas about parents’ contribution to the development of children at different stages of the evolution of science and the prospects for research on parenting in the near future.

Keywords: parenthood, education, parental participation, parenting styles, bibliometrics

Acknowledgments. Support from the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics is gratefully acknowledged.

Введение

Родительство является предметом междисциплинарных исследований в социальных науках и представляет собой сложный культурный феномен, включающий в себя практики и смыслы, связанные с детством, воспитанием, взрослением и др. [Чернова, Шпаковская, 2013]. Начиная с 1930-х годов интерес к изучению родительства и в России, и за рубежом неуклонно растет [Любичкая, 2020]. Многочисленные работы показывают значимость семьи, детско-родительских отношений и родительского поведения для развития, образования, трудоустройства, здоровья ребенка [OECD, 2011; Chan, Lake, Hansen, 2017; OECD, 2015; Carlson, Corcoran, 2001; Burns, Gottschalk, 2019]. Расширение спектра теоретических подходов, новые понятия, систематически вводящиеся для решения актуальных задач, а также трудности перевода [Поливанова, 2015; Любичкая, 2019] вносят вклад в то, что родительство становится все более комплексным концептом, включающим множество сопряженных и пересекающихся конструктов, порождающих затруднения при выборе тезауруса при планировании исследований. Данная статья посвящена изучению смены парадигм, происходившей в исследованиях родительства в образовании начиная с середины XX века по 2020 г. включительно, анализу самых часто используемых конструктов и обсуждению перспектив исследований в этой сфере в ближайшем будущем. Цель статьи — охарактеризовать современное поле исследовательских вопросов в области родительства в образовании, обрисовав преемственность науки в этой области и показав основания, лежащие за теми научными проблемами, что составляют ядро современных трендов в исследованиях образования.

Методы

Для определения ключевых конструктов и характера связей между ними был использован библиометрический анализ и построены карты ключевых слов. Использовался сервис VosViewer, позволяющий строить сети с опорой на библиометрические данные, а также отслеживать изменения частоты обращения к элементам сети с течением времени [van Eck, Waltman, 2010]. Анализ включал три этапа:

1. *Выбор баз библиометрических данных.* Поиск статей осуществлялся в базах научных периодических изданий Scopus и Web of Science как двух наиболее полных и авторитетных источниках. Scopus предлагает более обширный список современных источников, а Web of Science отличается большей глубиной и высоким качеством публикаций [Aghaei Chadegani et al., 2013], поэтому их объединение позволило получить наиболее точные и полные данные для анализа.

2. *Составление поисковых запросов.* В выборку вошли статьи, в заголовках и ключевых словах которых были указаны понятия, связанные с родительством (начинающиеся на parent/mother/father), а в ключевых словах — концепты, начинающиеся со слова «parent». Такие требования были выставлены для того, чтобы отобрать статьи, в которых родительство является одной из основных тем, а не затрагивается опосредованно. В связи с тем, что выборка статей формировалась в январе 2021 г., было принято решение включить в выборку все статьи, опубликованные до 2020 г. включительно. Нижний порог включения статей в вы-

борку отсутствовал, что объясняется необходимостью изучения истории появления и развития концептов во времени.

Выборка статей была ограничена образовательной тематикой, в связи с чем в Web of Science были выбраны узкие категории, связанные с образованием. В Scopus отсутствовала возможность выбора таких категорий, поэтому были выставлены дополнительные фильтры: наличие связанных с образованием понятий в названии, аннотации или ключевых словах статьи. Таким образом, были сформулированы два поисковых запроса (см. табл. 1).

Таблица 1. Поисковые запросы

Источник	Запрос
Scopus	TITLE (parent* OR mother* OR father*) AND AUTHKEY (parent*) AND PUBYEAR < 2021 AND TITLE-ABS-KEY (educat* OR learn* OR teach* OR school* OR pedagog*) AND (LIMIT-TO (DOCTYPE, «ar»)) AND (LIMIT-TO (SUBJAREA, «SOCI»)) OR LIMIT-TO (SUBJAREA, «PSYC»))
Web of Science	(TI=(parent* OR mother* OR father*) AND AK=(parent*)) AND DOCUMENT TYPES: (Article) Refined by: WEB OF SCIENCE CATEGORIES: (EDUCATION EDUCATIONAL RESEARCH OR PSYCHOLOGY EDUCATIONAL OR EDUCATION SPECIAL) AND [excluding] PUBLICATION YEARS: (2021)

3. Сбор и анализ данных. В выборку вошли данные по 10 891 статье из Scopus и 3 886 статьям из Web of Science, 2 663 из которых индексировались в обеих базах данных и были объединены в единую базу данных при помощи пакета «scopus of science»¹. В общую базу данных вошла информация по 12 114 статьям, а в качестве инструмента визуализации использовался сервис VOSviewer. На материалах библиографических данных была построена сеть ключевых слов, наиболее часто использующихся в статьях на тему родительства (топ-300). Размер узла в сети обозначает частоту упоминания концепта в ключевых словах статей, а в качестве связей выступают упоминания слов в одних и тех же статьях. Для визуализации графа был выбран алгоритм LinLog [Noack, 2007], который позволяет сгруппировать наиболее часто встречающиеся вместе ключевые слова и визуально отделить их от других связанных между собой групп узлов. Это помогает устранить проблему, связанную с тем, что многие другие алгоритмы имеют тенденцию размещать узлы с большим количеством связей в центре графа, что делает разделение на группы менее четким.

Результаты

Описательные статистики

Опираясь на данные о годах публикаций, можно сделать вывод о том, что в обеих базах данных наибольшее число статей пришлось на период с 2016 по 2020 гг., что может быть связано с ростом числа научных журналов, индексируе-

¹ scopus-of-science 0.0.4 // Python Software Foundation. 2021. July 9. URL: <https://pypi.org/project/scopus-of-science/> (дата обращения: 18.04.2022).

мых в международных базах данных. При этом нельзя сказать, что интерес к теме родительства до этого периода отсутствовал: в выборку также вошли 159 статей, опубликованных в Scopus до 1991 г., а при дальнейшем анализе конструкторов принимались во внимание книги и другие фундаментальные работы в области исследований родительства, не индексируемые в научных журналах (см. табл. 2).

Таблица 2. Динамика количества публикаций с 1991 года

Период	Количество публикаций в Web of Science	Количество публикаций в Scopus
1991—1995	25	130
1996—2000	58	285
2001—2005	142	572
2006—2010	690	1697
2011—2015	1189	3081
2016—2020	1782	4967

Рассмотрим данные об источниках с наибольшим количеством публикаций на тему родительства в каждой базе данных научного цитирования (см. табл. 3). Согласно данным Journal Citation Reports², самыми популярными крупными категориями, которым посвящены эти журналы, являются психология (14 источников) и образование (9 источников). Среди подразделов психологии наибольшее внимание привлекает психология развития (9 источников), а в категории образования особое внимание уделяется обучению детей с особенностями здоровья и развития (5 источников). Среди прочих категорий существует высокий интерес к теме расширения возможностей для взаимодействия с окружающей средой среди людей с особенностями здоровья (5 источников) (см. табл. 4).

Таблица 3. Журналы с наибольшим количеством статей на тему родительства

Web of Science			Scopus		
N	Название журнала	Количество публикаций	N	Название журнала	Количество публикаций
1	Early Child Development and Care	235	1	Journal of Child and Family Studies	330
2	Research in Developmental Disabilities	123	2	Early Child Development and Care	220
3	Early Childhood Research Quarterly	94	3	Children and Youth Services Review	193
4	Research in Autism Spectrum Disorders	91	4	Child: Care Health and Development	171
5	Journal of Intellectual Disability Research	83	5	Journal of Autism and Developmental Disorders	128

² Journal Citation Reports // Clarivate. URL: <https://jcr.clarivate.com> (дата обращения: 18.04.2022).

Web of Science			Scopus		
N	Название журнала	Количество публикаций	N	Название журнала	Количество публикаций
6	Journal of Applied Research in Intellectual Disabilities	76	6	Frontiers in Psychology	110
7	Psychologie in Erziehung und Unterricht	64	7	Journal of Adolescence	108
8	Early Childhood Education Journal	59	8	Journal of Family Psychology	106
9	Journal of Developmental and Physical Disabilities	58	9	Child Abuse and Neglect	103
10	European Early Childhood Education Research Journal	47	10	Journal of Youth and Adolescence	95

Таблица 4. Профили журналов с наибольшим количеством статей на тему родительства

Категория	Количество журналов (из 19 источников)
Психология	14
Психология развития	9
Психология образования	2
Клиническая психология	1
Социальная психология	1
Образование	9
Специальное образование	5
Образование и исследования образования	4
Другое	
Реабилитация и восстановление	5
Исследование семьи (family studies)	3
Социальная работа	2
Педиатрия	1
Психиатрия	1

Наибольшее количество статей на тему родительства было опубликовано в англоязычных странах и в Китае (см. табл. 5). По количеству публикаций Россия находится на 26 месте, что может быть связано с одним из ограничений нашего исследования — включением в выборку только статей на английском языке.

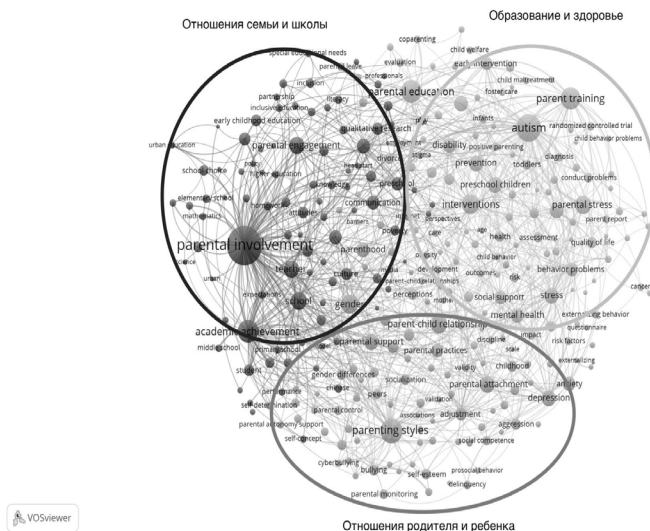
Таблица 5. **Распределение публикаций по странам**

Позиция	Страна	Количество статей
1	США	4766
2	Великобритания	1026
3	Австралия	724
4	Канада	567
5	Китай	546
6	Германия	377
7	Нидерланды	360
8	Испания	322
9	Турция	242
10	Израиль	193
...	...	...
26	Россия	79

Кластеры конструктов

Основываясь на списке топ-300 слов по частоте встречаемости, программой были выделены три большие области, где используются обсуждаемые конструкты (см. рис. 1). При построении графа был выбран уровень детализации 80 %, который на выходе давал три кластера конструктов, поскольку при большем уровне детализации к разным кластерам были отнесены синонимичные понятия, которые принадлежали к одной теме (например, autism и spectrum disorders), что снижало интерпретируемость кластеров.

Рис. 1. Кластеризация ключевых слов в исследованиях, посвященных родительству в контексте образования

Анализ встречаемости конструкторов

На основании частоты встречаемости конструкторов была составлена таблица распределения концептов по кластерам (см. табл. 6). Для составления таблицы список слов был сужен до топ-100 по частоте упоминаемости и включены слова, которые содержали упоминание родительства (parent/parental/parenting).

Таблица 6. **Вошедшие в кластеры конструкторы, которые упоминаются наиболее часто и были отобраны для дальнейшего анализа**

Кластер 1. Отношения родителя и ребенка		Кластер 2. Отношения семьи и школы		Кластер 3. Образование и здоровье	
Понятие	N	Понятие	N	Понятие	N
Parenting styles	368	Parental involvement	944	Parental education	318
Parent-child relationship	238	Parental engagement	186	Parent training	309
Parental attachment	174	Parental beliefs	121	Parental stress	210
Parental support	161	Parental participation	110	Parent-child interaction	148
Parenthood	135				
Parental practices	113				

Данные о частоте встречаемости ключевых слов с 1991 по 2020 гг. (см. рис. 2, 3) показывают, что на протяжении всего периода самым употребляемым конструктором является «parental involvement». Статьи до 1991 г. не вошли в график, поскольку в них отсутствовали индексированные ключевые слова. Процент упоминаемости понятий, включенных в кластер 2, со временем растет, а доля понятий, относящихся к кластеру 1, соответственно, падает. Кроме того, значительную динамику роста показывает понятие «parental engagement» — его упоминаемость в 2016—2020 гг. вырастает более чем в два раза по сравнению с периодом 2011—2016 гг. по обеим базам.

Рис. 2. Встречаемость ключевых слов в базе Scopus

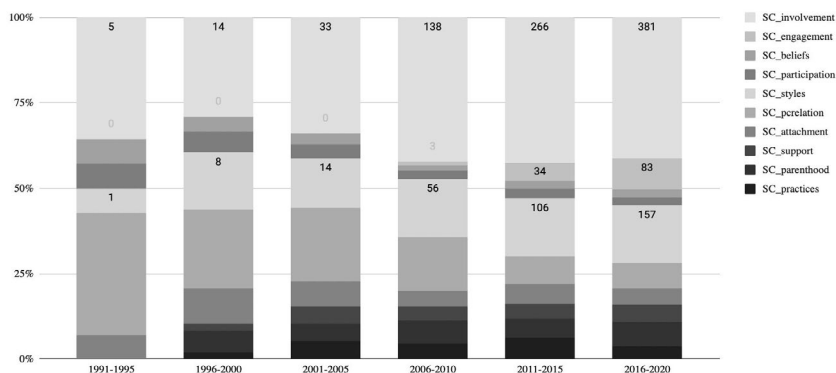
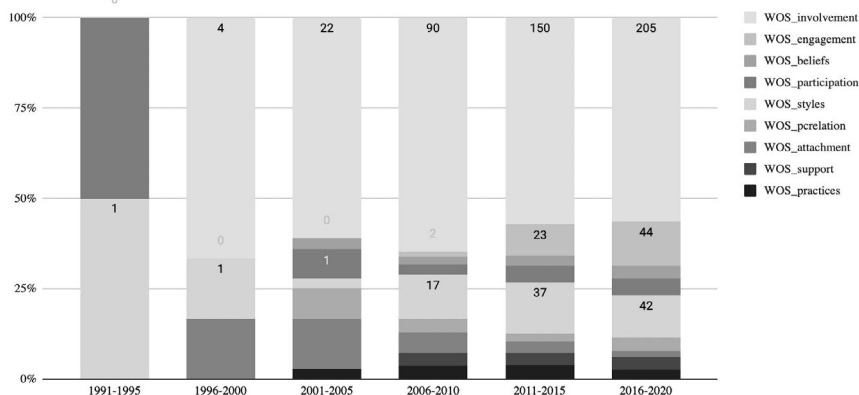

Рис. 3. Встречаемость ключевых слов в базе Web of Science

Обсуждение результатов

Библиометрический анализ позволил выявить три кластера понятий, используемых в международных научных публикациях для описания родительства в контексте образования (см. табл. 6). Они включают в себя предпосылки и разворачивание исследовательского интереса к вкладу родителей в развитие детей; изучение конкретных практик и связей и смещение исследовательского интереса с родительского воздействия на детей в сторону родительской активности в отношении школы и учебы; разворот интереса от академических достижений в сторону субъективного благополучия детей и родителей. Для проведения теоретического анализа выбраны 14 конструкторов, которые наиболее часто упоминаются в отобранных статьях (см. табл. 6).

Кластер 1. Отношения родителя и ребенка

Интерес к родительскому поведению ближе к середине XX века стал естественным продолжением развития двух доминирующих теорий — психоаналитической (предполагавшей, что развитие в основном детерминировано биологическими факторами, а индивидуальные различия в детском развитии обусловлены взаимодействием между потребностями ребенка и семейным окружением) и бихевиориальной (утверждавшей, что детское развитие обусловлено родительским подкреплением). Два основных вопроса, которые были тогда поставлены, звучат следующим образом: каковы типовые модели воспитания детей? Каковы последствия различных моделей воспитания для детского развития? [Darling, Steinberg, 1993]. В Советском Союзе Антон Семенович Макаренко в 1930-х гг. предложил модель участия родителей в воспитании детей, включающую осознание родителями ответственности, включение ребенка в экономическую жизнь семьи, связь семьи со школьным коллективом и другие компоненты [Макаренко, 1940], и многие его идеи по-прежнему остаются актуальными, несмотря на исторические изменения.

В кластер 1 вошли понятия, сфокусированные на детско-родительских отношениях и детском развитии и, в целом, избегающие обсуждения школы.

Родительство как таковое представляет собой сложный культурный феномен, включающий набор практик и смыслов, связанных с детством, воспитанием, родительскими обязанностями, взглядами на типы отношений в семье; оно является важным элементом идентичности, структурирующим повседневную жизнь и жизненную траекторию человека. В западной литературе сегодня разделяют родительство как совокупность функций, связанных с воспитанием (parenting), и родительство (материнство, отцовство) как особый социальный статус (**parenthood**, motherhood, fatherhood), связанный с рождением ребенка и предполагающий сопутствующие права и обязанности [Поливанова, 2015].

Сочетание родительских установок по отношению к ребенку, создающее эмоциональный климат, в котором выражается родительское поведение, концептуализируется понятием **стиль воспитания (parenting style)**, которое включает в себя как специфические целенаправленные формы поведения, с помощью которых решаются родительские задачи, так и нецеленаправленное родительское поведение — спонтанные выражения эмоций, интонации и т. п. Как подчеркивают Нэнси Дарлинг и Лоренс Стейнберг, пользу от стиля воспитания как эвристического решения демонстрирует его универсальность. Исследователи, принадлежавшие к разным теоретическим подходам, использовали очень схожие показатели — например, принятие / отвержение и эмоциональное тепло / враждебность и отстраненность / вовлеченность и любовь / враждебность и автономия / контроль, тепло и вседозволенность / строгость и тепло / враждебность и ограничения / вседозволенность [Darling, Steinberg, 1993]. Даяна Баумринд предложила теоретическую модель, интегрирующую эмоциональные и поведенческие процессы [Baumrind, 1966] и оказавшую огромное влияние на дальнейшие исследования родительства. Опираясь на одну обширную родительскую функцию — контроль, — она описала три типа родительского контроля и использовала конфигурационный подход для определения стиля воспитания, утверждая, что влияние каждого аспекта воспитания зависит от конфигурации остальных аспектов. *Авторитетный стиль* сочетает требовательность к ребенку с заботой, теплотой и поощрением самостоятельности; *авторитарный стиль* подразумевает отстраненность и недоверчивость по отношению к ребенку, которая сопровождается желанием контролировать поведение ребенка и требовательностью по отношению к нему; *дозволяющий стиль* характеризуется отсутствием жестких требований, снисходительностью и высокой степенью отзывчивости по отношению к чувствам и желаниям ребенка. Элеонор Маккоби и Джон Мартин позже предложили использовать два параметра — требовательность и отзывчивость — и описали четыре родительских стиля: *авторитетный* (высокие отзывчивость и требовательность), *авторитарный* (низкая отзывчивость, высокая требовательность), *дозволяющий* (высокая отзывчивость, низкая требовательность) и *пренебрегающий* (neglecting) (низкие отзывчивость и требовательность) [Maccoby, Martin, 1983].

Неоднократно было показано, что *авторитетное родительство* (ясные коммуникации, эмоциональная поддержка, поддержка автономии) положительно влияет на успеваемость, самостоятельность, самооценку ребенка [Smetana, 1995] — однако в основном это верно для белых американских семей среднего класса. Для детей из афроамериканских и азиатских семей, напротив, авторитетный роди-

тельский стиль меньше других связан с академическими достижениями, а авторитарное родительство связано с ассертивным поведением у афроамериканских девочек [Darling, Steinberg, 1993]. Подобные данные порождают вопросы о целях и методах воспитания в семьях с разным этническим и культурным бэкграундом. Цели социализации преимущественно операционализируются через изучение родительских ожиданий и убеждений. Оценка родительских стилей стала более дифференцированной, но все чаще исследователи выделяют для изучения отдельные показатели отношений, уходя от конфигурационного подхода.

Детско-родительские отношения (parent — child relationship) — это комплексная категория, характеризующая родительский контроль, знание родителей о детях (parental knowledge), уровень доверия, субъективную удовлетворенность этими отношениями детей и родителей и др. Качество детско-родительских отношений критически важно для развития ребенка в раннем возрасте, имеет последствия для здоровья и благополучия на протяжении всей жизни [Foran et al., 2020], а также является важнейшим фактором благополучной социализации ребенка. В многочисленных исследованиях обсуждаются связи между качеством отношений и делинквентным и асоциальным поведением детей/подростков [Walters, 2019].

Одним из наиболее влиятельных подходов для описания детско-родительских отношений является теория Джона Боулби, в основе которой лежит **родительская привязанность (parental attachment)**, детско-родительская привязанность: согласно Дж. Боулби, система привязанности биологически обусловлена, отвечает за развитие эмоциональной связи между матерью и ребенком и необходима ребенку для безопасности и выживания [Bowlby, 1969]. В работах Мэри Эйнсворт были описаны три типа привязанности — *надежная безопасная привязанность*, *ненадежная тревожно-избегающая* и *ненадежная тревожно-сопротивляющаяся привязанность* [Ainsworth, Bowlby, 1991], к которым впоследствии был добавлен тип *дезорганизованной/дезориентированной привязанности*. Многочисленные публикации в рамках этой теории освещают вклад типа привязанности в социализацию человека в дальнейшем, их результаты носят противоречивый характер [Авдеева, 2017].

Родительские практики (parental practices) определяются как наблюдаемые действия родителя, используемые им для социализации ребенка. Единая классификация практик отсутствует, и преимущественно они обсуждаются в контексте конкретных сфер родительства. Например, в сфере контроля обсуждают *родительское знание (parental knowledge)* — информированность родителей о том, где, чем и с кем заняты дети, *родительский надзор/мониторинг (parental monitoring)*, включающий активный надзор и негласное наблюдение за детской активностью, планами, дружескими связями и т. п. [Walters, 2019], а также *родительский контроль (parental control)* — совокупность практик, реализуемых для того, чтобы деятельность ребенка соответствовала определенным требованиям [Grolnick, Pomerantz, 2009]. Нередко различают *поведенческий контроль* (регламентация детского поведения через правила) и *психологический контроль* (воздействие на чувства и мысли ребенка, например, внушение чувства вины как способ модификации поведения) [Soenens, Vansteenkiste, 2010; Ланина, Бочавер, Антипкина, 2021]. *Родительская поддержка автономии (parental autonomy support)* [Soenens,

Vansteenkiste, 2010] выражается в поощрении инициативы ребенка, предоставлении возможности самостоятельно принимать решения и делать выбор, в объяснении причин ограничений, в сочувствии и признании чувств ребенка, когда дети вынуждены действовать не так, как они хотят [Soenens et al., 2007; Mageau, 2015]. Конструкт **родительская поддержка (parental support)** характеризует поведение, показывающее ребенку, что его принимают и любят (например, похвала, поощрение, объятие), а также выражающее привязанность, принятие, семейную сплоченность и любовь. Родительская поддержка связана с благополучной социальной адаптацией, успеваемостью, низким уровнем внутренних и поведенческих проблем у подростков [Hutchinson et al., 2020; Jacob, Leonard, 1994].

Кластер 2. Отношения семьи и школы

Постепенно стал возрастать интерес к типологизации родительского поведения в отношении детей рос, в том числе благодаря «докладу Коулмана» (1966), который показал, что социально-экономический статус, уровень образования родителей и их отношение к школе сильнее связаны с академической успешностью детей, нежели характеристики школы [Антипкина, 2017]. В США, а затем и в других странах происходила борьба за повышение успеваемости, родители учащихся стали рассматриваться как «перспективные союзники» педагогов, способные делать учебный процесс более эффективным или затруднять его. Начали развиваться исследования по типологизации и повышению вовлеченности родителей в школьную жизнь, добровольной, но иногда и принудительной [Антипкина, Любичкая, Нисская, 2018].

Родительское участие (parental participation) — понятие, отождествляемое с родительской вовлеченностью или включающее ее, подразумевает участие родителей в образовании и воспитании. Наиболее известна модель Жаклин Эклс и ее коллег, включающая пять измерений: *мониторинг/контроль процесса обучения; волонтерство; участие в школьных мероприятиях; общение с представителями школы о прогрессе ребенка; общение со школой об оказании дополнительной помощи ребенку* [Eccles, Harold, 1996].

К концу XX века ключевым конструктом в области исследований родительства в образовании стала **родительская вовлеченность (parental involvement)**, отражающая весь комплекс отношений семьи с процессом, средой, субъектами образования и академического развития детей, а также их убеждения об образовательных возможностях, образовательные практики и мотивационные установки [Антипкина, 2017; Hoover-Dempsey, Sandler, 1995]. Джойс Эпштейн, одна из наиболее влиятельных авторов в этой области, предложила типологию родительской вовлеченности, включающую *воспитание детей, коммуникацию «школа — семья», волонтерство в классе, на школьных мероприятиях, обучение дома, принятие решений о школьных процессах, а также сотрудничество и поддержка местного сообщества* [Epstein, 1992]. Гарри Хорнби описал шесть наиболее распространенных в международной практике моделей вовлеченности родителей (*защитная, экспертная, трансмиссионная, обогащающая образовательную программу, потребительская, партнерская* — наиболее перспективная, по мнению автора) в зависимости от занимаемой родителем роли по отношению к школе и педагогам [Hornby, 2011].

Взаимодействие родителей и учителей, а также согласованность их убеждений во многом определяют детское отношение к учебному процессу и учителям. Позитивные отношения свидетельствуют о доверии родителей школе, облегчают ребенку адаптацию к школе, способствуют его уверенности и успешности, доверию и уважению по отношению к учителям [Powell et al., 2010]³.

Несмотря на интуитивно понятную идею, многомерность показателей — как вовлеченности, так и академических достижений — привела к затруднениям в операционализации и закономерной несогласованности в литературе данных о влиянии вовлеченности родителей на учебу их детей. Наиболее надежна связь между академическими достижениями и родительскими ожиданиями; другие связи слабы либо неоднозначны [Fan, Chen, 2001].

В последние годы взаимодействие семьи и школы переходит к этапу, когда родители становятся полноправными участниками образовательных отношений [Мерцалова, Гошин, 2016; Любичкая, Шакарова, 2018; Prakhov, Kotomina, Sazhina, 2020]. Новое взаимодействие родителей и школы обозначается конструктом **parental engagement**, что переводится на русский язык как **родительская вовлеченность** и означает формы поведения родителей, поддерживающие академические достижения и благополучие детей в условиях партнерских отношений между семьями, школами и сообществами. Чаще всего оно используется для обсуждения образовательных политик и помимо активности предполагает осведомленность и заинтересованность родителей. Так, на сайте департамента образования, навыков и трудоустройства Правительства Австралии обозначено, что **parental involvement** обычно подразумевает фокус на активностях на территории школы (участие в мероприятиях, волонтерство), а **parental engagement** — на детской учебе дома, в школе и в сообществе с учетом культурных различий⁴. Дженет Гудолл и Кэролайн Монтгомери предлагают рассматривать континуум, на одном полюсе которого находится более формализованная на уровне поведения вовлеченность (involvement), а на другом — эмоциональная и осознанная родительская причастность (engagement) [Goodall, Montgomery, 2014].

Аннетт Ларо и ее последователи показали, что на качество и степень вовлеченности родителей в образование детей влияет ряд характеристик семьи, например, родители со сравнительно низким уровнем образования менее вовлечены в образование своих детей дома и в школе [Dauber, Epstein, 1993], родители со сравнительно высокими доходами с большей вероятностью создают и поддерживают личные отношения с учителем для обмена информацией о проблемах или успехах школьников [Weininger, Lareau, 2003; Cucchiara, Horvat, 2009], а родители со сравнительно низкими доходами, как правило, фокусируют свои усилия на помощи детям дома, поскольку считают, что школа отвечает за обучение детей, а сами они — за оказание эмоциональной поддержки ребенку и его подготовку

³ Winthrop R., Ershadi M. Know Your Parents: A Global Study of Family Beliefs, Motivations, and Sources of Information on Schooling // The Brookings Institution. 2021. March 13. URL: <https://www.brookings.edu/essay/know-your-parents/> (дата обращения: 18.04.2022).

⁴ Parent Engagement in Learning // Australian Government: Department of Education, Skills and Employment. URL: <https://www.dese.gov.au/supporting-family-school-community-partnerships-learning/family-school-partnerships/parent-engagement-learning> (дата обращения: 18.04.2022).

к будущей взрослой жизни [Lareau, 1987; Auerbach, 2007; Ingram, Wolfe, Lieberman, 2007; Ji, Koblinsky, 2009].

Родительские убеждения (parental beliefs) и ожидания — это культурно-специфические ценности и представления о том, какие качества и навыки должно развивать воспитание, цели социализации ребенка, которые формируют поведение родителей (например, способствуя развитию у ребенка уважения к старшим или самореализации) и опосредованно влияют на развитие детей [Карабанова, 2017; Cheung, Pomerantz, 2015]. Родительские убеждения рассматриваются и как значимый компонент родительской вовлеченности, и как отдельный фактор, способный влиять на учебную мотивацию и успеваемость детей, их самооценку, в том числе в области учебных достижений, а также благополучие [Eccles, Wigfield, Schiefele, 1998; Aunola et al., 2003].

Кластер 3. Образование и здоровье

В этот кластер вошли конструкты, не так давно ставшие предметом рассмотрения родительства в контексте образования, он неоднороден и характеризует еще продолжающиеся и не полностью упорядоченные в рефлексии ученых и мета-анализах работы. Развитие исследований в 2000-х годах во многом обусловлено критикой предыдущих работ по изучению родительских стилей и родительской вовлеченности, состоящей в их нерелевантности повседневным практикам жизни семей, не принадлежащим к привилегированным группам, и в том, что они могут служить инструментами сохранения социального неравенства. Кроме того, социальное движение в направлении толерантности, инклюзии, принятия различий — в том числе связанных с ограничениями по статусу здоровья — усилило процесс смены и дополнения ценности академической успешности ценностью благополучия в образовании [Поливанова, 2020].

Появляются многочисленные проекты, направленные на обучение, поддержку, повышение родительской компетентности и профилактику рисков в семье. **Обучение родителей (parental education)** включает в себя предоставление информации (программы, информационные бюллетени и т. п.), а также активное вовлечение в обучение для расширения репертуара навыков и практик, используемых в воспитании [Kaminski et al., 2008]. С конца 1960-х годов, благодаря развитию теории социального научения и системной семейной психотерапии, вмешательства, изменяющие поведение родителей, стали использоваться для решения проблем детского девиантного поведения. С тех пор в сферу обучения родителей вошли темы родительской самоэффективности, саморегуляции и самоподдержки, профилактики выгорания, коммуникативных навыков, детского развития. Сегодня обучение может проходить на разных площадках — на базе клиники, в местном сообществе, в школе, индивидуально или в групповом формате, и обращаться к разным аудиториям — например, семьям детей с поведенческими проблемами или определенными заболеваниями, несовершеннолетним родителям, ожидающим первого ребенка парам, семьям, планирующим усыновление ребенка, семьям с риском жестокого обращения с детьми и др. [Barth et al., 2005; Cicchetti, Rogosch, Toth, 2000; Reifsnider, 1998; Поливанова и др., 2015]. Значимость **детско-родительского взаимодействия (parent-child interaction)** выходит на первый план, поскольку именно в нем проявляется привязанность,

осуществляется социальная и эмоциональная поддержка, осмысливается жизненный опыт. Общение между родителями и детьми укрепляет их связь и оказывает влияние на социализацию детей — на их ценности и способы построения взаимоотношений, на гендерное поведение, трудоустройство и карьеру, поведение в отношении здоровья и др.⁵.

Сопряженным понятием является **родительский стресс (parental stress)** — особый тип стресса, возникающий, когда воспринимаемые родителями требования к воспитанию превышают ресурсы родителя. Высокий уровень родительского стресса может негативно сказаться на качестве ухода за младенцем и на формировании привязанности, он влияет на чувство безопасности ребенка, особенно когда родитель с трудом регулирует собственные эмоции и поддерживает привычный распорядок дня. Длительный родительский стресс усиливает хаотичность семейной среды, ухудшая отношения и способствуя появлению у детей поведенческих проблем, бессилия, тревоги и низкой самооценки [Fiese, Winter, 2010; Berry, Jones, 1995]. Возникновение родительского стресса связано с характеристиками ребенка и используемыми родительскими практиками [Coulacoglou, Saklofske, 2017], на него влияют культура и конкретные обстоятельства; его усиливают трудные жизненные ситуации — бедность, воспитание детей в одиночку, болезни и нарушения развития детей. Эти факторы могут иметь кумулятивный негативный эффект — дети, выросшие в бедных семьях с одним родителем, оказываются в условиях неравенства по когнитивным и эмоциональным характеристикам по сравнению со сверстниками, живущими в благополучных семьях среднего класса, и испытывают больше сложностей с социальной адаптацией [Louie, Cromer, Berry, 2017; Steele et al., 2016].

В данном кластере также оказались ярко представлены конструкты, не входящие в фокус внимания данной статьи, но отражающие современные тенденции в исследованиях в контексте образования (см. рис. 1) — например, аутизм (autism), профилактика (prevention), интервенция (intervention), психическое здоровье (mental health), нарушение здоровья (disability), поведенческая проблема (behavior problem), социальная поддержка (social support), раннее вмешательство (early intervention). Эти не настолько часто встречающиеся конструкты, как те, что мы обсуждаем выше, но они очерчивают очередной этап взаимоотношений семейной и образовательной систем: образование становится инструментом помощи семьям для более благополучной социализации как детей, так и родителей — наряду с медицинской, психологической и социальной помощью. Оно приобретает доказательность и может быть использовано для повышения качества жизни отдельных семей и повышения безопасности общества в целом.

Заключение

С течением времени изменяются как устройство общества, так и жизнь семей; меняется и предмет исследований. Категории, описывающие родительство, сконструированы в определенном контексте для решения определенных задач и имеют свои ограничения. Понятия, разработанные в середине XX века, устаревают или

⁵ Horstman H. K., Hays A., Maliski R. (2016) Parent — Child Interaction // Oxford Research Encyclopedia of Communication. URL: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228613.013.278>.

наполняются новыми смыслами, актуализируются новые аспекты и фиксируются новые паттерны родительского поведения. Можно сказать, что три кластера конструктов во многом предназначены для поиска ответов на разные исследовательские вопросы.

Кластер 1. Каковы универсальные типы родителей, как они взаимодействуют с ребенком? Этот подход позволил описать множество вариантов воспитательной активности родителей по отношению к детям, многие работы в этом подходе стали классикой исследований семьи. Однако он постепенно устаревает, поскольку появилось немало свидетельств неоднородности стилей и связей между отдельными практиками и их эффектами в разных контекстах; усиливается необходимость обсуждения конкретных «субстратов» для применения родительства. «Новые родительские стили» («вертолетное родительство», «rhubbing parenting» и пр.) [Burns, Gottschalk, 2019] представляют собой скорее новые практики родительства, появившиеся в связи с развитием технологий и изменениями в обществе.

Кластер 2. Как родители могут способствовать или препятствовать академической успешности ребенка? Многочисленные исследования позволили проанализировать вклад активности родителей в детские академические успехи и спроектировать интервенции по усилению вовлеченности родителей. Неоднозначность результатов и повышение внимания к благополучию как детей, так и родителей, сменяющая интерес к академическим успехам, способствовали вытеснению изучения родительской вовлеченности исследованиями, посвященными снижению неравенства и повышению благополучия.

Кластер 3. Как образование может поддержать благополучие ребенка, помогая ему интегрироваться в социальные и учебные процессы, и благополучие родителя, снижая его стресс и повышая компетенции? Это наиболее актуальная постановка вопроса, в рамках решения которого мозаично развиваются исследования, посвященные разным аспектам благополучия как ребенка, так и родителей. Примечательно, что в этот кластер вошли понятия, напрямую не относящиеся к воспитанию и образованию и касающиеся медицинских аспектов благополучия детей и родителей. На наш взгляд, это иллюстрирует тенденцию к расширению задач и содержания образования — в том числе его непрерывность на протяжении жизни, интеграцию в него метапредметных, коммуникативных и других навыков, обсуждение школьного климата и вовлеченности как факторов, влияющих на благополучие учащихся, инклюзивность, безбарьерность, и принятие различий как необходимых характеристик современной образовательной среды.

В этой статье мы предприняли попытку охарактеризовать путь, пройденный исследователями родительства в образовании с первой половины XX века, и обрисовать наиболее востребованные в современных исследованиях конструкты, опираясь на лежащие за ними исследовательские вопросы. Мы надеемся, что проведенный анализ будет способствовать снижению противоречивости и неоднородности в понимании обсуждаемых конструктов среди русскоязычных исследователей, а также позволит более последовательно проектировать исследования роли родителей в образовании, опираясь на имеющееся научное знание и конструируя исследовательские вопросы в соответствии с задачами и вызовами современного

общества. В качестве перспективных и наиболее значительных новых областей для исследований хотелось бы отметить некоторые социальные изменения, в том числе удлинение детства и старение населения, разнообразие состава и структуры семей XXI века, а также технологический прогресс, которые, несомненно, влияют на формы, содержание и траектории образования и порождают новые вызовы и возможности для будущих исследований.

Список литературы (References)

Авдеева Н. Н. Теория привязанности: современные исследования и перспективы // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. № 2. С. 7—14. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2017060201>.

Avdeeva N. N. (2017) Child-Parent Relationship Therapy: Child-Parent Interaction Therapy of Sheila Eyberg (on foreign sources). *Journal of Modern Foreign Psychology*. Vol. 6. No. 2. P. 7—14. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2017060201>. (In Russ.)

Антипкина И. В. Исследования «родительской вовлеченности» в России и за рубежом // Отечественная и зарубежная педагогика. 2017. Т. 1. № 4. С. 102—114. Antipkina I. V. (2017) Research of Parent Involvement in Russia and Abroad. *Otechestvennaya i Zarubezhnaya Pedagogika*. Vol. 1. No. 4. P. 102—114. (In Russ.)

Антипкина И. В., Любичская К. А., Нисская А. К. Вовлеченность родителей третьеклассников в учебные дела детей // Вопросы образования. 2018. № 4. С. 230—260. <http://doi.org/10.17323/1814-9545-2018-4-230-260>.

Antipkina I. V., Lyubitskaya K. A., Nisskaya A. K. (2018) Third-Grade Parent's Involvement in Schools. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*. No. 4. P. 230—260. <http://doi.org/10.17323/1814-9545-2018-4-230-260>. (In Russ.)

Карабанова О. А. Детско-родительские отношения и практика воспитания в семье: кросс-культурный аспект // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. № 2. С. 15—26. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2017060202>.

Karabanova O. A. (2017) Child — Parent Relationship and the Practice of Education in the Family: Cross-Cultural Aspect. *Journal of Modern Foreign Psychology*. Vol. 6. No. 2. P. 15—26. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2017060202>. (In Russ.)

Ланина Е. В., Бочавер А. А., Антипкина И. В. Измерение родительского контроля и его связь с когнитивными результатами учащихся младших классов // Вопросы образования. 2021. № 2. С. 152—171. <http://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-2-152-171>.

Lanina E. V., Bochaver A. A., Antipkina I. V. (2021) Measuring Parental Control and Its Relationship to Cognitive Abilities of Early-Grade Students. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*. No. 2. P. 152—171. <http://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-2-152-171>. (In Russ.)

Любичская К. А. Родительская вовлеченность в формирование образовательного пространства детей // Педагогика. 2019. № 8. С. 64—72.

Lyubitskaya K. A. (2019) Parental Involvement in the Formation of Children's Educational Environment. *Pedagogika*. No. 8. P. 64—72. (In Russ.)

Любичская К. А. Родительская вовлеченность в формирование образовательного пространства детей: дисс. ... канд. наук об образовании. М.: Высшая школа экономики, 2020.

Lyubitskaya K. A. (2020) Parental Engagement in the Construction of Children's Educational Space. Thesis for the Purpose of Obtaining Academic Degree Doctor of Philosophy in Education. Moscow: HSE University. (In Russ.)

Любичская К. А., Шакарова М. А. Коммуникация семьи и школы: ключевые особенности на современном этапе // Вопросы образования. 2018. № 3. С. 196—215. <http://doi.org/10.17323/1814-9545-2018-3-196-215>.

Lyubitskaya K. A., Shakarova M. A. (2018) Family — School Communication: The Key Features at the Current Stage. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*. No. 3. P. 196—215. <http://doi.org/10.17323/1814-9545-2018-3-196-215>. (In Russ.)

Макаренко А. С. Лекции о воспитании детей. М.: Учпедгиз, 1940.

Makarenko A. S. (1940) Lectures on Parenting. Moscow: Uchpedgis. (In Russ.)

Мерцалова Т. А., Гошин М. Е. Родительская вовлеченность // Директор Школы. 2016. № 9. С. 95—103.

Mertsalova T. A., Goshin M. Ye. (2016) Parental Involvement. *Headmaster Journal*. No. 6. P. 95—103. (In Russ.)

Поливанова К. Н. Современное родительство как предмет исследования // Психологическая наука и образование. 2015. Т. 7. № 3. С. 1—11. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2015070301>.

Polivanova K. N. (2015) Parenting and Parenthood as Research Domains. *Psychological Science and Education*. Vol. 7. No. 3. P. 1—11. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2015070301>. (In Russ.)

Поливанова К. Н. Новый образовательный дискурс: благополучие школьников // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 4. С. 26—34. <https://doi.org/10.17759/chp.2020160403>.

Polivanova K. N. (2020) New Educational Discourse: The Well-Being of Schoolchildren. *Cultural-Historical Psychology*. Vol. 16. No. 4. P. 26—34. <https://doi.org/10.17759/chp.2020160403>. (In Russ.)

Поливанова К. Н., Вопилова И. Е., Козьмина Я. Я., Нисская А. К., Сивак Е. В. Самоэффективность как содержательная основа образовательных программ для родителей // Вопросы образования. 2015. № 4. С. 184—200. <http://doi.org/10.17323/1814-9545-2015-4-184-200>.

Polivanova K. N., Vopilova I. E., Kozmina Ya. Ya., Nisskaya A. K., Sivak E. V. (2015) The Concept of Self-Efficacy as a Methodological Basis for Parent Education Programs. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*. No. 4. P. 184—200. <http://doi.org/10.17323/1814-9545-2015-4-184-200>. (In Russ.)

Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. Дискурсивные модели современного российского родительства // Женщина в российском обществе. 2013. № 2. С. 14—26.

Chernova Zh. V., Shpakovskaya L. L. (2013) Discursive Models of Russian Modern Parenthood. *Woman in Russian Society*. No. 2. P. 14—26. (In Russ.)

Aghaei Chadegani A., Salehi H., Yunus M., Farhadi H., Fooladi M., Farhadi M., Ale Ebrahim N. (2013) A Comparison between Two Main Academic Literature Collections: Web of Science and Scopus Databases. *Asian Social Science*. Vol. 9. No. 5. P. 18—26. <https://doi.org/10.5539/ass.v9n5p18>.

Ainsworth M., Bowlby J. (1991) An Ethological Approach to Personality Development. *American Psychologist*. Vol. 46. P. 331—341. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.46.4.333>.

Auerbach S. (2007) From Moral Supporters to Struggling Advocates: Reconceptualizing Parent Roles in Education through the Experience of Working-Class Families of Color. *Urban Education*. Vol. 42. No. 3. P. 250—283. <https://doi.org/10.1177/0022085907300433>.

Aunola K., Nurmi J.-E., Lerkkanen M.-K., Rasku-Puttonen H. (2003) The Roles of Achievement-Related Behaviours and Parental Beliefs in Children's Mathematical Performance. *Educational Psychology*. Vol. 23. No. 4. P. 403—421. <https://doi.org/10.1080/01443410303212>.

Barth R. P., Landsverk J., Chamberlain P., Reid J. B., Rolls J. A., Hurlburt M. S., Farmer E. M. Z., James S., McCabe K. M., Kohl P. L. (2005) Parent-Training Programs in Child Welfare Services: Planning for a More Evidence-Based Approach to Serving Biological Parents. *Research on Social Work Practice*. Vol. 15. No. 5. P. 353—371. <https://doi.org/10.1177/1049731505276321>.

Baumrind D. (1966) Effects of Authoritative Parental Control on Child Behavior. *Child Development*. Vol. 37. No. 4. P. 887—907. <https://doi.org/10.2307/1126611>.

Berry J. O., Jones W. H. (1995) The Parental Stress Scale: Initial Psychometric Evidence. *Journal of Social and Personal Relationships*. Vol. 12. No. 3. P. 463—472. <https://doi.org/10.1177/0265407595123009>.

Bowlby J. (1969) *Attachment and Loss: Attachment*. Vol. 1. New York, NY: Basic.

Burns T., Gottschalk F. (eds.) (2019) *Educating 21st Century Children: Emotional Well-being in the Digital Age*. Paris: OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/b7f33425-en>.

Carlson M. J., Corcoran M. E. (2001) Family Structure and Children's Behavioral and Cognitive Outcomes. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 63. No. 3. P. 779—792. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2001.00779.x>.

Chan M., Lake A., Hansen K. (2017) The Early Years: Silent Emergency or Unique Opportunity? *The Lancet*. Vol. 389/10064. P. 11—13. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(16\)31701-9](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(16)31701-9).

Cheung C., Pomerantz E. (2015) Value Development Underlies the Benefits of Parents' Involvement in Children's Learning: A Longitudinal Investigation in the United States and China. *Journal of Educational Psychology*. Vol. 107. No. 1. P. 309—320. <https://doi.org/10.1037/a0037458>.

Cicchetti D., Rogosch F., Toth S. (2000) The Efficacy of Toddler — Parent Psychotherapy for Fostering Cognitive Development of Offspring in Depressed Mothers. *Journal of Abnormal Child Psychology*. Vol. 28. No. 2. P. 135—148. <https://doi.org/10.1023/a:1005118713814>.

Coulacoglou C., Saklofske D. H. (2017) The Assessment of Family, Parenting, and Child Outcomes. In: Coulacoglou C., Saklofske D. H. *Psychometrics and Psychological Assessment: Principles and Applications*. London: Academic Press. P. 187—222. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-802219-1.00008-0>.

Cucchiara M. B., Horvat E. M. (2009) Perils and Promises: Middle-Class Parent Involvement in Urban Schools. *American Education Research Journal*. Vol. 46. No. 4. P. 974—1004. <https://doi.org/10.3102%2F0002831209345791>.

Darling N., Steinberg L. (1993) Parenting Style as Context: An Integrative Model. *Psychological Bulletin*. Vol. 113. No. 3. P. 487—496.

Dauber S. L., Epstein J. L. (1993) Parents' Attitudes and Practices of Involvement in Inner-City Elementary and Middle Schools. In: Chavkin N. F. (ed.) *Families and Schools in a Pluralistic Society*. Albany, NY: SUNY Press. P. 53—71.

Eccles J. S., Harold R. D. (1996) Family Involvement in Children's and Adolescents' Schooling. In: Booth A., Dunn J. F. (eds.) *Family — School Links: How Do They Affect Educational Outcomes*. Mahwah, NJ: Erlbaum. P. 3—34.

Eccles J. S., Wigfield A., Schiefele U. (1998) Motivation to Succeed. In: Eisenberg N., Damon W. (eds.) *Handbook of Child Psychology*. Vol. 3: *Social, Emotional, and Personality Development*. New York, NY: Wiley. P. 1017—1095.

Epstein J. L. (1992) School and Family Partnerships. In: Aiken M. (ed.) *Encyclopedia of Educational Research*. New York, NY: Macmillan. P. 1139—1151.

Fan X., Chen M. (2001) Parental Involvement and Students' Academic Achievement: A Meta-Analysis. *Educational Psychology Review*. Vol. 13. No. 1. P. 1—22. <https://doi.org/10.1023/A:1009048817385>.

Fiese B. H., Winter M. A. (2010) The Dynamics of Family Chaos and Its Relation to Children's Socioemotional Well-being. In: Evans G. W., Wachs T. D. (eds.) *Chaos and Its Influence on Children's Development: An Ecological Perspective*. Washington, DC: American Psychological Association. P. 49—66. <https://doi.org/10.1037/12057-004>.

Foran H. F., Fraude I., Kubb C., Wamboldt M. Z. (2020) Assessment of the Parent — Child Relationship. In: Wampler K. S., McWey L. M. (eds.) *The Handbook of Systemic Family Therapy*. Vol. 2: *Systemic Family Therapy with Children and Adolescents*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons. P. 35—54. <https://doi.org/10.1002/9781119438519.ch35>.

Goodall J., Montgomery C. (2014) Parental Involvement to Parental Engagement: A Continuum. *Educational Review*. Vol. 66. No. 4. P. 399—410. <https://doi.org/10.1080/00131911.2013.781576>.

Grolnick W. S., Pomerantz E. M. (2009) Issues and Challenges in Studying Parental Control: Toward a New Conceptualization. *Child Development Perspectives*. Vol. 3. No. 3. P. 165—170. <https://doi.org/10.1111/j.1750-8606.2009.00099.x>.

Hoover-Dempsey K. V., Sandler H. M. (1995) Parental Involvement in Children's Education: Why Does It Make a Difference? *Teachers College Record*. Vol. 97. No. 2. P. 310—331.

Hornby G. (2011) Parental Involvement in Childhood Education: Building Effective School-Family Partnerships. New York, NY: Springer. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1007/978-1-4419-8379-4>.

Hutchinson D., Teague S., Champion K., Essau C. A., Newton N. C. (2020) Alcohol in Adolescence. In: Essau C. A., Delfabbro P. H. (ed.) *Adolescent Addiction: Epidemiology, Assessment, and Treatment*. London; Cambridge, MA: Academic Press. P. 45—109.

Ingram M., Wolfe R. B., Lieberman J. M. (2007) The Role of Parents in High Achieving Schools Serving Low-Income, At-Risk Populations. *Education and Urban Society*. Vol. 39. No. 4. P. 479—497. <https://doi.org/10.1177/0013124507302120>.

Jacob T., Leonard K. E. (1994) Family and Peer Influences in the Development of Adolescent Alcohol Abuse. In: Zucker R. A., Boyd G. M., Howard J. (eds.) *Development of Alcohol Problems: Exploring the Biopsychosocial Matrix of Risk*. Rockville, MD: U. S. Dept. of Health and Human Services, Public Health Service; National Institutes of Health; National Institute on Alcohol Abuse and Alcoholism. P. 123—155.

Ji C. S., Koblinsky S. A. (2009) Parent Involvement in Children's Education: An Exploratory Study of Urban, Chinese Immigrant Families. *Urban Education*. Vol. 44. No. 6. P. 687—709. <https://doi.org/10.1177/0042085908322706>.

Kaminski J. W., Valle L. A., Filene J. H., Boyle C. L. (2008) A Meta-Analytic Review of Components Associated with Parent Training Program Effectiveness. *Journal of Abnormal Child Psychology*. Vol. 36. No. 4. P. 567—589. <https://doi.org/10.1007/s10802-007-9201-9>.

Lareau A. (1987) Social Class Differences in Family—School Relationships: The Importance of Cultural Capital. *Sociology of Education*. Vol. 60. No. 2. P. 73—85. <https://doi.org/10.2307/2112583>.

Louie A. D., Cromer L. D., Berry J. O. (2017) Assessing Parenting Stress: Review of the Use and Interpretation of the Parental Stress Scale. *The Family Journal*. Vol. 25. No. 4. P. 359—367. <https://doi.org/10.1177/1066480717731347>.

Maccoby E. M., Martin J. (1983) Socialization in the Context of the Family: Parent—Child Interaction. In: Mussen P. H., Hetherington E. M. (eds.) *Handbook of Child Psychology*. Vol. 4. *Socialization, Personality, and Social Development*. New York, NY: Wiley. P. 1—101.

Mageau G. A., Ranger F., Joussemet M., Koestner R., Moreau E., Forest J. (2015) Validation of the Perceived Parental Autonomy Support Scale (P-PASS). *Canadian*

Journal of Behavioural Science / Revue canadienne des sciences du comportement. Vol. 47. No. 3. P. 251—262. <https://doi.org/10.1037/a0039325>.

Noack A. (2007) Energy Models for Graph Clustering. *Journal of Graph Algorithms and Applications.* Vol. 11. No. 2. P. 453—480. <https://doi.org/10.7155/jgaa.00154>.

OECD (2011) Doing Better for Families. Paris: OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/9789264098732-en>.

OECD (2015) Skills for Social Progress: The Power of Social and Emotional Skills. Paris: OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/9789264226159-en>.

Powell D. R., Son S.-H., File N., San Juan R. R. (2010) Parent — School Relationships and Children’s Academic and Social Outcomes in Public School Pre-Kindergarten. *Journal of School Psychology.* Vol. 48. No. 4. P. 269—292. <https://doi.org/10.1016/j.jsp.2010.03.002>.

Prakhov I., Kotomina O., Sazhina A. (2020) Parental Involvement and the Educational Trajectories of Youth in Russia. *International Journal of Educational Development.* Vol. 78. <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2020.102252>.

Reifsnider E. (1998) Reversing Growth Deficiency in Children: The Effect of a Community-Based Intervention. *Journal of Pediatric Health Care.* Vol. 12. No. 6. P. 305—312. [https://doi.org/10.1016/s0891-5245\(98\)90142-0](https://doi.org/10.1016/s0891-5245(98)90142-0).

Smetana J. (1995) Parenting Styles and Conceptions of Parental Authority during Adolescence. *Child Development.* Vol. 66. No. 2. P. 299—316. <https://doi.org/10.2307/1131579>.

Soenens B., Vansteenkiste M., Lens W., Luyckx K., Goossens L., Beyers W., Ryan R. M. (2007) Conceptualizing Parental Autonomy Support: Adolescent Perceptions of Promotion of Independence Versus Promotion of Volitional Functioning. *Developmental Psychology.* Vol. 43. No. 3. P. 633—646. <https://doi.org/10.1037/0012-1649.43.3.633>.

Soenens B., Vansteenkiste M. (2010) A Theoretical Upgrade of the Concept of Parental Psychological Control: Proposing New Insights on the Basis of Self-Determination Theory. *Developmental Review.* Vol. 30. No. 1. P. 74—99. <https://doi.org/10.1016/j.dr.2009.11.001>.

Steele H., Bate J., Steele M., Dube S. R., Danskin K., Knafo H., Nikitiades A., Bonuck K., Meissner P., Murphy A. (2016) Adverse Childhood Experiences, Poverty, and Parenting Stress. *Canadian Journal of Behavioural Science / Revue canadienne des sciences du comportement.* Vol. 48. No. 1. P. 32—38. <https://doi.org/10.1037/cbs0000034>.

van Eck N. J., Waltman L. (2010) Software Survey: VOSviewer, A Computer Program for Bibliometric Mapping. *Scientometrics.* Vol. 84. No. 2. P. 523—538. <https://doi.org/10.1007/s11192-009-0146-3>.

Walters G. D. (2019) Mothers and Fathers, Sons and Daughters: Parental Knowledge and Quality of the Parent–Child Relationship as Predictors of Delinquency in Same- and Cross-Sex Parent–Child Dyads. *Journal of Child and Family Studies*. Vol. 28. No. 7. P. 1850—1861. <https://doi.org/10.1007/s10826-019-01409-5>.

Weininger E. B., Lareau A. (2003) Translating Bourdieu into the American Context: The Question of Social Class and Family — School Relations. *Poetics*. Vol. 31. No. 5—6. P. 375—402. [https://doi.org/10.1016/S0304-422X\(03\)00034-2](https://doi.org/10.1016/S0304-422X(03)00034-2).

DOI: [10.14515/monitoring.2022.2.2078](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2078)

Е. Л. Омельченко, И. В. Лисовская

МОЛОДЕЖЬ КАК БАРОМЕТР БУДУЩЕГО? МОЛОДЕЖНАЯ ПОВЕСТКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ СКВОЗЬ МНЕНИЯ ЭКСПЕРТОВ ПО МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКЕ

Правильная ссылка на статью:

Омельченко Е. Л., Лисовская И. В. Молодежь как барометр будущего? Молодежная повестка в современной России сквозь мнения экспертов по молодежной политике // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 66—92. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2078>.

For citation:

Omelchenko E. L., Lisovskaya I. V. (2022) Youth as a Barometer of the Future? The Youth Agenda in Contemporary Russia as Viewed by Youth Policy Experts. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 66–92. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2078>. (In Russ.)

МОЛОДЕЖЬ КАК БАРОМЕТР БУДУЩЕГО? МОЛОДЕЖНАЯ ПОВЕСТКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ СКВОЗЬ МНЕНИЯ ЭКСПЕРТОВ ПО МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКЕ

YOUTH AS A BAROMETER OF THE FUTURE? THE YOUTH AGENDA IN CONTEMPORARY RUSSIA AS VIEWED BY YOUTH POLICY EXPERTS

ОМЕЛЬЧЕНКО Елена Леонидовна — доктор социологических наук, профессор, директор Центра молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: omelchenkoe@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5951-3682>

Elena L. OMELCHENKO¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor, Director of the Centre for Youth Studies

E-MAIL: omelchenkoe@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5951-3682>

ЛИСОВСКАЯ Ирина Викторовна — кандидат социологических наук, младший научный сотрудник Центра молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: ilisovskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6495-1970>

Irina V. LISOVSKAYA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Junior Research Fellow, Center for Youth Studies

E-MAIL: ilisovskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6495-1970>

Аннотация. Молодежная политика как сфера государственного управления — это национальный проект, опирающийся на поколенческий контракт: государство конвертирует доступные ресурсы в социализацию молодежи, обеспечивая будущее развитие общества. В формировании молодежной повестки участвуют работники разных ведомств и институтов, задачи которых включают в себя и сопряженные с молодежью вопросы. В зависимости от приоритетов, молодежь может рассматриваться как ресурс, объект или значимый агент/субъект/активный участник социальных изменений. Степень агентности различных молодежных групп, их возможности (права) влиять на принятие основных решений может определяться

Abstract. Youth policy as a sphere of state administration is a national project based on a generational contract between the state and the youth. The state converts available resources into the socialization of the youth, ensuring the future development of the national state and society. The formation of the youth agenda involves employees of various government agencies and institutions whose tasks include youth-related issues. Depending on priorities, youth can be seen as a resource, an object of the national state, a significant agent, a subject, and an active participant in social change. The degree of agency of various youth groups and their opportunities (rights) to influence significant decisions can be defined differently by

¹ HSE University in St. Petersburg, Saint Petersburg, Russia

экспертами по-разному, что формирует отличающиеся и противоречивые прочтения молодежной политики государства и ее ключевых проектов. Задача статьи — с опорой на анализ экспертных интервью ($N = 30$) реконструировать представления экспертов о месте и роли современной молодежи в будущем страны, а также о ключевых вопросах молодежной повестки в целом. В статье предложена интерпретация трех экспертных позиций, между которыми найдены линии напряжения и противоречия. Первая — оптимистический взгляд на будущее России, место и роль молодежи в его приближении, восприятие отношений государства в лице молодежной политики и молодежи как сбалансированного диалога. Этот подход характерен для руководителей молодежной политики высшего звена, а также руководителей НКО из «центра». Вторая — умеренно тревожный взгляд на молодежь и будущее страны, разделяемый руководителями госорганов, специализирующихся на молодежной политике, и НКО в регионах. Третья экспертная позиция сопряжена с критическим и скептическим отношением к ключевым программным документам молодежной политики и государственной риторике в отношении молодежи. Ее разделяют эксперты на местах — сотрудники муниципальных органов и региональных НКО, а также исследователи молодежи (как из центра, так и из регионов). В статье предложен анализ линий напряжения между условными кластерами экспертных оценок: от центра к периферии, от высшего звена руководителей молодежной политики и подведомственных органов к работникам на местах, от ученых — до практиков, от государственных структур — к НКО.

experts, which forms different and contradictory visions of state youth policies and, accordingly, key projects aimed at the future of both the country and the youth. Based on the analysis of expert interviews ($N = 30$), the article aims to reconstruct the perceptions of the place and role of contemporary youth in the country's future and the critical issues of the youth agenda as a whole. The article suggests an interpretation of three divergent expert positions, among which tension and contradiction are found. The first is an optimistic view of the future, where the relationship between the state, represented by the Youth Policy, and the youth is considered a balanced dialogue based on a shared vision of Russia's bright future and the place and role of youth in bringing it closer. This approach is typical of upper-level Youth Policy leaders and NGOs management located in the Capital. The second is a moderately worried view of youth and the country's future, shared by the heads of state Youth Policy agencies and NGOs in the regions. The third expert position may be described as a critical and skeptical attitude toward the key program documents of the Youth Policies and state rhetoric regarding youth. It is shared by experts in the field — employees of municipal agencies and some regional NGOs and youth researchers from both the center and the regions. The article analyzes the lines of tension between conditional clusters of expert evaluations: from the center to the periphery, from the high-rank executives of the Youth Policy and subordinate bodies to local experts, from scholars to practitioners, from state structures to NGOs.

Ключевые слова: молодежная повестка, эксперты по молодежной политике, молодежь России, патриотизм, социальное включение, будущее

Keywords: youth agenda, youth policy experts, youth of Russia, patriotism, social engagement, future

Благодарность. В статье используются результаты проекта «Антикризисный потенциал молодежных политик в России и Европе в эпоху глобальных рисков: национальное воображаемое, патриотизм и социальная вовлеченность», поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований совместно с Институтом экспертных социальных исследований, проект № 20-011-31412. Также в данной научной работе использованы результаты проекта «Взросление российской молодежи в 21 веке: поколенческий анализ», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020—2022 году. Авторы используют результаты дискурс-анализа для выделения этапов становления молодежной политики России.

Acknowledgments. The article utilizes the results of the project “Anti-crisis Potential of Youth Policies in Russia and Europe in the Era of Global Risks: National Imaginary, Patriotism, and Social Engagement”, which was supported by the Russian Foundation for Basic Research and Social Research Expert Institute (EISI). Project number: 20-011-31412. The results of the project “Transition to Adulthood Among Russian Youth in the 21st Century: Generational Analysis” carried out within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2020–2022 are presented in this work. The authors use the results of discourse analysis to highlight the stages of formation of the youth policy in Russia.

Выражаем признательность нашим коллегам Алине Майбороде, Анастасии Саблиной, Юлии Епановой, Дмитрию Омельченко, Святославу Полякову, Искандеру Ясавееву, участвовавшим вместе с авторами в сборе интервью и анализе исследовательских материалов.

We are thankful to our colleagues Alina Mayboroda, Anastasia Sablina, Yulia Epanova, Dmitry Omelchenko, Svyatoslav Polyakov, and Iskander Yasaveev, who participated together with the authors in collecting interviews and analyzing research materials.

Введение: как менялись фокусы российской молодежной политики

К пониманию молодежной политики (далее — МП) можно подходить с разных сторон: формально-структурной, законодательной, академической, медийно-информационной. МП можно изучать по реакциям молодежи на проводимые инициативы, по формам вовлеченности молодежи в реализуемые проекты или оценкам их эффективности. Задача этой статьи состоит в том, чтобы посмотреть на МП, опираясь на мнения экспертов, их представления о будущем страны, месте и участии молодежи в этом будущем, а также показать, на достижение каких целей ориентирована их работа.

Прежде чем перейти к сегодняшнему дню, обратимся к этапам смены повестки МП в течение последних 30 лет. Достаточно условно можно выделить четыре этапа.

Первый — молодежь как проблема (конец 1980-х — начало 2000-х годов). МП складывается стихийно и спонтанно в ситуации глубокого экономического кризиса 1990-х гг. Молодежные движения, субкультурные активности развиваются вне и независимо от государственного контроля и патронажа. Ключевым направлением работы был курс на предотвращение криминализации молодежи, а молодежный вопрос формулировался исключительно в проблемном ключе [Омельченко, 2004; Стивенсон, 2000; Silvan, 2018, 2019]. Целевые государственные программы были ориентированы на выравнивание социального положения молодежи и молодой семьи, предотвращение криминализации, безнадзорности и наркопотребления¹.

Второй — мобилизационный (2001—2010 гг.). С начала нового тысячелетия заметно актуализируется внимание к молодежному вопросу: государство берет молодежь в свои руки, начинается эра молодежной мобилизации и реализации массовых молодежных проектов. В 2001 г. выходит Концепция государственной молодежной политики, приоритетами которой становятся патриотическое воспитание, межнациональное согласие, ключевая ценность семьи [Андрюшина, Панова, 2017]. Федеральные целевые программы переориентируются на развитие молодежного потенциала с акцентом на патриотическое воспитание². С середины нулевых годов в стратегических документах появляются цели, связанные с формированием гражданской идентичности и навыков самостоятельного противостояния угрозам и рискам современности³. Развивая масштабные молодежные проекты, получающие административную и финансовую поддержку, государство стремится сформировать институт гражданских активистов, лояльных генеральной политической линии, способных в случае необходимости мобилизовать молодежь на противостояние угрозам «оранжевых революций» для обеспечения национальной безопасности страны [Nemment, 2012, 2015; Кривонос, 2015; Омельченко, 2020; Кравцова, 2019; Silvan, 2019].

Третий — патриотический (2010—2014). Ключевые трансформации целей и акцентов МП можно проследить по изменениям риторики и практик патриотического воспитания. После известных политических событий 2010 г. на Манежной площади в Москве патриотическое воспитание приобретает новые смыслы. Противоречивые прочтения патриотизма, пронационалистические и агрессивные демонстрации патриотических чувств создавали крайне конфликтное, дискуссионное пространство между разными молодежными группами и государством. Патриотизм становится ведущим национальным вопросом и ключевым

¹ Федеральная программа «Молодежь России. 1994—1997» // Управа района Кунцево города Москвы. URL: https://kuntsevo.mos.ru/socsp/ukaz_o_molodegi.php (дата обращения: 13.04.2022); Федеральная целевая программа «Молодежь России (1998—2000 годы)» // Консорциум «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/9044318> (дата обращения: 13.04.2022).

² Федеральная целевая программа «Молодежь России (2001—2005 годы)» // Консорциум «Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/901778285> (дата обращения: 13.04.2022).

³ Распоряжение Правительства РФ от 18 декабря 2006 г. № 1760-р «Об утверждении Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации» (с изменениями на 16 июля 2009 г.) // Консорциум «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/902020299> (дата обращения: 13.04.2022).

направлением заботы в рамках государственной политики в целом [Омельченко, 2012]. В ответ на кризис доверия молодежи к власти меняются формы патриотического воспитания, усиливаются милитаристские интонации, появляется лейтмотив «внешней угрозы» и «защиты» молодежи от нее [Ясавеев, 2016: 54—56], дается старт активному развитию военно-патриотических клубов, отрядов поисковиков, в которые вкладываются смыслы «настоящего патриотизма», «укрепления страны», «Гордости Отечеством», «воспитания», «героизма» [Гончарова, Ясавеев, 2020: 167].

Четвертый — стратегический (2014 — февраль 2022). Определяющий поворот в воспитательной парадигме МП связан с введением в базовые формулировки целей работы с молодежью понятия «традиционные ценности», что непосредственно связано с серьезными изменениями государственной риторики и практики.

В действующем официальном документе, принятом в 2014 г., молодежь России рассматривается как ресурс развития общества, основной носитель «инновационного потенциала развития», «стратегическое преимущество» страны. Цели МП оказываются непосредственно вписанными в образ будущего страны: «достижение устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности страны, а также упрочение ее лидерских позиций на мировой арене»⁴. Согласно программным документам, ведущая идея современной МП закрепляется через лейтмотив воспитания: молодежь неявно представляется как нуждающаяся в воспитании и просвещении. В российском нормативном дискурсе основной целью МП становится мобилизация молодежи и тех ресурсов, которыми она обладает, на благо развития потенциала страны.

В новом федеральном законе «О молодежной политике в Российской Федерации», принятом в 2020 г.⁵, верхняя граница молодежного возраста повышается до 35 лет, что одновременно продлевает период перехода во взрослость и расширяет целевую аудиторию влияния⁶.

Поиск «идеальной» российской модели МП продолжается до сих пор. В переговоры государства с молодежью и обсуждения молодежного вопроса включенными агентами врывается реальность с событиями разного масштаба, меняя актуальную повестку, а также требуя новых ответов и решений. Так, например, национальные и глобальные кризисы, особенно пандемия COVID-19, крайне актуализируют вопрос о потенциале национальных государств солидарно противостоять масштабным угрозам, находить общий язык с молодежью в определении не только будущего своей страны, но и мира в целом.

Самым дискуссируемым моментом в рамках российских дебатов о молодежной политике остается ресурсный подход государства к молодежи, где МП представляется в качестве инструмента мобилизации молодого поколения для продвижения национальных проектов [Смирнов, 2014; Тарцан, 2010]. На моло-

⁴ Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Российская газета. 2014. 8 декабря. URL: <https://rg.ru/2014/12/08/molodej-site-dok.html> (дата обращения: 15.04.2022).

⁵ Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Российская газета. 2021. 11 января. URL: <https://rg.ru/2021/01/11/molodez-dok.html> (дата обращения: 15.04.2022).

⁶ Принятие закона вызвало широкую общественную дискуссию с участием ученых, работающих в сфере молодежных исследований. Особую критику вызвали новые определения возраста молодежи, исключение слова «государственная» из словосочетания «государственная молодежная политика» (как сигнала о снятии государством с себя ответственности за будущее), акцентирование МП на работе с ресурсными группами — молодыми лидерами.

дежь возлагается особая ответственность за будущее страны и ее «историческое предназначение» в перспективе политических целей государства [Меркулов, Бакалдина, Елисеев, 2015].

Продолжает обсуждаться присущий МП контекст проблематизации, когда молодежь рассматривается в качестве источника опасности и для самой себя, и для государственного благополучия с акцентом на наркоманию, алкоголизм, экстремизм, правонарушения [Griffin, 1997; Омельченко, 2004; Ясавеев, 2016; Лисовская, 2019]. Молодежные активности воспринимаются как угроза стабильности общества, что ведет к ужесточению контроля и усилению репрессивной политики государства, снимающего с себя ответственность за недостатки в социальной политике [Ярская, Ловцова, 2010: 156].

Обращаются российские исследователи и к историческим периодам формирования МП [Ильинский, Луков, 2008; Луков, Погорский, Тихомиров, 2011]. Одни ученые ностальгируют по «уникальному» опыту СССР, считая успешной ролевой моделью комсомол [Андрюшина, Панова, 2017; Меркулов, Бакалдина, Елисеев, 2015]. Другие критикуют опыт централизации МП и считают наиболее удачной модель середины 1990-х гг., отмечая в качестве ее плюсов баланс вовлеченных акторов и институтов [Криворученко, 2013]. Часть зарубежных исследователей считают, что МП после распада СССР в целом перестала быть государственным приоритетом [Henderson, 2011], что способствовало появлению целого «потерянного» поколения молодежи [Pilkington, 2002].

Назад в будущее или вперед в прошлое?

Поиск ориентиров развития национальных политик не ограничивается только вопросами молодежной повестки, но именно с молодежью чаще всего связываются надежды на «светлое будущее», что особенно характерно для российского опыта, все чаще возвращающегося к мощному наследию работы с молодежью в советское время.

В российской и зарубежной литературе вопрос о том, как образы будущего страны способны формировать политическую повестку, остается малоизученным.

В исследовании Дугласа Блама [Blum, 2006] очерчены два конкурирующих подхода к видению мира и места России в нем, конфигурация которых влияет на приоритеты национальных политик. Первый — условно «советский» — отражает парадигму блокового мышления времен холодной войны, когда настоящее и будущее страны виделось сквозь оптику вызовов и угроз для страны: борьба за лидерство, идеологическая, военная и политическая конкуренция. Результаты сравнительного исследования МП России и Беларуси, проведенного Кристиной Силван, свидетельствуют о значимости общего советского прошлого при выборе приоритетов молодежной повестки государств, ориентированных на контроль молодежи (особенно «будущих элит») и идеологическую мобилизацию и консолидацию молодежных лидеров вокруг государственных институтов [Silvan, 2019]. В рамках второго подхода Россия видится достаточно модернизированным обществом, плотно интегрированным в европейские глобальные экономические и политические институты, что позволяет, пусть и в ограниченной форме, развиваться низовым инициативам (частное предпринимательство, НКО, проекты электронной

демократии и т. д.). Эти два образа — просоветский и модернизированный — фреймируют повестку МП современной России, они могут конкурировать, дополнять или, не пересекаясь, сосуществовать друг с другом, находя отображение в региональных или муниципальных программах и практиках.

Одно из центральных мест в национальных молодежных политиках занимают вопросы формирования национальной идентичности и патриотизма как чувств принадлежности к государству через развитие гражданственности [Hemment, 2015]. Практики и стратегии конструирования патриотизма, избираемые государствами, крайне разнообразны [Hansson, Lundahl, 2004]. Они могут базироваться на обращении к прошлому страны, к культурным традициям, общенациональному единству. Выбор инструментов порождает разные эффекты — например, «государственного национализма» [Wang, 2008], «обиженного патриотизма» [Wang, 2014; Омельченко, 2012], развития правого экстремизма в молодежной среде [Pričko, 2015]. Важным каналом формирования патриотических настроений становятся дискурсивные практики говорения. Например, «любовь к Родине», «гордость за Родину» как выражение принадлежности [Гревцева, Ипполитова, 2015], «права на город» — как выражение гражданского участия и активизма [Omelchenko, Krupets, Zhelnina, 2015], «готовность защищать Родину», «оборонять» — как милитаристские конструкции опасного и вражеского окружения [Ярлова, 2015].

Возможные и доступные формы гражданского участия вместе с интерпретациями патриотизма оказываются встроенными в образы будущего, которые прочитываются в продвигаемых программах молодежных политик, используемых его агентами инструментах.

Чаще всего исследователи обращаются к анализу документов и инициатив МП. Очевидно, что программная риторика МП и реальная практика — проведение МП людьми, вовлеченными в эту систему, — могут не только значительно различаться, но и вступать в серьезные конфликты, что мы и постараемся показать на материалах проведенного исследования.

Методология исследования

Наше внимание обращено к мнениям участников исследования (экспертов из разных областей, вовлеченных в МП) о том, что стоит за диалогом между государством и молодежью в отношении будущего страны, на чем держится поколенческий контракт, как МП в целом «работает» на будущее; какую молодежь они видят в качестве значимого агента, «предвестника», барометра этого будущего.

Проект, материалы которого использованы в статье, был посвящен потенциалам национальных молодежных политик в России и ряде европейских стран. В фокусе исследования оказались государственные программы в отношении молодежи, академические дискуссии вокруг этой темы, а также интервью с экспертами, включенными в обсуждение, принятие и реализацию программ и проектов. Полевой этап проекта практически совпал с широкими дебатами академического сообщества относительно принятия закона ФЗ № 489-ФЗ «О молодежной политике»⁷, которые также стали предметом анализа.

⁷ Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Российская газета. 2021. 11 января. URL: <https://rg.ru/2021/01/11/molodez-dok.html> (дата обращения: 15.04.2022).

Эта статья посвящена анализу исключительно российского опыта. Ее эмпирической базой стали экспертные интервью с ключевыми акторами МП ($N = 30$). При составлении выборки мы учитывали агентов разных уровней с пропорциональным учетом ключевых сфер: *политика* — федеральные, региональные и муниципальные эксперты органов государственной власти (10); *НКО* — эксперты молодежных общественных объединений, негосударственных организаций (10); *наука* — ученые, исследовательские интересы которых связаны с изучением молодежной политики (10). Рекрутинг информантов проводился с учетом разных федеральных округов России: Центральный (11); Северо-Западный (3); Уральский (3) Южный (1), Северо-Кавказский (1); Приволжский (4); Сибирский (5); Дальневосточный (2). В каждом из регионов мы стремились получить доступ к ключевым фигурам — руководителям органов по молодежной политике или их заместителям. Интервью проводились также и с «рядовыми» сотрудниками муниципального уровня из областных или краевых молодежных центров, молодежных НКО, молодежных общественных объединений федерального или регионального уровня. В выборку были включены также ученые из разных регионов, занимающиеся молодежными исследованиями. В рекрутинге мы полагались не только на наши профессиональные сети: часть договоренностей была получена методом «снежного кома» или путем деловой коммуникации через официальные запросы в руководящие органы в сфере МП.

Интервью проводились в период осенней волны коронавируса 2020 г., крайне тяжелой: болели наши коллеги-исследователи, из-за болезни от интервью отказывались эксперты, ожидание разговора затягивалось. Большая часть интервью с российскими экспертами проводилась онлайн, что не сказалось на качестве и содержании бесед.

В ходе интервью затрагивались разные вопросы — от причин и мотивов прихода в молодежную политику (в «молодежку»), особенностей карьерного пути, задач и проблем текущей работы — до представлений о настоящем и будущем российской молодежи в перспективе будущего России.

Анализ интервью проводился методом открытого кодирования, и в этой статье выборочно использованы интерпретации информантов в отношении «взглядов на молодежь», «патриотического воспитания», «коронавируса». Акцент на пандемию коронавируса важен, на наш взгляд, в перспективе потенциала МП справляться с масштабными кризисами. Фокус анализа выглядит достаточно провокационным, поскольку мы сталкиваемся с крайне политизированными, идеологически перегруженными дебатами в отношении не столько будущего, сколько настоящего России и ее места в актуальной глобальной повестке.

Взгляд на молодежь в перспективе будущего

Перефразируя слова, приписываемые Троцкому, можно сказать: «молодежь — это барометр будущего». Особый, часто сопряженный с тревогой взгляд на новое поколение со стороны взрослых, особенно политиков, связан с опасениями по поводу сохранения и передачи в будущее ценностей, а также материального, духовного, политико-идеологического наследия. Обобщенный образ современной молодежи видится в этом контексте в качестве прототипа, предвестника будущего. В зависимости от фокуса восприятия и понимания современной молодежи, созда-

ются и продвигаются прямые и опосредованные запросы на «работу с молодежью». Несмотря на кардинальные перемены в российском обществе, именно в сфере МП максимально сохраняются и воспроизводятся технологии и инструменты работы с молодежью (воспитательные приемы) позднесоветского времени, на что обращают внимание многие исследователи. Мы столкнулись с разными интерпретациями экспертов в оценке места и роли молодежи в жизни российского общества: от оптимистического взгляда на «молодежь и молодежную политику как надежных друзей государства и гарантов светлого будущего России» до достаточно тревожного и критического образа «молодежи как декорации молодежной политики».

«Молодежь — опора государства в будущем»: через традиционные ценности и патриотическое воспитание — к дружескому диалогу государства и молодежи

Часть экспертов, разделяя представление о позитивном и светлом будущем России, месте и роли молодежи в его приближении, рассматривают отношения государства в лице МП и молодежи как сбалансированный диалог. Россия представляется уникальной страной, имеющей отличия от Запада как в целом, так и в сфере ценностей, приоритетов, принципов европейских молодежных политик. Ключевым смыслом выстраивания диалога становится разделяемая всеми «гордость за страну». Поддержка этого образа характерна преимущественно для руководителей федеральных и региональных органов государственной молодежной политики, а также части общественных организаций.

Признавая изменения в страновой и глобальной перспективе, связанные с поколенческими вызовами, миграционными процессами, разнообразием культурных молодежных практик, эксперты уверены, что самым значимым в разговоре с современной молодежью остается курс на традиционные ценности. Руководители федеральных органов государственной власти отмечают, что молодежь, по их мнению, чтит родительское поколение, разделяет важность героического прошлого страны, и, несмотря на критичность, отношения со старшими строятся на основе дружбы и доверия.

...Семейные ценности как были, так и остались в приоритете. <...> родитель, безусловно, авторитет, ну, как и в общем для поколения «Х»... Современные ребята, они родителей воспринимают скорее как друга... ценность создания семьи — она, безусловно, есть, это видно, это считается. (И1, политика, ЦФО)

Говоря о современной молодежи, эти эксперты (преимущественно из центральных регионов, обозначаемых как «центр») делают акцент на молодых лидерах, поддерживающих и разделяющих официальную повестку государственной молодежной политики. С этой формально организованной молодежью нужно быть на одной волне, считают эксперты, стремиться к диалогу «на равных», «слышать», учитывать их запросы.

...Наша задача — быть всегда... на волне в молодежной тусовке, чтоб мы могли общаться на одном языке. Почему мы очень часто проводим так называемый диалог на рав-

ных, где мы с молодежью общаемся... наша главная задача — услышать правильные их запросы, чтоб мы потом могли реализовать их в жизнь. (И2, политика, СЗФО)

Основное внимание эксперты обращают на элиту будущей России, молодых и талантливых лидеров, участвующих в школах, тренингах и форумах разных форматов, — на тех, кто «хочет и готов развиваться». За рамками приоритетов остаются группы, требующие особого подхода государства молодых людей — уязвимая, не «прогрессивная» молодежь, те, кто в силу не столько субъективного нежелания, сколько объективных обстоятельств жизни оказываются исключенными из сферы внимания. «Неактивная» молодежь описывается экспертами как инертная, неготовая принимать ответственность за будущее:

И сейчас молодежная политика устроена таким образом, что она направлена на прогрессивную молодежь — на тех, кто хочет и готов развиваться в ногу со временем, на тех, кто умеет использовать свои возможности и, помимо этого, ну, готов, естественно, вовлекаться в какие-то активные мероприятия. (И3, НКО, ЦФО)

Несмотря на приоритет принятых в российской МП практик и инструментов, эксперты признают эффективность тех европейских проектов, которые близки российским по ценностным ориентирам и ключевым векторам, как, например, социальное участие, лидерство, патриотическое воспитание, волонтерство. Опыт стран СНГ отдельно выделяется как максимально дружественный и похожий на российский. Опорой для плотного взаимодействия эксперты из «центра» называют постсоветское прошлое, а также готовность политиков СНГ учиться и перенимать российские наработки.

*Мы взаимодействуем больше со странами СНГ, нежели чем с европейскими странами. Ну, в силу многих, наверное, политических причин, которые не совсем зависят от молодежных организаций. И со странами СНГ у нас, естественно, есть общие черты. Но тут мы на шаг впереди. То есть страны СНГ — это **наши ученики**, которые, как правило, к нам обращаются за получением опыта. Естественно, нам интересно взаимодействовать с более прогрессивными странами — это с европейскими странами, с которыми у нас выстраиваются отношения, ну, скажем так, на равных. (И3, НКО, ЦФО)*

Российская молодежь, по мнению экспертов этой группы, ориентирована на традиционную нравственность как базовую ценность российской национальной идеи. Эти понятия отсылают нас к официальной риторике лидеров государства. В качестве пояснения используются примеры исключительной важности прочтений мужской и женской нормативности в рамках патриархатного гендерного режима, «близкого нашему народу». Кардинальное отличие российской молодежи от европейской эксперты видят в устойчивости поколенческой преемственности традиций и моральных ориентиров:

...Я вижу, что европейская молодежь, американская... Ее волнует вопрос соблюдения прав, свобод человека, демократия... И даже момент Второй мировой войны они рас-

смастривают с точки зрения прав, свобод человека. Для нас Великая отечественная война — это не права и свободы человека... **Тебя не с точки зрения прав демократии интересуют моменты, а с точки зрения каких-то человеческих моралей и отношений... Мы пока еще более такое традиционное общество, и молодежь — это пока еще тоже более традиционная группа, в том числе по отношению к тем же секс-меньшинствам...** Европейская молодежь смотрит на это как ущемление прав этой категории, да, а у нас на это смотрят с точки зрения вот такой морали, традиционных моментов. Вот. (И4, политика, ЦФО)

Патриотическое воспитание рассматривается федеральными экспертами в качестве гаранта поступательного движения в будущее, а патриотизм — как общенациональная связующая ценность, с помощью которой в будущее передается идея над- и межэтнического национального единства российского общества. Критика самой концепции патриотического воспитания допускается, но только если это не наносит ущерба национальному единству страны.

Традиционные взгляды на жизнь являются... вот, общим единым стержнем, когда мы говорим об общих, формирующих российский народ, ну, Российскую Федерацию, основах... Патриотизм — это вещь, свойственная нам, и важная, и нужная, но это совершенно не значит, что молодежь не критически должна воспринимать действительность. Но при этом мы должны понимать, что — ну, для меня лично это так — что никакие наши действия никогда не должны вредить Российской Федерации как обществу, вот этому многонациональному, многоконфессиональному народу. (И1, политика, ЦФО)

Эксперты единодушны в оценке последствий пандемии коронавируса для государственных структур. Потребовались срочные меры по быстрой переориентации ключевых направлений и наработанных практик, многие яркие проекты пришлось свернуть или сократить (как, например, движение российских студотрядов), отмечал эксперт И5 (политика, НКО, УФО).

Кризис подталкивает к поиску резервов, приходится работать на полную мощность, предлагать идеи, совершенствоваться и запускать новые сервисы, становиться более клиентоориентированными.

И вот вся эта ситуация стимулировала все организации усовершенствовать свои онлайн-услуги. <...> это стало, ну, для молодежи позитивным... открытые курсы всевозможные, да, бесплатно создали, там, друг друга поддерживают — это тоже как бы такой плюсики, вот. (И6, политика, ПФО)

Улучшение собственных сервисов помогло продемонстрировать эффективность работы с молодежью, а пандемия, по мнению экспертов, поспособствовала расширению влияния государства на молодежную аудиторию.

Что касается, к примеру, там, коронавируса и добровольчества, я могу сказать, что акция «Мы вместе» — она показала, насколько людям не безразлично... Мы в течение трех дней там смогли собрать порядка 1000 добровольцев на территории региона,

которые сказали: «Я готов». К примеру, я готов на своей машине с 7 вечера до 9 вечера развозить продукты, мне за это ничего не надо, дайте мне волонтера, я буду готов ездить. (И2, политика, СЗФО)

Оптимистичный взгляд на настоящее и будущее молодежной политики, диалог «на равных» с современной молодежью, разделяемое мнение о безусловной важности традиционных ценностей и патриотизма как общенациональной идеи вместе с критическим восприятием европейского опыта работы с молодежью — все это характерно для ключевых агентов российской МП из «центра» (руководителей высшего звена федеральных органов государственной власти, председателей сетей общероссийских молодежных объединений или их заместителей). Они разрабатывают и запускают общефедеральные программы или проекты, курируют их реализацию, контролируют социальные эффекты и определяют контрольные показатели. Будучи мало включенными в непосредственную реализацию молодежной политики, они редко сталкиваются с трудностями «на местах», ориентируясь в большей степени на показательные и яркие события форумов и съездов, в результирующих мероприятиях которых принимают участие топовые лидеры и активисты молодежных движений и инициатив. Риторические приемы говорения о молодежи как «силе и мощи государства, надежды на поступательное движение к светлому будущему» отсылают к советскому опыту массовых мобилизаций молодежного активизма «сверху», дискурсивно соответствуют актуальной и доминирующей политической и идеологической повестке государства. В качестве иллюстрации российской молодежи эксперты ссылаются на «прогрессивных» лидеров и активистов, лояльных власти, разделяющих принципы нормативности, соответствующие так называемой традиционной морали. Это приводит к тому, что за рамками внимания и приоритетов МП оказывается уязвимая или не вписывающаяся в этот образ молодежь.

Цементирующей основой единства государства и молодого поколения является, по мнению этих экспертов, патриотизм, формирующийся вокруг «гордости за страну» с акцентом на победу во Второй мировой войне. Ведущие агенты молодежной политики уверены в том, что знают, как выстроить диалог с молодежью, а кризисные явления, включая пандемию, рассматривают как ситуации, помогающие формированию солидарных интересов с фокусом на волонтерство.

«Короткий горизонт планирования»: тревожное будущее

Часть наших информантов с тревогой говорили о молодом поколении и будущем молодежи. Важным направлением работы (зачастую именно в регионах) становится перевоспитание «неактивных», «потребителей государственных ресурсов» в осознанных граждан, разделяющих ответственность за будущее страны. Молодежная политика, по их мнению, призвана реализовать миссию по «спасению» молодежи от разнообразных угроз — как внешних, так внутренних. Надежды возлагаются на прогрессивные инструменты МП и ее работников, способных профессионально пользоваться ресурсами.

Незаинтересованность молодежи в будущем страны связывается экспертами с исключительным вниманием юношей и девушек к личностному развитию

на фоне роста индивидуалистических установок, со стремлением к максимальному использованию ресурсов государства «здесь и сейчас», а также ожиданием особого отношения к себе и слабым планированием будущего:

У молодежи короткий горизонт планирования, как у общества в целом, но очень сильная фиксация и концентрация на сегодняшнем дне: сегодняшний день, «я сам», «мое саморазвитие», «моя самореализация», не выходит из зоны комфорта, и, скорее, вот, вот наслаждаться всем происходящим за чужой счет... Очень мало активной жизненной позиции, а, скорее, вот очень такое потребительское отношение к государству, и все, что делают родители дома, потом хочется, чтобы ровно то же самое продолжило делать государство, причем вот здесь и сейчас. (И7, наука, ЦФО)

Молодежь подвержена разнообразным рискам ценностно-нравственного толка. По мнению информанта — руководителя федерального органа власти в регионе, это радикализация настроений и недостаток толерантности, связанные с недостатком патриотических чувств и непониманием «исконных», извечных ценностей российского общества:

Проблема, которая обостряется периодически, — это проблема радикализации молодежной среды, связанная с проявлением экстремизма, с проявлением насилия, с нетолерантностью... Это проблема с пониманием... патриотизма, да, ценностей того общества нашего российского исконного, в котором он живет. (И8, политика, ПФО)

Особые тревоги вызывают и группы молодых политических оппозиционеров или гражданских активистов, открыто демонстрирующих свою нелояльность или несогласных с текущим политическим курсом. Такие настроения эксперты часто связывают с усилением западного вмешательства в процесс социализации молодых россиян. Соответственно, инструментом контроля и регулирования взросления нового поколения становится курс на патриотическое воспитание, способный противостоять «угрозам» извне, стремлениям недоброжелателей помешать единству России.

А что касается патриотического воспитания, ну, мы понимаем прекрасно, что страна наша огромная, страна у нас имеет много, скажем так, недоброжелателей, которые в мировом сообществе считают исконно несправедливым, что, там, одной стране, одному народу в широком смысле — а мы же все русский народ, и татары, и русские, — что одному народу достались такие богатства, недра, территории... Я абсолютно согласен с фундаментальными трудами наших историков, и не только историков, что Россию можно победить только изнутри, только лишь если сама Россия себя уничтожит... Задача формирования идентичности, патриотического воспитания в этом плане является для нас одной из важных, значимых. (И8, политика, ПФО)

Метод профилактики «угроз» (среди которых — риск западного вмешательства в социализацию молодежи, снижение авторитета государства и его лидеров, утечка мозгов) работает как защитный механизм государственной политики: вместе

с разворачиванием внешнеполитических событий или конфликтов, автоматически усиливается патриотическая повестка государства. Эксперт — руководитель молодежного НКО из региона в следующей цитате считает, что такой механизм необходим для достижения понимания и консенсуса в обществе:

С какими-то политическими тоже вопросами связано, внешнеполитической деятельностью, да, Крым присоединили... Мне кажется, в информационном поле много стало... как сказать, хейтят, да, Россию, критикуют действия, там, органов власти, да, государства нашего. Конфликты, которые на мировой арене, да, происходят, и для того, чтобы, ну, у людей было четкое, как сказать, понимание, что все делается правильно, началось, ну, начинается вот это вот патриотическое движение, сильно, ну, развивать... (И9, НКО, ДВФО)

Усиление курса на патриотическое воспитание заметно по разрастанию аппаратов органов исполнительной власти, специально созданных для данных целей, расширению волонтерских корпусов при общественных движениях. Для некоторых экспертов предметом гордости является наличие в регионе больших бюрократических и исполнительных структур патриотического толка:

Ну, вот у нас прям целая структура теперь в комитете по делам молодежи, которая занимается патриотическим воспитанием, раньше такого не было, прям штаб целый. <...> У нас Юнармия у нас есть, есть военно-патриотический центр, который тоже структура комитета по делам молодежи... Ну, я думаю, что это на пользу. (И10, политика, ЮФО)

Часть экспертов в регионе умеренно критикуют не только зарубежный, но и российский опыт, полагая, что стоит осторожно перенимать некоторые европейские практики, связанные, например, с интересными подходами к вовлечению молодежи в управление общественными процессами, стремлением услышать ее голоса, сделать ее более видимой.

Европейская политика — она как раз в большей степени ориентирована на вовлечение молодежи в управление молодежной политикой как таковой, в разработку инструментов. То есть там взгляд в большей степени снизу, да. У нас взгляд сверху, стратегия сверху: государство диктует, что именно, да, и пытается воздействовать на молодежь... Хотя, ну, я, безусловно, не могу сказать, что в Европе все так благополучно, все так замечательно... С точки зрения интеграции — да, у России здесь есть, наверное, даже лучший потенциал интеграционный, чем у Европы. Это связано с тем, что Россия изначально многонациональное государство, и таким является в течение длительного времени. (И11, наука, СФО)

Пандемия усилила тревоги этой группы экспертов за молодежь и будущее страны. Молодые, по их мнению, показали инертность и неспособность противостоять связанному с пандемией кризису.

Пандемия и вот все эти ограничения, молодежь абсолютно не в тонусе. Ее выбило из колеи. Она не знает, как туда вернуться, как настроиться, ну, если, там, хотите, на путь истинный. Ну, даже те ребята, которые были активные, там, в феврале-марте, говорят: «Нам ничего неохота. Мы ничего не хотим делать. Зачем? Мы вон лучше Ютубчик посмотрим». Эти люди вот с таким отношением сейчас... Сколько-то лет проучатся, а потом они пойдут в реальный сектор экономики и с очень большой долей вероятности ровно с таким же отношением... Можно сделать прогноз, что кризис-то следующий шандарахнет, когда вот эти ребята, которые вот сейчас с таким настроем, ну, скажем так, придут, не зная, как управлять какими-то процессами... (И5, НКО, УФО)

Обращали внимание информанты и на разные мотивы участия молодежи в волонтерстве в период пандемии, в том числе и прагматические, что с одной стороны выглядело странно, с другой — говорило о вполне объяснимом желании мобильности, которой многие оказались лишены в условиях изоляции.

Они писали мне буквально, у них вопрос начинался не с того, что типа «я вот хочу помогать», а их вопрос начинался с того, что «я хочу перемещаться по городу, скажите, вот тот пропуск, который вы получаете в результате того, что вы это делаете, он предоставляет такую возможность?» И доходило до того, что я, естественно, сказала, что «друзья, как бы, конечно, он предоставляет, но вы имеете в виду, что если вы регистрируетесь как волонтер, но не волонтерите, то у вас просто его изымают». (И12, НКО, СЗФО)

Критика в отношении современной молодежи могла быть связана с недостаточной, вовлеченностью и ответственностью молодых. Ссылаясь на свои молодые годы, эксперты сетовали на неблагодарность молодежи, ее неспособность или нежелание видеть открывшиеся возможности.

...Ты выбираешь то, что тебе действительно нравится. И сегодня это сделать намного проще, чем те же 10 лет назад, когда, допустим, я поступал в учебное заведение, и сегодня это проще, интереснее, масштабнее... Я думаю, что в целом для молодежи сейчас все делается, осталось только молодежи не зажираться, скажем так, а использовать то, что есть. (И13, НКО, СЗФО)

Тревожный образ современной молодежи вместе с умеренной критикой в адрес МП характерен для руководителей и сотрудников МП субъектов и муниципальных органов РФ, региональных штабов общероссийских общественных молодежных объединений, части ученых и исследователей молодежи. Эти эксперты участвуют в разработке региональных программ МП, включаются в обсуждение новых законодательных инициатив, активно выступают в медийном поле. Они возлагают на молодежь полную ответственность за будущие судьбы государства, однако она оказывается неготовой к этой миссии в связи с низкой активностью и незаинтересованностью юношей и девушек в реальной жизни общества, потребительскими установками в отношении государства, заикленностью на «здесь и сейчас», карьерном и личностном росте. Особые тревоги вызывает усиление западного вмешательства и рост числа оппозиционно настроенных гражданских

активистов, что требует особого внимания к разработке новых подходов к патриотическому воспитанию молодежи, преодолению исключительного взгляда «сверху», осторожного использования западного опыта с учетом потребностей современной молодежи. Инертность молодежи сказалась на ее неспособности противостоять кризису, связанному с пандемией. Настоящее воспринимается экспертами этой группы как хрупкая стабильность, устойчивость которой крайне ненадежна. При будущих кризисах, которые, по их мнению, неизбежны, молодежь вряд ли будет способна помочь государству, что делает крайне актуальным поиск новых механизмов и инструментов работы с молодежью.

Работа с молодежью — «одна большая декорация»

Мнения этой группы экспертов отличает повышенная критичность в отношении существующих практик молодежной политики России вместе с критичностью в отношении перспектив будущего диалога государства и молодежи. В эту группу попали прежде всего ученые — исследователи молодежи, руководители НКО и подведомственных органов государственной власти (преимущественно муниципальных), то есть эксперты как из «центра», так и из регионов, занятые непосредственно реализацией МП или исследованиями в этой области, не включенные в ее разработку.

Информанты обеспокоены тем, что происходит конфронтация государства и молодежи. Государство в лице ключевых агентов молодежной политики отказывается признавать и принимать новые приоритеты, значимые для современной молодежи, такие как рост либеральных настроений, значимость постматериальных ценностей, популярность западных/европейских культурных образцов, растущий интерес к отстаиванию прав и свобод человека.

...Если смотреть на доминирующие потребности, что, опять-таки, показывает уже не одно исследование... Это тяготение к постматериалистическим ценностям... к ценности свободы, тяготение к ценности либерализма, к ценности рынка и толерантности. И это очень проевропейски и прозападно мыслящая публика, как бы, может быть, власти это не хотелось отрицать. Это люди, выросшие в эпоху свободного интернета, открытых границ и эпоху тотального распространения информации по всему миру. Их модель мышления, в большинстве своем она очень либеральная, и она очень про западный стиль мышления, про нормально работающие институты, про высокую социальную справедливость, про абсолютно идентичные и работающие для всех одинаково правила жизни, про закон. Вот в этом смысле я бы сказал, что основной, как бы, закон молодежи — он сюда тяготеет. (И14, наука, УФО)

Эксперты считают, что государство и руководители МП специфическим образом реагируют на новые запросы молодежи — проблематизируя ненормативную молодежную активность и стремясь к усилению своего влияния посредством более жестких и агрессивных практик продвижения патриотического воспитания и контроля. Молодежь, по их мнению, расценивается государством в качестве политического инструмента и ресурса и оказывается за рамками обсуждения актуальной повестки и, соответственно, влияния на принятие решений. Реального диалога

с молодыми не происходит. Многочисленные форумные кампании или молодежные правительства создают картинку бесконфликтного содружества государства и молодежи, отвлекают внимание от острых проблем, с которыми сталкиваются молодые люди. Декларируется запрос на подготовку молодых креативных лидеров и развитие гражданственности, но в то же время он одновременно жестко контролируется, ограничивается в используемых инструментах и обсуждаемых темах, под которые выделяются финансирование и государственная поддержка. Так, по мнению экспертов, все это создает видимость работы в сфере МП и, в особенности, подчеркивает соответствие государственному курсу, а сама молодежь выступает «декорацией»:

... Сама молодежная политика — это политический инструмент, где часто молодежь выступает в виде некой декорации, которую пытаются нам показать: «Смотрите, вот молодежь вписана в общественную жизнь общества». Все вот эти многочисленные молодежные парламенты, молодежные правительства, различные молодежные форумы — это просто попытка вроде бы как-то что-то дать, ничего не давая, потому что молодежь по факту, когда я с ними общаюсь, будучи сама молодым человеком, я вижу, что нас всерьез-то не берут... давайте будем это делать, это очень круто, но, если ты пойдешь вглубь, попробуешь комплексно решить проблему, тебе просто это не дадут сделать. (И15, НКО, СФО)

Критически эксперты оценивают усиление курса на патриотическое воспитание, развитие духовных (традиционных) ценностей, правовую социализацию молодежи исключительно в контексте противодействия и профилактики всевозможных внутренних и внешних угроз в отношении политического курса государства. Это, по их мнению, вредит честному диалогу с молодежью, закрывает горизонты будущего.

Критично оцениваются экспертами принятые концепции и инструменты реализуемых программ патриотического воспитания молодежи, смысловым стержнем которого является тема и риторика ВОВ, посредством которой продвигаются ценности и взгляды доминирующего политического дискурса.

... Большая проблема еще с 1990-х годов — это поиск целостной интегральной идеи, «давайте мы все объединимся вокруг чего бы то ни было». Эту проблему решали в основном через культ Великой Отечественной войны... Я последнее время в молодежной среде вижу постепенное ощущение перекормленности темой Великой Отечественной войны. Скандалы вокруг георгиевских ленточек, рассуждения о том, что «мы можем повторить» — это неправильный лозунг... Это следствие того, что вот эта вот национальная идея через Великую Отечественную войну, которая, ну, пытается объединить, постепенно начинает себя изживать — по крайней мере, если мы говорим о молодежном сообществе. Чем ее заменят и заменят ли вообще — я не знаю. (И14, наука, УФО)

... Они идут, к сожалению, по готовым моделям. То, что им как бы какие-то задачи спустили, они их и решают там вот: 75-летие Победы — давайте все ударимся в патриотизм, в каких-то, ну, диких видах. Давайте соберем круглый стол! Кому он нужен? Когда сидят там 60-летние старцы, что-то там обсуждают, вспоминают былые дни: «Ну вы-то ребята молодые, давайте по-другому это все проводить». (И16, политика, ЦФО)

Не разделяя милитаристской риторики патриотических государственных программ, эксперты говорят о возможных проблемах для будущего: военизированные практики патриотического воспитания могут провоцировать, по их мнению, культ агрессии в молодежной среде. Ядром такой концепции становится конфронтация между политическими лагерями, формирование и закрепление в молодежной среде образов внутренних и внешних врагов государства:

...Ну, общий настрой и уровень агрессии в людях, он каждый год повышается... И в том числе благодаря вот, ну, как у нас в стране, к сожалению, все очень сильно завязано на политике и в том числе на внешней политике. Мы всегда ищем какого-то врага, обязательно надо найти врага и с ним очень долго и сильно бороться. Они все хотят нам сделать плохо. А мы, конечно же, за все хорошее во всем мире. (И17, политика, СФО)

Патриотическое воспитание реализуется в целом непопулярными «советскими» методами: централизация, планы, директивность и идеологический подход. Такие инструменты отталкивают молодежную аудиторию и увеличивают нагрузку на учителей, уверены эксперты:

Сейчас вот всем школам была спущена директива о том, что надо осуществлять патриотическое воспитание в школе... На учителей легла лишняя нагрузка. Такой прямолинейный подход, да, в сфере идеологии, который, по сути, повторяет советские традиции, он уже не сработает у современной молодежи. И, наверное, даже наоборот, у значительной доли молодежи вызывает, скорее, отторжение, да, негативную реакцию, нежели, вот направляет молодежь в нужную такую идеологическую сторону. (И18, наука, ПФО)

Чрезмерная идеологизация молодежной политики, даже тех ее направлений, что близки западным/европейским практикам (волонтерство и социальная вовлеченность молодежи), в России терпят крах и не работают. Главная проблема — молодежь по-прежнему остается невидимой для государства, продолжает расцениваться как проблема, требующая централизованного решения.

Если, там, посмотреть на европейские страны, то там молодежь воспринимается больше как партнер государства: молодежь хотят и готовы привлекать в различные сферы жизни людей. Там молодежь готова идти, потому что она понимает, что она здесь не как декорация сидит... Они могут диктовать сообществу, что и как делать, они могут задавать какие-то свои векторы, поднимать какие-то реальные проблемы, чего в России, к сожалению, молодежь часто не может сделать, то есть она невидима, незначима. (И15, НКО, СФО)

Пандемия — несмотря на то, что оказалась нелегкой для многих, — привела к неожиданным результатам. По мнению экспертов этой группы, молодежь и родители (взрослые) начали разговаривать на одном языке современных технологий, а развитие дистанционных технологий помогло сглаживанию конфликта поколений и выстраиванию диалога на равных.

...Коронавирус сыграл, конечно, такую хорошую роль, потому что всем пришлось уйти в онлайн. Те, кто раньше не принимал онлайн — я говорю сейчас больше про старшее поколение, которые говорили «убери свой гаджет, отдам в конце урока», — сейчас у них возникла необходимость уходить в онлайн. Проводить онлайн-занятия, делать фотографии, копировать ссылки, размещать материалы, записывать лекции... Объективно эффект, конечно, высокий, стало лучше. (И19, политика, СФО)

Широкое развитие онлайн-формата взаимодействия помогло в определенной степени преодолеть изолированность уязвимых групп молодежи и открыть им вход в недоступные ранее молодежные тусовки и общение:

...Молодежные организации инвалидные, которые в онлайн-формате проводили даже свои, там, тренировки спектаклей и так далее. То есть освоение новых форм таких произошло. И на самом деле это вот позитивно то, что эта категория, например, молодежи нашла возможность через онлайн включаться в какие-то культурные программы шире, вот и в общение. (И20, наука, ЦФО)

Молодежь в целом как группа скорее выиграла от пандемии, нежели проиграла. Так, российская молодежь получила право заявить о себе на международных площадках, ей открылись интеллектуальные ресурсы — зарубежные библиотеки и музеи, двери топовых университетов. Вместе с тем пандемия подорвала у молодежи авторитет государства, которое не справилось с решением возникших материальных проблем для многих уязвимых категорий молодых людей. Это окажется серьезной проблемой в будущем, считают эксперты.

...Были, наверное, иллюзии о том, что при возникновении такой сложной ситуации государство будет оказывать более активную помощь. К сожалению, вот этот кризис показал... Он, понятно, был новым для всех — для руководства страны, для руководства регионов, — но мне кажется, что все-таки уровень поддержки был недостаточным. (И21, НКО, политика, ЦФО)

Критический образ будущего молодежи в контексте реализуемых проектов МП разделяют эксперты, непосредственно участвующие в их осуществлении, чаще всего на региональном уровне, а также ученые из «центра» и регионов, занимающиеся исследованиями и анализом молодежного пространства современной России. Все они озабочены ростом конфронтации государства и молодежи, а лейтмотив их нарративов — «надо срочно что-то менять». По их мнению, следует внимательно относиться к европейскому опыту, учитывать изменения настроений молодежи в сторону либеральных, постматериальных ценностей, растущий интерес молодежи к отстаиванию прав и свобод, а также актуальный запрос на социальную справедливость. С беспокойством относятся эксперты и к излишне агрессивному продвижению, а также контролю результативности патриотического воспитания, особенно его милитаризированных вариантов. Критически оценивается ими использование просоветских методов молодежных «массовок» в качестве декораций достижений и побед, бесконфликтного содружества государства

и молодежи, что может привести к глубоким кризисам в будущем. Неуместным и достаточно рискованным для будущего, по их мнению, становится постоянное использование темы Великой Отечественной войны как бесконечного свидетельства неизменности традиций и общенациональных ценностей, что на практике приводит к выхолащиванию исторического смысла.

Выводы

Все эксперты, принявшие участие в исследовании, уверены, что молодое поколение сыграет ключевую роль в построении будущего, но то, каким оно будет, насколько молодежь готова к своей «миссии», какие проекты и инициативы, реализуемые молодежной политикой, способствуют или, наоборот, затрудняют диалог государства и молодежи — в этих и других вопросах общего понимания нам обнаружить не удалось.

Мы видим, как по-разному разворачивается обсуждение будущего страны и как вписываются в образы будущего представления о современной молодежи России, ее преимуществах, ключевых проблемах, общих и особенных характеристиках их ценностных миров. Ключевыми линиями напряжений и противоречий в неявном диалоге между экспертами оказались все те же «вечные» вопросы: молодежь России — объект или субъект МП, молодежь России инфантильна и безответственна или она включена в общественные процессы, но ее включение и гражданственность расходится с официальными нормативными представлениями [Krupets et al., 2017] прочтение патриотизма в русле официальной доктрины как залог будущего страны и разные прочтения патриотизма от частного дела — до новой гражданственности [Nartova, 2021].

Можно также проследить линии, вдоль которых расположились мнения экспертов: от центра к периферии и от высшего звена — к тем, кто реально работает на местах, от ученых — до практиков, и от государственных структур — к НКО. Образы будущего через призму МП, которые мы реконструировали из анализа интервью, показывают трудности диалога между уровнями разработки и реализации МП и проблемы понимания в контексте «центр-периферия», что сказывается на том, как сами агенты молодежной политики понимают актуальную повестку и задачи МП, как вписываются в проводимую политику разные молодежные группы.

В центре дискуссии оказались вопросы, связанные с прочтением смысла и практик патриотического воспитания молодежи. Для одних — это ядро национальной идеи и средство воспитания и перевоспитания молодежи, для других — предмет рефлексивной критики используемых инструментов. По-разному оценивают эксперты и эффекты кризисных ситуаций, в частности пандемии. Эксперты сходятся во мнении о том, что кризис многому их научил, может и должен способствовать изменениям МП. Однако направления этих изменений видятся экспертами по-разному. Для одних это время стало своего рода драйвером, подталкивающим к необходимости трансформировать фокусы и повестки молодежной политики. Для других экспертов пандемия коронавируса усилила тревогу за будущее страны и молодежи или, наоборот, открыла дорогу к «позитивным» изменениям и стабилизации будущего.

Сложно сказать, насколько полученные результаты интересны и полезны для продолжения дискуссии вокруг особенностей и противоречий современной молодежной политики в России. Скорее всего, это лишь толчок к дальнейшим исследованиям и обсуждениям. Рискнем предположить, что этот краткий анализ дает представление о серьезном кризисе государственной молодежной повестки в России, связанном с чрезмерной идеологизацией МП, все чаще в последнее время обращающейся к опыту советского времени, использующей его вне и за рамками современного контекста мира свободного интернета, без учета существенных трансформаций молодежного пространства и ценностного мира молодых россиян.

Список литературы (References)

Андрюшина Е. В., Панова Е. А. Современная российская государственная молодежная политика: эволюция, основные направления, практики // *Власть*. 2017. Т. 25. № 7. С. 60—65.

Andryushina E. V., Panova E. A. (2017) The Modern Russian State Youth Policy: Evolution, Main Directions and Practice. *Vlast' (The Authority)*. Vol. 25. No. 7. P. 60—65. (In Russ.)

Гончарова Н. В., Ясавеев И. Г. Конструирование смыслов поисковой работы в России: лейтмотивы властей и участников экспедиций // *Мир России. Социология. Этнология*. 2020. Т. 29. № 1. С. 153—173. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-1-153-173>.

Goncharova N. V., Yasaveev I. G. (2020) The Meanings of WW2 Search Work in Russia in the Rhetoric of State Authorities and the Searchers Themselves. *Universe of Russia (Mir Rossii)*. Vol. 29. No. 1. P. 153—173. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-1-153-173>. (In Russ.)

Гревцева Г. Я., Ипполитова Н. В. Воспитание гражданственности и патриотизма молодежи: исторический аспект // *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. 2015. № 6. С. 27—32.

Grevceva G. Ya., Ippolitova N. V. (2015) Civic and Patriotic Education of the Young: The Historical Aspect. *The Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University*. No. 6. P. 27—32. (In Russ.)

Ильинский И. М., Луков Вал. А. Государственная молодежная политика в России: философия преемственности и смены поколений // *Знание. Понимание. Умение*. 2008. № 4. С. 5—13.

Iilinskiy I. M., Lukov Val. A. (2008) State Youth Policy in Russia: The Philosophy of Continuity and Digenesi. *Knowledge. Understanding. Skill*. No. 4. P. 5—13. (In Russ.)

Кравцова А. Н. От «Наших» до своих: трансформация «гражданственности» в среде петербургских про- и пост-«Наших» активистов // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019. № 1. С. 107—125. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.05>.

Kravtsova A. N. (2019) Transformation of “Citizenship” Among Pro- and Post-NASHI Activists in St. Petersburg. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 107—125. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.05>. (In Russ.)

Кривонос Д. С. Жизнь после «Наших»: автономия, лояльность и искренность в молодежном движении «Сталь» // Этнографическое обозрение. 2015. № 1. С. 72—89.
Krivonos D. S. (2015) Life after Nashi: Autonomy, Loyalty, and Sincerity in the Stal' Youth Movement. *Etnograficheskoe obozrenie*. No. 1. P. 72—89. (In Russ.)

Криворученко В. К. Молодежная политика: взгляд ученого и практика // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 78—87.
Krivoruchenko V. K. (2013) Youth Policy: A View of a Scientist and Expert. *Knowledge. Understanding. Skill*. No. 2. P. 78—87. (In Russ.)

Лисовская И. В. «Путевка в жизнь» для «трудных» подростков? Возможные сценарии (ре)интеграции в специальных учреждениях // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 3. С. 423—438. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-3-423-438>.

Lisovskaya I. V. (2019) A 'Start in Life' for Troublesome Kids? Possible Scenarios of Reintegration in the Context of Special Institutions. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 17. No. 3. P. 423—438. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-3-423-438>. (In Russ.)

Луков Вал. А., Погорский Э. К., Тихомиров Д. А. Государственная молодежная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 4. С. 231—236.
Lukov Val. A., Pogorsky E. K., Tikhomirov D. A. (2011) State Youth Policy: The Russian and World's Practice of the Realization of New Generations' Innovative Potential. *Knowledge. Understanding. Skill*. No. 4. P. 231—236. (In Russ.)

Меркулов П. А., Бакалдина Е. С., Елисеев А. Л. Государственная молодежная политика в современной России: инструменты интеграции молодежи в общественные практики // Власть. 2015. № 10. С. 27—32.

Merkulov P. A., Bakaldina E. S., Eliseev A. L. (2015) The State Youth Policy in Modern Russia: Integrational Tools. *Vlast' (The Authority)*. No. 10. P. 27—32.

Омельченко Е. Л. Молодежь: открытый вопрос. Ульяновск: Симбирская книга, 2004.

Omelchenko E. L. (2004) Youth: An Open Question. Ulyanovsk: Simbirskaya kniga. (In Russ.)

Омельченко Е. Л. Как научить любить Родину? Дискурсивные практики патриотического воспитания молодежи // С чего начинается Родина: молодежь в лабиринтах патриотизма / под ред. Е. Омельченко и Х. Пилкингтон. Ульяновск: УлГУ, 2012. С. 261—310.

Omelchenko E. L. (2012) How to Teach to Love the Homeland? Discursive Practices of Patriotic Education of Youth. In: Omelchenko E., Pilkington H. (eds.) *Where Does the Homeland Begin: Youth in the Labyrinths of Patriotism*. Ulyanovsk: Ulyanovsk State University. P. 261—310. (In Russ.)

Омельченко Е. Л. Вместо введения. 25 лет молодежных исследований: глобальные имена — локальные тренды // Молодежь в городе: культуры, сцены и солидар-

ности / сост. и науч. ред. Е. Л. Омельченко. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020.

Omelchenko E. L. (2020) Instead of an Introduction. 25 years of Youth Research: Global Names — Local Trends. In: Omelchenko E. L. (ed.) *Youth in the City: Cultures, Scenes and Solidarities*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)

Смирнов В. А. Молодежная политика: опыт системного описания // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 72—80.

Smirnov V. A. (2014) Youth Politics: A System Description. *Sociological Studies*. No. 3. P. 72—80. (In Russ.)

Стивенсон С. А. Уличные дети и теньевые городские сообщества // Социологический журнал. 2000. № 3—4. С. 87—97.

Stivenson S. A. (2000) Street Children and Urban Shadow Communities. *Sociological Journal*. No. 3—4. P. 87—97. (In Russ.)

Тарцан В. Н. Государственная молодежная политика в современной России // Полис. Политические исследования. 2010. № 3. С. 156—160.

Tartzan V. N. (2010) The State Youth Policy in Contemporary Russia. *Polis. Political Studies*. No. 3. P. 156—160. (In Russ.)

Ярлова Т. В. Патриотическое воспитание студенческой молодежи в современных условиях // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 2. С. 107—112.

Yarovova T. V. (2015) Patriotic Education of Student Youth in Modern Conditions. *Central Russian Journal of Social Sciences*. No. 2. P. 107—112. (In Russ.)

Ярская В. Н., Ловцова Н. И. Молодежная политика: разные и пока не равные // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8. № 2. С. 151—164.

Yarskaya V. N., Lovcova N. I. (2010) Youth Policy: Different but Not Equal Yet. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 8. No. 2. P. 151—164. (In Russ.)

Ясавеев И. Г. Лейтмотивы властной риторики в отношении российской молодежи // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15. № 3. С. 49—67. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2016-3-49-67>.

Yasaveev I. G. (2016) Motifs of Government Rhetoric on Youth in Russia. *Russian Sociological Review*. Vol. 15. No. 3. P. 49—67. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2016-3-49-67>. (In Russ.)

Blum D. W. (2006) Russian Youth Policy: Shaping the Nation-State's Future. *SAIS Review of International Affairs*. Vol. 26. No. 2. P. 95—108. <https://doi.org/10.1353/sais.2006.0027>.

Griffin C. (1997) Representations of the Young. In: Roche J., Tucker S. (eds.) *Youth in Society*. London: Sage. P. 10—18.

Hansson K., Lundahl L. (2004) Youth Politics and Local Constructions of Youth. *British Journal of Sociology of Education*. Vol. 25. No. 2. P. 161—178. <https://doi.org/10.1080/0142569042000205136>.

Hemment J. (2012) Nashi, Youth Voluntarism, and Potemkin NGOs: Making Sense of Civil Society in Post-Soviet Russia. *Slavic Review*. Vol. 71. No. 2. P. 234—260. <https://doi.org/10.5612/slavicreview.71.2.0234>.

Hemment J. (2015) Youth Politics in Putin's Russia: Producing Patriots and Entrepreneurs. Bloomington, IN: Indiana University Press.

Henderson S. L. (2011) Civil Society in Russia: State-Society Relations in the Post-Yeltsin Era. *Problems of Post-Communism*. Vol. 58. No. 3. P. 11—27. <https://doi.org/10.2753/PPC1075-8216580302>.

Nartova N. (2021) Citizenship and Social Engagement of Youth in the Putin Era. In: Omelchenko E. (ed.) *Youth in Putin's Russia*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 137—165. https://doi.org/10.1007/978-3-030-82954-4_4.

Omelchenko E., Krupets Ya., Zhelnina A. (2015) Citizenship of Russian Youth: The Search for an Effective Methodology. In: Allaste A.-A., Tiidenberg K. (eds.) *"In Search of ...": New Methodological Approaches to Youth Research*. Cambridge: Cambridge Scholar Publishing. P. 295—317.

Krupets Ya., Morris J., Nartova N., Omelchenko E., Sabirova G. (2017) Imagining Young Adults' Citizenship in Russia: From Fatalism to Affective Ideas of Belonging. *Journal of Youth Studies*. Vol. 20. No. 2. P. 252—267. <https://doi.org/10.1080/13676261.2016.1206862>.

Pilkington H. (1994) Russia's Youth and Its Culture: A Nation's Constructors and Constructed. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203421116>.

Priečko M. (2015) Between Patriotism and Far-Right Extremism: A Case of Youth Activism in Matica Slovenská. *Ethnologia Actualis*. Vol. 15. No. 1. P. 65—90. <https://doi.org/10.1515/eas-2015-0009>.

Silvan K. (2018) Policy Subjects or Objects? Paradigm Shift in the Youth Policy of Belarus. *Vesnik of Yanka Kupala State University of GrodNo. Series 5. Economics. Sociology. Biology*. Vol. 8. No. 2. P. 87—92.

Silvan K. (2019) Youth Policy Practice in Post-Soviet Russia and Belarus: Past and Present. *Universe of Russia (Mir Rossii)*. Vol. 28. No. 1. P. 161—171.

Wang Zh. (2008) National Humiliation, History Education, and the Politics of Historical Memory: Patriotic Education Campaign in China. *International Studies Quarterly*. Vol. 52. No. 4. P. 783—806. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2008.00526.x>.

Wang Zh. (2014) The Chinese Dream: Concept and Context. *Journal of Chinese Political Science*. Vol. 19. No. 1. P. 1—13. <https://doi.org/10.1007/s11366-013-9272-0>.

Приложение

Описание интервью

Ссылка на интервью с экспертом	Пояснение: направление деятельности эксперта
И1, политика, ЦФО	Руководитель крупной государственной организации, занимающейся разработкой МП на федеральном уровне власти
И2, политика, СЗФО	Председатель государственной организации, занимающейся разработкой и реализацией МП на уровне субъекта РФ
И3, НКО, ЦФО	Заместитель председателя крупного общественного движения волонтерского профиля
И4, политика, ЦФО	Первый заместитель председателя общероссийского молодежного движения, оказывающего весомую роль на разработку и реализацию МП в субъекте РФ (отнесено к сфере «политика» из-за рода деятельности организации)
И5, политика, НКО, УФО	Эксперт является членом регионального консультативно-совещательного органа при государственной организации, а также руководителем регионального штаба молодежной общероссийской организации
И6, политика, ПФО	Руководитель государственной организации, одним из направлений которой является разработка и реализация молодежной политики на уровне субъекта РФ
И7, наука, ЦФО	Эксперт занимала должность проректора, а также является руководительницей одной из исследовательских лабораторий в многопрофильном университете
И8, политика, ПФО	Заместитель министра в субъекта РФ, руководитель государственного органа по МП в субъекте РФ
И9, НКО, ДВФО	Председатель регионального штаба общероссийского молодежного движения
И10, политика, ЮФО	Руководитель отдела муниципальной организации, занимающейся реализацией МП в крупном городе субъекта РФ
И11, наука, СФО	Доцент, сотрудник многопрофильного университета. Сфера научных интересов эксперта связана с молодежным активизмом
И12, НКО, СЗФО	Руководитель НКО, профиль которого связан с волонтерством и исторической памятью
И13, НКО, СЗФО	Председатель регионального штаба общероссийского молодежного движения
И14, наука, УФО	Доцент в многопрофильном университете. Сфера научных интересов эксперта связана с молодежными исследованиями и молодежной политикой
И15, НКО, СФО	Руководитель НКО, профиль которого связан с волонтерством

Ссылка на интервью с экспертом	Пояснение: направление деятельности эксперта
И16, политика, ЦФО	Политический консультант, в т. ч. в сфере молодежной политики
И17, политика, СФО	В 2003—2020 гг. эксперт занимала должность директора муниципального молодежного центра в крупном городе субъекта РФ, на период проведения исследования занимала должность руководителя отдела клубной работы молодежного центра.
И18, наука, ПФО	Доцент в многопрофильном университете. Интересы эксперта связаны с молодежными исследованиями и поколениями
И19, политика, СФО	Руководитель муниципального молодежного центра, начальник отдела по молодежной политике в муниципальной государственной организации
И20, наука, ЦФО	Профессор в гуманитарном университете, сфера научных интересов эксперта связана с социологией детства
И21, НКО, политика, ЦФО	Эксперт имеет опыт работы и руководства региональными департаментами по делам молодежи, в настоящее время руководит федеральным молодежным лагерем

DOI: [10.14515/monitoring.2022.2.1881](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1881)

М. Ю. Малкина, Д. Ю. Рогачев

САМОУВЕРЕННОСТЬ, СКЛОННОСТЬ К РИСКУ И СКЛОННОСТЬ К НЕДОБРОСОВЕСТНЫМ ДЕЙСТВИЯМ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ

Правильная ссылка на статью:

Малкина М. Ю., Рогачев Д. Ю. Самоуверенность, склонность к риску и склонность к недобросовестным действиям как детерминанты экономического поведения студентов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 93—119. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1881>.

For citation:

Malkina M. Yu., Rogachev D. Yu. (2022) Self-Confidence, Risk and Dishonesty Propensity as Determinants of Economic Behavior (On the Example of Students). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 93–119. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1881>. (In Russ.)

САМОУВЕРЕННОСТЬ, СКЛОННОСТЬ К РИСКУ И СКЛОННОСТЬ К НЕДОБРОСОВЕСТНЫМ ДЕЙСТВИЯМ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ

МАЛКИНА Марина Юрьевна — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории и методологии, руководитель Центра макро- и микроэкономики, Институт экономики и предпринимательства, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия
E-MAIL: mmuri@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3152-3934>

РОГАЧЕВ Дмитрий Юрьевич — ассистент кафедры мировой экономики и таможенного дела, Институт экономики и предпринимательства, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия
E-MAIL: rogistyle@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0683-3340>

Аннотация. В статье анализируется взаимосвязь уровня самоуверенности студентов и склонности к риску и недобросовестным действиям как детерминант их поведения в экономической сфере. Исследование основано на данных авторского социологического опроса 611 студентов Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Предложены и апробированы оригинальные методы оценки трех исследуемых характеристик. Для построения зависимостей использовались методы корреляционно-регрессионного анализа.

SELF-CONFIDENCE, RISK AND DISHONESTY PROPENSITY AS DETERMINANTS OF ECONOMIC BEHAVIOR (ON THE EXAMPLE OF STUDENTS)

Marina Yu. MALKINA¹ — Dr. Sci. (Econ.), Professor at the Department of Economic Theory and Methodology; Head of the Center of Macroeconomics and Microeconomics, Institute of Economics and Entrepreneurship
E-MAIL: mmuri@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3152-3934>

Dmitry Yu. ROGACHEV¹ — Assistant of the International Economics and Customs Affairs Department, Institute of Economics and Entrepreneurship
E-MAIL: rogistyle@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0683-3340>

¹ Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni Novgorod, Russia

Abstract. The article analyzes the relationship between the level of self-confidence of the respondents and their risk and dishonesty propensity as determinants of their behavior in the economic sphere. The study bases on the data of the author's sociological survey of 611 full-time students of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. The authors propose and test original methods for evaluation of the three named individual characteristics and study the relationship between different parameters using correlation and regression analysis.

The survey allowed to estimate the differences in characteristics across various

Опрос позволил выявить интенсивность проявления разных характеристик среди разных групп студентов. В общей выборке студентов обнаружена положительная связь между уровнем самоуверенности и склонностью к недобросовестным действиям, с одной стороны, и склонностью к риску — с другой. В группе респондентов с невысоким уровнем самоуверенности связь самооценки с уровнем знаний и склонностью к риску прямая, однако отсутствует связь самооценки со склонностью к недобросовестному поведению. В то же время в группе опрошенных с высоким уровнем самоуверенности зависимость между уровнем знаний и самооценкой обратная, и наблюдается прямая тройственная взаимосвязь между самоуверенностью, склонностью к риску и склонностью к недобросовестному поведению. Построенные эконометрические модели показали, что склонности к риску и недобросовестному поведению больше присущи юношам, чем девушкам, и в большей степени проявляются у студентов гуманитарных специальностей, чем естественнонаучных. Возраст оказывает влияние на склонность к недобросовестным практикам только в группе более зрелых респондентов с повышенной самооценкой. Результаты могут быть применены при дальнейших исследованиях взаимосвязи характеристик людей, определяющих особенности их экономического поведения. Также они могут быть использованы в информационно-просветительской работе, направленной на развитие навыков эффективного экономического поведения молодежи.

groups of the students. Generally, the authors observe a direct relationship between self-confidence and the propensity for dishonest acts, on the one hand, and the propensity to take risks, on the other hand. Among respondents with a low level of self-esteem, the study revealed a positive relationship between self-confidence, actual level of knowledge and the propensity to take risks but did not find any relationship between self-confidence and the propensity for dishonest behavior. At the same time, in the group of respondents with a high level of self-confidence, an inverse relationship was found between the level of knowledge and self-esteem, as well as a direct triple relationship between self-confidence, the propensity to take risks and the propensity for dishonest behavior. The econometric modelling showed that the risks and dishonesty propensity are more pronounced among male students compared to female, and among those studying humanities compared to natural science students. Age influences the propensity for informal practices only in the group of more mature respondents with relatively high self-esteem. The research results can be applied in further studies focused on the relationships of personal characteristics determining features of economic behavior or in various types of information and educational work aimed at developing the skills of effective economic behavior among young people.

Ключевые слова: поведенческая экономика, социологические опросы, студенты, личностные характеристики, склонность к риску, самоуверенность, склонность к недобросовестному поведению

Keywords: behavioral economics, sociological surveys, students, personality characteristics, propensity to take risk, self-confidence, propensity to dishonest behavior

Благодарность. Исследование выполнено в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ, проект 0729-2020-0056 «Современные методы и модели диагностики, мониторинга, предупреждения и преодоления кризисных явлений в экономике в условиях цифровизации как способ обеспечения экономической безопасности Российской Федерации».

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of the basic part of the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, project 0729-2020-0056 “Modern methods and models for diagnosing, monitoring, preventing, and overcoming crisis phenomena in the economy in the context of digitalization as a way to ensure the economic security of the Russian Federation”.

Под экономическим поведением человека понимается процесс принятия решений в сфере экономики и финансов: от осознания проблемы, оценки ограничений и поиска альтернатив до совершения действий и рефлексии по поводу них. На экономическое поведение оказывают влияние многообразные факторы, ситуации и процессы. Исследуя поведение в сфере экономики, экономисты и социологи прежде всего анализируют его связь с социально-экономическими, демографическими характеристиками людей и институциональной средой, в которой они принимают решения [Аликперова, 2019; Ярашева, Макар, Симагин, 2020], а также с общим уровнем финансовой культуры и стратегиями адаптивного поведения населения [Преснякова, 2009; Козырева, 2012]. Помимо этого, определенный вклад в понимание экономического поведения внесли представители экономической психологии и поведенческой экономики. В рамках первой, Дж. Катона изучал взаимосвязь психологических факторов (амбиций, ожиданий, механизмов контроля, стиля жизни) с экономическими стимулами и поведенческими реакциями людей [Katona, 1963]. Его последователи [Van Raaij, 1981; Antonides, 1996] также анализировали связи психологических особенностей людей с объективными предпосылками их действий. Представители поведенческой экономики [Канеман, 2019] исследовали разного рода когнитивные искажения, формирующие поведенческие аномалии в экономической сфере. К числу таких искажений, в частности, был отнесен эффект избыточной самоуверенности, или свехуверенности (*overconfidence*).

Современные ученые выделяют как объективные, так и субъективные факторы экономического поведения [Зотова, Давыденко, 2012; Анимича, 2015; Сушко, 2017], относя к последним уровень финансовой грамотности, доверие разного рода институтам, организациям и личностям, склонность к риску, характер со-

циализации личности и пр. Исследуется их взаимосвязь с гендерными [Дулина, Моисеева, Небыков, 2017] и возрастными особенностями людей [Белехова, 2018]. В работе [Малкина, Рогачев, 2018, 2019] показано, что поведение людей в экономической сфере зависит от комплекса таких личностных характеристик, как уровень финансовой грамотности, склонность к риску, расточительству и новаторству, оптимизм, уровень доверия, предрасположенность к неформальным действиям. Авторы также обратили внимание, что на финансовое поведение людей влияет различие оценок их фактической и воспринимаемой грамотности, что очевидно зависит от уровня самоуверенности. Это актуализирует изучение самоуверенности в комплексе с другими поведенческими характеристиками. Наиболее близки к ней склонность к риску и склонность к недобросовестным действиям.

Самоуверенность, склонность к риску и склонность к недобросовестным действиям связаны с некоторыми общими психологическими свойствами личности, такими как независимость, активность, эгоистичность, стремление к доминированию, агрессивность и импульсивность. При этом склонность к риску и склонность к недобросовестному поведению имеют не только психологическую, но и социально-экономическую основу, зависят от уровня финансовой, правовой и прочей грамотности, особенностей институциональной среды. Мы исходим из того, что эти три поведенческие характеристики, имея сложную природу, играют инструментальную роль в экономике. Они выполняют функцию связующего звена между базовыми психологическими, социально-экономическими и демографическими характеристиками, внешней средой и самим поведением. Более того, в совокупности эти характеристики могут формировать определенные типы экономического поведения.

Экономическое поведение людей зависит от степени их физической, эмоциональной, социальной, профессиональной зрелости. Поэтому особый интерес представляет формирующееся поведение молодых людей (студентов), которые только вступают в трудовую жизнь и приобретают навыки управления финансами. В условиях отсутствия входного опыта их поведение может быть связано с влиянием родительских установок, но с обретением финансовой самостоятельности молодые люди могут проявлять большую восприимчивость к разного рода нововведениям, чем их родители.

Целью настоящего исследования является изучение на примере студентов взаимосвязи трех поведенческих характеристик: уровня самоуверенности, склонностей к риску и недобросовестным (нелегальным и неэтичным) практикам, а также установление их связи с рядом социально-демографических и социально-экономических характеристик. Исследование основано на данных авторского социологического опроса студентов дневного отделения Нижегородского государственного университета, проведенного в ноябре — декабре 2019 г. (в опросе приняли участие 611 студентов разных курсов и факультетов, выборка пропорциональная).

Для достижения поставленной цели нами выдвигаются и решаются следующие задачи: измерение уровня самоуверенности, склонности к риску и склонности к недобросовестным действиям респондентов; оценка взаимосвязи указанных характеристик; построение эконометрической модели с включением ряда контроль-

ных переменных (пол, возраст, сфера профессиональных интересов); разделение респондентов по уровню указанных характеристик и степени их взаимосвязи.

Далее работа имеет следующую структуру. В первой части описаны теоретические подходы к исследованию влияния самоуверенности, склонности к риску и недобросовестным действиям на принятие решений в экономике. Во второй части охарактеризованы данные и методология исследования. В третьей части представлены результаты исследования и их обсуждение.

Обзор исследований по изучаемой проблеме

По проблеме влияния самоуверенности, склонности к риску и к незэтичным/нелегальным действиям на поведение людей в экономической сфере написано немало литературы экономической, социологической и психологической направленности.

Так, концепция самоуверенности (self-confidence) берет начало из когнитивной психологии, но также широко используется в современной поведенческой экономике и финансах. В литературе психологической направленности существует два подхода к определению понятия «самоуверенность». Согласно первому, самоуверенность — это личностная характеристика индивида, выражающаяся в уверенности в себе, принятии себя, своих действий и навыков как уместных и правильных. Согласно второму подходу, под самоуверенностью понимается уверенность индивида в правильности выносимых им суждений в условиях острого дефицита входной информации [Скотникова, 2016].

Представители поведенческой экономики также уделяют важное внимание изучению влияния самоуверенности на принятие экономических решений. Согласно одному из основателей поведенческой экономики Даниэлю Канеману, «уверенность — это чувство, отражающее когерентность информации и когнитивную легкость ее обработки» [Канеман, 2019: 274]. В то же время склонность индивида переоценивать точность своих знаний можно назвать «чрезмерной уверенностью» (overconfidence). Канеман пришел к выводу, что в основе чрезмерной уверенности лежит множество когнитивных искажений и иллюзий. Часто суждения, в которых индивид был столь уверен, оказываются ошибочными. Либо излишне уверенный в себе индивид интерпретирует умозаключение, истинная природа которого ему неизвестна. Либо «факты», которые индивид уверенно заложил в основу своего умозаключения, неполные и не отражают всей природы процесса или явления. Д. Канеман обратил внимание на то, что впервые данное явление было научно описано еще в 1969 г. в работе М. Альперта и Х. Райффы [Alpert, Raiffa, 1982]. Чрезмерная уверенность — это одно из предубеждений и заблуждений, которое влияет на когнитивные процессы.

В контексте нашего исследования особо отметим пласт работ, посвященных изучению влияния самоуверенности молодежи (в том числе студентов) на формирование их поведения в разных сферах. Так, В. А. Зобков трактовал уверенность (неуверенность) у учащихся как «...опредмеченное переживание, наличие (отсутствии) знаний, умений по определенному предмету или комплексу предметов...» [Зобков, 2019: 31]. Автор приводит постепенную, многоступенчатую градацию от завышенной самоуверенности («...основана на высоком уровне притязаний,

уверенности в себе, в своих возможностях, не соответствующих уровню притязаний, не соотносящих ситуацию с социальной действительностью...» [там же: 32]) до ярко выраженной неуверенности в себе («...определенное переживание вследствие отсутствия веры в свои возможности...» [там же: 34]).

В работе [Machado, Yoshinaga, 2018] уровень чрезмерной уверенности студентов в Бразилии измерялся путем сравнения их фактической и предполагаемой оценки за национальный экзамен. Авторами обнаружена положительная связь между размером материального достатка студента и уровнем его самоуверенности. Иными словами, студенты из бедных семей оказались менее склонными к завышению уверенности в своих действиях по сравнению со студентами из семей с высоким достатком. Кроме того, фактическая оценка за экзамен у студентов оказалась в обратной связи с чрезмерной уверенностью: студенты с высоким уровнем успеваемости более скромно оценивали свой уровень знаний. Наконец, студенты старших курсов оценивали свою успеваемость с большей метакогнитивной точностью. Авторы похожего исследования [Frumos, Grecu, 2019] показали, что именно процесс обучения позволяет наиболее надежно идентифицировать присутствие чрезмерной уверенности у субъектов.

В другой работе [Borracci, Arribalzaga, 2018] анализировались ожидаемые результаты экзаменационных работ студентов-медиков и сравнивались с фактически полученными оценками. Было выявлено, что обучающиеся без достаточных знаний демонстрируют большую самоуверенность. Авторы пришли к выводу, что чрезмерная уверенность студентов, получивших низкий балл на экзаменах, может зависеть от эффекта, подобного достижению «потолка» своих знаний. Авторы отмечают, что для повышения надежности медицинского суждения в течение последующей профессиональной жизни у студентов-медиков необходимо поощрять проявление сдержанности и выражать доверие к тем, кто сообщает о значительной неуверенности в себе.

В научной литературе обсуждается некий «парадокс познания», также известный как «эффект Даннинга — Крюгера». Он заключается в том, что малоквалифицированные люди часто имеют низкий уровень самокритики, неспособны осознавать свои ошибки и неудачные решения. Напротив, чем выше квалификация у индивида, тем более он занижает свои способности и страдает от неуверенности в своих возможностях. Такие индивиды склонны считать, что окружающие оценивают их так же низко, как и они сами [Burson, Larrick, Klayman, 2006]. Это касается и студентов: чем глубже они погружаются в исследуемую науку, тем больше понимают ограниченность своих знаний и тем больше возникает вопросов, требующих изучения. Так проявляется обратная зависимость между достаточностью знаний и уровнем уверенности в своих действиях. Однако в некоторых современных экспериментальных исследованиях существование «эффекта Даннинга — Крюгера» поставлено под сомнение, так как не обнаружено статистически значимой связи между уровнем интеллекта и самооценкой индивидов [Gignac, Zajenkowski, 2020].

В работе [Grimes, 2002] была построена модель для определения влияния разных факторов на точность предтестовых ожиданий у студентов экономической направленности. Результаты показали, что на эту точность положительно влияют возраст и успеваемость, которые в то же время отрицательно коррелируют с из-

лишней самоуверенностью. Высокий уровень самоуверенности характерен для студентов с низкой успеваемостью на предыдущем курсе, именно они наиболее склонны неверно предсказывать свои результаты и демонстрируют наименьшую удовлетворенность от процесса обучения.

Другие исследователи [McCoy, White, Love, 2019] изучали влияние на финансовое благополучие студентов колледжей и университетов США таких факторов, как финансовая грамотность, эффективность управления личными финансами и стрессоустойчивость в области принятия финансовых решений. Результаты исследования показали, что учащиеся-спортсмены, хотя имеют более низкий уровень финансовой грамотности, чем учащиеся-неспортсмены, эффективнее управляют личными финансами. При этом студенты-спортсмены отличались высоким уровнем стрессоустойчивости в области принятия финансовых решений. Авторы сделали вывод, что студенты-спортсмены имеют ложное чувство уверенности при управлении капиталом, что в перспективе может повлиять на их общее финансовое благополучие. Напротив, студенты-неспортсмены должны повышать уверенность в своем финансовом поведении.

В работах [Wrońska-Bukalska, 2016, 2020] исследовалась разница между самоуверенностью менеджеров и студентов. Было выявлено, что менеджеры демонстрируют более высокую самооценку, чем студенты, кроме того, менеджерам свойственны избыточные уверенность и оптимизм. Авторы исследования объяснили полученное различие гендерной структурой групп: среди студентов большинство составляют девушки, а среди менеджеров преобладают мужчины. Это подтвердило результаты предыдущих исследований, где также обнаружено, что самоуверенность у мужчин выше, чем у женщин. В работе делается вывод, что уровень самоуверенности связан с результатами деятельности разных групп (последствиями обучения или финансовыми показателями ведения бизнеса).

Другим важным свойством человека, влияющим на его поведение в экономической сфере, является склонность к риску. В экономике это свойство связано с предпочтением гарантированному исходу вероятностного исхода и готовностью нести риск при получении определенной премии за него. В психологии склонность к риску связана со стремлением человека к независимости, доминированию, нацеленностью на успех, агрессивностью и импульсивностью.

Оценкам склонности к риску и его связи с другими характеристиками людей посвящен ряд эмпирических исследований. Например, в работе [Ainia, Lutfi, 2019] на основе анкетирования 400 респондентов в Восточной Яве (провинции Индонезии) авторы изучали влияние как чрезмерной уверенности в себе, так и восприятия риска, толерантности к риску и неприятия убытков на поведение инвесторов. Результаты исследования показали, что чем выше уровень восприятия риска человеком, тем ниже его желание вкладывать средства в высокорискованные активы. Терпимое отношение к риску оказывает существенное положительное влияние на принятие инвестиционных решений. Авторы отмечали важность своего исследования для практической деятельности инвестиционных консультантов, которым необходимо анализировать, как индивидуальные характеристики клиентов, прежде всего склонность к риску, формируют их поведенческие предубеждения и модели поведения. Аналогичную точку зрения развивал [MacKillop, 2016], кото-

рый рекомендовал финансовым консультантам на основе анкетирования клиента выявлять его цели, мотивы, отношение к различным актуальным предложениям на инвестиционном рынке и стимулировать их дальнейшее обсуждение.

Ученые показали, что толерантность к риску варьируется в зависимости от большого числа личностных характеристик, не ограничивающихся возрастом, доходом, полом, семейным положением, профессией и образованием. Чрезмерная склонность к риску, как и завышенная самоуверенность, может отрицательно сказываться на финансовых результатах. Обратная ситуация — нетерпимость к риску — также приводит к потере дохода. Нетерпимость к риску объясняется разными причинами. Во-первых, она может быть результатом предпочтений индивидов, целью которых является не максимизация ожидаемой полезности, а достижение абсолютной надежности [Allais, 1953]. Во-вторых, нетерпимость к риску также объясняется мотивацией людей, их желанием сохранять статус-кво (установленное положение дел). Поскольку люди склонны следить за тем, чтобы их предпочтения соответствовали установленному порядку, в ситуациях неопределенности они с большей вероятностью будут придерживаться его в качестве механизма избегания нежелательных событий. Вследствие этого люди будут оценивать более желательные события как более вероятные (что в психологии известно как феномен валентности Ф. Ирвина) [Jost, Banaji, 1994].

Исследование инвестиционного поведения населения Индии [Sowmya, Panchanatham, 2016] привело авторов к выводу, что из-за сложившейся экономической ситуации жители Индии склонны испытывать чувство незащищенности. Они больше, чем жители других стран, полагаются на сбережения. Люди в этой стране не склонны к инвестированию в ценные бумаги, либо делают это в скудных размерах, что объясняется как низкой финансовой грамотностью, так и низкой склонностью к риску.

Согласно другому исследованию [Bonin et al., 2007], чем выше у индивида склонность к риску, тем с большей вероятностью он выберет профессию, заработок в которой связан с риском. В статье [Yi, Xiugang, 2019] изучалось влияние чрезмерной уверенности (overconfidence), предпочтения риска и стадного инстинкта на эффективность инвестиций. Рассматривая рынок инвестиций в Китае, авторы пришли к выводу, что как чрезмерная уверенность руководителей, так и склонность к стадному инстинкту приводят к большему количеству неэффективных инвестиций.

Ученые поднимают вопрос и о том, является ли склонность к риску врожденным качеством индивида или приобретается в процессе социализации и зависит от окружающей его экономической и социальной среды. Так, в работе [Dohmen et al., 2012] исследовалось, передается ли готовность рисковать и доверять другим людям от родителей детям. Авторы обнаружили значительную устойчивую взаимосвязь между ответами родителей и их детей на вопросы, касающиеся их отношения к риску и уровня межличностного доверия. Родительское влияние обнаруживается как в финансовой деятельности, так и в других сферах: поддержания здоровья, управления карьерой, вождения автомобиля и организации досуга. Кроме того, учеными была выявлена положительная взаимосвязь между склонностью к риску и уровнем доверия другим людям.

Исследуются также и возрастные, и гендерные особенности предрасположенности человека к рискованному поведению [Борискин и др., 2018]. Например, А. В. Ярашева и Н. В. Аликперова объясняют связь гендерных различий со склонностью к риску распределением обязанностей между членами семьи (мужем и женой) [Ярашева, Аликперова, 2020]. Авторы показывают эту связь на примере кредитного и потребительского поведения. На мужчину (мужа, главу домохозяйства) традиционно чаще оформляются ипотека и автокредит, а на женщину (жену) — потребительский кредит. На женщину чаще всего возлагается составление семейного бюджета и осуществление потребительских расходов, направленных на удовлетворение потребностей всех членов домохозяйства. Учеными отмечается, что на принятие финансовых решений оказывает влияние не столько реальный уровень риска, сколько его субъективное ощущение, а также субъективная значимость наступающих последствий [Авдулова, Витковская, Поневаж, 2013].

Далее рассмотрим исследования, связанные со склонностью людей к недобросовестному поведению. Под недобросовестным поведением мы понимаем как неэтичные, так и нелегальные действия. Несмотря на различия проявлений неэтичного и нелегального поведения, ученые выделяют их схожие социальные, моральные и экономические основания [Birkelund, Cherry, 2020; Bednar, Page, 2018], в результате чего эти понятия изучаются нами в рамках одного блока. Однако в эмпирической части мы делаем также отдельный анализ полученных результатов.

Прежде всего, склонность к недобросовестным действиям, выражающаяся в девиантном или деликвентном поведении, напрямую связана с правовой социализацией человека. На ключевых этапах его возрастных, личностных изменений происходят значимые события и явления, которые формируют его правовое сознание и поведение. При этом несовершенство правовой среды, наличие стойких негативных тенденций правового воспитания и правовой социализации личности, социальной незащищенности человека, пропаганды насилия и асоциального поведения оказывают деструктивное влияние на формирование правосознания, освоение правильных правовых представлений, моделей и образцов правового поведения [Щелочков, 2009]. Процесс социально-правовой идентификации личности предполагает правовое самоопределение, соотнесение себя с правовыми категориями, с «должным» и приемлемым поведением в окружающем его социуме [Андрианов, 2013].

Склонность к недобросовестным действиям может иметь под собой рациональные или иррациональные основания. С одной стороны, недобросовестное поведение нередко воспринимается индивидом как рационализация процесса принятия решений, при котором ожидаемые выгоды сравниваются с издержками нечестных поступков. Совмещается индивидуальная целесообразность действий с их моральной состоятельностью [Мельников, 2014]. С другой стороны, некоторые авторы подчеркивают связь склонности к недобросовестному поведению с восприятием людьми справедливости, отношением к неравенству в условиях конкретной институциональной среды. Использование определенных оппортунистических паттернов поведения позволяет справляться с несовершенствами институциональной среды, извлекать из нее определенную пользу [Тутов, Лозина, 2019]. Иными словами, предпочтение честности определяется институциональ-

ной справедливостью. Индивид может оправдывать нечестное поведение, когда сталкивается с несправедливой ситуацией.

Учеными изучалась взаимосвязь недобросовестного поведения с другими поведенческими характеристиками. Так, в работе [Ниворожкина, Синявская, Трегубова, 2019] была обнаружена статистически значимая связь между отношением студентов южных вузов России к риску и их склонностью к вовлечению в незаконные финансовые схемы. Авторы выяснили, что подверженность девиациям финансового поведения зависит от пола, направления обучения, материального положения и уровня семейных доходов.

Таким образом, предшествующие исследователи с использованием разных методологических приемов изучали связь самоуверенности, склонности к риску и предрасположенности к недобросовестным действиям с поведением индивидов в разных сферах жизнедеятельности. Они также показали формирование трех указанных характеристик под влиянием социально-экономических, демографических, психологических, институциональных и прочих факторов. В то же время отмечается явный дефицит работ, в которых устанавливались бы взаимосвязи между уровнем самоуверенности, склонностью к риску и предрасположенностью к недобросовестным действиям. Наше исследование призвано выяснить, влияет ли самоуверенность на склонность к рисковому и недобросовестному поведению в экономической сфере. Акцентируя внимание на поведении молодежи, мы исходим из того, что именно в молодом возрасте появляются первые знания о функционировании рынков и возможность принятия самостоятельных экономических решений, формируются навыки дальнейшего экономического поведения и в то же время существуют возможности его своевременной корректировки с помощью образовательной и просветительской работы.

Методология и данные исследования

В ходе исследования нами была выдвинута гипотеза, что уровень самоуверенности оказывает влияние на склонность к риску и склонность к недобросовестному поведению, и они совместно определяют вектор экономического поведения студенческой молодежи.

Для измерения каждой из трех исследуемых характеристик (самоуверенности, склонности к риску и склонности к недобросовестности) нами была разработана анкета. На ее основе проведен социологический опрос среди студентов Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

Первая часть анкеты включала вопросы, выявляющие уровень самоуверенности респондентов. Предварительно было выяснено, что для оценки этого уровня ученые предлагают различные методологические приемы, основанные на экспериментах и опросах, контент-анализе текстовых сообщений [Blavatsky, 2009; Cesarini, Sandewall, Johannesson, 2006]. В основу нашего исследования был положен метод оценки уровня самоуверенности, разработанный и апробированный в работе [Michailova, Mačiulis, Tvaronavičienė, 2017]. Его преимущество перед другими методами состоит в том, что воспринимаемый уровень знаний сопоставляется с фактическим уровнем знаний, и на основе этого делаются выводы о завышенной, заниженной или адекватной самооценке респондентов. Иными

словами, самоуверенность рассматривается не как абсолютное, а как относительное понятие.

Уровень самоуверенности (*bias*) рассчитывается следующим образом:

$$bias = \bar{c}_1 - \bar{c}_2, \quad (1)$$

где $\bar{c}_1$ — средний уровень уверенности по всем задаваемым вопросам,
 $\bar{c}_2$ — доля правильных ответов.

Для оценки самоуверенности нами были разработаны вопросы двух типов: на общее знание и финансово-экономической направленности. Вопросы подбирались таким образом, чтобы безусловно существовал только один правильный ответ. Кроме того, они должны были иметь адекватную сложность, в противном случае мы получили бы искаженные оценки самоуверенности. Респондентам предлагалось сделать выбор из трех вариантов ответов и указать, на сколько процентов они уверены в своем выборе. Пользоваться внешними источниками запрещалось. Эта часть анкеты представлена в таблице 1.

Таблица 1. Вопросы анкеты для выявления степени самоуверенности

Вопросы	Варианты ответа	
Кто написал оперу «Риголетто»?	1) Верди 2) Пуччини 3) Вивальди	Уверен(а) на ___%
В каком году родился Наполеон Бонапарт?	1) 1769 2) 1789 3) 1809	Уверен(а) на ___%
Страна с самым высоким уровнем валового внутреннего продукта (по паритету покупательной способности) на душу населения?	1) Катар 2) Норвегия 3) США	Уверен(а) на ___%
В какой стране выше темп экономического роста?	1) Гана 2) Китай 3) Германия	Уверен(а) на ___%
Если в стране ожидается рост уровня инфляции, то центральный банк, скорее всего:	1) Повысит % ставку 2) Снизит норму обязательных резервов 3) Отзовет лицензии у сомнительных банков	Уверен(а) на ___%
Децентрализованный метод хранения информации:	1) Блокчейн 2) Эквайринг 3) Майнинг	Уверен(а) на ___%
Какой налог в России приносит больший доход в федеральный бюджет?	1) НДС 2) НДФЛ 3) НДС	Уверен(а) на ___%
Как называется официальное снижение курса национальной валюты?	1) Девальвация 2) Дефолт 3) Инфляция	Уверен(а) на ___%

Вторая часть анкеты выявляла отношение студентов к риску и недобросовестным практикам (см. табл. 2). Вопросы, касающиеся отношения к риску, затрагивали как профессиональную деятельность в целом, так и финансовую сферу. Вопросы анкеты о склонности к недобросовестным действиям были направлены

на выявление предрасположенности к обману и сокрытию правды, отношения к неформальным денежным практикам. Респонденты высказывали мнение по шкале от 1 (категорически не согласен) до 5 (полностью согласен).

Таблица 2. Вопросы анкеты для выявления склонности к риску и недобросовестным действиям

Выскажите Ваше отношение к следующим тезисам:					
1 — Категорически не согласен	2 — Скорее не согласен				
3 — Согласен на половину	4 — Скорее согласен				
5 — Полностью согласен					
Склонность к риску					
V1. Я готов предложить начальнику новую идею, не просчитав его реакции.	1	2	3	4	5
V2. Я предпочту временную подработку с высоким доходом, чем постоянную работу с невысокой, но гарантированной зарплатой.	1	2	3	4	5
V3. Я готов рискнуть месячным доходом ради возможности получения суммы в 10 раз больше.	1	2	3	4	5
V4. Я готов вложить деньги в рискованные финансовые активы с меняющейся доходностью.	1	2	3	4	5
V5. Я готов рискнуть суммой в 10 000 рублей, если есть возможность получить 200 000 рублей.	1	2	3	4	5
Склонность к незачинным / нелегальным действиям					
V6. «Отнять у богатых, передать бедным» — правое дело.	1	2	3	4	5
V7. Чтобы начальник решил вопрос в мою пользу, лучше идти к нему не с пустыми руками.	1	2	3	4	5
V8. Я готов работать в организации, которая будет выплачивать «зарплату в конверте»	1	2	3	4	5
V9. В случае ошибки кассира в Вашу пользу иногда можно промолчать.	1	2	3	4	5
V10. Иногда можно присвоить чужую забытую вещь.	1	2	3	4	5

Для оценки склонности к риску и недобросовестным практикам использовались средние оценки по пяти вопросам.

Результаты исследования и их обсуждение

Личным анкетированием были охвачены 611 студентов дневной формы обучения Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Выборка квотная — по курсам и факультетам. Количество опрошенных юношей (200) и девушек (411) определялось их фактическим соотношением в опрашиваемых группах. Средний возраст опрошенных составил 19 лет. Среди них обучающихся на факультетах социально-гуманитарной направленности (факультет социальных наук, Институт экономики и предпринимательства, Институт международных отношений и мировой истории, юридический факультет) — 481; естественно-научной направленности (химический, радиофизический, физический факультеты, Институт информационных технологий, математики и механики) — 130 студентов.

Описательные статистики трех исследуемых поведенческих характеристик представлены в таблице 3. В целом они свидетельствуют о надежности получен-

ных оценок. Однако в полной мере требованию нормальности распределения удовлетворяет лишь показатель самоуверенности (для которого, например, тест Дурника-Хансена выполняется с p -value 0,166). Для двух других характеристик отмечается определенная асимметричность распределения.

Таблица 3. Описательные статистики поведенческих характеристик студентов

	Склонность к риску	Склонность к недобросовестным действиям	Самоуверенность
Среднее	2,954	2,581	1,626
Стандартная ошибка	0,026	0,024	0,027
Медиана	3	2,6	1,625
Мода	2,8	2,6	1,6875
Стандартное отклонение	0,636	0,605	0,680
Экссесс	0,154	0,311	-0,213
Асимметричность	0,306	0,322	0,140
Минимум	1,4	1	0,013
Максимум	5	5	3,719
Уровень надежности (95,0%)	0,051	0,048	0,054

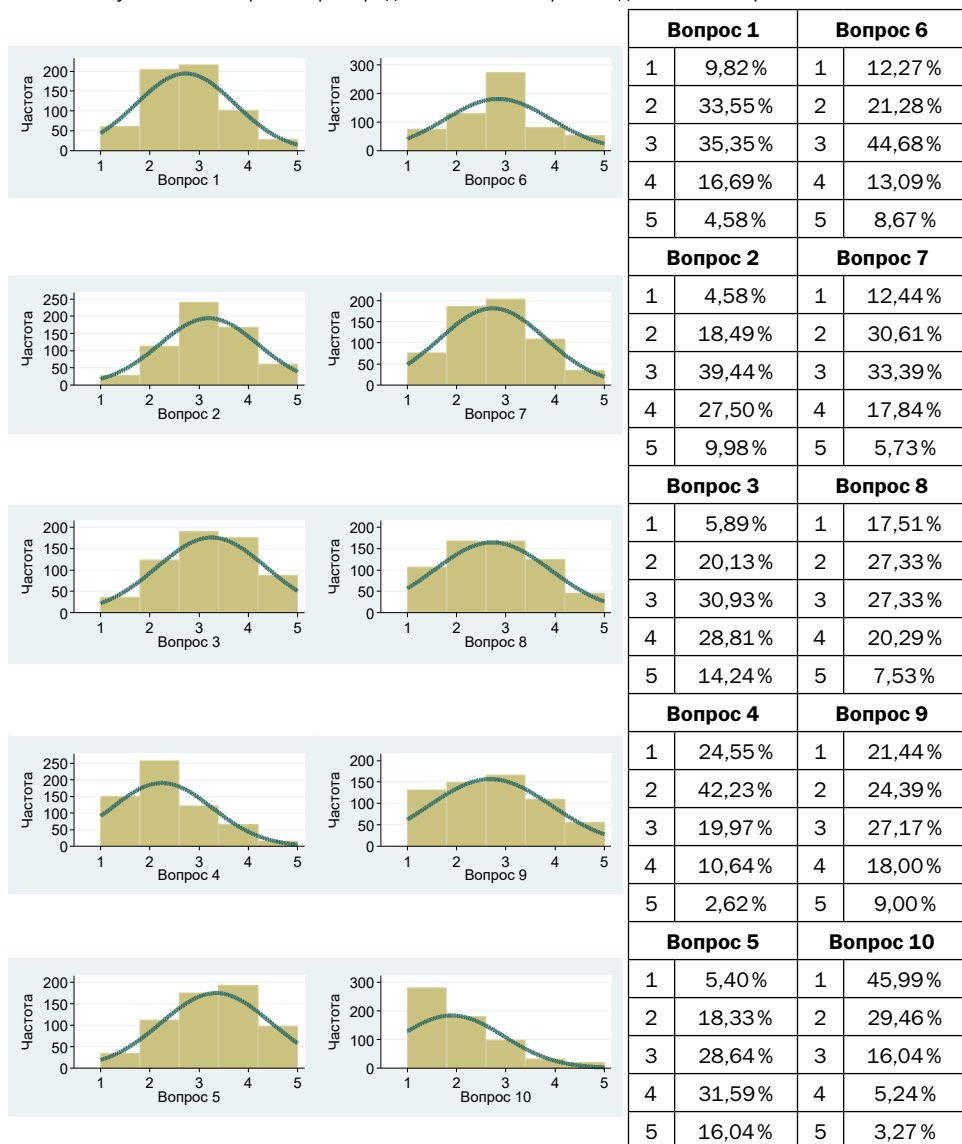
В таблице 4 показаны средние оценки по исследуемым характеристикам в разрезе отдельных групп студентов. Они свидетельствуют, что юноши в среднем более самоуверенны, склонны к риску и недобросовестным действиям, чем девушки. Студенты социально-гуманитарных специальностей (в этой группе подавляющее большинство экономистов) по склонности к риску и недобросовестным действиям превосходят студентов естественно-научных специальностей. Немного более низкий уровень самоуверенности в этой группе объясняется большей представительностью девушек в ней. Что касается влияния возраста, студенты младших возрастов в среднем обладают большей самоуверенностью и склонностью к риску, нежели студенты старших возрастов, для которых, тем не менее, отмечается несколько более высокий уровень склонности к недобросовестным действиям.

Таблица 4. Средние оценки исследуемых характеристик по категориям студентов

	Склонность к риску	Склонность к недобросовестным действиям	Самоуверенность
Все респонденты	2,954	2,581	1,626
Юноши	3,065	2,695	1,763
Девушки	2,900	2,526	1,559
Студенты социально-гуманитарных специальностей	2,985	2,609	1,625
Студенты естественно-научных специальностей	2,840	2,477	1,630
Студенты младших возрастов (до 19 лет включительно)	2,955	2,565	1,642
Студенты старших возрастов	2,934	2,591	1,589

На рисунке 1 показано распределение оценок по вопросам блоков: склонность к риску (5 вопросов), склонность к недобросовестным действиям (5 вопросов).

Рисунок 1. Гистограмма распределения ответов респондентов по вопросам анкеты

Детальный анализ ответов на вопросы первого блока (см. рис. 1) показывает связь склонности к риску со сферой его применения. Смещение в сторону выражения большего согласия в вопросах 2, 3, 5 — касающихся риска потери части дохода при вероятности большего денежного выигрыша, характеризует респондентов

как толерантных к риску при формировании доходной части личного (семейного) бюджета. Отчасти это может быть связано с высокой финансовой зависимостью молодых респондентов и мягкостью бюджетных ограничений у них. В то же время выражение несогласия с высказыванием «Я готов предложить начальнику новую идею, не просчитав его реакции» говорит об их более осторожном поведении в сфере трудовых отношений. Это может быть связано с большим неприятием потери места работы, лояльности руководства или возможности продвижения по службе, чем утраты части заработка. Несогласие с высказыванием «Я готов вложить деньги в рискованные финансовые активы с меняющейся доходностью» свидетельствует о меньшей склонности опрошенных к риску при управлении расходами, нежели при формировании доходной части бюджета. Неприятие студентами инвестиционного риска и неготовность работать с выгодными рыночными предложениями может объясняться как недостатком у них денежных средств, так и непониманием принципов работы с финансовыми активами и низким уровнем доверия к инвестиционным инструментам, отражать недостаточный уровень финансовой грамотности среди молодежи [Малкина, Рогачев, 2018].

Что касается блока вопросов, выявляющих склонность к недобросовестным действиям, опрос показал, что студенты в основном привержены соблюдению норм права и правил этики. Однако их поведение снова оказалось сильно зависящим от контекста, сферы деятельности и интерпретации противоправного или неэтичного деяния. Так, большинство респондентов абсолютно или скорее не допускает присвоения чужого имущества, даже в том случае, когда права собственности на него недостаточно защищены. Заметим, что присвоение «чужой забытой вещи» может быть неприемлемо не только по правовым основаниям (в законодательстве это равносильно краже), но и по морально-этическим, психологическим и даже религиозным основаниям, что усиливает отвращение к подобному деянию. В то же время опрошенные оказались гораздо более лояльными к получению выгоды от просчета кассира, что может быть интерпретировано не как присвоение чужого имущества, а как сохранение своего. Данное деяние скорее является неэтичным, никаких незаконных действий при этом не совершается. Кроме того, оно может иметь разного рода моральные оправдания («а сколько раз магазин ошибался в свою пользу», «ничего, они свое возьмут»).

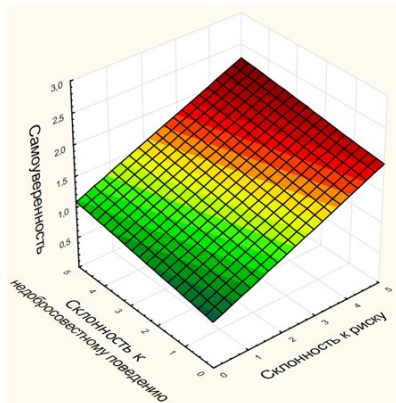
В сфере трудовых отношений мы снова видим особый тип поведения. Молодые работники уже гораздо более, чем в предыдущих случаях, готовы на покупку лояльности или расположения руководства, чтобы сохранить место работы или добиться продвижения по службе. В данном случае речь идет не о прямом присвоении чужого, а о жертвовании собственным имуществом или комфортом ради получения большей выгоды в будущем. Коррупционная сделка (подарок начальнику) вполне выглядит как рыночная, к тому же при этом происходит разделение правового риска. Что касается согласия получать деньги в конверте, рыночная выгода в таком случае может оказаться меньше, чем в предыдущем случае, однако в силу недостаточной грамотности респонденты могут считать, что правовой риск при этом полностью перекладывается на вторую сторону.

Наконец, особый интерес представляет ответ на вопрос о правомерности нелегального перераспределения имущества богатых в пользу бедных («отнять и пере-

дать»), который нашел наибольшую поддержку у студентов. Здесь стоит вспомнить про сильную институционализацию подобных взаимоотношений [Мельников, 2014; Тугов, Лозина, 2019]. К правовому контексту примешивается идеологическая составляющая, взгляды, представления и настроения респондентов. Кроме того, вопрос обезличен: отсутствует непосредственное обращение к респонденту как актору, и речь не идет о конкретных участниках взаимоотношений (как, например, кассир или работодатель).

Далее мы исследовали взаимосвязь между выявленными характеристиками всех опрошенных студентов посредством расчета коэффициентов корреляции Пирсона. В полученной корреляционной матрице (см. рис. 2) хорошо видна существенная положительная связь между склонностью к риску (*risk*) и склонностью к недобросовестным действиям (*dishon*). В то же время связь уровня самоуверенности (*conf*) с исследуемыми характеристиками оказалась невысокой: со склонностью к риску $R = 0,25$, со склонностью к недобросовестным практикам $R = 0,16$. Представленный трехмерный график также свидетельствует о присутствии небольшой взаимосвязи между исследуемыми характеристиками.

Рисунок 2. Взаимосвязи исследуемых характеристик респондентов (N=611)

Коэффициенты корреляции Пирсона (Спирмена)

	<i>risk</i>	<i>dishon</i>	<i>conf</i>
<i>risk</i>	1		
<i>dishon</i>	0,4177 (0,3742)	1	
<i>conf</i>	0,2499 (0,2404)	0,1552 (0,1386)	1

Для более корректного выявления связей между изучаемыми характеристиками мы предприняли попытку построения регрессионных зависимостей с введением контрольных переменных. Поскольку причинно-следственная связь между поведенческими характеристиками остается неясной, мы тестировали несколько типов моделей. В конечном счете на основе критериев Фишера, Стьюдента, а также информационных критериев Шварца и Акаике были отобраны три следующие спецификации:

$$risk = a_0 + a_1 \cdot dishon + a_2 \cdot conf + a_3 \cdot gender + a_4 \cdot age + a_5 \cdot age^2 + a_6 \cdot fac + \epsilon. \quad (2)$$

$$risk = b_0 + \beta_1 \cdot dishon + \beta_2 \cdot gender + \beta_3 \cdot age + \beta_4 \cdot age^2 + \beta_5 \cdot conf + fac + e. \quad (3)$$

$$dishon = c_0 + \gamma_1 \cdot risk + \gamma_2 \cdot conf + \gamma_3 \cdot conf^2 + \gamma_4 \cdot age^2 + \gamma_5 \cdot age \cdot gender + \gamma_6 \cdot fac \cdot age + \tau. \quad (4)$$

Здесь *risk* — оценка склонности к риску; *dishon* — оценка склонности к недобросовестным практикам; *conf* — оценка уровня самоуверенности; *fac* — факультет (бинарная переменная: 1 = естественно-научный факультет, 0 = социально-гуманитарный факультет); *gender* — пол (бинарная переменная: 1 = девушка, 0 = юноша); *age* — возраст респондента. Также в моделях присутствует ряд квадратичных переменных (age^2 и $conf^2$) — для случаев, где ожидается смена типа зависимости, и мультипликативных переменных ($conf \cdot age$, $conf \cdot fac$, $age \cdot gender$, $fac \cdot age$), для которых подозревается совместное влияние признаков. Наконец, ϵ , e , τ — ошибки моделей.

Оценки моделей и результаты необходимых тестов представлены в таблице 5. Прежде всего, согласно коэффициенту детерминации (R^2), во всех трех моделях объясняющие переменные отвечают за более чем 20% вариации зависимой переменной, что для $N = 611$ и с учетом особенностей данных соцопроса весьма хороший результат. Во-вторых, все три модели значимы по критерию Фишера, а оценки всех коэффициентов при регрессорах и константы значимы на уровне не ниже $p < 0,1$. В-третьих, для всех трех моделей соблюдается нормальность распределения остатков, что свидетельствует о правильности их спецификации и адекватности использованного метода оценивания (МНК). В-четвертых, тесты Уайта и Бройша-Пагана подтверждают отсутствие в моделях гетероскедастичности, причем наилучший результат получен для модели 1, для которой выполняются оба теста. В-пятых, проверка на эндогенность с построением моделей с инструментальными переменными убедительно показала, что в моделях 1 и 2 (где склонность к риску выступает в качестве зависимой переменной) тестируемые переменные (самоуверенность и склонность к недобросовестным действиям) являются экзогенными. В то же время для модели 3 (где объясняемой переменной является склонность к недобросовестным действиям) выявлено присутствие эндогенности, что связано либо со смешением в ней причинно-следственных связей, либо с пропуском существенных переменных (по всей видимости, отсутствующих в опросе).

Полученные результаты указывают на наличие двух существенных связей у трех основных тестируемых переменных. Во-первых, очевидна положительная связь между склонностью к недобросовестным действиям и склонностью к риску ($dishon \rightarrow risk$). Во-вторых, прослеживается устойчивое прямое влияние самоуверенности на склонность к риску ($conf \rightarrow risk$). В то же время связь самоуверенности со склонностью к недобросовестным действиям оказалась неоднозначной. Выявленный параболический тип зависимости указанных переменных (модель 3) позволяет определить, что при $conf < 1,5$ их связь скорее отрицательная, тогда как при $conf \geq 1,5$ она положительная. Иными словами, увеличение уровня самоуверенности ведет к росту склонности к недобросовестному поведению только у студентов с завышенной самооценкой.

Таблица 5. Оценки моделей (МНК, робастные стандартные ошибки, N = 611)

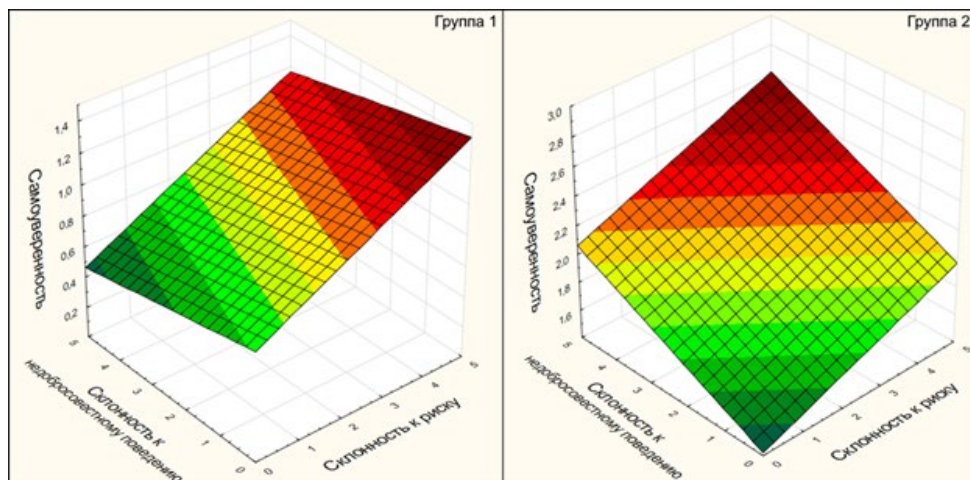
Объясняющие переменные:	Модель 1 (risk)	Модель 2 (risk)	Модель 3 (dishon)
Константа	8,188** (3,829)	8,337** (3,709)	1,302*** (0,232)
risk	—	—	0,359*** (0,037)
dishon	0,389*** (0,039)	0,387*** (0,039)	—
conf	0,166*** (0,035)	—	-0,253** (0,109)
conf ²	—	—	0,089*** (0,032)
gender	-0,090* (0,053)	-0,094* (0,052)	—
age	-0,662* (0,387)	-0,662* (0,375)	—
age ²	0,017* (0,010)	0,017* (0,009)	0,001** (0,000)
age · gender	—	—	-0,007*** (0,003)
fac	-0,134** (0,057)	—	—
fac · age	—	—	-0,006** (0,003)
conf · age	—	0,010*** (0,002)	—
conf · fac	—	-0,093** (0,036)	—
Среднее зав. перемен.	2,954	2,954	2,581
Ст. откл. зав. перемен.	0,636	0,636	0,605
Ст. ошибка модели	0,564	0,563	0,545
R ²	0,221	0,225	0,205
Критерий Шварца	1072,0	1068,9	1023,4
Критерий Акаике	1041,1	1038,0	992,5
Тест на нормальность остатков χ^2	1,066 (0,587)	1,750 (0,420)	3,410 (0,182)
Тест Уайта на гетероскедастичность, LM статистика (p-value)	23,134 (0,512)	37,915 (0,05)	31,767 (0,201)
Тест Бройша-Пагана на гетероскедастичность, LM статистика (p-value)	10,555 (0,103)	10,296 (0,113)	24,699 (0,05)
Тест Хаусмана на эндогенность (проверяемые параметры)	Нет (dishon, conf, fac)	Нет (dishon, conf · age, fac · fac)	Да (risk, conf, fac · age)

Примечание: *** — оценка значима на уровне $p < 0,01$; ** — оценка значима на уровне $p < 0,05$; * — оценка значима на уровне $p < 0,1$.

Полученные результаты также демонстрируют влияние социально-демографических характеристик студентов на их поведенческие атрибуты. Так, возраст у студентов начиная с 19,5 лет положительно влияет на их склонность к риску, причем уровень самоуверенности усиливает эту зависимость. Девушки в среднем менее склонны к риску и неэтичным/нелегальным действиям, чем юноши. Причем у девушек с возрастом отторжение недобросовестных практик в среднем усиливается. Студенты, выбравшие для обучения естественно-научные факультеты, как правило, менее склонны к риску и к нарушениям норм права и этики, чем студенты социально-гуманитарных факультетов. Причем для студентов естественно-научных факультетов самоуверенность скорее отрицательно влияет на склонность к риску, а с возрастом у них уменьшается и склонность к недобросовестному поведению.

Для дальнейшего анализа было принято решение разбить респондентов на группы по уровню самоуверенности, в качестве разделителя использовалось значение, при котором происходит изменение характера влияния самоуверенности на склонность к недобросовестным практикам. Таким образом, в группу 1 вошли респонденты, чей уровень самоуверенности находится в диапазоне от 0 до 1,49. Во вторую группу вошли опрошенные, уровень самоуверенности которых 1,5 и выше. График и коэффициенты корреляции (см. рис. 3) показывают существенные различия между взаимосвязью характеристик в исследуемых группах.

Рисунок 3. Взаимосвязи исследуемых характеристик двух групп респондентов

Группа 1 ($0 \leq \text{conf} \leq 1,49$, $N = 256$)				Группа 2 ($1,5 \leq \text{conf}$, $N = 355$)			
	<i>risk</i>	<i>dishon</i>	<i>conf</i>		<i>risk</i>	<i>dishon</i>	<i>conf</i>
<i>risk</i>	1			<i>risk</i>	1		
<i>dishon</i>	0,4327 (0,3458)	1		<i>dishon</i>	0,3992 (0,3753)	1	
<i>conf</i>	0,2000 (0,2175)	0,0171 (-0,0162)	1	<i>conf</i>	0,2304 (0,1934)	0,2363 (0,1910)	1

	Медиана	Мода	Частота	Нижний квартиль	Верхний квартиль	Стандартное отклонение		Медиана	Мода	Частота	Нижний квартиль	Верхний квартиль	Стандартное отклонение
<i>risk</i>	2,8	2,8	45	2,40	3,2	0,593	<i>risk</i>	3,0	3,2	49	2,6	3,4	0,654
<i>dishon</i>	2,6	2,6	37	2,2	2,8	0,614	<i>dishon</i>	2,6	2,6	54	2,2	3,0	0,596
<i>conf</i>	1,1	1,2	21	0,7	1,3	0,353	<i>conf</i>	2,0	1,7	20	1,7	2,4	0,445

Для первой группы опрошенных (с невысоким уровнем самоуверенности) нами не обнаружено взаимосвязи между уровнем самоуверенности и склонностью к недобросовестным действиям. В то же время для второй группы опрошенных (с более высоким уровнем самоуверенности) обнаружена прямая тройственная взаимосвязь между самоуверенностью, склонностью к риску и склонностью к недобросовестным практикам.

Кроме того, для первой группы (студентов с умеренной самооценкой) нами была обнаружена положительная связь между фактическим уровнем знаний и самоуверенностью (их линейный коэффициент корреляции составил $R = 0,1283$), что не подтверждает присутствие в этой группе эффекта Даннинга — Крюгера. Для второй группы (студентов с повышенной самооценкой собственных знаний), наоборот, связь между уровнем знаний и самоуверенностью оказалась отрицательной ($R = -0,2825$), что подтверждает наличие эффекта Даннинга — Крюгера. Также отрицательной оказалась связь между уровнем знаний и самоуверенностью по всей исследуемой выборке ($R = -0,2112$).

В целом мы подтвердили гипотезу о влиянии самоуверенности студентов на их склонность к риску в экономической сфере. Мы также доказали существование взаимосвязи самоуверенности со склонностью к недобросовестному поведению в группе студентов с завышенной самооценкой, хотя нам не удалось точно установить, что здесь является причиной, а что — следствием (для построения качественной модели необходимо большее количество экзогенных переменных, которые оказались за пределом данного опроса). Полученные в ходе исследования сопутствующие результаты подтверждают выводы некоторых других ученых. В частности, сделанный нами вывод об отрицательной связи у студентов с повышенной самооценкой уровня знаний с уровнем самоуверенности (чем больше человек знает, тем менее уверен в своих знаниях) согласуется с данными, полученными в работе [Machado, Yoshinaga, 2018]. Однако он не относится к студентам с умеренной самооценкой. Далее, как и в исследовании [Борискин и др., 2018], мы пришли к выводу, что у студентов младших курсов (17—19 лет) по мере социализации и приобретения необходимых знаний склонность к риску и авантюризму сначала уменьшается. В то же время мы показали, что у студентов старших возрастов склонность к риску имеет тенденцию возрастать по мере вовлечения их в активную экономическую деятельность. Обнаруженная нами связь предпочтения риска с выбором будущей специальности (студенты социально-гуманитарной, особенно экономической, направленности в большей степени ориентированы на сферу деятельности, где заработок связан с риском) подтверждает выводы, сделанные

ранее [Bonin et al., 2007]. Наконец, наше исследование выявило гендерные различия в отношении к риску, что согласуется с выводами, сделанными в другой работе [Wrońska-Bukalska, 2016].

Заключение

В данной статье тестируется гипотеза о взаимосвязи таких личностных характеристик, как самоуверенность, склонность к риску и склонность к недобросовестным действиям. Для тестирования гипотезы была разработана методика оценки исследуемых качеств и проведен опрос среди студентов всех специальностей Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Обработка данных проводилась с использованием корреляционно-регрессионного и графического анализа.

В результате эмпирического исследования мы пришли к выводу, что уровень самоуверенности и склонность к недобросовестному поведению студентов положительно влияют на их склонность к риску, но при этом важную роль играют пол, возраст и профессиональные предпочтения респондентов. Кроме того, взаимосвязь трех характеристик больше проявляется только в той группе респондентов, которые имеют повышенный уровень самоуверенности. Для респондентов с пониженным уровнем самоуверенности отмечается положительная связь их самооценки с фактическим уровнем знаний. В то же время для респондентов с повышенным уровнем самоуверенности взаимосвязь между самооценкой и фактическим уровнем знаний оказывается отрицательной.

Обнаружены существенные гендерные различия в проявлении изучаемых качеств у студентов. Склонность к риску и недобросовестным практикам более свойственна юношам, чем девушкам, но усиливается уровнем самоуверенности. Также мы пришли к выводу, что исследуемые свойства связаны с выбором профессиональной карьеры. Молодые люди с повышенной склонностью к риску более вероятно выбирают карьеру в финансово-экономической и социально-гуманитарной сфере, нежели в технической и инженерной областях. Кроме того, в группе более зрелых респондентов (старше 19,5 лет) в среднем возраст положительно влияет на склонность к недобросовестным практикам. Однако этот вывод скорее относится к юношам, чем к девушкам, и к студентам социально-экономических специальностей, нежели студентам естественно-научных факультетов.

Исследование демонстрирует важность личностных характеристик людей для понимания их поведения в экономической и других сферах. Мы исходим из того, что профессиональное становление личности начинается уже в период получения знаний в соответствующем учебном заведении, в этот же период формируются основы будущего экономического поведения. Все это подтверждает значимость проведенного нами исследования и полученных в его ходе результатов.

Список литературы (References)

Аликперова Н. В. Финансовые стратегии россиян: риски и барьеры // Народонаселение. 2014. Т. 22. № 2. С. 120—132. <https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00020>.

Altkperova N. V. (2019) Financial Strategies of Russians: Risks and Barriers. *Population*. Vol. 22. No. 2, P. 120—132. <https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00020>. (In Russ.)

Авдулова Т. П., Витковская Е. В., Поневаж Е. В. Рисковое поведение в юности: отклонение или норма? // Клиническая и специальная психология. 2013. № 3. С. 62—73
Avdulova T. P., Vitkovskaya E. V., Ponevazh E. V. (2013) Risk Behavior in Youth: Deviation or Regulation? *Clinical and Special Psychology*. No. 3. P. 36—44. (In Russ.)

Андрианов М. С. Психологические механизмы и периодизация процесса правовой социализации // Психология и право. 2013. Т. 3. № 1. С. 1—9.
Andrianov M. S. (2013) Psychological Mechanisms and Periodization of Process of Legal Socialization. *Psychology and Law*. Vol. 3. No. 1. P. 1—9. (In Russ.)

Анимица П. Е. Особенности финансового поведения домашних хозяйств в условиях геополитической нестабильности // Journal of New Economy. 2015. Т. 60. № 4. С. 43—51.

Animitsa P. Ye. (2015) Features of Financial Behavior of Households in the context of Geopolitical Instability. *Journal of New Economy*. Vol. 60. No. 4. P. 43—51. (In Russ.)

Белехова Г. В. Финансовая грамотность населения: влияние демографических характеристик // Доходы, расходы и сбережения населения России: тенденции и перспективы. М.: ИСЭПН РАН, 2018. С. 22—26.

Belehova G. V. (2018) Financial Literacy of the Population: The Impact of Demographic Characteristics. In: *Income, Expenses, and Savings of the Population of Russia: Trends and Prospects* Moscow: ISESP RAS. P. 22—26. (In Russ.)

Борискин М. Л., Улесикова И. В., Шатыр Ю. А., Мулик И. Г., Булатецкий С. В., Мулик А. Б. Возрастные и гендерные особенности предрасположенности человека к рискованному поведению // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2018. Т. 6. № 23. С. 741—756.

Boriskin M. L., Ulesikova I. V., Shatyr Y. A., Mulik I. G., Bulatetsky S. V., Mulik A. B. (2018) Age and Gender Peculiarities of Human Predisposition to Risk Behavior. *Personality in a Changing World: Health, Adaptation, Development: A Network Journal*. Vol. 6. No. 23 P. 741—756. (In Russ.)

Дулина Н. В., Моисеева Д. В., Небыков И. А. Финансовая грамотность населения: гендерный аспект (на материалах социологического исследования «Волгоградский Омнибус») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2017. Т. 16. № 1. С. 86—99. <https://doi.org/10.15688/jvolsu7.2017.1.10>.

Dulina N. V., Moiseeva D. V., Nebykov I. A. (2017) Financial Literacy of Population: Gender Aspect (Based on the Data from the «Volgograd Omnibus» Sociological Study). *Bulletin of the Volgograd State University. Series 7: Philosophy. Sociology and Social Technologies* T. 16. No. 1. P. 86—99. <https://doi.org/10.15688/jvolsu7.2017.1.10>. (In Russ.)

Зобков В. А. Содержательные характеристики уверенности человека в себе // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2019. Т. 29. № 1. С. 28—36.

Zobkov V.A. (2019) Informative Characteristics of Human Self-Confidence. *Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*. Vol. 29. No. 1. P. 28—36. (In Russ.)

Зотова А. И., Давыденко И. Г. Компаративистский подход к исследованию финансового поведения домохозяйств // *Terra Economicus*. 2012. Т. 10. № 1—2. С. 58—61.
Zotova A. I., Davidenko I. G. (2012) Comparative Approach to Research of Household's Financial Behavior. *Terra Economicus*. T. 10. No. 1—2. P. 58—61. (In Russ.)

Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. Иллюзия значимости. М.: АСТ, 2019.
Kahneman D. (2019) *Thinking, Fast and Slow. The illusion of validity*. Moscow: AST. (In Russ.)

Козырева П. М. Финансовое поведение в контексте социально-экономической адаптации населения (социологический анализ) // *Социологические исследования*. 2012. № 7. С. 54—66.

Kozyreva P.M. (2012) Financial Behavior in the Context of Socio-Economic Adaptation of the Population (a Sociological Analysis). *Sociological Studies*. No. 7. P. 54—66. (In Russ.)

Малкина М. Ю., Рогачев Д. Ю. Взаимосвязь финансовой грамотности в сфере цифровых технологий и личностных характеристик российских студентов: гендерный аспект // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 3. С. 104—115. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.3.10>.

Malkina M. Y., Rogachev D. Y. (2018) Interrelation of Financial Literacy in the Sphere of Digital Technologies with Personal Characteristics of Russian Students: The Gender Aspect. *Woman in Russian Society*. No. 3. P. 104—115. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.3.10>. (In Russ.)

Малкина М. Ю., Рогачев Д. Ю. Влияние личностных характеристик на финансовое поведение молодежи // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*. 2019. Т. 11. № 3. С. 135—152. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.3.135-152>.

Malkina M. Y., Rogachev D. Y. (2019) Influence of Personal Characteristics on the Financial Behavior of Youth. *Journal of Institutional Studies*. Vol. 11. No. 3. P. 135—152. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.3.135-152>. (In Russ.)

Мельников В. В. Происхождение оппортунизма: психологические основы экономического поведения // *Terra Economicus*. 2014. № 4. С. 91—104.

Melnikov V.V. (2014) The Origin of Opportunism: Psychological Basics of Economic Behavior. *Terra Economicus*. No. 4. P. 91—104. (In Russ.)

Ниворожкина Л. И., Синявская Т. Г., Трегубова А. А. Статистическое исследование склонности молодежи к девиантному финансовому поведению // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2019. № 5. С. 109—119. <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2019-5-109>.

Nivorozhkina L. I., Sinyavskaya T. G., Tregubova A. A. (2019) Statistical Study of the Tendency of Young People for Deviant Financial Behavior. *Intellect. Innovation. Investments*. No. 5. P. 109—119. <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2019-5-109>. (In Russ.)

Преснякова Л. А. Финансовая культура населения: угрозы и потенциал для развития инвестиционной активности граждан // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2009. № 2. С. 138—155.

Presnyakova, L. (2009) The Population' Financial Culture: Threats and the Potential for Development of Citizens Investment Activity. *The Monitoring of Public Opinion*. No. 2. P. 138—155. (In Russ.)

Скотникова И. Г. Уверенность в принятии решения (в сенсорных и когнитивных задачах) и в себе // Человек. Искусство. Вселенная. 2016. № 1. С. 417—426.

Skotnikova I. G. (2016) Confidence in Sensory and Cognitive Tasks Decision Making, and Self-Confidence. *Person. Art. Universe*. No. 1. P. 417—426. (In Russ.)

Сушко Е. Ю. Финансовое поведение населения и его детерминанты // Финансы и кредит. 2017. Т. 23 № 12. С. 670—682. <https://doi.org/10.24891/fc.23.12.670>.

Sushko E. Yu. (2017) Financial Behavior of the Population and Its Determinants. *Finance and Credit*. Vol. 23. No. 12. P. 670—682. <https://doi.org/10.24891/fc.23.12.670>. (In Russ.)

Тутов Л. А., Лозина. О. И. Оппортунистическое поведение человека в современной экономике: междисциплинарный подход // Государственное управление. 2019. № 74. С. 255—272.

Tutov L. A., Lozina O. I. (2019) Opportunistic Behavior in Modern Economy: Interdisciplinary Approach. *Public Administration*. No. 74. P. 255—272. (In Russ.)

Щелочков Н. Н. К вопросу о типичных следственных ситуациях и соответствующих им типовых версиях по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, совершенных несовершеннолетними // Общество и право. 2009. № 2. С. 230—233.

Shchelochkov N. N. (2009) On the Issue of Typical Investigative Situations and the Corresponding Types of Versions of Crimes Related to Drug Trafficking Committed by Minors. *Society and Law*. No. 2, P. 230—233. (In Russ.)

Ярашева А. В., Аликперова Н. В. Гендерные различия финансового поведения населения // Народонаселение. 2020. Т. 23. № 2. С. 51—60. <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.2.5>.

Yarasheva A. V., Alikperova N. V. (2020) Gender Differences in Financial Behavior of Population. *Population*. Vol. 23. No. 2. P. 51—60. <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.2.5>. (In Russ.)

Ярашева А. В., Макар С. В., Симагин Ю. А. Поведенческая экономика: население на рынке кредитных услуг // Народонаселение. 2020. Т. 23. № 3. С. 48—58. <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.3.5>.

Yarasheva A. V., Makar S. V., Simagin Yu. A. (2020) Behavioral Economy: Population in the Credit Services Market. *Narodonaselenie*. Vol. 23. No. 3. P. 48—58. <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.3.5>. (In Russ.)

Ainia N. S. N., Lutfi L. (2019) The Influence of Risk Perception, Risk Tolerance, Overconfidence, and Loss Aversion Towards Investment Decision Making. *Journal of Economics, Business, & Accountancy Ventura*. Vol. 21. No. 3. P. 401—413. <https://doi.org/10.14414/jebav.v21i3.1663>.

Allais M. (1953) Le comportement de l'homme rationnel devant le risque: critique des postulats et axiomes de l'école américaine. *Econometrica: Journal of the Econometric Society*. Vol. 21. No. 4. P. 503—546. <https://doi.org/10.2307/1907921>.

Alpert M., Raiffa H. (1982) A progress report on the training of probability assessors. In: Kahneman D., Slovic P., Tversky A. (eds.) *Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 294—305. <https://doi.org/10.1017/CB09780511809477.022>.

Antonides G. (1996) *Psychology in Economics and Business: An Introduction to Economic Psychology*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.

Bednar J., Page S. E. (2018) When Order Affects Performance: Culture, Behavioral Spillovers, and Institutional Path Dependence. *The American Political Science Review*. Vol. 112. No. 1. P. 82—98. <https://doi.org/10.1017/S0003055417000466>.

Birkelund J., Cherry T. L. (2020) Institutional Inequality and Individual Preferences for Honesty and Generosity. *Journal of Economic Behavior & Organization*. Vol. 170. P. 355—361. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2019.12.014>.

Blavatsky P. R. (2009) Betting on Own Knowledge: Experimental Test of Overconfidence. *Journal of Risk and Uncertainty*. Vol. 38. No. 1. P. 39—49. <https://doi.org/10.1007/s11166-008-9048-7>.

Bonin H., Dohmen T., Falk A., Huffman D. B., Sunde U. (2007) Cross-Sectional Earnings Risk and Occupational Sorting: The Role of Risk Attitudes. *Labour Economics*. Vol. 14. No. 6. P. 926—937. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2007.06.007>.

Borracci R. A., Arribalzaga E. B. (2018) The Incidence of Overconfidence and Underconfidence Effects in Medical Student Examinations. *Journal of Surgical Education*. Vol. 75. No. 5. P. 1223—1229. <https://doi.org/10.1016/j.jsurg.2018.01.015>.

Burson K. A., Larrick R. P., Klayman J. (2006) Skilled or Unskilled, but Still Unaware of It: How Perceptions of Difficulty Drive Miscalibration in Relative Comparisons. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 90. No. 1. P. 60—77. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.90.1.60>.

Cesarini D., Sandewall Ö., Johannesson M. (2006) Confidence Interval Estimation Tasks and the Economics of Overconfidence. *Journal of Economic Behavior & Organization*. Vol. 61. No. 3. P. 453—470. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2004.10.010>.

Dohmen T., Falk A., Huffman D. B., Sunde U. (2012) The Intergenerational Transmission of Risk and Trust Attitudes. *The Review of Economic Studies*. Vol. 79. No. 2. P. 645—677.

Frumos F. V., Grecu S. P. (2019) Inaccuracy and Overconfidence in Metacognitive Monitoring of University Students. *Revista de Cercetare si Interventie Sociala*. Vol. 66. P. 298—314. <https://doi.org/10.33788/rcis.66.16>.

Gignac G. E., Zajenkowski M. (2020) The Dunning-Kruger Effect Is (Mostly) A Statistical Artefact: Valid Approaches to Testing the Hypothesis with Individual Differences Data. *Intelligence*. Vol. 80. P. 1—9. <https://doi.org/10.1016/j.intell.2020.101449>.

Grimes P. W. (2002) The Overconfident Principles of Economics Student: An Examination of a Metacognitive Skill. *The Journal of Economic Education*. Vol. 33. No. 1. P. 15—30. <https://doi.org/10.1080/00220480209596121>.

- Jost J. T., Banaji M. R. (1994) The Role of Stereotyping in System-Justification and the Production of False Consciousness. *British journal of social psychology*. Vol. 33. No. 1. P. 1—27. <https://doi.org/10.1111/j.2044-8309.1994.tb01008.x>.
- Katona G. (1963) The Relationship between Psychology and Economics. In: S. Koch (ed.) *Psychology: A Study of a Science. Study II. Empirical Substructure and Relations with Other Sciences*. Vol. 6. *Investigations of Man as Socius: Their Place in Psychology and the Social Sciences*. P. 639—676.
- Machado L. M. C., Yoshinaga C. E. (2018) Self-assessment Accuracy, Overconfidence and Student Performance. *The New Educational Review*. Vol. 53. No. 3. P. 85—94. <https://doi.org/10.15804/tner.2018.53.3.07>.
- MacKillop S. (2016) Are Risk Tolerance Questionnaires a Silly Waste of Time? *Advisor Perspectives*, June 7. P. 1—50. URL: <https://www.cannonfinancial.com/uploads/main/AFIM0616.pdf> (accessed: 06.05.2021).
- McCoy M. A., White K. J., Love K. (2019) Investigating the Financial Overconfidence of Student-Athletes. *Sport, Business and Management: An International Journal*. Vol. 9. No. 4. P. 381—398. <https://doi.org/10.1108/SBM-10-2018-0091>.
- Michailova J., Mačiulis A., Tvaronavičienė M. (2017) Overconfidence, Risk Aversion and Individual Financial Decisions in Experimental Asset Markets. *Economic Research*. Vol. 30. No. 1. P. 1119—1131. <https://doi.org/10.1080/1331677X.2017.1311234>.
- Sowmya K. R., Panchanatham N. (2016) Influence of Risk Tolerance on Economic Growth of a Country. *The Journal of Internet Banking and Commerce*. Vol. 21. Special Issue-S 5. 005. URL: <https://www.icommercecentral.com/open-access/influence-of-risk-tolerance-on-economic-growth-of-a-country.php?aid=79697> (accessed: 16.04.2021).
- Van Raaij W. F. (1981) Economic Psychology. *Journal of Economic Psychology*. Vol. 1. No. 1. P. 1—24. [https://doi.org/10.1016/0167-4870\(81\)90002-7](https://doi.org/10.1016/0167-4870(81)90002-7).
- Wrońska-Bukalska E. (2016) Overconfidence of Students and Managers — Comparative Analysis. *Proceedings of Economics and Finance Conferences*. International Institute of Social and Economic Sciences. P. 349—361. <https://doi.org/10.20472/EFC.2016.006.020>.
- Wrońska-Bukalska E. (2020) Are Companies Managed by Overconfident CEO Financially Constraint? Investment-Cash Flow Sensitivity Approach. *Equilibrium. Quarterly Journal of Economics and Economic Policy*. Vol. 15. No. 1. P. 107—131. <https://doi.org/10.24136/eq.2020.006>.
- Yi H., Xiugang Y. (2019) Managers' Overconfidence, Risk Preference, Herd Behavior and Non-efficient Investment. *Independent Journal of Management & Production*. Vol. 10. No. 1. P. 56—75. <https://doi.org/10.14807/ijmp.v10i1.845>.

DOI: [10.14515/monitoring.2022.2.2141](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2141)

А. Н. Кравцова, Е. Н. Кузинер

БЫТЬ ВЗРОСЛЫМ И/ИЛИ УМЕТЬ ИМ БЫТЬ: МОДЕЛИ ВЗРОСЛЕНИЯ РАННИХ МИЛЛЕНИАЛОВ

Правильная ссылка на статью:

Кравцова А. Н., Кузинер Е. Н. Быть взрослым и/или уметь им быть: модели взросления ранних миллениалов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 120—139. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2141>.

For citation:

Kravtsova A. N., Kuziner E. N. (2022) Being and/or Knowing How to Be an Adult: The Growing Up Patterns of Early Millennials. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 120–139. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2141>. (In Russ.)

БЫТЬ ВЗРОСЛЫМ И/ИЛИ УМЕТЬ ИМ БЫТЬ: МОДЕЛИ ВЗРОСЛЕНИЯ РАН- НИХ МИЛЛЕНИАЛОВ

*КРАВЦОВА Алёна Николаевна — млад-
ший научный сотрудник Центра моло-
дежных исследований, Национальный
исследовательский университет Выс-
шая школа экономики в Санкт-Петер-
бурге, Санкт-Петербург, Россия*
E-MAIL: akravtcova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3912-3123>

*КУЗИНЕР Евгения Николаевна — аспи-
рантка, стажер-исследователь Центра
молодежных исследований, Нацио-
нальный исследовательский универси-
тет «Высшая школа экономики», Санкт-
Петербург, Россия*
E-MAIL: ekuziner@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2475-1760>

Аннотация. В статье анализируются два представления о взрослении: с точки зрения социальных ожиданий (идеал-типическое взросление) и с точки зрения собственных представлений о том, что такое взросление (индивидуальное взросление). Авторы понимают взросление как процесс, который приводит человека к состоянию взрослости, состоящей из набора заданных обществом или человеком параметров. В качестве заданных обществом параметров указываются следующие: сепарация от родительской семьи, получение образования, выход на рынок труда и собственный заработок, создание собственной семьи, включая рождение детей. С изменением социально-экономической обстановки маркеры взросления могут меняться: приобретают новые значения, исчезают или появляются. В данной работе проанализированы соци-

BEING AND/OR KNOWING HOW TO BE AN ADULT: THE GROWING UP PATTERNS OF EARLY MILLENNIALS

*Alena N. KRAVTSOVA¹ — Junior Re-
searcher at the Centre for Youth Studies*
E-MAIL: akravtcova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3912-3123>

*Evgeniia N. KUZINER¹ — post-graduate
student, Research Assistant at the Cen-
tre for Youth Studies*
E-MAIL: ekuziner@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2475-1760>

¹ HSE University in St. Petersburg, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article presents two perspectives on transition to adulthood, namely: ideal-typical pathway which is described in terms of social expectations and individual transition to adulthood which is described in terms of personal perceptions of the process. The authors of this study understand transition to adulthood as a process that eventually results in a state characterized by several events set by society or individual. The events set by society cover separation from the parental family, obtaining education, entering the labor market and earning one's own income, creating one's own family, and having children. As the socio-economic environment changes, the parameters (markers) of adulthood might evolve, some of them get a new meaning, emerge, or disappear. This article analyzes the social and individual transition to adulthood of the Millennial generation — residents

альное и индивидуальное взросление поколения миллениалов — жителей больших городов России (на примере Санкт-Петербурга и Екатеринбурга) в возрасте 28—33 года и 38—43 года. В статье приведены аргументы, объясняющие, как и почему изменяется представление об индивидуальном взрослении, каковы представления о взрослости у современных 30-летних и 40-летних, то есть первого поколения, перешедших во взрослость в современной России.

Ключевые слова: взросление, транзикация во взрослость, переход во взрослость, миллениалы, модель взросления, маркеры взросления

Благодарность. Выражаем благодарность руководителю проекта «Взросление российской молодежи в 21 веке: поколенческий анализ» Елене Леонидовне Омельченко, координатору проекта Надежде Андреевне Нартовой за ценные советы в концептуализации основных тезисов статьи. Спасибо нашим коллегам Дарье Петруниной, Анастасии Саблиной и Ирине Лисовской за совместный сбор полевых материалов.

Введение

Мы наблюдаем, как в мире отодвигаются рамки взросления и старения, в том числе в российском обществе. Произошли важные институциональные трансформации, претерпела изменения образовательная система в России. Она перешла на двухуровневую Болонскую модель, включающую в себя четырехлетний бакалавриат и двухлетнюю магистратуру по большинству образовательных направлений (вместо существовавшего пятилетнего специалитета). В европейских странах переход из бакалавриата в магистратуру сопровождается соблазном взять перерыв в обучении, так называемый «gap year» [Lumsden, Stanwick, 2012] — для того, чтобы отдохнуть, переосмыслить свой выбор, попутешествовать или просто выйти на рынок труда. Такой перерыв предполагает дальнейшее возвращение в высшее учебное заведение. Однако, как пишет М. А. Караулов, временные рамки «gap year»

of Russian large cities (on the example of St. Petersburg and Ekaterinburg), the authors regard population aged 28—33 and 38—43 years old. The article presents arguments explaining how and why the vision of individual adulthood is changing, which idea of adulthood is presented in modern 30-year-olds and 40-year-olds, that is, the first generation that has undergone the transit to adulthood in modern Russia.

Keywords: growing up, transit to adulthood, millennials, model of growing up, markers of growing up

Acknowledgments. The authors express their gratitude to Elena Omelchenko, head of the project “Growing up of Russian youth in the 21st century: generational analysis”, and Nadezhda Nartova, project coordinator, for valuable advice in conceptualizing the main theses of the article. We also thank our colleagues Daria Petrunina, Anastasia Sablina, and Irina Lisovskaya for the joint collection of field materials.

для российских студентов смещены на послевузовский период [Караулов, 2021]. Выход на рынок труда для них, таким образом, может быть более поздним. Кроме того, на законодательном уровне изменился пенсионный возраст: он увеличился до 65 лет для мужчин и 60 лет для женщин (по 5 лет для каждой группы).

Множество исследовательских работ о взрослении российской молодежи основано на количественных данных [Радаев, 2018; Митрофанова, 2020; Нартова, Фатехов, 2021]. Это позволяет увидеть динамику и хронологию, но не дает возможности разглядеть мотивы и причины, по которым молодые люди и девушки выбирают тот или иной жизненный путь: а) придерживаются классической модели образования — школа, далее ссуз/вуз или берут в какой-то момент перерыв в обучении; б) выходят сразу на постоянную работу или находятся в более длительном поиске; в) выходят из родительской семьи и начинают жить самостоятельно или пытаются как можно дальше задержаться в родительском доме; д) стремятся завести партнера(шу), семью и детей или откладывают и планируют семейную жизнь на более поздние периоды. В совокупности эти жизненные выборы формируют индивидуальную модель взросления конкретного человека.

Молодой возраст в России в 2020 г. официально сдвинулся до 35 лет, ранее он был ограничен 30 годами и только в некоторых случаях соответствовал нынешнему¹. Молодежь, молодая семья, молодой специалист — теперь все эти категории ограничиваются 35 годами², а следовательно, государство пролонгировало множество программ молодежной поддержки до достижения 35 лет. В данной статье предлагается сравнить траектории перехода во взрослость двух возрастных когорт миллениалов — 28—33 года и 38—43 года, — как тех, кто еще считается молодым, и тех, кто относительно недавно стал взрослым. Авторы используют модель В. В. Радаева, исходя из которой поколение миллениалов — это люди, рожденные в период с 1982 по 2000 г. [Радаев, 2020]. Исследованию миллениалов уделяется значительное внимание и в социологии, и в других науках [Султанов, Воскресенский, 2015; Попов, 2018], однако возрастные когорты, находящиеся на стыке поколений (в данном случае это люди в возрасте 38—43 лет), остаются менее изученными.

Взросление как социальный конструкт

Период взросления может значительно отличаться в зависимости от исторических и культурных условий, а также от социального класса и гендера. Существует нормативное «социальное время» взросления, которое приписывает, что к определенному возрасту человек должен достичь результатов, характеризующих его как взрослого, например, получить паспорт в 14 лет, достичь совершеннолетия в 18 лет, окончить школу, поступить в высшее или среднее учебное заведение, выйти на рынок труда, начать жить самостоятельно и отдельно от родителей и так далее [Krahn et al., 2018]. Конечно, время наступления взрослости в конкретной социокультурной среде может определяться по-разному [Shanahan, 2000], однако нормативные маркеры взрослости во многих работах остаются неизменными —

¹ Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 г.

² № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации».

получение среднего образования, начало карьеры, вступление в брак, родительство [Crockett, Bingham, 2000]. Часть исследователей к этим маркерам добавляют еще сепарацию от родителей [Mouw, 2005; Cohen et al., 2003; Settersten, Ray, 2010].

Многие исследователи признают, что переход во взрослость пролонгируется, сам процесс взросления усложняется и в большей степени начинает зависеть от индивидуальных траекторий и жизненного курса [Shanahan, 2000]. Нормативные маркеры взрослости теряют свою однозначность, хронологически меняются — как, например, повышение возраста вступления в брак и перенос рождения первого ребенка на более поздние сроки [Шмидт, 2019].

Процесс взросления теряет свою унифицированность [Brückner, Mayer, 2005], события, привычно приписываемые этому периоду, перестают идти друг за другом, становятся «возвратными». Так, можно съехать от родителей, выйти замуж, а потом развестись и вернуться в родительский дом. Некоторые исследователи предлагают ввести новый маркер взрослости — разрыв длительных партнерских отношений [Sharon, 2016]. Предполагается, что данное событие сильно влияет на переоценку ценностей молодого взрослого, на его дальнейший выбор жизненного курса.

Другие исследователи выделяют первую и вторую стадии перехода, или транзиции во взрослость [Krahn et al., 2018]. Первая стадия связана с получением высшего образования, уходом из родительского дома. Эти и подобные события помогают получить независимость и свободу, сформировать образовательную и карьерную идентичности. Вторая стадия перехода во взрослость связана с партнерством, браком, приобретением собственного жилья и рождением детей. При этом исследователи отмечают размытую темпоральность между первой и второй стадией, обращая внимание на возможности приобретения свойственных для второй стадии маркеров еще во время первой стадии. Процесс взросления становится менее стандартизированным, поэтому ученые выделяют «ранних взрослых» и «поздних взрослых» [Krahn et al., 2018]. При этом у взрослых последней категории остается выбор: а) следовать общественным ожиданиям от взрослости (создавать семью, рожать детей) или нет, б) отложить эти события на более позднее время или в) отказаться от них вовсе.

Некоторые исследователи начинают работать с понятиями социальной репрезентации взрослого (каким взрослый должен быть в «идеальном» обществе) и образа взрослого, характерного для самого человека или группы людей (кто такой взрослый в «реальном» обществе) [Pitti, 2017]. При этом если «идеальный» образ взрослого практически не меняется, то «реальный» со временем претерпевает существенные трансформации [ibid.]. В своем исследовании И. Питти подчеркивает, что необходимо пересмотреть традиционную концепцию «перехода во взрослость», так как в современных условиях (сложная экономическая обстановка, социальные и культурные трансформации) этот процесс может стать бесконечным. В нашей статье мы обозначаем две репрезентации взросления как «идеал-типическую» и «индивидуальную» модели.

Дж. Арнетт вводит категорию формирующейся взрослости (*emerging adulthood*). Это переходный период между юностью и взрослостью. Исследователь выделяет следующие характеристики взрослости: ответственность за себя, неза-

висимость в принятии решений и финансовая независимость. При этом два первых маркера субъективны и могут быть оценены самими индивидами. Вместе с тем он подчеркивает, что брак и наличие собственных детей уже не могут считаться критериями взрослой жизни, тогда как само родительство продолжает рассматриваться как трансформирующий опыт [Arnett, 2001]. Дети, по мнению других исследователей, формируют идентичность взрослого, оставаясь признаком зрелости и наличия жизненных целей вместе с ответственностью и заботой, связанными с уходом за пожилыми родителями [Aeby, Heath, 2019].

Ряд исследователей подвергает критике данную концепцию, не рассматривая «формирующуюся взрослость» в качестве отдельного этапа [Steinberg, 2014]. Взрослости предшествует период юности, который в современных условиях длится намного дольше. Концепция формирующейся взрослости также критикуется за излишне упрощенное объяснение продления юности. Согласно исследованиям других ученых, она не синонимична продлеваемому переходу во взрослость, а также не применима ко всем социальным классам. Так, например, представители рабочего класса могут раньше выходить на рынок труда, заводить семьи, то есть раньше становиться взрослыми. У молодых представителей среднего класса переход во взрослость может длиться гораздо дольше [Côté, 2014].

Рассматривается процесс взросления и через поиск индивидом своей цели, своего места в обществе (определение своих ролей и статусов), что способствует формированию идентичности, необходимой для осознания себя взрослым [Sumner, Burrow, Hill, 2015]. При этом на формулировку и изменение целей влияют внешние факторы: традиции и экономика в регионе проживания, глобальные и локальные кризисы. Взросление — вынужденный процесс, который может ускоряться или замедляться под влиянием внешних факторов, например, смерти близких людей. Поэтому право на выбор, когда нужно стать взрослым, рассматривается в качестве привилегии [Recksiedler, Settersten, 2020].

Среди российских ученых ведутся дискуссии о пролонгации периода взросления. Исследователи, основываясь на количественных данных, приходят к выводу, что «взросление российской молодежи растягивается во времени» [Нартова, Фатехов, 2021: 341]. Оно «начинается с получения образования и работы, в то время как брак и деторождение откладываются во времени, за пределы „молодого“ возраста, выступая, вероятно, уже реализацией взрослого этапа жизни, нежели подготовкой к нему» [там же]. Авторы сходятся во мнении, что откладывание брака и деторождения происходит из-за того, что молодые люди и девушки подходят к этому событию в своей жизни более ответственно, чем предыдущие поколения [Митрофанова, 2020: 50]. При этом, как отмечает Е. С. Митрофанова «Среди демографических событий по-настоящему дебютный смысл обретает партнерство» [там же]. Вступлению в брак предшествуют длительные партнерские отношения. А. В. Артамонова, основываясь также на количественных данных, приходит к выводу, что в России, как и в 11 изученных ею европейских странах, наблюдаются тенденции к «увеличению среднего числа партнеров в течение жизни; систематическому уменьшению доли людей, выбирающих брак; повышению доли одиноких; снижению числа вторых браков, вытесняемых сожительством» [Артамонова, 2018: 127]. Таким образом, некоторые события, характеризующие

взрослый этап жизни, могут быть и вовсе исключены из индивидуальной траектории взросления.

Российские авторы вслед за зарубежными коллегами начинают использовать категорию «молодые взрослые». Их жизненный курс мало зависит от нормативно принятого дискурса (во сколько лет надо вступать в брак, заводить детей) и индивидуален. Помимо финансовой независимости появляются такие маркеры взрослости, как осознанность, достижение определенных социальных и экономических свобод. И только уже потом, после приобретения этих качеств, можно становиться родителем [Чернова, Шпаковская, 2010].

Ряд авторов обращает внимание на недостаток в научном поле исследований, проведенных с опорой на качественную парадигму [Нартова, Фатехов, 2021]. Основываясь на качественных данных, мы предлагаем сравнить идеал-типическую модель взросления и взрослости с реальным процессом взросления и его маркерами, которые были обозначены в нарративах наших информантов. Важный вопрос нашей статьи: является ли взросление возрастным этапом, имеющим определенное завершение, или взрослость — это набор навыков и умений, который человек приобретает или не приобретает в ходе всего жизненного пути.

Эмпирические данные

В фокусе данной статьи представления старшей группы миллениалов о процессе взросления. Исследовательский вопрос заключается в том, как современные 30-летние и 40-летние воспринимают взросление и взрослость с точки зрения общепринятой модели взросления и долженствования («идеал-типическая модель взросления») и собственных индивидуальных представлений в рамках своего жизненного курса («индивидуальная модель взросления»). В ходе полуструктурированных глубинных интервью информанты подробно рассказывали про каждый этап взросления, начиная с детских и школьных лет и заканчивая тем этапом, в котором они находились на момент интервью. По ходу интервью подробнее обсуждались вопросы, связанные с маркерами взросления: сепарация от родительской семьи, самостоятельная жизнь, партнерство/брак, рождение собственных детей, образование и карьера. В силу того, что некоторые маркеры взросления не были упомянуты в интервью, поскольку информант еще не приобрел их, ему предлагалось порассуждать относительно каждого из них. Таким образом, относительно определенных жизненных событий (в особенности вступления в брак, родительства) информанты рассказывали не с точки зрения своего опыта, а с позиции стороннего наблюдателя. В ходе интервью информанты также размышляли о тех характеристиках взрослого человека, которые важны для них. Задавались и вопросы о том, что взрослый должен уметь/иметь/делать, то есть предлагалось сформулировать идеальную модель взрослого.

Рекрутинг информантов был открытым, проводился в социальных сетях, среди знакомых исследователей, а также методом снежного кома. Информанты имели максимально вариативные биографии, этого удалось добиться благодаря тому, что привлекались участники с разнообразным опытом и бэкграундом, в том числе разными образовательными и рабочими траекториями, непохожими семейными историями (как родительской, так уже и собственной семьи), разным достатком.

Однако результаты данного исследования в совокупности с исследованиями в других регионах страны могут быть использованы для более детального описания портрета миллениалов России. Участие в исследовании было добровольным и не предполагало вознаграждения для информантов. Эмпирическую базу составили 40 биографических интервью с миллениалами — жителями двух крупных городов (Санкт-Петербург и Екатеринбург), интервью проводились в основном офлайн, но некоторые были взяты онлайн. В анализ были включены интервью тех, кто завершает переход во взрослость либо уже считается взрослым. В каждом городе было собрано по 10 интервью с 28—33-летними и 38—43-летними людьми (в каждой группе мужчины и женщины представлены в равном количестве)³. Далее в статье для удобства мы будем использовать категорию «40-летние» для информантов 38—43 года и «30-летние» для информантов 28—33 лет. Все интервью были переведены в форму текста (затранскрибированы) и анонимизированы. Анализ проводился в логике «обоснованной теории» с применением процедур открытого и осевого кодирования.

В выборку группы 30-летних попали люди преимущественно с высшим образованием, только один информант из этой группы не пытался получить высшее образование (остальные имели опыт поступления в вуз, некоторые не закончили обучение), один информант из этой группы продолжает жить в родительском доме, остальные съехали от родительской семьи. 9 информантов(к) на момент интервью состояли в браке, одна информантка была разведена, пятеро информантов(к) уже стали родителями (одна из них была беременна на момент интервью). Половина информантов успели, в дополнение к своему основному образованию/квалификации, освоить новую профессию. В выборке 40-летних 4 информанта получили только средне-специальное образование, все жили в своем жилье либо в жилье партнера; на момент интервью 4 информанта были разведены, 4 информанта никогда не состояли в браке и не имеют детей; двое информантов состоят в браке, но не имеют детей; у 7 информантов два и более детей. Изменения в хронологии и наборе маркеров взросления мы будем рассматривать с точки зрения тех трансформаций, которые произошли у младших информантов, если сравнивать их со старшими.

Идеал-типическая модель взросления

В каждом интервью информанты рассуждали на тему взросления. Многие из них раньше не задумывались над концепцией взрослости — что это такое, из чего она состоит, через что приобретает и так далее. При этом в нарративах интервью «взрослость» как определенное состояние и «взросление» как период времени и процесс неразрывно связаны. Многие информанты отмечают, что нет конкретного возраста, с которого человека можно считать взрослым, взрослость скорее определяется через пережитый опыт, а не по количеству определенных лет.

Информанты часто описывали взросление с помощью категории «ответственность». Упоминались несколько ее видов: социальная и гражданская, профессиональная, готовность принимать решения и отвечать за результат. Они были

³ В статье использованы результаты проекта «Взросление российской молодежи в 21 веке: поколенческий анализ», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ

связаны с тем, что взрослый человек должен уметь самостоятельно планировать и контролировать свою жизнь, понимать последствия своих действий, то есть быть ответственным за них и за свою жизнь в целом. Некоторые информанты связывали взрослость с рациональностью и эмоциональной стабильностью, делающей жизнь взрослого человека скучной и сложной. Некоторые информанты, чтобы описать взрослого человека, просто противопоставляли его ребенку, который в силу своего возраста и опыта не отвечает за себя, все решения за него принимают родители, он гибкий и импульсивный.

Взрослым? Отвечать за свою жизнь. Сам. Ты принимаешь все решения и отвечаешь за свою жизнь. <...> У детей нет свободы. Они... за них все делают, но в то же время они несвободны, им указывают. А взрослый человек может [позволить] себе то, на что он способен. То есть смог себе заработать — пожалуйста, делай все что хочешь. Не смог — ну, как... удовольствуйся тем, что смог добиться в жизни. То есть, по сути, ты можешь ровно то, на что ты, там, заработал, заслужил, что ты сделал для этого. То есть ровно твои силы приложенные и... вот и получаешь. (Жен., 30 лет, Санкт-Петербург, средне-специальное образование, замужем, детей нет)

Несмотря на такие, казалось бы, ограничения взрослого человека, у него же появляется преимущество в виде множественного выбора, который приходится осуществлять в своей повседневности. Самостоятельный рациональный выбор, таким образом, становится одним из показателей взрослости человека.

Ответственность за других — еще один важный вид ответственности в рамках взросления. Некоторые информанты подчеркивали, что здесь речь не только, например, о детях. Список «других» разнообразен: родители, дети, подчиненные на работе, домашние питомцы. Здесь важно, что человек на пути к взрослости учится отвечать за кого-то кроме себя, «другой» при этом зависим от человека. Самостоятельность и ответственность за других тесно связаны с такой категорией, как «свобода». Чем ты взрослее, тем больше твоя самостоятельность и свобода, но при этом и растет степень твоей ответственности.

Ответственность за себя и за свою семью. И если это свое дело, еще ответственность за коллектив. Ну, ты в ответе за тех, кого ты приручил. Ты как бы начинаешь думать не только о себе, но и о других, не только о детях, но и о коллективе тоже. О родителях, конечно, тоже твои обязанности — помогать, содержать родителей, я считаю, тоже немаловажно. (Жен., 41 год, Екатеринбург, среднее образование, в разводе, есть дети)

Информанты, рассуждая на тему взросления, приводили в пример своих знакомых, которые начинали взрослеть в сложные семейные моменты, когда у них на попечении находились родственники, которые не могли за собой ухаживать. Отмечалось, что мужчины в случае смерти отца вынуждены брать на себя роль главы семьи, даже если это происходит в достаточно юном возрасте.

Инф.: Ну, наверное, вот, отец когда умер. Прямо, ну, там как по щелчку сразу все, эти забавы, все это, меньше стало всего.

Инт.: *Какие вот ощущения были?*

Инф.: *Что надо работать, надо зарабатывать. Посерьезнее надо относиться к работе. Потому что до этого все как-то, как в облаках, там, не знаю, практика, она уже началась, я уже работал, но мог и загулять где-то, в какой-нибудь там клуб, на работу не выйти, отзвониться, сказать, что приболел, там еще что-то. Сейчас как-то серьезнее. Ну, не сейчас, а сразу в тот момент стал серьезнее относиться. Уже, ну, поддержки-то нет никакой, понимаешь это. Как-то так. (Муж., 32 года, Санкт-Петербург, высшее образование, женат, есть ребенок)*

Появление ребенка должно быть осознанным. Сам факт рождения ребенка по большому счету мало значит, более значима готовность взять на себя ответственность за его жизнь и воспитание.

Наверное, нет, мне вполне хватает ответственности за саму себя. А если у меня еще будет ответственность за кого-то еще, не важно, там за младших или за старших, ну что я враг себе, что ли? Хотеть больше ответственности, больше проблем. Мне кажется, никто себе такого счастья не хочет. (Жен., 28 лет, Екатеринбург, высшее образование, живет с партнером, детей нет)

Чтобы воспитывать ребенка, нужны определенные условия, которые важно создать до его появления: работа, материальная стабильность, в том числе жилье, психологическая готовность иметь ребенка. При этом рождение детей / создание собственной семьи считается одним из главных характеристик уже взрослого человека (осознанного и ответственного), это определенная «точка невозврата», вынуждающая стать взрослым.

Ну, наверное, это вот вложенное коллективным бессознательным в нашу голову, что под 30 лет у вас должна быть, условно, семья, ребенок, машина, дача, вот. Ну, и все равно ты как бы видишь впервые человека и как бы, если у него нет резких отличий от окружающих — ну, там дредов, татух и т.д., — понимаешь, вот, наверное, он взрослый человек, не то что я, вот.

Инт.: *А, может быть, есть какие-то события, которые делают человека взрослым?*

Инф.: *Ну, наверное, момент, когда я себя полностью буду считать взрослым-взрослым, это, наверное, рождение ребенка. Прямо такой резкий перелом. (Муж., 28 лет, Екатеринбург, высшее образование, не женат, детей нет)*

Среди важных субъективных характеристик взрослости оказались те, которые связаны с личностным ростом. Информанты считают, что взрослый человек уже имеет желание не просто приобретать опыт и знания, но делиться им. Для взрослого важно научиться отстаивать свои границы, он должен быть способен работать над собой, над своим внутренним миром, уметь оценивать свои потребности. Интересно, что эти характеристики взрослого называли информанты, уже ставшие родителями.

Во многих интервью в качестве критериев взрослости появлялись материальная независимость и готовность обеспечивать себя. Достижение этих целей важно

для развития остальных сфер: человек может создавать семью, развиваться сам, быть независимым (жить отдельно от родителей).

Итак, рассуждая на тему взрослости, информанты редко называли классические маркеры взрослости, такие как образование, получение профессии, сепарацию от родителей, создание собственной семьи и рождение детей. Основные категории, определяющие взросление, связаны с осознанием самостоятельности и независимости, которые артикулируются у всех по-разному. Они могут быть связаны с получением профессии, выходом на работу, уходом из родительского дома. Однако чаще всего информанты не называют эти события, а самостоятельность и независимость у них ассоциируются с принятием решений, планированием, материальной обеспеченностью. Еще одним критерием является способность нести ответственность за себя и за других, контролировать чужую жизнь. Здесь же возникает другой важный аспект — долженствование. Взрослый человек должен осознать необходимость заботиться о ком-то. Таким образом, главными критериями взросления оказываются осознанность, ответственность и забота о других.

Индивидуальное представление о взрослении

Один из ключевых вопросов, заданных информантам, — считают ли они себя взрослыми, когда появилось чувство взрослости и с чем это было связано. Отметим, что не все готовы назвать себя взрослыми, это касается обеих групп (и 30-, и 40-летних). Не называли себя взрослыми участники исследования, которые еще не являются родителями, а также некоторые из информантов, у кого уже есть дети. Информанты, говоря о собственном ощущении взрослости, объясняют, что взрослые люди все-таки обладают «скучными» характеристиками (например, неэмоциональностью, отсутствием авантюризма и инфантильности), которые приводят к определенной неповоротливости, окостенелости, отсутствию энергии. Некоторые информанты также говорят о том, что не хотят считать себя взрослыми, так как у них многое впереди и сейчас жизнь «кипит», следовательно, взрослость воспринимают как определенный конечный этап, начало спокойной, скучной жизни, информанты не готовы к этому этапу.

Поэтому, ну... скажем так, я себя, если говорить про считаю, я не считаю себя взрослой, потому я быстро соображаю, я могу спокойно — ну вот я уже несколько лет в среднем сплю по 3—4 часа в день. И при этом работаю, ну... все оставшееся, скажем так, время. Ну, либо развожу девчонок по школам, занятиям и так далее. Это опять же дает ощущение той самой юности, потому что а когда еще есть столько энергии? (Жен., 41 год, Санкт-Петербург, среднее образование, замужем, 2 детей)

Информанты, не признающие в себе взрослого (то есть имеющего статус взрослого, определяющийся по возрасту, образованию, наличию собственной семьи и детей), говорили про присущий им авантюризм и жажду приключений, некоторые вводили понятие «внутреннего ребенка», которого они берегут в себе.

Инт.: Хорошо. Ты, я так понимаю, считаешь себя взрослой?

Инф.: Ну так... (смеется). Ну, во мне все равно есть ребенок — однозначно, и я не хочу его убивать в себе, что самое главное. (Жен., 32 года, Екатеринбург, высшее образование, замужем, детей нет)

В интервью говорилось о ситуативной взрослости, когда в одной ситуации информант вел себя, как «ребенок» (был инфантильным, несерьезным, готовым подучиться), в другой ему приходилось играть роль «взрослого», например, при получении ипотеки, оплаты счетов. Эту ситуативную взрослость можно интерпретировать как то, что информанты отрицают взрослость как перманентное состояние, или как способность человека позволять себе в нужных моментах быть ребенком либо, наоборот, взрослым. То есть взрослость понимается как опыт, набор неких навыков и умений, которыми можно воспользоваться при необходимости.

Если брать какие-то такие стереотипные маркеры, то да, наверное, взрослая. Если брать какие-то субъективные, как я веду, допустим, себя сейчас с другом, то я позволяю себе быть, ну, внутренняя девочка, знаете, я позволяю себе быть ребенком, девочкой. Вот. (Жен., 40 лет, Екатеринбург, высшее образование, не замужем, детей нет)

Когда информанты говорили про индивидуальную взрослость, многие использовали такие глаголы, как «чувствовать», «ощущать». Некоторые отмечали, что считаются взрослыми, но при этом отказывались себя ими ощущать. «Я знаю, что я взрослый человек. Я не чувствую себя им». Возможно, это связано с восприятием взросления как процесса старения, что, в свою очередь, связано с негативными ощущениями, ухудшением здоровья, потерей близких.

Последний аргумент близок к другим категориям, упоминавшимся в интервью — осознанность, рассудительность, ответственность. Интересно, что осознанность и рассудительность называли те информанты, у которых еще нет детей и которые отвечают только за собственную жизнь.

Ну, в смысле, то есть человек все время разный, изменчивый. <...> Во мне много что понамешано. Вот. Поэтому я и да, и нет. Скорее да, чем нет. <...> Я бы охарактеризовал это [зрелость], когда человек знает, чего он хочет, и делает это, и имеет возможность для этого. Ну, возможно, даже не всегда, потому это не всегда от нас зависит. Вот. Когда человек понимает, что хочет, наверное, и делает это. И у него получается. Это... Может быть, вот это можно охарактеризовать как зрелость. Ну, какие-то вещи у меня получаются, какие-то вещи... Я знаю, что хочу, делаю что хочу, и какие-то получаются, какие-то нет, какие-то не умею, какие-то не знаю еще, когда-нибудь узнаю. Вот. (Муж., 39 лет, Екатеринбург, неполное высшее образование, в партнерстве, детей нет)

Возможно, это связано с неготовностью к роли родителя, завышенная требовательность к себе и боязнь взять на себя ответственность за жизнь другого человека обязывают продолжать путь познания себя и развития других своих ролей (ребенка, студента, профессионала).

Взрослость и взросление для некоторых информантов связаны с приобретением как негативного, так и позитивного опыта, работой над собой, например

с помощью психолога (часто к психологу приводил как раз негативный жизненный опыт), непрерывного образования, в том числе самообразованием, самокопанием, работой над своим внутренним миром и той степенью свободы, которой наделяет человек себя сам. Информанты придают значение независимости от мнения окружающих, соответственно, наделяемые обществом «правила жизни» (окончить институт, жениться, завести детей, работать) не только критикуются, но подвергаются сомнению в качестве критериев взрослости, а также информанты готовы их анализировать более детально. Они пытаются разобраться с тем, чего хотят они, а не чего ждет от них условное общество. Вместе с тем им важно реагировать на внешние факторы и уметь жить в согласии с внешним миром, уважать и ценить мнения других людей, но следовать своей траектории.

Потому что изначально я думал, что быть взрослым означает быть финансово независимым. Это была первая операция, как бы, вообще в попытке понять, что это все вообще означает. Потом я понял, что это совершенно не так. То есть это лишь часть, она малая часть. То есть я обрел финансовую независимость, и это не означает быть взрослым. Вот. Дальше я думал, что взрослым означает нести ответственность за свои поступки и принимать решения во всех сферах жизни независимо ни от чего и ни на кого [не полагаясь]. Это тоже есть в моей жизни, было, и сейчас это есть. Не то. Не то, это тоже один из факторов, и то это больше следствие. Третий подход — это, вот, это моя текущая позиция, что быть взрослым означает как бы перестать быть эгоистом, то есть испытывать потребность и удовольствие от того, что ты делишься чем-то с другим человеком. Ну, как бы, наверное, с кем-то очень близким, там. То есть взрослый — это тот, кто испытывает удовольствие и потребность делиться вниманием, временем, и он не может расти как личность дальше без этого. Он уже как один, идущий как бы в одиночку, уже не может дальше развиваться, то есть ему для развития требуется кто-то другой, чтобы ему что-то отдавать. (Муж., 32 года, Санкт-Петербург, высшее образование, не женат, детей нет)

Немногие информанты ассоциируют момент своего взросления с профессиональной деятельностью. В одном случае это было связано с достижением определенных успехов на работе, информант почувствовал, что к нему относятся уважительно, к нему прислушиваются. В другом случае информант почувствовал себя взрослым, когда ему дали руководить группой (был командиром в армии).

Некоторые информанты связывают взросление со «взрослыми» занятиями и обязанностями, как правило, не очень интересными. Взрослость в этом случае ассоциируется с рутинизированными практиками из области быта и повседневности.

...Взрослость в основном связана, это, когда уже у тебя дети появляются, вот, какие-то такие, вот, что у тебя вот уже есть, скажем так, м, квартира, где ты живешь, работа, где ты определился с работой. Вот. Дети как бы, семья — это та... У меня как бы с этим... ассоциируется взрослость. (Муж., 28 лет, Екатеринбург, высшее образование, женат, детей нет)

Инт.: А когда ты прям четко поняла, что ты взрослая?

Инф.: Взрослая, взрослая... Фиг его знает, когда я поняла. Но точно не когда стала мамой. Я еще не понимала... Это была я мама, но я как бы играючи, мне кажется, это

была какая-то игра. А вот когда уже... может быть, даже когда я начала самостоятельно работать и сама себя обеспечивать. То есть не муж меня обеспечивал, а окончательно я с этими кредитами, ипотеками. Вот тогда я точно почувствовала себя взрослой, потому что, ну, я — и никто больше. (Жен., 43 года, Санкт-Петербург, среднее образование, в разводе, 3 ребенка)

Важным этапом жизни наших информантов становится родительство, и здесь важно подчеркнуть, что именно осознанное родительство является показателем взрослости: когда человек спланировал рождение ребенка и готов быть за него ответственным. Несмотря на то, что в идеал-типической модели взрослости родительство упоминалось реже, в индивидуальном взрослении появление семьи и детей упоминались чаще. Некоторые информанты отказывались называть себя взрослыми именно по причине того, что еще не имеют детей. Напротив, не все те, кто имеет ребенка и даже нескольких детей, могут назвать себя взрослым. Информантка выше, например, говорит, что взрослость наступила точно не с рождением ребенка.

Женщины чаще называют появление детей ключевым моментом взросления, мужчины делают больше акцент на финансовой обеспеченности и состоятельности, что помогает им обеспечить семью. Ожидается, что самостоятельность, ответственность (за себя и других) и рассудительность помогают человеку быть и считаться взрослым. Отсутствие этих характеристик или отличное поведение от нормативного взрослого рассматривается как отклонение от общепринятых норм. Одни информанты достаточно критично относятся к таким «взрослым».

А некоторые люди, они могут не повзрослеть до конца жизни. Остаться такими людьми, прожигающими жизнь. (Муж., 41 год, Екатеринбург, 2 высших образования, женат, 2 детей)

Я думаю, к этому возрасту либо уже тогда депрессия у них: «Вот смысл жизни, я прожил 30 лет, а я ничего не добился». Может, не все показывают, но это реально, стопудово это у всех у них. Он говорит: «Я дожил до 30 лет, а у меня ничего нет». Депрессия, и все. (Жен., 43 года, Санкт-Петербург, среднее образование, в разводе, трое детей)

Таким образом, для информантов большую важность имеет их индивидуальная траектория взросления, социальные нормы не выступают мерилем их взрослости, нет институциональных маркеров, способных обозначить взрослого человека. Информанты уделяют особое внимание внутреннему ощущению взрослости, которое должно сопровождать человека. Для многих главным во взрослости становится восприятие мира и себя в этом мире. То есть человек оказывается взрослым только тогда, когда понимает свои жизненные траектории (в учебе, работе, семье, в воспитании детей и так далее), принимает самостоятельные решения. При этом информанты транслировали идею осознанного самостоятельного планирования, но оно могло быть в рамках разных сфер жизни, для одних важно спланировать свою профессиональную траекторию, для других — семейную.

Заключение

Анализ интервью показал, что в большинстве случаев «идеал-типическая модель» перехода во взрослость и взросление совпадают с внутренними индивидуальными представлениями в рамках жизненного курса информантов. Однако в ходе рассуждений и проговаривания своей биографии и результатов собственных жизненных выборов информанты больше рефлексировали относительно того, что же для них может означать взрослость и каким образом она проявляется или не проявляется в их собственной жизни.

Информанты различают модель взросления, навязанную социальными нормами (идеал-типическую), и свою «внутреннюю» (индивидуальную), которая соответствует их собственным ощущениям. Существует определенный возраст (примерно 27—30 лет), к которому человек, как правило, приобретает все навыки и опыт, позволяющий ему считаться взрослым. При этом многие из участников нашего исследования путались в том, кем же они себя считают. Некоторые заявляли, что считают себя юными, молодыми. Но в большинстве случаев информанты избегали называть себя взрослыми, а относили свое состояние к пограничным категориям, которые захватывают сразу несколько хронологических периодов: «переход из молодости во взрослость», «переход из юности во взрослость», «поздняя молодость с элементами взрослости», «с одной стороны взрослый, с другой стороны не взрослый», «финальный этап молодости», «осознанная молодость — уже не ребенок, но еще не взрослый», «все больше считает взрослым, но чувствует молодым», «между молодостью и взрослостью», «находится в периоде взросления, но не считает себя взрослым», «скорее молод, но из-за наличия детей уже должен считаться взрослым», «взрослость для себя», «зрелый молодой человек», «взрослый по некоторым параметрам». Один из информантов в разных частях интервью называл себя молодым, молодым взрослым и взрослым.

При определении своего актуального возрастного этапа многие информанты не были готовы назвать себя взрослыми, хотя всем было больше 28 лет, они все покинули родительский дом, получили образование (окончили школу, отучились в средне-специальных или высших учебных заведениях), имеют свой доход и самостоятельно обеспечивают себя, у многих уже есть свои семьи и дети.

Также оказалось, что не для всех информантов принятая классическая хронология (детство, юность, молодость, взрослость, зрелость) остается актуальной, некоторые не называли себя взрослыми, но уже считали себя зрелыми. Возможно, данное расхождение связано с тем, что информанты в целом мало рефлексировали по поводу своего статуса «взрослого/невзрослого» и относятся к периоду взросления, как к процессу, опыту, который связан с разными событиями и этапами жизни, и у каждого человека этот процесс уникальный и приходит в свое время.

Многие говорили, что «взрослость» — это навык, важно «уметь» быть взрослым, когда от тебя это требуется, но при этом подчеркивали, что важно и сохранять в себе ощущение молодости. Это связано, как уже говорилось, и с негативным восприятием взрослости как чего-то негибкого, закостенелого, началом старения. Возможно, это также связано с тем, что такое понятие, как «молодой взрослый», мало распространено в российском дискурсе, есть молодой, есть взрослый, а то, что между — никак не номинируется.

С другой стороны, говоря о взрослости как о чем-то стабильном, рассудительном, осознанном, и 30-летние, и 40-летние достаточно критичны, многие считают, что не могут назвать себя взрослыми как раз потому, что не достигли той степени «взрослой» осознанности.

Некоторые информанты полагают, что их представление о своей взрослости не соответствует идеальной модели, потому что они излишне себя критикуют и считают, что им не достает каких-то определенных качеств («недостаточно взрослые»), некоторые говорили, что для взрослого состояния им не хватает ребенка. Другие, напротив, не хотят себя считать взрослыми, потому что для них общепринятая «идеальная» модель взрослого — скучная и негибкая. Третьи вообще не выделяют такую категорию как «взрослость», так как считают, что это не возрастная категория, а набор приобретаемых качеств, жизненный опыт, которые характеризуют личность.

Говоря о своей взрослости, наши информанты из обоих городов больше рассказывали про самостоятельность и свободу выбора, чем, например, про независимость, сепарацию от родителей и отказ от их помощи. Для них важно на начальном пути взросления находиться в поиске своей профессии, то есть получать образование, пробовать разные места работы, приобретать жизненный опыт, навыки. Навыки и опыт, необходимые для статуса взрослого, связаны с независимым от родителей бытом, партнерством, браком, приобретением собственного жилья и рождением детей. В нашем исследовании рождение детей чаще всего рассматривается как финальный, окончательный, «невозвратный» момент взросления, но это не обязательно признак взрослости, важен не факт родительства, а отношение к нему. Отношение к семье и детям становится более ответственным, осознанным. Рождение детей также является трансформирующим опытом, обеспечивает новый статус и в социуме, и в собственном восприятии возраста. Сначала человек становится «взрослым» в традиционном понимании (финансово независимым, самостоятельным, ответственным), и лишь потом может решить, становиться ли ему родителем или нет, может ли он брать ответственность за других или еще не готов. То есть создание семьи и родительство рассматриваются как осознанный выбор взрослого человека, готовность отвечать за других. Некоторые информанты говорили, что не могут назвать себя полноценными взрослыми без опыта родительства, а другие (уже родители) связывали свое взросление «точно не с появлением ребенка».

Взросление можно рассматривать через поиск своей цели, определения своего места среди других, необходимость разобраться в своем внутреннем мире. Через переход во взрослость формируется идентичность, необходимая для осознания себя взрослым. Информанты, особенно 30-летние, делились своим опытом взаимодействия с психологами, чтобы разобраться в себе и решить внутренние проблемы, страхи. Таким образом, нет четкого возраста или времени, к которому человек взрослеет. Это индивидуальная траектория, которая зависит не только от внутренней работы над собой, но и от внешних факторов, вынуждающих человека повзрослеть, чаще всего такими факторами называли негативные и даже трагические события, например, смерть родственника, уход за пожилыми родственниками, необходимость рано выходить на работу.

В нарративах наших информантов переход во взрослость артикулируется не как бесконечная, а скорее как недостижимая (нет средств и возможностей стать родителем, сепарироваться от родителей, стать финансово самостоятельным) или даже нежеланная (взрослым быть скучно, тяжело, слишком ответственно). Ключевым в формировании взрослости будет полученный человеком опыт (опыт общения с людьми, семейная ситуация, образованность, кругозор и так далее).

Характеристики, присущие взрослым, вызывали уныние у информантов. Из нарративов становится понятно, что взрослость в законченном виде (идеал-типическая модель) информанты представляют как нечто скучное, неинтересное и даже мрачное. В связи с этим они не намерены становиться «идеальными»/законченными взрослыми, они хотят оставить в себе ребенка, которого можно будет проявлять в подходящих ситуациях. Категория «внутреннего ребенка» возникла в виде инструмента, обеспечивающего баланс между «серой» (скучной) взрослостью и игривой детскостью.

Список литературы (References)

Артамонова А. В. Траектории формирования российской семьи: изменения и факторы, их определяющие // Социологический журнал. 2018. № 2. С. 110—134. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.2.5847>.

Artamonova A. V. (2018) Changes in Family Formation Trajectories among Russians and Factors for such Changes. *Sociological Journal*. Vol. 24. No. 2. P. 110—134. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.2.5847>. (In Russ.)

Караулов М. А. Профессиональное самоопределение и профессиональные ожидания выпускников педагогических вузов // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 1. С. 36—39.

Karaulov M. A. (2021) Professional Self-Determination and Professional Expectations of Graduates of Pedagogical Universities. *The World of Science, Culture, Education*. No. 1. P. 36—39. (In Russ.)

Митрофанова Е. С. (Не)время взрослеть: как меняется возраст наступления дебютных биографических событий у россиян // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 4. С. 36—61. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i4.12043>.

Mitrofanova I. E. (2020) (It's Not) Time to Grow Up: How the Age of Debut Biographical Events Is Changing among Russians. *Demographic Review*. Vol. 7. No. 4. 36—61. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i4.12043>. (In Russ.)

Нартова Н. А., Фатехов А. М. Переход во взрослость российских миллениалов: на пути от получения образования к обретению ответственности и потере оптимизма? // Мониторинг общественного мнения. 2021. № 4. С. 319—344. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1832>.

Nartova N. A., Fatekhov A. M. (2021) The Transition into Adulthood of Russian Millennials: On the Way from Getting an Education to Gaining Responsibility and Losing Optimism? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 319—344. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1832>. (In Russ.)

Попов Н. П. Российские и американские поколения XX века: откуда пришли миллениалы? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 309—323. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.15>.
Popov N. P. (2018) Russian and American Generations of the 20th Century: Where Have Millennials Come From? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 309—323. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.15>. (In Russ.)

Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15—33. <https://doi.org/10.7868/S0132162518030029>.

Radaev V. (2018) Millennials Compared to Previous Generations: An Empirical Analysis. *Sociological Studies*. No. 3. P. 13—33. <https://doi.org/10.7868/S0132162518030029>. (In Russ.)

Радаев В. В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Первая часть) // Социологический журнал. 2020. Т. 26. № 3. С. 30—63. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.3.7395>.

Radaev V. V. (2020) The Divide among the Millennial Generation: Historical and Empirical Justifications. (Part one). *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal*. Vol. 26. No. 3. P. 30—63. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.3.7395>. (In Russ.)

Султанов К. В., Воскресенский А. А. Особенности и проблемы поколения Y в образовательном пространстве современной России // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2015. № 3. С. 150—153.

Sultanov K., Voskresenskiy A. (2015) Peculiarities and Problems of Generation Y in the Educational Space of Modern Russia. *Society. Environment. Development*. No. 3. P. 15—153. (In Russ.)

Чернова Ж., Шпаковская Л. Молодые взрослые: супружество, партнерство и родительство. Дискурсивные предписания и практики в современной России // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2010. № 3. С. 19—43.

Chernova Zh., Hpakovskaya L. (2010) Young Adults: Marriage, Partnership, and Parenthood. Discursive Prescriptions and Practices in Contemporary Russia. *Laboratorium*. No. 3. P. 19—43. (In Russ.)

Шмидт Д. А. Социальные представления миллениалов о брачном партнере и романтических отношениях в сравнении с поколением бэбибумеров // «Семья в современном мире» Материалы Всероссийской научной конференции «XI социологические чтения памяти В. Б. Голофаства». Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью «Реноме», 2019. С. 395—399.

Shmidt D. A. (2019) Social Representations of Millennials and Baby Boomers About a Marriage Partner and Romantic Relationships. In: “Family in the Modern World” Materials of the Scientific Conference “XI Sociological Readings in Memory of V. B. Golofast”. Saint Petersburg: Renome Publishing House. P. 395—399. (In Russ.)

Arnett J. (2001) Conceptions of the Transition to Adulthood: Perspectives from Adolescence Through Midlife. *Journal of Adult Development*. No. 8. P. 133—143. <https://doi.org/10.1023/A:1026450103225>.

Aeby G., Heath S. (2019) Post Break-up Housing Pathways of Young Adults in England in Light of Family and Friendship-Based Support. *Journal of Youth Studies*. Vol. 23. No. 10. P. 1381—1395. <https://doi.org/10.1080/13676261.2019.1679358>.

Brückner H., Mayer K. (2005) De-Standardization of the Life Course: What it Might Mean? And if it Means Anything, whether it Actually Took Place? *Advances in Life Course Research*. No. 9. P. 27—53. [https://doi.org/10.1016/S1040-2608\(04\)09002-1](https://doi.org/10.1016/S1040-2608(04)09002-1).

Cohen P., Kasen S., Chen H., Hartmark C., Gordon K. (2003) Variations in Patterns of Developmental Transmissions in the Emerging Adulthood Period. *Developmental Psychology*. Vol. 39. No. 4. P. 657—669. <https://doi.org/10.1037/0012-1649.39.4.657>.

Côté J. E. (2014) The Dangerous Myth of Emerging Adulthood: An Evidence-Based Critique of a Flawed Developmental Theory. *Applied Developmental Science*. Vol. 18. No. 4. P. 177—188. <https://doi.org/10.1080/10888691.2014.954451>.

Krahn H. J., Chai Ch.-A., Fang Sh., Galambos N. L., Johnson M. D. (2018) Quick, Uncertain, and Delayed Adults: Timing, Sequencing and Duration of Youth-Adult Transitions in Canada. *Journal of Youth Studies*. Vol. 21. No. 7. P. 905—921. <https://doi.org/10.1080/13676261.2017.1421750>.

Curtis D. D., Mlotkowski P., Lumsden M. (2012). Bridging the Gap: Who Takes a Gap Year and Why? Longitudinal Surveys of Australian Youth. Research Report. National Centre for Vocational Education Research Ltd. PO Box 8288, Stational Arcade, Adelaide, SA 5000, Australia.

Crockett J. L., Bingham C. R. (2000) Anticipating Adulthood: Expected Timing of Work and Family Transitions among Rural Youth. *Journal of Research on Adolescence*. Vol. 10. No. 2. P. 151—172. https://doi.org/10.1207/SJRA1002_2.

Mouw T. (2005) “Sequences of Early Adult Transitions.” In: R. A. Settersten Jr., F. F. Furstenberg Jr., R. G. Rumbaut (eds.) *On the Frontier of Adulthood: Theory, Research and Public Policy*. P. 256—291. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Pitti I. (2017) What Does Being an Adult Mean? Comparing Young People’s and Adults’ Representations of Adulthood. *Journal of Youth Studies*. Vol. 20. No. 9. P. 1225—1241. <https://doi.org/10.1080/13676261.2017.1317336>.

Recksiedler C., Settersten Jr. R. A. (2020) How Young Adults’ Appraisals of Work and Family Goals Changed over the Great Recession: An Examination of Gender and Rural-Urban Differences. *Journal of Youth Studies*. Vol. 23. No. 9. P. 1217—1233. <https://doi.org/10.1080/13676261.2019.1663339>.

Settersten R. Jr., Ray B. (2010) What’s Going on with Young People Today? The Long and Twisting Road to Adulthood. *The Future of Children* 20 (1). Transition to Adulthood: 19—42. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Shanahan M. J. (2000) Pathways to Adulthood in Changing Societies: Variability and Mechanisms in Life Course Perspective. *Annual Review of Sociology*. Vol. 26. No. 1. P. 667—692. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.26.1.667>.

Sharon T. (2016) Constructing Adulthood: Markers of Adulthood and Well-Being Among Emerging Adults. *Emerging Adulthood*. Vol. 4. No. 3. P. 161—167. <https://doi.org/10.1177/2167696815579826>.

Steinberg L. (2014) *Age of Opportunity: Lessons from the New Science of Adolescence*. Boston: Houghton Mifflin Harcourt.

Sumner R., Burrow A. L., Hill P. L. (2015) Identity and Purpose as Predictors of Subjective Well-Being in Emerging Adulthood. *Emerging Adulthood*. Vol. 3. No. 1. P. 46—54. <https://doi.org/10.1177/2167696814532796>.

DOI: [10.14515/monitoring.2022.2.1757](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1757)

Д. Б. Ефимов

СТУДЕНЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В УНИВЕРСИТЕТСКОМ УПРАВЛЕНИИ: ФАКТОРЫ ВОВЛЕЧЕННОСТИ

Правильная ссылка на статью:

Ефимов Д. Б. Студенческое представительство в университетском управлении: факторы вовлеченности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 140—167. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1757>.

For citation:

Efimov D. B. (2022) Student Representation in University Governance: Factors of Involvement. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 140–167. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1757>. (In Russ.)

СТУДЕНЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В УНИВЕРСИТЕТСКОМ УПРАВЛЕНИИ: ФАКТОРЫ ВОВЛЕЧЕННОСТИ

ЕФИМОВ Дмитрий Борисович — ведущий аналитик, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: defimov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8942-500X>

Аннотация. Статья посвящена малоисследованному в России, но важному в мировом контексте аспекту университетского менеджмента — студенческому представительству. Опираясь на результаты предшествующих исследований и данные о выборах органов студенческого представительства в НИУ ВШЭ в 2019 г., автор выделяет несколько групп факторов вовлеченности в студенческое представительство. Во-первых, это универсальные детерминанты, связанные с любым типом участия (уровень обучения, материальное положение, академическая и социальная успешность, число однокурсников-единомышленников). Во-вторых, факторы более активного (мужской пол, бюджетное место, неинороднее происхождение, взаимодействие с научно-педагогическими работниками университета, восприятие конкуренции как вызова) и менее активного участия (женский пол, платное место, инороднее происхождение, диверсифицированное информационное потребление, неприятие большого объема конкуренции). В статье представлены рекомендации по обустройству эффективного студенческого представительства и стимулированию студентов к участию в нем (сглаживание внутренних неравенств и формирование менее разделенного как в социаль-

STUDENT REPRESENTATION IN UNIVERSITY GOVERNANCE: FACTORS OF INVOLVEMENT

Dmitry B. EFIMOV¹ — Leading Analyst
E-MAIL: defimov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8942-500X>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The article focuses on student representation as an aspect of university management underinvestigated in Russia but important in the world context. Based on previous studies on students representation and analyzing a dataset on elections of student representation bodies in the Higher School of Economics (Moscow) in 2019, the author highlights three groups of factors that determine participation intensity. The general factors include education level, financial, academic, and social success, and the number of groupmates-candidates. Next, most active representation participants are also characterized by male gender, state education financing, metropolitan origin, interaction with university faculty members, and positive perception of competition in elections. At last, less active participants are characterized by female gender, commercial financing of education, regional origin, diversified information consumption, and negative perception of high competition in elections. Based on the study results, the author provides recommendations for the university educational policy — to reduce internal inequalities and cleavages in both social and informational aspects.

ном, так и в информационном плане сообщества).

Ключевые слова: студенческое представительство, студенческие советы, студенческая вовлеченность, университетское управление

Keywords: student representation, student councils, student engagement, university governance

Благодарность. Автор выражает признательность Дирекции основных образовательных программ, Центру внутреннего мониторинга, Избирательной комиссии студенческого самоуправления Высшей школы экономики за возможность работы с данными, которые легли в основу исследования.

Acknowledgments. The author expresses gratitude to the Degree Programmes Department, the Center for Institutional Research, and the Election Commission of the Student Government of the HSE University for the opportunity to work with the data which formed the basis of the study.

Введение

Одна из ключевых дискуссий в рамках обсуждения разных моделей университетов заключается в том, как в университетском управлении распределяются роли непосредственной администрации университета, а также ее внешних (попечительские и наблюдательные советы, внешние советы управляющих, государство) и внутренних (сотрудники и студенты) стейкхолдеров [Rowlands, 2017; Розовски, 2019]. Если роль и мотивации внешних стейкхолдеров и преподавателей рассмотрены довольно подробно, то студенческой части стейкхолдеров уделялось довольно мало внимания.

Вместе с тем студенческое представительство в структуре университетского управления может принимать разнообразие формы. Среди них можно назвать клиентоориентированные системы сбора обратной связи о качестве преподавания и университетских сервисов, влияние динамики спроса абитуриентов на образовательные программы и многие другие. Однако все эти формы имеют мало общего непосредственно с *управлением*, предоставляя для него только некоторую информацию. Реальная вовлеченность в университетское управление для любого стейкхолдера, в том числе и студентов, возможна только в том случае, если его интересы будут представлены в тех или иных управленческих структурах университета, специально созданных для представительства данного стейкхолдера [Klemencic, 2020]. Конвенциональным и наиболее распространенным способом участия членов сообщества в управлении служат выборы. Участие студентов в выборах в те органы, через которые они могут реально влиять на университетское управление, представляет центральную тему студенческого участия в управлении в целом. Вытекающим из этой темы ключевым вопросом является вопрос о потенциальных факторах, обуславливающих это участие и заинтересованность в нем. В рамках данной статьи мы попытаемся найти на него ответ.

Студенческое участие в университетских выборах: обзор исследований и возможных факторов вовлеченности

Литература, посвященная студенческому представительству в университетском управлении¹, может быть разделена на три большие категории. Одна из них касается участия студентов в выборах различных университетских органов лишь в качестве избирателей, отдающих свой голос на выборах. Вторая относится к участию студентов не только в выборах, но и в дальнейшей деятельности студенческого представительства. Наконец, третья представляет собой изучение участия в выборах и в дальнейшей деятельности органов студенческого представительства в контексте политической социализации индивида (подробнее см. [Ефимов, 2020]).

В рамках первой категории работ выделим группу исследований, сосредоточенных на избирательной явке (факте участия) и отдельно — на факторах голосования за конкретных кандидатов (как участие реализовалось). В первом случае доминируют выводы о роли рационально-инструментальных и внешних факторов: значимость индивидуального голоса, количества и характеристик избирателей — элитарности набора, академической успешности, формы обучения [Lewis, Rice, 2005; Kouba, 2018]. Во втором случае наиболее частое подтверждение находят гипотезы о социологических (близость «социального статуса» в рамках университета) и социально-психологических (близость самоидентификаций и лозунгов) факторах [Omar, Othman, 2014; Omar, Othman, 2015]. Все больше внимания уделяется изучению факторов взаимодействия в онлайн-пространстве, то есть роли социальных сетей, новых интернет-СМИ и т. д. [Tilton, 2008; Mishra, 2016]. При этом исследования явки на студенческие выборы чаще основаны только на агрегированных данных (сравнение процентов явки на разных выборах), а не на индивидуальных. В изучении же факторов голосования за определенных кандидатов с эмпирической точки зрения чаще рассматривают высказанное постфактум мнение студента, а не сам факт голосования.

Вторая категория работ — осмысление активного участия в рамках студенческого представительства в университетском управлении — фокусируется на следующих аспектах: неравенство в представленности различных групп и обусловленность ролями и моделями, в рамках которых интерпретируется студенческое представительство. Так, многие исследования отмечают выраженное гендерное неравенство в рамках студенческого представительства (более значительная активность мужчин), реже упоминаются в качестве оснований неравенства материально-экономический статус, возраст, внешнее (иностранное) происхождение, сексуальная ориентация и т. д. [Klemencic, 2014; Brooks et al., 2015a]. Важный вопрос также заключается в значительной обусловленности участия в студенческом представительстве существующими в сообществе сетями взаимодействия, личными и дружескими связями [Brooks et al., 2015a]. Что же касается моделей организации студенческого представительства, то здесь ключевой момент обсуждения касается феноменов «профессионализации» и «угасания» низовой

¹ В данной статье мы сознательно используем термин «студенческое представительство», конвенциональный для мировой исследовательской повестки, имея при этом в виду, что в России на данный момент более распространен смежный термин «студенческое самоуправление», который в большинстве случаев рассматривается не в контексте участия вовлечения студентов в университетское управление, а как один из элементов воспитательной работы университета со студентами (подробнее см. [Ефимов, 2020] и в сноске 3).

активности, с которыми столкнулись органы представительства, и сопутствующему этим феноменам перераспределению активности от кратковременных «народных трибунов» к более долговременным «профессиональным активистам». Такие активисты, как правило, берут академический отпуск на время осуществления полномочий членов органов студенческого представительства (*sabbatical teams*) [Klemencic, 2020; Brooks et al., 2015b; Raaper, 2020]. Впрочем, специфика институционального развития органов студенческого представительства (и, как следствие, статуса их участников) везде неодинакова, поэтому обобщать практики можно только очень осторожно.

Наконец, третья категория — осмысление взаимосвязи участия в студенческом представительстве в контексте социализации — также охватывает два направления. Первое характерно для западных стран. Оно рассматривает представительство с точки зрения взаимосвязи с развитием ценностей гражданственности и ответственности, заинтересованности и информированности, участия в общественных организациях и инициативах [Fendrich, Lovoy, 1988; Saha, Print, 2010; Nomana, 2018]. Второе, чаще встречающееся в развивающихся странах Азии и Африки, — с точки зрения взаимосвязи с действующими в этих странах политическими партиями, религиозными и националистическими организациями (слово «Талибан»², в конце концов, означает «студенты») [Harik, Meho, 1996; Luescher-Mamashela, Mugume, 2014]. Объединяет эти категории выстраивание связи участия в студенческом университетском представительстве с социально-политическими ценностями, позициями и взглядами, с информированностью об обществе и активностью в нем³. Надо отметить, что географические особенности сочетания и разграничения двух подходов не всегда однозначны: политические партии играют значительную роль в студенческом представительстве многих немецких университетов, а в развивающихся странах эффект связи с политическими организациями проявляется не всегда.

Исследования студенческого представительства в российских университетах в отечественных работах представлены довольно мало. Большая часть публикаций посвящена педагогическим рамкам студенческого самоуправления как воспитательной работы университета или реализации государственной молодежной политики (например, [Пономарев, 2008; Гаврилова и др., 2019]), а реальному представительству студентов в управлении университетом посвящено не очень большое число эмпирических исследований ([Попов, 2009; Chirikov, Gruzdev, 2014; Стегний, 2016; Фатов и др., 2018]). Лакуну во многом только предстоит заполнять.

На основе представленного выше обзора можно выделить следующие группы возможных связей участия студентов в студенческом представительстве с их личными характеристиками и внешними факторами (см. табл. 1).

² Движение «Талибан» запрещено на территории России как террористическая организация.

³ Распространенное в исследованиях российского высшего образования рассмотрение «студенческого самоуправления» как элемента воспитательной работы университета и фактически части его образовательной программы (в контексте развития коммуникативных навыков и др.) частично схоже с этими категориями, но принципиально отличается как в том, что чаще всего рассматривает профессиональную, «социально-экономическую» (как будущего работника), а не социально-политическую социализацию, а также фокусируется только на эффектах для активно участвующих студентов, не рассматривая более широкий контекст влияния на среду и на тех студентов, кто принимает в этой деятельности лишь пассивное участие.

Таблица 1. **Исследуемые группы связей**

Номер группы	Суть предполагаемых связей
1	Изначальное неравенство в студенческой среде: пол (с преобладанием мужского участия), возраст (с преобладанием участия более молодых студентов, чаще бакалавриата), материальное положение (со скошенным в сторону более богатой части сообщества распределением участия), характеристики происхождения и интеграции (с трудностями в активном участии у внешних и менее ассоциированных)
2	Цена индивидуального голоса и участия в конкретных выборах (обратно пропорциональная количеству избирателей и прямо пропорциональная числу кандидатов): чем она больше, тем более вероятно участие
3	Сетевые эффекты во взаимодействии студентов определенного сообщества между собой: бóльшая активность окружающих в контексте участия в студенческом представительстве будет способствовать большей вероятности того, что сам студент проявит активность
4	Академическая успешность и мотивированность: более мотивированные и успешные студенты с большей вероятностью станут вовлекаться в представительство интересов
5	Спектр социальных связей, информированности и социальной активности (чем больше информированности, заинтересованности и участия в происходящих социально-политических процессах, тем вероятнее участие в студенческом представительстве в университете)
6	Структура информационного потребления студента и наличие в ее составе университетских источников и каналов информации, включенность в информационные каналы университетского сообщества

Для части предполагаемых факторов связи могут быть не только непосредственными, но и условными: некоторые ключевые элементы из 1 (пол, иногородний статус) и 4 (обучение на бюджетной или коммерческой основе) групп в сочетании с другими могут усиливать или ослаблять их эффекты, поскольку изначально определяют разные стартовые условия для реализации стратегий студенческой жизни. В частности, восприятие цены индивидуального голоса (2 группа факторов) и в целом рационально-экономическая логика принятия решения об участии, зависящая от соотношения издержек и выгод, может видоизменяться под влиянием всех трех факторов (для мужчин, москвичей и бюджетников как групп с более привилегированным положением эффект должен быть выражен меньше). Сетевые эффекты (3 группа) тоже могут быть связаны с (не)иногородним статусом — и быть больше выражены среди тех, кто лучше интегрирован в сообщество, где сами сетевые связи сильнее. Наконец, эффект академической успешности (4 группа) также может по-разному проявляться с учетом и пола, и (не)иногороднего статуса: у мужчин и москвичей как групп с более привилегированным положением эффект может быть выражен в большей степени (их академическая успеваемость в несколько меньшей степени может быть обусловлена внешними стимулами и в большей — внутренними). Если эти предположения подтвердятся, это будет означать еще большее влияние неравенства — физического, материального или образовательного — на вовлеченность в деятельность студенческого представительства.

Эмпирическая база и дизайн исследования

Изучение выделенных групп возможных связей произведено на данных о выборах органов студенческого представительства в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» — одном из крупнейших российских вузов (изначально — социально-экономическом, сейчас — классического широкого профиля) с контингентом более 30 тыс. студентов в основном кампусе. Система студенческого представительства в его управлении включает в себя (с 2015 г.) избираемые один раз в год в ноябре-декабре студенческие советы факультетов и общежитий, а также представителей трех филиалов, расположенных в регионах. Представители всех названных советов участвуют в выработке и принятии университетских решений (в сферах принятия локальных нормативных актов, академического, административного и хозяйственного управления, дисциплинарного производства) на уровне своего подразделения, а также делегируют представителей в студенческий совет университета, который взаимодействует в рамках аналогичных процессов уже с университетской администрацией.

В настоящей статье используются данные о выборах студенческих советов факультетов, прошедших в декабре 2019 г. Механизм выборов включал в себя следующие этапы: с 20 ноября по 11 декабря студенты могли подать свои кандидатуры, в тот же период в реальном времени кандидатуры публиковались на специальных площадках в социальной сети «ВКонтакте» с возможностью обсуждения. С 19 декабря по 26 декабря проходило голосование — каждый студент имел возможность принять участие в голосовании, используя личный кабинет в электронной системе поддержки обучения (LMS). Сами выборы представляли собой свободное распределение имеющегося у избирателя числа голосов (равного числу мест в соответствующем совете) в пользу тех кандидатов, которых он хочет поддержать, и предусматривали таким образом кумулятивную систему голосования. Итоговые результаты голосования были опубликованы 29 декабря на площадках в социальных сетях и интернет-сайте образовательной организации. В рамках статьи далее используются детализированные данные о перечне кандидатов на выборах и о факте участия или неучастия каждого студента в голосовании. Использование этих данных не нарушает тайну голосования, поскольку они не включают в себя никаких характеристик того, как именно (за каких кандидатов и проч.) проголосовал избиратель на выборах, только сам факт участия в них.

Имеющаяся информация о факте участия или неучастия каждого конкретного студента в подаче своей кандидатуры и голосовании также соотносится с имеющейся информацией об этом студенте из университетских административных систем управления учебным процессом ACAB и LMS. Эта информация включает в себя такие признаки, как факультет, образовательная программа и ее статус (с государственными бюджетными местами или исключительно коммерческая), год обучения, форма обучения, статус места обучения (бюджет или коммерция), а также сравнительные характеристики успеваемости студента — долговременной (так называемый кумулятивный рейтинг, включающий в себя информацию обо всем периоде обучения) и текущей (так называемый текущий рейтинг, включающий в себя информацию о последнем семестре), измеряемые в обратной шкале от 0 до 100 (чем значение меньше, тем лучше).

Кроме информации непосредственно о выборах и общей информации о студентах и их успеваемости, в рамках исследования также активно используются данные ежегодного университетского онлайн-опроса «Мониторинг студенческой жизни» (МСЖ), проходившего с ноября 2019 г. по начало января 2020 г. Этот опрос имеет давнюю (более 10 лет) историю и включает в себя множество вопросов о самочувствии студента в университете, восприятии им университетской реальности, оценке ключевых условий и сервисов, образовательных и трудовых установках, планах и т. д. В рамках этого опроса каждый студент получал собственную индивидуальную ссылку на его прохождение на корпоративную или личную электронную почту (всего было разослано 30 966 ссылок). Участие в опросе приняли и прошли его до конца 5688 студентов, что составляет 18 % от общего числа. Также 3579 студентов (11,5 %) приступили к заполнению опроса, но не завершили его (и в рамках анализа эти данные не применяются). Опрос позиционируется и применяется как конфиденциальный, но не анонимный — персональные данные студента ни на каком этапе не раскрываются, но для эффективной аналитической работы к опросным данным присоединяются на индивидуальном уровне административные и иные данные из других источников, характеризующие студентов и позволяющие выйти за рамки вопросов, непосредственно заданных в анкете.

Выборка, полученная в ходе проведения МСЖ, в целом соответствует параметрам генеральной совокупности (данные из LMS и ACAB) и соотносится с ней следующим образом (см. табл. 2).

Таблица 2. Сравнение административной и опросной совокупностей данных

Характеристика	Генеральная совокупность (ACAB и LMS)	Опросная выборка (МСЖ)
Пол	40 % юношей, 60 % девушек	33 % юношей, 67 % девушек
Курс	25 % 1 к. б., 20 % 2 к. б., 16 % 3 к. б., 14 % 4 к. б., 14 % 1 к. м., 11 % 2 к. м., ок. 1 % — остальное	35 % 1 к. б., 17 % 2 к. б., 12 % 3 к. б., 10 % 4 к. б., 17 % 1 к. м., 9 % 2 к. м., ок. 1 % — остальное
Бюджетное/платное обучение	45 % бюджет, 55 % платное	51 % бюджет, 49 % платное
Иногородный статус	30 % иногородние, 70 % москвичи	34 % иногородние, 66 % москвичи
Кумулятивный рейтинг	Медиана — 50 %	Медиана — 40 %
Текущий рейтинг	Медиана — 50 %	Медиана — 38 %

Примечание: к. б. — курс бакалавриата/специалитета, к. м. — курс магистратуры, «остальное» — 5–6 курсы специалитета.

В целом в опросной выборке есть небольшая скошенность в пользу девушек, 1 курса бакалавриата и 1 курса магистратуры, бюджетников, иногородних и академически успешных студентов. Это необходимо учитывать при дальнейшей интерпретации выводов исследования, основанных на использовании опросных данных.

Таким образом, исследование опирается на два ключевых массива информации: полные данные о приблизительно 30 тысячах студентов, предусматривающие информацию о факте голосования конкретного студента и о его характеристиках, а также более подробные данные о подвыборке внутри этой совокупности — примерно 5 тысячах студентов, включающие в себя, кроме всего вышеуказанного, также информацию об ответах данного студента в рамках «Мониторинга студенческой жизни» (МСЖ).

Перечень используемых переменных с указанием источника для каждой, а также описательные статистики по ним подробно представлены в приложениях 1—2. Переменные объединены в шесть разных категорий, соответствующих выделенным группам возможных связей.

Анализ факторов студенческого участия в университетском управлении

Верификация выдвинутых групп предположений о возможных связях осуществляется с применением классических бинарных логистических регрессионных моделей, описывающих вероятность того, что студент проголосует на выборах органа студенческого представительства, или того, что он примет в них участие как кандидат.

Во всех случаях единицей анализа является студент. Регрессионные модели только с участием данных по выборам, из ACAB и LMS, включают в себя 25—30 тысяч наблюдений. Регрессионные модели с участием данных из МСЖ включают в себя 4—5 тысяч наблюдений. Число наблюдений в разных моделях различается из-за того, что для некоторых студентов недоступна часть значений переменных (количество наблюдений и описательные статистики по каждой переменной приведены в приложении 2). Структура части используемых данных предполагает возможность применения не только классических, но и многоуровневых моделей, однако с точки зрения знаков, значимости и размера эффекта фиксируемые в них связи практически не отличаются от получаемых в классических моделях, поэтому они не приводятся здесь. Тем не менее в дальнейших исследованиях применение этих моделей также может быть полезным, в том случае, если переменные с многоуровневым характером являются одними из основополагающих и создают отличающиеся типы связей.

Рассмотрим вначале модели, построенные на генеральной совокупности студентов (без использования данных МСЖ, только с данными по выборам, ACAB и LMS). Они приведены в таблице 3.

Таблица 3. Регрессионные модели на административных данных

	Участие в голосовании		Подача кандидатуры на выборы	
	(1)	(2)	(3)	(4)
Мужчина	-1,315**** (0,000)	-0,581 (0,138)	1,076**** (0,000)	1,271**** (0,000)
Иногородный	0,144** (0,033)	0,127* (0,081)	-2,220** (0,024)	-2,083* (0,051)
2 курс бакалавриата / специалитета	-0,603**** (0,000)	-0,555**** (0,000)	0,196 (0,245)	-0,00195 (0,992)

	Участие в голосовании		Подача кандидатуры на выборы	
3 курс бакалавриата / специалитета	-0,739**** (0,000)	-0,706**** (0,000)	0,269 (0,141)	0,184 (0,345)
4 курс бакалавриата / специалитета	-1,586**** (0,000)	-1,539**** (0,000)	-0,328 (0,211)	-0,612* (0,050)
5 курс специалитета	-1,610*** (0,008)	-1,499** (0,014)		
1 курс магистратуры	-1,943**** (0,000)	-1,973**** (0,000)	-1,558*** (0,001)	-1,577*** (0,003)
2 курс магистратуры	-2,458**** (0,000)	-2,377**** (0,000)	-2,181*** (0,003)	-1,877*** (0,010)
Очно-заочная ОП	-1,487*** (0,000)	-1,274*** (0,001)		
Коммерческая ОП	0,730*** (0,005)	0,457* (0,095)	-0,374 (0,318)	-0,530 (0,217)
Число избирателей	-0,0000951**** (0,000)	-0,000133**** (0,000)		
Число избирателей * мужской пол	0,0000929*** (0,001)	0,000110**** (0,000)		
Число избирателей * бюджетное обучение	0,0000579** (0,024)	0,000104*** (0,000)		
Число избирателей * коммерческая ОП	-0,000412**** (0,000)	-0,000327**** (0,000)		
Логарифм числа избирателей			0,212** (0,045)	0,301*** (0,007)
Логарифм числа избирателей * иностранцев			0,309** (0,015)	0,298** (0,030)
Удельное число канди- датов на 1 место	-0,945**** (0,000)	-0,310** (0,038)	0,912*** (0,001)	0,137 (0,724)
Удельное число кан- дидатов на 1 место * Мужской пол	0,822**** (0,000)	0,391* (0,066)		
Процент однокурс- ников-кандидатов	0,350**** (0,000)	0,359**** (0,000)	0,364**** (0,000)	0,391**** (0,000)
Процент однокурс- ников-кандидатов * Иностранцев	-0,0772*** (0,000)	-0,0902*** (0,000)		
Бюджетное обучение	-0,0583 (0,518)	-0,244** (0,015)	0,0317 (0,826)	0,0256 (0,869)
Кумулятивный рейтинг	-0,00871**** (0,000)	-0,00242** (0,031)	-0,00764*** (0,001)	-0,00618* (0,078)
Кумулятивный рейтинг * Иностранцев	0,00422*** (0,000)	0,00499**** (0,000)		
Кумулятивный рейтинг * Мужской пол	-0,00435**** (0,000)	-0,00508**** (0,000)		
Текущий рейтинг		-0,00758**** (0,000)		-0,00220 (0,516)
Статус кандидата	2,684**** (0,000)	2,907**** (0,000)		

	Участие в голосовании		Подача кандидатуры на выборы	
Константа	1,301**** (0,000)	0,403 (0,189)	-8,821**** (0,000)	-8,196**** (0,000)
N	28951	24529	28501	24099
pseudo R ²	0,177	0,182	0,157	0,169

Примечание: р-значения в скобках. Различные группы выделены соответствующей цветовой заливкой.

* $p < 0,1$, ** $p < 0,05$, *** $p < 0,01$, **** $p < 0,0001$.

Во-первых, можно сделать вывод о том, что положительно, устойчиво и статистически значимо с вероятностью участия студента в голосовании связаны иногородний статус, более младший курс обучения, обучение на очной, а также на коммерческой программе (1 группа), более высокое место в текущем рейтинге (4 группа) и статус кандидата на выборах (5 группа). Во-вторых, интересно, что также значимы условные эффекты общего числа избирателей, удельного числа кандидатов на 1 мандат (2 группа), процента однокурсников-кандидатов (3 группа) и кумулятивного рейтинга (4 группа) — что помогают понять введенные в модель эффекты взаимодействия). Так, отрицательный эффект общего числа избирателей (то есть обратное выражение «цены индивидуального голоса») усиливается на коммерческих программах, но ослабляется у мужчин и бюджетников. Аналогичное происходит и с отрицательным эффектом удельного числа кандидатов (конкурентности): для студентов-мужчин он сильно снижается. Положительный эффект процента однокурсников-кандидатов для иногородних студентов также несколько слабее, чем для москвичей. Условные факторы связаны и с эффектами кумулятивного рейтинга: если у студентов-мужчин положительная связь долговременной успеваемости с потенциальным участием в студенческом представительстве становится все более выраженной, то у иногородних студентов, напротив, часть эффекта теряется. Надо также отметить, что эффекты мужского пола и бюджетного места сами по себе неустойчивы (теряют значимость и меняют знаки в зависимости от спецификаций моделей).

В отношении участия в студенческом представительстве в качестве кандидатов и будущих участников соответствующих органов ситуация несколько иная: положительно, устойчиво и статистически значимо с вероятностью этого будут связаны мужской пол (1 группа), число избирателей в логарифмической шкале (2 группа), процент однокурсников-кандидатов (3 группа), более высокое место в кумулятивном рейтинге (4 группа), отрицательно — иногородний статус и обучение в магистратуре (1 группа). Положительный эффект числа избирателей еще более усиливается для иногородних студентов. А отрицательный эффект 4 курса бакалавриата (1 группа) и положительный — удельного числа кандидатов на 1 место (2 группа) неустойчивы (значимы только в одной модели), следовательно, говорить об этих эффектах можно с меньшей уверенностью.

Рассмотрим далее расширенные с точки зрения количества предикторов модели, построенные на опросной выборке студентов (с использованием данных МСЖ). Они приведены в таблице 4.

Таблица 4. Регрессионные модели с использованием опросных данных

	Участие в голосовании		Подача кандидатуры на выборы
	(5)	(6)	(7)
Мужчина	-1,163* (0,097)	-1,146 (0,182)	1,327**** (0,000)
Иногородный	0,00518 (0,969)	-0,00639 (0,964)	-2,568 (0,242)
2 курс бакалавриата / специалитета	-0,585**** (0,000)	-0,557**** (0,000)	-0,221 (0,556)
3 курс бакалавриата / специалитета	-0,758**** (0,000)	-0,773**** (0,000)	-0,143 (0,729)
4 курс бакалавриата / специалитета	-1,481**** (0,000)	-1,416**** (0,000)	-0,945 (0,140)
5 курс специалитета	-1,692 (0,135)	-1,666 (0,140)	0 (,)
1 курс магистратуры	-1,460**** (0,000)	-1,408**** (0,000)	-1,803** (0,024)
2 курс магистратуры	-1,793**** (0,000)	-1,841**** (0,000)	-2,250* (0,058)
Коммерческая ОП	0,851 (0,106)	0,860 (0,120)	
2 нижних категории мат. Положения	0,212* (0,069)	0,258** (0,039)	
2.верхних категории мат. Положения	0,355*** (0,007)	0,441*** (0,002)	
Верхняя категория мат. положения			0,936*** (0,006)
Число избирателей	-0,0000114 (0,711)	-0,0000188 (0,568)	
Число избирателей * Комм. программа	-0,000379** (0,017)	-0,000325** (0,047)	
Логарифм числа избирателей			0,243 (0,279)
Логарифм числа избирате- лей * иногородный			0,281 (0,320)
Удельное число кандидатов на 1 место	-1,089**** (0,000)	-1,210**** (0,000)	-0,238 (0,761)
Удельное число кандидатов на 1 место * Мужской пол	0,969** (0,012)	0,959** (0,045)	
Процент однокурсников-кандидатов	0,376**** (0,000)	0,384**** (0,000)	0,390**** (0,000)
Процент однокурсников- кандидатов * Иногородный	-0,0891* (0,059)	-0,0963* (0,060)	
Бюджетное обучение	-0,0173 (0,820)	-0,0574 (0,482)	
Кумулятивный рейтинг	-0,00710**** (0,000)	-0,00314 (0,171)	0,00153 (0,762)

	Участие в голосовании		Подача кандидатуры на выборы
	(5)	(6)	(7)
Кумулятивный рейтинг * Иногородний	0,00857*** (0,000)	0,00964*** (0,000)	
Кумулятивный рейтинг * Мужской пол	-0,00500** (0,043)	-0,00460* (0,090)	
Текущий рейтинг		-0,00636*** (0,000)	
Нерегулярная занятость в университете	0,582**** (0,000)	0,612**** (0,000)	
Планирование работы в образовании / науке			-1,801*** (0,001)
Статус кандидата	1,237*** (0,003)	1,436*** (0,002)	
Хорошо знает о совете факультета	0,631**** (0,000)	0,747**** (0,000)	1,604** (0,040)
Что-то слышал о совете факультета	0,254** (0,019)	0,313*** (0,007)	0,862 (0,284)
Оценка «1» совету факультета	0,591*** (0,007)	0,743*** (0,002)	
Оценка «2» совету факультета	0,435** (0,038)	0,346 (0,140)	
Оценка «3» совету факультета	0,459*** (0,001)	0,449*** (0,002)	
Оценка «4» совету факультета	0,222** (0,046)	0,171 (0,152)	
Оценка «5» совету факультета	0,420*** (0,000)	0,464**** (0,000)	
Хорошо знает об именных стипендиях			1,231** (0,012)
Что-то слышал об именных стипендиях			1,376*** (0,002)
Хорошо знает о «Научных боях»	0,203** (0,049)	0,205* (0,064)	
Что-то слышал о «Научных боях»	0,220*** (0,009)	0,242*** (0,008)	
Знание академического рук-ля ОП в лицо	0,139** (0,047)	0,0938 (0,213)	
Знание декана факультета в лицо			0,749** (0,013)
Участие в органах самоуправления	0,773*** (0,009)	0,754** (0,022)	3,975**** (0,000)
Участие в студенческих организациях	0,282*** (0,005)	0,279*** (0,009)	0,254 (0,461)
Участие в полит. партиях	0,0392 (0,891)	0,320 (0,323)	-1,401 (0,235)
Участие в благотв. / волонтерской орг.	-0,0401 (0,768)	-0,0598 (0,685)	-0,376 (0,477)

	Участие в голосовании		Подача кандидатуры на выборы
	(5)	(6)	(7)
Планирование предпринимательства			-1,618*** (0,002)
Планирование работы в общ. организациях			-2,379*** (0,002)
Планирование работы в органах госвласти			-2,741*** (0,001)
Использование Facebook* ⁴			0,871*** (0,005)
Использование Twitter	0,271*** (0,001)	0,297*** (0,000)	
Подписка на Telegram-канал «Вышка для своих»	0,351*** (0,000)	0,295*** (0,003)	
Подписка на группы факультета / программы	0,183** (0,013)	0,168** (0,031)	
Получение информации из STUDLIFE	0,214*** (0,006)	0,236*** (0,004)	
Получение информации от неофициальных СМИ / групп	0,228*** (0,001)	0,238*** (0,002)	
Получение информации от студ. организаций			0,399 (0,180)
Получение информации от сотрудников — не УО			0,651** (0,022)
Планирование наемной работы в бизнесе			-2,132**** (0,000)
Планирование работы по фрилансу			-1,752*** (0,004)
Константа	0,347 (0,473)	0,562 (0,351)	-9,110*** (0,001)
N	5374	4675	5368
pseudo R ²	0,228	0,233	0,447

p-значения в скобках. Различные группы выделены соответствующей цветовой заливкой.

* $p < 0,1$, ** $p < 0,05$, *** $p < 0,01$, **** $p < 0,0001$.

В отличие от моделей участия в голосовании, рассмотренных ранее, здесь теряют свою значимость иногородний статус студента и коммерческий статус программы (1 группа), почти полностью теряется эффект числа избирателей (2 группа), становится неустойчивым эффект кумулятивного рейтинга (4 группа). Но вместо этого возникают эффекты **несколько более** привилегированного (основные 67 % в противовес 22 % менее привилегированного и 11 % затруднившихся ответить) материального положения (1 группа), нерегулярной занятости в университете (4 группа), осведомленности о студенческом совете факультета и о научных мероприятиях, участия в студенческом самоуправлении и студенческих организациях

⁴ Здесь и далее * означает социальную сеть, деятельность которой запрещена на территории РФ.

(5 гипотеза), использования Twitter и наличия диверсифицированного пакета источников информации об университете (6 группа).

В том, что касается расширенной модели участия в студенческом представительстве в качестве кандидата, тоже теряют свою значимость иногородний статус (1 группа), число избирателей (2 группа), кумулятивный рейтинг (4 группа). При этом возникают значимые факторы **в максимальной степени** привилегированного (12% в противовес 77% менее привилегированного и 11% затруднившихся ответить) материального положения (1 группа), осведомленности об именных стипендиях, о деятельности студенческого совета факультета, знания декана факультета в лицо и участия в органах студенческого самоуправления (5 группа), использования Facebook* и активного взаимодействия с научно-преподавательскими и не относящимися к обеспечивающим учебный процесс подразделениям административными кадрами университета (6 группа), а также ориентации на научно-образовательную или предпринимательскую карьеру — в противовес работе в органах власти или общественных организациях (сферы работы, задействованные в 4—5 группах).

Вместе с тем напомним, что опросная выборка респондентов несколько отличается от генеральной совокупности студентов, и проинтерпретировать результаты данных моделей необходимо с учетом этого фактора. Изменение связей, характерных для иногороднего статуса и академической успеваемости (положения в рейтинге) во многом продиктовано смещениями выборки в этих характеристиках, особенно в контексте успеваемости — как показывают данные, МСЖ проходят более успевающие студенты, и эффект их разницы с менее успевающими скрадывается (аналогичным образом и большая доля иногородних студентов смещает общие оценки роли этого фактора). Это видно из сравнения моделей (5)-(7) с моделями, аналогичными (1)-(4), но рассчитанными только для студентов, по которым известны опросные характеристики. Значимость факторов, связанных с успеваемостью и иногородним статусом, аналогичным образом изменяется и там.

В таблице 5 указаны диапазоны значений предельных эффектов различных проанализированных факторов, рассчитанные по усредненным параметрам выборок (то есть на сколько изменяется вероятность участия в выборах при изменении значения переменной от минимума до максимума — в случае, если эффект статистически значимый и стабильный). Таким образом, наиболее влиятельными относительно других, оказываются 3 и 5 группы факторов, но и все остальные обладают значительной объясняющей силой, особенно в моделях, касающихся вероятности участия в голосовании.

Таблица 5. **Диапазоны предельных эффектов стабильных статистически значимых связей**

Номер группы	Голосование	Статус кандидата
1	Пол — 4—6% , Курс — 10—30% , Материальное положение — 4—7% Иногородний статус — 2—4% Форма (очная/очно-заочная) — 13—14%	Пол — 1—2% , Курс — до 2% , Материальное положение — 1%

Номер группы	Голосование	Статус кандидата
2	Число избирателей — 3—4 % Конкурентность среди кандидатов — 8—15 %	Число избирателей — до 1 % Конкурентность среди кандидатов — до 1 %
3	Процент однокурсников-кандидатов — до 70 %	Процент однокурсников-кандидатов — до 40 %
4	Кумулятивный рейтинг — до 2—12 % Текущий рейтинг — до 10 % Занятость в университете — 10 %	
5	Статус кандидата — 20—40 % Информированность — до 11—28 % Социальная активность — до 18 %	Информированность — до 4 % Социальная активность — до 4 % Сферы работы — до 2—3 %
6	Источники информирования — до 20—23 %	Источники информирования — до 2 %

Сводные результаты разведочного анализа предполагаемых групп связей выглядят следующим образом:

1. Пол (мужской), возраст (более юный) и материальное положение (более богатое) определенно имеют важное значение. С большей осторожностью стоит смотреть на результаты, касающиеся иногороднего статуса и интеграции в сообщество — их неустойчивость обусловлена спецификой смещений используемой опросной выборки (доля иногородних студентов в ней больше, чем в генеральной совокупности).
2. Цена индивидуального голоса студента как функция от общего количества голосов имеет лишь ограниченное значение (в основном для студентов, обучающихся платно), а эффект «конкурентности» выборов имеет отрицательное выражение в отношении участия в голосовании (вместо роста интереса и участия — его падение). Очень интересен условный эффект пола: у мужчин заметно меньше выражен обратный эффект «конкурентности» выборов. При этом «конкурентность», в отличие от эффекта участия в самом голосовании, значительно и положительно взаимосвязана с вероятностью подачи заявки на выборы: в отличие от избирателей, она привлекает дополнительных соперников.
3. Роль «положительной обратной связи» в участии студентов определенного сообщества в студенческом представительстве очень сильна (чем больше кандидатов с определенного курса и программы, тем больше вероятность участия в выборах). Интересно, что в несколько меньшей степени она характерна для иногородних студентов.
4. Долговременная академическая успешность значимо связана с вероятностью участия в голосовании по выборам органов студенческого представительства и менее устойчиво — с заявками на участие в их работе. Этот эффект усиливается для мужчин и серьезно ослабляется для иногородних студентов. Также, кроме долговременной, для участия в голосовании очень важна и академическая успешность в текущем периоде. Интересно, что планирование работы в академии (часто коррелирующее с академической успешностью) по сравнению с отсутствием четких планов на работу

в целом является скорее отрицательным фактором участия, но в сравнении с другими сферами работы — скорее положительным. Следует отметить ограничение: эффект долговременной успеваемости теряет устойчивость при переходе от административных к опросным данным (не в последнюю очередь из-за специфики смещения выборки), и к нему необходимо относиться с осторожностью.

5. Внутриуниверситетская социальная активность и информированность действительно сильно взаимосвязаны с участием в студенческом представительстве. А вот с внешней активностью (политические партии, общественные организации) такого эффекта не наблюдается, как и с дальнейшими планами по работе — более того, ориентированные на работу в политике и общественных организациях люди куда меньше склонны к участию в студенческом представительстве, чем другие.
6. Использование определенных социальных сетей (Facebook*, Twitter), различных каналов информации о сообществе взаимосвязано с большей вероятностью участия. При этом наблюдается интересный эффект: роль и кандидата, и будущего участника органов представительства довольно сильно связана с регулярным получением важной информации, в том числе, от научно-педагогических сотрудников университета.

Заключение

Проведенный разведывательный анализ позволил выявить группы характеристик, которые чаще всего оказываются взаимосвязаны с участием в студенческом представительстве. Видны определенные отличия в обобщенном облике участвующих пассивно (голосованием) и активно (в качестве кандидата). Разумеется, немало и общих черт — более молодые (бакалавриат) возрастные характеристики, более высокое материальное положение, большая академическая успешность, большая социальная активность, сетевой эффект большего числа активно участвующих однокурсников-кандидатов. Но в сообществе голосующих при этом все-таки преобладают девушки (пусть и в меньшей степени, чем среди студентов в целом), также это сообщество несколько более, чем в среднем, иногороднее, более диверсифицировано по материальному положению. С несколько большей вероятностью это студенты, обучающиеся на платных местах и платных программах, активнее участвующие, когда их в целом не очень много и ценность каждого голоса более важна, скорее отталкиваемые активной конкуренцией разных кандидатов, но при этом диверсифицирующие свое информационное потребление официальными и неофициальными интернет-источниками и черпающие информацию из Twitter. Сообщество кандидатов, в противовес этому, явно скорее мужское (в противовес студенческому сообществу в целом, мужчин там больше, чем женщин), московское, чаще наиболее материально обеспеченное, занимающее бюджетные места, привлекаемое конкуренцией и большими масштабами работы со студентами, активно взаимодействующее с более старшими коллегами по университету и использующее Facebook*. Здесь наиболее интересно то, что две ключевые характеристики — академическая успешность и социальная активность — очень сильно перекликаются с известными моделями академической

и социальной интеграции в университете [Tinto 1975]. Если критически низкие уровни соответствующей интеграции индивида подводят его к черте «академического самоубийства», то стабильно высокие способствуют активному участию в представительстве интересов участников сообщества.

Вдвойне интересны некоторые условные (модерационные) эффекты. Так, эффект характеристик, относящихся к построенной на модели рационального выбора второй группе факторов (индивидуальная ценность голоса), очень сильно различается для женщин и мужчин (для последних эти связи выражены значительно слабее), частично для «бюджетников» и «платников» (для полностью платных программ эффект усиливается, а для студентов-бюджетников — ослабляется). Сетевой эффект большего числа кандидатов среди однокурсников сильнее выражен у московских студентов. Эффект долговременной успеваемости, в свою очередь, тоже сильно зависит от пола (где он усиливается) и от места проживания (где он у иногородних сходит на нет). Примечательно, что в отличие от безоговорочного доминирования в основанных на агрегированных данных предыдущих исследованиях [Lewis, Rice, 2005; Kouba, 2018] модели рационального выбора, здесь, на индивидуальном уровне, мы наблюдаем разные типы поведения в отношении студенческого участия для разных контингентов студентов. Возможно, оплачивающие свое обучение самостоятельно «платники» иначе смотрят на это с точки зрения осмысления своего места в университете, то есть чаще разделяют рационально-«потребительскую», близкую к консьюмеризму модель [Marginson, 2006; Budd, 2017]. Напротив, участие в выборах «бюджетников» не зависит от того, какую пользу им может принести это участие, они участвуют скорее в целом, исходя из принадлежности к сообществу и в большей степени следуют коммунитаристской логике. Академическая интеграция также работает по-разному для разных групп: положительный эффект академической успешности на вовлеченность есть и у мужчин, и у женщин, но у мужчин, по оценкам исследований, имеющих более неравномерное распределение интеллектуальных навыков [Shields 1982], он выражен куда ярче.

Зафиксировано отсутствие связи между вовлечением во внешнюю общественно-политическую активность и участием в студенческом представительстве. При этом внутриуниверситетская социальная активность оказывается крайне важной и значимой. В рамках упомянутой ранее дихотомии «первого» и «третьего» миров Россия ближе к «первому»: без эффектов прямой связи органов студенческого представительства с политическими партиями и иными акторами, как это реализуется во многих развивающихся странах [Luescher-Mamashela, Mugume, 2014; Parreira et al., 2019]. С другой стороны, это может объясняться и характером развития партийной системы [Макаренко и др., 2015], недостаточной силой политических партий как института.

Студенческое представительство — слепок сообщества, интересы членов которого оно агрегирует. В этой перспективе следует рассматривать и объяснение основных выявленных закономерностей. Разное поведение юношей и девушек, «платных» и «бюджетных» студентов, москвичей и иногородних отражает в конечном счете имеющиеся у молодежи и в обществе в целом элементы стратификации и неравенства [Куракин, 2020]. Если это неравенство — внешнее (по отношению

к университету), то эффекты академической успешности и возраста — скорее внутренняя категория и уже характерны именно для студенческого представительства. Роль сетевых информационных площадок, политических партий и организаций также следует общественным трендам — в плане обустройства существующей сейчас в России (в случае политических партий) и в целом в мире (в случае социальных медиа [Dimitrova et al., 2014]) структуры социальных связей.

По результатам исследования можно выделить несколько рекомендаций для университетов. В первую очередь важен учет объективно возникающего неравенства: прежде всего, возрастного, а также концентрации активистов в отдельных «очагах». В студенческом представительстве будут участвовать скорее академически успешные и социально активные бакалавры, сильно связанные с отдельными «очагами» активных студентов на конкретных образовательных программах. Университетам, чтобы не упустить содержательный и полезный эффект от участия студентов в каждом из этих «очагов», важно обеспечить студенческое представительство на всех уровнях, в том числе локальном/программном (успешный опыт в этом направлении описан, например, в работе [Meeuwissen et al., 2019]). Академическая успешность и социальная активность этих студентов при этом развеивает мифы о противопоставлении «ученых» и «общественников» в студенческой среде, укоренившиеся со времен СССР [Chirikov, Gruzdev, 2014; Ефимов, 2020]. Для магистрантов ситуация более сложная — университету приглашать их к решению любых вопросов объективно проблематично, учитывая их общий уровень незаинтересованности в этих процессах (из-за нацеленности на карьеру и более «потребительского» отношения к университету, меньшего участия в жизни сообщества и т. д.). В целом для получения от них (и иных групп, испытывающих схожие проблемы) информации об университетских процессах стоит развивать альтернативные и более совершенные механизмы обратной связи. Органы студенческого представительства в целом предполагают участие студентов в жизни университета в коммунитаристской или партнерской логике (как часть сообщества), а развитая система студенческой оценки преподавания и внутренних университетских опросов — то же участие, но скорее ближе к логике консьюмеризма (как потребителей) [Luescher-Mamashela, 2013; Ефимов, 2020]. Две логики не исключают друг друга, а скорее дополняют: при возникновении проблем с реализацией инструментов одной из них инструменты второй могут замещать ее функции.

Есть и варианты целенаправленных университетских интервенций для уменьшения неравенства в системе студенческого представительства. В первую очередь речь идет о гендерной повестке. Хотя обычно в контексте половой дискриминации в высшем образовании говорят о барьерах входа и успешного завершения обучения [Jacobs, 1996; Buchmann et al., 2008], а здесь речь идет о барьерах на пути полноценной внутренней интеграции в сообщество, последовательные и целенаправленные программы стимулирования участия женщин, «gender mix policies», являются ключевым способом преодоления неравенства [Peterson, 2011]. Другая важная характеристика неравенства в системе высшего образования — зависимость от материальных обстоятельств и положения [Dickert-Conlin, Rubenstien, 2007; Jerrim et al., 2015; Witteveen, Attewell, 2020] — в случае студенческого представительства также ярко проявляется. Важно сглаживать материальное

неравенство различными стимулированиями, чтобы избежать его увеличения и внутренних расколов.

Наконец, остается вопрос с иногородними и московскими студентами. Варианты объяснений разницы в их вовлеченности могут быть самыми разными: помимо меньшей социальной интеграции иногородних, это могут быть их нацеленность на карьеру, необходимую им для закрепления в новом городе, в ущерб внеучебной деятельности, и т. д. Вероятно, это может частично объясняться и заинтересованностью этих студентов в вопросах управления общежитиями (то есть представительства немного в ином формате, отбирающего потенциальное время у представительства на уровне факультета).

Разумеется, ключевое поле, где университет может сформировать свое ответственное студенческое представительство, — информационное. Становится чрезвычайно важной работа в социальных сетях (особенно Twitter, Telegram, «ВКонтакте»), выстраивание сети коммуникаций между официальными и неофициальными источниками информации о студентах и от студентов, создание и функционирование информационных площадок не только университетского уровня, но и уровня его отдельных подразделений и программ. А сеть будущих участников студенческого представительства во многом формируется исходя из взаимодействия с сетью научно-преподавательского сообщества университета (в том числе на Facebook^{*}). Все это не только подтверждает ключевые выводы соответствующих исследований [Chininga et al., 2019], но и дает новую почву для размышлений: какими механизмами можно в российском случае объяснить эффект именно зарубежных социальных сетей, а не отечественных? Может ли это тоже быть связано с характеристиками большей академической и социальной интеграции в научное сообщество в более широком смысле? Кстати, активное взаимодействие участников студенческого представительства на Facebook^{*} примечательно еще и тем, что, судя по всему, научно-преподавательская карьера у студентов, участвующих в студенческом представительстве, довольно популярна. Университет, пусть и идя на «академический инбридинг» [Сивак, Юдкевич, 2009], получает путем выстраивания плотного взаимодействия по этой линии не только деятельное представительство студентов сейчас, но и заинтересованных сотрудников потом. Это может быть очень важно в долгосрочной перспективе выстраивания внутренней корпоративной культуры.

Кроме вписывания России в широкий международный контекст исследований студенческого представительства и формулирования рекомендаций для университетской образовательной политики, данная статья подвергает ревизии некоторые устоявшиеся в этой сфере представления и, кроме того, ставит новые вопросы. В частности, интересно, каким образом следование моделям рационального выбора или противоположным им в ситуации с участием в голосовании различается по полу и по тому фактору, платит ли человек за свое обучение. Другой пример — академическая успешность: у иногородних и у москвичей она, как оказалось, была связана со склонностью к участию в представительстве своих интересов очень по-разному. Эти и иные вопросы, а также общая незаинтересованность магистрантов — потенциальные сюжеты для будущих исследований. Еще один важный сюжет — это, конечно же, переход к следующему шагу: не кто хочет участвовать

в качестве кандидата, а кто в итоге участвует в качестве уже избранного участника органов студенческого представительства в управлении университетом, кого и почему студенты поддерживают и наделяют этой миссией. И, наконец, третья группа сюжетов для будущих исследований связана с ответом на вопрос о том, как и через какие механизмы потом эти люди участвуют в университетском управлении (и есть ли в практиках этого участия различия в связи с разными факторами склонности к участию, успешного взаимодействия со студентами-избирателями и т. д.). Для российского опыта это будут одни из первых шагов в сфере изучения студенческого представительства, но и они будут очень важными.

Список литературы (References)

Гаврилова И. С., Куликов С. П., Новиков С. В. Особенности формирования студенческого самоуправления в вузах России // Московский экономический журнал. 2019. № 12. С. 748—758.

Gavrilova I. S., Kulikov S. P., Novikov S. V. (2019) Peculiarities of Formation of Student Self-Governance in the Universities of Russia. *Moscow Economic Journal*. No. 12. P. 748—758. (In Russ.)

Ефимов Д. Б. Изучение университетских органов студенческого представительства: состояние, проблемы, перспективы // Университетское управление: практика и анализ. 2020. Т. 24. № 3. С. 105—121.

Efimov D. B. (2020) Research of Student Representation Bodies in Universities: Current State, Problems and Prospects. *University Management: Practice and Analysis*. Vol. 24. No. 3. P. 105—121. (In Russ.)

Куракин Д. Трагедия неравенства: расчеловечивая «тотального человека» // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 3. С. 167—231.

Kurakin D. (2020) Tragedy of Inequality: Dehumanizing “L’Homme Total”. *Russian Sociological Review*. Vol. 19. No. 3. P. 167—231. (In Russ.)

Макаренко Б. И., Локшин И. М., Мелешкина Е. Ю., Миронюк М. Г., Петров Н. В. Партии и партийные системы: современные тенденции развития. М.: Российская политическая энциклопедия, 2015.

Makarenko B., Lokshin I., Meleshkina E., Mironyuk M., Petrov N. (2015) Parties and Party Systems: Contemporary Development Trends. *Moscow: Russian Political Science Encyclopedia*. (In Russ.)

Пономарев А. В. Воспитательный потенциал студенческого самоуправления // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 1. С. 106—110.

Ponomarev A. V. (2008) Training Potential of Student Self-Government. *Knowledge. Understanding. Skill*. No. 1. P. 106—110. (In Russ.)

Попов В. Р. Студенческое самоуправление: опыт сравнительного историко-социологического анализа // Вопросы образования. 2009. № 2. С. 211—223.

Popov V. R. (2009) Student Self-Governance: An Attempt at a Comparative Socio-Historical Analysis. *Education Studies Moscow*. No. 2. P. 211—223. (In Russ.)

Розовски Г. Университет. Руководство для владельца. М.: Изд. дом ВШЭ. 2019.
Rosovsky H. (2019) The University: An Owner's Manual. Moscow: HSE University Publishing House. (In Russ.)

Сивак Е. В., Юдкевич М. М. Академический инбридинг: за и против // Вопросы образования. 2009. № 1. С. 170—187. <https://www.doi.org/10.17323/1814-9545-2009-1-170-187>.

Sivak, E., Yudkevich M. (2009) Academic Inbreeding: Pro and Contra. *Education Studies Moscow*. No. 1. P. 170—187. <https://www.doi.org/10.17323/1814-9545-2009-1-170-187>. (In Russ.)

Стегний В. Н. Студенческое самоуправление глазами студентов // Власть. 2016. № 4. С. 169—175.

Stegnii V. N. (2016) Students' View on the Student Self-Government. *Vlast' (The Authority)*. Vol. 24. No. 4. P. 169—175. (In Russ.)

Фатов И. С., Куликов С. П., Саруханян М. Г. Некоторые социолого-политологические аспекты всероссийской переписи советов обучающихся // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 5. С. 71—74.

Fatov I. S., Kulikov S. P., Sarukhanyan M. G. (2018) Some Socio-Political Science Aspects of the All-Russian Census of Student Councils. *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*. No. 5. P. 71—74. (In Russ.)

Brooks R., Byford K., Sela K. (2015a) Inequalities in Students' Union Leadership: The Role of Social Networks. *Journal of Youth Studies*. Vol. 18. No. 9. P. 1204—1218. <https://www.doi.org/10.1080/13676261.2015.1039971>.

Brooks R., Byford K., Sela K. (2015b) The Changing Role of Students' Unions Within Contemporary Higher Education. *Journal of Education Policy*. Vol. 30. No. 2. P. 165—181. <https://www.doi.org/10.1080/02680939.2014.924562>.

Buchmann C., DiPrete T. A., McDaniel A. (2008) Gender Inequalities in Education. *Annual Review of Sociology*. Vol. 34. P. 319—337. <https://www.doi.org/10.1146/annurev.soc.34.040507.134719>.

Budd R. (2017) Undergraduate Orientations Towards Higher Education in Germany and England: Problematizing the Notion of 'Student as Customer'. *Higher Education*. Vol. 73. No. 1. P. 23—37.

Chinga T., Rungani E., Chiliya N., Chuchu T. (2019) Facebook Communication and Marketing Influence on Decision-Making and Choice of University Student Representatives: A Student's Perspective. *Romanian Journal of Communication & Public Relations*. Vol. 21. No. 2. P. 7—21. <https://www.doi.org/10.21018/rjcp.2019.2.274>.

Chirikov I., Gruzdev I. (2014) Back in the USSR: Path Dependence Effects in Student Representation in Russia. *Studies in Higher Education*. Vol. 39. No. 3. P. 455—469. <https://www.doi.org/10.1080/03075079.2014.896181>.

Dickert-Conlin S., Rubenstien R. (Eds.). (2007) Economic inequality and higher education: Access, persistence, and success. *Russell Sage Foundation*.

Dimitrova D. V., Shehata A., Strömbäck J., Nord L. W. (2014) The Effects of Digital Media on Political Knowledge and Participation in Election Campaigns: Evidence from Panel Data. *Communication Research*. Vol. 41. No. 1. P. 95—118.

Fendrich J. M., Lovoy K. L. (1988) Back to the Future: Adult Political Behavior of Former Student Activists. *American Sociological Review*. Vol. 53. No. 5. P. 780—784. <https://www.doi.org/10.2307/2095823>.

Harik J., Meho L. (1996) The War Generation and Student Elections at the American University of Beirut. *Arab Studies Quarterly*. Vol. 18. No. 2. P. 67—90.

Homana, G. A. (2018) Youth Political Engagement in Australia and the United States: Student Councils and Volunteer Organizations as Communities of Practice. *JSSE-Journal of Social Science Education*. Vol. 17. No. 1. P. 41—54.

Jacobs J. A. (1996) Gender Inequality and Higher Education. *Annual Review of Sociology*. Vol. 22. No. 1. P. 153—185. <https://www.doi.org/10.1146/annurev.soc.22.1.153>.

Jerrim J., Chmielewski A. K., Parker P. (2015) Socioeconomic Inequality in Access to High-Status Colleges: A Cross-Country Comparison. *Research in Social Stratification and Mobility*. Vol. 42. P. 20—32. <https://www.doi.org/10.1016/j.rssm.2015.06.003>.

Klemenčič M. (2014) Student Power in a Global Perspective and Contemporary Trends in Student Organising. *Studies in Higher Education*. Vol. 39. No. 3. P. 396—411. <https://www.doi.org/10.1080/03075079.2014.896177>.

Klemenčič M. (2020) Student Governments. *Journal: Encyclopedia of International Higher Education Systems and Institutions*. https://www.doi.org/10.1007/978-94-017-9553-1_614-1.

Kouba K. (2018) Determinants of Student Participation in Higher Education Governance: The Case of Student Turnout in Academic Senate Elections in Czechia. *Higher Education*. Vol. 76. No. 1. P. 67—84. <https://www.doi.org/10.1007/s10734-017-0194-1>.

Lewis K. M., Rice T. W. (2005) Voter Turnout in Undergraduate Student Government Elections. *PS: Political Science & Politics*. Vol. 38. No. 4. P. 723—729. <https://www.doi.org/10.1017/s104909650505020>.

Luescher-Mamashela T. M. (2013) Student Representation in University Decision Making: Good Reasons, a New Lens? *Studies in Higher Education*. Vol. 38. No. 10. P. 1442—1456. <https://www.doi.org/10.1080/03075079.2011.625496>.

Luescher-Mamashela T. M., Mugume T. (2014) Student Representation and Multiparty Politics in African Higher Education. *Studies in Higher Education*. Vol. 39. No. 3. P. 500—515. <https://www.doi.org/10.1080/03075079.2014.896183>.

Marginson S. (2006) Investment in the Self: The Government of Student Financing in Australia. *Studies in Higher Education*. Vol. 22. No. 2. P. 119—131. <https://doi.org/10.1080/03075079712331380994>.

Meeuwissen S. N., Spruijt A., van Veen J. W., de Goeij A. F. (2019) Student Participation in Governance of Medical and Veterinary Education: Experiences and Perspectives of

Student Representatives and Program Directors. *Advances in Health Sciences Education*. Vol. 24. No. 4. P. 665—690. <https://doi.org/10.1007/s10459-019-09890-9>.

Mishra R. (2016) Digital Democracy and Student Politics: Interpretation from Assam University Student's Council Elections. *The Researcher-International Journal of Management Humanities and Social Sciences*. Vol. 1. No. 1. P. 45—56.

Omar M. F., Othman M. H. (2015) Factors Influencing Students Voting Behaviour: Pre and Post IIUM Students' Representatives Council's Election 2014. *Journal of International Science, Commerce and Humanities*. Vol. 3. No. 1. P. 121—138.

Omar M., Othman M. H. (2014) Voting Behaviour and Political Culture among Students. *International Journal of Education and Social Science*. Vol.1. No. 4. P. 31—40.

Parreira C., Tavana D. L., Harb C. (2019) University Elections and Political Socialization in the Developing World. SocArXiv. <https://doi.org/10.31235/osf.io/jtvp2>.

Peterson H. (2011) The Gender Mix Policy — Addressing Gender Inequality in Higher Education Management. *Journal of Higher Education Policy and Management*. Vol. 33. No. 6. P. 619—628. <https://doi.org/10.1080/1360080x.2011.621188>.

Raaper R. (2020) Constructing Political Subjectivity: the Perspectives of Sabbatical Officers from English Students' Unions. *Higher Education*. Vol. 79. No. 1. P. 141—157. <https://doi.org/10.1007/s10734-019-00400-9>.

Rowlands J. (2017) Academic Governance in the Contemporary University. Singapore: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-981-10-2688-1>.

Saha L. J., Print M. (2010) Student School Elections and Political Engagement: A Cradle of Democracy? *International Journal of Educational Research*. Vol. 49. No. 1. P. 22—32. <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2010.05.004>.

Shields S. A. (1982) The Variability Hypothesis: The History of a Biological Model of Sex Differences in Intelligence. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. Vol. 7. No. 4. P. 769—797.

Tilton S. (2008) Virtual Polling Data: A Social Network Analysis on a Student Government Election. *Webology*. Vol. 5. No. 4. P. 1—8.

Tinto V. (1975) Dropout from Higher Education: A Theoretical Synthesis of Recent Research. *Review of Educational Research*. Vol. 45. No. 1. P. 89—125. <https://doi.org/10.3102/00346543045001089>.

Witteveen D., Attewell P. (2020) Reconsidering the 'Meritocratic Power of a College Degree'. *Research in Social Stratification and Mobility*. Vol. 66. 100479. <https://doi.org/10.1016/j.rssm.2020.100479>.

Приложение 1. Список используемых переменных

Группа	Индикаторы и источники
Зависимые переменные	Статус участия в голосовании (данные о выборах) Статус подачи заявки как кандидата на выборы (данные о выборах)
1	V1: Пол (АСАВ) V2: Курс обучения (АСАВ) V3-V5: Статусы иногороднего студента, проживающего в общежитии, очно-заочной формы обучения, обучения на полностью коммерческой программе без бюджетных мест (АСАВ) V6-V9: Материальное положение — статусы принадлежности к самой богатой категории, к двум самым богатым категориям, к двум самым бедным категориям (МСЖ)
2	V10-V11: Общее число студентов факультета (избирателей), в том числе логарифмированное (АСАВ) V12: Удельное число кандидатов на выборах на одно место в студенческом совете факультета, по которому голосует студент (данные о выборах)
3	V13: Процент однокурсников данного студента, являющихся кандидатами на выборах (данные о выборах, АСАВ)
4	V14: Статус обучения на бюджетном месте (АСАВ) V15: Актуальный для 1 семестра 2019—2020 учебного года кумулятивный рейтинг студента (LMS) V16: Текущий рейтинг студента за 1 семестр 2019—2020 учебного года (LMS) V17: Участие в нерегулярной академической работе в университете — учебный ассистент, исследовательские проекты и т. д. (МСЖ) VR1: Планирование академической карьеры (МСЖ)
5	V18: Статус подачи заявки как кандидата на выборы (данные о выборах) V19-V25: Степень знания о деятельности студенческого совета факультета (хорошее знание, среднее знание) и оценка его работы (оценки от 1 до 5) (МСЖ) V26-V29: Степень знания (хорошее знание, среднее знание) о предоставляемых университетом и его подразделениями специальных именных стипендиях, о ключевом общеуниверситетском студенческом научном мероприятии «Научные бои» (МСЖ) V30-V31: Знание академического руководителя своей образовательной программы, декана факультета в лицо (МСЖ) V32-V35: Участие в работе различных органов студенческого самоуправления, студенческих организаций, политических партий, волонтерских / благотворительных организаций (МСЖ) VR2-VR4: Планирование карьеры в предпринимательстве, общественных организациях, государственных органах власти ⁵ (МСЖ)
6	V36-V37: Использование социальных сетей Facebook*, Twitter (МСЖ) V38-V39: Подписка на Telegram-канал «Вышка для своих» — официальное корпоративное медиа университета в Telegram; на страницы факультетов и подразделений в социальных сетях (МСЖ) V40-V43: Получение информации из сообщества «STUDLIFE» ВКонтакте — одного из корпоративных медиа, созданных университетом для студентов; из неофициальных / незарегистрированных университетских СМИ и сообществ; со страниц официальных студенческих организаций; от преподавателей и иных сотрудников, не занимающихся административной организацией учебного процесса (МСЖ)

⁵ В модели также включены другие категории предпочитаемой работы (VR5-VR6)

Формулировка вопроса для **V17**: Есть ли у Вас оплачиваемая работа? — Да, нерегулярные приработки в Вышке (прочие ответы с множественным выбором в том же вопросе: «Да, работа на полный день в Вышке», «Да, работа на полный день вне Вышки», «Да, работа на неполный день в Вышке», «Да, работа на неполный день вне Вышки», «Да, нерегулярные приработки в Вышке», «Да, нерегулярные приработки вне Вышки», «Нет»).

Формулировка вопроса для **VR1-VR6**: В какой из перечисленных областей Вы скорее всего хотели бы работать после окончания университета?

Формулировка вопроса для **V19-V20**: Знаете ли Вы о существовании следующих институтов самоуправления, функционирующих в НИУ ВШЭ (Студенческий совет факультета)?

Формулировка вопроса для **V21-V25**: Оцените, пожалуйста, насколько Вы удовлетворены работой следующих институтов самоуправления (Студенческий совет факультета).

Формулировки вопросов для **V26-V29**: Знаете ли Вы о следующих формах материальной поддержки студентов в НИУ ВШЭ (Именные стипендии НИУ ВШЭ и подразделений по предметным областям)? Знаете ли Вы о том, что ежегодно в Вышке проходят «Научные бои»?

Формулировка вопроса для **V30-V31**: Знаете ли Вы следующих сотрудников НИУ ВШЭ — Да, знаю в лицо (Декан Вашего факультета, Академический руководитель Вашей программы)

Формулировка вопроса для **V32-V35**: Являетесь ли Вы участником следующих организаций (системы студенческого самоуправления НИУ ВШЭ, студенческой организации в НИУ ВШЭ, политической партии / общественно-политического движения, волонтерской, благотворительной организации)?

Формулировка вопроса для **V36-V37**: Какими социальными сетями Вы пользовались за последние три месяца? — Facebook*, Twitter

Формулировка вопроса для **V38-V39**: Подписаны ли Вы на Вышку в социальных сетях? — Telegram-канал Вышка для своих; Официальные паблики, группы моего факультета/образовательной программы

Формулировка вопроса для **V40-V43**: Пожалуйста, укажите, откуда Вы узнаете информацию о новостях и событиях в Вышке (Сообщество STUDLIFE ВКонтакте, Неофициальные вышкинские СМИ и сообщества в социальных сетях, Страницы студенческих организаций в социальных сетях, Информация от преподавателей и административных сотрудников не из учебного офиса).

Приложение 2. Описательные статистики (доля/среднее) используемых переменных

Для каждого фактора представлено сравнение характеристик в одном из следующих вариантов: либо (1) по общей совокупности имеющих данные по обладавшим возможностью проголосовать студентам ($N \leq 30085$), данных по проголосовавшим ($N \leq 6232$) и данных по выдвинувшим свою кандидатуру ($v268$), либо (2) по опросной выборке студентов ($N \leq 5570$), опросной выборке проголосовавших ($N \leq 1974$) и опросной выборке кандидатов ($N \leq 80$).

Первая группа связей

Характеристика	Вариант	Генеральная совокупность (АСАВ/LMS) / Опросная выборка (МСЖ)	Голосовавшие	Кандидаты	N(1)	N(2)	N(3)
Мужской пол		39%	44%	61%	30085	6232	268
Курс обучения	1 курс бак.	26%	44%	33%			
	2 курс бак.	20%	26%	34%			
	3 курс бак.	16%	18%	23%			
	4 курс бак.	14%	6%	7%			
	5 курс спец.	0%	0%	0%			
	6 курс спец.	0%	0%	0%			
	1 курс маг.	14%	4%	2%			
	2 курс маг.	11%	2%	1%			
3 курс маг.	0%	0%	0%				
Иногородный		30%	37%	35%			
Очно-заочная форма		2%	0%	0%			
Коммерческая программа		9%	4%	3%			
Материальное положение	Живем крайне экономно...	7%	6%	1%	5570	1974	80
	На еду и одежду хватает, но...	15%	17%	15%			
	В целом обеспечены, но...	55%	56%	51%			
	Хорошо обеспечены...	12%	12%	24%			
	Затрудняюсь ответить	11%	9%	9%			

Вторая и третья группы связей

Характеристика	Min	Max	Генеральная совокупность	Голосовавшие	Кандидаты	N(1)	N(2)	N(3)
Общее число студентов - избирателей	43.0	5339.0	3290.0	3062.7	2622.5	30085	6232	268
Логарифм предыдущего	3.8	8.6	8.0	7.9	7.5			
Удельное число кандидатов на одно место	1.6	2.5	1.8	1.8	1.9			
Процент однокурсников-кандидатов	0.0	16.3	0.9	1.8	3.7			

Четвертая группа связей

Характеристика	Генеральная совокупность (АСАВ/LMS) / Опросная выборка (МСЖ)	Голосовавшие	Кандидаты	N(1)	N(2)	N(3)
Бюджетное место	47%	47%	44%	30085	6232	268
Средний кумулятивный рейтинг	49%	44%	45%	29099	6143	268
Средний текущий рейтинг	48%	43%	45%	24537	5511	228
Нерегулярная работа в вузе	5%	7%	9%	5570	1974	80

Пятая группа связей

Характеристика	Вариант	Опросная выборка	Голосовавшие	Кандидаты	N(1)	N(2)	N(3)
Знание о студенческом совете факультета	Знаю довольно хорошо	34%	50%	80%	5570	1974	80
	Что-то слышал(а)	45%	39%	18%			
	Не знаю	21%	10%	3%			
Оценка работы студенческого совета факультета	1	2%	3%	9%	5570	1974	80
	2	2%	3%	5%			
	3	6%	8%	9%			
	4	11%	14%	21%			
	5	13%	20%	30%			
Знание об именных стипендиях	Затрудняюсь ответить	44%	40%	24%	5561	1972	79
	Не знаю о нём (см. выше)	21%	10%	3%			
	Да, знаю в деталях	16%	20%	28%			
Знание о "Научных боях"	Что-то слышал(а), но подробностей не знаю	51%	50%	59%	5570	1974	80
	Нет, не знаю	33%	29%	13%			
	Да, знаю довольно хорошо	22%	30%	41%			
Знание академического руководителя программы в лицо	Что-то слышал(а), но подробностей не знаю	42%	45%	45%	5561	1972	79
	Нет, не знаю	36%	25%	14%			
Знание декана факультета в лицо	Знаю довольно хорошо	61%	63%	75%	5570	1974	80
	Знаю декана факультета в лицо	37%	43%	65%			
Участие в системе органов самоуправления	Участие в студенческой организации университета	2%	4%	43%	5570	1974	80
	Участие в студенческой организации университета	12%	17%	26%			
	Участие в политической партии	2%	2%	1%			
	Участие в волонтерской / благотворительной организации	7%	8%	8%			

Шестая группа связей

Характеристика	Опросная выборка	Голосовавшие	Кандидаты	N(1)	N(2)	N(3)
Использование Facebook	36%	29%	42%	5509	1958	78
Использование Twitter	24%	28%	40%			
Подписка на "Вышку для своих" (Telegram)	15%	21%	31%			
Подписка на группы факультета / программы	53%	64%	69%	5521	1960	78
Информация из сообщества STUOLIFE (VK)	27%	38%	40%			
Информация из неофициальных СМИ и сообществ	44%	55%	68%			
Информация со страниц студенческих орг.	32%	42%	56%			
Информация от сотрудников - не учебного офиса	28%	29%	45%			

Предпочитаемая сфера работы (четвертая-пятая группы связей)

Характеристика	Вариант	Опросная выборка	Голосовавшие	Кандидаты	N(1)	N(2)	N(3)
Планируемая сфера работы	В бизнесе в качестве наемного работника	30%	29%	18%	5570	1974	80
	В бизнесе в качестве предпринимателя	22%	22%	24%			
	Образование / наука	18%	18%	28%			
	В общественных и политических организациях	5%	6%	6%			
	В органах государственного управления	5%	6%	6%			
	Фриланс	15%	14%	8%			
	Другое (в т.ч. неопределенность)	5%	5%	11%			

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Правильная ссылка на статью:

Мониторинг мнений (ВЦИОМ): март — апрель 2022 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 168—180.

For citation:

Public Opinion Poll (VCIOM): March — April 2022. (2022) *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 168–180.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ: МАРТ — АПРЕЛЬ 2022

Результаты ежедневных опросов «ВЦИОМ—Спутник». Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1600 респондентов в возрасте от 18 лет. Выборка построена на основе полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Данные взвешены на вероятность отбора и по социально-демографическим параметрам. Максимальный размер ошибки с вероятностью 95 % не превышает 2,5 %. Помимо ошибки выборки, смещение в данные опросов могут вносить формулировки вопросов и различные обстоятельства, возникающие в ходе полевых работ.

СОДЕРЖАНИЕ ДАЙДЖЕСТА

ПОЛИТИКА

СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ: МОНИТОРИНГ	169
РОССИЯНЕ ОБ АМЕРИКЕ: НОВЫЙ «ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРИОД»?	170
ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА ВОКРУГ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ	171

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

РАБОТА, ЗАРПЛАТА И РУКОВОДСТВО: ДОСТИГНУТ ЛИ ГЕНДЕРНЫЙ БАЛАНС?	173
ПРОЩАЙ, COVID-19? ДВА ГОДА ПАНДЕМИИ, АДАПТАЦИЯ И СМЕНА ПОВЕСТКИ.....	175
ЭМИГРАЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ: МОНИТОРИНГ	177

ОБРАЗ ЖИЗНИ

ВЕЛИКИЙ ПОСТ — 2022	179
РОССИЙСКАЯ АУДИТОРИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ И МЕССЕНДЖЕРОВ: ИЗМЕНЕНИЯ НА ФОНЕ СПЕЦОПЕРАЦИИ	180

ПОЛИТИКА

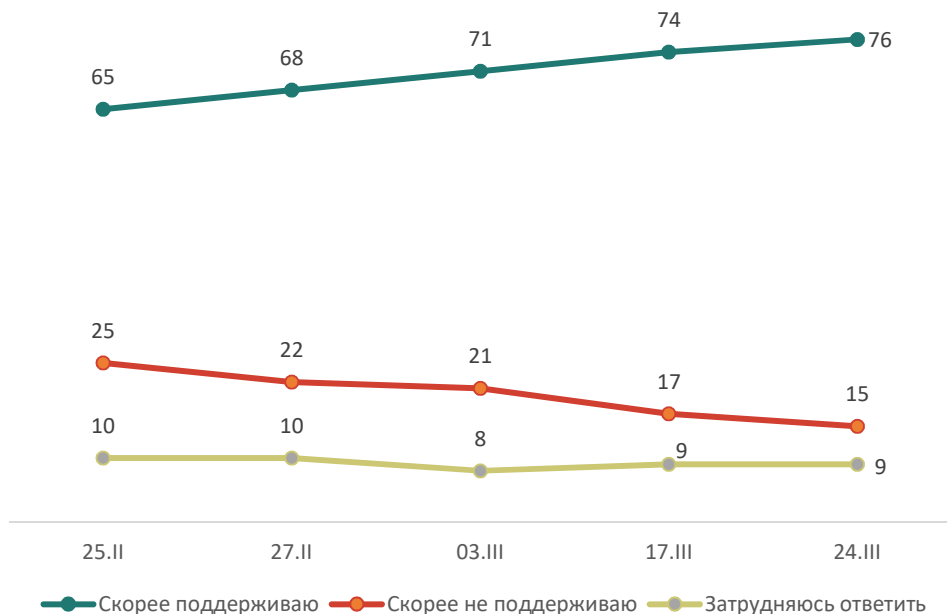
СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ: МОНИТОРИНГ	169
РОССИЯНЕ ОБ АМЕРИКЕ: НОВЫЙ «ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРИОД»?	170
ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА ВОКРУГ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ	171

СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ: МОНИТОРИНГ

25 февраля — 24 марта 2022 г.

Решение о проведении специальной военной операции (СВО) России в Украине скорее поддерживают 76% россиян. С начала мониторинга (25 февраля 2022 г.) поддержка возросла на 11 п. п. Скорее не поддерживают операцию 15% (на 10 п. п. меньше, чем 25 февраля). Еще 9% затруднились ответить. Представление о целях СВО сформировалось и остается неизменным на протяжении трех последних недель. Основная из них, по мнению респондентов, — защитить Россию, разоружить Украину и не дать разместить военные базы НАТО на ее территории (42% опрошенных, —4 п. п. за неделю). Кроме того, считаются цели изменить политический курс Украины, очистить ее от нацистов (21%, +2 п. п. за неделю), защитить население Донбасса (18%). О том, что цель специальной военной операции — оккупировать Украину и присоединить ее к России, сообщили 4% опрошенных.

Рис. 1. Скажите, пожалуйста, решение провести специальную военную операцию России в Украине Вы поддерживаете или не поддерживаете? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

РОССИЯНЕ ОБ АМЕРИКЕ: НОВЫЙ «ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРИОД»? ¹

19 марта 2022 г.

Большинство россиян в ходе опроса в марте 2022 г. сообщили, что относятся к Соединенным Штатам Америки плохо (71%). Почти половина относится очень плохо (47%) — это наиболее высокий показатель крайне негативного отношения за весь период мониторинга (+20 п. п. к предыдущему максимальному значению в ноябре 2014 г. — 27%). Индекс отношения к США¹ зафиксировал минимальное значение за период измерений с 1991 г. и, побив «антирекорд» 2014 г., составил -57 п. (-44 п. в 2014 г.). О положительном отношении к США сообщили лишь 14% граждан. Последние восемь лет негативное отношение к США у российских граждан преобладает над позитивным, в отличие от значений предыдущих периодов: с начала 2000-х годов и до ноября 2014 г. индекс отношения к США имел преимущественно положительные значения, а половина граждан России стабильно сообщали о в той или иной степени хорошем отношении к США (от 46% до 63% в разные годы). Однократное снижение индекса было зафиксировано за этот период лишь в сентябре 2008 г. (-43), но значения довольно быстро вернулись к докризисным — уже в 2009 г. индекс составлял 13 п. После спада в 2014 г. позитивное отношение граждан России к США не вернулось на прежний уровень: индекс отношения к США в последние годы сохраняет отрицательные значения (в частности, -57 п. в 2022 г.).

Рис. 2. **Сменим тему. Как Вы в целом относитесь сейчас к Соединенным Штатам Америки?** (индекс отношения к США)

¹ Индекс отношения к США показывает, как россияне относятся сегодня к США. Индекс строится на основе вопроса: «Как Вы в целом относитесь сейчас к Соединенным Штатам Америки?». Рассчитывается как разница суммы положительных ответов («очень хорошо», «в основном хорошо») и отрицательных ответов («в основном плохо», «очень плохо»). Индекс измеряется в пунктах и может принимать значение от -100 до 100. Чем выше значение индекса, тем лучше россияне относятся к США.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА ВОКРУГ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

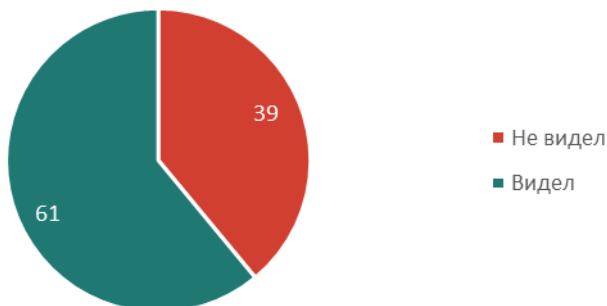
31 марта, 3, 5 и 6 апреля 2022 г.

Большинство россиян считают, что в настоящее время против России ведется информационная война в связи с проведением ею специальной военной операции на Украине (90%). Не считают, что ведется информационная война, 4%. Еще 6% затруднились ответить. Более половины респондентов сообщили, что видели материалы, демонстрирующие действия России на Украине в негативном ключе (61%), 41% считают их скорее лживыми. Не видели таких материалов и не отвечали на вопрос об их правдивости 39%. От окружающих людей россияне чаще слышали отзывы в поддержку военной операции (62%), против спецоперации — 11%, в равной степени и «за» и «против» специальной военной операции — 12%, вообще не слышали таких отзывов 10%. В СМИ, интернете и социальных сетях 57% россиян также чаще встречали суждения в поддержку спецоперации, против — 9%, в равной степени в поддержку и против — 13%, не видели таких отзывов в СМИ и интернете вообще — 13%.

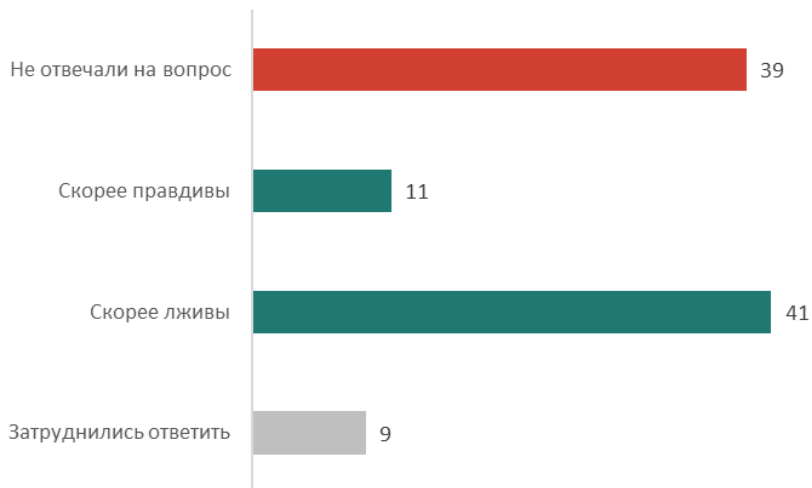
Рис. 3. Как Вы считаете, против России в настоящий момент ведется или не ведется информационная война в связи с военной операцией России на Украине? (закрытый вопрос, один ответ, в % от опрошенных)

Рис. 4. Вы видели или не видели материалы, сообщения, которые показывают роль России, Российской армии в событиях, происходящих на Украине, в негативном ключе? (закрытый вопрос, один ответ, в % от опрошенных)

Рис. 5. Если говорить о тех материалах, которые Вы видели, как Вам показалось, они были правдивые или лживые? (на вопрос отвечали только те, кто видели материалы, сообщения, которые показывают роль России, Российской армии в событиях, происходящих на Украине, в негативном ключе, данные пересчитаны в % от всех опрошенных)

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

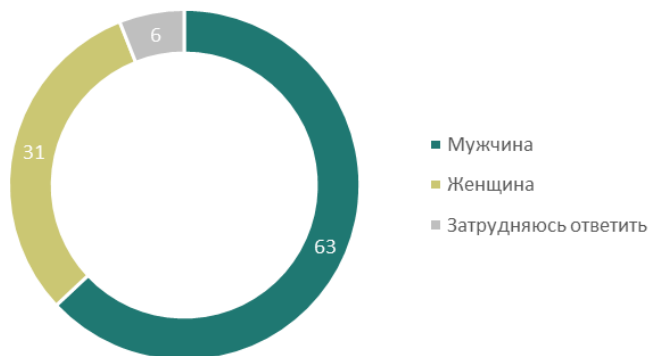
РАБОТА, ЗАРПЛАТА И РУКОВОДСТВО: ДОСТИГНУТ ЛИ ГЕНДЕРНЫЙ БАЛАНС?	173
ПРОЩАЙ, COVID-19? ДВА ГОДА ПАНДЕМИИ, АДАПТАЦИЯ И СМЕНА ПОВЕСТКИ.....	175
ЭМИГРАЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ: МОНИТОРИНГ	177

РАБОТА, ЗАРПЛАТА И РУКОВОДСТВО: ДОСТИГНУТ ЛИ ГЕНДЕРНЫЙ БАЛАНС?

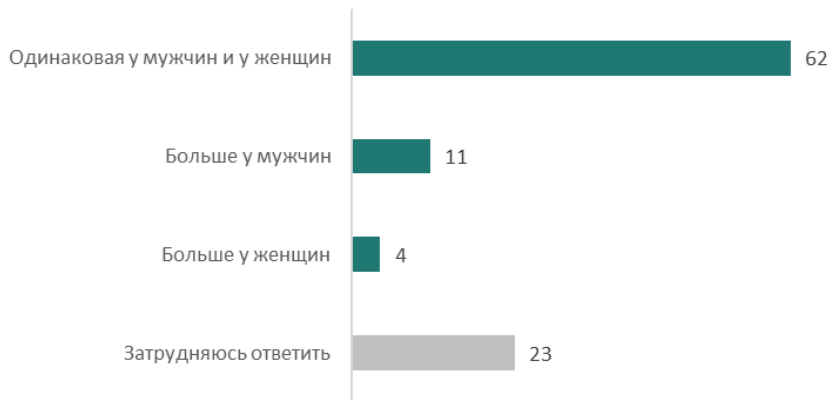
3 марта 2022 г.

Большинство профессий в России остаются мужскими или женскими: 71 % опрошенных работают в преимущественно мужских или женских коллективах, и только 26 % сообщили, что в их организациях женщин и мужчин примерно поровну. При этом трудятся преимущественно в мужском коллективе 41 % работающих россиян, в том числе 64 % мужчин и только 15 % женщин. В преимущественно женском коллективе работают 30 %, в том числе 52 % женщин и только 10 % мужчин. 24 % мужчин и 28 % женщин работают в гендерно сбалансированных коллективах. Работа руководителя в России остается преимущественно мужской: 63 % опрошенных трудятся в коллективах, где руководитель принадлежит к «сильному полу». Подчиняются мужчине-руководителю 82 % опрошенных мужчин, 12 % подчиняются женщинам. Среди женщин подчиняются женщинам же 54 %, тогда как 42 % — руководителям-мужчинам. Как правило, мужской коллектив возглавляют мужчины (в 88 % случаев), женский коллектив — женщины, хотя и реже (66 %). А вот гендерно сбалансированный коллектив обычно возглавляют мужчины (67 %). Что касается распределения между сотрудниками наиболее ответственных задач и гендерного равенства в зарплатах, то большинство опрошенных россиян в обоих случаях полагают, что гендер здесь роли не играет (59 % и 62 % соответственно). Что касается зарплат, то они в минимальной степени демонстрируют гендерное равенство в преимущественно мужских коллективах (только 55 % работающих в них говорит о равенстве зарплат), лучше дело обстоит в преимущественно женских (65 %) и еще лучше — в гендерно нейтральных коллективах (71 %).

Рис. 1. Скажите, Ваш непосредственный руководитель — мужчина или женщина? (закрытый вопрос, один ответ, % от работающих респондентов)

Рис. 2. Скажите, в организации, в которой Вы работаете, у мужчин и у женщин, выполняющих одинаковые обязанности на одинаковых должностях, зарплата одинаковая или разная? И если разная, то у кого она больше: у мужчин или у женщин? (закрытый вопрос, один ответ, % от работающих респондентов)

ПРОЩАЙ, COVID-19? ДВА ГОДА ПАНДЕМИИ, АДАПТАЦИЯ И СМЕНА ПОВЕСТКИ²

7 марта 2022 г.

Россияне все реже выражают опасения заболеть коронавирусом: за последний год доля опасующихся снизилась на 17 п. п. (март 2022 г. — 41 %, март 2021 г. — 58 %). Каждый четвертый на сегодняшний день уверен, что ни с ним, ни с его близкими этого не случится (23 %). Такая же доля опрошенных декларирует, что уже переболели (23 %). По мнению 60 % наших сограждан, российские власти на сегодняшний день предпринимают достаточные меры для предотвращения дальнейшего распространения коронавируса в России. Полагают, что мер недостаточно, 17 % опрошенных, еще 16 % считают их избыточными. К условиям жизни в пандемию успели привыкнуть 61 % россиян, среди привитых и ревакцинированных эта доля чуть больше — 67 %. Почти каждый четвертый адаптировался к ней лишь частично (23 %), среди жителей городов-миллионников — 28 %. Пока не привыкли к жизни в условиях эпидемии 13 %. Среди негативных изменений, которые внесла в их жизнь эпидемия коронавируса, каждый пятый назвал масочный режим (20 %), о падении качества медицины сказали 16 %, об отмене массовых мероприятий и ограничении в общении — по 13 %. Про социальную дистанцию вспомнили еще 12 % наших сограждан. Каждый десятый отметил невозможность выезда за границу и рост цен (10 %).

Почти половина россиян назвали позитивные изменения (48 %). В первую очередь к таковым относятся перемены в профессиональной и семейной сфере: увеличение количества времени, проводимого с семьей, и события на работе (по 5 %), а также события в жизни детей и удаленная работа (по 4 %). На вопрос о том, что нового из жизни в период пандемии хотели бы россияне взять с собой в «постковидное будущее», 8 % назвали возможность удаленной работы, 5 % — бережное отношение к здоровью, 4 % — социальную дистанцию. В сохранении дистанционного формата учебы и работы, как и ограничений на массовое скопление людей, заинтересована прежде всего молодежь 18—24 лет (24 % и 10 % соответственно). В период пандемии россиянам в первую очередь не хватает свободы передвижения (19 %). Каждый десятый скучает по возможности ходить без масок и по живому общению (11 % и 10 % соответственно). Отмену масочного режима больше всего ждут наши молодые соотечественники (27 %), а по очным встречам с друзьями скучает в основном старшее поколение (23 %).

² Инициативный всероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ—Спутник» и интернет-опрос ВЦИОМ «ВЦИОМ-Онлайн».

Рис. 3. Укажите, пожалуйста, Вы уже адаптировались, привыкли к жизни в ситуации эпидемии коронавируса или нет? («ВЦИОМ-Онлайн», закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

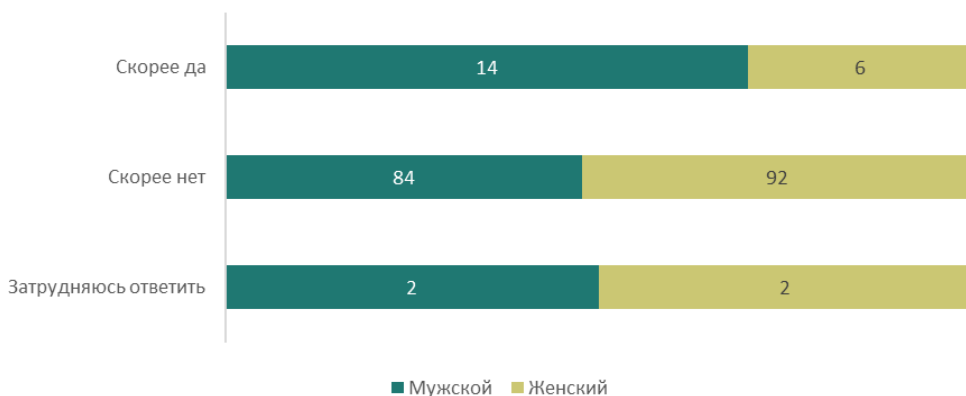

ЭМИГРАЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ: МОНИТОРИНГ

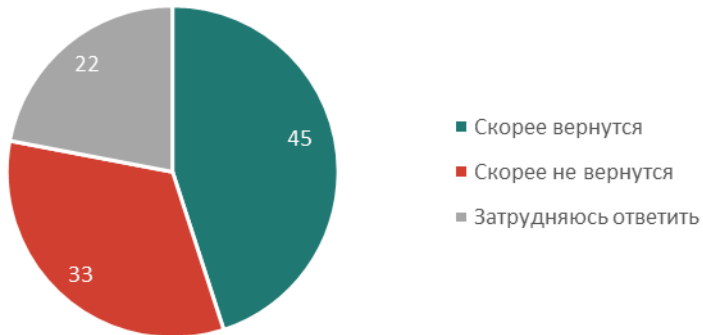
16 марта 2022 г.

Большинство россиян скорее не хотят уезжать за границу на постоянное место жительства (88%). Скорее хотел бы уехать каждый десятый (10%). По сравнению с прошлым годом доля выражающих желание уехать из России на ПМЖ сократилась на 6 п. п. (в 2021 г. — 16%). В близком окружении 87% россиян нет людей, которые в ближайшее время планируют уехать за границу для постоянного проживания, в окружении 12% россиян (среди друзей, родственников и знакомых) есть ориентированные на переезд. Самый популярный ответ среди граждан о целях отъезда за границу на ПМЖ — улучшение материального положения (29%). Четверть россиян назвали в качестве мотива переезда поиск легкой жизни (24%). Считают, что страну проживания меняют ради будущего своих детей, 17% россиян, связывают эмиграцию с надеждой на получение более высокого уровня социальных гарантий за рубежом 13%. Для каждого десятого основной фактор переезда — расширение кругозора, в частности возможность посмотреть мир, получить образование и добиться карьерного роста (по 10% и 9% соответственно). Те, кто декларирует желание уехать, чаще целью переезда называли будущее детей (47%), улучшение материального положения (29%), желание иметь больше политических свобод (27%) и более высокий уровень социальных гарантий (26%). В отличие от всех россиян, только 7% потенциальных мигрантов полагают, что жить за рубежом будет легче. Половина россиян считают, что уехавшие из России через какое-то время скорее вернуться на Родину (45%). В группе тех, кто скорее хочет переехать, такое мнение высказывали реже — всего 23%. Треть граждан предполагают, что переехавшие скорее не вернуться (33%). Затруднились дать прогноз 22% россиян.

Рис. 4. Хотели бы Вы уехать за границу на постоянное место жительства или нет? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

Рис. 5. Как Вы думаете, те, кто уехал из России на постоянное место жительства в другие страны, через какое-то время вернутся жить в Россию или не вернутся? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

ОБРАЗ ЖИЗНИ

ВЕЛИКИЙ ПОСТ — 2022.....	179
РОССИЙСКАЯ АУДИТОРИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ И МЕССЕНДЖЕРОВ: ИЗМЕНЕНИЯ НА ФОНЕ СПЕЦОПЕРАЦИИ.....	180

ВЕЛИКИЙ ПОСТ — 2022

4 марта 2022 г.

Последователями православной веры считают себя 68 % россиян. Приверженность православию чаще декларируют женщины (74 % vs 60 % среди мужчин) и представители старшего поколения — россияне 45—59 лет (76 %) и в возрасте 60 лет и старше (75 %). Четверть православных россиян соблюдают посты (24 %), из них каждый пятый соблюдает только Великий православный пост (19 %) и лишь 5 % — строго все посты, включая Великий православный. О том, что не держат православные посты, сообщили 74 % опрошенных, среди молодежи 18—24 лет — 80 %. Окрашивают яйца на Пасху 71 % православных россиян, соблюдающих пост. Половина соблюдающих пост отказываются от употребления животной пищи (52 %) и от употребления алкоголя на время Великого поста (50 %). Посещают церковную службу 49 % россиян, женщины почти в 1,5 раза чаще мужчин заявляли о посещении церковной службы в период Великого поста (54 % vs 40 % среди мужчин). Отказываются от употребления нецензурной лексики и дурных мыслей по 40 % наших православных сограждан, соблюдающих пост. Во время Великого православного поста россияне также причащаются (38 %, среди 25—34-летних — 57 %), подают милостыню (37 %) и ходят в церковь на исповедь (35 %).

Рис. 1. Вы обычно соблюдаете православные посты или нет?
(закрытый вопрос, один ответ, % от православных россиян)

РОССИЙСКАЯ АУДИТОРИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ И МЕССЕНДЖЕРОВ: ИЗМЕНЕНИЯ НА ФОНЕ СПЕЦОПЕРАЦИИ

10 апреля 2022 г.

В топ-5 наиболее популярных социальных сетей и мессенджеров среди россиян на сегодняшний день входят WhatsApp (87%), YouTube (75%), «ВКонтакте» (62%), Telegram (55%) и «Одноклассники» (42%). Список самых распространенных соцсетей с сентября 2021 г. изменился незначительно. В тройке лидеров по-прежнему WhatsApp, YouTube и «ВКонтакте», причем ежедневная аудитория «ВКонтакте» за полгода выросла на 5 п. п. Instagram* опустился с четвертой строчки на восьмую, уступив свое место Telegram. Если доля пользователей Instagram* за рассматриваемый период сократилась вдвое (с 53% до 25%), то Telegram демонстрирует наибольший прирост аудитории среди всех социальных сетей и мессенджеров (+13 п. п. к IX.2021 г.). Изменение доли ежедневных пользователей для них также наиболее ощутимо: у Instagram* она снизилась с 33% до 9%, у Telegram выросла с 22% до 35%. Наконец, «Одноклассники» за полгода поднялись с седьмой строчки и замыкают пятерку лидеров. Viber и TikTok с той или иной периодичностью пользуются 37% (–5 п. п. к IX.2021) и 35% соответственно. Facebook* и Twitter, будучи менее популярными социальными сетями, вслед за Instagram* столкнулись с оттоком аудитории (с 21% до 11% и с 11% до 7% соответственно).

* Решением Тверского районного суда города Москвы от 21.03.2022 г. деятельность Facebook и Instagram (принадлежат компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ) запрещена на территории РФ.

DOI: [10.14515/monitoring.2022.2.2071](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2071)

А. А. Поплавская

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ ТРУДОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ

Правильная ссылка на статью:

Поплавская А. А. Факторы формирования внутренних и внешних трудовых ценностей студентов российских вузов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 181—206. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2071>.

For citation:

Poplavskaya A. A. (2022) Factors of Internal and External Work Values Formation among Russian Universities' students. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 181–206. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2071>. (In Russ.)

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ ТРУДОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ

ПОПЛАВСКАЯ Анита Андреевна — аспирант, аналитик Центра внутреннего мониторинга, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: apoplavskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8122-8853>

Аннотация. Цель настоящей статьи — выявление типов трудовых ценностей студентов восьми российских вузов, а также дифференциация вероятности их распространенности среди обучающихся с различными характеристиками. В статье использованы данные опроса, собранные в рамках исследования «Мониторинг студенческого опыта» в 2020 г. С помощью факторного анализа выделены семь типов трудовых ценностей студентов, два из которых отражают внутренние ценности (полезность, саморазвитие), а пять — внешние (материальное продвижение, надежность, общение, мобильность и гибкость). Регрессионный анализ позволил определить основные факторы формирования соответствующих типов трудовых ценностей. Работа в университете во время учебы, проживание в общежитии и обучение на гуманитарных специальностях повышают вероятность ориентации на полезность труда и способствуют восприятию работы как общественного долга. Наличие работы внутри университета и вне его, обучение на инженерных специальностях, а также высокий уровень успеваемости повышают вероятность формирования ценности саморазвития. При этом

FACTORS OF INTERNAL AND EXTERNAL WORK VALUES FORMATION AMONG RUSSIAN UNIVERSITIES' STUDENTS

Anita A. POPLAVSKAYA¹ — PhD Student; Analyst at the Center for Institutional Research
E-MAIL: apoplavskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8122-8853>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The article aims to identify the types of students' work values and differentiate the probability of their prevalence among students with different characteristics. This article uses survey data from the project "Monitoring the Student Experience" collected in eight Russian universities in 2020. The author distinguished seven types of students' work values based on factor analysis. Two of them referred to internal values (social utility, self-development), and the five work values — to external ones (material advancement, security, communication, mobility, and flexibility). The regression analysis helped identify factors that determine the corresponding work value. Working at the university while studying, living in the dormitory, and studying in the Humanities and Social Science majors increase the likelihood of being oriented towards social utility and contribute to the perception of work as a social duty. Working inside or outside the university, studying engineering, and getting higher grades - tend to increase the likelihood of the "self-development" value formation. At the same time, closeness to graduation decreases the probability of following the internal work values and increases the reorientation towards the value of security and stability.

ближе к выпуску важность внутренних трудовых ценностей снижается, уступая место ценности надежности и стабильности рабочих позиций.

Ключевые слова: трудовые ценности, внутренние и внешние ценности, студенты, рынок труда, работа во время учебы, молодежь

Благодарность. Автор выражает благодарность к. эк. наук, профессору НИУ ВШЭ В. В. Радаеву и к. с. наук Д. О. Стребкову за ценные комментарии в процессе подготовки статьи. В работе используются данные, собранные в рамках исследования «Мониторинг студенческого опыта» консорциума «Доказательная цифровизация для успеха студентов» (<https://edtechdata.ru/conso>). Особая благодарность выражается координаторам вузов — участникам консорциума в проведении данного исследования: Т. Ю. Аполлоновой, Ю. А. Цофиной, К. Н. Лях, К. В. Мертинс, О. В. Шулежко, К. Н. Захарьину, Н. Н. Загриценко, Е. А. Ледкову и Н. Ю. Тутыхину.

Keywords: work values, intrinsic and extrinsic values, students, labor market, work while studies, youth

Acknowledgments. The author expresses her gratitude to the scientific advisor, Vadim V. Radaev (Cand. Sci. (Econ.)), Professor of the HSE University, for valuable comments while preparing the article, and to an anonymous reviewer for the constructive criticism. The author also thanks for the opportunity to use the data collected in the study “Monitoring of Student Experience” of the Consortium “Evidence-based digitalization for student success” (<https://en.edtechdata.ru/conso>). The gratitude is expressed to the coordinators of the universities participating in this study: T. Apollonova, Y. Tsolina, K. Lyakh, K. Mertins, O. Shulezhko, K. Zakharyin, N. Zagritsenko, E. Ledkov, and N. Tutykhin.

Введение

Трудовые ценности являются отправной точкой для построения мотивационной структуры будущих высококвалифицированных работников — студентов высших учебных заведений, которые вскоре начнут активно включаться в рынок труда. Изучение этого параметра представляет особый интерес для социологов, пытающихся понять, каких настроений придерживаются потенциальные работники и какие ожидания от рынка труда у них формируются.

Трудовые ценности измеряются через оценку важности различных аспектов работы для человека или выбор тех или иных характеристик работы в качестве приоритетных [Johnson, 2001; Lechner et al., 2017]. Существует множество типологий трудовых ценностей, но классическим является их разделение на внутренние и внешние [Ryan, Deci, 2000]. *Внутренние* трудовые ценности отражают важность содержания трудовой деятельности, сопряжены с самой работой и получением удовольствия от процесса ее выполнения. *Внешние*, наоборот, проявляются в том случае, если человеку важны материальные (зарплата, льготы и т. п.) или немате-

риальные (уважение, защищенность и т. п.) выгоды от работы, а сама деятельность не интересна и не важна¹.

О влиянии тех или иных трудовых ценностей на последующую карьеру индивида написано множество работ. В частности, исследователи отмечают, что трудовые ценности сказываются на выборе профессиональной стези, уровнях удовлетворенности работой, вовлеченности в рабочие процессы и лояльности организации, а также на будущих профессиональных достижениях и вознаграждении работника [Balsamo, Lauriola, Saggino, 2013; Johnson, 2001; Mortimer, Lorence, 1979]. Суммируя результаты многочисленных исследований, скажем, что преобладание внутренних мотивов труда над внешними, заинтересованность в выполнении рабочих задач и высокий уровень лояльности организации являются ключевыми предикторами повышения производительности трудовой деятельности, успешности работника на рынке труда и высокого уровня удовлетворенности работой. Причем данная тенденция еще более актуальна для высококвалифицированного умственного труда.

На данных Мониторинга экономики образования 2015 г. были выявлены наиболее важные для российских студентов бакалавриата и специалитета характеристики работы, а именно: достойная оплата труда (58%) и хороший коллектив (50%) [Российская молодежь: образование и наука..., 2017: 51]. Лишь четверть студентов выделяли интересную, творческую работу в качестве важной характеристики будущей профессиональной деятельности, и десятая часть ориентировалась на позиции с высоким уровнем самостоятельности. В то же время по итогам опроса российских работодателей, исследователи выявили, что при найме выпускников руководство организаций прежде всего обращает внимание на их личные качества. Опыт работы, полученная квалификация, успеваемость выделялись как второстепенные по значимости критерии выбора сотрудников. «Личный интерес» в качестве необходимой характеристики будущего работника выделила наибольшая доля потенциальных работодателей (64%), далее по значимости шли умение брать на себя ответственность при принятии решений и навыки работы в команде [Российская молодежь: образование и наука..., 2017: 56]. Налицо несоответствие между ожиданиями развития внутренних трудовых ценностей у выпускников вузов среди работодателей и широкое распространение внешних трудовых ценностей среди студентов. Более того, вопрос о том, как формируются те или иные трудовые ценности выпускников вузов, остается открытым.

Целью настоящей статьи является выявление трудовых ценностей студентов российских вузов на базе новых опросных данных 2020 г. Автор не стремится найти образ типичного студента, придерживающегося определенного набора трудовых ценностей (внешних или внутренних), а наоборот, намерена создать более комплексную картину дифференциации трудовых ценностей среди студентов с определенными характеристиками путем выделения типов трудовых ценностей и предикторов их формирования в процессе обучения в университете. Существуют ли значимые различия в трудовых ценностях в зависимости от социально-демографических характеристик студентов? А в зависимости от наличия

¹ Руководствуясь классификацией жизненных ценностей, разработанной Милтоном Рокичем, внешние трудовые ценности можно отнести к инструментальным, а внутренние — к содержательным или терминальным.

работы во время учебы? Действительно ли студенты младших курсов в большей степени ориентируются на содержание труда, а студенты старших курсов в большей степени нацелены на заработок? Есть ли различия в потенциальной важности тех или иных аспектов работы для студентов различных специальностей? Зависят ли трудовые ценности от уровня успеваемости? Ответы на эти и другие вопросы позволят более детально посмотреть на проблемы формирования внутренних и внешних трудовых ценностей в процессе обучения в российских высших учебных заведениях и найти пути к дальнейшему исследованию данной темы.

В начале статьи дано определение трудовых ценностей и описаны основные подходы к их измерению. Далее читатель может ознакомиться с кратким обзором посвященных этой теме зарубежных и отечественных научных работ, из которого выведены гипотезы настоящего исследования. Следующая часть статьи посвящена обзору используемых данных и применяемых методов исследования и результатам анализа данных. В заключении подведены итоги исследования, описаны его ограничения, намечены планы по развитию темы в будущем.

Трудовые ценности: определение, способы измерения и типы классификаций

Трудовые ценности — это концепты, отражающие предпочтения в сфере труда, организующие поведение индивида и направляющие его на пути построения карьеры [Hitlin, Piliavin, 2004].

Чаще всего трудовые ценности измеряются с помощью вопроса о важности отдельных аспектов работы, описывающих ее различные характеристики [Lechner et al., 2017; Papavasileiou et al., 2017; Магун, 2006, 2007 и др.]. Существуют разные подходы к составлению данного вопроса в анкетах: респондентам предлагается расположить ценности от наименее к наиболее важным, ранжировать их, оценить по шкале от «совершенно не важно» до «очень важно», а также выделить нескольких наиболее важных ценностей, в том числе с ограничением их количества до трех или пяти.

Для составления списка ценностей и дифференциации между различными их типами исследователи обычно опираются на одну или несколько классификаций жизненных ценностей, предложенных Т. Парсонсом, М. Рокичем, Г. Хофстеде или Ш. Шварцем. В итоге мы имеем множество типологий трудовых ценностей, но консенсус относительно их количества и содержательной наполненности так и не был достигнут [Papavasileiou et al., 2017; Johnson et al., 2007]. В статье М. Джонсон и ее коллег представлен обширный обзор и критический анализ различных теоретических концепций трудовых ценностей [Johnson et al., 2007]. Авторы доказали превосходство классического разделения между внутренними и внешними трудовыми ценностями, предложенного Ричардом Райаном и Эдвардом Деси и до сих пор пользующегося популярностью среди исследователей [Ryan, Deci, 2000].

В других классификациях трудовых ценностей исследователи либо проводят различия между различными видами внутренних и внешних ценностей, либо добавляют дополнительные категории трудовых ценностей (компетентность, статус, автономия, организационная культура, рабочая среда, взаимоотношения с коллегами и др.) (см., например, [Jin, Rounds, 2012; Johnson, Elder, 2002]). Однако

в конечном итоге все предложенные авторами трудовые ценности можно отнести к более широким категориям внутренних и внешних трудовых ценностей.

Зарубежные исследования трудовых ценностей студентов

Одной из наиболее значимых зарубежных работ по изучению ценностей молодежи считается монография Г. Хьюмана и Ч. Райта, посвященная влиянию полученного образования на ценности индивида [Human, Wright, 1979; Spates, 1983]. В ней авторы доказали, что в период получения образования молодые люди формируют ценности, которые оказывают влияние на их дальнейшую жизнь и карьеру.

Однако, когда мы имеем дело с трудовыми ценностями, мы все-таки говорим о неоднородности их распространенности, в частности, среди студентов. И важнейшей задачей является понимание того, от чего зависит предпочтение тех или иных аспектов работы перед другими. Среди основных факторов формирования тех или иных трудовых ценностей авторы выделяют пол, возраст, характеристики семьи, направление образования и опыт работы.

Пол. Исследователи отмечают, что женщины в целом более склонны придавать важность внутренним аспектам работы, а мужчины — внешним² [Balsamo, Lauriola, Saggino, 2013; Johnson, 2001, 2005]. При этом под внутренними мотивами авторы обычно понимают альтруизм или ориентацию на общественную пользу. Мы можем обозначить данные ценности как внутренние коллективистские, так как они в большей степени направлены вовне, а также отдельно выделить ценность общения для женщин. В то же время для мужчин характерны установки на конкуренцию, достижение и высокий заработок, что в целом можно характеризовать как ориентацию на внешние трудовые ценности. Более того, с возрастом важность внешних аспектов работы для мужчин возрастает [Johnson, 2005]. Причем создание семьи и деторождение увеличивает важность внешних мотивов труда для представителей обоих полов — повышается важность высокой заработной платы и стабильности работы [Krahn, Galambos, 2014].

Возраст. Зарубежные авторы, анализирующие результаты лонгитюдных исследований на соответствующую тему, выявили несколько тенденций в развитии трудовых ценностей на протяжении жизненного цикла. Во-первых, молодые люди обычно выбирают в качестве важных большее количество ценностей, хотя «всего и сразу» (англ. «wanting it all»), а взрослея, придают значимость сравнительно меньшему количеству ценностей (так называемая концепция «сжатия» ценностных ориентиров (англ. «zeroing in»)) [Johnson, Monserud, 2012; Porfeli, 2007]. В основном это связано с самоопределением человека и тем, что с возрастом трудовые ценности становятся более реалистичными, чем подростковые представления о труде. Более того, работники пытаются приводить свои трудовые ценности в соответствие со своими жизненными обстоятельствами, с корпоративной культурой организации, в которую они устраиваются, и с культурой рынка труда в целом [Johnson, 2001; Mortimer, Lorence, 1979].

² Данное различие в трудовых ценностях мужчин и женщин объясняется множеством факторов, включая психоэмоциональные различия, обусловленность поведения социальными ролями и общественными ожиданиями (подробнее о различиях в распространенности внутренних и внешних трудовых ценностей среди мужчин и женщин можно ознакомиться в предыдущих статьях: [Поплавская, Соболева, 2017, 2019]).

Во-вторых, было выявлено, что в период юношества молодые люди придают большую важность внутренним аспектам работы, а с возрастом подобный акцент снижается и происходит переориентация на внешние трудовые ценности [Chow, Galambos, Krahn, 2017; Johnson, Monserud, 2012; Johnson, 2001; Jin, Rounds, 2012]. Прежде всего это связано со становлением индивидов в процессе социализации и с принятием на себя новых социальных ролей (работник, муж/жена, родитель и т. п.), что неизбежно приводит к изменениям в мотивационной структуре личности.

Характеристики семьи. Ряд исследователей отмечает, что материальный статус родителей оказывает существенное влияние на развитие тех или иных трудовых ценностей у индивида [Kasser, Koestner, Lekes, 2002; Kohn, Schoenbach, 1993; Hitlin, Piliavin, 2004]. Западные исследования показали, что подростки, рожденные в семьях с невысоким материальным достатком в большей мере склонны придавать важность внешним трудовым ценностям. В то же время высокий социальный и культурный статус родителей повышает вероятность ориентации детей на содержательные мотивы труда и на саморазвитие. База опросных данных, которая будет использоваться в рамках настоящего исследования, не позволяет определить социальный класс и уровень культурного капитала родителей студента, однако имеется вопрос о типе проживания во время обучения (проживание совместно с родителями или отдельно). Автор предполагает, что совместное проживание с родителями будет подразумевать наличие общего семейного бюджета. И следовательно, студент будет освобожден от необходимости зарабатывать деньги и во время обучения в университете будет придавать большую важность терминальным характеристикам работы. Также в опросе есть данные о проживании в общежитии во время учебы. Можно предположить, что общение со сверстниками и совместный быт будут формировать у студента установку на общение.

Направление обучения. Множественные зарубежные исследования трудовых ценностей студентов различных направлений обучения показали, что существует значимая связь между обучением на определенной специальности и формированием определенных трудовых ценностей у студента (подробнее см.: [Balsamo, Lauriola, Saggino, 2013]). Было выявлено, что студенты гуманитарных направлений в большей степени ценят содержательные аспекты труда, ориентируются на альтруизм и общественную пользу, а также ценят надежность и комфортность рабочего места. Студенты, изучающие *прикладные науки*, придерживаются ценностей достижения на рабочем месте, придают важность саморазвитию, а также общественному одобрению. Студенты, обучающиеся по программам *естественнонаучной направленности*, ценят возможности саморазвития на рабочем месте, карьерный рост, престиж работы и общение с коллегами. При этом саморазвитие понимается студентами естественнонаучных и прикладных специальностей по-разному: первая группа студентов соотносит данное понятие с повышением социальной ответственности за свою деятельность и увеличением выполняемых обязательств, а вторая группа уделяет больше внимание развитию собственных навыков и способностей для повышения конкурентоспособности и востребованности на рынке труда.

Опыт работы. Переход от образования к работе считается важным фактором изменения в трудовых ценностях индивида. С получением первого опыта работы

молодые люди начинают более четко формулировать свои трудовые ценности, выбирать меньшее количество трудовых ценностей среди предложенных в списке [Johnson, Monserud, 2012; Lechner et al., 2017]. То есть количество притязаний в сфере труда уменьшается, несоответствия между ожиданиями и реальностью сглаживаются, и вчерашние студенты начинают выстраивать свои ценности в соответствии с реальной ситуацией на рынке и/или согласовывать их с внутриорганизационной корпоративной этикой.

Относительно содержательной направленности изменений в трудовых ценностях работающих студентов исследователи приходят к противоречивым результатам: одни считают, что значимость внешних ценностей работы уменьшается после выхода на рынок труда [Chow, Galambos, Krahn, 2017], а другие показывают снижение важности внутренних аспектов работы по мере построения карьеры [Johnson, 2001; Lechner et al., 2017]. Автор настоящей статьи полагает, что распространение внутренних или внешних трудовых ценностей среди работающих студентов во многом зависит от сферы деятельности и характера работы. В нашем исследовании есть возможность разделить тип работы во время учебы на работу «внутри» и «вне» университета, а также определить количество затрачиваемого на работу времени. Основная гипотеза состоит в том, что студенты, работающие в университете, из-за, вероятно, более высокого уровня взаимосвязи между учебой и работой, будут придавать большее значение содержанию своего труда и ориентироваться на внутренние трудовые ценности, а студенты, работающие вне университета, скорее будут склонны к приоритизированию внешних трудовых ценностей.

Отечественные исследования трудовых ценностей студентов

Существующие работы о трудовых ценностях российского населения в целом и молодежи в частности обычно начинают с того, что наше общество находится в процессе трансформации системы трудовых отношений, переориентации с советской системы трудовой мотивации на рыночную.

Авторы говорят об изменениях трудовых ценностей населения в сторону ценностей комфортного материализма и росте притязаний в сфере труда, заключающегося в желаниях получения высокого заработка, достижения высоких позиций и быстрой самореализации при малых трудовых затратах [Магун, 2006, 2007]. При этом после перестройки, помимо ориентации на стабильный заработок и надежность места работы, работающее население страны стало реже упоминать длительный отпуск в качестве важной характеристики работы и чаще ориентироваться на результативный труд как путь к повышению своего социально-экономического статуса на рынке труда. Что касается молодежи, то, по мнению многих отечественных исследователей, начиная с 90-х гг. XX века ценности российской молодежи рационализируются, индивидуализируются, заменяя традиционные приоритеты в сфере труда всевозможными материальными притязаниями [Магун, Энгватов, 2006; Гудков, Дубин, Зоркая, 2011; Горшков, Шереги, 2010; Бабинцев, Реутов, 2010; Сотникова, 2011; Казарина-Волшебная, Комиссарова, Турченко, 2012]. По результатам исследований, значимость терминальной ценности содержательного труда для молодых людей уменьшается, и молодежь постепенно переориентируется в сторону инструментальных ценностей.

Автор настоящей статьи подчеркивает, что трудовые ценности являются абстрактными категориями, измерение которых представляет определенные сложности. Существует опасность создания стереотипизированной картины ценностных приоритетов молодежи, приводящей к пессимистическому восприятию этой категории работников со стороны представителей старших поколений и потенциальных работодателей. Подобную проблему также подчеркивают зарубежные авторы [Maloni, Hiatt, Campbell, 2019; Parry, Urwin, 2011]. Поэтому новые исследования трудовых ценностей российской молодежи представляют особую важность. В настоящей работе сделана попытка уйти от дихотомического восприятия направленности всей российской молодежи в сторону терминальных или инструментальных ценностей. С этой целью выявлены предикторы формирования различных типов трудовых ценностей во время обучения студента в университете.

Здесь также стоит отметить, что отдельное внимание в отечественной литературе уделяется трудовым установкам, самоидентификации и трудовому поведению *молодых инженеров*. Именно они, по мнению многих авторов, играют одну из ключевых ролей в процессе становления и развития экономики страны, способствуя стабильной работе ключевых технологических и промышленных предприятий. В советское время были популярны опросы студентов инженерной направленности и уже работающих инженеров, особенное внимание уделялось мотивации инженеров и их трудовым ориентациям [Чередниченко, Шубкин, 1985; Рабочий и инженер..., 1985; Социально-психологический портрет..., 1977]. Эта профессия традиционно отождествлялась с высоким уровнем моральных качеств инженера как работника, обладающего высоким уровнем внутренней мотивации к труду (творчество, инициатива, ответственность, интерес к общему делу, бескорыстие), а также пренебрежением к внешними трудовыми ценностями (денежному вознаграждению или карьерному росту). Современные исследования молодых инженеров российских предприятий подтвердили устойчивость ориентации инженеров на содержательные аспекты труда и их меньшее внимание к материальным (подробнее см.: [Козина, Виноградова, 2016]). При этом в интервью молодые инженеры как одну из значительных трудовых ценностей выделяли получение *высокого заработка*, значение которого они понимали как *достойный уровень денежного обеспечения*, позволяющий им жить самостоятельно, чувствовать уверенность в завтрашнем дне. Более того, молодые инженеры показывали ориентацию на повышение заработка в будущем, как награды за свой ответственный подход к работе и преданность общему делу.

Среди современных российских исследований трудовых ценностей *студенческой молодежи* в основном доминируют региональные исследования. В большинстве из них выборка составляет менее 650 человек и только в некоторых опросах количество респондентов превышает 1000 человек. В частности, можно выделить ряд исследований трудовых ценностей студентов вузов Нижнего Новгорода [Ретивина, 2019; Пакина, 2014], Казани, Саранска, Пензы [Кошарная, Корж, 2013], Ростовской области и Краснодарского края [Сотникова, 2011], Тюменской области [Андреянова, Тарасова, Печеркина, 2018] и др. В некоторых случаях авторы делают обобщенные выводы относительно трудовых ценностей российской молодежи, однако выборка ограничивается студентами вузов нескольких

городов или одного города. Исключением является опрос в рамках Мониторинга экономики образования 2015 г., в котором приняли участие более 3350 студентов бакалавриата и специалитета из более 100 образовательных организаций высшего образования. Однако авторы ограничились описательной статистикой наиболее важных для студентов характеристик будущей работы [Российская молодежь: образование и наука..., 2017].

Существующие исследования трудовых ценностей современных российских студентов не ставили своей целью дифференциацию трудовых ценностей в зависимости от характеристик студентов. Автор настоящего исследования проводит анализ предикторов формирования различных типов трудовых ценностей во время обучения в университете и выдвигает следующие гипотезы для их последующей проверки.

1. Индивидуалистические трудовые ценности (саморазвитие, достижения статуса и т. п.) в большей степени присущи юношам, в то время как коллективистские ценности (общественная польза, общение и т. п.) в большей степени присущи девушкам.

2. Совместное проживание с родителями повышает вероятность наличия внутренних трудовых ценностей у студентов, а проживание в общежитии повышает вероятность ориентации на общение.

3. Наличие работы во время учебы влияет на трудовые ценности студентов. Работа вне университета повышает вероятность ориентации на внешние аспекты труда, а работа в университете способствует развитию внутренних трудовых ценностей.

4. Обучение на инженерных специальностях в российских вузах повышает вероятность ориентации на внутренние трудовые ценности. При этом обучение на гуманитарных специальностях повышает вероятность ориентации на общественную пользу.

5. Принадлежность студента к младшим курсам обучения повышает вероятность его приверженности внутренним трудовым ценностям, а близость к выпуску — внешним.

6. Высокий уровень успеваемости повышает вероятность ориентации на внутренние трудовые ценности.

Методология и эмпирическая база исследования

Для проверки поставленных в исследовании гипотез используются данные, собранные в рамках исследования «Мониторинг студенческого опыта» консорциума «Доказательная цифровизация для успеха студентов». Исследование проводилось весной 2020 г. в восьми региональных российских вузах-участниках консорциума (ЯГТУ, ЯрГУ, НГТУ, ТПУ, УлГПУ, СФУ, ЮФУ, ДВФУ). Опрос проводился онлайн, ссылка на него была отправлена на корпоративные почты студентов и размещалась в личных кабинетах вузовских электронных систем.

В исследовании приняли участие 6163 студента, обучающихся на программах бакалавриата, специалитета и магистратуры. Для целей настоящего исследования были отобраны студенты бакалавриата. Выборка составила 5002 студента.

В выборке преобладают девушки (62 %) (см. приложение). Половина опрошенных студентов проживают совместно с родителями. 34 % студентов сочетают учебу с работой вне университета, 4 % студентов работают непосредственно в университете. 71 % опрошенных обучаются на бюджетных местах, примерно половина респондентов — на инженерных специальностях, 30 % на социальных, и 17 % — по программам математических и естественных наук³. Распределение по курсам обучения равномерное, с небольшим преобладанием первокурсников и второкурсников в выборке, что типично для опросов студентов. Что касается успеваемости респондентов, то 18 % оценили свою успеваемость на «отлично», 39 % являются хорошистами, остальные иногда или часто получают удовлетворительные оценки.

Трудовые ценности студентов российских вузов

Для определения трудовых ценностей студентов в анкету был включен вопрос «Что для вас является наиболее значимым при выборе работы после окончания университета? Выберите не более пяти самых важных для Вас аспектов работы». Распределение ответов представлено на рисунке 1. В топ ценностей студентов вошли две конкурирующие между собою ценности: внешняя (высокий уровень заработной платы) и внутренняя (личная заинтересованность в работе). Более трети опрошенных в качестве важных ценностей назвали надежность работы, ее соответствие знаниям и способностям, карьерный рост и дружный коллектив. Среди ответов были варианты «Другое» и «Ничего из перечисленного»: доли по ним не представлены на рисунке, так как количество выбравших данные варианты ответа составило десятые доли процента.

Рисунок 1. Трудовые ценности студентов бакалавриата восьми российских вузов (N = 5002, %)

³ Распределение предложено авторами исследования.

Описательная статистика помогает увидеть наиболее и наименее популярные по важности для студентов аспекты работы. Однако для исследователей трудовых ценностей более важным является выявление мотивационного комплекса респондентов и понимание того, какие группы респондентов придерживаются тех или иных наборов трудовых ценностей [Hitlin, Piliavin, 2004]. Напомним, что в анализируемом вопросе студентов просили выбрать до пяти рабочих характеристик. Таким образом, респондент мог создать содержательный набор трудовых ценностей. Для определения наиболее типичных среди всех опрошенных студентов наборов трудовых ценностей был использован факторный анализ, метод главных компонент с использованием вращения матрицы факторных нагрузок варимакс с нормализацией Кайзера. Для повышения интерпретируемости факторов из модели были исключены две характеристики работы с наименее высокими показателями общности: «соответствие работы моим ценностям и мировоззрению» и «работа, уважаемая широким кругом людей». В результате минимальное значение общности повысилось до 0,43, а итоговая модель факторного анализа продемонстрировала различия между семью типами трудовых ценностей или факторов. В таблице 1 представлены переменные с факторными нагрузками, по модулю превышающими 0,3. В сумме семь полученных факторов объясняют 53,7 % дисперсии выбора отдельных характеристик работы, что говорит о достаточно высокой объяснительной способности итоговой модели.

Таблица 1. Типы трудовых ценностей студентов бакалавриата восьми российских вузов

	Полезность	Саморазвитие	Материальное продвижение	Надежность	Общение	Мобильность	Гибкость
Высокий уровень заработной платы			0,616				
Дружный коллектив					0,583		
Личная заинтересованность в работе				-0,623		-0,313	
Соответствие работы моим знаниям, умениям и навыкам		-0,336	-0,414		-0,517		
Тренинги и развитие на рабочем месте	-0,513		-0,369			0,369	-0,342
Широкие перспективы карьерного роста			0,583				-0,464
Предлагаемые льготы и социальный пакет				0,686			

	Полезность	Саморазвитие	Материальное продвижение	Надежность	Общение	Мобильность	Гибкость
Надежность и стабильность работы		-0,311		0,415		-0,372	
Гибкий график							0,788
Полезность работы для общества	0,651						
Возможность проявления инициативы на рабочем месте		0,71					
Общение с людьми					0,67		
Возможность создавать что-то новое		0,627					
Частые командировки						0,699	
Возможность работать на благо страны	0,612						
Перспектива переезда за границу			0,394			0,481	
<i>Информативность факторов</i>	<i>9,8</i>	<i>7,6</i>	<i>9,1</i>	<i>7,5</i>	<i>6,4</i>	<i>7,0</i>	<i>6,3</i>

Метод выделения факторов: метод главных компонент.

Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера.

Вращение сошлось за 15 итераций.

В таблице отображены факторные нагрузки, значение которых по модулю выше 0,300.

Первый фактор отражает установку на моральное обоснование важности работы ее общественной пользой и ориентацией на труд во благо своей страны. Данный фактор озаглавлен как «полезность» работы. Второй фактор можно охарактеризовать как ориентацию на внутренние трудовые ценности в противовес внешним — он демонстрирует установку на активную позицию, желание проявлять инициативу в рабочих вопросах и создавать новый продукт. При этом надежность рабочего места и прямое использование своих квалификаций характеризуются как неважные характеристики будущей работы. Данный фактор может быть назван как ценность «саморазвития».

Третий фактор включает в себя важность повышения заработной платы и своих карьерных позиций в рамках работы, что говорит о четкой ориентации на инструментальные трудовые ценности материального продвижения. Четвертый фактор отражает твердо выраженные ценности стабильности работы и получения социальных гарантий в противовес следованию внутренним предпочтениям и интересам и может быть озаглавлен как «надежность». В некоторых исследованиях «хороший заработок» и «надежность работы» объединяются в один фактор

(см, например, [Стребков, Шевчук 2017; Магун, 2006]). Раздвоение традиционной совокупности компонент на два фактора может быть объяснено измененной формулировкой характеристики работы, отражающей оплату труда, а также добавлением ряда новых характеристик работы в качестве вариантов ответов на вопрос. Так, в настоящем исследовании используется формулировка «высокий уровень заработной платы», говорящий о важности материальных вознаграждений выше среднего, а количество характеристик работы расширяется от традиционных 11 до 16 используемых в модели характеристик.

В рамках пятого фактора сгруппировались переменные, характеризующие особую ориентацию на общественное взаимодействие. Общение с людьми и дружный коллектив становятся ключевыми аспектами работы при пренебрежении соответствия работы способностям и изначальной квалификации. Шестой фактор может быть озаглавлен как «мобильность»: он выявляет желательность частой смены локации и, возможно, итогового стремления к переезду за границу. Наконец, седьмой фактор отражает ценность гибкого графика в противовес более традиционной ориентации на построение карьеры в рамках организации и перспективы развития на рабочем месте⁴.

Полученные семь факторов отражают разнонаправленные наборы трудовых ценностей. Содержательно факторы можно расположить по шкале «внутренние» — «внешние». Два первых фактора расположены на левом полюсе шкалы и отражают ориентацию на обоснование работы ее особым внутренним смыслом или интересом к самому процессу труда, а именно факторы «полезность» и «саморазвитие». Следующие два фактора («материальное продвижение», «надежность») относятся к правому полюсу, так как в них придается важность полученным в результате работы материальным и статусным вознаграждениям, социальным гарантиям и льготам, а не самому процессу труда. Факторы «общение» и «мобильность» также направлены вовне и скорее говорят о значимости социального окружения и пространства для индивида при отсутствии значимой связи с внутренним содержанием и целями работы. Фактор «гибкость» также находится ближе к правому полюсу, так как в нем придается важность особому способу организации труда. Подобное различие в количестве ценностей, соотносимых с внешним и внутренним краями шкал, объясняется большим количеством вариаций внешних трудовых ценностей [Lechner et al., 2017; Maloni, Hiatt, Campbell, 2019].

Некоторые из выявленных факторов также можно расположить в пространстве «индивидуализм — коллективизм». Так, например, ценности полезности и общения относятся к коллективистским ориентациям, а саморазвитие, материальное продвижение, надежность, мобильность и гибкость скорее относятся к индивидуалистическим ценностям.

Предикторы формирования различных типов трудовых ценностей

В результате факторного анализа всем респондентам были присвоены факторные оценки [factor scores] по каждому из семи факторов. Больше или меньше

⁴ Знаки факторных нагрузок здесь были заменены на противоположные, что позволило более четко проинтерпретировать результат факторного анализа, а также в рамках регрессионного анализа сделать выводы относительно детерминант формирования ориентации на «гибкость» среди опрошенных студентов.

значение факторной оценки объясняет наличие или отсутствие выбора в пользу того или иного типа трудовых ценностей у респондента.

Для выявления наличия взаимосвязи между различными характеристиками респондентов и вероятностью их приверженности тому или иному типу трудовых ценностей был использован регрессионный анализ (см. табл. 3). В качестве зависимых переменных выступили семь переменных, отражающих факторные оценки по каждому из выявленных факторов. В качестве независимых переменных были использованы социально-демографические характеристики респондента (пол, проживание с родителями, проживание в общежитии), образовательные характеристики (направление обучения, курс обучения, уровень успеваемости), а также трудовые характеристики (наличие работы «в» и «вне» университета).

Пол. В результате регрессионного анализа было выявлено, что получающие высшее образование девушки с большей вероятностью склонны придавать важность надежной работе, а также возможностям общения на рабочем месте, и в меньшей степени ориентируются на ценности проявления личной инициативы и создания инноваций. В то же время российские студентки в меньшей степени, чем студенты, ориентируются на коллективистские внутренние трудовые ценности, а также меньше ценят гибкость рабочего графика.

Тип проживания. Гипотеза о влиянии типа проживания на трудовые ценности студентов подтвердилась лишь частично. Так, проживающие с родителями студенты меньше ориентируются на карьерный рост и сопутствующую ему высокую заработную плату, а также на надежность рабочего места, что может говорить об их большей финансовой защищенности по сравнению со студентами, проживающими отдельно. Ориентация на инициативу и общение также нетипична для студентов, живущих совместно с родственниками, видимо, из-за наличия общения в кругу малой социальной группы и меньшей необходимости в реализации себя вовне ее. При этом студенты, проживающие в общежитии, выстраивают две траектории относительно будущей работы: либо они ориентируются на общественную пользу своего труда, либо на смену обстановки (переезд за границу или частые командировки). Гипотеза о большей ориентации проживающих в общежитии студентов на общение не подтвердилась.

Курс обучения. Чем выше курс обучения, тем менее ценным становится для студента фактор саморазвития на рабочем месте, наиболее четко отражающий индивидуалистические внутренние трудовые ценности. Также с повышением курса уменьшается стремление к моральному обоснованию своей работы ее общественной пользой. При этом старшекурсники с большей вероятностью ориентируются на надежность рабочего места и показывают меньшую вероятность приверженности ценностям мобильности.

Направление обучения. В исследовании принимали участие три группы студентов, обучающиеся по направлениям: (1) инженерное дело, технологии и технические науки, (2) математические и естественные науки, (3) социальные науки. В регрессионном анализе в качестве референтной группы выступили студенты инженерных специальностей в виду большего внимания к ним в отечественной литературе. Нулевые модели влияния направления обучения на приверженность студента каждой из семи трудовых ценностей подтвердили некоторые результаты

представленного в таблице 2 регрессионного анализа. Во-первых, студенты инженерных специальностей в большей степени ориентируются на индивидуалистические внутренние ценности саморазвития. Дополнительный корреляционный анализ показал, что студенты инженерных специальностей значительно чаще выбирают «интерес к работе» в качестве важной трудовой ценности, что пересекается с результатами предыдущими исследований [Козина, Виноградова, 2016; Чередниченко, Шубкин, 1985; Рабочий и инженер..., 1985; Социально-психологический портрет..., 1977]. Во-вторых, в соответствии с выдвинутой гипотезой, студенты гуманитарных специальностей в большей степени, чем студенты инженерных, готовы работать на пользу общества и пренебрегать материальными вознаграждениями и перспективами карьерного роста. Также они больше других ориентируются на общение с людьми и гибкость графика. А студенты, обучающиеся по направлению «Математика и естественные науки» в большей степени, чем все остальные, склонны придавать значимость возможностям трудовой мобильности.

Уровень успеваемости. Высокие оценки, полученные в университете, влияют на формирование трудовых ценностей индивидов. С одной стороны, первоначальная гипотеза подтверждается: отличники в большей степени ориентируются на саморазвитие в трудовой сфере, а также на достижение высоких карьерных позиций и заработных плат. С другой стороны, взаимосвязи между оценками и ориентацией на общественную пользу выявлено не было. Отдельный корреляционный анализ показал, что академически успешные студенты значительно чаще ожидают соответствия работы знаниям и навыкам, полученным во время обучения в университете. При этом менее академически успешные студенты чаще ориентируются на общение и на гибкий график.

Работа во время учебы. Опросные данные позволяют определить, каким образом наличие работы внутри университета и вне его связано с приверженностью студента различным типам трудовых ценностей. Среди тех, кто совмещает работу в университете с учебой, большинство работают до 20 часов в неделю. Что касается студентов, работающих вне университета, то они были разделены на тех, кто занят до 20 часов в неделю, и тех, кто посвящает работе вне университета 20 и более часов в неделю.

В результате регрессионного анализа было выявлено, что работа в университете повышает вероятность ориентации студента как на индивидуалистические, так и на коллективистские внутренние трудовые ценности. Работа вне университета в целом повышает внутреннюю мотивацию по саморазвитию. Мы можем предположить, что студенты, совмещающие учебу с работой вне университета, склонны к получению знаний и навыков на рабочем месте и более активно стремятся к получению опыта, чаще проявляют инициативу. При этом работа вне университета, вне зависимости от затрачиваемого на нее времени, понижает вероятность приверженности ценности общественной пользы и повышает вероятность выбора в пользу ценности мобильности. При наличии работы вне университета более 20 часов в неделю вероятность появления ценности материального продвижения, а также общения в рабочем коллективе растет.

Таблица 2. Регрессионный анализ. В качестве зависимых переменных выступают факторные оценки по каждому фактору

	Полезность	Саморазвитие	Материальное продвижение	Надежность	Общение	Мобильность	Гибкость
Социально-демографические характеристики							
Женский пол	-0,130***	-0,185***	-0,035	0,097***	0,107***	-0,008	-0,054*
Проживание в общежитии	0,151***	-0,043	-0,049	0,002	0,017	0,102**	-0,051
Проживание с родителями	-0,017	-0,078**	-0,091**	-0,061*	-0,077**	0,012	-0,009
Образовательные характеристики							
<i>Направление обучения: Инженерное дело, технологии и технические науки — реф. группа</i>							
Математические и естественные науки	0,091**	-0,061	0,006	0,058	0,097**	0,109***	-0,061
Социальные науки	0,193***	-0,106***	-0,110***	-0,050	0,272***	0,059*	0,151***
Курс	-0,037***	-0,047***	-0,017	0,081***	0,008	-0,057***	0,001
Уровень успеваемости	-0,001	0,029**	0,026**	0,002	-0,054***	-0,0003	-0,084***
Трудовые характеристики							
Работа в университете	0,155**	0,131*	-0,103	0,063	0,106	0,060	0,107
Работа вне университета (менее 20 часов в неделю)	-0,122***	0,151***	0,017	-0,064*	0,039	0,067*	0,017
Работа вне университета (более 20 часов в неделю)	-0,197***	0,236***	0,117**	-0,001	0,192***	0,203***	0,057
Константа	0,105*	0,145**	0,054	-0,216***	0,004	0,027	0,287***
R ²	0,021	0,023	0,007	0,015	0,028	0,009	0,016

Примечание: В таблице представлены коэффициенты регрессии; уровень значимости обозначается:
* $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$.

Параметры модели: R Square

Заключение

Целью статьи было выявление трудовых ценностей бакалавров восьми российских региональных вузов, а также дифференциация вероятности распространенности этих ценностей среди студентов с различными социально-демографическими, образовательными и трудовыми характеристиками.

Анализ ответов на вопрос о важных аспектах будущей работы показал отсутствие единого комплекса трудовых ценностей среди будущих работников и разно-

направленность их ориентаций. Среди наиболее значимых характеристик работы студенты выбрали две конкурирующие между собою ценности: внешнюю (высокий уровень зарплаты) и внутреннюю (личная заинтересованность в работе). Вторыми по значимости ценностями стали надежность работы, соответствие работы знаниям и способностям, карьерный рост и дружный коллектив. Далее были выделены наиболее типичные среди всех опрошенных студентов наборы трудовых ценностей. С помощью факторного анализа автор выявила семь типов трудовых ценностей студентов, два из которых отражают ценности внутренние (общественная полезность, саморазвитие), а пять — внешние (материальное продвижение, надежность, общение, мобильность и гибкость).

Регрессионный анализ продемонстрировал дифференциацию распространности трудовых ценностей среди студентов в зависимости от пола, типа проживания, направления и курса обучения, уровня успеваемости студента, а также наличия работы внутри университета или вне его. Первая гипотеза о большей склонности девушек к коллективистским трудовым ценностям подтвердилась лишь частично. Оказалось, что студентки с меньшей вероятностью ориентируются как на индивидуалистические, так и на коллективистские внутренние трудовые ценности. Согласно зарубежной литературе, они с большей вероятностью склонны ценить надежность рабочего места и благожелательную коммуникационную среду [Balsamo, Lauriola, Saggino, 2013; Johnson, 2001, 2005]. Меньшая ориентация девушек на гибкий график соотносится с их повышенной ориентацией на стабильность работы и общение с коллективом, что, однако, отчасти не согласуется с общей картиной более высокой, по сравнению с мужчинами, ориентации женщин на частичную занятость и гибкий график [Cennamo, Gardner, 2008; Twenge et al., 2010]. Данное противоречие может быть объяснено большей вовлеченностью в работу на полный рабочий день среди российских девушек, чем среди юношей [Poplavskaya, 2021], а также тем, что в настоящем исследовании опрашивались студентки, которые во время обучения в вузе могли ориентироваться на четкий график, а в дальнейшем, при изменении социальных ролей (вступление в брак, появление детей и т. п.), переориентироваться на гибкость. Данный результат также важен с точки зрения измерения первоначальных намерений девушек и юношей, будущих высококвалифицированных работников российского рынка труда, в отношении их представлений об организации своей работы. По результатам данного исследования девушки выглядят чуть более консервативными и ориентированными на надежность рабочих позиций.

Вторая гипотеза не подтвердилась. Тип проживания отчасти влияет на наличие или отсутствие тех или иных трудовых ценностей у студентов. Фактор «проживания с родителями» не показал четко интерпретируемых результатов, а фактор «проживания в общежитии» показал взаимосвязь с ориентацией на общественную пользу или на мобильность. Можно предположить, что траектория зависит от большего или меньшего включения студента в общение со своими сверстниками, а также характера взаимоотношений с ним. Однако данный результат нуждается в дальнейшем объяснении в рамках качественных исследований.

Третья гипотеза нашла свое подтверждение в опросных данных. Действительно, работа в университете повышает вероятность наличия внутренних коллективист-

ских трудовых ценностей у студентов и способствует восприятию работы как общественного долга. При этом работа вне университета во время получения высшего образования формирует у студентов внутренние индивидуалистические ценности саморазвития, отчасти стимулируя их обретать новые знания и навыки вне университета, но не ориентирует на полезность труда, и повышает вероятность желательности трудовой мобильности.

Четвертая гипотеза о приверженности студентов инженерных специальностей внутренним трудовым ценностям подтвердилась лишь частично. Регрессионный анализ показал, что студенты инженерных специальностей действительно в большей степени, чем другие, ориентированы на саморазвитие и ими руководит интерес к содержательной стороне трудовой деятельности. Однако, не они, а студенты, обучающиеся по направлению «Социальные науки», показали большую ориентацию на общественную пользу работы, общение с людьми, и меньшую ориентацию на заработок, что соответствует зарубежным исследованиям, выявившим альтруистическую направленность ценностных ориентиров студентов гуманитарных специальностей [Balsamo, Lauriola, Saggino, 2013].

Пятая гипотеза подтвердилась: обучение студента на старших курсах понижает вероятность наличия у него внутренних трудовых ценностей и повышает вероятность его ориентации на надежные рабочие позиции, что полностью согласуется с результатами зарубежных исследований [Chow, Galambos, Krahn, 2017; Johnson, Monserud, 2012; Johnson, 2001; Jin, Rounds, 2012].

Шестая гипотеза подтвердилась частично: получение более высоких оценок студентами повышает вероятность их ориентации на саморазвитие, а также на высокий заработок и карьерный рост. При этом более академически успешные студенты менее склонны придавать важность гибкому графику, что противоречит современным западным представлениям о запросе высококвалифицированных работников на гибкость организации труда [Spreitzer, Cameron, Garrett, 2017]. Они скорее ориентируются на надежную работу с определенным графиком, предоставляющую возможности повышения заработка и карьерных позиций.

Среди главных ограничений исследования можно назвать абстрактность трудовых ценностей и сложность их измерения. В настоящем исследовании был использован стандартный подход: вопрос о важности различных аспектов работы для студента. Анализ ответов помогает выявить фундамент мотивационной системы будущих высококвалифицированных работников российского рынка труда. Как работодателям, так и руководству высших учебных заведений важно иметь представление о ценностной системе, которая формируется у российской молодежи в рамках обучения в вузе, в том числе об ориентирах студентов относительно их будущей работы. Вторым ограничением является сам объект исследования: студенты как молодые люди без полноценного опыта работы. Могут ли трудовые ценности, которые они считают значимыми сегодня, повлиять на их карьерные траектории завтра? Действуют ли обнаруженные взаимосвязи между наличием работы во время учебы и наличием тех или иных трудовых ценностей только в одном направлении, а именно является ли наличие тех или иных трудовых ценностей следствием опыта работы или же сам выбор в пользу работы во время учебы и выбор работы внутри университета или вне его, связаны с наличием тех

или иных трудовых ценностей? Это отдельные исследовательские вопросы, ответы на которые можно получить с помощью проведения лонгитюдных исследований, которые автор планирует реализовать в следующих работах. Отдельным аргументом может быть выделен тот факт, что современная молодежь придерживается концепции «lifelong learning» (непрерывное образование), и изучение трудовых ценностей работающих во время обучения студентов представляет особую важность в текущем контексте, когда молодежь активно сочетает или планирует сочетать работу и учебу. При этом в настоящем исследовании у 38% студентов на момент опроса была оплачиваемая работа, а в качестве отдельной и новой исследовательской задачи были рассмотрены корреляции между типом работы (в университете или вне его) и наличием двух типов трудовых ценностей студентов (внутренних и внешних).

Понимание отличий в трудовых ценностях сегодняшних студентов также важно для выстраивания эффективного диалога с ними со стороны факультетов, повышения вовлеченности в учебу, а также для модификации учебных программ и образовательного процесса [Maloni, Hiatt, Campbell, 2019; Ng, Schweitzer, Lyons, 2010]. Вопрос о том, должен ли университет ставить своей задачей формирование внутренней трудовой мотивации у будущих высококвалифицированных работников умственного труда, остается открытым. В любом случае, изначальное понимание трудовых ценностей современных российских студентов, обучающихся на программах разных направленностей, необходимо для мотивирования будущих работников различных сфер отечественного рынка труда и поддержания успешности их перехода от учебы к работе.

Среди основных направлений будущих исследований можно выделить изучение трудовых ценностей выпускников российских вузов. Молодые люди будут примерять на себя новые социальные роли, приоритеты в сфере труда неизбежно будут меняться. Однако процесс этих изменений поддается наблюдению, и исследователям важно понимать, как российский рынок труда меняет ценностные ориентиры выпускников с теми или иными социально-демографическими, образовательными и предшествующими трудовыми характеристиками.

Список литературы (References)

Андрианова Е. В., Тарасова А. Н., Печеркина И. Ф. Мотивы и трудовые ценности молодежи: парадоксы развития // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 324—343. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.17>.

Andrianova E. V., Tarasova A. N., Pecherkina I. F. (2018) Motives and Work Values of Youth: Paradoxes of Development. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 324—343. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.17>. (In Russ.)

Бабинцев В. П., Реутов Е. В. Самоорганизация и атомизация молодежи как актуальные формы социокультурной рефлексии // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 109—115. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2010-1/Babinzev_Reutov.pdf (дата обращения: 12.04.2022).

Babintsev V. P., Reutov E. V. (2010) Self-Organization and Atomization of Youth as Actual Forms of Socio-Cultural Reflection. *Social Research*. No. 1. P. 109—115. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2010-1/Babinzev_Reutov.pdf (accessed: 12.04.2022). (In Russ.)

Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга (ЦСПиМ), 2010.

Gorshkov M. K., Sheregi F. E. (2010) Russia's Youth: A Sociological Portrait. Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing (CSFaM). (In Russ.)

Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. Молодежь России. М.: Московская школа политических исследований, 2011.

Gudkov L., Dubin B., Zorkaya N. (2011) Youth of Russia. Moscow: Moscow School of Political Studies. (In Russ.)

Казарина-Волшебная Е. К., Комиссарова И. Г., Турченко В. Н. Парадоксы трансформации ценностных ориентаций российской молодежи // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 121—126. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2012_6/Kazarina.pdf (дата обращения: 12.04.2022).

Kazarina-Volshebnyaya E. K., Komissarova I. G., Turchenko V. N. (2012) Paradoxes of the Transformation of the Value Orientations of Russian Youth. *Social Research*. No. 6. С. 121—126. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2012_6/Kazarina.pdf (accessed: 12.04.2022). (In Russ.)

Козина И. М., Виноградова Е. В. Молодые инженеры: трудовые ценности и профессиональная идентичность // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 1. С. 215—230. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.1.08>.

Kozina I. M., Vinogradova E. V. (2016) Young Engineers: Labor Values and Professional Identity. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 215—230. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.1.08>. (In Russ.)

Кошарная Г. Б., Корж Н. В. Ценностные ориентации студенческой молодежи в трудовой сфере // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2013. № 2. С. 58—64. URL: https://izvuz_on.pnzgu.ru/on9213 (дата обращения: 12.04.2022).

Kosharnaya, G. B., Korzh N. V. (2013) Value Orientations of Student Youth in the Labor Sphere. *News of Higher Educational Institutions. Volga Region. Social Sciences*. No. 2. URL: https://izvuz_on.pnzgu.ru/on9213 (accessed: 12.04.2022). (In Russ.)

Магун В. С. Динамика трудовых ценностей российских работников, 1991—2004 гг. // Российский журнал менеджмента. 2006. Т. 4. № 4. С. 45—74. URL: <https://rjm.spbu.ru/article/view/639> (дата обращения: 12.04.2022).

Magun V. S. (2006) Dynamics of Labor Values of Russian Workers, 1991—2004. *Russian Journal of Management*. Vol. 4. No. 4. P. 45—74. URL: <https://rjm.spbu.ru/article/view/639> (accessed: 12.04.2022). (In Russ.)

Магун В. С. Как меняются российские трудовые ценности // Отечественные записки. 2007. № 3. С. 98—117.

Magun V. S. (2007) How Russian Labor Values Are Changing. *Otechestvennyye Zapiski*, No. 3. P. 98—117 (In Russ.)

Магун В. С., Энговатов М. В. (2006) Динамика притязаний и изменение ресурсных стратегий молодежи (1985—2005 гг.) // Отечественные записки. 2006. № 3. С. 76—96.

Magun V. S., Engovatov M. V. (2006) Dynamics of Aspirations and Changes in Youth Resource Strategies (1985—2005. *Otechestvennyye zapiski*. 2006. No. 3. P. 76—96. (In Russ.)

Пакина Т. А. Трудовые ценности и установки современных студентов (на материале социологического исследования) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 3. С. 120—131. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2014-0-3-120-131>.

Pakina T. A. (2014) Labor Values and Attitudes of Today's College Students on the Material of Sociological Research. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. No. 3. P. 120—131. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2014-0-3-120-131>. (In Russ.)

Поплавская А. А., Соболева Н. Э. Удовлетворенность различными аспектами работы мужчин и женщин в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 5. С. 271—288. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.15>.

Poplavskaya A. A., Soboleva N. E. (2017) Men's and women's satisfaction with various job aspects in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 271—288. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.15>. (In Russ.)

Поплавская А. А., Соболева Н. Э. Реализация достижительных мотивов мужчин и женщин на рынках труда разных стран мира // Экономическая социология. 2019. Т. 20. № 2. С. 52—85. URL: https://ecsoc.hse.ru/2019-20-2/annot.html#doc_257809931 (дата обращения: 12.04.2021).

Poplavskaya A., Soboleva N. (2019) Realization of Male and Female Achievement Motives in the Labor Markets across the World. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 20. No. 2. P. 52—85. URL: https://ecsoc.hse.ru/2019-20-2/annot.html#doc_257809931 (accessed: 12.04.2021). (In Russ.)

Рабочий и инженер: Социальные факторы эффективности труда / под ред. Шкаратана О. И. М.: Мысль, 1985.

Shkaratan O. I. (Ed.). (1985). *Worker and Engineer: Social Factors of Labor Efficiency*. Moscow: Mysl. (In Russ.)

Ретивина В. В. Трудовые ценности и установки современной студенческой молодежи // Высшее образование в России. 2019. Т. 29. № 1. С. 57—63. URL: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-1-57-63>.

Retivina V. V. (2019) Work Values and Attitudes of Modern Student Youth. Higher Education in Russia Vol. 29. No 1. P. 57—63. URL: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-1-57-63>. (In Russ.)

Российская молодежь: образование и наука. М.: НИУ ВШЭ, 2017. URL: <https://issek.hse.ru/news/211255586.html> (дата обращения: 12.04.2021).

Russian Youth: Education and Science (2017) Moscow: NRU HSE. URL: <https://issek.hse.ru/news/211255586.html> (accessed: 12.04.2021). (In Russ.)

Сотникова А. В. Ценность труда в иерархии ценностей студенческой молодежи в контексте формирования профессиональной мотивации (на примере Юга России) // Общество и право. Т. 33. № 1. С. 262—268.

Sotnikova A. V. (2011) The Value of Labor in the Hierarchy of Student Youth Values in the Context of the Formation of Professional Motivation (On the Example of the South of Russia). *Society and Law*. Vol. 33. No. 1. P. 262—268. (In Russ.)

Социально-психологический портрет инженера: по материалам обследования инженеров ленинградских проектно-конструкторских организаций / под ред. Ядова В. А. М.: Мысль, 1997.

Yadov V. A. (Ed.) (1977) Socio-Psychological Portrait of an Engineer: Based on a Survey of Engineers from Leningrad Design Organizations. Moscow: Mysl. (In Russ.)

Стребков Д. О., Шевчук А. В. Трудовые ценности самостоятельной и организационной занятости // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 81—93. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jn=socis&jn=socis&jid=6518 (дата обращения: 22.04.2021).

Strebkov D. O., Shevchuk A. V. Work Values of Self-Employment and Organizational Employment. *Social Research*. 2017. No. 1. P. 81—93. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jn=socis&jn=socis&jid=6518 (accessed: 22.04.2021). (In Russ.)

Твенге Д. Поколение I / пер. с англ. А. Толмачева. М.: РИПОЛ классик, 2019.

Twenge D. (2019) Generation I / Transl. from English by A. Tolmachev. Moscow: RIPOL Classic. (In Russ.)

Чередниченко Г. А., Шубкин В. Н. Молодежь вступает в жизнь (социологические исследования проблем выбора профессии и трудоустройства). М.: Мысль, 1985. Cherednichenko G. A., Shubkin V. N. (1985) The Youth Are Taking Over (Sociological Research on the Choice Problems of Profession and Employment). Moscow: Mysl. (In Russ.)

Balsamo M., Lauriola M., Saggino A. (2013) Work Values and College Major Choice. *Learning and Individual Difference*. Vol. 24. P. 110—116. <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2012.12.022>.

Cennamo L., Gardner D. (2008) Generational Differences in Work Values, Outcomes and Person-Organization Values Fit. *Journal of Managerial Psychology*. Vol. 23. No. 8, P. 891—906. <https://doi.org/10.1108/02683940810904385>

Chow A., Galambos N. L., Krahn H. J. (2017) Work Values During the Transition to Adulthood and Mid-Life Satisfaction: Cascading Effects across 25 Years. *International Journal of Behavioral Development*. Vol. 41/ No.1. P. 105—114. <https://doi.org/10.1177/0165025415608518>.

Hitlin S., Piliavin J. A. (2004) Values: Reviving a Dormant Concept. *Annual Review of Sociology*. Vol. 30. No. 1. P. 359—393. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.30.012703.110640>.

Hyman H. H., Wright C. R. (1979) Education's Lasting Influence on Values. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Jin J., Rounds J. (2012) Stability and Chance in Work Values: A Meta-Analysis of Longitudinal Studies. *Journal of Vocational Behavior*. Vol. 80. No. 1. P. 326—339.

Johnson M. K. (2001) Change in Job Values during the Transition to Adulthood. *Work and Occupations*. Vol. 28. No. 3. P. 315—345.

Johnson M. K. (2005) Family Roles and Work Values: Processes of Selection and Change. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 67. No. 2. P. 352—369. <http://dx.doi.org/10.1111/j.0022-2445.2005.00121.x>.

Johnson M. K., Elder Jr. G. H. (2002) Educational Pathways and Work Value Trajectories. *Sociological Perspectives*. Vol. 45. No. 2. P. 113—138.

Johnson M. K., Monserud M. A. (2012) Work Value Development from Adolescence to Adulthood. *Advances in Life Course Research*. Vol. 17. No. 2. P. 45—58. <http://dx.doi.org/10.1016/j.alcr.2012.02.002>.

Johnson M. K., Mortimer J. T., Lee J. C., Stern M. J. (2007) Judgments about Work: Dimensionality Revisited. *Work and Occupations*. Vol. 34. No. 3. P. 290—317. <http://dx.doi.org/10.1177/0730888407303182>.

Kasser T., Koestner R., Lekes N. (2002) Early Family Experiences and Adult Values: A 26-Year, Prospective Longitudinal Study. *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 28. No. 6. P. 826—835. <http://dx.doi.org/10.1177/0146167202289011>.

Kohn M. L., Schoenbach C. (1993) Social Stratification, Parents Values and Childrens Values. *New Directions in Attitude Measurement*. New York, NY. Berlin: Walter de Gruyter.

Krahn H. J., Galambos N. L. (2014) Work Values and Beliefs of “Generation X” and “Generation Y”. *Journal of Youth Studies*. Vol. 17. No. 1. P. 92—112. <http://dx.doi.org/10.1080/13676261.2013.815701>.

Lechner C. M., Sortheix F. M., Göllner R., Salmela-Aro K. (2017) The Development of Work Values During the Transition to Adulthood: A Two-Country Study. *Journal of Vocational Behavior*. Vol. 99. P. 52—65.

Maloni M., Hiatt M. S., Campbell S. (2019) Understanding the Work Values of Gen Z Business Students. *The International Journal of Management Education*. Vol. 17. No. 3. <http://dx.doi.org/10.1016/j.ijme.2019.100320>.

Mortimer J. T., Lorence J. (1979) Work Experience and Occupational Value Socialization: A Longitudinal Study. *American Journal of Sociology*. Vol. 84. P. 1361—1385.

Ng E. S.W., Schweitzer L., Lyons S. T. (2010) New Generation, Great Expectations: A Field Study of the Millennial Generation. *Journal of Business and Psychology*. Vol. 25. No. 2. P. 281—292. <http://dx.doi.org/10.1007/s10869-010-9159-4>.

Papavasileiou E., Lyons S., Shaw G., Georgiou A. (2017) Work Values in Tourism: Past, Present and Future. *Annals of Tourism Research*. Vol. 64. P. 150—162. <http://dx.doi.org/10.1016/j.annals.2017.03.007>.

Parry E., Urwin P. (2011) Generational Differences in Work Values: A Review of Theory and Evidence. *International Journal of Management Reviews*. Vol. 13. No. 1. P. 79—96. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1468-2370.2010.00285.x>.

Poplavskaya A. (2021) Differences in Employment Patterns Between Young Men and Women: Cross-National Comparison of Dynamics in Post-Soviet Countries. In: Karabchuk T., Kumo K., Gatskova K; Skoglund E. (eds.) *Gendering Post-Soviet Space: Demography, Labor Market and Values in Empirical Research*. Singapore: Springer. P. 73—89. https://doi.org/10.1007/978-981-15-9358-1_4.

Porfeli E. J. (2007) Work Values System Development During Adolescence. *Journal of Vocational Behavior*. Vol. 70. No. 1. P. 42—60. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jvb.2006.04.005>.

Ryan R. M., Deci E. L. (2000) Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being. *American Psychologist*. Vol. 55. P. 68—78. <http://dx.doi.org/10.1037/0003-066X.55.1.68>.

Spates J. L. (1983) The Sociology of Values. *Annual Review of Sociology*. Vol. 9. No. 1. P. 27—49.

Spreitzer G. M., Cameron L., Garrett L. (2017) Alternative Work Arrangements: Two Images of the New World of Work. *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*. No. 4. P. 473—499. <http://dx.doi.org/10.1146/annurev-orgpsych-032516-113332>.

Twenge J. M., Campbell S. M., Hoffman B. J., Lance C. E. (2010) Generational Differences in Work Values: Leisure and Extrinsic Values Increasing, Social and Intrinsic Values Decreasing. *Journal of Management*. Vol. 36. No. 5. P. 1117—1142.

Приложение

Характеристики респондентов (N = 5002)

Характеристики респондента		Процент
Пол	Мужской	38
	Женский	62
Место проживания	С родителями	49
	В общежитии	28
	В съемной квартире/комнате/доме отдельно от родителей	12
	В своей квартире/доме отдельно от родителей	10
Направление обучения	Инженерное дело, технологии и технические науки	52
	Математические и естественные науки	17
	Социальные науки	30
Курс обучения	1 курс	30
	2 курс	27
	3 курс	22
	4 курс	18
	5 курс	3
Уровень успеваемости	Преимущественно удовлетворительные	7
	В основном хорошо и удовлетворительно	16
	В основном отлично и хорошо, но были и удовлетворительные оценки	21
	Только отлично и хорошо	39
	Только отличные оценки	18
Наличие работы	В университете	4
	Вне университета (до 20 часов в неделю)	22
	Вне университета (более 20 часов в неделю)	12

DOI: [10.14515/monitoring.2022.2.2068](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2068)

М. В. Картузова

КОНКУРЕНТНЫЕ СТРАТЕГИИ ФРИЛАНСЕРОВ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА НА ЭЛЕКТРОННЫХ ТРУДОВЫХ ПЛАТФОРМАХ

Правильная ссылка на статью:

Картузова М. В. Конкурентные стратегии фрилансеров старшего возраста на электронных трудовых платформах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 207—222. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2068>.

For citation:

Kartuzova M. V. (2022) Competitive Strategies of Older Age Freelancers at the Digital Labor Platforms. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 207–222. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2068>. (In Russ.)

КОНКУРЕНТНЫЕ СТРАТЕГИИ ФРИЛАНСЕРОВ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА НА ЭЛЕКТРОННЫХ ТРУДОВЫХ ПЛАТФОРМАХ

КАРТУЗОВА Мария Владимировна — стажер-исследователь Международной лаборатории прикладного сетевого анализа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: mariakartuzova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8444-2938>

Аннотация. В статье анализируются стратегии поведения фрилансеров старших возрастов, конкурирующих с более молодыми исполнителями при получении заказов посредством электронных трудовых платформ. На таких платформах самозанятые предлагают свои услуги, как правило, на разовые работы за денежное вознаграждение и в рамках правил, которые модерированы и поддерживаются информационной системой с помощью компьютерных алгоритмов. Это своего рода «витрина»: с одной стороны, стандартизированных анкет продавцов услуг (с описанием их навыков и предшествующего опыта, портфолио с отзывами, спектра выполняемых задач), а с другой — анкет клиентов с заявками на выполнение тех или иных работ.

Эмпирическую базу исследования составили 20 полуструктурированных интервью с самозанятыми в возрасте от 50 до 73 лет, проживающими в России. Наши информанты зарабатывают на жизнь репетиторством, переводом, написанием дипломов, созданием и продвижением сайтов, а также продажей фотоматериалов для стоковых площадок.

COMPETITIVE STRATEGIES OF OLDER AGE FREELANCERS AT THE DIGITAL LABOR PLATFORMS

Maria V. KARTUZOVA¹ — Research Assistant at the International Laboratory for Applied Network Research
E-MAIL: mariakartuzova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8444-2938>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The article analyzes the behavioral strategies of older freelancers, aimed at helping them to compete with younger workers at the digital labor platforms. On such platforms, the self-employed offer their services mostly for one-time jobs for a monetary reward and within the framework moderated and supported by an information system using computer algorithms. This system can be seen as a kind of “showcase”: on the one hand, we have standardized questionnaires of service providers (with a description of their skills and previous experience, a portfolio with reviews, a range of tasks performed), and on the other hand, customer requests for certain works.

Empirically, the study bases on the materials of 20 semi-structured interviews with self-employed people aged 50 to 73 living in Russia. Our informants earn a living by tutoring, translating, writing diplomas, creating and promoting websites, as well as selling photo materials for stock sites.

Based on the results of the analysis of semi-structured interviews, the author identifies and discusses several categories, namely, the perception of com-

По итогам анализа полуструктурированных интервью в работе выделяются и анализируются несколько категорий — восприятие конкуренции на платформе через призму возраста фрилансера и концептов стратегии, ведущей к получению заказа: инвентаризация собственного накопленного человеческого капитала, «подсматривание идей» у молодых и формирование пула постоянных клиентов с целью отказа от дальнейшего использования цифровой платформы.

Ключевые слова: самозанятость, фрилансеры, цифровые трудовые платформы, старший возраст, пенсионеры, конкурентная разведка

Благодарность. Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ (РФФИ) № 20-011-00587.

petition on the platform through the prism of the age of a freelancer and the concepts of a strategy leading to obtaining an order: an inventory of one's own accumulated human capital, "spying on ideas" from younger providers, and forming a pool of regular customers in order to refuse from further use of the digital platform.

Keywords: self-employment, freelancers, digital labor platform, older age, retiree, espionage

Acknowledgments. The study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project number 20-011-00587.

Введение

Согласно предварительным сведениям Росстата за 2020 г., в России средний размер назначенных пенсий составляет 29% от среднего размера начисленной заработной платы работников организаций. Принимая во внимание тенденцию к увеличению продолжительности жизни в сочетании с замедлением денежных межпоколенческих трансфертов (на одного пенсионера приходится менее двух работников в трудоспособном возрасте)¹, мы видим, что население старшего возраста не может позволить себе перестать работать, так как это оставит его без средств к существованию. И хотя в научной литературе по-прежнему нет четкого определения людей старшего возраста, опираясь на обзор [Картузова, 2020], будем считать таковыми людей в возрасте от 50 лет, так как они наравне с людьми пенсионного возраста не являются для работодателей привлекательными при найме на работу [Козина, Зангиева, 2018].

В свою очередь, официальный рынок труда относится к таким работникам неоднозначно. При снижении количества трудоспособного населения и в малопривлекательных отраслях люди старшего возраста остаются востребованными [Клепикова, Колосницына, 2017], но в отраслях, где работодатель имеет возможность выбирать, предпочтение отдается более молодым. Работники старшего

¹ Старшее поколение // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 20.04.2022).

возраста, напротив, попадают в зону риска быть уволенными или вытесняются в те области рынка, где работодателю недоступна, а также неважна информация об их качествах, делающих их уязвленными [Тагаров, 2019].

Итогом такого вытеснения с традиционного рынка труда могут послужить разные трудовые стратегии. Одна из них — самозанятость, организованная посредством цифровых платформ. С помощью этих платформ самозанятые исполнители могут находить заказчиков по всему миру, вне зависимости от места своего фактического нахождения, и получать вознаграждение за разовые реализованные проекты в различных областях (копирайтинг, репетиторство, разработка сайтов и др.). Платформа в данном случае выполняет множество ролей: от интегратора — управителя процессом встречи заказчика и исполнителя до арбитра в разрешении спорных вопросов, возникших между сторонами при работе над проектом [Шевчук, 2020]. Для активации «контракта» с цифровой платформой исполнителю достаточно заполнить формализованную анкету-профиль, минимально подтвердив уровень своих компетенций путем предоставления ранее выполненных работ (портфолио) или документов об образовании. Ввиду того, что цифровые платформы довольно просты в использовании и устраняют многие барьеры при входе на рынок труда, такой способ заработка привлекателен не только для людей старшего возраста, но и для других групп, испытывающих проблемы при трудоустройстве (молодежь, женщины с маленькими детьми, люди с ограниченными возможностями и др.).

Согласно открытой статистике, которую публикует на своей главной странице FL.ru, на этой платформе ежедневно размещается около 1500 заказов, при этом количество потенциальных исполнителей, по-видимому, исчисляется сотнями тысяч². Дефицит спроса на фоне избыточного предложения труда обуславливает серьезную конкуренцию между потенциальными исполнителями. Свою лепту в увеличение количества потенциальных исполнителей внесла пандемия COVID-19 [Семенова, 2020], но и без нее количество тех, кто пробует себя в удаленной работе посредством цифровых платформ, увеличивается с каждым годом, включая возрастающую долю более старших возрастных групп. Так, по имеющимся данным, доля фрилансеров среди работоспособного населения старше 40 лет выросла с 5,6% в 2009 г. до 20,8% в 2019 г. [Shevchuk, Strebkov, 2021]. И хотя общей официальной статистики по самозанятым в России нет, а государство только прорабатывает механизмы их учета с целью налогообложения и обеспечения минимальных социальных гарантий, имеется возрастающий тренд, показывающий рост количества таких людей год от года [Титова, Зиглина, 2020]. Поэтому важно понять, как люди старших возрастов чувствуют себя на новых цифровых рынках труда — довольно открытых на вход, но весьма конкурентных. В данной статье мы рассмотрим, какие стратегии используют фрилансеры старших возрастов в стремлении получить заказ на цифровых платформах.

Вначале мы обсудим центральную категорию конкуренции через анализ научной литературы и эмпирическое осмысление транскриптов интервью. Затем добавим в разговор маркирующие нарративы, что позволит нам выделить выбранные стратегии поведения при борьбе за получение заказов.

² На платформе зарегистрировано около 1 млн исполнителей, однако не все они активны. См.: <https://www.fl.ru/> (дата обращения: 20.04.2022).

Методология и данные

Исследование выполнено в русле качественной методологии. На полевом этапе сбора интервью мы работали с концептом конкуренции, которая отмечается в литературе как серьезное препятствие для фрилансера вне зависимости от возраста [Стребков, Шевчук, Спирина, 2015]. Нам же хотелось выделить возрастную специфику этого феномена для фрилансеров старшего возраста и обратить внимание на переживания людей этого возраста при работе посредством цифровых трудовых платформ. Данные собирались в два этапа.

На первом были собраны 10 полуструктурированных интервью с самозанятыми в возрасте от 50 до 73 лет, которые находят заказы через цифровые платформы. Все информанты на момент интервью постоянно проживали на территории России и были найдены посредством общедоступного фильтра по возрасту в социальной сети «ВКонтакте», а также через тематические онлайн-сообщества той же сети. Это позволило не концентрироваться только на одной платформе, как ранее делалось в других работах [там же], а получить информантов с более широким опытом. В среднем наши информанты легко называли пять-семь цифровых платформ, на которых когда-либо были зарегистрированы, однако часто упоминали, что активно получают заказы только с одной-двух.

Наши информанты проживали в разных городах России от Калининграда до Новосибирска, поэтому интервью с ними проводились по телефону или с помощью Skype (в период с сентября 2019 по начало 2021 г.). Этот этап позволил выделить концепт, описывающий необходимость инвентаризации накопленного человеческого капитала будущего фрилансера, происходящую в процессе вытеснения из традиционной занятости в найме и переходе к самозанятости. Это привело нас к добавлению дополнительного блока вопросов, описывающих опыт работы с платформами и обучения недостающим навыкам работы.

На втором этапе, в ходе которого были собраны еще 10 полуструктурированных интервью, мы сосредоточили внимание на рабочих практиках, приносящих заказы самозанятым, таких как «подглядывание» с последующим копированием практик более молодых фрилансеров и желание накопить пул постоянных клиентов, чтобы больше не использовать цифровые платформы для поиска новых заказов. Информанты на втором этапе отбирались по тем же критериям.

Конкуренция в интерпретации фрилансера старшего возраста

В процессе сбора интервью наши информанты сообщали, что перешли во фриланс по причине неспособности конкурировать с другими работниками в найме:

Я работала в мэрии города и попала под сокращение. Но там периодически происходят сокращения госслужащих с самых мелких должностей. Ну, и пришлось, так сказать, что-то придумывать. Ну, я в принципе как... У меня уже были кое-какие наметки перед увольнением, то есть сокращением. То есть перешла на такой режим в качестве интернет-работницы. (ИБ, 53 года, переводчик)

Такого рода потеря привлекательности работника для традиционного рынка труда ведет к переосмыслению и перестройке всей жизни и уклада новоиспечен-

ного фрилансера. Это переосмысление может изменить не только уровень потребления, но и стратегии достижения успеха в работе. Так, люди старшего возраста могут соглашаться на работу, в том числе и самозанятость, которая оплачивается ниже, нежели аналогичные задачи, выполняемые ими в найме, пытаясь за счет более низкой оплаты своих услуг стать для нового рынка более привлекательными. Информанты проводят интересную дихотомию: с одной стороны, они отмечают, что немногие имеют тот же уровень заработка во фрилансе или выше, что и при работе в найме, но, с другой стороны, они говорят о сокращении своих потребностей по причине отсутствия необходимости демонстрировать принадлежность к конкретному социальному кругу посредством обладания конкретными вещами [Веблен, 2011]:

Я на самом деле до сих пор не достигла того уровня, который был на моей последней работе. Оттуда я уволилась как раз в феврале 2013 года. [Прошло] 7 лет. Я зарабатываю меньше, но я и трачу меньше. Мне не нужны никакие наряды, чтобы идти на работу. Мне не надо тратить на транспорт, обед и уже на детей. (И1, 53 года, иллюстратор)

Кроме того, такой выбор в большей степени коррелирует с установкой на общую удовлетворенность собственной жизнью, нежели с большим заработком [Zhao et al., 2021], хотя и выбирается человеком именно для самообеспечения:

Такая работа, надо было работать и, естественно, зарплата [в найме] была больше. Сейчас я для себя делаю. Я сама определяю, насколько на данный момент мне нужны деньги и, соответственно, сколько мне необходимо заработать, и исходя из этого работаю. (И5, 55 лет, копирайтер)

Но пересмотр уровня жизни невозможен, если не поддерживается ближайшим окружением или обществом в целом, которые диктуют приемлемые модели поведения в зависимости от возраста. Поэтому такая «вторая и последующая карьера» после выхода на пенсию становится возможной, только если общество не стигматизирует концепцию «возрастного работника» [Phillipson, 2019]. В России стигма пока еще присутствует, информанты много говорили о ярлыках с негативной коннотацией, которыми награждает их общество в соответствии с их возрастом:

Мне ответили, что я не впишусь в их молодой и сплоченный коллектив. А я себя бабушкой не ощущаю. Но все видят бабушку и ожидают, что она будет кого-то учить. А ей бы тут самой разобраться, что к чему. Мне только 50 лет, и я совершенно не знаю, что я буду делать дальше. (И17, 50 лет, фотограф)

Правила поведения человека, соответствующие конкретному возрасту, одобряемые обществом, изменчивы, так как оно само меняется и готово воспринимать новые практики, со временем, становясь к ним терпимее. Наравне с негативной коннотацией характеристик своего возраста респонденты отмечали, что в российском обществе уже запущен процесс на нормализованное восприятие

«возрастного работника», поэтому респонденты мудро отмечают, что необходимо укоренение в сознании:

Не знаю. Нам всем нужно время. Время меняется. Вот уже в рекламе Tele2 молодежь дедушка. И я думаю, что постепенно и принятие придет. (И17, 50 лет, фотограф)

В ходе обсуждения текущей деятельности фрилансера конкуренция как проблема получения новых заказов неоднократно озвучивалась, однако до конца всеми информантами не осознавалась. И наш исследовательский интерес к ощущению конкуренции с молодыми в области фриланса и расстановке сил (кому легче получить заказ — молодым или возрастным?) находил отражение в таких нарративах. Информанты утверждали, что, выиграв однажды конкурентную борьбу и сформировав пул постоянных клиентов, обеспечивающих большую часть заказов, далее уже не ощущают конкуренцию:

Я недавно читала исследование этого [фрилансерского], книгу, что ли, какую-то. И там сказано, что если человек адекватный и сервис развивается в стране, то новые люди, конечно, приходят. Но я не чувствую конкуренции. У меня все заказчики, которых я раньше нашла, они все со мной остались. (И6, 53 года, переводчик)

Конечно, чувствую [конкуренцию]... Приходит заказчик, я с ним разговариваю, потом он уходит на две недели. Через две недели приходит и говорит, что «вы знаете, я поговорил еще с другими компаниями и решил остановиться на вас». (И15, 59 лет, разработчик сайтов)

Осознание конкуренции респондентами и отмечание ее как важного препятствия для получения заказа в прошлых исследованиях [Стребков, Шевчук, Спирина, 2015] навело нас на идею добавить дополнительный блок вопросов при проведении второго этапа сбора интервью, а использование личной экспертизы было маркировано как еще одна из возможных стратегий для старшего возраста, чтобы получить заказ на платформе.

Дополнительно обращает на себя внимание то, что правила пользования цифровыми трудовыми платформами уже учитывают составляющую соревновательности и конкуренции. Она как бы вшита в структуру социальных взаимодействий, поэтому отдельно может не считываться участниками процесса. Примером таких латентных проявлений конкуренции является то, что между собой соревнуются не живые люди, а стандартизированные откалиброванные профили, создаваемые согласно заданному алгоритму [Vatin, 2013: 38]. «Витрина» из этих профилей формируется с помощью «рыночных устройств» [Muniesa, Millo, Callon, 2007] или объектов, что создают ее путем трансформации опыта исполнителя в стандартизированную услугу, за которой заказчик приходит на эту платформу. Профиль включает в себя анкету с указанием ранее выполненных работ (портфолио) и рейтинг, который служит оценкой выполнения предыдущих заданий и соблюдения правил платформы. Портфолио, содержащие не только предыдущие варианты выполненных заданий, но и формальное подтверждение квалификации, являются

конкурентным преимуществом при борьбе за заказ [Kuhn, Teodorescu, 2021]. Кроме того, они позволяют составить мнение о профессионализме, не прибегая к дополнительной информации, например о возрасте. Последнее способствует преодолению эйджизма (дискриминации по возрасту), из-за которого наши информанты и покинули рынок традиционной занятости:

Но на данном направлении деятельности возраст вообще не влияет. Какая разница, кто тебе делает перевод: бабушка, дедушка, младенец... Все равно. (И6, 53 года, переводчик)

Рейтинг также формирует «доверие» к профилю исполнителя, являясь опосредованным маркером профессионализма [Вилкова, 2020] и помогает в выборе, работать или не работать с этим контрагентом:

Когда я нахожу нового заказчика, он ориентируется на мой рейтинг на бирже и на мои отзывы. (И3, 54 года, репетитор)

Очередность нахождения профиля на «витрине» в совокупности с рейтингом определяет заработок исполнителя, так как увеличивает шансы быть замеченным потенциальным заказчиком. Платформы продают место на «витрине», алгоритмы ранжирования непрозрачны для исполнителей [van Doorn, 2014]. Такая закрытость в оценке может стимулировать рост конкуренции и инноваций [Knudsen, Swedberg, 2009] в сочетании с невозможностью в короткой перспективе оптимизировать свой профиль в соответствии с требованиями алгоритма. Однако на длительном отрезке времени она, напротив, заставляет исполнителя покинуть платформу [van Doorn, Velthuis, 2018]:

На биржах фрилансеров там создается гетто, куда переселяют всех новичков, и там, мотивируя их, им предлагают работать за копейки. <...> Я ушел оттуда. (И2, 51 год, рерайтер дипломов)

Таким образом, в восприятии информантов правила игры на платформе направлены односторонне, плохо поддаются коррекции, поднимают дискурс о противодействии человека и системы:

Неэффективны усилия физической единицы против системы. (И2, 51 год, рерайтер дипломов)

С одной стороны, фрилансер заведомо выступает бесправным, неспособным изменить систему, но с другой — освобождается от социально-демографических фильтров, давящих на него в традиционном офлайновом мире.

Конкурентные стратегии поведения

Инвентаризация накопленного человеческого капитала

Объединяющей особенностью всех наших возрастных информантов было то, что каждый из них в момент перехода от традиционной занятости к фрилансу пытался

прямо или латентно оценить, какими накопленными человеческими ресурсами, так называемым человеческим капиталом, они обладают, чтобы далее конвертировать их в заработок. Первая группа информантов пыталась соотнести имеющиеся навыки с известными им (заявленными на платформах) специализациями:

Я проанализировала там разные направления в фотографии, где я могу себя реализовать, так сказать, с наименьшим ущербом для психики. (Смеется). Это вот я на стоки. Знаете такие банки фотографий?! (И17, 50 лет, фотограф)

Вторая группа обращалась к ранее полученным навыкам или давно оставленной профессии:

Смерть мужа стала текущей поворотной точкой или... Я сидела и размыслила, что я еще могу. Мозг заставляет работать в экстремальной ситуации. Нужда... или... ну, любая экстремальная ситуация. У меня быстро начал работать мозг. Что я могу делать? Я остаюсь одна и мне нужно как-то из этого положения выходить. И я не знаю, по какому наитию мне вдруг пришла мысль: а не вернуться ли мне в профессию? (И18, 53 года, репетитор)

Я работала еще на заводе переводчиком раньше, и как-то само собой у меня получилось, можно и так сказать. (И4, 51 год, переводчик)

Для этих исполнителей характерна не только единственная специализация при работе на платформе, но и дополнительный выбор ниши внутри нее:

Я не владею спецлексикой, я специалист чисто лингвистический. Я беру людей, которые просто хотят говорить. (И18, 53 года, репетитор)

Третья группа информантов переосмысляла имеющийся человеческий капитал сквозь призму своей предыдущей занятости, в том числе и на традиционном рынке труда. То есть они не только пытались приложить ранее полученный единичный навык, но интегрировали его в свой опыт, часто привлекая дополнительное обучение для встраивания себя в новый рынок:

Сначала я решила сделать себе сайт. Ну, не сделать себе, а заказать себе. Даже не себе. Ну, у нас была такая компания, которая объединилась с бизнес-идеей. И мы решили заказать сайт. То, что нам сделали, вообще никуда не годилось! Все пришлось переделывать. После того, как я все там переделала, я постепенно стала делать и другим проекты за деньги. То есть я поняла, что я могу это делать, и могу это делать лучше, чем многие. (И15, 59 лет, разработчик сайтов)

Такой подход, хоть и был более длительным на пути к регулярному заработку, в итоге по сравнению с монетизацией ранее полученного навыка представлялся респондентам более гармоничным и ведущим к внутреннему удовлетворению от текущей занятости:

В конце концов так получилось, что я нашла работу, которая объединяет и мои технические способности, и задатки, и художественные. В создании сайтов требуется и дизайн делать. Скажем так, что просто программировать мне было бы скучно, а просто заниматься дизайном — надоело бы со временем. А вот то, что я могу переключаться между тем и тем, мне это очень нравится. (И15, 59 лет, разработчик сайтов)

В отношении третьей группы возраст выступает катализатором, который помогает пересобрать накопленный опыт заново. Ведь чем в более разносторонних сферах трудился информант за свою жизнь, тем больше у него возможностей привнести что-то уникальное в платформенную занятость.

Конкурентная разведка

Конкуренция подразумевает, что участники рынка пристально следят за действиями друг друга и имитируют успешные практики [Радаев, 2003]. Конкурентная разведка широко распространена в бизнесе. Так в интервью наши возрастные респонденты отмечали, что воспринимают новые тренды отрасли, отслеживая работы более молодых фрилансеров. Особенно это актуально для творческих профессий: дизайнеров, иллюстраторов, разработчиков.

Потом у молодежи, у образованной молодежи, гораздо лучше с английским языком, память у них лучше и вообще... Вот тут они, да. Я всегда смотрю, что они рисуют, как они, что... Вот там на сайтах. Я всегда отслеживаю. (И1, 53 года, иллюстратор)

При этом фрилансеры ценят не только опыт в своей специализации, но и опыт в смежных. Это помогает получить дополнительное конкурентное преимущество в своей сфере, выступив новатором или придумать, как изучить «поле», в котором ты работаешь, извлекая коммерческий эффект:

Рекламирывать свои услуги я могу <...> совершенно бесплатно... Я наблюдаю за «Антиплагиатом» десять лет с того момента, как нашел в их индексе ссылки. <...> Теперь я знаю, как работает эта система. (И2, 51 год, рерайтер дипломов)

Такое перенимание опыта и трендов приводит к повышению общего уровня исполнителей на рынке, так как сокращает разрыв в знаниях и способствует увеличению качества оказываемых услуг [Glitz, Meyersson, 2020].

Однако имеется и обратная сторона подобной практики: в результате таких наблюдений происходит бесплатное заимствование уникального опыта, не защищенного авторским правом, что, к примеру, характерно для России не только в электронной занятости [Тимофеева, 2013]. Неработающие правовые механизмы приводят к тому, что информанты в большей степени связывают такую стратегию с собственной удачей и догадливостью, нежели с нарушением чьих-то прав и необходимостью их соблюдения:

Я понял, что [платформа] просто эксплуатирует мои ресурсы и получает трафик от моих посетителей, отдавая мне копейки. <...> Тогда я разжился всеми описаниями товаров, картинками и сделал своих 12 магазинов и ушел. (И2, 51 год, рерайтер дипломов)

Таким образом, стратегия разведки требует от фрилансеров опыта в принципиально иных или хотя бы смежных областях, который можно применить в текущей работе.

Накопление пула постоянных клиентов и отказ от дальнейшего использования платформы

Формирование доверия между заказчиком и исполнителем имеет в онлайн-среде важное значение [Tsironis, Gotzamani, Mastos, 2017] для обеспечения жизнедеятельности как единичной фирмы, так и цифровой платформы. Однако это первичное доверие скорее служит сигналом к профессионализму на трудовых платформах, так как складывается во многом из рейтинга, что присваивает платформа (где одним из критериев может выступать наличие подтверждающих квалификацию документов). Однако значение рейтинга напрямую не указывает на вероятность построения успешных долгосрочных отношений с конкретным исполнителем как на платформе, так и за ее пределами:

Инф.: Есть такие большие проекты, например «Балтийский нефтеперерабатывающий завод»³. Он уже сколько лет назад начался и до сих пор идет.

Инт.: То есть такие проекты, которые пришли к Вам давно, и, в общем-то, поддерживаете с ними связь, тем более обеспечиваете себе какую-то стабильность, правильно?

Инф.: Да, есть! И стабильность, и легче работать. Потому что уже в теме, знаешь как-то все это. (И4, 51 год, переводчик)

С одной стороны, информант минимизирует риски «невыигрывания» конкурентной борьбы на цифровых платформах, а с другой — может сделать свою занятость более упорядоченной, что снизит потенциальные переработки [Стребков, Шевчук, 2019] и добавит дополнительную стабильность заработку.

Пример такого долгосрочного сотрудничества лежит в основе личной сети исполнителя, на построение которой требуются время и дополнительный отбор заказчиков. Практически каждый информант смог рассказать о собственной системе, по которой отбирает долгие проекты:

Во-первых, этот человек должен быть увлеченным. То есть это действительно человек... Это собственники. Если я общаюсь с каким-то менеджером, я всегда выхожу на собственника в конце концов, либо сотрудничество не получается. Мне нравится работать с теми людьми, которым действительно это нужно и которые действительно это ценят. И потом с такими людьми получается долгосрочное сотрудничество. (И15, 59 лет, разработчик сайтов)

Другая причина, по которой вчерашние пользователи платформ отказываются продолжать с ними работу, — достижение потолка по заработку (по мнению информантов):

Вот сейчас я как-то ушла от них. С фриланса [с платформы Freelance.ru]. Там были достаточно мелкие заказы и мне перестало быть интересно. Ну, я переросла это. (И15, 59 лет, разработчик сайтов)

³ Название изменено в интересах информанта.

Несмотря на все удобства, которые фрилансеры позиционируют как преимущества для себя, попадая в такую занятость, они не готовы рассматривать сотрудничество с платформой как нечто постоянное и длительное. А сама электронная самозанятость выглядит как возможность адаптации в цифровом пространстве.

Заключение

В данной статье мы представили некоторые конкурентные стратегии поведения фрилансеров старших возрастов, которые продолжают привлекать к себе внимание ввиду малой изученности. Проведенное исследование освещает эмпирическое свидетельство факта конкуренции на цифровых трудовых платформах.

Как показывают полученные результаты, несмотря на то что люди старшего возраста вытесняются с традиционного рынка труда, не выдерживая конкуренции с более молодыми, на электронных платформах они также сталкиваются с конкуренцией. Последняя пронизывает все процессы платформенной организации, начиная от появления анкеты исполнителя на «витрине» потенциального заказчика и заканчивая торгами за получение заказа. Такая конкурентная обстановка делает дополнительным бенефициаром сами электронные платформы. Из-за закрытости алгоритмов ранжирования анкет и назначения репутации, которая в том числе «выдается» за соблюдение правил, о которых исполнители могут только догадываться, платформы могут «продавать» места в выдаче и репутацию, создавая ложный сигнал для заказчиков о сверхпрофессионализме исполнителя, оплатившего данную услугу. Сами же исполнители, находясь в условиях постоянного подстегивания к конкуренции, перестают ее осознавать (но это не значит, что она на них не действует), отождествляя ее с алгоритмом платформы, которому им нечего противопоставить. Все это в крайнем случае ведет к отказу от использования платформы и становится проблемой уже для последней, так как снижает ее доход.

Поэтому находясь в высококонкурентной среде, фрилансеры старшего возраста вынуждены пересматривать накопленный человеческий капитал и заново пересобирать свой опыт, чтобы встроиться в новый рынок, попутно переосмысливая и изменяя стратегию своего потребления и приемлемого для себя уровня жизни.

В попытке усвоить новые тренды возрастные фрилансеры предпочитают копировать практики молодых, признавая за последними право новаторства, тем самым подвергая себя самозиджизму. Правда, в отличие от высокорегулируемого на законодательном уровне бизнеса, фрилансеры воспринимают такое копирование, или «подглядывание», как дополнительную демонстрацию своих ловкости и умений, часто заимствованных из смежных сфер, не задумываясь, что в ходе таких действий они могут посягать на чье-то интеллектуальное право.

Еще одной интересной практикой возрастных фрилансеров выступает накопление пула постоянных клиентов посредством цифровых платформ с целью отказа от работы с последними. Такой тип работы делает нагрузку фрилансеров сбалансированной, а заработок — постоянным.

Список литературы (References)

- Веблен Т. Б. Теория праздного класса / пер. с англ., вступ. ст. и примеч. С. Г. Сорокиной; общ. ред. В. В. Мотылева. М.: Книжный дом «Либроком», 2011.
- Veblen T. B. (2011) *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions*. Moscow: Librokom. (In Russ.)
- Вилкова О. В. Гендер как дискриминирующий признак профессиональной успешности российских фрилансеров-разработчиков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 490—516. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1608>.
- Vilkova O. V. (2020) Gender as a Discriminatory Indicator of Professional Success among Russian IT Freelancers. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 490—516. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1608>. (In Russ.)
- Картузова М. В. Трудовые практики старших возрастных групп: причины выбора // Экономическая социология. 2020. Т. 21. № 1. С. 81—99.
- Kartuzova M. V. (2020) Work Practices of Older Population Groups: Reasons for Choice. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 21. No. 1. P. 81—99.
- Козина И. М., Зангиева И. К. Государственное и рыночное регулирование трудовой активности пенсионеров // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16. № 1. С. 7—22. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-1-7-22>.
- Kozina I. M., Zangieva I. K. (2018) State and Market Regulation of Labour Activity of Old-Age Pensioners. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 16. No. 1. P. 7—22. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-1-7-22>. (In Russ.)
- Клепикова Е. А., Колосницына М. Г. Эйджизм на российском рынке труда: дискриминация в заработной плате // Российский журнал менеджмента. 2017. Т. 15. № 1. С. 69—88. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu18.2017.104>.
- Klepikova E. A., Kolosnitsyna M. G. (2017) Ageism at the Russian Labour Market: Wage Discrimination. *Russian Management Journal*. Vol. 15. No. 1. P. 69—88. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu18.2017.104>. (In Russ.)
- Радаев В. В. Что такое конкуренция? // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 2. С. 16—25.
- Radaev V. V. (2003) What is the Competition? *Journal of Economic Sociology*. Vol. 4. No. 2. P. 16—25. (In Russ.)
- Семенова Ю. А. Особенность трудовых практик фрилансеров в период пандемии COVID-19 // Евразийский Союз Ученых. 2020. № 4. С. 40—46.
- Semenova Yu. A. (2020) Special Features of Labor Practices of Freelancers during the Pandemic Period COVID-19. *Eurasian Union of Scientists*. No. 4. P. 40—46. (In Russ.)
- Стребков Д. О., Шевчук А. В. Ловушка гибкой занятости: как нестандартный график работы влияет на баланс между работой и жизнью фрилансеров // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 86—102. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.06>.

Strebkov D. O., Shevchuk A. V. (2019). The Trap of Flexible Work Schedule: How Unusual Working Patterns Influence the Work-Life Balance of Freelancers. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 86—102. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.06>. (In Russ.)

Стребков Д. О., Шевчук А. В., Спирина М. О. Развитие русскоязычного рынка удаленной работы, 2009—2014 гг. (по результатам Переписи фрилансеров). Серия «Аналитика ЛЭСИ». Вып. 16. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015.

Strebkov D. O., Shevchuk A. V., Spirina M. O. (2015) Development of the Russian-language Market of Distant Work, 2009—2014. (According to the Results of the Freelancers Census). Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)

Тагаров Б. Ж. Информационные причины дискриминации на рынке труда // Экономика труда. 2019. Т. 6. № 1. С. 145—156. <https://doi.org/10.18334/et.6.1.39701>.

Tagarov B. Zh. (2019). Information Causes of Labour Market Discrimination. *Russian Journal of Labor Economics (Ekonomika Truda)*. Vol. 6. No. 1. P. 145—156. <https://doi.org/10.18334/et.6.1.39701>. (In Russ.)

Тимофеева Р. И. Проблемы осуществления и защиты интеллектуальных прав // Вестник Башкирского университета. 2013. Т. 18. № 2. С. 584—586.

Timofeeva R. I. (2013) The Problems of Implementation and Protection of the Intellectual Rights. *Vestnik Bashkirskogo Universiteta*. Vol. 18. No. 2. P. 584—586. (In Russ.)

Титова Н. Ю., Зиглина В. Е. Проблемы обеспечения социальными гарантиями самозанятых граждан // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. Т. 9. № 3. С. 159—162. <https://doi.org/10.26140/anie-2020-0903-0034>.

Titova N. Yu., Ziglina V. E. (2020) Problems of Social Guarantees for Self-Employed Citizens. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*. Vol. 9. No. 3. P. 159—162. <https://doi.org/10.26140/anie-2020-0903-0034>. (In Russ.)

Шевчук А. В. От фабрики к платформе: автономия и контроль в цифровой экономике // Социология власти. 2020. Т. 32. № 1. С. 30—54. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2020-1-30-54>.

Shevchuk A. V. (2020) From Factory to Platform: Autonomy and Control in the Digital Economy. *Sociology of Power*. Vol. 32. No. 1. P. 30—54. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2020-1-30-54>. (In Russ.)

Glitz A., Meyersson E. (2020) Industrial Espionage and Productivity. *American Economic Review*. Vol. 110. No. 4. P. 1055—1103. <https://doi.org/10.1257/aer.20171732>.

Knudsen T., Swedberg R. (2009) Capitalist Entrepreneurship: Making Profit Through the Unmaking of Economic Orders. *Capitalism and Society*. Vol. 4. No. 2. P. 1—26. <https://doi.org/10.2202/1932-0213.1057>.

Kuhn J. M., Teodorescu M. H. M. (2021) The Track One Pilot Program: Who Benefits from Prioritized Patent Examination? *Strategic Entrepreneurship Journal*. Vol. 15. No. 2. P. 185—208. <https://doi.org/10.1002/sej.1387>.

- Muniesa F., Millo Yu., Callon M. (2007) An Introduction to Market Devices. *The Sociological Review*. Vol. 55. No. s2. P.1—12. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.2007.00727.x>.
- Phillipson C. (2019) ‘Fuller’ or ‘Extended’ Working Lives? Critical Perspectives on Changing Transitions from Work to Retirement. *Ageing & Society*. Vol. 39. No. 3. P. 629—650. <https://doi.org/10.1017/S0144686X18000016>.
- Tsironis L. K., Gotzamani K. D., Mastos T. D. (2017) e-Business Critical Success Factors: Toward the Development of an Integrated Success Model. *Business Process Management Journal*. Vol. 23. No. 5. P. 874—896. <https://doi.org/10.1108/BPMJ-02-2016-0030>.
- Shevchuk A., Strebkov D. (2021) Digital Platforms and the Changing Freelance Workforce in Russia: A Ten-Year Perspective. *International Labour Review*. <https://doi.org/10.1111/ilr.12232>.
- van Doorn N. (2014) The Neoliberal Subject of Value Measuring Human Capital in Information Economies. *Cultural Politics*. Vol. 10. No. 3. P. 354—375. <https://doi.org/10.1215/17432197-2795729>.
- van Doorn N., Velthuis O. (2018) A Good Hustle: The Moral Economy of Market Competition in Adult Webcam Modeling. *Journal of Cultural Economy*. Vol. 11. No. 3. P. 177—192. <https://doi.org/10.1080/17530350.2018.1446183>.
- Vatin F. (2013) Valuation as Evaluating and Valorizing. *Valuation Studies*. Vol. 1. No. 1. P. 31—50. <https://doi.org/10.3384/vs.2001-5992.131131>.
- Zhao H., O'Connor G., Wu J., Lumpkin G. T. (2021) Age and Entrepreneurial Career Success: A Review and a Meta-Analysis. *Journal of Business Venturing*. Vol. 36. No. 1. <https://doi.org/10.1016/j.jbusvent.2020.106007>.

Приложение 1. Справочная информация о респондентах

ID респондента	Пол	Возраст	Сфера деятельности	Город проживания
И1	жен	53	иллюстратор	Москва
И2	муж	51	рерайтер дипломов	Екатеринбург
И3	жен	54	репетитор	Калининград
И4	жен	51	переводчик	Чебоксары
И5	жен	55	копирайтер	Новосибирск
И6	жен	53	переводчик	Ярославль
И7	муж	58	репетитор	Краснодар
И8	жен	56	разработчик сайтов	Москва
И9	муж	51	эскорт	Москва
И10	жен	53	переводчик	Санкт-Петербург
И11	жен	55	репетитор	Москва
И12	жен	53	фотограф	Москва
И13	жен	53	бизнес-тренер	Москва
И14	муж	63	эскорт	Москва
И15	жен	59	разработчик сайтов	Новосибирск
И16	муж	62	эскорт	Москва
И17	жен	50	фотограф	Москва
И18	жен	53	репетитор	Рязань
И19	муж	52	эскорт	Москва
И20	муж	65	эскорт	Тотьма

DOI: [10.14515/monitoring.2022.2.1910](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1910)

Е. А. Варшавер, Н. С. Иванова, А. Л. Рочева

КОГДА И ПОЧЕМУ МИГРАНТЫ ПРИОБРЕТАЮТ ЖИЛЬЕ В РОССИИ И КАК ЭТО СВЯЗАНО С ИНТЕГРАЦИЕЙ?

Правильная ссылка на статью:

Варшавер Е. А., Иванова Н. С., Рочева А. Л. Когда и почему мигранты приобретают жилье в России и как это связано с интеграцией? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 223—247. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1910>.

For citation:

Varshaver E. A., Ivanova N. S., Rocheva A. L. (2022) Why and When Do Migrants in Russia Come to Homeownership and How Is It Related to Integration? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 223–247. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1910>. (In Russ.)

КОГДА И ПОЧЕМУ МИГРАНТЫ ПРИОБРЕТАЮТ ЖИЛЬЕ В РОССИИ И КАК ЭТО СВЯЗАНО С ИНТЕГРАЦИЕЙ?

ВАРШАВЕР Евгений Александрович — кандидат социологических наук, руководитель Группы исследований миграции и этничности, старший научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: varshavere@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5901-8470>

ИВАНОВА Наталия Сергеевна — исследователь Группы исследований миграции и этничности, научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: nataliya.ivanova.0709@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1140-2334>

РОЧЕВА Анна Леонидовна — кандидат социологических наук, ведущий исследователь Группы исследований миграции и этничности, научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: anna.rocheva@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-3181-9698>

Аннотация. Статья отвечает на вопросы о том, когда и почему закавказские и среднеазиатские мигранты приобретают жилье в России и как приобретение жилья связано с интеграцией. Основной тестируемой моделью явля-

WHY AND WHEN DO MIGRANTS IN RUSSIA COME TO HOMEOWNERSHIP AND HOW IS IT RELATED TO INTEGRATION?

Evgeni A. VARSHAVER¹ — Cand. Sci. (Soc.), Head of the Group for Ethnicity and Migration Research; Senior Research Fellow, Center for Regional Research and Urban Studies
E-MAIL: varshavere@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5901-8470>

Nataliya S. IVANOVA¹ — Researcher, Group for Ethnicity and Migration Research; Research Fellow, Center for Regional Research and Urban Studies
E-MAIL: nataliya.ivanova.0709@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1140-2334>

Anna L. ROCHEVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Leading Researcher, Group for Ethnicity and Migration Research; Research Fellow, Center for Regional Research and Urban Studies
E-MAIL: anna.rocheva@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-3181-9698>

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract. This article explores when and why Central Asian and Transcaucasian migrants in Russia turn to homeownership, and how this fact is bounded to their patterns of integration. The main theoretical model tested is the straight

ется теория линейной ассимиляции, дополненная резидентным компонентом. Эмпирическая база исследования — массовый всероссийский опрос в социальных сетях ($N = 4888$), проведенный по анкете, посвященной связи резидентных и интеграционных переменных. Авторы используют корреляционно-регрессионный анализ, зависимой переменной выступает факт наличия недвижимости в собственности у респондента или одного из членов его семьи. В число независимых переменных включены по-разному сконструированные показатели интеграции. Согласно полученным результатам, хотя есть статистически значимая связь между большинством резидентных, интеграционных и прочих переменных, и все они связаны со временем, прошедшим с момента первой поездки в Россию, именно длительность присутствия в стране в первую очередь объясняет факт покупки жилья. Если принять во внимание этот фактор, большинство интеграционных переменных оказывается не связано с покупкой жилья. Содержательный вывод состоит в том, что даже если из показателей интеграции покупка жилья не следует, она может состояться по факту того, что мигрант давно в России. Эти результаты показывают, что для России в части резидентного поведения мигрантов в целом релевантна теория линейной ассимиляции с дополнениями, внесенными в нее транснациональной моделью.

Ключевые слова: резидентное поведение, миграция, Россия, интеграция, покупка жилья

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке гранта Российского

line assimilation theory supplemented with a residential component. Empirically, the study bases on an all-Russian survey carried out in social networks ($N = 4888$). The questionnaire of the survey is devoted to the interconnection between residential and integration characteristics of migrants. The authors perform correlation and regression analysis taking homeownership as the dependent variable; the independent variables include various measures of integration. According to the results, although there is statistically significant association between most of the residential, integrational, and other variables, and all of them are related to the time passed since the first trip to Russia, it is the duration of the presence in the country that primarily explains the fact of buying real estate. If this factor is controlled for, most of the integration variables appear to be unrelated to home purchases. The main conclusion is that while the characteristics of integration may be not predicting purchase of a real estate, the very fact of waging trips to Russia for a long period of time may be sufficient for it. These results show that for Russia, in terms of resident behavior of migrants, the theory of straight line assimilation supplemented with the transnational model is generally relevant.

Keywords: residential behavior, migration, Russia, integration, homeownership

Acknowledgments. The article was prepared with the support of a grant from

научного фонда (проект РНФ № 18-78-10086) «Анализ механизмов формирования этномиграционных анклавов в российских городах».

the Russian Science Foundation (Russian Science Foundation project No. 18-78-10086) «Analysis of the mechanisms for the formation of ethno-migration enclaves in Russian cities».

Введение

Когда и почему мигранты приобретают недвижимость в России и как это связано с их интеграцией в принимающем обществе? В международных исследованиях для ответа на этот вопрос используются модели, созданные на основе теории линейной ассимиляции [Massey, 1985; Alba, Logan, 1992]. Согласно этим моделям, по мере продвижения на рынке труда, изменения ценностных ориентаций, а также роста ощущения принадлежности к принимающему обществу и отдельным сообществам в его рамках у мигрантов появляется возможность и желание приобрести недвижимость. В результате со временем, которое может измеряться как годами, так и поколениями, между мигрантами и местными стираются различия в том, что касается доли собственников жилья. Существует большое количество работ, в которых те или иные аспекты этой модели проверяются и находят свое подтверждение [Constant, Roberts, Zimmermann, 2009; Chua, Miller, 2009; Amuedo-Dorantes, Mundra, 2013], но есть и те, что не соответствуют модели линейной ассимиляции или даже опровергают ее [Yu, 2006; McConnell, Marcelli, 2007]. «На полях» этих исследований, в первую очередь в рамках собственной логики, были разработаны другие модели, где покупка жилья объясняется через такие явления, как транснационализм и жизненный путь. Согласно исследованиям, призванным поддержать транснациональную модель, покупка недвижимости в принимающей стране негативным образом связана с интенсивностью участия в транснациональной жизни [Shooshtari et al., 2014; Kuuire et al., 2016]. Более того, как следует из некоторых работ, жилье мигранты покупают только в одной из стран, и, таким образом, инвестирование в недвижимость «на родине» будет важнейшей переменной, объясняющей покупку жилья в миграции [McConnell, Marcelli, 2007]. Предлагаемая в этих работах интерпретация в целом продолжает логику теории линейной ассимиляции, в отличие от работ, отталкивающихся от перспективы жизненного пути. Согласно последним, покупка недвижимости объясняется местом этого события в типичных жизненных траекториях мигрантов [Feijten, Mulder, Baizán, 2003], которые задаются в том числе культурными нормами, распространёнными в отправляющих странах [Johnston, Katimin, Milczarski, 1997], и с интеграцией она не связана. Эти модели не являются взаимоисключающими, однако исследований, в которых бы они тестировались эксплицитно, обнаружено не было (исключение — [McConnell, Marcelli, 2007]).

Среди небольшого количества российских исследований, посвященных жилью мигрантов [Бредникова, Ткач, 2010; Рочева, 2015; Гришанов, Ноздрин, Шнейдерман, 2017], лишь некоторые так или иначе касаются связи между покупкой жилья и интеграцией, более того, в этих работах скорее формулируются гипотезы, но не даются ответы [Ермакова, Варшавер, Иванова, 2020]. Вместе с тем российский контекст, будучи в целом недоисследованным, является доста-

точно необычным в том, что касается значимых для этих моделей переменных. В частности, миграция в Россию по многим причинам оказывается существенно более транснациональной в сравнении с прочими миграционными контекстами, а культурные смыслы жилья в постсоветских странах, где оно сначала было в государственной собственности, а затем — в ходе приватизации — часто становилось главным и единственным активом домохозяйства, неизбежно отличаются от культурных смыслов жилья в других странах. В связи с этим целесообразным представляется исследовать связь между покупкой жилья мигрантами и их интеграцией на российском материале — в этом и состоит цель представленной статьи.

Теоретический контекст и теоретическая рамка исследования

В большинстве стран собственность на жилье распространена среди мигрантов в меньшей степени, чем среди местных жителей [Alba, Logan, 1992; Magnusson Turner, Hedman, 2014; Kauppinen, Skifter Andersen, Hedman, 2015], и только в редких случаях эти две группы оказываются сопоставимы [Chua, Miller, 2009] или же соотношение оказывается обратным [Ray, Moore, 1991; Balakrishnan, Wu, 1992]. Для объяснения этого разрыва, а также для изучения механизмов и причин приобретения жилья мигрантами исследователи предлагают несколько моделей, в центре которых находятся такие концепты, как (1) интеграция, (2) транснационализм, и (3) подход жизненного пути.

Первая, наиболее популярная, модель опирается на представление о «линейной» ассимиляции, согласно которому жилищные условия мигрантов на первых этапах остаются очень скромными, но постепенно, по мере укрепления позиций мигрантов на рынке труда, повышения дохода и принятия культурных образцов принимающего общества, они начинают улучшаться [Massey, 1985; Alba, Logan, 1992]. Кульминацией этого улучшения — даже в странах с заявленной «нейтральностью отношений с жильем» (*tenure neutrality*), например Швеции [Magnusson Turner, Hedman, 2014], — считается покупка собственного жилья [Kuuire et al., 2016]. Впрочем, это событие обычно происходит по прошествии многих лет пребывания в стране или даже через поколения.

Положительная связь между разными аспектами интеграции мигрантов и переходом к статусу собственников жилья продемонстрирована во многих исследованиях. Часто в них показывается связь покупки жилья и экономических аспектов интеграции [Owusu, 1998; Teixeira, 2006; Kauppinen, Vilkkama, 2016]. Другие исследования фокусируются на прочих особенностях этой связи. Так, обработка данных немецкой статистики показала, что владение жильем среди мигрантов связано с «этнической идентичностью», которая в интерпретации авторов этих расчетов включает в себя уровень владения немецким языком, этнические категории трех ближайших друзей, миграционные планы, предпочтение газет из Германии или страны происхождения и самоидентификацию с Германией или страной происхождения [Constant, Roberts, Zimmermann, 2009]. Проведенные в США и Австралии исследования свидетельствуют, что быстрее приобретали жилье те мигранты, которые лучше владели английским языком [Alba, Logan, 1992; Chua, Miller, 2009]. В другой работе сравнение приезжих из Азии и испаноговорящих мигрантов в США показало высокую скорость покупки жилья среди первых

и низкую — среди вторых; при этом авторы отмечают, что первые отличаются быстрой натурализацией и более высоким уровнем владения английским языком [Myers, Lee, 1998]. В прочих исследованиях подчеркивается связь между интеграцией и правовым статусом мигрантов [Amuedo-Dorantes, Mundra, 2013], в частности, наличием гражданства [Callis, 2003]. Кроме того, иногда исследователи заменяют интеграционные характеристики числом лет, которые мигрант провел в принимающей стране, подразумевая, что они связаны положительно и линейно [Alba, Logan, 1992], несмотря на то, что в работах, где в регрессионных моделях присутствуют одновременно и число лет, и показатель интеграции, обнаруживается значимость обеих переменных [Constant, Roberts, Zimmermann, 2009].

В ряде исследований представление о том, что в основе резидентного поведения лежат принципы линейной ассимиляции, напротив, корректируется или опровергается. Так, согласно выводам статьи [Kim, Boyd, 2009], представители первого и второго поколения мигрантов в Канаде активно приобретают жилье, в то время как в третьем поколении наблюдается «регресс». Для покупки жилья, кроме того, могут быть значимы одни аспекты интеграции и не значимы — другие. В частности, мексиканские мигранты в Лос-Анджелесе с большей вероятностью покупают жилье, если хорошо владеют английским и участвуют в работе общественных объединений, а вот их правовой статус не связан с покупкой жилья [McConnell, Marcelli, 2007]. Более того, отдельные интеграционные характеристики могут быть связаны с приобретением жилья обратным образом: например, среди мигрантов из Тайваня в Калифорнии связь между уверенным владением английским языком и собственностью на недвижимость — отрицательная, то есть чаще жилье покупают те, кто английским владеет плохо [Yu, 2006].

Исследования покупки жилья через призму интеграции довольно многочисленны, и основной объясняющей моделью в них является именно модель линейной ассимиляции, а также различные теоретические надстройки над ней. Существуют, впрочем, и другие модели. В частности, одна из них отталкивается от интенсивности транснационального поведения мигрантов, включающей в себя ряд компонент. Во-первых, это частота поездок: так, новозеландцы, живущие в Австралии, интенсивно ездят между странами, пользуясь режимом облегченного перемещения, и реже обладают жильем в принимающей стране [Chua, Miller, 2009]. Во-вторых, это денежные переводы: в разных контекстах мигранты, отправляющие денежные переводы домой, с меньшей вероятностью покупают жилье в принимающей стране [Shooshtari et al., 2014; Kuuire et al., 2016]. Объясняется эта связь, например, тем, что из-за переводов на покупку недвижимости средств не остается, либо тем, что переводы перечисляются на приобретение жилья в отправляющей стране [Osili, 2004; Obeng-Odoom, 2010; Erdal, 2012], и это может быть связано с планами туда вернуться [Owusu, 1998]. Транснациональные практики в моделях, объясняющих покупку жилья, кроме того, могут быть по-разному связаны с интеграционными характеристиками: в одних работах ориентация на страну происхождения не имела значения, а значимой была ориентация на принимающую страну [Constant, Roberts, Zimmermann, 2009], тогда как в других — транснационализм и интеграционные характеристики оказывались значимыми одновременно и были связаны с покупкой жилья мигрантами противоположным образом [McConnell,

Marcelli, 2007]. В целом, однако, транснациональная модель не противоречит, а скорее дополняет интеграционную.

Несколько отстоит от этих двух моделей третья, в основании которой лежит перспектива жизненного пути; здесь приобретение жилья связано прежде всего с социально-экономическими и демографическими характеристиками индивидов в разные моменты их жизни. В целом, согласно этой модели, предполагается, что люди покупают дом или квартиру в связи с другими жизненными событиями из сферы брачного и репродуктивного поведения, в определенном возрасте и в тот момент, когда это позволяет доход [Feijten, Mulder, Baizán, 2003]. В одних миграционных исследованиях эта модель нашла подтверждение [Krivo, 1995], в других ее объяснительная сила оказалась слишком низкой [Kauppinen, Skifter Andersen, Hedman, 2015]. Наступление демографических событий в этой модели часто объясняются культурными нормами, а среди последних выделяются связанные с приобретением жилья. Так, в случае корейских мигрантов в США, покупка дома — это событие, имеющее определенное место в последовательности других событий, включая брак, открытие своего бизнеса, рождение детей, а также приглашение родителей из Кореи в США [Johnston, Katimin, Milczarski, 1997].

Исследования, в которых бы сравнивались все или хотя бы несколько из описанных моделей в части их потенциала объяснения того, как и почему мигранты покупают жилье в принимающих странах, чрезвычайно редки (см. [McConnell, Marcelli, 2007]). Кроме того, поскольку для исследования покупки жилья мигрантами важную роль играют контекстуальные факторы, связанные с рынком недвижимости и институциональными условиями финансирования покупки жилья, а также нормативные представления о жилище, принятые в принимающих и отправляющих обществах, мы можем предположить, что на постсоветском пространстве ситуация может отличаться от других, более изученных, стран. Исследований, в которых бы детально изучалась покупка недвижимости в России мигрантами на количественных данных, нам обнаружить не удалось: существующие работы о жилье мигрантов немногочисленны и либо посвящены другим аспектам [Бредникова, Ткач, 2010; Рочева, 2015; Гришанов, Ноздрин, Шнейдерман, 2017], либо основываются на качественных данных и скорее формулируют гипотезы, чем проверяют их [Ермакова, Варшавер, Иванова, 2020].

В своей работе мы фокусируемся на связи интеграции и покупки жилья, а также тестируем альтернативные, не интеграционные, объяснения этого поведения, при этом в рамках концептуализации интеграции мы ориентируемся на так называемую немецкую традицию исследования интеграции [Esser, 2001; Heckmann, 2005] и выделяем структурный, культурный, социальный и идентификационный аспекты [Варшавер, Рочева, 2016]. Для работы с альтернативными гипотезами мы используем транснациональный подход [Schiller, Basch, Blanc-Szanton, 1992; Vertovec, 2009] и парадигму жизненного пути [Elder, 1994; Mortimer, Shanahan, 2007].

Методология исследования

В ноябре-декабре 2020 г. был проведен массовый опрос в социальных сетях, посвященный характеристикам расселения мигрантов и их интеграции. Было собрано два массива данных. В выборку первого из них вошли этнические мигран-

ты¹ первого и второго поколений из стран Закавказья (Армении и Азербайджана) и Средней Азии (Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана), в выборку второго — представители местного населения, не мигранты. Респондент квалифицировался как мигрант первого поколения в том случае, если он закончил школу в одной из указанных стран и отнес себя к одной из «закавказских» или «среднеазиатских» национальностей. Респондент квалифицировался как мигрант второго поколения, если он закончил школу в России, отнес себя к одной из «закавказских» или «среднеазиатских» национальностей, при этом его родители (хотя бы один) родились в указанных странах Закавказья и Средней Азии. Наконец, респондент квалифицировался как местный в том случае, если он и оба его родителя закончили школу в России. В массив, таким образом, не вошли две важные группы: мигранты из прочих регионов мира (включая, например, украинских), а также неэтнические мигранты из Закавказья и Средней Азии.

Опрос был проведен в интернете, анкета распространялась посредством таргетированной рекламы в социальных сетях Вконтакте, Instagram*² и Одноклассники. Анкета была переведена на пять языков (армянский, азербайджанский, кыргызский, узбекский и таджикский), и респонденту предлагалось выбрать нужный язык. Для достижения мигрантов первого и второго поколения реклама показывалась участникам этнически маркированных групп (Вконтакте, Одноклассники), а также тем, для кого указанные страны и их столицы определялись социальной сетью в качестве интереса (Instagram*). Для достижения представителей местного населения осуществлялся стихийный таргетинг по социальным сетям. Всего было создано порядка 600 объявлений, они различались в зависимости от характеристик целевых групп (примеры объявлений см. на рис. 1—3). Выборка была стихийной и квотной, при этом квоты выделялись на основании социальной сети и страны происхождения мигрантов, а также принадлежности к большой группе мигрантов (которая включала в себя мигрантов как первого, так и второго поколений) или местных. Кликнувшие на объявления перенаправлялись на первую страницу анкеты на сайте surveymonkey.com. Из собранного массива были удалены анкеты, заполненные менее чем за 5 минут, а также те, в которых был указан возраст младше 18 или старше 99 лет. Всего после чистки в массив было включено 4888 анкет (есть ответ на первый блок вопросов, который позволяет классифицировать респондента), из которых 2235 — полностью завершённые. Среди начатых анкет мигрантов 2585 — это анкеты мигрантов первого поколения, 638 — второго. Доля дошедших до конца анкеты в целом по массиву составляет 45 %, при этом местные полностью заполняют анкету в 67 % случаев, мигранты второго поколения — в 47 %, а мигранты первого поколения — в 32 % случаев. Среди мигрантов первого поколения эта доля варьируется от 28 % (кыргызстанцы) до 40 % (азербайджанцы). Для данной статьи за исключением нескольких сравнений, приведенных для описания контекста, анализ осуществляется на основе анкет мигрантов первого поколения, при этом в модели включаются анкеты респондентов, ответивших на все вопросы,

¹ Под «этническим» понимаются те мигранты, в отношении которых у значительной части принимающего населения возникает ощущение культурной инаковости. В российском контексте этнические мигранты — это прежде всего большая часть приезжих из стран Закавказья и Средней Азии.

² Здесь и далее * означает социальные сети, деятельность которых запрещена на территории Российской Федерации.

необходимые для построения модели. Среди них порядка 66% — мужчины, 34% — женщины; средний возраст респондента составляет 31 год при стандартном отклонении 11,4 года, при этом 80% мигрантов первого поколения — это люди в возрасте до 40 лет. Такие оценки в целом соответствует имеющейся статистике МВД³.

Рис. 1. Реклама опроса для представителей местного населения

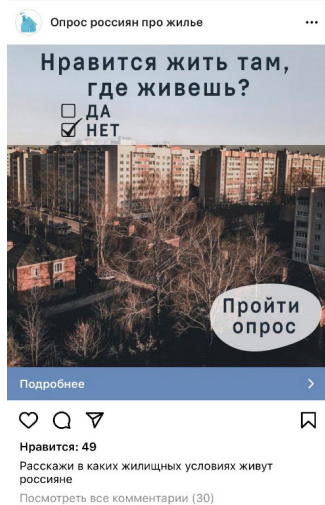
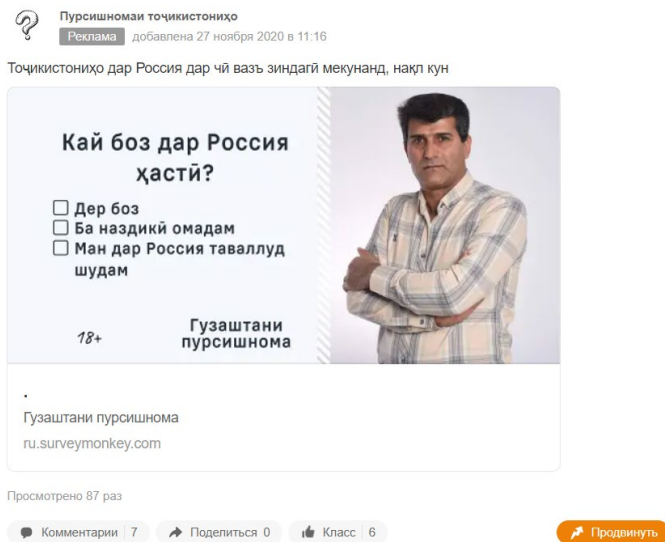
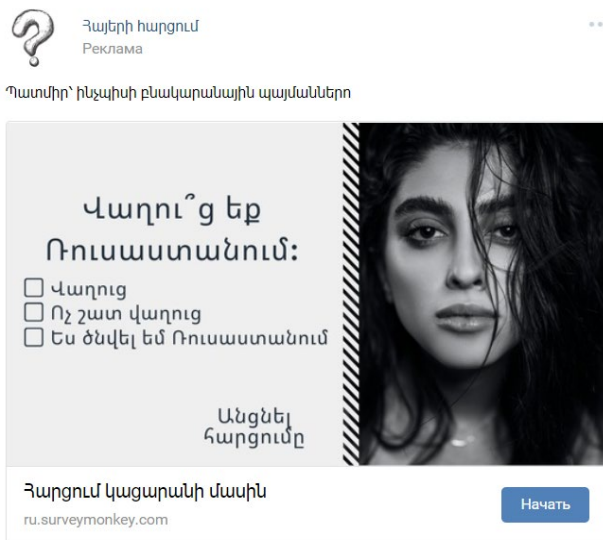

Рис. 2. Реклама опроса для мигрантов на таджикском языке

³ Согласно данным, которые размещала на своем сайте ФМС России (последние данные с распределением по полу и возрасту были размещены в 2016 г., скачаны авторами статьи и доступны по запросу).

Рис. 3. Реклама опроса для мигрантов на армянском языке

В анкету были включены вопросы, которые условно можно разделить на три блока. Первый из них посвящен жилью (под жильем понимается место, где респондент ночует), второй связан с разнообразием его интеграционных характеристик, третий блок — это социально-демографические характеристики респондента. Эти блоки несколько различались у разных групп респондентов, в частности, мигрантам первого поколения задавались вопросы о жилье, которое стало для них первым в России, мигрантам второго поколения и местным эти вопросы не задавались. На основании анкетных вопросов были сконструированы аналитические переменные. В частности, на базе блока, посвященному жилью, была сконструирована переменная «владение жильем», принимающая значения 1 в случае, если жилье находится в собственности у респондента или члена его семьи, 0 — во всех остальных случаях. Именно эта переменная стала центральной для анализа. На основании десяти вопросов из блока, посвященного интеграции, посредством кластерного анализа (метод — кластеризация *k*-средними) была сконструирована общая переменная «интеграция», а также три частные переменные: «укорененность», «ингрупповой фаворитизм» и «свободное знание русского языка». Кроме того, для анализа были использованы переменные «доход», «квалификация», «транснационализм», «российское гражданство», «количество лет в России», «регион», «тип населенного пункта рождения», «пол», «возраст», «образование», «страна происхождения», «живет с семьей», «живет с супругом», «живет с детьми», «живет с братьями или сестрами»⁴.

Анализ был осуществлен посредством корреляционно-регрессионного моделирования. В качестве зависимой переменной в большинстве случаев в модель

⁴ Более подробное описание переменных, включенных в анализ, доступно по ссылке: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/publicFile/submissionFileId?fileId=10627&hash=e702d7d12362dfbed42162cda3517243>.

помещалась переменная «владение жильем», однако иногда — для проверки гипотез — в качестве зависимой использовались другие переменные. Расчеты осуществлялись в статистическом пакете SPSS, в стандартной выдаче которого при использовании регрессионного анализа методом МНК присутствует стандартизованный коэффициент β , необходимый для сопоставления силы эффекта переменных, различающихся градацией шкал. В связи с этим несмотря на то, что обычно для работы с бинарными зависимыми переменными используется логистическая регрессия, было решено осуществить анализ на основе линейной МНК-регрессии и продемонстрировать его результаты. Модели перепроверялись посредством логистической регрессии, и показатели, в целом будучи менее отчетливыми, по сути не отличались. Всего было оценено 27 моделей, каждая из которых использовалась для проверки или уточнения последовательно формулируемых гипотез.

Результаты

Как опрошенные респонденты распределяются по отношению к занимаемой жилой площади? Как показывают наши оценки (см. табл. 1), среди местных жителей максимальна доля собственников жилья — она составляет 87,6%. Мигранты первого поколения реже всего владеют жильем (29,5%), при этом среди них относительно велика доля проживающих на предоставленной работодателем площади (9,9%), однако чаще всего они являются съемщиками (51,6%). Мигранты второго поколения или выросшие дети мигрантов первого поколения, владея жильем (вероятно, вместе с другими членами семьи) в 64,7% случаев и арендуя его в 31% случаев⁵. Далее анализ будет осуществляться применительно к первому поколению мигрантов.

Таблица 1. **Отношение к жилью среди разных категорий респондентов**

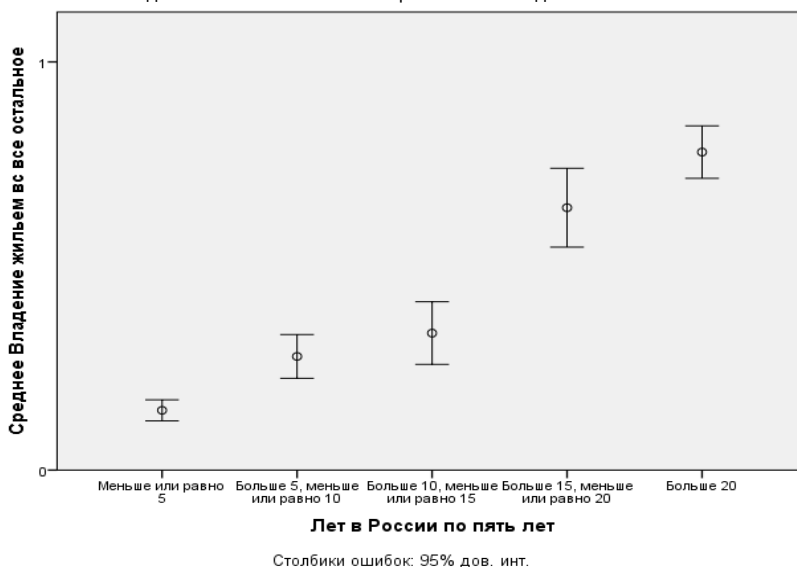
	Я/мы владеем этим жильем	Я/мы снимаем это жилье	Я/мы безвозмездно живем у родственников или знакомых	Я/мы живем в жилье, которое предоставил работодатель	Я/мы живем в жилье, которое предоставило учебное заведение	Число наблюдений
Первое поколение мигрантов	29,5%	51,6%	3,1%	9,9%	5,9%	1441
Второе поколение мигрантов	64,7%	31,0%	2,0%	1,6%	0,7%	451
Местные жители	87,6%	6,7%	4,0%	1,2%	0,5%	1438
Итого						3330

Рассмотрим, как наличие жилья связано с количеством лет, прошедших с момента первого въезда в Россию (см. рис. 4, временная переменная разбита на пятилетние интервалы). Очевидно, что доля владеющих жильем сильно

⁵ Эти различия статистически значимы, Chi-square = 1113, p < 0,001.

и положительно связана со временем пребывания в стране, более того, видно, что наиболее интенсивный рост доли собственников происходит в интервале между 15 и 20 годами с момента первого въезда в Россию⁶.

Рис. 4. Распределение доли владеющих жильем по группам, выделенным на основании времени нахождения в России

Как видно из таблицы 2, абсолютное большинство опрошенных мигрантов приобретают жилье — в отличие от местных жителей, значительно чаще получающих жилье в наследство, от государства или организации, а также в результате обмена⁷.

Таблица 2. Способ приобретения жилья среди разных категорий респондентов

	Это жилье Вы/Ваша семья ...					Итого
	... купили	... обменяли	... получили в наследство	... получили у государства	... получили от организации	
Первое поколение мигрантов	84,8%	1,2%	5,0%	5,0%	4,0%	420
Второе поколение мигрантов	90,3%	0,7%	3,8%	3,5%	1,7%	289
Местные	52,3%	7,5%	13,7%	16,8%	9,7%	1251
						1960

⁶ Разница средних статистически значима, согласно тесту ANOVA, сумма квадратов = 66,163, $p < 0,001$.

⁷ Эти различия статистически значимы, Chi-square = 244, $p < 0,001$.

Согласно корреляционному анализу⁸, факт владения жильем статистически связан с большинством прочих переменных, в частности — с возрастом ($r=0,466$, $p<0,001$), длительностью пребывания в России ($r=0,468$, $p<0,001$), планами на будущее ($r=-0,213$, $p<0,001$), наличием российского гражданства ($r=0,567$, $p<0,001$), проживанием в Москве или Московской области ($r=-0,270$, $p<0,001$), наличием работы ($r=-0,076$, $p<0,001$), интеграцией ($r=0,161$, $p<0,001$), укорененностью ($r=0,196$, $p<0,001$), ингрупповым фаворитизмом ($r=-0,066$, $-0,1 > p \geq 0,05$), свободным знанием русского языка ($r=0,189$, $p<0,001$), полом ($r=-0,204$, $p<0,001$), уровнем образования ($r=0,075$, $0,05 \geq p > 0,01$), транснационализмом ($r=-0,306$, $p<0,001$), страной происхождения Азербайджаном ($r=0,245$, $p<0,001$), Арменией ($r=0,281$, $p<0,001$), Кыргызстаном ($r=-0,163$, $p<0,001$), Таджикистаном ($r=-0,100$, $p<0,001$), Узбекистаном ($r=-0,223$, $p<0,001$), другой страной ($r=0,088$, $p<0,001$), неквалифицированной работой ($r=-0,141$, $p<0,001$), проживанием с семьей ($r=0,316$, $p<0,001$), с супругом ($r=0,383$, $p<0,001$), с детьми ($r=0,454$, $p<0,001$), братьями и сестрами ($r=-0,063$, $p<0,001$). Однако, во-первых, эти переменные различаются в том, что касается силы связи с переменной «владение жильем», во-вторых, лишь небольшая часть связей носит очевидно каузальный характер (пример такой связи — связь «владения жильем» с переменной «количество лет в России»), остальные же связи должны стать объектом интерпретации. Наконец, в-третьих, большая часть рассмотренных переменных статистически значимо связаны друг с другом, и эта связь зачастую объясняет связь каждой из них с переменной «владение жильем». Например, переменная «в данный момент работает» неожиданно негативным образом связана с владением жильем, однако это объясняется тем, что среди тех, кто не работает, больше женщин, которые занимаются домашним хозяйством, а такая конструкция больше распространена в семьях, давно живущих в России и имеющих жилье в собственности. В связи с этим необходим регрессионный анализ, который позволит сформулировать более обоснованные предположения о связях между переменными и ответить на вопрос о роли покупки жилья в жизни мигрантов и ее связи с интеграцией.

В то же время корреляционный анализ показывает, что самая сильная связь с владением жильем наблюдается у двух переменных — «количество лет в России» (в свою очередь связанной с переменной «возраст») и «наличие российского гражданства». Их коэффициенты детерминации — 0,22 и 0,32 соответственно. Попробуем включить в регрессионный анализ одновременно две этих переменных, в качестве зависимой взяв «владение жильем» (модель 1)⁹. Коэффициент детерминации этой модели достигает 0,39, а обе переменные — хотя сила связи между каждой из них и «владением жильем» снизилась — остались значимыми и сильно связанными с зависимой переменной. Это значит, что среди пребывающих в России долгое время остаются те, кто не приобрел недвижимость, однако одновременно с этим они не приобрели и гражданство. Можно предположить,

⁸ Таблицы корреляции по всем переменным доступны по ссылке: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/publicFile/submissionFileId?fileId=10627&hash=e702d7d12362dfbed42162cda3517243>.

⁹ Здесь и далее — регрессионные таблицы по всем описанным моделям доступны по ссылке: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/publicFile/submissionFileId?fileId=10627&hash=e702d7d12362dfbed42162cda3517243>.

таким образом, что приобретение недвижимости и гражданства тесно связаны друг с другом. Проверим это, поменяв «владение жильем» и «наличие гражданства» местами (модель 2). В этом случае коэффициент детерминации модели и коэффициенты β изменяются незначительно; это позволяет предположить, что гражданство и наличие недвижимости в собственности, будучи тесно связанными, объясняются примерно одним и тем же набором факторов. Кроме того, можно предположить, что эти переменные не связаны каузально, а скорее вместе объясняются другими факторами. В дальнейшем анализе мы будем периодически проверять эту гипотезу.

На следующем этапе выясним, какие переменные останутся значимыми, если осуществить контроль по количеству лет с момента первого приезда в Россию. Как следует из модели 3, транснационализм остается значимо связанным с зависимой переменной ($\beta = -0,196$, $p < 0,001$), как и переменная «количество лет в России» ($\beta = 0,446$, $p < 0,001$); последняя, впрочем, связана с зависимой переменной сильнее, и коэффициент детерминации этой модели составил 0,28. Содержательно это значит, что, скорее всего, мигранты — вне зависимости от того, сколько времени прошло со времени первого въезда в Россию, — с большей вероятностью приобретут жилье в случае, если их связи с сообществом в отправляющей стране менее интенсивны. Возможно, это связано с тем, где — здесь или там — находится семья, а точнее дети.

Следующие модели (4—7) проверяют роль связи с отправляющим сообществом помимо непосредственных членов семьи. Согласно результатам анализа, транснациональные связи будут поддерживаться вне зависимости от того, где живут члены нуклеарной семьи, и они будут негативным образом связаны с вероятностью наличия недвижимости в России в собственности. При прочих равных наличие здесь супруга и детей (эти переменные связаны между собой, $r = 0,586$, $p < 0,001$) будет положительно ($\beta = 0,179$, $p < 0,001$ и $\beta = 0,278$, $p < 0,001$ соответственно) связано с владением жильем. После контроля как отдельно по количеству лет в России (модель 8), так и по количеству лет в России и транснационализму одновременно (модель 9), переменная «регион проживания» остается связанной с наличием недвижимости. Содержательно это значит, что, хотя (как показывает корреляционный анализ) в Москве живет больше тех, кто ездит в Россию недавно, а также тех, кто поддерживает транснациональные связи, сам по себе факт проживания в Москве или Московской области связан с более низкой вероятностью владения недвижимостью. При контроле на длительность пребывания в России и уровень транснационализма сохраняются различия между мигрантами из разных стран, в частности, если сравнивать с Таджикистаном, чаще имеют недвижимость в собственности мигранты из Армении и Азербайджана, а реже — из Узбекистана. Более того, в уравнении, в которое одновременно включены переменные «количество лет в России», «страна происхождения», «живет с детьми», «регион проживания» и «транснационализм» (модель 11), все переменные будут значимы и вместе они будут объяснять наличие жилья в собственности на 40%.

Для проверки гипотезы о сходстве предикторов моделей, где переменные «владение жильем» и «наличие российского гражданства» поочередно выступают в качестве зависимых, для таких же предикторов была замерена связь с «нали-

чием гражданства» (модель 12). Как и ожидалось, β -коэффициенты оказались сходны — с той лишь разницей, что, по всей видимости, соотношение между гражданством и наличием недвижимости различается по странам происхождения мигрантов: выходцы из Таджикистана отличаются от прочих среднеазиатских мигрантов больше, чем от мигрантов из стран Закавказья.

Теперь перейдем к анализу моделей, которые позволяют ответить на ключевой вопрос статьи, а именно — о связи между наличием недвижимости в собственности и интеграционными переменными. Для начала выясним, есть ли связь между положением мигрантов на рынке труда, и, в частности, доходом и необходимостью профессиональной квалификации для выполнения работ, с одной стороны, и владением жильем, с другой. Напомним, что, согласно корреляционному анализу, среди неквалифицированных работников владельцев недвижимости было меньше, чем среди квалифицированных, однако с доходом наличие недвижимости в собственности, к удивлению, связано не было. Поместим эти переменные в регрессионное уравнение поочередно, сначала проконтролировав длительность пребывания в России и уровень транснационализма. Согласно полученным результатам (модель 13), доход остается незначимым, а эффект квалификационных требований для исполнения работ (модель 14) оказывается относительно небольшим ($\beta = 0,083$, $p = 0,023$). В случае включения в качестве контрольных переменных «страны происхождения», «проживания с детьми» и «региона проживания» (модели 15 и 16) как доход, так и квалификационные требования оказываются незначимы. Из этого можно заключить, что интеграционные показатели, связанные с рынком труда, не имеют собственной связи с владением жильем помимо уже обнаруженной в различиях между «старыми» и «новыми» мигрантами, жителями столичного региона и всех остальных и проч. Кроме того, взятые отдельно, эти показатели с наличием жилья если и связаны, то слабо. Иными словами, доходы у тех, кто только недавно начал ездить в Россию, и тех, кто ездит в Россию давно, даже при том, что последние чаще заняты на позициях, требующих квалификации, практически не различаются. Такое положение вещей можно попытаться объяснить эффектом пандемии, но, возможно, речь идет о более устойчивых структурных причинах. О них пойдет речь в заключительной части статьи.

От положения мигрантов на рынке труда как фактора, предсказывающего наличие недвижимости, перейдем к различным аттитюдным, поведенческим и прочим показателям интеграции. Напомним, на основании десяти вопросов анкеты был сконструирован индекс интеграции, а кроме того — было выделено три отдельных интеграционных показателя, получившие названия «укорененность», «ингрупповой фаворитизм» и «свободное знание русского языка». Здесь мы повторяем схему анализа, проведенного в отношении переменных, описывающих положение мигрантов на рынке труда, начиная с переменной «интеграция».

В модели, где контрольными переменными выступают «количество лет в России» и «транснационализм» (модель 17), переменная «интеграция» не является статистически значимой, равно как не фиксируется ее эффекта в модели с прочими контрольными переменными (модель 18) — «страной происхождения», «регионом» и «проживанием с детьми». Таким образом, факт собственности на жилье неплохо (коэффициент детерминации доходит до 0,40) объясняется прежде всего тем,

сколько времени прошло с момента первого въезда в Россию, наличием интенсивных транснациональных связей, страной происхождения, регионом проживания в России, а также проживанием с семьей, однако отдельная роль характеристик интеграции — помимо того, что уже объясняют указанные контрольные переменные, — отсутствует. Иначе говоря, интеграция сама по себе не связана с покупкой недвижимости в России. Сходные показатели фиксируются в моделях, где рассматриваются два из трех аспектов интеграции — ингрупповой фаворитизм (модели 21 и 22) и знание русского языка (модели 23 и 24). Хотя эти аспекты, взятые отдельно, в той или иной степени связаны с фактом владения жильем ($r = -0,066$, $p = 0,062$ и $r = 0,189$, $p < 0,001$ соответственно), последнее статистически убедительно объясняется другими факторами, в эффект которых заложен эффект интеграционных переменных. Иная ситуация складывается в отношении последнего компонента интеграции — укорененности. Как в уравнении с неполным, так и в уравнении с полным набором контрольных переменных (модели 19 и 20 соответственно) эта переменная значима; сила эффекта при этом относительно небольшая, однако в одной из моделей она оказывается больше, чем сила эффекта транснационализма. Из этого можно заключить, что укорененность связана с собственностью на недвижимость отдельным от прочих компонент интеграции образом. Из описанных моделей, впрочем, можно сделать вывод, что покупка недвижимости в России практически не связана с большинством показателей интеграции. Интеграция протекает в рамках одной логики, а покупка недвижимости — в рамках другой; их роднит то, что и то, и другое — так или иначе связано со временем пребывания в России.

На этом основании можно предположить, что покупка недвижимости мигрантами не связана с тем, рассматривают ли они Россию как «конечную остановку» — страну, в которой они будут жить в будущем и стареть. Проверим эту гипотезу, измерив эффект переменной «планы на будущее», которая представляет из себя шкалу ответов от «жить в России» до «жить в другой стране» (модели 25 и 26). Если при малом наборе контрольных переменных сила этого эффекта невелика, но он статистически значим, то при расширении перечня регрессоров эффект уходит практически полностью. Вновь, среди тех, кто долгое время находится в России, а также тех, кто живет менее активной транснациональной жизнью, оказывается больше тех, кто хочет жить в России. Более того, все эти переменные по отдельности связаны с наличием недвижимости в собственности («планы на будущее», впрочем, показывают существенно более слабую связь), однако отдельного эффекта переменной «планы на будущее» на наличие недвижимости нет. В связи с этим можно сказать, что включение планов на будущее в рассмотрение не позволяет лучше объяснить механизмы и причины приобретения жилья мигрантами.

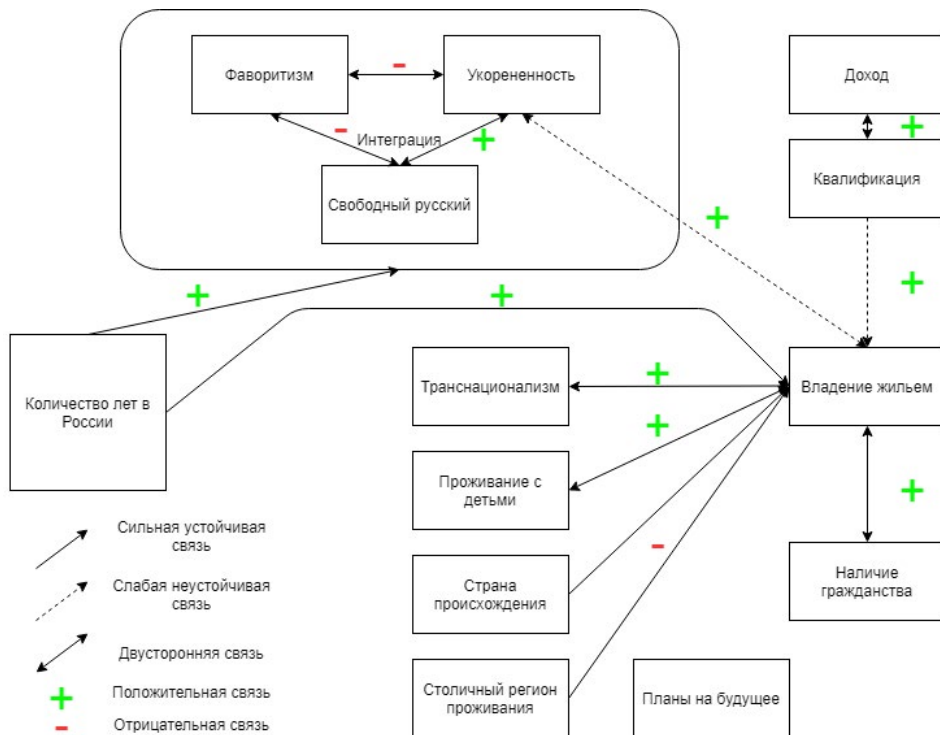
Финальная модель (модель 27), в которую были включены все переменные, сохранившие значимость после контроля по большому набору переменных, наличие российского гражданства, а также социально-демографические переменные, до этого остававшиеся за рамками модели (по причине отсутствия хорошей и нетривиальной теории, которая бы описывала связь между этими переменными и наличием недвижимости в собственности), позволяет объяснить распределение этой переменной на 46%. В этой конструкции независимых переменных статисти-

ческую значимость теряет укорененность, что еще раз позволяет предположить, что интеграция и наличие недвижимости в собственности могут быть связаны друг с другом хронологически, но не по смыслу.

На схеме (см. рис. 5) с некоторой долей условности представлены основные результаты вычислений. Стрелками обозначены связи, которые сохраняются в регрессионном уравнении при наличии контрольных переменных, сплошные стрелки — это устойчивые и сильные связи, пунктирные — слабые и неустойчивые. Знаки «+» и «-» обозначают направление связей (положительные или отрицательные). Одно- или двусторонние стрелки — это предположения о каузальности. Главный и основной результат — это отсутствие устойчивых связей между владением жильем и блоком интеграционных переменных. Позиции мигрантов на рынке труда также не являются важным предиктором владения жильем. При этом наиболее существенные факторы, которые предсказывают последнее, — это количество лет пребывания в России, уровень транснационализма, проживание с детьми, столичный регион проживания, а также страна происхождения мигрантов. Кроме того, владение жильем связано с наличием гражданства, и набор факторов, который предсказывает последнее, во многом совпадает с набором, предсказывающим владение жильем.

Рис. 5. Схема, описывающая результаты анализа

Дискуссия

Что означают эти результаты? По-видимому, для российских мигрантов до определенной степени релевантна модель линейной ассимиляции, когда большинство интеграционных и прочих переменных связаны друг с другом, а также с количеством лет, прошедших с момента первого въезда в Россию. Мигранты, оказавшись в России, постепенно учат русский язык, устанавливают социальные связи разного типа, начинают идентифицировать себя со страной в целом и конкретными местами в ней, меняют установки в отношении тех, кто относится к их национальности и религии, и тех, кто к ним не относится, и со временем получают гражданство и покупают квартиру. Параллельно с этим снижается и интенсивность транснациональных связей, и это позволяет заключить, что модель линейной ассимиляции дополняет транснациональная модель.

Более детальный анализ, однако, показывает, что и разные показатели интеграции, и владение жильем, будучи ассоциированы со временем пребывания в России, практически не связаны друг с другом. Как это можно объяснить? Привлечем для этого две теории — теорию сегментной ассимиляции [Portes, Zhou, 1993; Portes, Rumbaut, 2001] и теорию двойного рынка труда [Reich, Gordon, Edwards, 1973; Massey et al., 1993]. Согласно первой из них, разные аспекты интеграции не связаны друг с другом, и можно преуспеть в принимающем обществе, поддерживая существенный уровень ингруппового фаворитизма. По всей видимости, с годами пребывания в России мигранты в большинстве случаев накапливают ресурс для того, чтобы приобрести недвижимость, однако ни накопление этого ресурса, ни приобретение недвижимости (равно как и получение гражданства) само по себе почти не будет связано со снижением уровня ингруппового фаворитизма и прочими показателями культурной, социальной и идентификационной интеграции за исключением укорененности, которая, однако, может появиться в результате покупки недвижимости. Из других исследований известно, что в некоторых случаях именно покупка недвижимости становится для мигрантов индикатором «укоренения» в районную жизнь, и весьма логично, что соответствующее ощущение может дать факт наличия собственности на недвижимость [Ермакова, Варшавер, Иванова, 2020]. Вместе с тем отсутствие отдельной связи между владением жильем и планами на будущее позволяет предположить и то, что покупка жилья может быть рациональной инвестицией, которая именно поэтому и не связана с прочими аспектами интеграции и осуществляется в тот момент, когда для такой инвестиции появляются ресурсы. Эти ресурсы могут носить в том числе и распределенный, родственно-земляческий характер, и именно так можно объяснить различия между среднеазиатскими и закавказскими странами в части вероятности приобретения жилья при одинаковой длительности пребывания в стране — коллективный ресурс закавказских мигрантов выше. Отдельный вопрос состоит в том, почему связь между положением мигрантов на рынке труда и владением жильем слаба или отсутствует. Здесь, задействовав ресурсы теории двойного рынка труда, можно предположить, что те позиции, на которых работают мигранты, не дают существенных возможностей ни для карьерного роста, ни для роста доходов, в результате чего значимым фактором для приобретения недвижимости является только то, сколько лет мигрант осуществляет такую деятельность

и, соответственно, сколько лет он копит ресурс для последующей инвестиции. По всей видимости, похожим статусом обладает гражданство, которое, ко всему прочему, дополнительно связано с владением жильем; в данном случае работает совокупность механизмов, среди которых и необходимость постоянной регистрации для получения гражданства, и большая доступность ипотечных кредитов для граждан России.

При этом важно отметить, что материалы, собранные в ходе этого исследования, как и любые данные опросов о миграции, имеют методологические ограничения. Речь идет о том, что данные обычно собираются либо в принимающем обществе, либо — реже — в отправляющем, и практически не собираются одновременно и в том, и в другом. В структуре полученной нами опросной выборки много молодежи. Можно предположить, что это следствие сбора данных посредством социальных сетей, где перепредставлена молодежь. Однако в первую очередь это, по всей видимости, связано с тем, что постсоветская миграция — это в значительной степени транснациональная миграция [Rahmonova–Schwarz, 2012; Абашин, 2016]. Российские мигранты обычно не переезжают однократно, но начинают приезжать на заработки, а затем остаются или не остаются в России. Вполне возможно, что к этому выбору мигрантов подталкивает нормативность, связанная с этапом жизненного пути: поездки на заработки в странах с миграционной культурой [Kandel, Massey, 2002] — занятие для молодых, для представителей более старших возрастов они могут являться индикатором социальной неуспешности. В таком случае может стоять выбор между тем, чтобы вернуться или остаться в России, при этом последнее будет предполагать получение гражданства и покупку недвижимости. Как следует из наших данных, большинство тех, кто сейчас в России и первый раз приехал пятнадцать или более лет назад, действительно, со временем покупают жилье. Однако более важной задачей в этом контексте было бы определить, кто после нескольких лет поездок остается в России, а кто возвращается в страну происхождения, поскольку именно с этим в первую очередь связан факт наличия недвижимости — при том, что большинство независимых переменных, которые были использованы для объяснения наличия недвижимости в собственности, весьма вероятно, объясняли бы и выбор страны для жизни. Более того, можно предположить, что интеграционные переменные в таком моделировании сыграли бы гораздо более важную роль. Исследования того, в какой стране — отправляющей или принимающей — мигрант покупает жилье, существуют [Owusu, 1998], но большинство из них также оказывается в плену описанного методологического смещения. Можно, таким образом, дополнить созданную модель следующим образом: те, кто по какой-то причине по прошествии десяти-пятнадцати лет поездок в Россию все еще находится в России, с высокой долей вероятности имеют недвижимость в собственности, однако почему они остаются в России, а не в стране происхождения — мы доподлинно не знаем. Это заставляет всерьез задуматься о большом транснациональном исследовании, в фокусе которого оказались бы те, кто родился в одной из отправляющих стран и за последние десятилетия ездил в Россию, а в качестве ключевого исследовательского вопроса было бы то, почему в результате они оказались в России или в отправляющей стране. В такое исследование, безусловно, были бы включены и вопросы, связанные с наличием недвижимости в той или иной стране.

Описанное ограничение является, пожалуй, основным, но не единственным. Как и в других исследованиях такого типа, кросс-секционный дизайн позволяет с известной долей условности говорить о связи переменных: скажем, количества лет со времени первого въезда и фактом покупки недвижимости. Однако фактически речь идет о том, что среди начавших поездки в соответствующий период доля людей с недвижимостью в собственности выше, и тому теоретически могут быть иные объяснения, в частности, связанные с конъюнктурой на рынке труда в те или иные годы. В приведенном примере представляется, что речь все-таки идет именно о влиянии времени на покупку недвижимости посредством накопления ресурсов, однако, в целом, кросс-секционный, а не лонгитюдный дизайн исследования создает существенные ограничения с точки зрения определения каузальности связей. Помимо лонгитюдного дизайна способом верификации причинно-следственной связи могла бы стать серия глубинных интервью, проясняющих ход мысли информантов, пришедших к покупке жилья. Как упоминалось выше, в качественных социологических интервью, взятых авторами в рамках параллельного проекта, было показано, что жилье покупается под влиянием необходимости укоренения как элемента типичной биографии; значит, время здесь оказывается фактором, влияющим на принятие решения. Такие выводы, однако, предполагают иной дизайн исследовательского проекта и не могут быть сделаны на материале этой статьи.

Еще одно важное ограничение состоит в том, что исследование проводилось в специфический период — во время пандемии коронавируса. Мигрантов пандемия на различных этапах ее развития затронула по-разному. Если в ее начале многие мигранты потеряли работу и доход [Варшавер, Иванова, Рочева, 2020; Рочева, Варшавер, Иванова, 2020], то в момент сбора этих данных (ноябрь — декабрь) в России, экономика которой восстанавливалась после локдауна, мигрантов было примерно на миллион меньше, чем обычно бывает в этот сезон [Флоринская, Мкртчян, 2021]. Это создало большой дефицит на рынке труда, и в результате зарплаты низкоквалифицированных мигрантов существенно выросли, что может объяснять отсутствие связи между доходом и собственностью на недвижимость — различия в оплате труда мигрантов разной квалификации временно сгладились.

Все обозначенные ограничения, с точки зрения авторов, не отменяют основных выводов исследования. Так, для прибывающих в Россию мигрантов в целом релевантна модель линейной ассимиляции: она объясняет статус владения недвижимостью — со увеличением времени, прошедшего с первой поездки в Россию, линейно растут как показатели интеграции, так и доля владеющих недвижимостью. При этом дополнительной связи между большинством показателей интеграции и наличием жилья в собственности — помимо той, которая обеспечивается названной выше длительностью пребывания в стране, — нет.

Список литературы (References)

Абашин С. Н. Транснациональная миграция в Россию и интеграционный потенциал трудовых мигрантов // Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России: Коллективная монография / ред. и сост. М. С. Розанова;

пер. с англ. М. С. Розановой и А. Б. Лесохина. СПб.: Центр гражданских, социальных, научных и культурных инициатив «СТРАТЕГИЯ»: Скифия-принт, 2016. С. 43—55.
Abashin S. N. (2016) Transnational Migration to Russia and the Integration Potential of Labor Migrants. In: Rozanova M. S. (ed.) *Labor Migration and Migrant Integration Policy in Germany and Russia: A Collective Monograph*, transl. by Rozanova M. S., A. B. Lesokhin. St. Petersburg: Center for Civil, Social, Scientific and Cultural Initiatives STRATEGY; Scythia-print. P. 43—55. (In Russ.)

Бредникова О., Ткач О. Дом для номады // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2010. Т. 2. № 3. С. 72—95.

Brednikova O., Tkach O. (2010) What Home Means to the Nomad. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. Vol. 2. No. 3. P. 72—95. (In Russ.)

Варшавер Е., Иванова Н., Рочева А. Положение мигрантов в России во время пандемии коронавируса (COVID-19): результаты опроса. Москва: РАНХиГС, 2020. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3672397>.

Varshaver E., Ivanova N., Rocheva A. (2020) Migrants in Russia during the COVID-19 Pandemic: Survey Results. Moscow: RANEPА. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3672397>. (In Russ.)

Варшавер Е. А., Рочева А. Л. Интеграция мигрантов: что это и какую роль в ее осуществлении может играть государство // *Журнал исследований социальной политики*. 2016. Т. 14. № 3. С. 315—330.

Varshaver E. A., Rocheva A. L. (2016) Migrant Integration: What is it and What Role Does the State Play in Its Implementation? *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 14. No. 3. P. 315—330. (In Russ.)

Гришанов В. И., Ноздрин Н. Н., Шнейдерман И. М. Роль жилья в миграционных процессах в России // *Народонаселение*. 2017. Т. 78. № 4. С. 91—104. <https://doi.org/10.26653/1561-7785-2017-4-7>.

Grishanov V. I., Nozdrina N. N., Schneiderman I. M. (2017) The Role of Housing in Migration Processes in Russia. *Population*. Vol. 78. No. 4. P. 91—104. <https://doi.org/10.26653/1561-7785-2017-4-7>. (In Russ.)

Ермакова М. А., Варшавер Е. А., Иванова Н. С. Характеристики проживания и интеграция мигрантов в Москве и Московской области // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2020. Т. 20. № 2. С. 363—381. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-2-363-381>.

Ermakova M. A., Varshaver E. A., Ivanova N. S. (2020) Features of Settlement and Integration of Migrants in Moscow and the Moscow Region. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 20. No. 2. P. 363—381. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-2-363-381>. (In Russ.)

Рочева А. Л. Исследование позиций «карьеры квартиросъемщика» и моделей проживания в Москве мигрантов из Киргизии и Узбекистана // *Социологический журнал*. 2015. Т. 21. № 2. С. 31—50. <https://doi.org/10.19181/socjour.2015.21.2.1319>.

Rocheva A. L. (2015) Research of 'Tenant Career' Positions and Housing Models of Migrants from Kyrgyzstan and Uzbekistan in Moscow. *Sociological Journal*. Vol. 21. No. 2. P. 31—50. <https://doi.org/10.19181/socjour.2015.21.2.1319>. (In Russ.)

Рочева А. Л., Варшавер Е. А., Иванова Н. С. Уязвимые группы в чрезвычайных ситуациях: солидарность и доверие государству как основа стратегий мигрантов в России во время пандемии COVID-19 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 488—511. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1714>.

Rocheva A. L., Varshaver E. A., Ivanova N. S. (2020) Vulnerable Groups in Disasters: Solidarity and Trust in Government as the Basis for Migrant Strategies in Russia during the COVID-19 Pandemic. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 488—511. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1714>. (In Russ.)

Флоринская Ю. Ф., Мкртчян, Н. В. Миграция в Россию: самый низкий уровень за десятилетие // Экономическое развитие России. 2021. Т. 28. № 1. С. 50—54. Florinskaya Yu.F., Mkrtchyan N.V. (2021) Migration to Russia: the Lowest Rate in a Decade. *Russian Economic Developments*. Vol. 28. No. 1. P. 50—54. (In Russ.)

Alba R. D., Logan J. R. (1992) Assimilation and Stratification in the Homeownership Patterns of Racial and Ethnic Groups. *International Migration Review*. Vol. 26. No. 4. P. 1314—1341. <https://doi.org/10.1177/019791839202600411>.

Amuedo-Dorantes C., Mundra K. (2013) Immigrant Homeownership and Immigration Status: Evidence from Spain. *Review of International Economics*. Vol. 21. No. 2. P. 204—218. <https://doi.org/10.1111/roie.12031>.

Balakrishnan T. R., Wu Z. (1992) Home Ownership Patterns and Ethnicity in Selected Canadian Cities. *Canadian Review of Sociology/Revue Canadiens de Sociologie*. Vol. 17. No. 4. P. 389—403. <https://doi.org/10.2307/3341216>.

Callis R. R. (2003) Moving to America — Moving to Homeownership: 1994—2002. Current Housing Reports H121/03—1. Washington, DC: U. S. Census Bureau. URL: <https://www.census.gov/prod/2003pubs/h121-03-1.pdf>.

Chua J., Miller P.W. (2009) The Impact of Immigrant Status on Home Ownership in Australia. *International Migration*. Vol. 47. No. 2. P. 155—192. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2435.2008.00504.x>.

Constant A. F., Roberts R., Zimmermann K. F. (2009) Ethnic Identity and Immigrant Homeownership. *Urban Studies*. Vol. 46. No. 9. P. 1879—1898. <https://doi.org/10.1177/0042098009106022>.

Elder G. H. (1994) Time, Human Agency, and Social Change: Perspectives on the Life Course. *Social Psychology Quarterly*. Vol. 57. No. 1. P. 4—15. <https://doi.org/10.2307/2786971>.

Erdal M. B. (2012) 'A Place to Stay in Pakistan': Why Migrants Build Houses in Their Country of Origin. *Population, Space and Place*. Vol. 18. No. 5. P. 629—641. <https://doi.org/10.1002/psp.1694>.

Esser H. (2001) Integration und Ethnische Schichtung. Arbeitspapiere – Mannheimer Zentrum für Europäische Sozialforschung Nr. 40. Mannheim: Mannheimer Zentrum für

Europäische Sozialforschung. URL: <http://www.mzes.uni-mannheim.de/publications/wp/wp-40.pdf>.

Feijten P., Mulder C. H., Baizán P. (2003) Age Differentiation in the Effect of Household Situation on First–Time Homeownership. *Journal of Housing and the Built Environment*. Vol. 18. No. 3. P. 233–255. <https://doi.org/10.1023/A:1025111119396>.

Heckmann F. (2005) Integration and Integration Policies: IMISCOE Network Feasibility Study. Bamberg: European Forum for Migration Studies. URL: <https://www.efms.uni-bamberg.de/pdf/INTPOL%20Final%20Paper.pdf>.

Johnston S. J., Katimin M., Milczarski W. J. (1997) Homeownership Aspirations and Experiences: Immigrant Koreans and Dominicans in Northern Queens, New York City. *Cityscape: A Journal of Policy Development and Research*. Vol. 3. No. 1. P. 63–90.

Kandel W., Massey D. S. (2002) The Culture of Mexican Migration: A Theoretical and Empirical Analysis. *Social Forces*. Vol. 80. No. 3. P. 981–1004. <https://doi.org/10.1353/sof.2002.0009>.

Kauppinen T. M., Skifter Andersen H., Hedman L. (2015) Determinants of Immigrants' Entry to Homeownership in Three Nordic Capital City Regions. *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*. Vol. 97. No. 4. P. 343–362. <https://doi.org/10.1111/geob.12085>.

Kauppinen T. M., Vilkkama K. (2016) Entry to Homeownership among Immigrants: a Decomposition of Factors Contributing to the Gap with Native–Born Residents. *Housing Studies*. Vol. 31. No. 4. P. 463–488. <https://doi.org/10.1080/02673037.2015.1094566>.

Kim A. H., Boyd M. (2009) Housing Tenure and Condos: Ownership by Immigrant Generations and the Timing of Arrival. *Canadian Journal of Urban Research*. Vol. 18. No. 1. P. 47–73.

Krivo L. J. (1995) Immigrant Characteristics and Hispanic-Anglo Housing Inequality. *Demography*. Vol. 32. No. 4. P. 599–615. <https://doi.org/10.2307/2061677>.

Kuure V. Z., Arku G., Luginaah I., Abada T., Buzzelli M. (2016) Impact of Remittance Behaviour on Immigrant Homeownership Trajectories: An Analysis of the Longitudinal Survey of Immigrants in Canada from 2001 to 2005. *Social Indicators Research*. Vol. 127. No. 3. P. 1135–1156. <https://doi.org/10.1007/s11205-015-1011-9>.

Magnusson Turner L., Hedman L. (2014) Linking Integration and Housing Career: A Longitudinal Analysis of Immigrant Groups in Sweden. *Housing Studies*. Vol. 29. No. 2. P. 270–290. <https://doi.org/10.1080/02673037.2014.851177>.

Massey D. S. (1985) Ethnic Residential Segregation: A Theoretical Synthesis and Empirical Review. *Sociology and Social Research*. Vol. 69. No. 3. P. 315–350.

Massey D. S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Edward Taylor J. (1993) Theories of International Migration: A Review and Appraisal. *Population and Development Review*. Vol. 19. No. 3. P. 431–466. <https://doi.org/10.2307/2938462>.

McConnell E.D., Marcelli E.A. (2007) Buying into the American Dream? Mexican Immigrants, Legal Status, and Homeownership in Los Angeles County. *Social Science Quarterly*. Vol. 88. No. 1. P. 199–221. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6237.2007.00454.x>.

Mortimer J. T., Shanahan M. J. (eds.). (2007) Handbook of the Life Course. New York, NY: Springer Science+Business Media.

Myers D., Lee S. W. (1998) Immigrant Trajectories into Homeownership: A Temporal Analysis of Residential Assimilation. *International Migration Review*. Vol. 32. No. 3. P. 593–625. <https://doi.org/10.1177/019791839803200302>.

Obeng-Odoom F. (2010) Urban Real Estate in Ghana: A Study of Housing-Related Remittances from Australia. *Housing Studies*. Vol. 25. No. 3. P. 357–373. <https://doi.org/10.1080/02673031003711568>.

Osili U. O. (2004) Migrants and Housing Investments: Theory and Evidence from Nigeria. *Economic Development and Cultural Change*. Vol. 52. No. 4. P. 821–849. <https://doi.org/10.1086/420903>.

Owusu T. Y. (1998) To Buy or not to Buy: Determinants of Home Ownership among Ghanaian Immigrants in Toronto. *Canadian Geographer/Le Géographe Canadien*. Vol. 42. No. 1. P. 40–52. <https://doi.org/10.1111/j.1541-0064.1998.tb01551.x>.

Portes A., Rumbaut R. G. (2001) Legacies: The Story of the Immigrant Second Generation. Berkeley, CA: University of California Press.

Portes A., Zhou M. (1993) The New Second Generation: Segmented Assimilation and Its Variants. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 530. No. 1. P. 74–96. <https://doi.org/10.1177/0002716293530001006>.

Rahmonova-Schwarz D. (2012) Family and Transnational Mobility in Post-Soviet Central Asia. Labor Migration from Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan to Russia. Baden-Baden: Nomos.

Ray B. K., Moore E. (1991) Access to Homeownership among Immigrant Groups in Canada. *Canadian Review of Sociology/Revue Canadienne de Sociologie*. Vol. 28. No. 1. P. 1–29. <https://doi.org/10.1111/j.1755-618X.1991.tb00142.x>.

Reich M., Gordon D. M., Edwards R. C. (1973) A Theory of Labor Market Segmentation. *The American Economic Review*. Vol. 63. No. 2. P. 359–365.

Schiller N. G., Basch L., Blanc-Szanton C. (1992) Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration. *Annals of the New York Academy of Sciences*. Vol. 645. No. 1. P. 1–24. <https://doi.org/10.1111/j.1749-6632.1992.tb33484.x>.

Shooshtari S., Harvey C. D., Ferguson E., Heinonen T., Khan S. (2014) Effects of Remittance Behavior on the Lives of Recent Immigrants to Canada from the Philippines: A Population-Based Longitudinal Study. *Journal of Family and Economic Issues*. Vol. 35. No. 1. P. 95–105. <https://doi.org/10.1007/s10834-013-9356-1>.

Teixeira C. (2006) Housing Experiences of Black Africans in Toronto's Rental Market: A Case Study of Angolan and Mozambican Immigrants. *Canadian Ethnic Studies*. Vol. 38. No. 3. P. 58—86.

Vertovec S. (2009) *Transnationalism*. London: Routledge.

Yu Z. (2006) A Different Path to Homeownership: The Case of Taiwanese Immigrants in Los Angeles. *Housing Studies*. Vol. 21. No. 4. P. 555—579. <https://doi.org/10.1080/02673030600709082>.

DOI: [10.14515/monitoring.2022.2.1920](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1920)

Н. П. Космарская, В. М. Пешкова, И. С. Савин

МОСКВА — ГОРОД КОНТАКТОВ? ФОРМАТЫ И МАСШТАБЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МОСКВИЧЕЙ С МИГРАНТАМИ

Правильная ссылка на статью:

Космарская Н. П., Пешкова В. М., Савин И. С. Москва — город контактов? Форматы и масштабы взаимодействия москвичей с мигрантами // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 248—271. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1920>.

For citation:

Kosmarskaya N. P., Peshkova V. M., Savin I. S. (2022) Is Moscow a City of Contacts? Formats and Scale of Muscovites' Interaction with Migrants. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 248–271. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1920>. (In Russ.)

МОСКВА — ГОРОД КОНТАКТОВ? ФОРМАТЫ И МАСШТАБЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МОСКВИЧЕЙ С МИГРАНТАМИ

КОСМАРСКАЯ Наталья Петровна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

E-MAIL: kosmarskis@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-0122-3375>

ПЕШКОВА Вера Михайловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия

E-MAIL: pever@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3530-922X>

САВИН Игорь Сергеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

E-MAIL: savigsa@inbox.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6812-7014>

Аннотация. В статье изучаются масштабы и форматы взаимодействия принимающего населения столичного мегаполиса с мигрантами как «видимыми другими» в различных социальных контекстах (соседство, дружба, профессиональные контакты). На основе анализа материалов анкетного опроса 452 жителей Москвы, проведенного в декабре 2020 г., предпринимается попытка рассмотреть взаимодействие «местных» и «приезжих» в нескольких аспектах. Во-первых, это основные социальные сферы и ситуации, в кото-

IS MOSCOW A CITY OF CONTACTS? FORMATS AND SCALE OF MUSCOVITES' INTERACTION WITH MIGRANTS

*Natalya P. KOSMARSKAYA*¹ — *Cand. Sci. (Econ.)*, Senior Research Fellow

E-MAIL: kosmarskis@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-0122-3375>

*Vera M. PESHKOVA*² — *Cand. Sci. (Hist.)*, Senior Research Fellow

E-MAIL: pever@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3530-922X>

*Igor S. SAVIN*¹ — *Cand. Sci. (Hist.)*, Senior Research Fellow

E-MAIL: savigsa@inbox.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6812-7014>

¹ Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

² Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The authors set out to study the extent and formats of interaction between the host population of a metropolitan city and the “visible others” in various social contexts (contacts as friends, neighbors, colleagues, etc.). Based on the analysis of the survey of Moscow residents ($N = 452$) conducted in December 2020, the authors examine the interaction between locals and newcomers from several perspectives. Firstly, these are the main social spheres and situations in which such contacts most often occur and how Muscovites assess

рых чаще всего происходят такие контакты, и оценка этого взаимодействия москвичами. Во-вторых, это восприятие степени близости/отчужденности по отношению к выходцам из различных стран/регионов (Закавказье, Центральная Азия, республики Северного Кавказа). Наконец, по результатам проективной части исследования проанализировано отношение горожан к возможным контактам с «видимыми другими» в разных жизненных ситуациях: от появления таких людей в качестве соседей, коллег, начальника до выбора их в качестве друга, супруга.

Ключевые слова: социальная дистанция, население Москвы, мигранты, «видимые другие», контакты с мигрантами, отношение к миграции, ксенофобия, Центральная Азия, Закавказье, Северный Кавказ

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31684 (2020—2021 гг.).

Введение

Активизация международных трудовых миграций в направлении с глобального Юга в развитые страны глобального Севера начиная со второй половины XX века актуализировала проблему взаимодействия «местных» и «пришлых» в принимающих государствах. Отношение к мигрантам, вызванные их появлением страхи, фобии, потенциал конфликтности — все это стало важнейшим направлением исследований, наряду с поиском факторов, определяющих уровень этой конфликтности и, соответственно, указывающих на возможности и способы ее снижения.

Проблемы негативизма по отношению к «некоренным», которые зачастую одновременно воспринимаются и как этнически/культурно «другие», имеют непреходящую актуальность и в постсоветской России — стране, жители которой постоянно сталкивались с различными волнами беженцев, вынужденных переселенцев, трудовых мигрантов из постсоветских стран. Нельзя забывать и о внутренней миграции, в том числе и из республик Северного Кавказа. В России число регистрирующихся на новом месте жительства в 2000-е годы колебалось вокруг 2 млн человек ежегодно; в следующем десятилетии этот показатель вырос из-за

this interaction. Secondly, these are features of their assessment of the degree of closeness to and alienation from the migrants from different countries/regions (Transcaucasia, Central Asia, republics of the North Caucasus). Finally, according to the projective part of the study, the inclination of city dwellers to possible contact with “visible others” in different everyday situations was analyzed: from the appearance of such people as neighbors, colleagues, and bosses to choosing them as friends and spouses.

Keywords: social distance, host populations of Moscow, migrants, “visible others”, contacts with migrants, attitudes towards migration, xenophobia, Central Asia, Transcaucasia, North Caucasus

Acknowledgments. The study was funded by RFBR and EISR, project number No. 20-011-31684 (2020–2021).

изменений в порядке учета, достигая в отдельные годы 4 млн человек [Козлова, 2015: 111]¹.

В результате в крупных городах страны обосновалось довольно много людей, выглядящих в глазах принимающего населения как «видимые другие» [Дробужева, 2015: 82]. Они нередко воспринимались сквозь призму конкурентной и культурной угрозы, чему в немалой степени способствовала тональность материалов СМИ и публичных дискуссий. Проблема «видимых других» еще больше актуализировалась вследствие активизации трудовой миграции из стран Центральной Азии в начале — середине 2000-х годов. Основная миграционная нагрузка легла на столичные и крупные города. По оценкам специалистов по миграции, основной приток приезжих из Центральной Азии, с Северного Кавказа и государств Закавказья пришелся на Москву и в целом на московскую агломерацию [там же].

Скрытая от постороннего глаза конфликтность на низовом уровне то и дело дает о себе знать громкими инцидентами (в том числе и криминальными), связанными с мигрантами. Не случайно общественное и экспертное мнения сходятся в том, что наиболее распространенная форма ксенофобии — мигрантофобия [Мукомель, 2017].

Принимающее население России нередко включает в категорию «мигрантов» не только людей, прибывших из Закавказья и Центральной Азии, но и российских граждан, визуально отличных от большинства [Зверева, 2014; Пешкова, 2017]. Это обстоятельство проблематизирует отношения между россиянами и «мигрантами» сквозь призму представлений об этнически/культурно «своих» — «чужих», что серьезно осложняет интеграционные процессы в обществе. Следовательно, важной научной и прикладной задачей оказывается изучение в российских условиях специфики действия уже апробированных в западной науке и социальной практике механизмов, снижающих уровень негативизма и тревожности по отношению к тем, кого население считает «чужими» или «несущими угрозу». Непосредственное общение с мигрантами в соответствии с комплексом идей, составляющих «контактную теорию», — один из таких механизмов.

«Контакты» как противоядие от мигрантофобии: современные концептуализации контактов с «чужими»

Последствия появления «чужих» в прежде моноэтнических/монокультурных городских сообществах, вызванные этим появлением страхи и фобии местных жителей и, соответственно, конфликты между «своими» и «чужими» давно превратились в мировой науке в одну из ведущих тем социальных исследований. В поисках «противоядия» от мигрантофобии ученые разных стран обратились в том числе к изучению контактов между мигрантами и принимающим населением.

С дисциплинарной точки зрения такие исследования проводились в двух направлениях. У истоков первого из них, основанного на использовании экспериментальных методов социальной психологии, стоит Г. Оллпорт [Allport, 1954]. Его работу по изучению роли контактов в гармонизации межэтнических/межрасовых

¹ См. также: Кузнецова Е. Росстат назвал регионы с наибольшим оттоком населения // РБК. 2021. 25 августа. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/08/2021/611f9d769a7947f0341ce0ec> (дата обращения: 30.09.2021).

отношений продолжили многочисленные ученики и последователи² (см., например, [Tropp, Pettigrew, 2005]).

Второе направление — социологическое, развивалось в русле поиска и проверки на крупных выборках тех факторов, которые могли способствовать снижению уровня ксенофобии. На роль подобных факторов в западной научной литературе, кроме структурных, описывающих состояние общества, и социально-демографических характеристик индивида, тестировались также те его/ее особенности, которые влияют на отношение к этнокультурным «другим», в том числе мигрантам. Речь идет о свойствах личности (*attitudinal factors*) — доверии к людям, готовности к проживанию в мультиэтнической среде, к общению с представителями разных рас и культур. С точки зрения «контактной теории» любые формы общения с мигрантами (соседские, профессиональные, дружеские и пр.) делают восприятие последних принимающим населением хотя и в разной степени, но более толерантным.

В рамках социологического направления изучения контактов с мигрантами создано уже достаточно много работ. На европейском материале, собранном в разных странах количественными методами и затем обработанном на основе многомерных статистических моделей, значимость контактов с мигрантами для снижения уровня ксенофобии фиксируется довольно давно [Hamberger, Hewstone, 1997; Hayes, Dowds, 2006; Escandell, Ceobanu, 2009; Bevelander, Otterbeck, 2010; Heath et al., 2019].

В западных работах не только статистически обосновывается сам факт наличия описанной закономерности, но изучаются и содержательные аспекты темы:

- обстоятельства, которые способствуют или препятствуют контактам;
- степень их влияния на отношение к мигрантам у разных категорий населения;
- связь между склонностью индивида к контактам и другими его/ее характеристиками (уровень образования, система ценностей и др.).

Анализируются условия, повышающие эффективность воздействия этих контактов на общественные настроения, в частности касающиеся национальной идентичности граждан [Hamberger, Hewstone, 1997; Böltken, 2003; Martinović, 2013; Green, Visintin, Sarrasin, 2018].

Социологи изучали не только разные формы реально существующих контактов между мигрантами и принимающим населением, но и, в проективном разрезе, готовность последнего к такого рода взаимодействию с «другими». Одним из самых известных и эффективно работающих инструментов по изучению потенциальных контактов считается шкала социально-культурной дистанции Э. Богардуса. Общий вывод инициированных им в 1920-е годы исследований состоял в том, что обычно люди комфортнее чувствуют себя с теми, кого воспринимают в качестве таких же, как «мы», похожих на «нас» (см., например, [Wark, Galliher, 2007]). Разработанная ученым шкала состоит из серии вопросов (в различных формулировках: «готовы ли вы...?», «хотели бы вы...?»), направленных на выявление готовности принять человека из другой социальной (этнической) группы в качестве супруга, друга, соседа, коллеги, начальника, гражданина своей страны и пр.

² Их научные поиски подробно описаны в обзоре Е. Варшавера [Варшавер, 2015].

В российских социальных исследованиях шкала Богардуса часто используется в различных модификациях. Например, по данным недавнего общероссийского опроса, в регионах с полиэтничным составом населения уровень социальной дистанции ниже, чем в моноэтнических регионах с доминированием русских [Щеголькова, 2020]. Этот метод применялся также при анализе анкет, собранных в 2015—2016 гг. в 39 городах России в рамках проекта «Социально-экономические и социально-культурные предпосылки напряжений и конфликтов в сфере межнациональных отношений», авторы которого выявили зависимости межнациональных установок респондентов от особенностей их социальных характеристик [Кузнецов, 2017: 82—92].

Собственно проблема контактов принимающего населения с «видимыми другими» — речь идет о состоявшихся, реальных контактах, а не о возможных и готовности к ним, — изучена на российском материале весьма слабо. В ряде работ о масштабах ксенофобии/мигрантофобии, основанных на данных общероссийских или региональных опросов, описанная закономерность кратко фиксируется — люди, имевшие мало контактов с мигрантами, обычно оказываются носителями более стойких антимиграционных стереотипов, и наоборот. Тем самым на российском материале подтверждается в самом общем виде базовый постулат контактной теории: больше общения — меньше предубеждения. Так, в статье о ситуации в Екатеринбурге отмечается: «Чем шире круг контактов с мигрантами, тем чаще отношения личной дружбы с ними рассматриваются как приемлемые, больше видов помощи, которую готовы предоставить им жители города» [Бритвина, Могильчак, 2018: 123].

Имеющиеся данные о масштабах общения жителей российских городов с мигрантами отрывочны и достаточно противоречивы. Опрос, проведенный в 2013 г. РОМИР в рамках международного проекта NEORUSS³, показал, что 47,2% респондентов в Москве «не имеют никаких контактов с мигрантами». Еще 32% респондентов выбрали опцию «покупаю у мигрантов продукты, товары; в этом случае, как правило, не знаколюсь». В итоге 79,2% опрошенных в Москве в целом не считали, что имеют опыт личного общения с мигрантами.

Опросы в Томске в тот же период (июнь 2014 г., сентябрь 2015 г.) показали иную картину. Около трети респондентов имели регулярные контакты с мигрантами (от ежедневных до ежемесячных), при этом авторы опроса не уточняли, о каких контактах идет речь [Нам и др., 2017: 187].

Единственной известной нам работой, прицельно посвященной проблеме контактов россиян с мигрантами в российском городском контексте, является статья Н. Соколова [Соколов, 2017]. В ней анализируются результаты двух телефонных опросов населения Санкт-Петербурга (2010 и 2016 гг.) о «распространенности публичных и частных контактов горожан с мигрантами, а также об отношении к мигрантам, которых петербуржцы наблюдали и с которыми контактировали в разных ситуациях» [там же: 81]. Несмотря на наличие ряда интересных выводов,

³ Международный проект, в котором принимали участие авторы статьи, назывался «Национальное строительство, национализм и новый „другой“ в современной России» и был реализован при поддержке Исследовательского Совета Норвегии (2013—2016, № 220599). Проект охватил Москву, Краснодар и Владивосток и опирался на массовые опросы, проведенные исследовательским холдингом РОМИР по заказу организаторов проекта в 2013 г. в трех городах (600 человек), а также по общероссийской выборке (1300 человек).

представленное в статье исследование довольно узкое: под «приватными контактами» имеются в виду трудноопределимые «разговоры», а «разные ситуации» контакта сводятся к частному найму мигрантов.

С учетом практической значимости темы, а также состояния ее изученности в России, авторами было проведено комплексное, основанное на взаимодействующем эффекте количественных и качественных методов⁴ исследование контактов с мигрантами как фактора воздействия на уровень ксенофобии. Его целью стало изучение масштабов, форматов и трудностей взаимодействия принимающего населения Москвы с мигрантами разной этнической принадлежности в разнообразных ситуациях (дружба, соседство, профессиональные контакты и др.), а также изучение готовности москвичей к контактам и их представлений о возможных/желаемых результатах подобного общения. Объектом исследования стали люди, родившиеся в Москве или живущие здесь достаточно долго (семь лет и более), имеющие постоянную регистрацию, жилье и работу.

Предлагаемая статья основана на материалах, собранных в ходе опроса москвичей и является первой публикацией результатов названного исследования. Мы постараемся ответить на три основных вопроса:

1) каковы основные социальные сферы, в рамках которых жители Москвы чаще всего контактируют с иноэтничными мигрантами;

2) как москвичи оценивают степень близости/отчужденности по отношению к определенным группам мигрантов — своих контрагентов по общению;

3) как горожане воспринимают перспективу общения с мигрантами в разных жизненных ситуациях — от появления таких людей в качестве соседей, коллег, начальника до выбора их в качестве своего друга, супруга, друга своих обучающихся в школе детей или внуков.

Методология и методика исследования

Из-за эпидемиологических ограничений опрос был проведен в онлайн-формате. На наш взгляд, в сложившейся обстановке подобный формат был единственно возможным способом выполнить количественную программу исследования в рамках ограниченного времени, выделенного на реализацию проекта. Кроме того, в ряде экспериментальных работ показано, что данные, собранные в ходе онлайн-опросов, не отличаются от результатов, полученных при применении «классического» метода поквартирного обхода и личного анкетного интервью (см. [Некрасов, 2011: 73; Шкурин, 2015: 103]). Поэтому мы полагаем, что собранные данные позволяют делать обоснованные выводы относительно задач исследования, тем более что эти выводы также проверялись с помощью информации, полученной в ходе глубинных интервью.

Опрос проводился в декабре 2020 г. Основным критерием отбора респондентов была их продолжительность проживания в Москве — от семи лет и больше. Выборка сформирована на основании статистических данных о распределении населения Москвы в соответствии с основными социально-демографическими параметрами (пол, возраст, образование) на 1 января 2020 г. Выборка составила

⁴ Опрос москвичей и серия полуструктурированных интервью с жителями города, а также экспертные интервью.

452 человека. Ошибка выборки — 4,5 %. Территориально респонденты распределены по всем округам столицы. Выборка получилась почти мононациональной — около 90 % респондентов ответили, что считают себя русскими. Это соответствует данным последней Всероссийской переписи населения 2010 г., по которым среди указавших свою национальность москвичей 91,65 % составляли русские. Обработка полученных данных проводилась в программе SPSS.

Анкета состоит из четырех тематических блоков. Первый блок дает представление о социально-демографических характеристиках опрошенных: пол, возраст, образование, продолжительность проживания в Москве; сфера занятости, материальное положение; оценка удовлетворенности имеющейся работой и материальным благосостоянием, а также оценка изменений в материальном статусе в течение последнего года. Второй блок охватывает вопросы относительно основных сфер взаимодействия москвичей с мигрантами разного этнического происхождения (дружеское, родственное, соседское, профессиональное общение; контакты при предоставлении мигрантами платных услуг). Этот блок предназначен только для тех, у кого имеется опыт реальных контактов в названных сферах. Третий блок, предназначенный для всех участников, содержит вопросы о ситуациях гипотетического взаимодействия москвичей и приезжих. Наконец, завершающими стали несколько вопросов об отношении москвичей к мигрантам и к миграции в целом.

При составлении анкеты, рассчитанной на самозаполнение, важной методологической задачей стало максимально четкое описание объекта исследовательского интереса — такое, которое не вызывало бы разночтений и сомнений у разных участников опроса. Иными словами, как назвать в анкете тех людей, чьи контакты с москвичами интересовали организаторов опроса в первую очередь? В качестве такого объекта мы определили часть московских жителей, называемую «видимыми другими». Нами учитывалась отмеченная выше важная особенность российской миграционной ситуации — в категорию «мигрантов» массовое сознание часто включает не только давних и недавних выходцев из Закавказья и Центральной Азии, преобладающих среди международных мигрантов, но и российских граждан, визуально отличных от большей части принимающего населения. В случае контактов с мигрантами именно в столичном мегаполисе в первую очередь имеются в виду представители автономий Северного Кавказа.

Похожий подход в интерпретации понятия «мигранты» на уровне исследовательского языка применен в работах Е. Варшавера и его коллег, но он представляется нам чрезмерно суженным [Варшавер и др., 2020]. Так, в качестве мигрантов этими учеными рассматриваются «иностранцы и бывшие иностранцы, вне зависимости от гражданства, а также их дети — вне зависимости от гражданства и места рождения...» [там же: 230]. Далее говорится, что в фокусе внимания исследователей «...не все иностранцы, а этнические мигранты — то есть те, кто воспринимается немигрантами в качестве культурно отличных» [там же: 231].

По нашему мнению, реализация этого подхода в полевой практике может привести к тому, что от внимания как исследователей, так и информантов ускользнут важные составляющие группы «видимых других». Во-первых, это принадлежащие к разным поколениям выходцы из республик Северного Кавказа, которые «ино-

странцами» никак не являются, но в восприятии населения окутаны шлейфом негативной стереотипизации в качестве «кавказцев». Во-вторых, это весьма многочисленная категория выходцев из трех республик Закавказья, оказавшихся на территории современной России по разным причинам (учеба, работа, служба в армии, переезд с родителями и пр.) еще в советское время. Их также нельзя отнести ни к иностранцам, ни к «бывшим иностранцам», но населением они нередко воспринимаются как «визуально» и «культурно отличные» независимо от того, сколько лет они прожили в России и насколько глубоко интегрированы в российский социум.

Имеющиеся в литературе другие варианты «вербализации объекта оценивания» [Соколов, 2017: 84] также представляются не вполне удачными. При организации в Санкт-Петербурге телефонного опроса, нацеленного на выяснение масштабов и характера контактов между местными жителями и мигрантами (2016 г.), исследователями был выбран следующий вариант представления респондентам той группы людей, отношение к которой планировалось изучить: «Опрос посвящен миграции и мигрантам, приехавшим в Санкт-Петербург». И далее: «Под мигрантами мы будем понимать всех, кто приехал в наш город и отличается от коренного населения по своему поведению, образу жизни, внешнему виду и т. д. <...> Главное в определении мигрантов — их культурное отличие от петербуржцев и россиян» [там же].

На наш взгляд, подобное обращение к респондентам априори формирует у последних представления о «культурной чуждости» мигрантов, причем якобы проявляющейся не только визуально, но и на уровне поведения и образа жизни. О наличии/отсутствии таких различий желательно судить на основе личного опыта общения. Однако подобные приведенной преамбуле утверждения, по сути, замещают в сознании респондента основанные на личном опыте представления закрепляющими культурные границы стереотипами. Словосочетание «коренное население» также несет в себе потенциал конфликтогенной стереотипизации.

В нашем опросе в качестве «объекта оценивания» респондентам было решено не предлагать «мигрантов» как термин, сильно нагруженный негативом усилиями российских СМИ. Кроме того, каждый участник опроса может понимать под «мигрантами» весьма разные категории людей. При формулировке вопросов было выбрано нейтральное словосочетание «люди, приехавшие из...», определяемое опять же через перечисление конкретных стран и регионов: Закавказье — Армения, Азербайджан, Грузия; Центральная Азия — Киргизия, Узбекистан, Таджикистан; Северный Кавказ — Чечня, Дагестан.

Кроме того, чтобы избежать возможного ассоциирования «людей, приехавших из...», не с «видимыми другими», а, к примеру, с переезжающими в Россию из Киргизии или Узбекистана русскими, в преамбуле к анкете были перечислены интересующие нас этнические группы из названных стран, а также в широких пределах было указано время (советский и постсоветский периоды) и цели их переезда в Россию (для постоянного проживания или временного трудоустройства).

На наш взгляд, подобные формулировки при объяснении респондентам целей и объекта исследования хотя бы частично заглушают негативный «шум» о миграции и мигрантах, которым отличается существующая в России информационная среда.

Москвичи и «видимые другие»: основные контактные зоны

Контакты в семейной сфере

Многолетние исследования контактов показывают, что сфера семейных отношений остается самой приватной и характеризуется максимальной социальной дистанцией. Это относится и к России. Так, в обследовании «Левада-Центра»⁵ 2020 г. наименьшая степень готовности отмечается в отношении приема в семью представителей этнических меньшинств, при этом евреи и украинцы более предпочтительны в роли потенциальных членов семьи. Далее с большим отрывом и практически на одном уровне располагаются ответы, касающиеся китайцев, выходцев из Африки, Центральной Азии, цыган и чеченцев⁶.

По данным нашего опроса, практически у каждого пятого респондента среди членов семьи есть те, кто состоит (или состоял) в браке с людьми, приехавшими из стран Закавказья, Центральной Азии, республик Северного Кавказа. Наиболее распространен брак с выходцами из Армении, далее с заметным отставанием упоминаются браки с приехавшими из Грузии, Азербайджана, Узбекистана, Дагестана, Таджикистана, Чечни. Почти в десять раз реже, чем в случае с Арменией, сообщается о браках с мигрантами из Киргизии.

Размер социальной дистанции в сфере семейных отношений у всех респондентов, а не только у тех, кто имеет родственников из изучаемых регионов, помогает выявить анализ ответов на проективные вопросы. В частности, был задан вопрос об отношении к тому, что кто-то из членов семьи захочет вступить в брак с приезжим из Закавказья, Центральной Азии или Северного Кавказа. Наименьшая дистанция была выявлена по отношению к мигрантам из Армении и Грузии. Приезжие из остальных стран и регионов оказались в меньшей степени приемлемы в качестве потенциальных родственников. Аутсайдерами выглядят такие регионы, как Таджикистан, Чечня, Узбекистан и Киргизия (см. табл. 1).

Таблица 1. **Распределение ответов на вопрос «Как Вы отнесетесь к ситуации, если кто-то из членов Вашей семьи захочет вступить в брак с человеком, приехавшим из перечисленных ниже стран и республик?», в % (N = 452)**

Страны и регионы	Положительно	Скорее положительно	Нейтрально	Скорее отрицательно	Отрицательно	Всего
Армения	3,1	6,0	47,5	23,9	19,5	100
Азербайджан	1,8	3,3	39,3	28,8	26,8	100
Грузия	2,4	6,0	47,6	24,8	19,2	100
Киргизия	1,5	2,7	37,4	30,5	27,9	100
Узбекистан	1,8	2,9	36,7	31,2	27,4	100
Таджикистан	2,2	3,1	33,6	31,9	29,2	100
Чечня	2,0	2,7	36,2	29,9	29,2	100
Дагестан	2,0	3,3	38,3	27,0	29,4	100

⁵ Российское юридическое лицо, признанное выполняющим функции «иностранным агентом».

⁶ Ксенофобия и национализм // Левада-Центр. 2020. 23 сентября. URL: <https://www.levada.ru/2020/09/23/ksenofobiya-i-natsionalizm-2/print/> (дата обращения: 10.02.2021) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции «иностранным агентом»).

В сравнительной перспективе можно констатировать, что позиция жителей Москвы по отношению к возможности брака своих детей или ближайших родственников с приезжими из изучаемых регионов за последние годы смягчилась. По данным вышеупомянутого опроса РОМИР, если в 2013 г. против браков с приезжими из Армении высказались 53,7% опрошенных москвичей, то в 2020 г. — 43,4%. Негативный настрой по отношению к возможному браку детей/родственников с приезжими из Чечни продемонстрировали 58,5% респондентов в 2013 г. и 53,9% в 2020 г., из Таджикистана — 60% в 2013 г. и 54,7% — в 2020 г.

Контакты в сфере дружеских отношений

Для понимания форм и масштабов взаимодействия москвичей с «видимыми другими» очень важна сфера дружеских контактов, которая свидетельствует об общении не формально-публичного характера, в определенном смысле вынужденном, а об отношениях, являющихся результатом добровольного выбора и индивидуальных предпочтений. Об особой роли дружеских контактов в улучшении отношения к мигрантам неоднократно говорили западные ученые. Так, по результатам опроса жителей четырех стран — ФРГ, Великобритании, Нидерландов и Франции, наиболее надежным предиктором снижения неприязни к членам этнических аут-групп (*outgroup*) являются, на фоне различных контактов (общение на работе, соседство, дружба), именно дружеские отношения [Hamberger, Hewstone, 1997; Bevelander, Otterbeck, 2010].

В какой мере москвичи вовлечены в дружеские отношения с приезжими из изучаемых стран? Большинство респондентов имеют друзей, и примерно половина из них ответили, что среди их друзей есть те, кто приехал в Москву из названных регионов. Большая часть ответивших имеет друзей из Армении. Можно также отметить, что своего рода аутсайдером является Чечня, приезжие из которой реже всего назывались в качестве друзей. Между остальными странами и республиками сложно провести статистически значимое различие. Наиболее активны с точки зрения наличия друзей различного происхождения молодежь в возрасте 18—24 лет и представители средней возрастной когорты от 25 до 44 лет, среди которых примерно треть ответили, что имеют друзей из рассматриваемых регионов (см. табл. 2). Этот результат можно объяснить более активной социальной жизнью, большим количеством сфер, где может произойти персональное взаимодействие людей в таком возрасте.

В группе респондентов, имеющих друзей из изучаемых стран и республик, активное дружеское общение (контакты каждый день или каждую неделю) характерно примерно для трети опрошенных. У остальных частота контактов варьирует от одного раза в месяц до одного раза в несколько месяцев. Наиболее распространенной формой взаимодействия оказываются телефонные разговоры или общение в мессенджерах, затем следуют различного рода встречи (от совместных прогулок до посещения кафе и ресторанов), совместный досуг, общение на работе. Хотя опрос проводился в период пандемии, когда в силу объективных причин живые контакты многих людей были ограничены, представляется, что данное распределение будет характерно и для времени без эпидемиологических ограничений. В целом респонденты, имеющие друзей из стран Закавказья (за исключением

Армении), Центральной Азии и республик Северного Кавказа и поддерживающие с ними регулярные контакты, составляют немногим более десятой части имеющих друзей участников опроса.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Среди Ваших друзей есть те, кто приехал в Москву из перечисленных ниже республик и стран?» (любое число ответов), в % (N = 452)

Страны и регионы	Возраст				В среднем
	18—24 (N = 31)	25—44 (N = 173)	45—59 (N = 117)	60 и старше (N = 131)	
Армения	25,8	33,7	23,3	18,0	25,7
Азербайджан	19,4	16,3	12,9	13,3	14,6
Грузия	32,3	21,5	10,3	14,1	17,0
Киргизия	16,1	12,8	11,2	7,8	11,1
Узбекистан	25,8	16,9	18,1	10,2	15,7
Таджикистан	19,4	14,0	12,9	5,5	11,5
Чечня	16,1	11,6	8,6	3,1	8,6
Дагестан	29,0	20,3	13,8	4,7	14,6
У меня нет друзей, приехавших из этих стран и республик	35,5	36,6	54,3	61,7	47,8
У меня вообще нет друзей	0	0,6	0,9	2,3	1,1

Сравнение данных всероссийского опроса 2019 г. [Щеголькова, 2020] и нашего исследования на основе имеющихся данных затруднено. На первый взгляд, москвичи демонстрируют весьма низкую склонность к дружеским контактам с «видимыми другими». В самом деле, 70 % респондентов по общероссийской выборке, готовых принять в качестве близкого друга человека другой национальности, резко контрастируют с той небольшой долей москвичей (от 8 % до 25 % в зависимости от региона/страны), которые имеют друзей среди людей, приехавших из этих регионов и представляющих их титульные этнические группы.

Но не будем торопиться с выводами. Во-первых, формулировка в общероссийском опросе имеет проективное значение и не может быть корректно сопоставлена с ответами на вопрос о фактическом наличии друзей. Во-вторых, что важнее, сама эта формулировка затемняет ситуацию с готовностью людей к дружеским контактам: «Вы бы согласились или не согласились, чтобы человек другой, отличной от Вашей национальности, стал вашим близким другом?» [там же: 510]. По сути, речь идет не о перечисленных в нашей анкете определенных этнических группах из конкретных регионов исхода, а о человеке неопределенной национальности, параметры которой предлагается домыслить самому респонденту. В каком направлении развернется его/ее ассоциация, непонятно, поэтому, на наш взгляд, результаты ответов на подобный вопрос вообще не могут быть содержательно интерпретированы.

Учитывая представленные соображения, полученная нами информация о наличии у москвичей друзей из стран Закавказья, Центральной Азии и из республик Северного Кавказа нуждается в дальнейшем отслеживании, но выглядит

достаточно оптимистично. Этот вывод поддерживают близкие по смыслу данные об отношении респондентов к дружбе своих детей или внуков со сверстниками, представляющими «видимых других». Примерно две трети наших респондентов, имеющих детей или внуков школьного возраста, не возражали бы против дружбы последних с детьми из рассматриваемых стран/регионов. Еще примерно каждый четвертый не был бы против этого при условии, что семья приезжих окажется близка семье респондента по уровню образования или социальному статусу. Негативное отношение выразил примерно каждый седьмой участник опроса.

В качестве предварительного вывода можно отметить, что ситуация с развитием дружеских контактов москвичей с приезжими находится на переходном этапе. Если судить по нашему опросу, большинство жителей Москвы, не обладая собственными многочисленными контактами с приезжими, считают, что следующие поколения будут более открытыми для такого рода взаимодействий. И реальные, и проективные контакты с приезжими сильно дифференцированы в зависимости от региона/страны исхода.

Контакты между соседями

При изучении социального взаимодействия между соседями на уровне городских домов и микрорайонов чаще всего обсуждается характер связи между составом населения и отношениями между жителями (включая восприятие последними иммигрантов). В научной литературе можно найти противоположные суждения по этому поводу: первое заключается в том, что чем разнообразнее в этнокультурном смысле состав населения (микро)района, тем благоприятнее отношения между мигрантами и принимающим сообществом [Pratsinakis et al., 2017], а другое — в том, что с ростом этнического разнообразия более вероятно снижение активности в сфере социальных контактов [Eisnecker, 2019].

Свою роль играет и количество приезжих, точнее — их доля в численности жителей района. Предполагается, что только умеренное число иммигрантов оказывает положительное влияние на характер соседских отношений [Gorodzeisky, Semyonov, 2020; Pratsinakis et al., 2017]. В то же время пример некоторых европейских городов показывает, что хотя такие отношения важны в первую очередь для социализации мигрантов, их роль в развитии прочных межэтнических связей ограничена, поскольку повседневное соседское общение сложно перевести в близкие отношения или дружбу, особенно когда этническая дифференциация совпадает с классовой [Pratsinakis et al., 2017].

Согласно всероссийскому опросу (лето 2020 г.), проведенному с использованием шкалы Богардуса, наиболее позитивно респонденты отнеслись к перспективе соседства с евреями (13%) и украинцами (11%). Остальные попавшие в фокус исследования этнические и расовые «другие» (китайцы, цыгане, чеченцы, выходцы из Африки и Центральной Азии) вызвали у опрошенных максимальное отторжение в качестве возможных соседей⁷. Подбор этнических «других» организаторами опроса вызывает вопросы, хотя и демонстрирует определенную

⁷ Ксенофобия и национализм // Левада-Центр. 2020. 23 сентября. URL: <https://www.levada.ru/2020/09/23/ksenofobiya-i-natsionalizm-2/print/> (дата обращения: 10.02.2021) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции «иностранного агента»).

иерархию массового восприятия принимающим населением представителей различных этнических и расовых групп.

Более содержательными нам представляются результаты исследования соседских отношений в Москве, проведенного Фондом «Общественное мнение» (ФОМ) в 2014 г.⁸ Данные опроса свидетельствуют о востребованности соседского общения, несмотря на склонность жителей мегаполиса к изоляционизму. Горожане в целом достаточно хорошо знали своих соседей, были информированы о том, откуда они родом и какой национальности. Около 45 % участников опроса поддерживали отношения с соседями из республик Северного Кавказа, 40 % — с приехавшими из стран Закавказья и 22 % — с соседями из Центральной Азии. Примерно для трети опрошенных было важно, какой национальности их сосед. Две трети респондентов ответили, что в их дворе проживают представители народов Закавказья, и отрицательно к этому факту относились около 20 % имеющих таких соседей; у 44 % участников опроса соседями по двору оказались выходцы из Центральной Азии (четверть была недовольна таким соседством). Наконец, у пятой части респондентов соседями по двору были приезжие с Северного Кавказа (и здесь четверть опрошенных с такими соседями были недовольны данным фактом). Среди людей, не имеющих подобных соседей, примерно каждый пятый высказал отрицательное отношение к возможному соседству с выходцами из Закавказья и Центральной Азии, и каждый четвертый — к соседству с приезжими из республик Северного Кавказа.

В нашу анкету также были включены несколько вопросов, направленных на выявление частоты соседских контактов москвичей с приезжими и их отношения к этим контактам. Чуть более половины опрошенных отметили, что среди их соседей по подъезду и этажу есть приезжие из стран Закавказья, Центральной Азии и республик Северного Кавказа.

Такие независимые переменные, как параметры материального благосостояния, образование и возраст, практически не влияют на способность респондентов «замечать» среди соседей людей из интересующих нас стран и регионов. Однако можно предположить, что некоторые из этих переменных (показателей) оказывают влияние на характер взаимодействия с такими соседями. Так, их имена знали 41,2 % из тех, кто «скорее доволен своим материальным положением», четверть тех, кто им «скорее недоволен», притом что в среднем по выборке доля назвавших имена составила треть. Положительно на этот вопрос ответили чуть более трети тех, кто является «бюджетником» (согласно данным опроса, они чаще более позитивно оценивают уровень своего благосостояния по сравнению, например, с работающими в частных компаниях и с самозанятыми).

Большинство наших респондентов ограничиваются «пассивным соседством». Каждый день общаются с живущими рядом приезжими из интересующих нас стран и регионов 8,2 %, каждую неделю — 27,2 %; 16,7 % общаются примерно раз в месяц, остальные (47,8 %) раз в несколько месяцев или практически не контактируют. Несколько более «пассивны» респонденты при обращении к таким соседям с бытовыми просьбами: только 5 % из тех, кто общается с ними, «часто» обращается к ним с бытовыми просьбами, 38,5 % — каждую неделю, а немногим

⁸ (Добро)соседство в Москве. Поддерживаются ли в Москве добрососедские отношения между людьми разных национальностей? // ФОМ. 2015. 5 февраля. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/11937> (дата обращения: 10.02.2021).

более половины (55,3 %) не обращается вообще. Примерно такое же распределение наблюдается в ответах на вопрос о частоте аналогичных обращений к москвичам со стороны соседей, приехавших из Закавказья, Центральной Азии и республик Северного Кавказа.

Полученные данные о бытовом общении свидетельствуют о взаимодействии не слишком интенсивном (чего трудно было бы ожидать от жителей мегаполиса), но все же регулярном и симметричном. В то же время оно свойственно разным в материальном отношении группам респондентов в разной степени. Так, из тех, кто «скорее доволен» своим материальным положением, не обращаются к этим соседям с просьбами 42,3 %, а из тех, кто «скорее недоволен» — 68,4 %.

По данным нашего опроса, лишь около 7 % респондентов в качестве самых нежелательных соседей назвали приезжих из стран Закавказья, Центральной Азии и автономий Северного Кавказа. Чаще всего в такой роли выступают в первую очередь наркоманы и алкоголики. На наш взгляд, это свидетельствует об отсутствии у большинства респондентов устойчивого неприятия представителей интересующих нас регионов в качестве соседей. Повышенная степень негативных эмоций в их адрес со стороны некоторых категорий опрошенных вызвана, скорее всего, особенностями их мировосприятия и коммуникативными особенностями.

На этом фоне вполне ожидаемо выглядит реакция опрошенных на проективные вопросы о соседстве. Большинство ответили, что положительно отнесутся к тому, что их соседями по подъезду станут люди, приехавшие из стран Закавказья, Центральной Азии, республик Северного Кавказа. Масштабы негативизма варьируют от 18,4 % (в отношении приезжих из Армении) до 42 % (выходцы из Чечни в качестве соседей). Негативная реакция на возможное соседство с людьми, приехавшими из стран Центральной Азии, располагается посередине этой своеобразной «шкалы неприятия». Наименее комфортными соседями названы приезжие из регионов Северного Кавказа.

Исходя из представленных данных, остается надеяться, что нейтральное отношение большинства москвичей к приезжим из наиболее «проблемных» регионов (с точки зрения провоцирования ксенофобии в местах вселения) станет основой как для расширения контактов, так и для сохранения доброжелательного отношения к вновь приехавшим соседям. Но этого не произойдет просто по мере накопления объема соседских контактов. Часть жителей, особенно пенсионеры и люди с заниженной оценкой своего материального статуса, по-прежнему будут стараться «не замечать» некоторых своих соседей, оставаясь с ними в отношениях формального соприсутствия: рядом, но не вместе.

Контакты в социально-трудовой сфере

В целом социологические исследования указывают на противоречия между личными интересами жителей столицы и их взглядами как социальной общности. С одной стороны, достаточно распространено представление о конкуренции мигрантов и местного населения за рабочие места⁹. По данным нашего опроса,

⁹ Доклад о деятельности уполномоченного по правам человека в городе Москве о соблюдении и защите прав, свобод человека и гражданина в 2013 г. М., 2014. URL: http://ombudsman.mos.ru/user/docs/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%BO%D0%B4_2013%D0%B3.pdf (дата обращения: 15.04.2022).

такого рода оценка миграции весьма популярна: немногим более половины опрошенных отметили, что работодателям выгоднее брать приезжих на работу, поскольку «они готовы трудиться за скромное вознаграждение». В то же время, несмотря на подобные оценки, труд мигрантов востребован местными жителями, например, в сфере частного найма.

В социальной сфере значительная часть контактов горожан с мигрантами приходится в первую очередь на сферу услуг (городской транспорт, ЖКХ и торговля) [Соколов, 2017: 85], где местные жители выступают либо как коллеги мигрантов, либо как потребители услуг, предоставляемых последними. Представление о том, что мигранты трудятся прежде всего именно в этих отраслях, поддерживается и СМИ [Якимова, 2020; Ивлева, Тавровский, 2019].

По данным исследования в Санкт-Петербурге, в 2010 г. к найму мигрантов для удовлетворения частных нужд прибегало каждое пятое, а в 2016 г. — каждое четвертое домохозяйство [Соколов, 2017: 89]. Качество выполнения мигрантами строительных, ремонтных и хозяйственных работ в сфере частного найма положительно оценивали 56% опрошенных в 2010 г. и 72,4% в 2016 г.

Согласно нашему опросу, за последние три года труд людей, приехавших из стран Закавказья, Центральной Азии или республик Северного Кавказа, использовали 42,9% респондентов. Наиболее востребованы услуги по ремонту квартиры или дачи (48,9%). Треть опрошенных привлекали труд мигрантов для работы на дачном участке и примерно каждый десятый — для домашней работы (в качестве няни, сиделки, домработницы).

Показатели оценки качества выполнения этих услуг сопоставимы с данными, полученными в Санкт-Петербурге. Совокупная оценка «очень хорошо» и «скорее хорошо» в Санкт-Петербурге в 2016 г. составила 72,4% [там же], а в Москве в 2020 г. — 75,2%. Различие состоит в том, что меньше москвичей дали максимальную оценку «очень хорошо» (10,3%), в отличие от 25,1% петербуржцев.

Довольно высокая востребованность труда мигрантов москвичами подтверждается и тем, что более половины участников опроса ответили, что при необходимости воспользуются услугами людей, приехавших из стран Закавказья, Центральной Азии или с Северного Кавказа для ремонта квартиры, дачи, для работы на дачном участке и пр. Более осторожно опрошенные относятся к перспективе привлечения мигрантов для работы в семье (в качестве няни, сиделки и др.). Такую возможность допускает около четверти респондентов. Это вполне объяснимо, ведь постоянное присутствие другого человека в доме означает меньшую дистанцию, чем временные работы по ремонту и строительству. Кроме того, можно предположить, что за почти два десятилетия активной внешней трудовой миграции в Россию/Москву возник своего рода накопительный эффект с точки зрения как восприятия, так и квалификационных навыков ремонтников. Сейчас использовать труд мигрантов в частном порядке для россиян более привычно, чем десять лет назад.

Сфера трудовых отношений рядовому горожанину представляет больше возможностей межличностного общения, чем пространство частного найма. В то же время, согласно ряду исследований, между занятостью и характером отношений с мигрантами нет четкой причинно-следственной связи. Наличие профессиональ-

ных контактов не предполагает их автоматического превращения в более близкие отношения; установление более тесного контакта на рабочем месте скорее зависит от содержания работы и от совпадения профессиональных статусов и интересов [Kanas, van Tubergen, van der Lippe, 2011; Kokkonen, Esaiasson, Gilljam, 2015].

В среднем около трети участников нашего опроса ответили, что у них есть коллеги из стран Закавказья, Центральной Азии и республик Северного Кавказа. В Санкт-Петербурге этот показатель также составлял примерно треть жителей города [Соколов, 2017: 89]. Данная пропорция, видимо, отражает историю интеграции выходцев из соответствующих регионов в рынок труда двух столиц.

Большинство опрошенных всех возрастных и социальных групп считают, что приезжие в целом «работают не хуже и не лучше, чем остальные», идет ли речь о работе дворников, использовании платных услуг в домашнем хозяйстве или эффективности коллег. Однако ответы на вопросы проективного характера выявили несколько иные тенденции.

Во-первых, если судить по доле негативных ответов респондентов на вопрос «Как Вы отнесетесь к ситуации, если Вам придется работать под руководством человека, приехавшего из стран Закавказья, Центральной Азии, республик Северного Кавказа?», то ясно видна зависимость реакции респондента от страны происхождения потенциального начальника. Рассматривая предложенную гипотетическую ситуацию, люди видят прежде всего представителя того или иного региона, а не производственную единицу или позицию внутри корпоративной иерархии, ведь профессиональные компетенции руководителя-чеченца вряд ли будут заметно отличаться от компетенций руководителя-армянина или киргиза. Несмотря на то, что доля «нейтральных» ответов высока, она не всегда доминирует.

Минимальная доля негативных ответов на этот вопрос относится к людям, приехавшим из Армении и Грузии (примерно треть). Между остальными странами и республиками сложно провести различие (в среднем отрицательно относится примерно половина ответивших). Это мнение людей со средним специальным образованием. Ответы респондентов с высшим образованием отражают их несколько более позитивное отношение к работе под началом приезжих руководителей, за исключением Чечни, относительно выходцев из которой позиции людей с высшим и средним специальным образованием совпадают. Также нужно отметить, что уровень негативизма в отношении руководителя из Центральной Азии у людей с высшим образованием незначительно, но ниже по сравнению с мнением тех, у кого оно среднее специальное. Можно допустить, что более высокий уровень образования положительно влияет на возможность новых контактов в трудовой сфере.

Ответы на вопрос «Как Вы отнесетесь к ситуации, если большинство Ваших коллег окажется приезжими из...?» показывают, что уровень негативного отношения к коллегам из названных стран/республик заметно выше, чем отношения к вероятному руководителю из тех же регионов. Наконец, респонденты воспринимают совместную работу с коллегами из Центральной Азии (в среднем половина негативных ответов) как менее желательную, чем с приезжими из Армении и Грузии, но более приемлемую, чем с людьми из Азербайджана, Дагестана и Чечни.

На наш взгляд, это свидетельствует о том, что респонденты воспринимают потенциальных коллег из соответствующих регионов не как носителей профес-

сиональных качеств, а как доминирующую группу «чужих», с которыми им придется иметь дело. И группа выходцев из «кавказских» регионов представляется им несколько менее комфортной, чем выходцы из Центральной Азии. Об этом же свидетельствует тот факт, что более высокий уровень образования не снизил уровень тревожности, то есть предполагаемый повышенный объем знаний неэффективен в преодолении бытовых представлений, рожденных вне сферы профессиональных интересов.

В целом наиболее заметное влияние на степень готовности принять в качестве руководителей и коллег приезжих из выбранных стран и регионов оказывает материальный фактор. Имеется в виду оценка своего материального благосостояния и степень удовлетворенности им. О значимой роли субъективно оцениваемого и объективного материального положения говорят результаты ряда других исследований [Дробжишева, 2015; Щеголькова, 2020; Кузнецов, 2017; Kanas et al., 2011; Ford, Mellon, 2019; Heath et al., 2019]. Их основной вывод состоит в следующем: чем ниже люди оценивают уровень своего материального благосостояния, тем чаще они, особенно в сравнении с людьми более высокого достатка, противятся контактам с выходцами из регионов, отличных от них с этнокультурной и расовой точек зрения, и вообще более негативно относятся к приезжим и к миграции в целом.

Ответы на вопросы о «рабочих контактах» говорят также о том, что здесь в основе установок на общение лежит не рационально осмысленный положительный опыт предшествующих производственных взаимодействий или использования услуг мигрантов, а общий эмоциональный настрой, сформировавшийся у респондента под воздействием различных внешних обстоятельств, включая доминирующую тональность материалов о приезжих в СМИ или мнение окружающих.

Заключение

В статье рассмотрены основные сферы взаимодействия москвичей с приезжими из стран Центральной Азии и Закавказья, республик Северного Кавказа. Результаты нашего исследования еще раз подтвердили эффективность шкалы социальной дистанции для изучения отношения населения к мигрантам. И, хотя этот вывод не нов для отечественных социальных исследований взаимодействия местных жителей и приезжих, отличие нашей работы состоит в сравнении отношения жителей столицы как к реальным, так и к проективным контактам с мигрантами в профессиональной сфере, в рамках соседства, дружеских и семейных отношений.

Анализ данных опроса демонстрирует, что москвичи довольно активно взаимодействуют с мигрантами. Тем не менее наименьшее число контактов с приезжими допускается в семейной сфере; затем следуют сфера социально-трудовых отношений; взаимодействие по поводу найма мигрантов для ремонтных, строительных, дачных работ, для помощи в домашнем хозяйстве; дружеская сфера. Более всего общение с приезжими заметно в сфере соседства.

Наибольшая социальная дистанция и в реальных, и в вероятностных контактах характерна для семейной сферы. Причем опыт реального общения здесь не предполагает, по нашим результатам, однозначно положительной оценки возможности

подобного взаимодействия в будущем: почти пятая часть респондентов имеет среди членов своей семьи тех, кто состоит (или состоял) в браке с мигрантами, но положительно к возникновению такой ситуации в будущем относятся не более одной десятой опрошенных. На втором месте оказалась работа в коллективе с преобладанием мигрантов. Затем, практически на таком же уровне — работа под руководством человека, приехавшего из республик Северного Кавказа, стран Закавказья и Центральной Азии. Далее располагаются оценки ситуации, когда в одном классе с детьми или внуками респондентов будут обучаться дети мигрантов. Наименьшая социальная дистанция отличает возможное соседство с мигрантами.

Реальное и вероятностное общение, согласно данным опроса, в ряде случаев связаны, но есть исключения. Так, разные формы общения с мигрантами, хотя и с некоторыми оговорками, но делают восприятие последних со стороны принимающего сообщества более толерантным. Об этом свидетельствуют ответы, раскрывающие отношение к перспективе работы в коллективе с преобладанием мигрантов, к возможности появления мигрантов в качестве соседей, а также ответы, в которых респонденты оценивали положительные и отрицательные стороны миграции. На отношение к вероятным контактам москвичей с «видимыми другими» также влияет страна происхождения последних. Наиболее позитивно оцениваются отношения (во всех сферах) с приезжими из Армении и Грузии.

Что касается взаимодействия москвичей и мигрантов в сфере трудовых отношений, большинство участников опроса отметили важность вклада приезжих в экономику города, однако при этом последние не воспринимаются как равноценные субъекты контакта. Несмотря на то, что качество выполняемых приезжими услуг и эффективность их работы в целом оцениваются положительно, это мало влияет на готовность воспринимать их в качестве равноценных по уровню квалификации руководителей и сотрудников. Они по-прежнему видятся преимущественно в качестве исполнителей и «представителей» регионов происхождения.

Особо хочется обратить внимание на еще один важный результат исследования: готовность/желание москвичей работать вместе с людьми, приехавшими из других стран и регионов, выражена слабее, чем готовность иметь ближайших соседей-мигрантов. Между тем соседское взаимодействие в классической интерпретации шкалы Богардуса находится на втором после семейной сферы месте, а сфера профессиональных отношений — на третьем. Наши данные подтверждают результаты других российских исследований [Щеголькова, 2020]¹⁰, согласно которым на втором месте по степени отчужденности/близости также находятся не соседи, а коллеги. Это отклонение от классической шкалы можно объяснить особенностями образа жизни в мегаполисе, где соседство не предполагает особой близости, как, вероятно, это было во время создания шкалы в 1920-е годы в иных городских контекстах.

Таким образом, несмотря на наличие выявленных в исследовании социальных сфер, в которых взаимодействие с иноэтничными мигрантами происходит наи-

¹⁰ См. также: Ксенофобия и национализм // Левада-Центр. 2020. 23 сентября. URL: <https://www.levada.ru/2020/09/23/ksenofobiya-i-natsionalizm-2/print/> (дата обращения: 10.02.2021) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции «иностранного агента»).

более интенсивно, сам факт наличия и даже активизации формальных контактов не будет вызывать расширения благоприятных возможностей для углубления интеграции приезжих в московский социум. Это объясняется тем, что взаимодействие может интерпретироваться принимающим населением сквозь призму существующих, не всегда благожелательных, представлений о приезжих, а использование их труда не сопровождается вниманием к ним как личностям, интересным вне потребительской «прагматики».

Чтобы изменить ситуацию, государственным и общественным институтам, органам городского самоуправления нужно прилагать специальные усилия по «очеловечиванию», «персонификации» тех сфер занятости, в которых активно задействованы приезжие. Это необходимо делать путем распространения в публичном пространстве информации о людях, работающих в этих сферах, причем не как об анонимных низкооплачиваемых исполнителях, а как о личностях, индивидуальные качества которых могут быть интересны окружающим, а труд — очень нужен городу.

Хотя представленные в статье результаты вносят свой вклад в современные социальные исследования особенностей и трудностей взаимодействия местных жителей и приезжих, они имеют свои ограничения. Во-первых, можно предположить, что в других российских городах и регионах есть своя специфика, поэтому наши выводы могут стать стимулом для сравнительных исследований. Во-вторых, к изучению такой сложной проблемы, как взаимодействие мигрантов с принимающим населением, следует подходить комплексно — выводы, сделанные на основе количественных методов, следует дополнить анализом качественной социологической информации.

Список литературы (References)

Бритвина И. Б., Могильчак Е. Л. Типология жителей российского мегаполиса по отношению к иноэтничным мигрантам // Мир России. 2018. Т. 27. № 1. С. 114—134. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-1-114-134>.

Britvina I. B., Mogilchak E. L. (2018) The Typology of Citizens of a Russian Megapolis According to their Attitudes to Migrants of Different Ethnicities. *Universe of Russia*. Vol. 27. No. 1. P. 114—134. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-1-114-134>. (In Russ.)

Варшавер Е. А. Теория контакта: обзор // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 5. С. 183—214. URL: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/1134/900> (дата обращения: 17.04.2022).

Varshaver E. A. (2015) Contact Theory: A Review. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 183—214. URL: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/1134/900> (accessed: 17.04.2022). (In Russ.)

Варшавер Е., Рочева А., Иванова Н., Ермакова М. Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн? // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 2. С. 225—253. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2020/06/29/1609584343/SocOboz_19_2_225-253_Varshaver_et_al.pdf (дата обращения: 17.04.2022).

Varshaver E., Rocheva A., Ivanova N., Ermakova M. (2020) Residential Concentrations of Migrants in Russian Cities: Is There a Pattern? *Russian Sociological Review*. Vol. 19. No. 2. P. 225—253. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2020/06/29/1609584343/SocOboz_19_2_225-253_Varshaver_et_al.pdf (accessed: 17.04.2022). (In Russ.)

Дробижева Л. М. Потенциал межнационального согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 80—90.

Drobizheva L. M. (2015) The Potential of Interethnic Consent. Comprehension of the Concept and Social Practice in Moscow. *Sociological Studies*. No. 11. P. 80—90. (In Russ.)

Зверева Н. Дискурсы о мигрантах в современной российской прессе: стратегии борьбы за значение // Новое литературное обозрение. 2014. № 4. С. 88—96.

Zvereva N. (2014) Discourse on Migrants in the Contemporary Russian Media: Strategies of Struggle for the Meaning. *New Literary Observer*. No. 4. P. 88—96. (In Russ.)

Ивлева И. В., Тавровский А. В. Образы трудовых мигрантов в российских массмедиа // Этнографическое обозрение. 2019. № 1. С. 149—165. <https://doi.org/10.31857/S086954150004186-4>.

Ivleva I., Tavrovskiy A. (2019) The Representation of Labour Migrants in the Russian Media. *Ethnographic Review*. No. 1. P. 149—165. <https://doi.org/10.31857/S086954150004186-4>. (In Russ.)

Козлова М. А. «Гости столицы» в глазах москвичей: моральное обоснование оценок миграции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVIII. № 3. С. 110—122.

Kozlova M. A. (2015) «Guests of the Capital» in the Eyes of Muscovites: Moral Reasoning of Attitudes Towards Migration. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. XVIII. No. 3. P. 110—122. (In Russ.)

Кузнецов И. М. Характеристика межнациональных установок как фактор восприятия текущей межнациональной ситуации // Социальные факторы межэтнической напряженности в России / отв. ред. Ю. Б. Епихина, М. Ф. Черныш. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. С. 79—111.

Kuznetsov I. M. (2017) Characteristics of Interethnic Attitudes as a Factor of the Perception of the Current Interethnic Situation. In: Epikhina Yu. B., Chernysh M. F. (eds.) *Social Factors of Interethnic Tension in Russia*. Moscow: FCTAS RAS. P. 79—111. (In Russ.)

Мукомель В. И. Ксенофобия: этнофобии и мигрантофобии принимающего населения // Социальные факторы межэтнической напряженности в России / отв. ред. Ю. Б. Епихина, М. Ф. Черныш. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. С. 146—196.

Mukomel V. I. (2017) Xenophobia: Ethnophobia and Migrantophobia of the Host Population. Social Factors of Interethnic Tension in Russia. In: Epikhina Yu. B., Chernysh M. F. (eds.) *Social Factors of Interethnic Tension in Russia*. Moscow: FCTAS RAS. P. 146—196. (In Russ.)

Нам И. В., Карагеоргий Е. М., Ермолова А. И., Никитина Е. В. Конструирование образа трудового мигранта в региональных СМИ (на примере Томска) // Сибирские исторические исследования. 2017. № 1. С. 166—192.

Nam I. V., Karageorgiy E. M., Ermolova A. I., Nikitina E. V. (2017) the Image of Labour Migrants Constructed by the Mass Media: The Case of Tomsk. *Siberian Historical Research*. No. 1. P. 166—192 (In Russ.)

Некрасов С. И. Сравнение результатов онлайн- и офлайн-опросов (на примере анкет разной сложности) // Социология: 4М. 2011. № 32. С. 53—74.

Nekrasov S. I. (2011) An Experimental Comparison of Online- and Offline Survey Data: A Case of Questionnaires with Different Level of Difficulty. *Sociology: 4M*. No. 32. P. 53—74. (In Russ.)

Пешкова В. М. Дискурсы о «диаспорах» в современной российской федеральной прессе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 61—79. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.1.05>.

Peshkova V. M. (2017) Diaspora Discourses in Contemporary Russian Federal Press. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 61—79. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.1.05>. (In Russ.)

Соколов Н. В. Работящие, но чужие: парадокс восприятия мигрантов массовым сознанием (по результатам исследований в Санкт-Петербурге) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 80—96. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.1.06>.

Sokolov N. V. (2017) Hard-Working but Outsiders: Paradox of Perception of Migrants in Mass Consciousness (the Case of St. Petersburg). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 80—96. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.1.06>. (In Russ.)

Шкурин Д. В. Сравнительная оценка качества данных офлайн- и онлайн-опросов // Дискуссия. 2015. № 8. С. 101—104.

Shkurin D. V. (2015) Comparative Estimate of Quality of the Data Received Through Offline- and Online-Surveys. *Diskussiya*. No. 8. P. 101—104. (In Russ.)

Щеголькова Е. Ю. Межэтнические отношения в оценках россиян: социологический анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 499—520. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1260>.

Shchegolkova E. Yu. (2020) Interethnic Relations in the Assessments of Russians: A Sociological Analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 499—520. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1260>. (In Russ.)

Якимова О. А. Репрезентация мигрантов в российских масс-медиа и ее динамика (2010—2020 гг.) // Siberian Socium. 2020. Т. 4. № 4. С. 22—40. <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2020-4-4-22-40>.

Iakimova O. (2020) Representation of Migrants in the Russian Mass Media and its Dynamics (2010—2020). *Siberian Socium*. Vol. 4. No. 4. P. 22—40. <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2020-4-4-22-40>. (In Russ.)

Allport G. W. (1954) *The Nature of Prejudice*. Boston, MA: Addison-Wesley.

Bevelander P., Otterbeck J. (2010) Young People's Attitudes Towards Muslims in Sweden. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 33. No. 3. P. 404—425. <https://doi.org/10.1080/01419870802346048>.

Böltken F. (2003) Social Distance and Physical Proximity: Day-to-Day Attitudes and Experiences of Foreigners and Germans Living in the Same Residential Areas. In: Alba R., Schmidt P., Wasmer M. (eds.) *Germans or Foreigners? Attitudes Toward Ethnic Minorities in Post-Reunification Germany*. New York, NY: Palgrave MacMillan. P. 233—254. <https://doi.org/10.1057/9780230608825>.

Eisnecker P. S. (2019) Non-Migrants' Interethnic Relationships with Migrants: The Role of the Residential Area, the Workplace, and Attitudes Toward Migrants from a Longitudinal Perspective. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 45. No. 5. P. 800—824. <https://doi.org/10.1080/1369183x.2017.1394180>.

Escandell X., Ceobanu A. M. (2009) When Contact with Immigrants Matters: Threat, Interethnic Attitudes and Foreign Exclusionism in Spain's Comunidades Autónomas. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 32. No. 1. P. 44—69. <https://doi.org/10.1080/01419870701846924>.

Ford R., Mellon J. (2019) The Skills Premium and the Ethnic Premium: A Cross-National Experiment on European Attitudes to Immigrants. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 46. No. 3. P. 512—532. <https://doi.org/10.1080/1369183x.2018.1550148>.

Gorodzeisky A., Semyonov M. (2020) Perceptions and Misperceptions: Actual Size, Perceived Size and Opposition to Immigration in European Societies. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 46. No. 3. P. 612—630. <https://doi.org/10.1080/1369183x.2018.1550158>.

Green E. G. T., Visintin E. P., Sarrasin O. (2018) From Ethnic Group Boundary Demarcation to Deprovincialization: The Interplay of Immigrant Presence and Ideological Climate. *International Journal of Comparative Sociology*. Vol. 59. No. 5—6. P. 383—402. <https://doi.org/10.1177/0020715218801422>.

Hamberger J., Hewstone M. (1997) Inter-Ethnic Contact as a Predictor of Blatant and Subtle Prejudice: Tests of a Model in Four West European Nations. *British Journal of Social Psychology*. Vol. 36. No. 2. P. 173—190. <https://doi.org/10.1111/j.2044-8309.1997.tb01126.x>.

Hayes B. C., Dowds L. (2006) Social Contact, Cultural Marginality or Economic Self-Interest? Attitudes Towards Migrants in Northern Ireland. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 32. No. 3. P. 455—476. <https://doi.org/10.1080/13691830600554890>.

Heath A., Davidov E., Ford R., Green E., Ramos A., Schmidt P. (2019) Contested Terrain: Explaining Divergent Patterns of Public Opinion Towards Immigration Within Europe. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 46. No. 3. P. 475—488. <https://doi.org/10.1080/1369183x.2019.1550145>.

Kanas A., van Tubergen F., Van der Lippe T. (2011) The Role of Social Contacts in the Employment Status of Immigrants. A Panel Study of Immigrants in Germany. *International Sociology*. Vol. 26. No. 1. P. 95—122. <https://doi.org/10.1177/0268580910380977>.

Kokkonen A., Esaiasson P., Gilljam M. (2015) Diverse Workplaces and Interethnic Friendship Formation — A Multilevel Comparison Across 21 OECD Countries. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 41. No. 2. P. 284—305. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2014.902300>.

Martinović B. (2013) The Inter-Ethnic Contacts of Immigrants and Natives in the Netherlands: A Two-Sided Perspective. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 39. No. 1. P. 69—85. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2013.723249>.

Pratsinakis M., Hatziprokopiou P., Labrianidis L., Vogiatzis N. (2017). Living Together in Multi-Ethnic Cities. *Urban Studies*. Vol. 54. No. 1. P. 102—118.

Tropp L. R., Pettigrew T. F. (2005) Relationships Between Intergroup Contact and Prejudice Among Minority and Majority Status Groups. *Psychological Science*. Vol. 16. No. 12. P. 951—957. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2005.01643.x>.

Wark C., Galliher J. F. (2007) Emory Bogardus and the Origins of the Social Distance Scale. *The American Sociologist*. Vol. 38. No. 4. P. 383—395. <https://doi.org/10.1007/s12108-007-9023-9>.

DOI: [10.14515/monitoring.2022.2.1990](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1990)

А. В. Андреева, Е. В. Дмитриева, А. В. Носкова

ВОСПРИЯТИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ОНЛАЙН-ФОКУС-ГРУПП С УЧИТЕЛЯМИ И РОДИТЕЛЯМИ УЧЕНИКОВ

Правильная ссылка на статью:

Андреева А. В., Дмитриева Е. В., Носкова А. В. Восприятие цифровизации школьного образования: исследовательские результаты онлайн-фокус-групп с учителями и родителями учеников // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 272—291. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1990>.

For citation:

Andreeva A. V., Dmitrieva E. V., Noskova A. V. (2022) Perception of School Learning Digitalization and Its Consequences: Research Outcomes of Online Focus Groups with Teachers and Parents of Schoolchildren. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 272–291. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1990>. (In Russ.)

ВОСПРИЯТИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ОНЛАЙН-ФОКУС-ГРУПП С УЧИТЕЛЯМИ И РОДИТЕЛЯМИ УЧЕНИКОВ

АНДРЕЕНКОВА Анна Владимировна — доктор социологических наук, заместитель директора, Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ), Москва, Россия
E-MAIL: anna.andreenkova@cessi.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6776-7703>

ДМИТРИЕВА Елена Викторовна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, МГИМО МИД России, Москва, Россия
E-MAIL: dmitrieva.ev@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-0894-4108>

НОСКОВА Антонина Вячеславовна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, МГИМО МИД России, Москва, Россия
E-MAIL: a.noskova@inno.mgimo.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6587-0822>

Аннотация. Пандемия COVID-19 ускорила процесс цифровизации в школьном образовании, привела к существенной трансформации образовательных, социальных и коммуникативных процессов. Для выявления новых трендов в образовательных практиках, связанных с ними последствий и рисков проведено исследование среди учителей и родителей учеников. Данные собраны с помощью онлайн-фокус-групп, проведенных в октябре 2020 г. со школьными учителями и с родителями школьников разных ступеней обучения из разных регионов России, больших, средних и малых городов. В ходе дискуссий

PERCEPTION OF SCHOOL LEARNING DIGITALIZATION AND ITS CONSEQUENCES: RESEARCH OUTCOMES OF ONLINE FOCUS GROUPS WITH TEACHERS AND PARENTS OF SCHOOLCHILDREN

Anna V. ANDREENKOVA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Deputy Director
E-MAIL: anna.andreenkova@cessi.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6776-7703>

Elena V. DMITRIEVA² — Dr. Sci. (Soc.), Professor at the Department of Sociology
E-MAIL: dmitrieva.ev@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-0894-4108>

Antonina V. NOSKOVA² — Dr. Sci. (Soc.), Professor at the Department of Sociology
E-MAIL: a.noskova@inno.mgimo.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6587-0822>

¹ Institute for Comparative Social Research (CESSI)

² MGIMO University, Moscow, Russia

Abstract. Pandemic of COVID-19 speeded up the digitalization of school education which led to radical changes in educational, social, and communicative practices. To reveal trends in educational practices, related risks, and negative impacts of these transformations, in October 2020, the authors of this study conducted a series of online focus groups with schoolteachers and parents of students from different regions residing in large, medium-size, and small cities. The discussion was focused on the character and the scope of digitalization in school education, on the new role of teacher and parent, and on the digital communication practices.

обсуждались характер и глубина цифровизации в школьном образовании, содержание ролей учителя и родителя, коммуникативные практики.

Анализ проводился методом категоризации высказываний информантов, выявления центральной тенденции и общего спектра мнений и практик. В результате были выделены три уровня семантико-ассоциативного пространства восприятия цифровизации в школьном обучении — базовый, средний и продвинутый. Среди наиболее серьезных рисков проявилось рассогласование нормативных взглядов учителей и родителей на свои роли, а также унифицированный подход к внедрению цифровых технологий на разных ступенях образования. Уязвимой стороной школьной цифровизации является также отношение к ней основных участников — восприятие цифровизации как фрагментарного, не имеющего конкретных целей и несистемного процесса.

На базе качественного исследования были подтверждены гипотезы о причинах негативных взглядов участников школьного образования — доминирование нисходящей модели внедрения цифровых инструментов и процессов «сверху вниз», низкая вовлеченность родителей и учителей в определение целей, этапности и конкретных форм цифровой трансформации школы. В результате недифференцированные подходы к цифровому обучению на разных ступенях малоэффективны, а часто и неприменимы. Снизить остроту рисков возможно при более поступательном подходе к трансформациям, отходе от унифицированной и разработке специфической для каж-

The focus group data were processed by categorizing the statements of participants, identifying the central trend and the general spectrum of opinions and practices. As a result, the authors identified three levels of the semantic-associative space for the digitalization perception — basic, intermediate, and advanced. Key challenges of the current transformations are the discrepancy between normative views of teachers and parents on their roles and a unified approach to introducing digital technologies for different educational grades. The vulnerable side of school digitalization is also the attitude of the main participants towards it; teachers and parents perceive school digitalization as fragmented, inconsistent process, lacking clearly defined purposes.

Based on these data, the authors confirmed hypotheses about the reasons of negative views on school digitalization — the prevalence of top-down model in introducing digital instruments and procedures, the concentration of decision-making on top-management level, low involvement of parents and teachers in defining the agenda, timing, and specific means of digital transformations. As a result, undifferentiated approaches to digital learning at different levels are ineffective, and often inapplicable. Risks and drawbacks could be mitigated by more consistent and gradual approach to the transformations, use of customized rather than unified model of digitalization for each educational grade, taking into account the experience and needs of main actors.

дой ступени обучения модели цифровизации, учитывающей опыт и потребности ключевых участников процесса.

Ключевые слова: цифровизация школьного образования, субъекты образовательного процесса, трансформация ролей, коммуникация учитель — родитель, риски цифровизации, фокус-группы

Keywords: digitalization of school education, actors of education, transformation of social roles, communication between teacher and parents, risks of digitalization, focus groups

Цифровизация школьного обучения — процесс последовательной интеграции цифровых инструментов в организацию учебного процесса — радикально меняет облик современной школы. Такие перемены, по мнению специалистов, обусловлены развитием технологий и целым рядом новых образовательных задач: необходимостью формирования у школьников умений и навыков жизни в цифровом мире [Fraillon et al., 2014; Erstad, 2010], требованиями к качеству образования [Krumsvik et al., 2016]; совершенствованием педагогики и организации получения знаний [Ilomäki, Lakkala, 2018; Бороненко, Кайсина, Федотова, 2019]; стимулированием обмена передовым педагогическим опытом [Gueudet et al., 2016] и др.

Пристальное общественно-научное внимание к обсуждаемому вопросу объясняется фундаментальным значением школы как института в реализации социально-педагогических функций социализации и образования новых поколений, воспроизводства и трансформации социальной структуры общества [Руткевич, 1996]. Школа представляется особым социальным пространством формирования и изменения когнитивных, культурных, ценностных и коммуникативных характеристик участников образовательного процесса посредством взаимодействий между учителями, учениками и родителями школьников [Ilomäki, Lakkala, 2018]. Более того, в цифровом обществе школы выполняют важную функцию формирования у детей сознательного и ответственного отношения к использованию новых технологий [Sailer, Murböck, Fischer, 2021; Livingstone, Stoilova, Nandagiri, 2021].

Зарубежные специалисты отмечают, что в странах Запада тренд на цифровизацию в школах обозначился в конце 1980-х — начале 1990-х годов в контексте правительственных инициатив по внедрению базовых информационно-компьютерных технологий в обучение [Fraillon et al., 2014]. Тогда же стали проводиться первые связанные с этим исследования.

В 2000-е годы в развитых странах мира велась последовательная подготовка цифровой образовательной среды в школах: разрабатывался цифровой педагогический материал, цифровизировались административные функции, приобретались цифровые компетенции основными участниками процесса — учителями, администраторами, учениками и родителями. Иными словами, активно создавались условия для цифровой трансформации школы — изменения в логике обучения и в педагогической практике вследствие интеграции цифровых технологий в образовательный процесс [Уваров, 2019].

Согласно результатам международного исследования компьютерной и информационной грамотности (ICILS), 2013—2018 гг. характеризуются значительным ускорением процесса внедрения цифровых технологий во все сферы школьной образовательной активности, при этом ученые зафиксировали сильную дифференциацию стран по этому показателю [Sailer, Murböck, Fischer, 2021].

Синхронно с цифровыми процессами формировалась обширная научно-исследовательская повестка, включающая разные аспекты школьной цифровизации: цифровые вызовы и возможности для школы [Krumsvik, 2006], практики применения учителями цифровых технологий [Sailer, Murböck, Fischer, 2021], адаптацию учителей к цифровой среде [Krumsvik et al., 2016: 144], эффективность цифровой инфраструктуры для педагогического воздействия и учебных результатов [Kongsgården, Krumsvik, 2019], модели цифровой школы [Ilomäki, Lakkala, 2018], цифровую коммуникацию [Midtlund, Insteffjord, Lazareva, 2021] и др. Широкое распространение получило изучение компьютерной и информационной грамотности [Fraillon et al., 2014], цифровой компетентности учителей [Krumsvik et al., 2016: 144].

Российская система школьного образования тоже прошла несколько стадий (волн) цифровизации [Adamovich, 2021]. В начале 2000-х годов внедрение цифровых технологий в систему аттестации и проверки знаний учеников (ЕГЭ и ГИА) способствовало реализации школьных реформ по западным образцам. В 2010-х годах в рамках государственной программы по модернизации российской школы создавалась цифровая инфраструктура — классы оборудовались персональными компьютерами с доступом в интернет, вводились электронные дневники и т. д. [ibid.]. В последующие годы цифровизация вышла на качественно новый уровень учебно-педагогических задач — разработаны и внедряются ведомственная целевая программа «Российская электронная школа» (2016 г.), Федеральный проект «Цифровая школа» (2017 г.), Федеральный проект «Цифровая образовательная среда», действующий в рамках Национального проекта «Образование» (2018 г.).

В контексте цифровой трансформации школы российские специалисты по аналогии с западными коллегами занимаются исследованиями цифровой грамотности [Бороненко, Кайсина, Федотова, 2019], анализом накопленных в школах цифровых ресурсов [Фрумин, 2020], разработкой подходов к цифровой школе [Уваров, 2019] и др. Отдельный пласт исследований ориентирован на изучение рисков цифровой трансформации, среди которых исследователи выделяют деформацию базовых когнитивных компетенций, снижение качества школьного обучения и откат к несистемному образованию, появление новых цифровых неравенств, создание системы тотального контроля над детьми и их родителями [Стрекалова, 2019; Четверикова, 2019].

Пандемия коронавируса, в разгар которой учебные заведения в большинстве стран мира перешли на дистанционное обучение¹, резко интенсифицировала процессы цифровой трансформации школы, ускорив техническое переоснащение семей и школ, повысив уровень технических знаний и навыков у всех участников процесса. По всей видимости, ситуация с дистантом стимулировала освоение

¹ Education: From Disruption to Recovery // UNESCO. URL: <https://en.unesco.org/covid19/educationresponse> (accessed: 03.07.2021).

и поиск эффективного применения цифрового обучения в полном объеме, обострила имеющиеся социальные противоречия и цифровые разрывы в сфере школьного образования [Adamovich, 2021]², а также стала новым импульсом для изучения этих процессов [José, Serpa, 2020; Patston et al., 2021]. На сегодняшний день актуализируются исследовательские вопросы о сильных и слабых сторонах цифровой трансформации школы, ее ограничениях и перспективах; о том, насколько цифровизация наряду с технологической модернизацией сопровождается также изменениями в методико-педагогических, административно-структурных и коммуникативных практиках; о готовности каждого из участников образовательного процесса к субъективному «принятию» этих изменений и соответствующим изменениям в моделях поведения.

Для лучшего понимания новых трендов в школьных образовательных практиках, а также рисков и противоречий цифрового перехода проведено исследование «Восприятие цифровизации школьного обучения и ее последствий учителями и родителями учащихся», методология и результаты которого представлены в данной статье.

Методология и процедура проведения исследования

Опыт и субъективное восприятие цифровых форм и методов школьного образования изучались с помощью онлайн-фокус-групп (ОФГ), проведенных во время второй волны пандемии в России в октябре 2020 г. в рамках исследовательского гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ РФ. Мы отталкивались от положения, что качественный метод позволяет выявлять мировоззренческие установки и опыт, которые сложно идентифицировать с помощью количественного подхода [Midtlund, Instefjord, Lazareva, 2021]. Выбор онлайн-формата проведения фокус-групп был сделан исходя из этических соображений (безопасность для здоровья участников в условиях ограничения контактов из-за пандемии), содержательных преимуществ — стимулирования дискуссии через участие в группе информантов из разных регионов и типов населенных пунктов (больших, средних, малых городов), а также из эффективности ОФГ для сбора информации по «образовательным вопросам, связанным с технологическими новшествами» [Лебедев, 2010].

Всего было проведено шесть групп, три из которых со школьными учителями и три — с родителями школьников разных ступеней обучения (начальной, средней и старшей школы)³. В каждой группе участвовали по шесть-восемь информантов — это оптимальное число для двухчасовой групповой онлайн-дискуссии, позволяющее узнать мнение каждого участника и вместе с тем сохраняющее возможность для совместного обсуждения и взаимного стимулирования.

Отбор информантов осуществлялся по заранее разработанной анкете с учетом социально-демографических характеристик, предъявляемых к участникам исследования. Предварительно с каждым участником проводилась беседа для разъяснения вопросов, связанных с содержанием дискуссии, с безопасностью

² Remote Learning: The Digital Divide // The Sutton Trust. URL: <https://www.suttontrust.com/our-research/remote-learning-the-digital-divide> (accessed: 23.08.2021).

³ Полевые работы проводились Институтом сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ).

передачи данных, конфиденциальностью даваемой информации. Таким образом обеспечивалось решение социально-психологических задач, ориентированных на установление позитивного контакта с информантом, укрепление готовности к участию в фокус-группе и повышение уровня доверия. В результате отбора информантов комплектовались группы, гомогенные по трем критериям — уровню школьного обучения (родители учеников и учителя младших классов, средней и старшей школы); типу учебного заведения — обычные (типичные) школы; для учителей — стаж работы в школьном образовании свыше пяти лет. По другим критериям (возрасту, уровню образования родителей, предметному направлению учителей, региону проживания) состав групп был смешанным. Иными словами, в каждой группе принимали участие информанты разных поколений, представители разных регионов России, крупных, средних и малых городов.

Дискуссии строились по фиксированному протоколу под руководством одного модератора и включали обсуждение следующих тем:

- характер и глубина цифровизации в школьном образовании;
- традиционное/новое содержание и понимание ролей учителя и родителя;
- цифровые коммуникативные практики;
- риски и потенциал цифровой трансформации школы.

Главным методическим подходом послужил рефлексивный метод описания личного опыта учителей и родителей школьников.

Данные анализировались на основе аудиозаписей и транскрибированных текстов одновременно несколькими исследователями для взаимной верификации выводов. Использовалась методическая стратегия парных контрастных сравнений высказываний двух значимых участников образовательного процесса — учителей и родителей учащихся. В статье мы обсуждаем интерпретацию описываемого опыта со стороны исследователей на основе категоризации высказываний информантов, классификации и выявления центральной тенденции из общего спектра высказанных мнений и описанных практик. Также приводятся слова участников фокус-групп в форме цитат, наиболее ярко и четко отражающих описываемые мнения или проявляющуюся тенденцию.

Основные результаты и выводы исследования

Понимание и восприятие процесса цифровизации в школьном образовании со стороны родителей и учителей

В ходе фокус-групп глубина понимания процесса цифровизации, масштаба и причин этого процесса изучалась с помощью метода свободных ассоциаций и когнитивных описаний. По результатам обсуждения удалось выделить три разных уровня семантико-ассоциативного пространства «цифровизации» — базовый, средний и продвинутый. К базовым отнесены представления информантов о предметно-технологических аспектах цифровизации — ассоциации с отдельными технологиями и вспомогательными материалами, которые в последние годы постепенно внедряются в образовательный процесс: компьютерные классы, электронные дневники, компьютерные и коммуникационные устройства (ноутбуки, планшеты, проекторы). В средний уровень добавляются ассоциации с методико-педагогическими и административно-контрольными аспектами цифровиза-

ции — возможностями для визуализации, интернет-ресурсами, используемыми в процессе обучения: электронные учебники, электронные библиотеки, обучающие онлайн-платформы, программы для проведения тестов, контрольных работ, решения задач. Продвинутый уровень представлений о цифровизации включает элементы системного подхода к цифровизации — пониманию ее как процесса со сложной взаимосвязанной структурой разных элементов, включающей административные, методические, содержательные и коммуникационные аспекты.

Базовый уровень представлений сформировался практически у всех участников исследования. Средний уровень чаще демонстрировали учителя и родители из крупных мегаполисов. Продвинутый уровень характерен лишь для некоторых учителей, которые имеют значительные навыки и мотивацию работать с новыми технологиями и методами, и значительно реже для родителей школьников.

Интересно, что поколенческие различия в понимании цифровизации в школьном образовании не были выявлены: структуры мнений и родителей, и учителей разных поколений в целом схожи, включая как людей с базовыми представлениями о цифровизации, так и с продвинутыми. Основное поколенческое различие состояло в эмоциональной насыщенности отношения к цифровизации, а не в содержании этих ассоциаций. Представители старшего поколения описывали происходящие изменения нейтрально-равнодушно. Складывалось впечатление, что они понимают этот процесс, но психологически стараются дистанцироваться от него. Рассказы и ассоциации более молодых участников обсуждения часто были эмоционально окрашены и выражали удивление, восхищение, агрессию и раздражение. Такие различия в эмоциональном отклике, вероятно, говорят о степени близости, интересе и внимании к процессу цифровизации, которые выше у молодого поколения и родителей, и учителей.

У нас в пятом классе в одном кабинете повесили планшет. Мы на нем пишем, как на интерактивной доске. Представьте кубик — я его вывела в нужный формат и могу его поворачивать, поставить точки, выделить цвета. Когда мы говорим об информационных технологиях, у меня сразу в голове эта доска. Это так здорово! (Учитель математики в средних классах, 33 года, Санкт-Петербург)

У учительницы геометрии было специальное приложение разработано, с которым она могла провести зачет в классе за десять минут. Мы, родители, на собрании, открыв рот, на это смотрели. Она 30 человек в классе могла протестировать за десять минут. Вот это современные технологии, я считаю! (Мать двух близнецов в старшей школе, 42 года, Санкт-Петербург)

В нашем классе астрономии есть звездное небо интерактивное с подключенными спутниками над Южным и Северным полушариями. Можно прийти, выключить свет на уроке и подключиться к спутнику в Южном полушарии, увидеть звездное небо, которое сейчас там. У нас есть интерактивные доски, очень хорошие лингвистические кабинеты, интерактивные стены в кабинетах ИЗО и истории. Боже, у мальчиков настоящий труд — токарные станки, они что-то выпиливают. Представляете? (Мать ребенка в начальной школе, 41 год, Краснодар)

Основными функциональными качествами, которые цифровизация приносит в школы, и родители, и учителя считают интерактивность, наглядность и привлекательность обучения с новыми техническими средствами. Учителя и некоторые родители с продвинутыми представлениями о цифровизации также отмечали скорость, гибкость и многообразие в учебном процессе. Однако некоторые информанты не связывают внедрение цифровых инструментов с привнесением позитивного содержания в учебный процесс. Для них это техническая формальность либо с нейтральными, либо деструктивными образовательными последствиями.

У нас никаких инноваций нет, а электронный дневник — да, это удобно и детям и родителям. (Отец ребенка в 7 классе, 42 года, Тверь)

Мне кажется, на бумаге — более серьезно, это старый проверенный метод. Поэтому я считаю, что ни к чему это все электронное. (Мать ребенка в средней школе, 40 лет, Самара)

Я считаю, что для детей все новые цифровые технологии бесполезны, а наоборот только во вред. Это то же самое, что они не умеют писать ручкой, но дайте им лазерную указку в руки, а они ею будут друг другу в глаза светить. (Отец ребенка в младшей школе, 34 года)

Несмотря на обнаруженные различия в восприятии, практически все участники фокус-групп представляют цифровизацию как фрагментарный, во многом случайный и не связанный в единую систему процесс адаптации школой технических нововведений и образовательных возможностей. Анализ практик инициирования и внедрения нововведений показал, что чаще всего они привносятся в школу извне, директивным путем, централизованно. Лишь несколько участников фокус-групп рассказали, как технологические или процессуальные изменения были предложены или внедрены по инициативе заинтересованных учителей, родителей или школьников. Основную задачу и учителя, и родители видят в адаптации к предлагаемым нововведениям, как можно более безболезненной интеграции их в свою обычную жизнь. Практически никто из участников групп не рассматривает цифровизацию в школах как системный процесс модернизации, не видит конечных или промежуточных целей цифровизации, повышающих качество школьного образования. Такое фрагментарное восприятие трансформационных процессов порождает представления, что *инновации внедряются без определенной цели как изменение ради изменений*, что ведет к негативным реакциям — общему повышению напряженности, раздражению, недоверию, обиде и даже активному противодействию.

Трансформация ролей участников образовательного процесса — учителей и родителей

Родители и учителя — важнейшие участники образовательного процесса, наряду с самими школьниками, администрацией школы и другими субъектами. От того, насколько хорошо каждая из этих сторон понимает свои функции и задачи, а также задачи других сторон, принимает условия распределения ролей и выпол-

няет их, зависит успешность образовательного процесса. В ходе групповой дискуссии делалась попытка понять, как происходят изменения в моделях поведения и в представлениях о своей роли и задачах разных участников образовательного процесса в последние годы, насколько такие изменения «успевают» за цифровыми нововведениями.

Роль учителя

В целом представления учителей и родителей о роли школьного учителя довольно схожи. Как отмечали сами информанты, они сформировались на основе личного опыта школьных лет, а также транслированных идей о миссии учителя. И родители, и учителя-информанты понимают содержание роли учителя в школе гораздо шире, чем просто передачу знаний. Они включают сюда также стимулирование интереса к знаниям и отдельным предметам, любовь к знаниям, воспитательную и социализирующую функцию — формирование культурно-ценностных, этических, патриотических норм и правил. Однако родители и учителя видят существенные различия между идеальными представлениями о роли учителя в школе и тем, что происходит на практике в современных учебных заведениях. Родители связывают такой разрыв с нежеланием или неумением учителей в полной мере выполнять свои функции. Учителя видят причины разрыва идеала и практики в ограниченных возможностях учителя, зажатого в рамки строгого регламентирования и контроля со стороны администрации, родителей, а также в острой нехватке времени из-за высокой административной нагрузки и низкой включенности родителей в образовательный процесс.

Моя задача — помочь ученику полюбить учиться, чтобы это не было каторгой, направить, чтобы потом это легко давалось и с удовольствием. (Учитель начальных классов, 44 года, Москва)

Первая задача учителя — создать эмоционально благоприятную обстановку, чтобы ему хотелось учиться. Вторая задача — дать базовые знания. (Учитель начальных классов, 48 лет, Москва)

И родители, и учителя считают, что цифровизация ведет к дальнейшему ослаблению роли учителя в школе. Сами учителя воспринимают это довольно негативно и болезненно. Хотя они видят целый ряд достоинств, которые несут с собой технологические инновации (сокращение рутинной части учительского труда, обогащение методических возможностей при обучении), негативные последствия часто перевешивают. Связанные с цифровизацией стандартизация и формализация образования ведут к потере творческой составляющей в труде учителя, создают сложности в привнесении своей индивидуальности, личностных особенностей учителя в процесс обучения. Некоторые учителя говорили о размывании содержания роли учителя, о редуцировании функций учителя до сугубо технических, о превращении учителя в обслуживающий персонал.

Мы сузились до передачи знаний, поэтому технологии и входят активно в нашу жизнь. Никто не понимает сути профессии педагога. Учитель стал, к сожалению, только пере-

датчиком знаний. А если он только передатчик знаний, почему бы его тогда не заменить на образовательные программы и платформы? (Учитель младшей школы, 53 года, Санкт-Петербург)

Сейчас школа предоставляет «образовательные услуги». Мне кажется, это выражает отношение к школе, мы услуги даем, мы — прислуга. И во многих семьях именно такое отношение. А этого быть не должно. (Учитель младшей школы, 48 лет, Москва)

Быстрые изменения последних лет входят в противоречие со многими принципами, представлениями и знаниями, заложенными и сложившимися у учителей в детстве на примере своей школы и своих учителей, а затем в вузах. Укоренившийся в сознании информантов образ учителя не согласуется с новым содержанием учительской роли, поэтому приведенные выше высказывания, а также эмоциональная тональность дискуссии содержат признаки социально-профессиональной дезадаптации с сопутствующим ей размыванием профессиональной идентичности учителя. Если в освоении цифровых навыков и знаний учитель находит поддержку у администрации, родителей, во внешних источниках, то, судя по описаниям информантов, в отношении определения нового содержания роли школьного учителя, его профессионального самоопределения с ними не ведется разъяснительная социально-психологическая работа.

Роль родителя

Фокус-группы показали, что, по мнению родителей, их вклад в школьное обучение детей постоянно увеличивается. Родители-информанты утверждали, что время, усилия и финансы, которые они тратят на образование своих детей в школе сегодня, значительно превышают затраты их родителей.

В советские годы дети ходили в школу нормально, без всяких домашних обучений с родителями. (Отец двух школьников младших классов, 34 года, Екатеринбург)

Насколько справедливо это представление, можно судить только на основе анализа данных бюджетов времени родителей сейчас и в предыдущие годы. Но само представление о значимости своей роли в образовательном процессе включает родителей в число наиболее важных участников процесса. В последние годы родители видят изменения в своих функциональных задачах. Если раньше последние состояли в отборе учебного заведения, ориентации в многообразии предметов и общем контроле за успеваемостью, то в последние годы спектр задач расширился. С внедрением цифровых технологий родители стали не просто «контролерами качества», но и непосредственными участниками процесса образования.

Во втором классе ребенок ходил сдавать ВПР, МЦКО — всякие тесты. Мы только получали задание от учителя. Он сейчас называется «педагог», а не учитель. Он не учит — он педагог, он раздает задания. Мама дома готовит ученика, а в школу отдает результаты, считай, на тестирование. (Мама ребенка младшей школы, 42 года, сельский населенный пункт в Самарской области)

Переход на дистанционное обучение в период пандемии стал критической точкой в расширении образовательных функций родителей. Родители были вынуждены существенно перераспределить бюджет своего времени в пользу обучения ребенка, но в ущерб другим домашним делам и работе, что привело к стрессу и напряжению во многих семьях.

Это занимает очень много времени — нужно все объяснить, чтобы ребенок понял, потом еще задания выполнить нужно. А домашних дел ты не делаешь, кушать не готовишь. Начинается, естественно, нагнетание, истерия в семье. (Мать ребенка в начальной школе, 42 года, Екатеринбург)

У нас очень сложно было. Мы выполняли до карантина 3—4 задания-упражнения вечером. В карантин нам задавали по 15 упражнений. Мы к маю выдохлись так, что уже ненавидели всех и друг друга. Онлайн-обучения не было. По WhatsApp бросает учитель задания — 5 по математике, 5 по русскому, еще «Окружающий мир» и физкультура, труд. Это было очень сложно. Честно сказать, мы в мае уже задолжали, выдохлись и ничего не могли высылать из заданий. Мы не успевали по времени — до 23 делали. Самим тоже отдохнуть хотелось — все же работают. (Мать ребенка в начальной школе, 42 года, Екатеринбург)

Увеличение нагрузки и функционала родителей не сопровождается увеличением родительских знаний или навыков. Многие родители-информанты оказались не готовы к новой роли психоэмоционально, им не хватает педагогических знаний, чтобы выполнять новые функции.

Я не учитель, я объяснять грамотно не умею, подавать материал, который в школе преподают, я не умею. Ребенок мне говорил: «Ты не так объясняешь, ты мне не то говоришь». Как я могу знать, что объясняет учитель? (Отец ребенка в начальной школе, 34 года)

Вместе с тем обнаружилась категория информантов, принимающих чрезмерное участие в школьном обучении своего ребенка. Такие родители стали подменять собой учеников, выполнять за них домашние задания, чем поставили под сомнение весь процесс контроля над усвоением знаний, затруднили объективную оценку качества получаемых знаний.

На дистанционке очень многие дети пользуются помощью родителей, пользуются ГДЗ. Для меня это камень преткновения. Последние работы итоговые четко показали, что помощь родителей присутствует процентов на 80. (Учитель начальной школы, 57 лет, Самара)

Мой ребенок работает больше меня, она физически устала, мне ее жалко. В каком вопросе я ей помогаю? Я проработаю информацию в интернете, соберу ее, сделаю ей доклад, а она уже его прочитает. Она не будет тратить свое время, чтобы сидеть за компьютером. Есть вопросы, например по геометрии, физике, в которых я вообще

не разбираюсь — поэтому задачи с ней решает муж. А вся гуманитарная нагрузка на мне. Мне нравится блеснуть перед ней своими знаниями. Мне ее жалко — а что, мне трудно ей три доклада сделать? Она же сама подготовится. (Мать школьницы средних классов, 42 года, Москва)

Какие последствия для образования детей будет иметь такое гипертрофированное участие родителей в образовании школьников, пока определить трудно. Некоторые учителя, принявшие участие в дискуссии, считают, что влияние это будет положительным — «родители наконец поймут, как тяжел труд учителя», сколько сил вкладывают учителя в воспитание их детей, перестанут полностью полагаться на учителей и будут выполнять свои родительские функции в образовании и воспитании.

Все проблемы были больше с родителями, потому что они открыли глаза на своих детей (многие), не понимая, что было раньше. Паника, что ребенок ничего не понимает, ничего не знает. (Учитель младшей школы, 41 год, Краснодар)

К более отстающим детям родители стали внимательнее. Они поняли, что кто-то неусидчивый, кто-то невнимательный, кто-то не успевал писать, начинал плакать. У родителей картина сложилась. (Учитель младшей школы, 48 лет Москва)

Плюсы дистанционного обучения я вижу в том, что родители увидели своих детей. Особенно те родители, чьи дети ходят на группу продленного дня. Дети приходят уже с приготовленными домашними заданиями, родители минимизировано касаются проверки домашней работы. А здесь они оказались один на один со своими детьми. А детей у нас на продленку ходит очень много. Они увидели своих детей другими глазами. (Учитель младшей школы, 53 года, Санкт-Петербург)

Выполнение родителями педагогических функций без соответствующей подготовки и методической поддержки ведет к серьезным рискам падения общественной значимости и престижа школы. Пока никто из родителей-информантов не рассматривает альтернативы школе, такие как переход на домашнее обучение, онлайн-обучение на базе репетиторства или библиотек онлайн-уроков, скорее ищут выход в выборе наиболее качественно работающей школы. Но испытываемое родителями недовольство, проявленное в дискуссии, обнаруживает риск подрыва доверия к системе государственных образовательных институтов в целом.

Взаимодействие учителей и родителей в условиях цифровых коммуникаций

Предыдущие исследования показали, что налаженная коммуникация между семьей и школой, родителями и учителями играет важную роль в образовательных успехах и социализации учащихся и младшей, и средней школы [Christenson, Sheridan, 2001; Jennings, Wartella, 2004]. Также зарубежные исследователи выявили, что создаваемые школами цифровые информационные системы для оповещения родителей заметно изменили модель взаимодействия родителей с администрацией школы и учителями [Telem, Pinto, 2006]. Иными словами, современные средства коммуникации расширяют содержание общения, позволяют

увеличить частоту контактов между родителями и учителями, приводят к сокращению дистанции между ними, а также к осуществлению оперативной обратной связи, что влияет на школьные успехи детей.

По результатам фокус-групповой дискуссии удалось категоризировать модели взаимодействия родителей и учителей в процессе образования школьников: сотрудничества, независимости, противостояния. Были получены примеры реализации каждой из этих моделей.

Модель сотрудничества — родители и учителя дополняют друг друга, сознательно разделяют между собой разные функции и задачи, нацелены на совместное достижение общего результата.

Я в курсе всего, что происходит в школе, что задают, что получается, не получается. (Мать ученицы 11 класса, 44 года, Москва)

По мне, все равно надо работать в тандеме — родитель и классный руководитель, чтобы были контроль и поддержка и с нашей стороны, и от классного руководителя. (Отец ученика 11 класса, 38 лет, Дубна)

Модель независимости — каждый участник сконцентрирован на выполнении тех задач, которые они сами ставят перед собой, не включая другие стороны в их решение. Родители и учителя тяготеют к «независимому» решению учебных проблем вне рамок сотрудничества.

Общая проблема у меня с детьми в интернете. Я ребенку говорю, что он может найти в интернете что угодно, что ему интересно. Он приходит ко мне и спрашивает, чтобы я написал запрос в интернет, чтобы он посмотрел это. Он не может сам сформулировать тот запрос, который он хочет. Соответственно, учитель должен научить его правильно задавать вопросы и формулировать эти запросы. (Отец двух школьников младших классов, 34 года, Самара)

Была бы финансовая возможность, я бы просто наняла преподавателей дополнительно, и все, школу не меняла, конечно, мы бы просто доучились. Просто наняла бы по каждому предмету, где у ребенка пробел, а больше ничего. (Мать ученицы 10 класса, 41 год, Москва)

Модель противостояния — родители и учителя воспринимают цели друг друга по-разному, подозревают друг друга в нарушении «общественного договора» о разделении функций, «перекалывают все на родителей» или «не хотят заниматься своими детьми».

Родители — лентяи, думают, что все должна дать школа. Но повседневную жизнь никто не отменял. (Учитель начальных классов, 44 года, Москва)

Учитель ничего не может, только какие-то домашние задания высылает. В этот карантин они просто взорвали мозг мне. С ребенком приходилось заниматься по два-три часа,

и тот материал, который они должны были усвоить в школе, приходилось заново рассказывать. Учитель перекладывает образовательный процесс на родителей! (Отец ребенка в начальной школе, 34 года, Екатеринбург)

Я за то, чтобы родители участвовали в жизни своего ребенка. Некоторые папы даже не знают, в каком классе их ребенок сейчас учится. Коронавирус, прошу прощения, немножко объединил семью. Начали учиться всей семьей, читать что-то. (Учитель младшей школы, 44 года, Москва)

На выбор той или иной модели взаимодействия, по всей видимости, влияют как субъективные условия (личностные качества учителя, установки и контроль со стороны администрации школы), так и объективный фактор — уровень школьного обучения. Фокус-группы не позволяют дать количественные оценки распространённости и изменений в отношении трех моделей взаимодействия, но дают основания предположить, что в начальной школе усиливается модель противостояния.

Восприятие последствий цифровизации школьного образования: возможности и риски

Цифровизацию школьного образования информанты воспринимают как амбивалентный процесс новых возможностей и рисков.

С одной стороны, цифровизация открывает новые возможности для улучшения качества образования, условий и качества труда учителя, социально-психологического климата в школе. И родители, и учителя-информанты видят и понимают многие достоинства цифровизации, хотя обращают внимание на разные их аспекты. Учителя в большей степени выделяют методико-педагогические перспективы (расширение форм представления информации; наглядность, визуализация, что дает возможность заинтересовать и мотивировать детей, сделать уроки нескучными, новые формы контроля усвоения знаний), изменения в характере труда учителя (сокращаются некоторые рутинные операции), возможности повышения квалификации — обучение знаниям и навыкам, отвечающим современным потребностям. Родители чаще обращают внимание на достоинства в организации образовательного процесса, а также на расширение предметной сферы обучения (иностранные языки, современные дисциплины).

С другой стороны, в процессе дискуссии проявилось обостренное восприятие рисков цифровизации по многим аспектам, выделенным исследователями еще в доковидное время: психологическим, социальным, физиологическим, экзистенциальным и этическим, информационным [Четверикова, 2019]. Наиболее остро в условиях дистанционного обучения проявились риски, связанные со здоровьем детей, которые беспокоят и родителей, и учителей. Перегруженность детей цифровыми способами получения информации в современном обществе, по их мнению, оказывает травмирующее воздействие на психику детей, их эмоциональное и физическое развитие, зрение, провоцируя дальнейший рост различных заболеваний. По мнению и родителей, и учителей, цифровизация школы, широкое использование электронных устройств в обучении ведут к тому, что у ребенка плохо развиваются навыки устной речи, формируется упрощенный язык, утрачивается

образность мышления, недостаточно хорошо развиваются когнитивные навыки, а усвоенные знания носят поверхностный характер.

Они стали общаться больше с помощью телефонов, больше писать. Я считаю, что у них меньше общения, более плоский язык стал, проще слова. (Отец ребенка в младшей школе, 47 лет, Москва)

Такие опасения возникают в результате фрагментарного, несистемного подхода к внедрению новых технологий, который не сопровождается одновременным изменением методик преподавания, структуры занятий, их временных рамок.

Одной из важнейших зон риска, выявленных в исследовании, является *унифицированный подход к внедрению цифровых технологий и особенно дистанционного обучения на разных ступенях образования*. При этом цифровизация обучения детей в младшей, средней и старшей школе имеет разные задачи, функции и последствия для всех участников процесса. Наиболее уязвимой оказалась младшая школа. Хотя цифровизация обогащает инструментальные возможности для работы с ребенком в младших классах, позволяет применять более разнообразные педагогические методы (тактильный, визуальный, игровой), переход на дистанционные формы обучения резко снижает воспитательные и образовательные возможности и оказывает наибольшую нагрузку на родителей. В средней и старшей школе цифровизация ведет к автономизации социализирующей, воспитательной и собственно образовательной функций школьного образования. Образовательная функция может частично осуществляться за пределами стен школы (библиотека лекций, посещение онлайн-классов или индивидуальных уроков), однако при этом появляются новые вопросы стандартизации и контроля качества знаний. Воспитательная и культурно-нравственная, а также социализирующая функция при этом остается полностью за школой, однако возможности для ее выполнения сужаются, что является одним из наиболее существенных рисков цифровизации, требующих дальнейшего осмысления и путей решения.

Отсутствие представлений о конечных целях цифровизации образования, ее комплексного характера, который позволил бы сбалансировать достоинства и риски, существенно подрывают доверие этому процессу и всем вовлеченным в него институтам.

Обсуждение и заключение

Фокус-группы не позволяют дать количественные оценки распространенности и изменений в отношении полученных результатов исследования, их еще предстоит проверить с помощью количественного опроса. Тем не менее на основе анализа собранного эмпирического материала можно обозначить противоречия и риски, которые несет цифровизация в школьное образование.

Исследование показало, что одной из наиболее уязвимых точек процесса цифровизации школьного образования является отношение к нему учителей и родителей. Несмотря на интенсивное внедрение цифровых технологий в работу школы, основные участники этого процесса пока не рассматривают его как системный процесс, не видят конечных или промежуточных целей цифро-

визации. Цифровизация представляется фрагментарным, во многом случайным и не связанным в единую систему процессом адаптации школой технических нововведений и возможностей. Большинство родителей, участвовавших в исследовании, обладают лишь базовым уровнем понимания цифровизации, учитывают в основном предметно-технологические и некоторые административные аспекты этого процесса. Представления учителей имеют более сложную структуру — от базовых и средних (включающих методико-педагогические и административно-контрольные аспекты) до продвинутых (взаимосвязь разных структурных элементов, в том числе нормативных и коммуникационных).

Другая уязвимая зона — рассогласование представлений родителей и учителей о содержании своих ролей в новых цифровых условиях. При этом динамика ролевых изменений разнонаправлена. Родители все больше вынуждены включаться в образовательный процесс, становиться его полноценными участниками. При этом наблюдаются резкие различия в отношении к расширению родительских функций. Один кластер родителей проявляет эмоционально-психологическую и методико-педагогическую неготовность к выполнению педагогических функций, дополнительное время и усилия на обучение детей не вписываются в их общий бюджет времени и создают напряжение в семейных отношениях. Противоположный кластер — это родители, расширение функций которых перерастает в феномен «гипертрофированного участия». Они подменяют собой учеников, берут на себя их учебные задачи.

Складывающаяся ситуация может иметь разные социальные и психологические последствия. Последствием гиперучастия родителей в образовании для ребенка могут стать инфантильность, замедленная социализация, проблемы с принятием решений, потеря независимости и самостоятельности. В целом различия в вовлеченности родителей в образовательный процесс, а также различия в культурном капитале и ресурсах родителей способны углублять имеющиеся цифровые неравенства в школьном образовании [Adamovich, 2021], существенно уменьшая шансы детей из менее благополучных семей получить качественное образование, а впоследствии конкурировать за места в институтах профессионального образования и на рынке труда.

Исследование дает основание предполагать, что наряду с изменением роли родителя меняется и роль учителя. При этом имеются признаки кризиса профессиональной идентичности учителя, что становится также риском нынешнего этапа развития школы. И родители, и учителя понимают содержание роли учителя очень широко — не только как передачу знаний, но и как стимулирование интереса к знаниям и отдельным предметам, активное участие в профориентации, воспитание и социализация детей. На практике учитель все в меньшей степени может реализовывать эти функции. Родители видят причину такой ситуации в низкой мотивации учителей и особенностях современной трудовой этики. Сами учителя связывают проблемы со стандартизацией и формализацией современной школы, ограничивающей творчество и индивидуальный подход учителя.

Для реализации задачи успешной трансформации школы в «цифровую жизнь» необходима согласованная деятельность всех основных участников процесса. Это возможно при общности понимания целей и направлений изменений, их

одобрении или принятии, а также понимании своей роли как действующего лица в разделении труда. Повышение интенсивности контактов учителей и родителей благодаря новым коммуникационным средствам способствует формированию такой общности. Однако с моделью сотрудничества учителей и родителей нередко сосуществует модель «независимого» решения проблем, а в последнее время усиливается модель противостояния.

Результаты анализа опыта учителей и родителей в условиях вынужденного дистанционного обучения дают основание полагать, что влияние цифровизации неравномерно и неравнозначно для учеников младшей, средней и старшей школы. При этом нынешний подход к цифровой трансформации пока не учитывает специфику каждого уровня школьного образования.

В качестве заключения отметим, что многих негативных последствий удастся избежать, если в дальнейшем цифровизация в школах будет проводиться поступательно и строиться по специфической, а не унифицированной модели для каждой ступени школьного обучения при учете накопленного опыта и потребностей основных участников образовательного процесса.

Список литературы (References)

Бороненко Т. А., Кайсина А. В., Федотова В. С. Развитие цифровой грамотности школьников в условиях создания цифровой образовательной среды // Перспективы науки и образования. 2019. № 2. С. 167—193. <https://www.doi.org/10.32744/pse.2019.2.14>

Boronenko T. A., Kaysina A. V., Fedotova V. S. (2019) The Development of Digital Literacy of Schoolchildren in Conditions of Creating a Digital Educational Environment. *Perspectives of Science & Education*. No. 2 P. 167—193. <https://www.doi.org/10.32744/pse.2019.2.14>. (In Russ.)

Лебедев П. А. Метод онлайн-фокус-групп как исследовательский инструмент // Социология: 4М. 2010. № 31. С. 92—114.

Lebedev P. A. (2010) Method of Online Focus Groups as a Research Tool. *Sociology: 4M*. No. 31. P. 92—114. (In Russ.)

Руткевич М. Н. Изменение социальной роли общеобразовательной школы в России // Социологические исследования. 1996. № 11. С. 3—17.

Rutkevich M. N. (1996) Change in the Social Role of the General Education School in Russia. *Sociological Studies*. No. 11. P. 3—17. (In Russ.)

Стрекалова Н. Б. Риски внедрения цифровых технологий в образование // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 2. С. 84—88. <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-84-88>.

Strekalova N. B. (2019) Risks of Implementation of Digital Technologies into Education. *Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology*. Vol. 25. No. 2. P. 84—88. <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-84-88>. (In Russ.)

Уваров А. Ю. Модель цифровой школы и цифровая трансформация образования // Исследователь/Researcher. 2019. № 1—2. С. 22—37.

Uvarov A. Y. (2019) The Model of the Digital School and the Digital Transformation of Education. *Researcher*. No. 1—2. P. 22—37. (In Russ.)

Фрумин И. Д., Карлов И. А., Киясов Н. М., Ковалев В. О., Кожевников Н. А., Патаракин Е. Д., Швиндт А. Н., Шонов Д. О. Анализ цифровых образовательных ресурсов и сервисов для организации учебного процесса школ. М.: НИУ ВШЭ, 2020.

Froumin I. D., Karlov I. A., Kiyassov N. M., Kovalev V. A., Kozhevnikov N. A., Patarakin E. D., Shvindt A. N., Shonov D. O. (2020) Analysis of Digital Learning Resources and Services for Organizing Secondary School Educational Processes. Moscow: HSE University. (In Russ.)

Четверикова О. Н. Скрытые угрозы российского проекта «Цифровая школа» // Народное образование. 2019. № 1. С. 9—25.

Chetverikova O. N. (2019) Hidden Threats of The Russian Project «Digital School». *National Education*. No. 1. P. 9—25. (In Russ.)

Adamovich K. A. (2021) Digital Gap Between Russian Schools and its Consequences for Students' Learning Opportunities During Corona Crisis. In: Gómez Chova L., López Martínez A., Candel Torre I. (eds.) *15th International Technology, Education and Development Conference: Online Conference. 8—9 March, 2021*. Valencia: IATED Academy, 2021. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/492407934.pdf> (accessed: 29.08.2021).

Christenson S. L., Sheridan S. M. (2001) *Schools and Families: Creating Essential Connections for Learnin*. New York, NY: The Guilford Press.

Erstad O. (2010) Educating the Digital Generation *Nordic Journal of Digital Literacy*. No. 1. P. 56—70.

Fraillon J., Ainley J., Schulz W., Friedman T., Gebhardt E. (2014) *Preparing for Life in a Digital Age: the IEA International Computer and Information Literacy Study*. International Report. Springer International Publishing. <https://www.doi.org/10.1007/978-3-319-14222-7>.

Gueudet G., Pepin B., Sabra H., Trouche L. (2016) Collective Design of an E-textbook: Teachers' Collective Documentation. *Journal of Mathematics Teacher Education*. Vol. 19. No. 2. P. 187—203. <https://doi.org/10.1007/s10857-015-9331-x>.

Ilomäki L., Lakkala M. (2018) Digital Technology and Practices for School Improvement: Innovative Digital School Model. *Research and Practice in Technology Enhanced Learning*. No. 13. P. 13—25.

Jennings N., Wartella E. (2004) *Technology and the Family*. Handbook of Family Communication. Mahwah, NJ: Lawrence.

José Sá M., Serpa S. (2020) COVID-19 and the Promotion of Digital Competences in Education. *Universal Journal of Educational Research*. Vol. 8 No. 10. P. 4520—4528. <https://www.doi.org/10.13189/ujer.2020.081020>.

Kongsgården P., Krumsvik R. J. (2019) Teachers' Didactical Choices in Technology-Dense Learning Environments. A Case Study of Self-Regulated Learning among

Students in Upper Secondary School. *Nordic Studies in Education*. Vol. 39. No. 2. P. 142—163. <https://doi.org/10.18261/issn.1891-5949-2019-02-05>.

Krumsvik R. J. (2006) The Digital Challenges of School and Teacher Education in Norway: Some Urgent Questions and the Search for Answers. *Education and Information Technologies*. No. 3—4. P. 239—256.

Krumsvik R. J., Jones L. Ø., Øfstegaard M., Eikelan O. (2016) Upper Secondary School Teachers' Digital Competence: Analysed by Demographic, Personal and Professional Characteristics. *Nordic Journal of Digital Literacy*. Vol. 11. No. 3. P. 143—164. <https://www.doi.org/10.18261/issn.1891-943x-2016-03-02>.

Livingstone S., Stoilova M., Nandagiri R. (2021) Data and Privacy Literacy: The Role of the School in Educating Children in a Datafied Society. In: *Aufwachsen in überwachten Umgebungen*. <https://doi.org/10.5771/9783748921639-219>.

Midtlund A., Instefjord E. J., Lazareva A. (2021) Digital Communication and Collaboration in Lower Secondary School. *Nordic Journal of Digital Literacy*. No. 2. P. 65—76. <https://doi.org/10.18261/issn.1891-943x-2021-02-03>.

Patston T., Kennedy J, Jaeschke W, Kapoor H, Leonard S., Cropley DH, Kaufman J. C. (2021) Secondary Education in COVID Lockdown: More Anxious and Less Creative — Maybe Not? *Frontiers in Psychology*. Vol. 12. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.613055>.

Sailer M., Murböck J., Fischer F. (2021) Digital Learning in Schools: What Does It Take beyond Digital Technology? *Teaching and Teacher Education*. Vol. 103. <https://doi.org/10.1016/j.tate.2021.103346>.

Telem M., Pinto S. (2006) Information Technology's Impact on School-Parents and Parents-Student Interrelations: A Case Study. *Computers & Education*. Vol. 47. No. 3. P. 260—279. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2004.10.008>.

DOI: [10.14515/monitoring.2022.2.1999](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1999)

Т. В. Семенова

«КОГДА СИДИШЬ ПРОСТО ПЕРЕД КОМПЬЮТЕРОМ, ОН ОТ ТЕБЯ НИЧЕГО НЕ ТРЕБУЕТ»: ТРУДНОСТИ И СТРАТЕГИИ СТУДЕНТОВ ПРИ ПРОХОЖДЕНИИ МООК В ВУЗАХ

Правильная ссылка на статью:

Семенова Т. В. «Когда сидишь просто перед компьютером, он от тебя ничего не требует»: трудности и стратегии студентов при прохождении МООК в вузах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 292—316. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1999>.

For citation:

Semenova T. V. (2022) "When You Just Sit in Front of a Computer, It Does Not Require Anything from You": Difficulties and Strategies of Students While Completing University-Level MOOCs. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 292–316. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1999>. (In Russ.)

«КОГДА СИДИШЬ ПРОСТО ПЕРЕД КОМПЬЮТЕРОМ, ОН ОТ ТЕБЯ НИЧЕГО НЕ ТРЕБУЕТ»: ТРУДНОСТИ И СТРАТЕГИИ СТУДЕНТОВ ПРИ ПРОХОЖДЕНИИ МООК В ВУЗАХ

СЕМЕНОВА Татьяна Вадимовна — научный сотрудник Центра социологии высшего образования, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: tsemenova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1792-7470>

Аннотация. Онлайн-обучение активно встраивается в учебный процесс университетов, позволяя решать вопросы с масштабированием, гибкостью и стоимостью образовательных программ. Помимо своей экономической выгоды, оно оказывает в среднем нейтральный эффект на образовательные результаты студентов, подтверждая возможность использования онлайн-компонент в смешанном и онлайн-форматах. Однако те, кто учится онлайн, в среднем оценивают свой уровень удовлетворенности ниже, чем студенты других форм обучения. Недавнее экспериментальное исследование с оценкой эффективности массовых открытых онлайн-курсов (МООК) показало схожие результаты: отсутствие значимых различий в образовательных результатах учащихся очного, смешанного и онлайн форматов, а также более низкий уровень удовлетворенности курсом среди студентов, прошедших МООК. Почему при обучении онлайн студенты немного ниже оценили свой уровень удовлетворенности, с какими проблемами столкнулись при прохождении МООК и какие стратегии использовали, чтобы их преодолеть?

“WHEN YOU JUST SIT IN FRONT OF A COMPUTER, IT DOES NOT REQUIRE ANYTHING FROM YOU”: DIFFICULTIES AND STRATEGIES OF STUDENTS WHILE COMPLETING UNIVERSITY-LEVEL MOOCs

Tatiana V. SEMENOVA¹ — Research Fellow, Center of Sociology of Higher Education, Institute of Education
E-MAIL: tsemenova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1792-7470>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. Online learning is actively integrated into the educational process of universities, allowing them to solve issues with zooming, flexibility, and cost of educational programs. In addition to its cost-effectiveness, it has an average neutral effect on student learning outcomes, proving the possibility of using online components in mixed and online formats. However, on average, students in the online format rate their satisfaction level lower than students in other formats. A recent randomized controlled trial evaluating the effectiveness of massive open online courses (MOOCs) showed similar results: no significant differences in educational outcomes for face-to-face, mixed and online formats, and a lower level of satisfaction with the course among students of an online format. Why did online students rate their satisfaction levels lower, what problems did they encounter while studying via MOOCs, and what strategies did they use to overcome them? This study answers all these questions using survey data and data from five focus groups and one interview conducted after the RCT among 2-year undergraduate STEM students from three Russian universities.

Настоящее исследование отвечает на эти вопросы, используя данные опросов, пяти фокус-групп и одного интервью, проведенных после завершения эксперимента среди студентов STEM-направлений второго курса бакалавриата трех вузов России. Результаты исследования показали, что учащиеся, прошедшие MOOK вместо очного курса, столкнулись с трудностями самоорганизации, отсутствием помощи со стороны преподавателя, ригидностью онлайн-среды и необходимостью учить самих себя, что больше подходит для прохождения «легких» и «неважных» курсов. Форум не позволяет компенсировать отсутствие взаимодействия с преподавателем из-за непредоставления содержательных ответов и мгновенного фидбека. Также были выделены две стратегии адаптации к онлайн-образованию, обращение к которым отличается верой в собственные способности, мотивацией к обучению и наличием обходных путей для получения положительной оценки. Результаты исследования будут особенно полезны администраторам университетов, внедряющих MOOK в учебный процесс своих вузов.

Ключевые слова: MOOK, онлайн-формат, стратегии обучения, трудности онлайн-обучения, студенты STEM-направлений, смешанный формат

The study results showed that online format students faced difficulties in self-organization, lack of assistance from the instructor, the rigidity of the online environment, and the need to educate themselves, which is more suitable for learning “easy” and “unimportant” courses. The forum does not compensate for the lack of interaction with the instructor due to the failure to provide meaningful answers and instant feedback. The authors also identified two strategies for adapting to online learning among students of the online format, the appeal to which is characterized by belief in one’s abilities, motivation to learn, and bypass for obtaining a non-negative assessment. The study results are especially useful for university administrators who are integrating MOOCs into the educational process of their universities.

Keywords: MOOC, online format, learning strategies, difficulties of online learning, STEM students, mixed format

Введение

Университеты активно внедряют онлайн-обучение в свой образовательный процесс, экспериментируя с разными его вариантами [Allen, Seaman, 2005; Ziguas, McBurnie, 2011; Wang, Hall, Wang, 2019]. Считается, что такая практика позволяет снизить стоимость учебных программ, увеличить их гибкость, а также решить вопрос с масштабированием [Graham, Woodfield, Harrison, 2013]. Данные задачи могут активно решаться с помощью использования массовых открытых онлайн-курсов (MOOK). Особенное преимущество могут получать низкоселек-

тивные университеты, закупая MOOK ведущих университетов без необходимости найма высокопрофессиональных преподавателей [Chirikov et al., 2020]. Некоторые исследователи считают, что не стоит рассматривать такие курсы как эквивалент очным, указывая на сложности с идентификацией личности обучающегося, на ригидность оценочной системы MOOK и на ригидность среды в целом [Hollands, Tirthali, 2014; Schuwer et al., 2015; Wang, Hall, Wang, 2019]. Однако массовый переход вузов на дистанционный режим в период карантина из-за распространения вируса COVID-19 подсветил значимость MOOK для системы образования. Университеты, которые не смогли самостоятельно перевести очные курсы в онлайн-формат, обратились к открытым онлайн-курсам национальной платформы НПОО и использовали их на более чем 3500 образовательных программах [Клягин и др., 2020].

В целом исследования демонстрируют не только экономическую эффективность от встраивания онлайн-компонент в учебный процесс [Chirikov et al., 2020], но и образовательную эффективность, что означает возможность их использования в качестве альтернативы очным курсам без потери в качестве обучения [Collins, Pascarella, 2003; Bowen, Chingos, Lack, Nygren, 2014; Figlio, Rush, Yin, 2013]. Результаты нескольких мета-анализов, в которых сравнивались курсы разных форматов, созданные в рамках одного университета, свидетельствуют об отсутствии значимой разницы в образовательных результатах студентов [Shachar, Neumann, 2003; Burns, Ungerleider, 2003]. Следовательно, практика использования смешанного и онлайн форматов вместо традиционного не должна приводить ни к значимому снижению успеваемости студентов, ни к значимому ее увеличению. Такой же результат показало экспериментальное исследование, в котором оценивался эффект встраивания «чужого» курса в формате MOOK в учебный план студентов: учащиеся очного, смешанного и онлайн-формата получили в среднем одинаковые образовательные результаты [Chirikov et al., 2020].

Несмотря на нейтральный эффект смешанного и онлайн-формата, учащиеся онлайн-курсов в меньшей степени демонстрируют удовлетворенность своим опытом обучения по сравнению со студентами традиционного формата [Allen et al., 2002]. Исследования, в которых определялось отношение студентов к онлайн-обучению, основанному на курсах преподавателей своего университета, показали, что к основным воспринимаемым проблемам онлайн относятся прежде всего отсутствие преподавателя и как следствие этого, возникающая необходимость учить самого себя [Jaggars, 2014; O'Neill, Sai, 2014]. Студенты не были готовы к такому обучению, к регулированию собственной траектории по курсу, к невозможности получения помощи при появлении вопросов. При этом в онлайн-среде особенно важна мотивация на обучение, на проявление самостоятельности [Fryer, Bovee, Nakao, 2014; Fryer, Bovee, 2016; Vanslambrouck et al., 2018]. Если ее нет или присутствует экстернатальный тип мотивации (ориентации на получение внешних результатов по отношению к деятельности), возникает вероятность поверхностного подхода (когда обучение проходит через запоминание) и трансгрессии (когда учащиеся обращаются к практикам академического мошенничества) [Marton, Säljö, 2005; Bralić, Divjak, 2018]. Исследования показывают, что к вынужденной самостоятельности студенты готовы при изучении «легких» курсов, где не требуется

помощь преподавателя, так как они самостоятельно смогут освоить материал через прочтение [Hagel, Shaw, 2010; Jaggars, 2014]. Когда курсы воспринимаются как «сложные», к которым прежде всего относятся STEM-дисциплины, учащиеся предпочитают очный формат [McPartlan et al., 2021].

Однако остается неизвестным, как студенты относятся к прохождению «чужих» курсов формата MOOK, насколько отсутствие очного взаимодействия с преподавателем может компенсироваться форумом, который предоставляет возможность задавать любые вопросы по курсу. Из экспериментального исследования, посвященного оценке влияния использования MOOK на результаты учащихся, следует, что прошедшие курс в этом формате были в меньшей степени удовлетворены своим опытом обучения по сравнению с теми, кому достались традиционный и смешанный форматы (при получении сравнительно одинаковых образовательных результатов) [Chirikov et al., 2020]. Какие проблемы вынудили студентов, учившихся онлайн, немного ниже оценить свою удовлетворенность? Решил ли форум проблему с отсутствием преподавателя? К каким стратегиям студенты прибегали, чтобы преодолеть возникшие трудности?

Данная работа является продолжением полевого эксперимента, результаты которого представлены в статье Игоря Чирикова и его коллег [Chirkov et al., 2020]. Она позволит выявить впечатления студентов относительно прохождения MOOK в смешанном и онлайн форматах. На основе опросных данных, а также пяти фокус-групп и одного интервью, проведенных после завершения эксперимента со студентами STEM-направлений¹ второго курса бакалавриата трех вузов России, прошедших обучение в онлайн и смешанном форматах, мы ответим на два исследовательских вопроса.

Первый исследовательский вопрос: почему студенты STEM-направлений, прошедшие курс по специальности в онлайн-формате, немного ниже оценили свой уровень удовлетворенности пройденным курсом по специальности по сравнению с теми, кто проходил обучение в смешанном или традиционном формате? Ответ на данный вопрос позволит определить трудности, с которыми студенты онлайн-курса столкнулись.

Второй исследовательский вопрос: почему студенты STEM-направлений, прошедшие курс по специальности в онлайн и смешанном форматах, получили образовательные результаты не ниже тех, кто учился очно? Ответ на данный вопрос позволит определить стратегии, которые использовали студенты для обучения по курсу в новом для них формате.

Теоретическая основа исследования

В качестве теоретической рамки данного исследования выступает иерархическая теория самодетерминации Роберта Валлеранда [Vallerand, 1997], которая дополняет модель Эдварда Деси и Ричарда Райана, посвященной типологии мотивации [Deci, Ryan, 2004]. В иерархической теории самодетерминации выделяются несколько компонент: (1) уровни функционирования мотивации (глобальный,

¹ STEM (Science, Technology, Engineering, Math) — термин, используемый для объединения академических дисциплин из четырех областей знания: наука, технологии, инженерия и математика. Под наукой подразумеваются естественные (биология, физика, химия) и формальные (логика, статистика) науки.

контекстуальный и ситуативный), (2) социальные факторы (контекст, где происходит действие), (3) медиаторы (посредники между социальными факторами и мотивацией, к которым относятся потребности в компетентности, автономии и связанности с другими) и (4) последствия действий (когнитивные, аффективные и поведенческие). Согласно данной теории, формат обучения относится к контексту, в рамках которого происходит освоение материала курса. Формат влияет на мотивацию учащихся и последствия их действий через удовлетворение потребностей в компетентности, автономии и связанности с другими.

Традиционный формат в меньшей степени удовлетворяет потребность студентов в автономии из-за своей высокой регламентированности, проявляющейся в контролировании активности студентов [Stansfield, McLellan, Connolly, 2004, Elvers, Polzella, Graetz, 2003]. В свою очередь, он в большей степени удовлетворяет потребность в связанности с другими в силу наличия очных взаимодействий между преподавателем и студентами, а также между самими учащимися.

По сравнению с традиционным форматом смешанное обучение в меньшей степени регламентировано. За счет введения онлайн-компонент в очный курс у студентов появляется больше свободы в обучении [Singh, 2021], поэтому смешанный формат на среднем уровне удовлетворяет потребность в автономии. Однако наличие онлайн-компонент в очном курсе приводит к сокращению очного взаимодействия с преподавателем и другими учащимися. В этом плане смешанный формат в меньшей степени удовлетворяет потребность в связанности с другими по сравнению с традиционным форматом.

Онлайн-формат предоставляет учащимся наибольшую автономию: студенты должны самостоятельно планировать обучение, мониторить свою учебную активность, оценивать достигнутые результаты и выбирать наиболее эффективные стратегии [Elvers, Polzella, Graetz, 2003; Levy, Ramin, 2012; Michinov et al., 2011; Kizilcec, Pérez-Sanagustín, Maldonado, 2017]. Однако удовлетворение потребности в автономии происходит в большей степени за счет отсутствия очного взаимодействия с преподавателем и остальными учащимися, поэтому данный формат в меньшей степени позволяет удовлетворить потребность в связанности с другими.

Исходя из представленной теоретической рамки, мы предполагаем, что студенты, прошедшие курс в онлайн-формате с использованием MOOC, были в меньшей степени удовлетворены своим обучением из-за отсутствия связанности с другими, а также высоких требований к автономии, с которыми они раньше не сталкивались при обучении в традиционном формате. Наличие двух данных проблем может привести студентов онлайн-формата к поиску эффективных стратегий, которые позволят им пройти MOOC успешно.

Методология

Для ответа на поставленные исследовательские вопросы в работе используются опросные данные, а также данные пяти фокус-групп и одного интервью по студентам, принявшим участие в эксперименте, дизайн которого описан здесь [Chirikov et al., 2020].

Полевой эксперимент был проведен в осеннем семестре 2017/2018 учебного года среди 325 студентов STEM-направлений второго курса бакалавриата,

обучавшихся в трех вузах России Приволжского федерального округа. На эксперимент были отобраны два учебных предмета: «Технология конструкционных материалов» и «Инженерная механика», аналоги которых представлены в виде онлайн-курсов на национальной платформе «Открытое образование» (НПОО)². В начале учебного семестра студенты были случайным образом разделены на три группы: первая проходила курс в традиционном формате, вторая — в смешанном³, третья — в онлайн⁴. По завершении эксперимента учащиеся сдавали итоговый экзамен в виде тестирования на базе своего университета, а также заполняли анкеты и участвовали в фокус-группах. Данные, используемые в работе, были собраны в январе 2017/2018 учебного года после сдачи экзамена по курсам.

В данном исследовании мы используем стратегию смешения методов, названную Д. Морганом «дополнительное покрытие», при котором методы сбора данных, дополняя друг друга, позволяют насыщать концепты [Савинская и др., 2016]. Данные фокус-групп используются для интерпретации полученных ранее выводов об отсутствии значимых различий в образовательных результатах студентов, прошедших обучение в трех форматах, а также немного меньшей удовлетворенности курсом со стороны учащихся онлайн-формата. Опросные данные используются прежде всего для подтверждения результатов фокус-групп.

Сплошной опрос проводился в виде бумажного анкетирования учащихся традиционного, смешанного или онлайн-формата. В анкету были включены вопросы по следующим тематическим блокам: (1) оценка сложности курса, а также уровня нагрузки по его прохождению; (2) оценка преимуществ каждого из форматов обучения; (3) активность в рамках курса; (4) готовность студентов к использованию MOOK для полной или частичной замены очных курсов. Для анализа опросных данных использовалась описательная статистика.

Фокус-группы и одно интервью были проведены со студентами смешанного и онлайн форматов после экзамена по курсу и опроса. На каждый вуз, который участвовал в эксперименте, приходилось по две фокус-группы: одна проводилась со студентами смешанного формата, а другая — со студентами онлайн-формата. Исключение составляет один университет, где не набралось достаточное количество участников на фокус-группу из смешанного формата, поэтому она была заменена на интервью.

Отбор на участие в фокус-группе происходил случайным образом: исследователи до проведения экзамена случайным образом отобрали по 17 студентов из онлайн- и смешанных групп, исходя из списка участников эксперимента. По завершении экзамена и опроса исследователи, собирая заполненные бланки, уточняли фамилию и имя студента, и если учащийся оказывался в отобранной группе, его

² Страницы онлайн-курсов на НПОО: <https://openedu.ru/course/urfu/ENGM/> и <https://openedu.ru/course/urfu/TECO/> (дата обращения: 24.04.2022).

³ В рамках полевого эксперимента смешанный формат представлял собой модель перевернутого класса, где очные лекции замещались на видеолекции MOOK с платформы НПОО, при этом сохранялись очные семинары с преподавателем вуза — участника эксперимента.

⁴ В рамках полевого эксперимента онлайн-формат представлял собой полное замещение очных лекций и семинаров на MOOK с платформы НПОО: студенты смотрели видеолекции и выполняли тестовые задания на MOOK без возможности взаимодействия с преподавателем вуза — участника эксперимента (вместо этого они могли использовать форум онлайн-курса).

приглашали к участию в фокус-группе. В среднем в каждой фокус-группе приняли участие 11 студентов (от 8 до 14 учащихся). Всего в фокус-группах и одном интервью приняло участие 57 студентов (каждый шестой студент из экспериментального исследования). Каждую фокус-группу вел один модератор в отдельной аудитории, выделенной заранее координатором со стороны вузов — участников эксперимента. Фокус-группы и одно интервью были записаны на диктофон, а затем расшифрованы. Средняя продолжительность фокус-групп составила 28 минут (от 20 до 36 минут), интервью длилось 10 минут.

В фокус-группах и интервью использовался полуструктурированный гайд, включающий в себя следующие тематические блоки вопросов: (а) активность на курсе, (б) преимущества и ограничения онлайн/смешанного форматов, (в) отношение к онлайн/смешанному форматам. Вопросы первого блока были направлены на выявление поведения на курсе и стратегий, которых придерживались студенты при прохождении материала в онлайн и смешанном форматах (например, как они выстраивали свое обучение, как использовали основные элементы курса/взаимодействовали с ними (видеолекциями, учебными и контрольными заданиями, форумом, преподавателем)). Вопросы первого блока позволяют ответить на второй исследовательский вопрос о том, почему студенты STEM-направлений всех трех форматов получили в среднем одинаковые образовательные результаты, за счет выявления стратегий/практик прохождения курса в онлайн и смешанном форматах (что покажет, как студенты смогли адаптироваться к прохождению курса в новом для них формате).

Вопросы двух других тематических блоков были посвящены восприятию и оценке обучения по курсу в онлайн и смешанном форматах (например, что понравилось/что не понравилось, какие ощущения сложились по итогам прохождения курса, было ли сложно его проходить в смешанном/онлайн форматах). Данные вопросы позволяют ответить на первый исследовательский вопрос о том, почему студенты онлайн-формата ниже оценили свой уровень удовлетворенности по сравнению с учащимися двух других форматов, за счет выявления отношения учащихся к курсу в зависимости от формата обучения.

Для анализа пяти фокус-групп и одного интервью использовался подход тематического кодирования. В соответствии с двумя исследовательскими вопросами по изучению стратегий/практик прохождения курса и отношения к нему для онлайн и смешанного форматов по отдельности, внутри каждого транскрипта были выделены коды, которые затем группировались по темам. Кодирование проводилось одним исследователем.

Результаты

Ответ на первый исследовательский вопрос: почему студенты STEM-направлений, прошедшие курс по специальности в онлайн-формате, оценили свой уровень удовлетворенности пройденным курсом немного ниже, чем учащиеся смешанного и традиционного форматов?

Проведенное экспериментальное исследование показало, что студенты онлайн-формата в меньшей степени были довольны прохождением курса в данном варианте по сравнению с учащимися традиционной и смешанной групп. Согласно

опросным данным, собранным по студентам — участникам полевого эксперимента по завершении учебного семестра, уровень удовлетворенности курсом значимо связан с уровнем его воспринимаемой сложности: чем выше учащиеся оценивают сложность, тем ниже их уровень удовлетворенности (корреляция Кендалла = $-0,317$ при уровне значимости $0,01$). Среди студентов онлайн-формата нет ни одного учащегося, который бы посчитал курс простым или слишком простым (см. табл. 1). При этом для 15% студентов онлайн-формата прохождение дисциплины было очень сложным (что в среднем превышает доли учащихся двух других групп на 9,4%).

Таблица 1. Оценка уровня сложности курса среди студентов, участников эксперимента, в разрезе по форматам обучения, в %

	Традиционный формат	Смешанный формат	Онлайн-формат
Слишком простым	2,2	2,3	
Простым	1,1	5,7	
Оптимальным по сложности	51,1	47,7	48,2
Сложным	31,5	29,5	28,9
Очень сложным	6,5	4,5	14,9
Затрудняюсь ответить	7,6	10,2	7,9

Примечание. Формулировка вопроса: «Насколько сложным для Вас было прохождение курса?»

Из анализа фокус-групп можно определить ряд сложностей, с которыми столкнулись студенты онлайн-группы. Первая воспринимаемая сложность онлайн-формата — трудность с самоорганизацией при прохождении курса. Студенты считают, что при обучении на онлайн-курсе тратится субъективно больше усилий на то, чтобы заставить себя заниматься. Без внешнего контроля всегда возникают обстоятельства, отвлекающие от просмотра видеолекций и выполнения заданий. Кроме того, учащийся может найти себе отговорку, чтобы отложить онлайн-курс на потом, что приводит к проблеме со сдачей тестов до их дедлайна.

Онлайн-обучение — это для людей, которые могут себя, так сказать, заставить себя, прийти и сделать, ну реально надо. Мне кажется, многим, ну, наверное, не надо. (2 вуз, смешанный-формат)

Сложно себя организовать, заставить, когда знаешь, что никто тебе ничего не сделает. (3 вуз, онлайн-формат)

Вот я забыла до какого срока сдать, ты такой зашел позже — и все, не сдал. (3 вуз, онлайн-формат)

Вторая воспринимаемая сложность онлайн-формата — отсутствие преподавателя. В онлайн-курсе нет прямого взаимодействия с преподавателем, что, по мнению студентов, сказывается на всем процессе обучения. Отсутствие преподавателя

приводит к следующим субъективно воспринимаемым последствиям. Во-первых, у студентов нет возможности задать свой вопрос и получить на него ответ. Форум в данном случае не является эффективной площадкой для коммуникации, так как на нем обычно не дают содержательный ответ с развернутым пояснением, а также у него есть временной лаг в ответах на вопросы.

Ты дождешься пока ответа — это все равно время всегда. Да и у тебя может все из головы вылететь. Ты когда в процессе, мысли, когда у тебя все в голове про это задание какое-нибудь, ты вот все помнишь, вот сейчас хочешь прям получить ответ, вот на уроке, на паре. (1 вуз, онлайн-формат)

И что я должен сидеть и ждать, пока мне постоянно будут отвечать? А там мне еще что-то будет непонятно, я еще и поэтому буду уточнять. (2 вуз, онлайн-формат)

Согласно опросным данным, доля студентов онлайн-группы, использовавших форум МООК, не превысила 12 % для получения ответов по техническим вопросам и 7 % — по содержательным (см. табл. 2).

Таблица 2. Практики обращения к форуму онлайн-курса для студентов онлайн-формата, в %

	Нет	Да	Затрудняюсь ответить
Смотрели на форуме посты/сообщения, написанные другими студентами	64,4	31,7	3,8
Задавали на форуме технические вопросы	85,3	11,8	2,9
Задавали на форуме вопросы по содержанию курса	87,3	6,9	5,9
Задавали на форуме вопросы по организации курса	91,3	3,9	4,9
Отвечали на вопросы других студентов на форуме	93,9	3,0	3,0

Примечание: Формулировка вопроса: «Делали ли Вы следующее в процессе прохождения онлайн-курса?»

Во-вторых, у студентов в процессе прохождения онлайн-курса не создается впечатление, что происходит обучение. Онлайн-курс для учащегося — это односторонний поток информации, в рамках которого не складывается ощущение освоения материала и правильного его понимания. Чтобы сделать онлайн-курс двусторонним, необходим посредник в лице преподавателя, который будет объяснять, задавать вопросы, показывать решения и тем самым настраивать на обучение.

Сидишь, перед тобой преподаватель, вот он тебе в лицо вопрос задает в лоб, и ты начинаешь думать, что-то соображать, вспоминать. А вот когда сидишь просто перед компьютером — это от тебя ничего не требует: ну послушал ты лекцию, ну решил ты как-то задание и все, в общем-то, ничего больше не надо, получается. (1 вуз, онлайн-формат)

При этом в отличие от очных занятий с преподавателем, где объяснение одного и того же материала может происходить разными способами, в зависимости от его

усвоения студентами, видеолекции записаны один раз и с одним вариантом объяснения. Поэтому учащиеся онлайн-формата воспринимают онлайн-курс как ригидную среду, неспособную подстроиться под их способности в случае такой необходимости.

С преподавателем удобнее тем, что ты пришел на пару и вот, например, я могу задавать ему вопросы, вплоть там десять раз подряд один и тот же вопрос, и пока я не пойму, он будет все объяснять, объяснять, объяснять. В электронном курсе — ну как бы да, я могу посмотреть лекцию, предположим, там разбирается задача, но преподаватель может ее рассмотреть с этой стороны, с этой стороны, ну и вот как-то ее по-другому может объяснить, а электронный курс не предоставляет эту возможность. (2 вуз, смешанный формат)

В-третьих, из-за отсутствия преподавателя в рамках онлайн-курса студенты вынуждены искать ответы на свои вопросы в Интернете. Это приводит к тому, что учащиеся не всегда могут оценить, насколько верный ответ они нашли на свой вопрос. Кроме того, у студентов складывается ощущение, что они тратят гораздо больше времени и усилий на прохождение курса в онлайн-формате по сравнению с учащимися смешанной и традиционной групп.

Опросные данные также показывают, что среди студентов онлайн-формата выше доля тех, кто оценивает свою еженедельную нагрузку как высокую или очень высокую (28 % против 22 % для учащихся смешанной и традиционной групп) (см. табл. 3).

Таблица 3. Оценка уровня еженедельной нагрузки среди студентов, участников эксперимента, в разрезе по форматам обучения, в %

	Традиционный формат	Смешанный формат	Онлайн-формат
Очень низкая	5,4	3,3	1,7
Низкая	2,2	4,3	8,7
Оптимальная	64,1	58,7	55,7
Высокая	17,4	17,4	20,9
Очень высокая	4,3	4,3	7,0
30	6,5	12,0	6,1

Примечание: Формулировка вопроса: «Оцените, пожалуйста, Вашу еженедельную нагрузку по курсу. Нагрузка была...»

Отсутствие преподавателя в онлайн-формате приводит к тому, что студенты считают данный формат подходящим не для всех дисциплин, а только для тех, которые воспринимаются как легкие для изучения. Это означает, что у студентов при прохождении онлайн-курсов не возникнет вопросов по пониманию материала, и они смогут самостоятельно его освоить. Для студентов-инженеров это прежде всего курсы гуманитарных и социальных наук (например, психология, экономика, история, русский язык, экология, философия, история).

Нам было сложно усваивать такую тяжелую информацию в онлайн-курсе. <...> ладно бы какая-нибудь психология, экология была, там можно что-то и самому почитать и понять. (2 вуз, онлайн-формат)

На гуманитарных предметах просто прочитать, запомнить и достаточно тебе. Решать задачи не надо. Там надо просто читать и вникать. (2 вуз, онлайн-формат)

Также онлайн-формат по мнению учащихся подходит для освоения дисциплин, которые не воспринимаются как важные для получения профессии. Их студенты готовы осваивать онлайн.

Для предметов по специальности, мне кажется, это не очень хороший вариант, но для таких дополнительных как философия, там, история, которые к нам по сути никакого отношения не имеют, можно сделать. (3 вуз, онлайн-формат)

Это один из важнейших предметов в этом семестре, <...> по которому были интересные лабораторные, которые именно очень важно посмотреть хотя бы, и люди с онлайн не видели их. Ну онлайн, это все как-то немножко странно, ну бывает нелепо. (3 вуз, онлайн-формат)

При этом студенты считают, что онлайн-курсы должны выбираться ими самостоятельно, так как при выборе они будут ориентироваться на свой интерес, что будет стимулировать их обучение на курсе.

Если вводить такое вот именно онлайн, это должно быть понятно и интересно, потому что просмотр — то же самое, что на лекции. (2 вуз, смешанный формат)

Опросные данные показывают, что в среднем 13% студентов, принявших участие в эксперименте, были бы не против заменить около половины очных курсов на MOOK (доля таких учащихся значимо не варьируется по форматам обучения). Несколько очных курсов готовы поменять на MOOK в среднем 28% студентов — участников эксперимента, при этом доля таких учащихся среди проходивших дисциплину в онлайн-формате достигает 34% (табл. 4).

Таблица 4. Готовность студентов — участников эксперимента заменить очные курсы на MOOK, в разрезе по форматам обучения, в %

	Традиционный формат	Смешанный формат	Онлайн-формат
Все очные курсы	5,4	4,3	4,3
Большинство очных курсов	4,3	6,5	7,8
Около половины очных курсов	13,0	13,0	12,2
Несколько очных курсов	25,0	26,1	33,9
Ни один очный курс	52,2	50,0	41,7

Примечание: Формулировка вопроса: «Какую долю очных курсов, которые Вы будете проходить в следующем семестре, Вы бы заменили на онлайн-курсы?»

Сложные и важные дисциплины студенты готовы осваивать в смешанном формате, считая его более соответствующим современным реалиям по сравнению с традиционным форматом.

Намного проще выучить материал, когда ты видел это вживую, ты с этим работал. У нас есть картинка хотя бы, потому что ведь в будущем это важно знать, как это все в жизни, для этого это все учим. И вот у нас было тем удобно, что мы могли несколько раз посмотреть эти лекции, это все запомнить и потом прийти и на практике, ну это все на деле закрепить. (3 вуз, смешанный формат)

Модератор: А хотели бы вы какие-то дисциплины проходить в смешанном формате?

Студент 1: Да, это удобно. В этом есть плюс.

Студент 2: Да, на первом курсе я бы весь курс. Там очень много общих, которые действительно было бы удобно так проходить.

Модератор: А дисциплины, которые по вашей специальности, в каком формате вы бы хотели проходить?

Студент 3: В смешанном, нужна практика потому что.

Модератор: А в традиционном?

Студент 3: Нет, прошлый век.

Студент 4: Ну да, смешанный самый удобный формат. (3 вуз, смешанный формат)

Опросные данные показывают, что в среднем 12% студентов, участников эксперимента, хотели бы проходить большинство очных курсов в смешанном формате (что в два раза больше доли учащихся, которые хотели бы изучать дисциплины в онлайн-формате) (см. табл. 5). При этом в среднем 41% студентов отметили, что они против использования смешанного формата (доля таких студентов значительно выше для традиционной группы: 49% против 40% и 35% для смешанной и онлайн групп соответственно).

Таблица 5. Готовность студентов, участников эксперимента, заменить очные курсы на MOOK, в разрезе по форматам обучения, в %

	Традиционный формат	Смешанный формат	Онлайн-формат
Все очные курсы	6,5	4,3	6,1
Большинство очных курсов	10,9	10,9	13,9
Около половины очных курсов	14,1	19,6	9,6
Несколько очных курсов	19,6	25,0	36,5
Ни один очный курс	48,9	40,2	33,9

Примечание: Формулировка вопроса: «Какую долю очных курсов, которые Вы будете проходить в следующем семестре, Вы бы предпочли проходить в смешанном формате?»

Ответ на второй исследовательский вопрос: почему студенты STEM-направлений, прошедшие курс по специальности в онлайн и смешанном форматах, получили

образовательные результаты не ниже тех, что показали учащиеся традиционного формата?

Студенты, попавшие в смешанную и онлайн группы, столкнулись с новой образовательной средой, с новыми правилами внутри данной среды, которым нужно следовать, или которые нужно формировать. Тем самым студенты были вынуждены в какой-то степени перестраивать свое обучение, чтобы адаптироваться к новым форматам, что позволило бы им успешно пройти курс. Сравнение образовательных результатов студентов всех форматов по итогам эксперимента показало, что студенты смешанной и онлайн групп смогли адаптироваться к новой для них среде обучения, получив по итоговому экзамену средний балл не ниже результатов учащихся традиционной группы. Какие адаптационные стратегии они использовали при прохождении курса в новом для них формате, что позволило им получить такие образовательные результаты? Рассмотрим по отдельности стратегии учащихся смешанной и онлайн групп.

В отличие от смешанного формата онлайн требует от студентов большей адаптации к образовательной среде в силу его существенного отличия от традиционного обучения. На онлайн-курсе нет обычных лекций и семинаров, нет обычного расписания, в соответствии с которым можно было бы выстроить практику прохождения курса. Студент онлайн-формата лишен обычных опор, которые в какой-то степени контролируют и направляют его обучение: нет одногруппников, чтобы сравнить свой прогресс с их результатами; нет преподавателя, чтобы оценить, насколько усваивается материал курса. Поэтому возникает необходимость большего самоконтроля за своим процессом обучения. При этом появляются разные соблазны, как отвлекающие от учебы, так и настраивающие на транскрессию.

Лучше встать пораньше и лекцию послушать, <...> у тебя весь день свободный потом. А тут, если у тебя онлайн-лекция, то ты встанешь, походишь, тут и полдня уже прошло, хочется позаниматься своими делами, а тебе еще лекцию надо слушать. И еще и не все усваивается, потому что все равно дома — это не та обстановка. (1 вуз, онлайн-формат)

Ты же будешь слушать на обычной лекции, не будешь своими делами заниматься, а тут у тебя есть выбор, то есть менее охота, вот я другим делом занялся и все. (1 вуз, смешанный формат)

Просто дело в том, что в аудитории ты надеешься только на себя. Когда ты дома, тебя так и подмывает где-то подсмотреть. (3 вуз, смешанный формат)

В ситуации онлайн-формата формирование стратегии связано с восприятием сложности курса, с оценкой студентом своих способностей, со степенью готовности к самостоятельной работе над курсом для поиска ответов на свои вопросы, что сказывается на том, насколько учащийся будет пытаться самостоятельно пройти курс или найдет обходные пути, позволяющие ему получить положительную оценку по курсу без освоения его материалов (см. рис. 1). Можно выделить две стратегии по прохождению курса в онлайн-формате, отличающиеся своей результативностью и мотивацией студента.

Рис. 1. Схема стратегий студентов онлайн-формата

Первая стратегия «Пытайся понять курс самостоятельно»

Студент выбирает данную стратегию, если у него есть мотивация на освоение курса, желание разобраться в материале, и он считает, что справится с этим. Такая стратегия может привести к двум результатам: (а) студент полностью разобрался в материалах курса; (б) студент частично разобрался в материалах курса. Во втором случае возникает проблема, связанная с тем, что учащийся хорошо решает только идентичные задачи, которые он выполнял в рамках курса (то есть он не сможет выйти за рамки формулировок и цепочек решения задач курса).

Я запоминал формулы, по которым решал, что-то уже до этого понимал, просто чуть труднее стало, если бы дали прям подобную задачу, возможно, я бы ее решил. А если что-то новое дали, где-то что-то чуть изменить, то скажем, я бы уже не осилил. (2 вуз, онлайн-формат)

Однако данная стратегия может смениться на вторую, если у учащегося пропадает мотивация на освоение курса, так как у него не получается разобраться в материалах самостоятельно.

Сначала я пытался разобраться, думал, может дальше какое-то объяснение будет, но нет, я даже не стал дальше смотреть лекции. (2 вуз, онлайн-формат)

Вторая стратегия «Пытайся разобраться, не пытайся...»

Данная стратегия возникает в том случае, когда учащийся понимает, что у него недостаточно знаний, которые позволили бы ему пройти курс самостоятельно, что у него нет шансов на понимание материалов. Поэтому студент начинает искать обходные пути, с помощью которых он сможет пройти курс без получения неудовлетворительной оценки. Учащиеся указали на два способа выполнения заданий

онлайн-курса, которые позволили им их решить: (а) подстановка значений из задач онлайн-курса в формулы похожих упражнений, найденных в Интернете, (б) поиск ответов в материалах видео-лекции. Студенты смешанного формата объясняют это тем, что домашняя обстановка располагает к академическому мошенничеству.

Честно, я решал только благодаря тому, что в интернете есть подобные задания с приводом формул, по которым решают. Я просто свои значения подставлял в эти формулы и находил. Я сразу понял, что обучаться по онлайн-курсу все равно не смогу. Так какая мне разница, мне остается только, чтобы оценка в конце хорошая получилась. (2 вуз, онлайн-формат)

Можно открыть в другой параллельной вкладке и, даже не читая, не смотря видео-лекцию, найти и указать ответы. Просто листаешь лекцию и по одному вопросу <...> находишь ответ сразу же. (3 вуз, онлайн-формат)

От студентов смешанного формата в меньшей степени требовалась адаптация к условиям обучения по курсу в силу того, что только очные лекции заменялись на видеолекции при сохранении очных семинаров, на которых у учащихся была возможность разобраться с материалами курса вместе с преподавателем без необходимости самостоятельного поиска решений заданий в Интернете. Поэтому обучение в смешанном формате в большей степени было приближено к обучению в традиционном.

Я пришла на пару, я разобрала эти задания, мне дома нужно было прийти и просто написать, то есть я как бы знаю, что писать. А онлайн нужно было сидеть слушать лекции, если лекции им непонятны, они еще читают учебник, если им учебник непонятен, то они лазают по сайтам, где какие формулы можно взять. (2 вуз, смешанный формат)

Стратегии по прохождению курса в таком формате касаются прежде всего адаптации к просмотру видеолекций вместо посещения очных лекций и связи материала лекций с семинарскими занятиями. Студенты выбирали разные стратегии по просмотру видеолекций: просмотр в ускоренном ритме, использование текстового материала к видеолекции вместо ее просмотра. В том случае, когда у студентов возникали вопросы по содержанию, они их задавали преподавателю семинарских занятий.

При этом при разборе курса на семинарских занятиях могли обнаружиться нестыковки, различия между видеолекциями и материалами, которые дает преподаватель. Это приводило к тому, что студенты не понимали, какому источнику им доверять: преподавателю, который ведет семинары, проверяет домашние задания и ставит по ним оценки, или авторам онлайн-курса.

Еще нужно как-то систематизировать, не знаю, привести к одной литературе, потому что на семинаре нам преподаватель, допустим, рассказывал коэффициент усадки стружки от 0.1 до 10, а в онлайн-лекциях и самом видео и конспекте от 0.1 до 13. И нам это преподаватель рассказывал, и он говорил, что он прав, потому что проверял в литературе <...> И кому верить? (3 вуз, смешанный формат)

Однако учащиеся считали, что преподаватель при проверке домашних заданий выставляет оценку более справедливо, чем платформа.

На платформе ты решаешь, но решаешь эти тесты плохо, потому что где-то ошибся в вычислениях, она же твоего решения как бы не видит. <...> Преподаватель, он все-таки раз посмотрел у тебя, видит, что у тебя ход решения правильный, но ответ где-то не сошелся, то есть он хотя бы полбалла где-то может поставить. (2 вуз, смешанный формат)

Дискуссия

Исследование показало, что студенты онлайн-группы оценили сложность прохождения курса в рамках эксперимента значительно выше, чем учащиеся смешанной и традиционной групп. Данные фокус-групп позволили выявить те трудности, с которыми столкнулись студенты при обучении на MOOK. Первая трудность — сложность самоорганизации. Домашняя обстановка не настраивает студентов на обучение, и им приходится тратить субъективно больше усилий на самоконтроль. С одной стороны, гибкость, которую дает онлайн-обучение, высоко оценивается учащимися. Исследования показывают, что она является одним из основных преимуществ онлайн-курсов (неслучайно более эффективным считается асинхронный формат дистанционного обучения по сравнению с синхронным) [Bernard et al., 2004; Johnson, Stewart, Bachman, 2015; Vanslambrouck et al., 2018]. С другой стороны, к такой гибкости готовы не все студенты, ведь на онлайн-курсе они остаются без привычного внешнего контроля за своей активностью [Tuckman, 2005; Broadbent, Poon, 2015]. Отсутствие самоконтроля над обучением может привести к просрочке дедлайнов по заданиям, что в свою очередь скажется на эффективности обучения. Поэтому студенты изначально должны быть готовы к гибкости MOOK, они должны понимать, какая метакогнитивная нагрузка необходима для успешного его прохождения. При этом, если учащиеся рассматривают такую гибкость как возможность отложить прохождение онлайн-курса на потом для выполнения более важных обязательств, то это приводит к значительному снижению их результатов [McPartlan et al., 2021].

Трудность с самоорганизацией также была отмечена в качестве основной проблемы обучения в дистанционном режиме, на который перешли вузы из-за угрозы распространения COVID-19. Студентам сложно было проходить дисциплины в домашней обстановке, а также концентрироваться на самостоятельном изучении материала [Бекова и др., 2021]. В группе риска оказались прежде всего учащиеся первых курсов, а также студенты, обучающиеся на направлениях искусство и культура, а также инженерное дело, технологии, технические науки.

Вторая трудность, с которой столкнулись студенты онлайн-групп, — отсутствие преподавателя на MOOK. Наше исследование показало, что форум онлайн-курса учащиеся не рассматривают в качестве эффективной площадки для получения содержательных ответов на свои вопросы по курсу. Кроме того, он не обеспечивает мгновенный фидбек. Данный результат соотносится с выводами предыдущих исследований, согласно которым студентам важно получать ответ на свой вопрос здесь и сейчас, а не ждать письма от преподавателя [Jaggars, 2014; O'Neill, Sai,

2014]. Также это подтверждается и собранными опросными данными, согласно которым только незначительная доля студентов онлайн-группы обращалась к форуму для того, чтобы задать вопрос по курсу.

Отсутствие преподавателя при обучении в онлайн-формате означает отсутствие помощи, поддержки и объяснений материала, на которые рассчитывают студенты. Поэтому учащиеся вынуждены учить самих себя. На такую вынужденную самостоятельность они готовы при прохождении «легких» курсов и курсов, которые не воспринимаются как важные для профессии, так как простого чтения материала будет достаточно для их освоения. К таким курсам студенты STEM-направлений отнесли гуманитарные и социально-экономические. Для прохождения курсов, которые воспринимаются как «трудные» и важные, учащимся необходим преподаватель, который будет отвечать на вопросы и объяснять материал так, чтобы его поняли. Поэтому такие сложные и важные курсы они готовы осваивать или в традиционном режиме, или в смешанном. В предыдущих исследованиях в качестве «трудных» курсов, где необходима поддержка преподавателя, были отмечены дисциплины по STEM (например, математика, дисциплины естественных и технических наук), а к «легким» относились гуманитарные курсы [Jaggars, 2014]. Таким образом, при выборе MOOK для включения в учебный план стоит ориентироваться на то, считают ли студенты его легким для прохождения и важным для профессии. Если курс, по мнению студентов, относится к «легким», то его можно реализовывать в формате MOOK. Если дисциплина воспринимается как сложная и важная, то MOOK стоит интегрировать только в смешанном формате.

Из-за отсутствия преподавателя и невозможности получить ответы на свои вопросы у студентов пропадает ощущение, что они обучаются. Они воспринимают прохождение MOOK как односторонний процесс, при котором сами учащиеся должны быть активными субъектами, а курс — пассивным объектом. С онлайн-курсом не поговоришь, не задашь вопрос, он записан одномоментно, и, если не поймешь материал, второй раз объяснять его не будут. В этом заключается основное воспринимаемое отличие онлайн-среды от традиционной. Преподаватель, по мнению студентов, может подстроиться под способности учащихся, может с разных сторон объяснить материал, если видит, что они его не понимают. В свою очередь онлайн-курс воспринимается как ригидная среда. В этом заключается парадокс: с одной стороны, постулируется, что новые технологии предоставляют больше возможностей по адаптации контента к способностям учащихся [Xu, Xiao, 2021; Alamri, Watson, Watson, 2021]. С другой стороны, онлайн-курсы на данный момент не подстраиваются под способности студентов, и традиционные курсы оказываются более адаптивными, так как преподаватель может под разными углами объяснять решение одной и той же задачи.

Несмотря на проблемы, с которыми столкнулись студенты при прохождении курса в онлайн-формате, они смогли адаптироваться к новой для них среде обучения, получив образовательные результаты не ниже, чем учащиеся традиционной и смешанной групп. Исследования показывают, что в целом онлайн-среда требует проявления большей самостоятельности со стороны студентов, а наличие веры в собственные способности и мотивации к обучению являются особенно важными для прохождения онлайн-курса, где нет помощи со стороны преподавателя

и привычной внешней регуляции [Fryer, Bovee, Nakao, 2014; Fryer, Bovee, 2016; Vanslambrouck et al., 2018]. Если есть готовность обучаться онлайн, студенты используют стратегию, которую один из участников фокус-группы обозначил так: «Пытайся понять курс самостоятельно». Она выражается в том, что учащиеся пытаются проходить курс и находить ответы на свои вопросы, не прибегая к трансгрессии. Результатом использования данной стратегии становится либо полное, либо частичное освоение материала (когда студенты могут выполнять только схожие задачи, которые были представлены на курсе). Если у учащихся теряется вера в свои способности, пропадает мотивация к обучению (или их изначально не было), то они прибегают к другой стратегии, которую один участник фокус-группы назвал «Пытайся разобраться не пытайся...». Она связана с трансгрессией, с поиском «обходных» путей, которые позволили бы получить положительную оценку. Для прохождения тестов по онлайн-курсу студенты использовали, например, идентичные задачи, решение которых показано в Интернете, или открытые материалы видеолекций в другой вкладке браузера. Данная стратегия указывает на поверхностный подход к обучению, который исследователи связывают с отсутствием мотивации и страхом не справиться с изучением материалов курса [Marton, Säljö, 2005; You, 2019]. Такой страх может появиться в том случае, если студенты изначально не были готовы прилагать особые усилия для освоения онлайн-курса, не хотят тратить больше времени на курс, чем они ожидали [Fryer, Bovee, 2016]. Считается, что онлайн-обучение по сравнению с традиционным требует больше времени от учащихся [Means et al., 2009]. В свою очередь у студентов также формируется впечатление, что им нужно тратить много времени на освоение онлайн-курса [Jaggars, 2014]. Наше исследование также показало, что учащиеся, прошедшие MOOK вместо очного курса, отмечают большую еженедельную нагрузку по сравнению со студентами групп двух других форматов. Поэтому учащиеся должны изначально представлять, насколько они готовы проходить курс в онлайн-формате, смогут ли прилагать больше усилий и тратить больше времени на курс. Если их ожидания по поводу онлайн-обучения расходятся с реальностью, курс может быть пройден поверхностно.

От студентов смешанного формата в меньшей степени требовалась адаптация к среде обучения, в силу наличия помощи со стороны преподавателя, к которому можно было обратиться на семинарских занятиях. Взаимодействие с преподавателем решало большинство трудностей онлайн-обучения, однако порождало одну проблему — возможную нестыковку содержания видеолекций с материалами семинарских занятий. Данная проблема в свою очередь приводила к вопросу с доверием: студенты думали о том, кому им стоит в большей степени доверять: преподавателю семинаров/практических занятий или автору онлайн-курса. Поэтому использование смешанного формата требует стыковки содержания видеолекций и семинаров, чтобы студенты не сталкивались с проблемой доверия при прохождении курса [Eradze et al., 2019].

Исследование показало, что при интеграции MOOK в учебный процесс стоит учитывать не только объективные показатели (например, образовательные результаты студентов), но и субъективные, выражаемые через отношение и готовность учащихся к прохождению дисциплин в онлайн и смешанном форматах.

Реализация MOOK в онлайн-формате без сохранения очного взаимодействия с преподавателем возможна для курсов, которые воспринимаются студентами как легкие и неважные для освоения профессии. Для учащихся STEM-направлений к таким относятся дисциплины из гуманитарного и социально-экономического блока. В смешанном формате стоит реализовывать сложные курсы, так как для их освоения требуется помощь со стороны преподавателя, и элементы онлайн-курса пока не могут его заменить. Для определения восприятия студентами уровня сложности и важности дисциплин в университетах стоит проводить мониторинг студенческой оценки курсов, который позволит принимать управленческие решения по выбору подходящего формата обучения для каждого конкретного предмета.

Если у студентов есть возможность выбора дисциплин и формата их реализации, они должны обладать информацией, позволяющей принимать взвешенное решение относительно прохождения MOOK вместо очного курса. Учащиеся должны понимать, что, во-первых, выбор онлайн-курса должен основываться на интересе к его тематике (наличие внутренней мотивации будет способствовать прохождению курса в онлайн-формате), во-вторых, на освоение онлайн-курса потребуются больше усилий и времени (не стоит выбирать MOOK вместо очного курса только из-за гибкости его формата), в-третьих, нужна большая самостоятельность на освоение предмета, чтобы искать ответы на свои вопросы и контролировать свою активность по курсу.

Также наше исследование показало, что студенты, прошедшие курс в одном из трех форматов, в целом не ориентированы на полную замену очного обучения на смешанное или онлайн. Однако это не означает, что они не готовы к использованию MOOK в рамках учебного процесса: в среднем около половины учащихся — участников эксперимента, выступает за смешанный или онлайн форматы для части курсов, включенных в учебную программу. При этом наблюдается любопытная тенденция: студенты, которые проходили курс в онлайн- или смешанном формате в рамках эксперимента, после его завершения в большей степени высказываются за частичное замещение очных курсов на онлайн-курсы и курсы в смешанном формате, чем учащиеся традиционной группы.

Данные результаты означают, что если учащиеся приобрели опыт прохождения курсов в новых для них форматах, то в дальнейшем они будут готовы к такой практике. Поэтому вынужденный переход вузов на дистанционный режим обучения, произошедший из-за угрозы распространения COVID-19, перевел систему образования на новый виток развития: студенты готовы к прохождению курсов в онлайн и смешанных форматах, к использованию MOOK в учебном процессе. В этой ситуации руководству университетов стоит учитывать приобретенный учащимися опыт и развивать инфраструктуру и нормативно-правовую базу университета для реализации смешанного и онлайн форматов, а также готовить педагогические кадры к переходу и ведению дисциплин в таких форматах.

Ограничения

В нашем исследовании есть несколько ограничений, которые стоит учитывать при экстраполяции полученных результатов. Первое ограничение — характеристики выборочной совокупности: в эксперименте участвовали студенты только

STEM-направлений. Поэтому мы не можем говорить про отношение учащихся других специальностей к прохождению MOOK в разных форматах, не знаем, какие курсы они воспринимают легкими, а какие сложными. В дальнейших исследованиях стоит оценить отношение студентов гуманитарных и социально-экономических специальностей к прохождению курсов в онлайн и смешанном форматах.

Второе ограничение — мы не проводили фокус-группы со студентами, обучавшимися в традиционном формате, поэтому не знаем, с какими трудностями они столкнулись при прохождении курса, какие стратегии и обходные пути использовали. Также мы не знаем, насколько были распространены выделенные нами стратегии среди студентов онлайн и смешанной групп. В дальнейших исследованиях стоит оценить частоту обращения к выявленным стратегиям обучения после завершения курса.

Третье ограничение — мы не проводили тест на проверку остаточных знаний, поэтому не можем проверить гипотезу о получении поверхностных знаний студентами онлайн-курса, которые использовали обходные пути для получения положительной оценки. В дальнейших исследованиях стоит включить в дизайн эксперимента тест на остаточные знания.

Список литературы (References)

Бекова С. К., Груздев И. А., Калинин Р. Г., Камальдинова Л. Р., Малошонок Н. Г., Терентьев Е. А. Год на дистанте: с какими трудностями столкнулись студенты и чему нас научил массовый переход в онлайн / науч. ред.: Бекова С. К. Вып. 4: Современная аналитика образования. М.: НИУ ВШЭ, 2021. URL: <https://publications.hse.ru/books/465905055> (дата обращения: 22.04.2022).

Bekova S. K., Gruzdev I. A., Kalinin R. G., Kamaldinova L. R., Maloshonok N. G., Terentev E. A. (2021) A Year at a Distance: What Difficulties Did Students Face and What Did the Mass Transition to Online Teach Us. Ed. By Bekova S. K. *Modern Education Analytics*. Vol. 4. Moscow: NRU HSE. URL: <https://publications.hse.ru/books/465905055> (accessed: 22.04.2022). (In Russ.)

Клягин А. В., Абалмасова Е. С., Гарев К. В., Груздев И. А., Егоров А. А., Захарова У. С., Калинин Р. Г., Камальдинова Л. Р., Карлов И. А., Корнеева И. Е., Макарьева А. Ю., Минаева Е. А., Платонова Д. П., Семенова Т. В., Скокова Ю. А., Терентьев Е. А., Фруммин И. Д., Швиндт А. Н., Шибанова Е. Ю. Шторм первых недель: как высшее образование шагнуло в реальность пандемии. Современная аналитика образования. Вып. 6. М.: НИУ ВШЭ, 2020. URL: <https://publications.hse.ru/en/books/368821814> (дата обращения: 22.04.2022).

Kliagin A. V., Abalmasova E. S., Garev K. V., Gruzdev I. A., Egorov A. A., Zakharova U. S., Kalinin R. G., Kamaldinova L. R., Karlov I. A., Korneeva I. E., Makareva A. Iu., Minaeva E. A., Platonova D. P., Semenova T. V., Skokova Iu. A., Terentev E. A., Frumin I. D., Shvindt A. N., Shibanova E. Iu. (2020) The Storm of the First Weeks: How Higher Education Stepped into the Reality of the Pandemic. *Modern Education Analytics*. No. 6. Moscow: HSE University. URL: <https://publications.hse.ru/en/books/368821814> (accessed: 22.04.2022). (In Russ.)

Савинская О. Б., Истомина А. Г., Ларкина Т. Ю., Круглова К. Д. (2016) Концептуальные представления о стратегиях «смешивания методов» (mixed methods research): этапы развития и современные дискуссии // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 21—29. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jn=socis&jn=socis&jid=6309 (дата обращения: 22.04.2022).

Savinskaia O. B., Istomina A. G., Larkina T. Iu., Kruglova K. D. Conceptual Ideas of Mixed Methods Research: Stages of Development and Current Discussions. *Sociological Studies*. No. 8. P. 21—29. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jn=socis&jn=socis&jid=6309 (accessed: 22.04.2022). (In Russ.)

Alamri H. A., Watson S., Watson W. (2021) Learning Technology Models that Support Personalization within Blended Learning Environments in Higher Education. *TechTrends*. Vol. 65. No. 1. P. 62—78. <https://doi.org/10.1007/s11528-020-00530-3>.

Allen I. E., Seaman J. (2005) Growing by Degrees: Online Education in the United States, 2005. Needham, MA: Sloan-C.

Allen M., Bourhis J., Burrell N., Mabry E. (2002) Comparing Student Satisfaction with Distance Education to Traditional Classrooms in Higher Education: A Meta-Analysis. *American Journal of Distance Education*. Vol. 16. No. 2. P. 83—97. https://doi.org/10.1207/s15389286ajde1602_3.

Bernard R. M., Abrami P. C., Lou Y., Borokhovski E., Wade A., Wozney L., Waiet A., Fiset M., Huang B. (2004) How Does Distance Education Compare with Classroom Instruction? A Meta-Analysis of the Empirical Literature. *Review of Educational Research*. Vol. 74. No. 3. P. 379—439. <https://doi.org/10.3102/00346543074003379>.

Bowen W. G., Chingos M. M., Lack K. A., Nygren T. I. (2014) Interactive Learning Online at Public Universities: Evidence from a Six-Campus Randomized Trial. *Journal of Policy Analysis and Management*. Vol. 33. No. 1. P. 94—111. <https://doi.org/10.1002/pam.21728>.

Bralić A., Divjak B. (2018) Integrating MOOCs in Traditionally Taught Courses: Achieving Learning Outcomes with Blended Learning. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. Vol. 15. No. 1. P. 1—16. <https://doi.org/10.1186/s41239-017-0085-7>.

Broadbent J., Poon W. L. (2015) Self-Regulated Learning Strategies, Academic Achievement in Online Higher Education Learning Environments: A Systematic Review. *The Internet and Higher Education*. Vol. 27. P. 1—13. <https://doi.org/10.1016/j.iheduc.2015.04.007>.

Burns T., Ungerleider Cs. (2003) A Systematic Review of the Effectiveness and Efficiency of Networked ICT in Education: A State of the Field Report to the Council of Ministers of Education, Canada and Industry Canada. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/A-systematic-review-of-the-effectiveness-and-ICT-in-Ungerleider-Burns/a1e-cb4cfe766110939d08debd04eb55c41bf7775> (accessed: 22.04.2022).

Chirikov I., Semenova T., Maloshonok N., Bettinger E., Kizilcec R. F. (2020) Online Education Platforms Scale College Stem Instruction with Equivalent Learning Outcomes

at Lower Cost. *Science Advances*. Vol. 6. No. 15. eaay5324. <https://doi.org/10.1126/sciadv.aay5324>.

Collins J., Pascarella E. T. (2003) Learning on Campus and Learning at a Distance: A Randomized Instructional Experiment. *Research in Higher Education*. Vol. 44. No. 3. P. 315—326. URL: <https://eric.ed.gov/?id=EJ668176> (accessed: 22.04.2022).

Deci E. L., Ryan R. M. (eds.) (2004) Handbook of self-determination research. Rochester, NY: University Rochester Press. URL: <https://psycnet.apa.org/record/2002-01702-000> (accessed: 22.04.2022).

Elvers G. C., Polzella D. J., Graetz K. (2003) Procrastination in Online Courses: Performance and Attitudinal Differences. *Teaching of Psychology*. Vol. 30. No. 2. P. 159—162. https://doi.org/10.1207/s15328023top3002_13.

Eradze M., Urrutia M. L., Reda V., Kerr R. (2019). Blended Learning With MOOCs: From Investment Effort to Success: A Systematic Literature Review on Empirical Evidence. In: *European MOOCs Stakeholders Summit*. Cham: Springer. P. 53—58.

Figlio D. N., Rush M., Yin L. (2013) Is It Live or Is It Internet? Experiment Estimates of the Effects of Online Instruction on Student Learning. *Journal of Labor Economics*. Vol. 31. No. 4. P. 763—784. <https://doi.org/10.1086/669930>.

Fryer L. K., Bovee H. N. (2016) Supporting Students' Motivation for E-learning: Teachers Matter on and Offline. *The Internet and Higher Education*. Vol. 30. P. 21—29. <https://doi.org/10.1016/j.iheduc.2016.03.003>.

Fryer L. K., Bovee H. N., Nakao K. (2014) E-Learning: Reasons Students in Language Learning Courses Don't Want To. *Computers & Education*. Vol. 74. P. 26—36. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2014.01.008>.

Graham C. R., Woodfield W., Harrison J. B. (2013) A Framework for Institutional Adoption and Implementation of Blended Learning in Higher Education. *The Internet and Higher Education*. Vol. 18. P. 4—14. <https://doi.org/10.1016/j.iheduc.2012.09.003>.

Hagel P., Shaw R. N. (2010) How Important Is Study Mode in Student University Choice? *Higher Education Quarterly*. Vol. 64. No. 2. P. 161—182. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2273.2009.00435.x>.

Hollands F. M., Tirthali D. (2014) MOOCs: Expectations and Reality. [New York, NY]: [Teachers College, Columbia University].

Jaggars S. S. (2014) Choosing Between Online and Face-To-Face Courses: Community College Student Voices. *American Journal of Distance Education*. Vol. 28. No. 1. P. 27—38. <https://doi.org/10.1080/08923647.2014.867697>.

Johnson R., Stewart C., Bachman C. (2015) What Drives Students to Complete Online Courses? What Drives Faculty to Teach Online? Validating a Measure of Motivation Orientation in University Students and Faculty. *Interactive Learning Environments*. Vol. 23. No. 4. P. 528—543. <https://doi.org/10.1080/10494820.2013.788037>.

Kizilcec R. F., Pérez-Sanagustín M., Maldonado J. J. (2017) Self-Regulated Learning Strategies Predict Learner Behavior and Goal Attainment in Massive Open Online Courses. *Computers & Education*. Vol. 104. P. 18—33. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2016.10.001>.

Levy Y., Ramim M. (2012) A Study of Online Exams Procrastination Using Data Analytics Techniques. *Interdisciplinary Journal of E-Learning and Learning Objects*. Vol. 8. No. 1. P. 97—113 <https://doi.org/10.28945/1730>.

Marton F., Säljö R. (2005) Approaches to Learning. In: Marton F., Hounsell D., Entwistle N. J. (eds.) *The Experience of Learning: Implications for Teaching and Studying in Higher Education*. Edinburgh: University of Edinburgh, Centre for Teaching, Learning and Assessment. P. 39—58.

McPartlan P., Rutherford T., Rodriguez F., Shaffer J. F., Holton A. (2021) Modality Motivation: Selection Effects and Motivational Differences in Students Who Choose to Take Courses Online. *The Internet and Higher Education*. Vol. 49. P. 100793. <https://doi.org/10.1016/j.iheduc.2021.100793>.

Means B., Toyama Y., Murphy R., Bakia M., Jones K. (2009) Evaluation of Evidence-Based Practices in Online Learning: A Meta-Analysis and Review of Online Learning Studies. Washington, D.C.: Department of Education.

Michinov N., Brunot S., Le Bohec O., Juhel J., Delaval M. (2011) Procrastination, Participation, and Performance in Online Learning Environments. *Computers & Education*. Vol. 56. No. 1. P. 243—252. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2010.07.025>.

O'Neill D. K., Sai T. H. (2014) Why Not? Examining College Students' Reasons for Avoiding an Online Course. *Higher Education*. Vol. 68. No. 1. P. 1—14. <https://doi.org/10.1007/s10734-013-9663-3>.

Schuer R., Gil-Jaurena I., Aydin C. H., Costello E., Dalsgaard C., Brown M., Jansen D., Teixeira, A. (2015) Opportunities and Threats of the MOOC Movement for Higher Education: The European Perspective. *International Review of Research in Open and Distributed Learning*. Vol. 16. No. 6. P. 20—38. <https://doi.org/10.19173/irrodl.v16i6.2153>.

Shachar M., Neumann Y. (2003) Differences Between Traditional and Distance Education Academic Performances: A Meta-Analytic Approach. *The International Review of Research in Open and Distributed Learning*. Vol. 4. No. 2. <https://doi.org/10.19173/irrodl.v4i2.153>.

Singh H. (2021) Building effective blended learning programs. In: Khan B. H., Affouneh S., Salha S., Khlaif Z. Challenges and Opportunities for the Global Implementation of E-Learning Frameworks. Hershey, PA: IGI Global. P. 15—23. <https://doi.org/10.4018/978-1-7998-7607-6.ch002>.

Stansfield M., McLellan E., Connolly T. (2004) Enhancing Student Performance in Online Learning and Traditional Face-To-Face Class Delivery. *Journal of Information Technology Education: Research*. Vol. 3. P. 173—188. <https://doi.org/10.28945/296>.

Tuckman B. W. (2005) Relations of Academic Procrastination, Rationalizations, and Performance in a Web Course with Deadlines. *Psychological Reports*. Vol. 96. No. 3. P. 1015—1021. <https://doi.org/10.2466/pr0.96.4.1015-1021>.

You H. (2019) Students' Perception About Learning Using MOOC. *International Journal of Emerging Technologies in Learning (IJET)*. Vol. 14. No. 18. P. 203—208. <https://doi.org/10.3991/ijet.v14i18.10802>.

Vallerand R. J. (1997) Toward a Hierarchical Model of Intrinsic and Extrinsic Motivation. *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 29. P. 271—360. [https://doi.org/10.1016/s0065-2601\(08\)60019-2](https://doi.org/10.1016/s0065-2601(08)60019-2).

Vanslambrouck S., Zhu C., Lombaerts K., Philipsen B., Tondeur J. (2018) Students' Motivation and Subjective Task Value of Participating in Online and Blended Learning Environments. *The Internet and Higher Education*. Vol. 36. P. 33—40. <https://doi.org/10.1016/j.iheduc.2017.09.002>.

Wang X., Hall A. H., Wang Q. (2019) Investigating the Implementation of Accredited Massive Online Open Courses (MOOCS) In Higher Education: The Boon and the Bane. *Australasian Journal of Educational Technology*. Vol. 35. No. 3. <https://doi.org/10.14742/ajet.3896>.

Xu Y., Xiao N. (2021) Research on the Application of Internet Technology in Adaptive Education of Accounting Major. In: *2021 2nd International Conference on E-Commerce and Internet Technology (ECIT)*. Piscataway, NJ: IEEE. P. 275—278. <https://doi.org/10.1109/ECIT52743.2021.00066>.

Ziguras C., McBurnie G. (2011) Transnational Higher Education in the Asia-Pacific Region: From Distance Education to the Branch Campus. In: *Higher Education in the Asia-Pacific*. Dordrecht: Springer. P. 105—122. https://doi.org/10.1007/978-94-007-1500-4_5.

DOI: [10.14515/monitoring.2022.2.2120](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2120)

Г. З. Ефимова

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ПРОДВИЖЕНИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В ВИРТУАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Правильная ссылка на статью:

Ефимова Г. З. Профессиональное продвижение преподавателей высшей школы в виртуальных социальных сетях // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 317—341. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2120>.

For citation:

Efimova G. Z. (2022) Professional Promotion of Higher School Teachers in Social Media Sites. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 317–341. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2120>. (In Russ.)

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ПРОДВИЖЕНИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В ВИРТУАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

ЕФИМОВА Галина Зиновьевна — кандидат социологических наук, профессор, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
E-MAIL: g.z.efimova@utmn.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4826-2259>

Аннотация. В статье рассмотрены практики повседневного использования виртуальных социальных сетей преподавателями высшей школы. Особый академический интерес сконцентрирован на стратегиях и способах осуществления профессиональной коммуникации, а также продвижении результатов своей работы посредством виртуальных социальных сетей. Изучены преимущества и ограничения пользования преподавателями ресурсами онлайн-коммуникации и результаты, которых они достигают (или желают достичь). Эмпирическое исследование проведено с применением метода полуструктурированного интервью со 108 научно-педагогическими сотрудниками ведущих отечественных университетов из числа административно-управленческого персонала и научно-педагогическими работниками. В результате исследования информанты были классифицированы в зависимости от активности пользования виртуальными социальными сетями и ориентации на профессиональное продвижение на следующие группы: 1) формирующие и развивающие личный бренд в виртуальных социальных сетях; 2) поддерживающие статус научного коллектива, подразделения или организации; 3) использующие

PROFESSIONAL PROMOTION OF HIGHER SCHOOL TEACHERS IN SOCIAL MEDIA SITES

Galina Z. EFIMOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Professor
E-MAIL: g.z.efimova@utmn.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4826-2259>

¹ Tyumen State University, Tyumen, Russia

Abstract. The article discusses strategies for using virtual social media sites by university teachers. The author focuses on strategies and methods for professional online communication and promotion of the results of one's work through social media, identifying the advantages and limitations of using virtual communication resources by teachers, as well as the results that users achieve (or wish to achieve). Empirically, the study bases on the of 108 semi-structured interviews conducted by the author with scientific and pedagogical staff of leading Russian universities. Informants are classified depending on their activity on social media sites and intentions towards professional promotion in the following way: (1) forming and developing a personal brand on social media sites; (2) maintaining the status of a research team, division, or organization; (3) using social media not for professional promotion, but for personal purposes and/or passive monitoring of other people's accounts; (4) choosing alternative professional promotion (outside social media); (5) absent from social media and considering professional promotion insignificant.

The analysis showed that teachers who are active in research and have developed information and communication

виртуальные социальные сети не для профессионального продвижения, а для личных целей и/или пассивного наблюдения за аккаунтами других людей; 4) выбирающие приоритет альтернативного профессионального продвижения (вне виртуальных социальных сетей); 5) пользователи, отсутствующие в виртуальных социальных сетях и считающие незначимым профессиональное продвижение.

Автор приходит к выводу, что преподаватели, ведущие активную научно-исследовательскую деятельность и обладающие развитыми информационно-коммуникационными компетенциями, более активны в использовании виртуальных социальных сетей для карьерного продвижения. Новизна исследования заключается в разработке типологии стратегий профессионального продвижения преподавателей и в применении качественного метода для уточнения ключевых мотиваций продвижения в виртуальных социальных сетях применительно к научно-педагогическим работникам. Статья представляет интерес для исследователей высшего образования, вовлеченных в процесс кадрового управления и развития научно-педагогических работников, а также для научных журналистов и руководителей отделов по работе с персоналом.

Ключевые слова: профессиональное продвижение, университет, научно-педагогические работники, профессорско-преподавательский состав, личный бренд, профессиональный имидж, социальные сети

competencies are more active in using social media for career advancement. The study develops a typology of strategies adopted by teachers for professional promotion and clarifies their key motivations for promotion on social media. The article might be of interest to researchers focusing on higher education and involved in the processes of personnel management or development of scientific and pedagogical workers, as well as to scientific journalists and heads of HR departments.

Keywords: professional promotion, university, academic staff, teaching staff, personal brand, professional image, social networks

Благодарность. Работа подготовлена в рамках гранта РФФ, №19-18-00485 «Человеческое измерение трансформационных процессов в российских университетах: исторический опыт, тенденции и ответы на вызовы современности».

Автор выражает благодарность руководителю научного проекта А. Н. Сорокину, кандидату исторических наук, директору школы исследований окружающей среды и общества («Антропоскола», ТюмГУ, Тюмень) за организацию и проведение интервью, а также М. В. Грибовскому, доктору исторических наук, профессору кафедры российской истории (ТГУ, Томск), который совместно с автором статьи проводил экспертные интервью. Также благодарим анонимных рецензентов и представителей редакции журнала за ценные рекомендации, позволившие улучшить статью.

Acknowledgments. The study was prepared within the framework of project No. 19-18-00485 “The Human Dimension of the Transformation Processes of Russian Universities: Historical Experience, Trends, and Responses to the Contemporary Challenges” supported by the Russian Science Foundation.

The author expresses her gratitude to the head of the project Sorokin A. N. — Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Director of the School of Environmental and Social Studies (“AnthropoSchool”, University of Tyumen) and Gribovsky M. V. — Doctor of Sci. (Hist.), Professor at the Department of Russian History (Tomsk State University), who together with the author of the article conducted expert interviews.

На протяжении последнего десятилетия в мире наблюдается лавинообразный рост масштабов распространения онлайн-коммуникации. Интернет востроился в повседневную жизнь и трудовые практики более половины населения планеты, став устойчивой основой информационного общества.

Пандемия коронавируса оказала влияние на рост количества активных интернет-пользователей. На начало 2021 г. их насчитывалось 4,7 млрд (59,5% от населения планеты). За последние 12 месяцев общемировое количество пользователей всемирной паутины увеличилось на 222 млн человек (более 600 тыс. в день)¹, а ежегодный общемировой прирост составляет 4,8%². В среднем пользователь проводит в сети по семь часов в день. Лидер по распространению глобальной сети — Северная Европа (96% населения)³.

Преобладающей целью использования ресурсов глобальной сети становится потребление контента (в большинстве случаев — развлекательного). Помимо

¹ Johnson J. (2021) Global Digital Population as of January 2021. *Statista*. September 10. URL: <https://www.statista.com/statistics/617136/digital-population-worldwide/> (дата обращения: 03.04.2021).

² Most popular social networks worldwide as of July 2021, ranked by number of active users. *Statista*. URL: <https://www.statista.com/statistics/272014/global-social-networks-ranked-by-number-of-users/> (дата обращения: 03.04.2021).

³ Johnson J. (2021) Global Digital Population as of January 2021. *Statista*. September 10. URL: <https://www.statista.com/statistics/617136/digital-population-worldwide/> (дата обращения: 03.04.2021).

этого, в интернете (в частности, в виртуальных социальных сетях) активно ведется профессиональная коммуникация и презентация научных исследований. Сконцентрировав внимание на профессиональном продвижении научно-педагогических работников, отметим, что в последние годы виртуальные социальные сети воспринимаются пользователями как эффективное (и даже обязательное) средство профессионального позиционирования.

Множество личных и профессиональных вопросов решается в процессе онлайн-коммуникации. Работа преподавателя в части образовательной и научно-исследовательской деятельности не исключение. Высокая личная адаптационная способность позволяет пользователям модифицировать повседневные трудовые практики, используя тренды информационных технологий.

Официальная статистика использования виртуальных социальных сетей показывает рост количества аккаунтов. К октябрю 2021 г. число пользователей достигло 4,55 млрд (57,6 % населения мира). С октября 2020 г. по октябрь 2021 г. к социальным сетям присоединились 409 млн новых пользователей (более 1,1 млн человек в день)⁴. На начало 2021 г. самой популярной социальной сетью в мире был Facebook*⁵ (ежедневно заходят 66 % пользователей, то есть 1,9 млрд человек)⁶. Уместно вспомнить, что Facebook* был создан в университете, чтобы объединить студентов Гарварда (позже подключились преподаватели и выпускники вуза). Количество пользователей социальных сетей растет на 10 % в год (13 новых пользователей в секунду). Типичный пользователь социальных сетей активно использует или посещает в среднем 7,5 различных социальных платформ каждый месяц и тратит в среднем около 2,5 часа в день на социальные сети⁷.

Литературный обзор

При изучении социальных сетей социологи определяют их как социальную структуру, состоящую из группы узлов (которыми являются социальные объекты — люди/организации), и связи между ними. Понятие «социальная сеть» введено в 1954 г. Дж. Барнсом [Barnes, 1954]. Приоритетная ценность социальных сетей заключается в аккумулировании информации и возможности обмена ею в рамках узловых элементов. Значимую роль в социологическом изучении социальных сетей внес М. Грановеттер [Granovetter, 1973]. С развитием информационных технологий произошла массовая экстраполяция социальных сетей в интернет-пространство. Со временем термин «социальные сети» стал восприниматься как обобщенная характеристика специализированных сайтов для коммуникации людей. Признавая социальные сети как более широкий социологический феномен, в данной статье для недопущения путаницы мы будем использовать термин «виртуальные социальные сети» (*social media, social networks*) — как разновидность социальных сетей, принимая во внимание, что виртуальные социальные сети

⁴ Most popular social networks worldwide as of July 2021, ranked by number of active users. Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/272014/global-social-networks-ranked-by-number-of-users/> (дата обращения: 03.04.2021).

⁵ Здесь и далее * означает социальные сети, деятельность которых запрещена на территории РФ.

⁶ Essential Facebook stats for 2021. Datareportal. URL: <https://datareportal.com/essential-facebook-stats> (дата обращения: 03.04.2021).

⁷ Global Social Media Stats. URL: <https://datareportal.com/social-media-users> (дата обращения: 06.04.2022).

появились на рубеже XX—XXI веков, а социальные сети (в широком их понимании) существовали в обществе во все времена.

Виртуальная социальная сеть — это интерактивная многопользовательская информационная площадка, предоставляющая возможности для коммуникации и самовыражения [Селиванова, 2012]. Различают три группы виртуальных социальных сетей:

- 1) массовые (ориентированные на общение по различной тематике);
- 2) фото и видеохостинги (предполагающие общение через комментирование фотографий и видеозаписей);
- 3) тематические и профессиональные (узкоспециализированные). Например, существуют социальные сети для ученых — Research Gate, Academia.edu.

Ключевые преимущества виртуальных социальных сетей — оперативность размещения информации, неограниченный объем контента и минимальные издержки на распространение, высокая доступность для подписчиков и пользователей, возможность дополнить контент разнообразным мультимедиа-сопровождением и взаимодействовать с аудиторией со всего мира [Boyd, Ellison, 2007]. При грамотном использовании виртуальные социальные сети становятся эффективным способом профессионального развития и одним из лучших карьерных решений [Roman, 2014; Schoenbrunner, Gosman, Bajaj, 2019; Bailey, 2019]. Профессиональное развитие может происходить за счет потребления информации, размещенной в интернете (как в бесплатном, так и в платном доступе), а также расширения круга коммуникаций с коллегами. Профессиональная коммуникация ученых во все времена носила сетевой характер. Цифровизация и переход к новым информационно-коммуникационным возможностям позволили расширить географический охват и интенсивность коммуникации, открыв перспективы международным коллаборациям. Г. А. Николаенко [Николаенко, 2019] отмечает, что сфера науки трансформируется под воздействием практик, детерминированных социальной операционной системой (*Social OS*) — новым фреймом социального взаимодействия (в терминологии Б. Веллмана и Л. Рейни [Wellman, Rainie, 2012]).

Включенность пользователя в профессиональные сообщества и социальные сети — признак профессиональной сформированности специалиста и его карьерной состоятельности. Важно отметить, что контент, размещаемый научно-педагогическим работником в социальных сетях, оказывает влияние не только на *личный имидж* (микроцель) и на восприятие организации, в которой он работает, если указана аффилиация (мезоцель), но и на *социальный образ преподавателя и ученого* (макроцель). На обозначенные цели необходимо ориентироваться, выбирая контент, транслируемый в виртуальных социальных сетях.

Реализуя коммуникативные практики и стратегии профессионального продвижения, преподаватели вузов делают выбор — пользоваться виртуальными социальными сетями или нет, а если пользоваться, то делиться ли в них личной или профессиональной информацией. Распространен вариант смешанного контента, когда в одном аккаунте соединяется личная и рабочая информация, отражающая особенности образовательного процесса и результаты научно-исследовательской деятельности пользователя (опубликованные статьи, фотографии с научных мероприятий). Встречаются аккаунты, где преподаватель делится личными раз-

мышлениями, рассказывает о трудностях какого-либо дела (аккредитации или бюрократических тонкостях взаимодействия с бухгалтерией или издательством) либо профессии.

Профессиональный имидж формируется в том числе через развитие и продвижение персональной страницы в виртуальных социальных сетях. Профиль в социальной сети влияет на впечатления работодателей о кандидатах на работу, поскольку последний оценивается в соответствии с предполагаемыми организационными и социальными нормами [Rui, 2020]. Работодатели все чаще обращаются к профилям в виртуальных социальных сетях для проверки и дополнения информации о кандидате на должность. Полученная информация впоследствии может использоваться для обоснования кадровых решений. В частности, изучается оценка управления впечатлением через семантический анализ текста самопрезентаций в LinkedIn для описания себя работодателю [Amato, Sikström, Garcia, 2020].

В современной отечественной практике только начинает развиваться такой инструмент формирования профессионального имиджа, как продвижение персонального аккаунта педагога [Greenhow et al., 2016]. Появляются онлайн- и офлайн-ресурсы развития личного бренда (в том числе специализированного для представителей сферы образования). Закономерным результатом осознанного и целенаправленного построения профессионального имиджа становится рост социального статуса и уровня дохода.

Отдельные исследователи рассматривают формирование имиджа преподавателя в условиях модернизации высшей школы и соблюдения требований к личностным характеристикам вузовских преподавателей [Плугина, Донская, Знаменская, 2014]. Необходимость формирования имиджа — значимое условие повышения профессионализма сотрудников вузов. Способность транслировать студенту качественные и актуальные знания зависит от конкурентоспособности преподавателя, степени его личностного развития. «Педагогическая деятельность относится к этой группе профессий и требует от человека не только профессиональных знаний, умений и навыков. Она предполагает наличие у специалиста высокого уровня общей культуры, социально-психологической компетентности, готовности к саморазвитию и самосовершенствованию, способности принимать нестандартные решения, брать ответственность на себя в сложных жизненных ситуациях не только за свое поведение и деятельность, но и за других людей» [там же: 38]. Вузовские преподаватели — носители актуальных и конкурентоспособных знаний, образцы в профессиональном и личностном плане, поэтому они должны не давать повода для этических и моральных нареканий.

Информационно-коммуникационные компетенции повышают свою значимость для эффективной работы современного преподавателя высшей школы, в том числе навыки корректного использования виртуальных социальных сетей для профессионального продвижения [Ефимова, Сорокин, Грибовский, 2021]. Значима «потребность и способность проектировать профессиональную и личностную Я-концепцию, совершенствовать педагогическое мастерство, формировать индивидуальный стиль деятельности, который способствует становлению собственного имиджа» [Плугина, Донская, Знаменская, 2014: 38]. Важной потребностью и обязанностью педагога высшей школы наряду с ростом профессиона-

лизма становится формирование собственного позитивного образа: «Позитивный индивидуальный имидж преподавателя — гармоничная совокупность внешних и внутренних индивидуальных, личностных, индивидуальных и профессиональных качеств, призванных продемонстрировать его желание, готовность и способность к субъект-субъектному общению с участниками образовательного процесса» [там же: 39]. Готовность педагога формировать и продвигать персональный имидж либо работать над продвижением научного коллектива, не выделяя в нем своей отдельной роли, является частью более масштабных жизненных планов, связанных с индивидуальными и коллективными стратегиями научно-исследовательской деятельности профессорско-преподавательских работников вузов [Ефимова, 2021].

Социальные сети создают благоприятные условия для продвижения образовательных услуг [Pryadko et al., 2019], коммуникации преподавателей с учениками [Mazer, Murphy, Simonds, 2007] и исследовательского взаимодействия [Grossman et al., 2021]. Использование социальных сетей содействует непрерывному профессиональному развитию и презентации результатов профессиональной деятельности профессорско-преподавательского состава [Klein, Niebuhr, D'Alessandro, 2013]. Среди исследователей получает широкое распространение практика размещения в персональных аккаунтах отсылки к полным текстам научных статей [Ibrahim, 2018; Johannsson, Selak, 2020], что позитивно отражается на показателях цитирования научных работ пользователя [Tonia et al., 2020; Kunze et al., 2020]. Отдельного исследовательского интереса заслуживает рассмотрение возможностей для женщин в профессиональном академическом развитии [Lozano Cabezas, Iglesias Martínez, Martínez Ruiz, 2014].

Люди, проявляющие высокую социальную активность, участвующие в дискуссиях и выражающие мнение, подкрепленное достоверными фактами, формируют определенный имидж (возможно, даже не осознавая этого). Необходимо понимать, как выглядит цифровой след, который мы оставляем в социальных сетях, какой образ мы создаем в виртуальной реальности, и происходит это ситуативно или становится результатом целенаправленных действий. Какие способы мы используем для формирования образа, на кого он ориентирован, осознаем ли мы последствия некорректного имиджа в виртуальных социальных сетях? Если мы не работаем над индивидуальным профессиональным имиджем, то он работает против нас.

Имидж, который человек формирует (целенаправленно или стихийно) в реальной жизни и социальных сетях, может различаться. Сформированный имидж оказывает влияние на авторитет у коллег и студентов, адекватную самооценку, удовлетворенность профессией и конкретным рабочим местом, сформированность карьерных планов и жизненной стратегии, внешний облик, речь, поведение и соответствие способностей выполняемой профессиональной деятельности. Отдельно исследователями предлагаются подходы к диагностике имиджа преподавателя [Плугина, Донская, 2012].

В цифровых условиях социальный институт образования приобретает новые *имиджевые риски*, связанные с недостаточной или (что реже) избыточной представленностью вузов и сотрудников в виртуальной среде. В частности, в отечественной научной литературе пока недостаточно освещены вопросы медиапродвижения учреждений высшего профессионального образования и возникновение

имиджевых рисков, связанных с их присутствием (или отсутствием) в виртуальных социальных сетях [Бельский, 2018].

Присутствие преподавателя высшей школы в виртуальных социальных сетях может нести определенные репутационные риски [Devitt, Kenkel, 2020]. Не редкость, когда в образовательных учреждениях возникают локальные конфликты, вызванные сообщениями сотрудников в социальных сетях [Ефимов, Морозова, Абраменко, 2019]. Впоследствии возникает необходимость восстановления имиджа конкретного работника либо образовательного учреждения [Shine, 2020; Strehlke, 2010]⁸. Для избегания репутационных рисков представителям различных профессий предлагаются конкретные рекомендации по использованию социальных сетей в профессиональных целях [Stamp, Mitchell, Fleming, 2020; Cho, Furnas, Rohrich, 2019; Kung, Wigmore, 2020; Chapman et al., 2019; Bernhardt, Alber, Gold, 2014]. Используя виртуальные социальные сети для трансляции личного и/или профессионального контента, преподаватель должен гарантировать, что его (ее) онлайн-активность не повредит профессиональному имиджу и не нарушит этические нормы.

Выборка и метод

Эмпирическое исследование проведено с использованием метода полуструктурированного интервью со 108 сотрудниками российских университетов — участников Проекта «5—100», расположенных в пяти регионах России (в том числе в двух классических региональных университетах — 43 интервью, в двух столичных технических университетах — 43, в федеральном университете — 22), относящихся к административно-управленческому персоналу и научно-педагогическим работникам⁹. Выбор университетов определен их участием в проекте повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов (Проект «5-100»).

В исследование были включены штатные сотрудники отобранных университетов. Выборка построена в соответствии с распределением по полу, возрасту, отрасли науки, стажу работы в сфере высшего образования, занимаемым должностям и наукометрическим показателям. Интервью проведены последовательно с 2019 по 2021 г. Формат интервью — очный (личная беседа по месту работы информанта) и заочный (с применением сервисов видеосвязи во время пандемии).

Результаты исследования

Информанты, принявшие участие в исследовании, разделены нами на использующих и не использующих виртуальные социальные сети, а также на тех, для кого значимо профессиональное продвижение, и для кого оно не особо значимо. Исходя из указанных параметров, мы выделили пять категорий сотрудников вузов (см. табл. 1).

⁸ См. также: Sherrington T. Top 10 Don'ts for Wannabe Teacher Bloggers. *The Guardian*. 2013. January 4. URL: <https://www.theguardian.com/teacher-network/teacher-blog/2013/jan/04/top-10-wannabe-teacher-bloggers> (дата обращения: 03.04.2021).

⁹ Организацию и проведение серии интервью осуществлял научный коллектив в составе: Ефимовой Г.З. — к. социол. н., доц., проф. каф. общей и экономической социологии (ТюмГУ) и Грибовского М.В. — д.ист.н., проф., проф. каф. российской истории (ТГУ, ТюмГУ), под руководством Сорокина А.Н., к.ист.н., доц., директора школы исследований окружающей среды и общества («Антропошкола», ТюмГУ).

Таблица 1. Типология информантов в зависимости от активности пользования виртуальными социальными сетями и ориентации на профессиональное продвижение

Категория информантов		Использование виртуальных социальных сетей	
		Да	Нет
Значимость профессионального продвижения в виртуальных социальных сетях	Да	Индивидуальное	1) Формирующие и развивающие личный бренд в виртуальных социальных сетях 4) Не использующие виртуальные социальные сети, но признающие значимость профессионального продвижения в них для других представителей научного сообщества
		Коллективное	2) Поддерживающие статус научного коллектива, подразделения или организации
	Нет	3) Использующие виртуальные социальные сети не для профессионального продвижения, а для личных целей и/или пассивного наблюдения за аккаунтами коллег, знакомых, интересных людей 5) Отсутствующие в виртуальных социальных сетях и придерживающиеся альтернативного профессионального продвижения (вне виртуальных социальных сетей либо офлайн)	

Обратим внимание на ключевые характеристики указанных категорий научно-педагогических работников. Информанты, использующие виртуальные социальные сети и считающие профессиональное продвижение значимым, разделены нами на две категории: придерживающиеся приоритета индивидуального продвижения и развития персонального бренда и ориентированные на продвижение результатов деятельности научного коллектива (кафедра, лаборатория или университет). Рассмотрим эти группы подробнее.

1. Формирование и развитие личного бренда.

1.1. *Индивидуальное продвижение.* Приоритетная ориентация преподавателя на презентацию индивидуальных научных результатов: «Это необходимо для формирования личного бренда, чтобы люди понимали, кто ты такой» (м., проф., 40—45 лет). Для приобретения необходимых компетенций ведения аккаунта в виртуальной социальной сети может требоваться обучение: «Пройдя курсы, научилась вести аккаунт» (ж., доц., 30—35 лет).

Некоторые информанты подчеркивают важность совмещения личного и профессионального продвижения в виртуальных социальных сетях:

Внимательно отношусь к своему профессиональному продвижению как ученого. Умение позиционировать себя — часть академической культуры. Продвигаться — не только распространять результаты исследований в научных кругах, но и рассказывать, что происходит интересного вокруг. Все рефлексивно осмысляю и делюсь. (М., доц., 45—50 лет)

Помимо профессионального продвижения, социальные сети могут содействовать проведению научных исследований (преимущественно в социальных и гуманитарных науках):

Регулярно размещаю научную и околонучную информацию о своей деятельности. Приглашаю подписчиков принять участие в моих исследованиях, сообщая о дате проведения экспериментов. (Ж., доц., зав. лаб., 40—45 лет)

1.2. Создание корректного образа для работодателя. Личный бренд формирует узнаваемость профессионала и широко используется в рекрутинге:

Во время отбора сотрудников работодатели проверяют их профили в социальных сетях. В них часто преобладает личная, а не профессиональная информация. Важно это разделять, но неудобно вести несколько аккаунтов. (М., проф., 45—55 лет)

1.3. Следование за приоритетами вуза. Ориентация университета на широкую представленность в интернете мотивирует сотрудников перенимать данную стратегию, встраивая ее в повседневную трудовую деятельность:

Навыки коммуникации с внешним миром важны, но за ними должна стоять не только картинка, а сочное содержание. Последние года три наблюдаю трансформацию информационной политики университета — больше внимания уделяется качеству информационного сопровождения. Это часть социальной миссии университета — продвигать новые практики. Культивирую такое отношение в научной команде. (М., проф., 40—45 лет)

Включаясь в указанную практику, работник может увлечься и распространять в социальных сетях информацию не только о профессиональных достижениях, но и о личных событиях:

Начала вести социальные сети вслед за коллегами. Первое время распространяла только деловую информацию, а сейчас могу поделиться личными успехами, рассказать о детях. (Ж., доц., 40—45 лет)

1.4. Информирование коллег о результатах и достижениях. Работа ученых в едином коллективе предполагает информирование о направлениях деятельности друг друга, о трудностях и полученных результатах. Объединившись в коллаборации, легче получать значимые результаты на стыке наук, избегая параллельной работы над идентичной проблематикой. Как показывает практика научно-исследовательской деятельности, объединение усилий в большинстве случаев оказывает синергетический эффект:

Мы должны знать о достижениях коллег. При идейных совпадениях цитируем друг друга или объединяемся в коллаборации. Поэтому важно рассказывать о результатах, делиться достижениями. (М., доц., зав. лаб., 35—40 лет)

Возникает трудность, когда ученые не хотят, не умеют или не имеют достаточно свободного времени, чтобы коммуницировать с коллегами:

Те, кто активно занимается наукой, не всегда имеют время на научный пиар. Часто отодвигаем его на потом. (М., проф., 40—45 лет)

К социальным сетям отношусь лояльно, без фанатизма. Рассказываю о публикациях и участии в научных мероприятиях. (Ж., доц., 30—35 лет)

Также именно нехваткой времени некоторые информанты объясняют выбор конкретной социальной сети и отказ от пользования остальными:

Во многих социальных сетях имею аккаунты, но трудно качественно вести несколько страниц. Оставила только Facebook*. Делегировать не хочу — самостоятельно веду аккаунт. (Ж., доц., 30—35 лет)

Информанты упоминали случаи, когда инициативные преподаватели предлагали организацию научных семинаров, круглых столов для обмена идеями и впечатлениями после посещения научных мероприятий, а также обмен практикой педагогической и научно-исследовательской работы от старших коллег младшим:

На кафедре предлагала, чтобы каждый, кто был на конференции, рассказывал, с каким докладом выступал, с кем общался. Практика не прижилась. В социальных сетях это делать удобнее и аудитория шире. (Ж., проф., 40—45 лет)

К указанной категории информантов, проявляющих наибольшую активность в использовании виртуальных социальных сетей для карьерного продвижения, преимущественно относятся преподаватели, ведущие активную научно-исследовательскую деятельность и обладающие развитыми информационно-коммуникационными компетенциями.

2. Поддержание статуса научного коллектива, подразделения или организации.

2.1. Отказ от персонального продвижения в пользу научного сообщества, кафедры, лаборатории или университета:

Не занимаюсь личным пиаром, продвигаю научные результаты коллектива. (Ж., доц., 35—40 лет)

На Facebook* и «ВКонтакте» есть группа кафедры и лаборатории. В ней размещаем новости о научных достижениях и новых публикациях. Рассказываем о полученных грантах и публикациях, о том, какие конференции планируются и на какие научные мероприятия ездили сотрудники. Сопровождаем фотографиями. Обновляем аккаунты практически ежедневно. (М., проф., 40—45 лет)

Обозначенная позиция может быть личным выбором либо основываться на должности информанта: «Как руководитель института, уделяю внимание информационному сопровождению его деятельности, в том числе в социальных сетях» (ж., проф., директор института, 50—55 лет). Обязанность рассказывать

о результатах работы в интернете может закрепляться в юридических документах: «В трудовом контракте сказано о необходимости продвигать университет, с которым аффилирован» (ж., доц., 30—35 лет).

2.3. Просвещение и пропаганда научного направления среди коллег и абитуриентов:

Считаю пропаганду научной отрасли важной частью должностных обязанностей. Мы работаем за бюджетные деньги и средства грантов и ответственны перед обществом. Лет тридцать активно сотрудничаю с прессой. Раньше ежемесячно давала по пять-шесть интервью газетам и телевидению. Каждый год снимались документальные фильмы о наших археологических раскопках. (Ж., проф., 60—65 лет)

У нас не такая известная сфера деятельности, людям надо рассказывать о ней и доходчиво объяснять. В соцсетях рассказываю об участии в конференциях, даю ссылки на свои интервью. Хочу, чтобы о нас знало как можно больше людей. (Ж., доц., 35—40 лет)

2.4. Привлечение абитуриентов на направления бакалавриата и магистратуры: «Социальные сети используем при работе со студентами и с абитуриентами при наборе на бакалавриат и магистратуру» (м., проф., 45—50 лет). Привлечение абитуриентов — косвенный результат профессионального продвижения в социальных сетях: «Рассказываем о научных достижениях, а в качестве приятного побочного эффекта — привлечение абитуриентов» (ж., доц., 50—55 лет). Через аккаунт в социальных сетях информанты не только транслируют профессиональную информацию, но и формируют образ преподавателя в обществе, что отражается на социальном престиже профессии и привлекает в нее молодые кадры. Некоторые информанты благодаря вдохновляющим аккаунтам коллег снова влюбились в преподавание.

3. Использование виртуальных социальных сетей не для профессионального продвижения, а для личных целей и/или пассивного наблюдения за аккаунтами коллег, знакомых, интересных людей.

3.1. Поддержание коммуникации. Значительная часть современной коммуникации перешла в интернет-пространство. Пользователи могут воспринимать аккаунты в виртуальных социальных сетях как ресурс для взаимодействия с друзьями и знакомыми, живущими в других городах и странах, или с теми, кто слишком занят, чтобы увидеться лично:

В соцсетях преобладает общение идеологически близких людей, с которыми пересекался по жизни. Для меня это про поддержку, а не про продвижение. Там я не позиционирую себя как ученый. (М., проф., 40—45 лет)

Особенно не концентрируюсь на ведении социальных сетей. Не считаю, что фейсбучная лента для пиара. Она для профессионального общения, а не карьерного продвижения. (Ж., доц., 35—40 лет)

3.2. Информирование студентов об образовательном процессе. Через аккаунты в виртуальных социальных сетях преподаватели передают оперативную информацию студентам (о заданиях, пересдачах, переносе занятий и пр.). Такой способ коммуникации становится более эффективным и быстрым по сравнению с электронной почтой: «В социальных сетях рассылаю объявления для студентов о консультациях и сроках сдачи работ» (М., проф., 50—55 лет).

4. Преподаватели высшей школы, не использующие виртуальные социальные сети, но признающие значимость профессионального продвижения в них для других представителей научного сообщества.

Отсутствие ученого в виртуальном пространстве социальных сетей не обязательно вызвано принципиальной позицией отказа от коммуникаций в социальных сетях, а может быть следствием несформированности цифровых навыков и недостаточной практики интернет-коммуникации: «Слабо владею новыми технологиями, поэтому не продвигаю науку в соцсетях» (М., проф., 60—65 лет).

Большинство информантов старшей возрастной группы считают молодых коллег более адаптированными к виртуальным социальным сетям. Также, по их мнению, молодежь существенно активнее использует социальные сети (в том числе и для профессионального продвижения), что объясняется ее сравнительно низкой загруженностью и сформированностью компетенций для работы в виртуальной среде.

Мои молодые коллеги в лаборатории активно пользуются инструментами виртуальной коммуникации. Общаются со студентами во «ВКонтакте». Я предпочитаю электронную почту. Не исключаю, что жизнь заставит создать аккаунт во «ВКонтакте» и общаться с ними там. (М., проф., зав. каф., 45—50 лет)

Социальные сети ведут коллеги младше 40 лет, я старый для этого. (М., проф., зав. лаб., 50—55 лет)

Свое полное отсутствие в виртуальных социальных сетях информанты объясняли также большим количеством времени, необходимым для ведения аккаунтов:

Поддерживать аккаунт хлопотно. Это настоящая работа. В социальных сетях получаю сотни ссылок и сообщений, на них надо отвечать, а у меня нет на это сил и желания. (М., проф., 45—50 лет)

Важно заявлять о себе в виртуальных социальных сетях, но физически нет времени на это. Поэтому аккаунты не захожу, ничего не выкладываю, не рассказываю даже про конференции, на которых бываю. (М., доц., зав. лаб., 40—45 лет)

Помимо отсутствия времени, значимый фактор отказа от социальных сетей — недостаток мотивации:

Продвижением через социальные сети можно заниматься эффективнее, но то времени не хватает, то просто не хочется. (Ж., доц., дир. инст., 45—50 лет)

В силу занятости и представить себе не могу, чтобы проводить часы в обычных или профессиональных соцсетях. Более свободные коллеги могут себе это позволить. (Ж., доц., 35—40 лет)

5. Пользователи, отсутствующие в виртуальных социальных сетях и придерживающиеся альтернативного профессионального продвижения (вне виртуальных социальных сетей либо офлайн) и считающие незначимым профессиональное продвижение в них.

Для данной категории информантов социальные сети не представляют профессиональную и личную ценность. Они внимательно относятся к продуцируемому контенту и выбору площадки для его трансляции, поэтому предпочитают размещать свои идеи и результаты исследований на страницах научной периодики, полагая, что именно там с большей вероятностью найдут единомышленников. Однако сегодня общение ученых через научные журналы практически не осуществляется. Практика ответов на статьи коллег, обсуждения спорных моментов, ведения дискуссий и написания опровержений осталась в прошлом.

Исходя из обозначенной логики, можно заключить, что виртуальные социальные сети воспринимаются данной категорией преподавателей высшей школы как недостойные («второсортные») для размещения научного контента.

За годы работы у меня сформировался стереотип научной работы. Поддерживаю профессиональные контакты исключительно по электронной почте. В социальных сетях не присутствую, не хочу тратить на них время. (Ж., доц., 50—55 лет)

Соцсети для развлечений, а для науки — иные способы коммуникации. (М., доц., 30—35 лет)

Значимым мотивом отказа или сокращения интенсивности использования виртуальных социальных сетей для личного профессионального продвижения становится нежелание дублировать информацию (например, о научном мероприятии), если она размещалась на других сайтах.

Все, что было на конференции, можно найти на сайте события и прочитать тезисы и статьи. Зачем повторять в своем аккаунте? (М., доц., 30—35 лет)

Взаимодействовать с коллегами преподаватели высшей школы, отнесенные нами к пятой категории, предпочитают преимущественно при помощи электронной почты: «В научных статьях указана почта автора. Есть вопросы для обсуждения — напишу ему» (м., проф., 50—55 лет).

Отказ от использования социальных сетей может произойти из-за убеждения, что научная дискуссия должна разворачиваться в другом социальном пространстве (преимущественно на научных мероприятиях — конференциях и семинарах): «Мое профессиональное сообщество ориентировано на личное общение» (ж., проф., 45—50 лет).

Аргументация своей позиции информантами концентрируется вокруг этических принципов, личных границ, отсутствия свободного времени на ведение социальных сетей и недостаточной мотивации:

В соцсетях принципиально не участвую. Внутренние этические принципы не позволяют мне презентовать себя через социальные сети. Коллеги размещают ссылки на опубликованные статьи или о чем-то размышляют в аккаунтах. Не хочу навязывать свои результаты и привлекать к ним внимание вне научной дискуссии. (Ж., доц., 35—40 лет)

Не пользуюсь социальными сетями ни в образовательном процессе, ни в профессиональной научной деятельности. Это принципиальная позиция — дорожу личным пространством и временем, не хочу тратить часы на бесперспективное общение с незнакомыми людьми. (М., проф., 40—45 лет)

Отсутствие ожидаемого результата снижает мотивацию информанта использовать социальные сети с целью профессионального продвижения и ведет к стремлению сэкономить время и усилия:

Нет желания тратить время на то, что в обозримой перспективе не окупится улучшением материального положения и карьерным ростом. (М., проф., 40—45 лет)

Помимо размещения контента профессионального или личного характера, виртуальные социальные сети предполагают коммуникацию с другими пользователями из числа знакомых или незнакомых людей. Поэтому в данной категории выделена группа информантов, отказывающихся от ведения аккаунтов из-за нежелания расплываться на общение с незначимыми людьми, не входящими в круг их профессионального интереса:

У меня настороженное отношение к социальным сетям, меня нет ни в одной из них. Дорожу личным пространством, избегаю нежелательной коммуникации. (Ж., проф., 55—60 лет)

В социальных сетях не зарегистрирован. Нравится писать открытый онлайн-дневник? Пожалуйста! У меня это отнимает время, я и так статьи пишу. Мне этого хватает для продвижения в научном сообществе. (М., проф., 60—65 лет)

Для меня значимый показатель — наличие публикаций в открытом доступе. (М., доц., 30—35 лет)

В то же время встречается и противоположная мотивация отказа информантов от виртуальных социальных сетей: отсутствие в них «живого» общения и «личного» контакта.

К социальным сетям отношусь прохладно, в них мало живого общения. (М., доц., 35—40 лет)

Социальные сети не использую. Личный контакт с учеными важнее, чем виртуальный разговор. Если личный контакт установлен, то для его поддержания помогает электронная связь. Но что-то доказывать в социальных сетях незнакомым людям — пустая трата времени. (М., доц., 35—40 лет)

Вместе с тем отказ от виртуальных социальных сетей может стать следствием осуждения тех, кто ими активно пользуется:

Это позерство, не в обиду коллегам будет сказано. Бывает, любой научный чих пытаются раздуть в невероятную вещь. Понимаю, что это необходимо для карьерного продвижения и заявления о себе, но у меня пока нет необходимости. (М., проф., 40—45 лет)

Дифференциация размещаемого контента в зависимости от специфики виртуальной социальной сети

Каждая виртуальная социальная сеть — универсальная или профессиональная — имеет особенности контингента пользователей. Используя эту информацию, владелец аккаунта может дифференцировать транслируемый контент и эффективнее достигать поставленные задачи по формированию личного бренда и карьерного продвижения.

Первая задача ученого — получать значимый научный результат. Вторая задача — распространять эту информацию в академических кругах. Для этого существуют профессиональные научные социальные сети. (М., проф., 40—45 лет)

Опираясь на профиль и специфику конкретной социальной сети, ученые могут адаптировать транслируемый контент под ожидания пользователей.

Различаю социальные сети и информацию размещаю в зависимости от подписанной на меня аудитории, их интересов и ожиданий. Например, в Instagram* не стану писать о научных достижениях. Эта информация скорее для Facebook*. (Ж., проф., 45—50 лет)

В Instagram* могу написать пост или разместить научно-популярный ролик. (Ж., доц., 45—50 лет)

Facebook* — для установления контактов с международным научным сообществом. В прошлом году использовали Facebook* для рекламы научной конференции в международном пространстве. Там перспективнее создавать профессиональные группы. (М., доц., 35—40 лет)

Наполняя профиль социальной сети определенным содержанием, пользователи, ориентированные на профессиональное продвижение, анализируют реакцию подписчиков на контент разного типа.

В социальных сетях рассказываю о научных результатах, публикациях и поездках. По реакции подписчиков делаю выводы, на какие сообщения идет активная обратная

связь, на какие менее, а какой тип сообщений остается без внимания или вызывает негативную реакцию. (Ж., проф., зав. каф., 45—50 лет)

Значимо соблюдение традиций, установившихся в корпоративной культуре и в профессиональном научном сообществе: «В университете очень популярен Facebook*» (ж., проф., 45—50 лет). Одно из оснований для выбора конкретной социальной сети — масштаб и география аудитории, на которую рассчитывает информант: «Использую Facebook*, он позволяет общаться с англоязычной аудиторией» (ж., проф., 45—50 лет).

Аккаунты научно-педагогических работников в социальных сетях наполнены различным контентом в зависимости от сформировавшихся практик их использования.

1. *Преимущественно (или исключительно) личная информация:* «В моих аккаунтах в социальных сетях преобладает личный контент, не имеющий отношения к профессии и науке» (м., проф., 50—55 лет); «Социальные сети для личной информации. Зачем там размещать фотографии с конференции и статьи?» (ж., доц., 40—45 лет).

2. *Преимущественно (или исключительно) профессиональная информация.* Такая позиция часто сопровождается принципиальным отказом от личного контента:

Есть аккаунты во всех доступных социальных сетях. Размещаю в них информацию о карьерных и научных достижениях. Про личное принципиально не рассказываю. (Ж., доц., 40—45 лет)

В социальных сетях не размещаю личную информацию (фотографии семьи и посты об отпуске), это для внутреннего пространства. Максимум, могу несколько фотографий с конференции выложить. (Ж., доц., зав. каф., 35—40 лет)

2.1. Работник может сконцентрироваться на размещении в виртуальных социальных сетях информации преимущественно о научных мероприятиях (прошедших или предстоящих): «В основном рассказываю о научных мероприятиях. Сообщать об издании публикаций у нас не принято. Да и выходят они у меня не часто» (м., доц., 35—40 лет); «В аккаунтах размещаю информацию о прошедших событиях или научной поездке. Провели мероприятие, и об этом никто не знает?! Тогда мероприятия не было» (ж., проф., 45—50 лет); «Если участвовал в конференции, расскажу о ней, чтобы поддерживать новостную ленту и информировать коллег, что происходит в моей научной жизни. Это рабочий инструмент, и им надо уметь пользоваться» (м., доц., 35—40 лет).

Основной целью размещения информации о предстоящих конференциях и семинарах в личных и корпоративных аккаунтах может быть получение содействия в организации мероприятий и расширение круга профессиональных контактов.

Недавно начала использовать научные социальные сети и замечаю их преимущества для меня как организатора научных конференций. Хороший инструмент, чтобы позна-

комиться с коллегами и получить срез ученых из разных стран, имеющих определенные научные интересы. (Ж., доц., 30—35 лет)

2.2. Еще одна категория профессионального контента, которые размещает ученый в виртуальных социальных сетях — научные публикации.

Однажды коллега написал во «ВКонтакте»: «У меня вышла сотая статья», — и указал ссылку на нее. С удовольствием его поздравил! Это воспринято как самоирония, а не утверждение научной значимости. (М., проф., 50—55 лет)

Если появилась публикация в статусном журнале — обязательно расскажу в социальных сетях, чтобы подписчики узнали! О менее значимых работах говорить не стану. (Ж., проф., 35—40 лет)

Вышла статья — рассказываю в социальных сетях и прикрепляю полный текст. Это важно для популяризации — в социальных сетях иной круг людей, и может быть полезно, если заинтересуются результатами моих исследований. (М., доц., 30—35 лет)

3) *Смешанный контент.* В аккаунте соединяется личная и рабочая информация, отражающая события из повседневной жизни пользователя (и членов его семьи), особенности образовательного процесса и результаты его научно-исследовательской деятельности.

Интенсивность размещения контента в социальных сетях может быть регулярной или эпизодической. Регулярное размещение контента проявляется через трансляцию всех событий, происходящих в жизни преподавателя: «Мой шеф ежедневно пишет по десятку постов. Он буквально „живет“ в Facebook*. Мне за ним не угнаться» (м., доц., 30—35 лет); «Наш проректор настолько увлечен социальными сетями, что всю жизнь пропускает через них» (м., проф., 45—50 лет). Также пользователь социальных сетей может размещать контент эпизодически: от ежедневных постов о результатах научной деятельности и событиях в личной жизни до размещения информации раз в несколько месяцев и даже реже: «Посещая научные мероприятия, рассказываю о них в виртуальных социальных сетях, но это не стало постоянной практикой. Адресно делюсь информацией с коллегами, пересылаю им презентации с конференций и сборники тезисов» (м., проф., 40—45 лет).

Среди научно-педагогических работников распространена практика формального или неформального делегирования работы по продвижению результатов своей работы или работы научного коллектива:

— отдельным членам исследовательского коллектива: «Не занимаюсь ведением личного или корпоративного аккаунта, но в нашей исследовательской группе есть люди, которые эффективно используют социальные сети для продвижения и трансляции результатов работы в научном сообществе» (м., проф., 35—40 лет);

— университетской PR-службе, научно-педагогические работники могут придерживаться стратегии инициативного сотрудничества с научными журналистами университета.

Когда ездим на конференцию или участвуем во встрече, сообщаем результат в информационный отдел вуза и прикладываем фотографии. Дальше — сами. (Ж., доц., 35—40 лет)

В университете грамотно выстроена работа по популяризации научных результатов сотрудников. По наиболее интересным публикациям научные журналисты готовят пресс-релизы, размещают в региональных и федеральных СМИ. Потом сотрудники делают репост на личных страничках в соцсетях. Как правило, это Facebook* или «ВКонтакте». (М., проф., 45—50 лет)

Информанты отмечали отсутствие у себя необходимых компетенций, позволяющих адаптировать научный текст в доступную форму, понятную широкой аудитории, и не исказить при этом содержание: «Популяризацией науки должны заниматься научные журналисты. Мне трудно представить результаты своей работы в форме, доступной ненаучной публике» (м., проф., зав. каф., 45—50 лет).

Некоторые преподаватели не проявляют заинтересованности в продвижении результатов исследований на широкую аудиторию: «После значимого события ко мне приходят из университетской пресс-службы или журналисты из региональных СМИ. Не отказываю им во внимании, но сам инициативу не проявляю» (м., доц., 30—35 лет).

Ключевой недостаток делегирования другим людям задачи продвижения результатов своей работы или работы научного коллектива — риск искажения информационного содержания транслируемого контента:

Читаю текст, написанный научным корреспондентом о нашем исследовании, поражаюсь, что за глупость получилась. Ошибка на ошибке, в утверждениях путаница. Корреспондент — не специалист в нашей науке, ему простительно. Но когда сам пишу для вузовского сайта про результаты исследования, получается мудро и понятно только узкому кругу профессионалов. Важен баланс. (М., доц., 35—40 лет)

Важный аспект в использовании виртуальных социальных сетей, продвижении идей и результатов научного творчества — ответственность за транслируемый контент: «К социальным сетям отношусь аккуратно, использую их с точки зрения профессиональной деятельности как механизм продвижения идей, научных или медиапроектов. Чем более значима позиция человека в университете, тем выше его ответственность за публикуемый материал» (м., проф., 40—45 лет).

Заключение

В статье представлен обзор практик использования научно-педагогическими работниками виртуальных социальных сетей, в том числе для своего профессионального продвижения. Академические работники обращаются к виртуальным социальным сетям для достижения карьерных целей, включения в профессиональное сообщество, привлечения единомышленников в научно-исследовательскую группу и пр. Научно-педагогические работники, участвовавшие в эмпирическом исследовании, разделены нами на несколько категорий в зависимости от пре-

обладающих практик использования виртуальных социальных сетей и ориентации на профессиональное продвижение.

Среди информантов, для которых значимо профессиональное продвижение в виртуальных социальных сетях, выделены ориентированные преимущественно (1) на презентацию индивидуальных достижений — развитие личного бренда (в основном это работники до 40 лет, заинтересованные в профессиональном и карьерном росте) и (2) на коллективное профессиональное продвижение, поддержание статуса научного коллектива, подразделения или организации. Представители второй категории относятся к возрастной группе старше 40 лет и, как правило, возглавляют структурное подразделение университета, кафедру или научную группу. Они несут ответственность за качество и результат работы коллектива и индивидуальное продвижение неприемлемо для них. Более молодые информанты, если и придерживаются стратегии коллективного профессионального продвижения в социальных сетях, то, как правило, по просьбе старших коллег. Так как среди более молодых сотрудников выше уровень цифровой грамотности, часто именно им поручают вести аккаунты кафедр и лабораторий в социальных сетях, взаимодействовать с другими пользователями.

Также мы выделили категорию научно-педагогических работников, использующих виртуальные социальные сети не для профессионального продвижения, а для личных целей и/или пассивного наблюдения за аккаунтами других пользователей. Эта категория наиболее разнообразна — нам не удалось составить единый социально-демографический профиль ее представителя.

Как отдельная категория определена группа работников, не имеющих аккаунтов в виртуальных социальных сетях и считающих незначимым профессиональное продвижение через них. Преимущественно это лица старшей возрастной группы (от 50 лет). Их выбор объясняется отсутствием сформированных цифровых компетенций и практик коммуникации в интернете, вследствие чего такое взаимодействие ими обесценивается, представляется как нежелательное и даже вредное. Они признают приоритет профессионального продвижения вне виртуальных социальных сетей — в рамках научных мероприятий (конгрессы, форумы, конференции, семинары и пр.). Также в данную категорию входят представители молодого и среднего возраста, не имеющие аккаунтов в виртуальных социальных сетях и не считающие профессиональное продвижение приоритетным. Их выбор определен не отсутствием навыков взаимодействия в виртуальном пространстве, а носит осознанный характер. Данная категория «цифровых диссидентов» среди информантов встречается сравнительно редко — в условиях всеобщей цифровизации отстранение от профессионального продвижения и отсутствие представленности в виртуальном пространстве может иметь репутационные риски.

Вузовскому работнику, осуществляющему педагогическую и научно-исследовательскую деятельность, важно, соблюдая требования времени, не терять идентичность, не подвергать риску собственный имидж и социальный престиж профессии. При этом понимая ответственность за продвижение научных результатов (индивидуальных/коллективных), в том числе посредством виртуальных социальных сетей.

Подводя итог, мы можем сделать вывод, что далеко не все преподаватели и ученые ориентированы на формирование личного бренда, гораздо чаще академические работники используют виртуальные площадки для продвижения результатов деятельности структурного подразделения или университета. Такое поведение может быть вызвано личным стремлением к самопродвижению либо действиями вузовской администрации, мотивирующими работников к сетевой активности. В различных университетах уделяется неодинаковое внимание формированию личного бренда преподавателей и в целом позиционированию университета в интернете (для привлечения абитуриентов и демонстрации научных достижений сотрудников).

Не стоит упускать из вида социальные практики научной коммуникации представителей академического сообщества, в качестве личного и профессионального приоритета обозначающих увлеченность проблемами научной отрасли и отказывающихся от «распыления» сил на взаимодействие в виртуальном сообществе.

Рассматривая практики использования преподавателями виртуальных сетей, признаем, что помимо позитивного отношения к ним существует диаметрально противоположный лагерь, представители которого негативно относятся к виртуальным социальным сетям или причисляют себя к digital-пессимистам. Крайние точки зрения определяются отношением пользователей к виртуальным социальным сетям как ресурсам для реализации личных и/или профессиональных целей, а также совокупностью личного опыта использования социальных сетей. Вместе с полярными мнениями существуют те, кто занимает «серединную» позицию — они используют виртуальные социальные сети в том количестве и с той интенсивностью, которые необходимы им для решения конкретных задач.

Список литературы (References)

Бельский А. М. Медиа-продвижение учреждений высшей школы в социальных сетях как вызов современной системе образования (белорусский кейс) // Молодежная галактика. 2018. № 15. С. 120—129.

Belsky A. M. (2018) Media Promotion of Higher School Institutions in Social Networks as a Challenge to the Modern Education System (Belarusian Case). *Youth Galaxy*. No. 15. P. 120—129. (In Russ.)

Ефимов Е. Г., Морозова А. А., Абраменко Е. В. Социальные сети как фактор формирования имиджевых рисков образовательного учреждения // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. Т. 3. № 33. С. 30—34. <https://doi.org/10.24411/2070-0695-2019-10304>.

Efimov E. G., Morozova A. A., Abramenko E. V. (2019) Social Networks as a Factor of Image Risks Formation in Educational Institutions. *ZNAK: Challenges of Media Education*. Vol. 3. No. 33. P. 30—34. <https://doi.org/10.24411/2070-0695-2019-10304>. (In Russ.)

Ефимова Г. З. Обособленный творец или командный игрок: индивидуальные и коллективные стратегии научно-исследовательской деятельности // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12. № 3. С. 128—151. <https://doi.org/10.24412/2079-0910-2021-3-128-151>.

Efimova G.Z. (2021) Individual Contributor or Team Player: Individual and Collective Research Strategies. *Sociology Of Science and Technology*. 2021. Vol. 12. No. 3. P. 128—151. <https://doi.org/10.24412/2079-0910-2021-3-128-151>. (In Russ.)

Ефимова Г. З., Сорокин А. Н., Грибовский М. В. Идеальный педагог высшей школы: личностные качества и социально-профессиональные компетенции // Образование и наука. 2021. Т. 23. № 1. С. 202—230. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2021-1-202-230>.

Efimova G.Z., Sorokin A.N., Gribovskiy M.V. (2021) Ideal Teacher of Higher School: Personal Qualities and Socio-Professional Competencies. *The Education and Science Journal*. Vol. 23. No. 1. P. 202—230. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2021-1-202-230>. (In Russ.)

Николаенко Г. А. Перспективы использования цифровых следов исследователей для анализа их коммуникативных стратегий (на примере социальной сети Research Gate) // Социология науки и технологий. 2019. Т. 10. № 2. С. 93—109. <https://doi.org/10.24411/2079-0910-2019-12005>.

Nikolaenko G.A. (2019) The Perspectives of Using Digital Traces of Researchers for Analyzing their Communication Strategies (by the Example of the Social Network “ResearchGate”). *Sociology Of Science and Technology*. Vol. 10. No. 2. P. 93—109. <https://doi.org/10.24411/2079-0910-2019-12005>. (In Russ.)

Плугина М. И., Донская Л. Ю., Знаменская С. В. Формирование имиджа — условие повышения профессионализма личности и деятельности преподавателя высшей школы // Акмеология. 2014. № 3. С. 38—45.

Plugina M.I., Donskaya L.Yu., Znamenskaya S.V. (2014) The Image Formation as a Condition for Increasing Professionalism of Personality and Activity of a Higher School Teacher. *Acmeology*. No. 3. P. 38—45. (In Russ.)

Селиванова Л. И. Карьерная самопрезентация в интернет-сообществе посредством аккаунта в социальных сетях // Вестник Костромского государственного университета. 2012. № 6. С. 219—223.

Selivanova L.I. (2012) Career Self-Presentation in the Internet Community by Means of Account in Social Networks. *Vestnik of Kostroma State University*. No. 6. P. 219—223. (In Russ.)

Amato C., Sikström S., Garcia D. (2020) “Tell Me Who You Are” Latent Semantic Analysis for Analyzing Spontaneous Self-Presentations in Different Situations. *Testing, Psychometrics, Methodology in Applied Psychology*. Vol. 27. P. 153—170. <https://doi.org/10.4473/TPM27.2.1>.

Bailey A. (2019) Social Media: The Good, the Bad, and the Ugly. *Plastic Surgical Nursing*. Vol. 39. No. 3. <https://doi.org/10.1097/psn.000000000000271>.

Barnes J.A. (1954) Class and Committees in a Norwegian Island Parish. *Human Relations*. Vol. 7. No. 1. P. 39—58. <http://dx.doi.org/10.1177/001872675400700102>.

Bernhardt J.M., Alber J., Gold R.S. (2014) A Social Media Primer for Professionals: Digital Dos and Don'ts. *Health Promotion Practice*. Vol. 15. No. 2. P. 168—172. <https://doi.org/10.1177/1524839913517235>.

boyd d. m., Ellison N. B. (2007) Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship. *Journal of Computer-Mediated Communication*. Vol. 13. No. 1. P. 210—230.

Chapman C. A., Bicca-Marques J. C., Calvignac-Spencer S., Fan P., Fashing P. J., Gogarten J., Guo S., Hemingway C. A., Leendertz F., Li B., Matsuda I., Hou R., Serio-Silva J. C., Stenseth N. Chr. (2019) Games Academics Play and Their Consequences: How Authorship, H-Index and Journal Impact Factors are Shaping the Future of Academia. *Proceedings of The Royal Society B*. Vol. 286. No. 1916. <https://doi.org/10.1098/rspb.2019.2047>.

Cho M. J., Furnas H. J., Rohrich R. J. (2019) A Primer on Social Media Use by Young Plastic Surgeons. *Plastic and Reconstructive Surgery*. Vol. 143. No. 5. P. 1533—1539. <https://doi.org/10.1097/prs.0000000000005533>.

Devitt S., Kenkel J. M. (2020) Social Media: A Necessary Evil? *Aesthetic Surgery Journal*. Vol. 40. No. 6. P. 700—702. <https://doi.org/10.1093/asj/sjz361>.

Granovetter M. S. (1973) The Strength of Weak Ties. *American Journal of Sociology*. Vol. 78. No. 6. P. 1360—1380.

Greenhow C., Hershkovitz A., Baruch A. F., Askari E. S., Tsovaltzi D., Puhl Th., Weinberger A., Asterhan Ch., Bouton E., Polman J. (2016) Teachers and Professional Development: New Contexts, Modes, and Concerns in the Age of Social Media. In: Looi Ch.-K., Polman J., Cress U., Reimann P. (eds.) *Transforming Learning, Empowering Learners: The International Conference of the Learning Sciences (ICLS)*. Vol. 2. Singapore: International Society of the Learning Science. P. 1136—1146.

Grossman R., Sgarbura O., Hallet J., Sørdeide K. (2021) Social Media in Surgery: Evolving Role in Research Communication and Beyond. *Langenbeck's Archives of Surgery*. Vol. 406. No. 3. P. 505—520. <https://doi.org/10.1007/s00423-021-02135-7>.

Ibrahim A. M. (2018) Seeing is Believing: Using Visual Abstracts to Disseminate Scientific Research. *American Journal of Gastroenterology*. Vol. 113. No. 4. P. 459—461. <https://doi.org/10.1038/ajg.2017.268>.

Johannsson H., Selak T. (2020) Dissemination of Medical Publications on Social Media — Is It the New Standard? *Anaesthesia*. Vol. 75. No. 2. P. 155—157. <https://doi.org/10.1111/anae.14780>.

Klein M., Niebuhr V., D'Alessandro D. (2013) Innovative Online Faculty Development Utilizing the Power of Social Media. *Academic Pediatrics*. Vol. 13. No. 6. P. 564—569. <https://doi.org/10.1016/j.acap.2013.07.005>.

Kung J. W., Wigmore S. J. (2020) How Surgeons Should Behave on Social Media. *Surgery*. Vol. 38. No. 10. P. 623—626. <https://doi.org/10.1016/j.mpsur.2020.07.014>.

Kunze K. N., Polce E. M., Vadhera A., Williams B. T., Nwachukwu B. U., Nho S. J., Chahla J. (2020) What Is the Predictive Ability and Academic Impact of the Altmetrics Score and Social Media Attention? *The American Journal of Sports Medicine*. Vol. 48. No. 5. P. 1056—1062. <https://doi.org/10.1177/0363546520903703>.

Lozano Cabezas I., Iglesias Martínez M.J., Martínez Ruiz M.A. (2014) The Opportunities for Women in Professional Academic Development: A Qualitative Research. *Educacion XXI*. Vol. 17. No. 1. P. 159—181. <https://doi.org/10.5944/educxx1.17.1.10709>.

Mazer J. P., Murphy R. E., Simonds C. J. (2007) I'll See You on "Facebook*:" The Effects of Computer-Mediated Teacher Self-Disclosure on Student Motivation, Affective Learning, and Classroom Climate. *Communication Education*. Vol. 56. No. 1. P. 1—17. <https://doi.org/10.1080/03634520601009710>.

Pryadko I. A., Paytaeva K. T., Revunov R. V., Zelenova G. V., Evetskaya S. V. (2019) Promotion of Educational Services in Social Networks. In: Popkova E., Ostrovskaya V. (eds) *Perspectives on the Use of New Information and Communication Technology (ICT) in the Modern Economy. ISC 2017. Advances in Intelligent Systems and Computing*. Vol. 726. Cham: Springer. P. 931—942. https://doi.org/10.1007/978-3-319-90835-9_104.

Roman L. A. (2014) Using Social Media to Enhance Career Development Opportunities for Health Promotion Professionals. *Health Promotion Practice*. Vol. 15. No. 4. P. 471—475. <https://doi.org/10.1177/1524839914535213>.

Rui J. R. (2020) How a Social Network Profile Affects Employers' Impressions of the Candidate: An Application of Norm Evaluation. *Management Communication Quarterly*. Vol. 34. No. 3. P. 328—349. <https://doi.org/10.1177/0893318920916723>.

Schoenbrunner A., Gosman A., Bajaj A. K. (2019) Framework for the Creation of Ethical and Professional Social Media Content. *Plastic and Reconstructive Surgery*. Vol. 144. No. 1. P. 118e-125e. <https://doi.org/10.1097/prs.0000000000005782>.

Shine K. (2020) "Everything is negative": Schoolteachers' Perception of News Coverage of Education. *Journalism*. Vol. 21. No. 11. P. 1694—1709. <https://doi.org/10.1177/1464884917743827>

Stamp N., Mitchell R., Fleming S. (2020) Social Media and Professionalism among Surgeons: Who Decides What's Right and What's Wrong? *Journal of Vascular Surgery*. Vol. 72. No. 5. P. 1824—1826. <https://doi.org/10.1016/j.jvs.2020.07.076>.

Strehlke C. (2010) Social Network Sites: A Starting Point for Career Development Practitioners. *Journal of Employment Counseling*. Vol. 47. No. 1. P. 38—48. <https://doi.org/10.1002/j.2161-1920.2010.tb00089.x>.

Tonia T., Van Oyen H., Berger A., Schindler Chr., Künzli N. (2020) If I Tweet Will You Cite Later? Follow-up on the Effect of Social Media Exposure on Article Downloads and Citations. *International Journal of Public Health*. Vol. 65. No. 9. P. 1797—1802. <https://doi.org/10.1007/s00038-020-01519-8>.

Wellman B., Rainie L. (2012) *Networked: The New Social Operating System*. Cambridge, London: MIT Press.

DOI: [10.14515/monitoring.2022.2.2035](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2035)

О. В. Забелина

КАЧЕСТВО МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ ГЛАЗАМИ ПАЦИЕНТОВ: ИТОГИ НЕЗАВИСИМОГО ОНЛАЙН-ОПРОСА. ЧАСТЬ I

Правильная ссылка на статью:

Забелина О. В. Качество медицинской помощи глазами пациентов: итоги независимого онлайн-опроса. Часть I // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 342—358. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2035>.

For citation:

Zabelina O. V. (2022) The Health Care Quality through the Patient's Eyes: An Independent Online Survey Results. Part I. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 342–358. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2035>. (In Russ.)

КАЧЕСТВО МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ ГЛАЗАМИ ПАЦИЕНТОВ: ИТОГИ НЕЗА- ВИСИМОГО ОНЛАЙН-ОПРОСА. ЧАСТЬ I

THE HEALTH CARE QUALITY THROUGH THE PATIENT'S EYES: AN INDEPENDENT ONLINE SURVEY RESULTS. PART I

ЗАБЕЛИНА Оксана Викторовна — кан-
дидат экономических наук, основатель
и администратор пациентской группы
«В движении», независимый исследо-
ватель, Ростов-на-Дону, Россия
E-MAIL: ksenz2001@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-1982-9583>

Oxana V. ZABELINA¹ — *Cand. Sci. (Econ.),
Founder and Administrator of the "In Mo-
tion" patient support group*
E-MAIL: ksenz2001@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-1982-9583>

¹ Independent Researcher, Rostov-on-Don, Russia

Аннотация. Вопросы оценки качества медицинской помощи выходят за рамки только технической функции медицинских организаций и регулирующих органов государственной власти. Они касаются всех, кто обращается за помощью к врачам. Тем не менее на сегодняшний день пациенты практически не имеют возможности высказаться о качестве услуг и быть услышанными. Оценки пациентов считаются субъективными, неэкспертными и непригодными для оценки качества, поскольку пациенты не обладают медицинским образованием. Существующие способы выявления мнений ограничены личными обращениями и опросами на тему оценки сервисных параметров медицинской помощи. Собираемые подобным образом оценки, как правило, имеют форму односторонних сообщений, когда информация уходит по закрытым ведомственным каналам, и дальнейшая ее судьба неизвестна. В лучшем случае пациенту удается «точно» решить собственную проблему, но системно его мнение не меняет ничего.

Abstract. Assessment of the medical care quality cannot be seen as a technical function of medical organizations and regulatory bodies of state power, since it is relevant to everyone who seeks medical assistance. Nevertheless, today patients practically do not have the opportunity to speak about the quality of services and be heard. Patient evaluations are considered subjective, non-expert, and unsuitable for quality assessment because patients do not have a medical background. The existing methods of identifying opinions are limited to personal appeals and surveys about the service parameters of health care. Assessments collected in this manner usually take the form of one-way messages, when information leaves through closed departmental channels, and its further application is unknown. In the best case, the patient manages to solve a private problem, but his/her opinion does not change anything systemically.

Такой подход в корне противоречит тенденциям развития высококачественных систем здравоохранения, которые не только ставят во главу угла доверие со стороны населения, но и определяют

This approach is fundamentally at odds with current trends in the development of high-quality health care systems, which not only prioritize the trust of their clients, but emphasize the ability of the system to change in response to people's needs. Patients are willing and able to objectively evaluate the quality of care, its effec-

в качестве приоритета возможность системы меняться в ответ на нужды людей. Пациенты хотят и могут объективно оценивать качество медицинской помощи, результативность, безопасность и другие параметры, которые считают важными. Исходя из этого в рамках онлайн-форума пациентской группы «В движении» был разработан опрос о качестве медицинской помощи в том виде, в каком его хотели бы видеть пациенты. В данной статье представлена первая часть результатов исследования, в которой приводится теоретическое обоснование возможности участия пациентов в оценке качества медицинской помощи. Во второй части статьи будут проанализированы итоги опроса о качестве медицинской помощи, разработанного и осуществленного силами пациентов.

Ключевые слова: качество медицинской помощи, пациентоцентрированность, пациентоориентированность, участие пациентов, опрос пациентов, системы здравоохранения

Благодарность. Я благодарна всем пациентам и их семьям, принявшим участие в опросе и связанных с ним обсуждениях. Выражаю глубокую признательность модератору пациентской группы «В движении» Резеде Идрисовой за помощь в создании и распространении опросной анкеты, а также продуктивные предложения в ходе анализа данных. За содействие хочу поблагодарить администраторов пациентских групп, которые помогли репостами и рекомендациями по продвижению опроса в социальных сетях, в особенности участников «Клуба пациентских админов».

tiveness, safety, and other parameters that they consider important. Based on this, as a part of the online forum of In Motion patient support group, the author of this study developed a survey on the health care quality in the form in which patients would like to see it. This article presents the first part of the study results, which provides a theoretical framework for the possibility of patients' participation in the health care quality evaluation. The second part of the article will analyze the results of the quality care survey developed and implemented by patients.

Keywords: health care quality, patient-centered, patient participation, patient survey, healthcare system

Acknowledgments. I'm grateful to all patients and their families who took part in the survey and related discussions. I would like to express my deep gratitude to the In Motion patient support group moderator Rezeda Idrisova, for her help with the survey development and distribution, as well as for useful suggestions for data analysis. I also want to thank the patient support groups' administrators, who helped with the survey reposts and promoting tips, especially the Patient Admins Club participants.

Актуальность и дизайн исследования

Ценность системы здравоохранения определяется ее вкладом в здоровье населения. Измерение этого вклада — проблема комплексная, понимаемая в обществе неоднозначно, и зачастую это понимание зависит от того, кто и как этот вклад измеряет. Казалось бы, мы уже ушли от глобальных эпидемий, болезней антисанитарии и гибели от простейших травм, но пандемия новой коронавирусной инфекции внесла свои коррективы и заставила вновь задуматься о необходимости постоянного мониторинга соответствия структуры здравоохранения нуждам населения. Только что такое «нужды населения»? Это нормативные потребности безликой, безголосой массы людей, определяемые набором цифр из отчетов профильных ведомств, или это пожелание конкретного живого человека?

Без участия пациента невозможно вылечить болезнь, построить удобную больницу или увеличить продолжительность жизни. В современных условиях отзывчивость как способность системы здравоохранения слышать людей, реагировать на их запросы и взаимодействовать с ними в процессе улучшения качества медицинской помощи выходит на одно из первых мест по важности среди характеристик высокоэффективных систем здравоохранения. Поэтому оценка качества медицинской помощи во многом должна быть основана на мнении пациентов, которое сегодня в России считается субъективным и на регулярной основе не собирается. Пациент, получающий лечение в рамках государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, может оказать влияние на качество этой помощи только в формате индивидуального обращения, действенность которого отследить и оценить в рамках системы невозможно. Массовый же сбор мнений граждан проводится только в форме так называемой «Независимой оценки качества условий оказания услуг медицинскими организациями» (далее «анкета НО»), ст. 79.1, пункт 1 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в РФ», в ходе которой пациентам предоставляется возможность оценить сервисные параметры медицинской помощи, оставляя более важные критерии качества для оценки экспертам. Данный вид мониторинга не затрагивает вопросов, связанных непосредственно с лечением, обеспечением лекарствами, маршрутизацией, и других важных для пациентов аспектов, поэтому, как и в случае с обращениями, оценить его воздействие на изменение системы не представляется возможным.

Настоящая статья имеет целью представление результатов независимого опроса пациентов, посвященного оценке качества медицинской помощи. Под «независимостью» в данном случае понимается отсутствие финансирования или организационной поддержки от каких-либо организаций и, соответственно, следования их требованиям. Данное исследование носит партисипативный характер, более того, оно было реализовано исключительно силами пациентов. Учитывая тот факт, что пациент может быть представителем любой профессии, мы не просто сформулировали вопросы, адресованные безликому объекту лечения, не обладающему никакими компетенциями, но использовали свой профессиональный опыт и знания для разработки опросника, максимально актуального и понятного для таких же, как мы, пациентов. Объективность подобного подхода и полученных результатов может вызывать сомнения, именно поэтому в первой части статьи

приводится обзор литературы, посвященной вопросу оценки качества медицинской помощи и роли пациентов в данном процессе.

Эволюция понятия «качество медицинской помощи» и роль пациентов в ее оценке

В те времена, когда острые состояния преобладали в качестве основной причины нарушений здоровья у населения, в здравоохранении доминировали так называемые патерналистские модели взаимоотношений «врач — пациент» [Shutzberg, 2021; Emanuel, Emanuel, 1992; Veatch, 1972], где врач был центральной фигурой в процессе принятия решений. Остро больной пациент являлся и до сих пор обычно является пассивным получателем медицинской помощи [Tonelli, Sullivan, 2019]; кроме того, патернализм был во многом обусловлен диспаритетом в доступе к медицинской информации между врачом и пациентом [Timmermans, 2020], что все вместе ограничивало возможность участия пациента в процессе лечения.

Примерно в середине прошлого века, когда медицина стала лучше справляться с младенческой смертностью, инфекциями, травмами и другими острыми состояниями, стала расти продолжительность жизни, произошел так называемый эпидемиологический сдвиг [Omran, 2005], на первое место по сложности и затратности вышли хронические и мультиморбидные¹ состояния, которые плохо поддаются лечению, но при этом не вызывают гибели человека. Возникла новая медико-социальная ситуация, когда пациенту необходимо на регулярной основе взаимодействовать с врачами, пытаясь если не вылечиться, то по крайней мере поддерживать баланс между качеством жизни, финансовыми и организационными ресурсами.

Смещение акцента с острых на хронические состояния наложило ощутимый отпечаток и на системы здравоохранения. Институционализация, специализация, выстраивание маршрутов и схем, появление частных и национальных (универсальных) систем страхования, рост издержек населения и государства на охрану здоровья потребовали оценки эффективности медицинской помощи и сделали актуальным показатель качества. Началом систематического изучения качества здравоохранения считается появление работ американского врача Аведиса Донабедиана в конце 1960-х годов. Донабедиан в течение нескольких десятилетий вел разработку системы многоуровневых критериев оценки качества в здравоохранении, но наиболее известной схемой, используемой до сих пор, является оценка по трем направлениям: структура, процесс и результаты [Donabedian, 2005].

В 2001 г. американский Институт Медицины (IOM) после очередной оценки качества помощи в США выпустил серию отчетов, выводы из которых легли в основу современного категориального аппарата исследований качества медицинской помощи и стали новой отправной точкой в вопросах политики здравоохранения, определив шесть направлений улучшений, к которым должны стремиться высококачественные системы [Institute of Medicine..., 2001]. На рисунке 1 схе-

¹ Мультиморбидность (полиморбидность, коморбидность) — сосуществование двух и/или более синдромов или заболеваний, патогенетически взаимосвязанных или совпадающих по времени у одного пациента вне зависимости от активности каждого из них [Журавлев, Тхорикова, 2013].

матично представлены эти направления улучшений, с включением расширенной трактовки пациентоцентрированности с перечнем элементов, предложенным Институтом Пикера. В 2008 г. Дональд Бервик с коллегами сгруппировал шесть направлений в три для реализации принципов устойчивой политики, назвав это «тройственной целью»: улучшение личного опыта пациентов, улучшение здоровья населения и снижение издержек здравоохранения на душу населения [Berwick, Nolan, Whittington, 2008].

Рис. 1. Направления улучшения качества медицинской помощи и пациентоцентрированный подход²

Следует отметить, что на сегодняшний день перечисленные выше исследования являются основой для выработки критериев оценки качества и эффективности систем здравоохранения, осуществляемых Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), Комитетом по здоровью Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Комиссией по глобальному здоровью журнала The Lancet и многими другими ведущими организациями и исследователями в сфере здравоохранения [Fekri, Macarayan, Klazinga, 2018; OECD, 2019; Kruk et al., 2018]. Одно из наиболее полных на сегодня определений высококачественной системы здравоохранения, предложенное экспертами из Комиссии по глобальному здоровью журнала The Lancet, основано на принципах «тройственной цели» и шести направлениях улучшения качества: «Высококачественной системой здравоохранения является та, которая оптимизирует здравоохранение в существующем контексте, осуществляя предоставление такой помощи, которая улучшает или поддерживает показатели здоровья на постоянной основе, ценится и вызывает доверие у людей, отвечая меняющимся нуждам населения» [Kruk et al., 2018].

² Составлено автором на основе [Institute of Medicine.... 2001; Gerteis, Edgman-Levitan, Daley, 1993].

В данном определении обращают на себя внимание акценты на отношении людей к системе: качественная помощь должна цениться и вызывать доверие, а значит, оценка людей важна и нужна для определения степени качества. Кроме того, учитывая изменение характера современных систем здравоохранения и медицинской модели от преимущественно скоропомощной в острых состояниях к более сложной, имеющей дело с долгосрочными комплексными нарушениями, важно включить в проблематику рассмотрения качества медицинской помощи вопросы участия пациента во всех процессах в здравоохранении.

Роль пациента в системе здравоохранения учитывается и исследуется сравнительно недавно. Развитие концепции пациентоцентрированности началось в 1960—1970-х годах. Впервые термин «пациентоцентрированная медицина» (patient-centered medicine) был употреблен Э. Балинтом в 1969 г. при описании целостного подхода к пациенту как к личности, в противовес к более традиционной концепции «болезнеориентированной медицины» [Balint, 1969], а в 1977 г. Дж. Энгель описал биопсихоземotionalную модель, которая до сих пор остается неотъемлемым компонентом концепции пациентоцентрированности [Engel, 1977]. В 1986 г. Институтом Пикера была предложена комплексная трактовка пациентоцентрированности со стороны пациентов, которая была подтверждена и конкретизирована с помощью масштабного социологического исследования, проведенного в 1993 г. совместно с Гарвардской медицинской школой [Gerteis, Edgman-Levitan, Daley, 1993].

Пациентоцентрированность — это многогранная концепция, при использовании которой важно не столько точное единообразное определение, сколько учет всех элементов, составляющих ее суть. Так, определение американского Института медицины базируется на запросах пациента: «оказание помощи с учетом индивидуальных предпочтений, потребностей и ценностей пациента, с уважением к ним, а также обеспечение того, чтобы ценностями пациента определялись все медицинские решения» [Institute of Medicine..., 2001]. В основе данного определения лежат пять измерений пациентоцентрированности, выделенных Н. Мид и П. Бауэром: биопсихосоциальный подход к лечению, гуманизация восприятия врача и пациента, разделение власти и ответственности, а также построение терапевтического альянса в процессе лечения [Mead, Bower, 2000]. Эти пять измерений так или иначе присутствуют во всех определениях пациентоцентрированности, и за последние 20 лет перечень был дополнен лишь необходимостью координации оказания помощи [Langberg, Dyhr, Davidsen, 2019]. Также наблюдается развитие ряда модификаций термина *пациентоцентрированность*, обусловленное контекстом, смещением акцентов или расширением области применения концепции: *сосредоточение на человеке* (person-centered) с акцентуацией на немедицинских аспектах жизни пациента [Håkansson et al., 2019], *направление пациентом* (patient-directed) со смещением локуса контроля на пациента в процессе организации лечения [Kumar, Chattu, 2018] и *сосредоточение на населении* (people-centered) — наиболее известное расширение концепции, используемое ВОЗ для обозначения центральной роли в процессе получения помощи не только пациента, но и его семьи, соседей, местного сообщества [WHO, 2013].

За кажущейся простотой и очевидностью концепции пациентоцентрированности стоит очень болезненный и сложный поэтапный переход от врач-центрированной Медицины 1.0 к пациентоцентрированной Медицине 2.0, который должна осуществить любая современная система здравоохранения. Важно понимать, что огромная часть исследований и начинаний по развитию и внедрению данного подхода в здравоохранении была инициирована самими пациентами. В 1978 г. американка Анжелика Тэйриот после затяжной болезни и неудачного лечения основала некоммерческую организацию Planetree для разработки подходов к улучшению отношения к пациентам в ходе лечения, и за 40 лет эта организация прошла путь от просветительской деятельности среди пациентов до сертификации медучреждений в применении пациентоцентрированных практик³. Упомянутый ранее Институт Пикера также был основан пациентами — американским бизнесменом Харви Пикером и его женой Джейн в период терминальной стадии ее заболевания⁴. Практически за каждой инициативой в процессе развития пациентоцентрированного подхода стоит история человека, борющегося одновременно и с болезнью, и с равнодушием системы здравоохранения. В таблице 1 мы выделили основные элементы пациентоцентрированного подхода к лечению и уходу на основе моделей ведущих некоммерческих организаций пациентов.

Таблица 1. Основные элементы пациентоцентрированного подхода

	Институт Пикера / Фонд Содружества	Институт пациенто- и семейно-центрированного ухода	Организация «Планетри»
Уважение и признание права пациента на участие в процессе лечения	Уважение пациентоцентрированных ценностей, выражаемых предпочтений и потребностей, включая осведомленность о проблемах качества жизни, участие в принятии решений, уважение достоинства и независимости пациентов.	Медицинские работники прислушиваются к мнению и уважают выбор пациента и его семьи. При планировании и оказании помощи учитываются знания, ценности, убеждения и культурные особенности пациентов и их семей.	Эксплицитное признание важности человеческого взаимодействия с точки зрения индивидуального ухода, доброты и «присутствия» с пациентами.
Участие семьи, друзей и лиц, осуществляющих уход, в процессе лечения	Включение членов семьи и ухаживающих в процесс принятия решений, поддержание их осведомленности и учет их интересов в процессе ухода и лечения.	Пациентов и их семьи поощряют и поддерживают в уходе и принятии решений на выбранном ими уровне.	Интеграция в области здравоохранения с семьей и друзьями во всех аспектах ухода.

³ Planetree's History, so far... // Planetree. URL: <https://planetree.org/wp-content/uploads/2020/08/PlanetreeTimeline.pdf> (дата обращения: 06.04.2022).

⁴ Our History // The Picker Institute. <https://www.picker.org/about-us/our-history-impact/> (дата обращения: 06.04.2022).

	Институт Пикера / Фонд Содружества	Институт пациенто- и семейно-центрированного ухода	Организация «Планетри»
Открытость и доступность информации, возможность получения знаний	Просвещение, обеспечение информацией и коммуникацией в вопросах, касающихся диагноза, прогресса и прогноза развития болезни, процессов оказания помощи, чтобы способствовать автономии, самопомощи и улучшению здоровья.	Медицинские работники делятся полной и беспристрастной информацией с пациентами и их семьями в доступной форме. Пациенты и их семьи получают своевременную, полную и точную информацию, чтобы эффективно участвовать в лечении и принятии решений.	Информирование и расширение прав и возможностей различных групп пациентов с помощью библиотек здоровья, ориентированных на пациентов, обучение пациентов.
Физический и эмоциональный комфорт, признание важности немедицинской и духовной части ухода	Физический комфорт, включая обезболивание, помощь в повседневной жизни, комфортная обстановка. Эмоциональная поддержка и уменьшение страха и беспокойства по поводу вопросов, связанных с течением заболевания. Учет времени ожидания пациентом на всех этапах: времени между поступлением и размещением в палате в условиях стационара и времени ожидания приема или посещения в амбулаторных условиях.		Включение духовности и внутренних ресурсов для исцеления в уход за пациентами. Использование мануальных техник, правильного питания, дополнительных и альтернативных практик, искусства в процессе исцеления. Создание лечебной среды с помощью архитектуры и дизайна.
Сотрудничество и командный подход	Координация и интеграция медицинской помощи в рамках медицинских, социальных и вспомогательных служб. Преимственность и непрерывность в отношении информации, которая поможет пациентам заботиться о себе вне условий медицинских учреждений, а также координация, планирование и поддержка для облегчения перехода между клиникой и домом.	Пациенты и их семьи включаются в планирование здравоохранения на институциональном уровне. Руководители здравоохранения сотрудничают с пациентами и их семьями при разработке, реализации и оценке политики и программ здравоохранения; в проектировании медицинских учреждений; в профессиональном образовании; в оказании помощи.	

Источник: составлено автором на основе [Gerteis, Edgman-Levitan, Daley, 1993; Frampton, Charmel, Planetree, 2008; Partnering with Patients..., 2011].

Как уже отмечалось, за появлением концепции пациентоцентрированности стоят пациенты. И это уже не те пациенты, которые обращались к врачу не только для лечения, но и для того, чтобы прочесть письмо от родственников, потому что врач был единственным грамотным человеком в населенном пункте. Общество изменилось. Люди стали не просто грамотными. Они стали более образованными, способными находить и критически осмысливать информацию. С появлением интернета открылся канал доступа к огромному массиву данных, в том числе в сфере медицины и здравоохранения, а также появились различные виды онлайн-коммуникаций. Пациенты читают, занимаются самообразованием, объединяются в группы, советуются, обсуждают, имеют возможность сравнения и выбора.

Эра Медицины 2.0 — это новая ситуация, когда решения принимаются совместно пациентом, его близким окружением и врачом. Одна из описательных концепций современной медицины «6Р» включает в себя шесть характеристик, три из которых напрямую связаны с признанием изменения статуса пациента: *персонализированная, партисипативная, публичная, предсказательная, превентивная и психокогнитивная* [Bragazzi, 2013].

Пациент расширяет свою наделенность правами, осведомленность и влияние на процессы лечения и ухода. Это закономерный и неизбежный процесс в высококачественных системах здравоохранения. Если этого не происходит, значит, система не слышит людей, не отвечает их нуждам, не меняется. Существуют веские доказательства того, что повышение вовлеченности пациентов не только улучшает их личные впечатления и удовлетворение, но и может быть клинически и экономически эффективным. Признавая этот факт, в 2008 г. ВОЗ отметила важность процесса вовлечения пациентов в защиту своего здоровья в качестве ключевых игроков и детализировала его. Были выделены роли и действия, которые пациенты, их семьи и окружение могут осуществлять для улучшения и поддержания здоровья [WHO, 2008]:

- понимая причины болезней и факторы, влияющие на здоровье;
- осуществляя самодиагностику и лечение незначительных самоограничивающихся состояний;
- выбирая наиболее подходящие формы лечения острых состояний во взаимодействии с медицинскими работниками;
- отслеживая симптомы и эффективность лечения;
- зная о проблемах безопасности и сообщая о них;
- обучаясь управлять симптомами хронического заболевания;
- принимая и поддерживая здоровый образ жизни;
- критикуя качество медицинских услуг и оставляя отзывы о них.

Казалось бы, все перечисленные действия пациентов выглядят весьма логичными и должны быть встроены в систему охраны здоровья, но в реальности существуют значительные ограничения, связанные в первую очередь с сомнениями медицинского сообщества и чиновников касательно объективности оценок и мнений пациентов, их способности принимать решения и управлять процессом своего лечения. За рубежом эти сомнения перешли в область научных исследований в конце прошлого века. В таблице 2 приведен понятийный аппарат, собранный к настоящему моменту в отношении информации, предоставляемой пациента-

ми. Все эти виды опыта, впечатлений и мнений подвергались оценке и сравнению с объективными данными, например, с результатами, зафиксированными после медицинских манипуляций. Интересна серия исследований, проведенных в Великобритании в 2010—2012 гг. Н. Блэйком, который сравнивал зафиксированные врачами результаты после 10 383 операций по замене суставов с результатами опросов пациентов, причем как их опыта (PREM), так и оценки ими результата (PROM) [Black, Varaganum, Hutchings, 2014]. Результаты оценок врачей и пациентов совпали. Кроме того, с ростом популярности социальных сетей стали распространены публикуемые онлайн-комментарии и отзывы о больницах и врачах, с учетом мнений пациентов стали формироваться интернет-рейтинги. В Великобритании было проведено сравнение интернет-рейтингов отзывов пациентов с оценками, полученными на основе национального опроса пациентов в офлайн-форме, а также с результативностью деятельности больниц, взятой из официальной информации, собираемой Национальной службой здравоохранения Великобритании (NHS). Была обнаружена прямая корреляционная связь ($r_s 0,31—0,49$) между оценками пациентов и официальными данными [Greaves et al., 2012].

Таблица 2. **Виды данных, получаемые от пациента в здравоохранении**

Понятие	Определение
Данные, сообщаемые пациентом	Взгляды и мнения пациента об уходе и медицинских услугах, которые он получал.
Опыт пациента (PREM)	Сумма всех взаимодействий, которые повлияли на восприятие пациента на протяжении всего периода оказания медицинской помощи, сформированных культурой организации.
Удовлетворенность пациента	Насколько ожидания пациента оправдались.
Предпочтения пациента	Заявления, сделанные пациентом относительно желательности состояния здоровья, вариантов лечения и опыта.
Результаты пациента (PROM)	Любой отчет о состоянии здоровья пациента, поступающий непосредственно от пациента, без интерпретации реакции пациента врачом или кем-либо еще. В основном это оценки критериев эффективности (помогло / не помогло) и безопасности (отсутствие медицинских ошибок).

Источник: составлено автором на основе [Gualandi et al., 2021].

К сожалению, в нашей стране внедрение концепции пациентоцентрированности и переход к другим атрибутам Медицины 2.0 происходит чрезвычайно медленно. На официальном уровне большая часть упоминаемых практик повышения роли пациента заявляется как приоритет в развитии здравоохранения, но на уровне конкретных действий ничего не происходит. Сохраняется патерналистская модель отношений с пациентом, которая доминирует на всех уровнях взаимодействия человека и системы здравоохранения.

По какой-то причине в российской системе здравоохранения получило распространение понятие «пациентоориентированность», которое практически не используется зарубежными исследователями. При анализе публикационной активности по данной тематике в русскоязычном сегменте, представленном

Российским индексом научного цитирования (РИНЦ) по ключевому слову «пациентоориентированность» (с учетом морфологии) было обнаружено 965 публикаций, а по слову «пациентоцентрированность» — всего 135. И это не просто расхождение в терминологии, но и различие в понимании. В большей части российских исследований на тему роли пациента, которые проводятся в основном врачами и работниками системы здравоохранения, при демонстрации знаний современных концепций пациентоцентрированности наблюдается явное искажение трактовки этого понятия и низведение его до уровня вежливости и более эмпатичной коммуникации с полным игнорированием остальных элементов пациентского участия. Как отмечают О. В. Перепелова и И. А. Петрова, при таком понимании пациентоориентированности есть угроза превращения ее идей в «агитку», а реализацию — в «торговлю воздухом», в то время как подменяемая ею пациентоцентрированность четко определяется именно как должное, безопасное и ответственное взаимодействие [Перепелова, Петрова, 2019].

У нас до сих пор не измеряется отзывчивость системы здравоохранения, которая характеризует отношение системы к запросам населения: она не является в России критерием качества и игнорируется как исследователями, так и чиновниками [Шульгина, 2015]. Измерению в медучреждениях подвергается только так называемая социальная удовлетворенность, которая отражает степень соответствия ожиданиям пациентов в отношении условий получения медицинской услуги [Ходакова, Шильникова, Никифоров, 2013]. Эта позиция закреплена и на законодательном уровне в виде предоставления пациентам и общественным организациям возможности участия в уже упоминавшейся независимой оценке качества условий оказания медицинской помощи. Баннер со ссылкой для прохождения этого опроса размещен на сайтах всех медицинских учреждений, которые обязаны в нем участвовать.

Возможность оценки пациентами непосредственно качества медицинской помощи и ее результативности явно отрицается на всех уровнях, начиная от самой способности пациентов к осуществлению такой оценки. Медицинские работники считают, что пациенты не имеют достаточной квалификации и специального образования, чтобы дать достоверную оценку получаемой помощи, осуществить ее критику и высказать пожелания по улучшению. Выявление подобных мнений в медицинской среде с помощью опросов и интервью, безусловно, сложная задача, поскольку вышеобозначенная позиция в отношении пациентов идет вразрез с декларируемой Минздравом политикой пациентоориентированности. Тем не менее существует достаточное количество публикаций, которые прямо или косвенно подтверждают распространенность такой точки зрения в медицинской среде.

Бытует мнение, что пациент может высказывать лишь свое восприятие, которое субъективно, эмоционально, затуманено болевыми ощущениями или другими симптомами болезней, хорошим отношением плохого доктора и даже корыстными намерениями. «Пациенту, как любому человеку, свойственны личностные деструкции, обычно обостряющиеся в периоде болезни», — отмечают в своей работе А. Р. Белявский и соавторы, рассуждая о «приемлемом» уровне пациентоориентированности, под которой, в свою очередь, понимается «качество профессиональной личности» медицинского работника [Белявский и др., 2016]. Кроме того, врачи

достаточно низко оценивают уровень информированности пациентов. Признавая повышение уровня самообразования и использования информации из интернета, по результатам опросов врачи предпочитают, чтобы на приеме пациенты эту информацию не использовали, поскольку это мешает им в работе [Вяткина, 2019]. Мнимая медицинская информированность пациента, по мнению ряда исследователей, стала причиной роста числа конфликтов и жалоб на врачей [Решетников, Айвазян, Присяжная, 2020], при этом зачастую реальная оценка качества информированности пациента не производится, а приводится лишь оценочное суждение врача. Также показательна распространенная практика медикализации оценочных способностей пациентов с привязкой их к специфическим психоэмоциональным статусам, якобы свойственным определенным диагнозам. Обосновывая низкую приверженность к следованию тому или иному курсу лечения, врачи склонны связывать этот факт не с рациональным выбором пациента, основанным на определенных обстоятельствах жизни или предыдущем опыте, а с какими-то нарушениями в когнитивной и психоэмоциональной сферах. Тем самым они дискредитируют саму способность пациента к принятию решений в процессе лечения⁵.

Несмотря на преобладающий в медицинской среде скептицизм в отношении учета мнений пациентов, нельзя сказать, что эта точка зрения является единственной. Специалисты Росздравнадзора уже давно отмечают схожесть выявляемых ими проблем в системе с тематикой жалоб и обращений граждан, что указывает в том числе на потенциальную действенность социального мониторинга здравоохранения и необходимость организации подобного рода исследований на постоянной основе при соответствии их определенным требованиям [Серегина, Гришина, 2010]. Кроме того, по мнению 83% россиян, качество работы медицинских учреждений должно оцениваться независимыми от Министерства здравоохранения РФ структурами, а средства на экспертизу качества медицинских услуг и защиту прав пациентов не должны перенаправляться на другие цели в системе здравоохранения (51% опрошенных)⁶. Запрос на социальный мониторинг и независимую оценку также можно удовлетворить путем вовлечения пациентов в процессы оценки качества здравоохранения.

По нашему мнению, которое основано как на опыте сотен пациентов — активных участников онлайн-сообществ и групп поддержки, так и на приведенных выше данных исследований об эффективности вовлечения пациентов в процессы

⁵ Так, М. А. Аникина и соавторы, описывая исследование, имевшее целью определить возможность проведения реабилитации пациентов с цервикальной дистонией по сформированному ими протоколу, обосновывают низкую заинтересованность пациентов в данной программе не анализом результативности или предыдущим опытом пациентов, а тестированием типа акцентуации личности пациентов, оцененной на основе опросника Шмишека: «Пациенты склонны эмоционально и нерационально переживать сложные жизненные ситуации... Характерными их чертами являются перенос ответственности на окружение, избегание конструктивного решения проблем, дефицит планирования. Дополнительно для всех пациентов был типичен акцент на внешние параметры, такие как право на получение дорогостоящего лечения...» [Аникина и др., 2019: 970]. Показателем также пример оценки приверженности лечению пациентов с таким распространенным диагнозом, как артериальная гипертензия (повышенное давление), когда авторы в начале статьи приводят данные, что у 80% пациентов с данным диагнозом выявляется социально-психологическая дизадаптация, что является «очень мощным барьером для выполнения человеком любых врачебных рекомендаций» [Садреева, Зинатуллина, 2018].

⁶ Мониторинг мнений (ВЦИОМ): сентябрь — октябрь 2020 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 279. URL: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/1814/1454> (дата обращения: 06.04.2022).

оценки работы системы здравоохранения, пациент может и должен оценивать качество медицинской помощи, результативность, безопасность и другие важнейшие критерии ее оказания. Безусловно, процесс сбора таких оценок отличается от сбора тех показателей, которые принято считать объективными в медицинском сообществе, но такие способы есть, и они уже доказали свою надежность. Целью инициированного нами опроса была демонстрация того, что: а) пациенты готовы участвовать в оценке качества, б) их мнение может быть выражено детально, а не искажено генерализациями и упрощениями по типу «а что подумал бы простой пациент», в) производимые пациентами оценки во многом подтверждаются официальными данными ведомств и, следовательно, имеют высокий потенциал для использования при формировании политики улучшения системы здравоохранения.

Во второй части статьи будут представлены итоги опроса о качестве медицинской помощи, разработанного и осуществленного силами пациентов.

Список литературы (References)

Аникина М. А., Бриль Е. В., Зимнякова О. С., Аббасов Ф. А. Стратегия и тактика реабилитации цервикальной дистонии // Саратовский научно-медицинский журнал. 2019. Т. 15. № 4. С. 968—970.

Anikina M. A., Bril E. V., Zimnyakova O. S., Abbasov F. A. (2019) Strategy and tactics for cervical dystonia rehabilitation. *Saratov Journal of Medical Scientific Research*. Vol. 15. No. 4. P. 968—970. (In Russ.)

Белявский А. Р., Павловских А. Ю., Шардин С. А., Овсянников С. В. Способ определения уровня пациентоориентированности персонала медицинской организации (на примере демидовской больницы, г. Нижний Тагил) // Уральский медицинский журнал. 2016. № 2. С. 106—111.

Belyavskiy A. R., Pavlovskih A. Y, Shardin S. A., Ovsyannikov S. V. (2016) The Method of Determination of Patient-Orientation Level of Personnel in Medical Organization (By the Example of Demidovskaya Hospital in Nizhny Tagil). *Ural Medical Journal*. No. 2. P. 106—111. (In Russ.)

Вяткина Н. А. Уровень медицинской грамотности российских пациентов в оценке врачей // Сибирские исторические исследования. 2019. № 4. С. 162—179. <https://doi.org/10.17223/2312461X/26/8>.

Vyatkina N. A. (2019) Health Literacy among Patients in Russia as Assessed by Russian Physicians. *Siberian Historical Research*. No. 4. P. 162—179. <https://doi.org/10.17223/2312461X/26/8>. (In Russ.)

Журавлев Ю. И., Тхорикова В. Н. 2013. Современные проблемы измерения полиморбидности // Фармация. № 11. С. 214—219.

Zhuravlev Y. I., Thorikova V. N. (2013) Modern Problems of Measurement of Multimorbidity. *Pharmacy*. No. 11. P. 214—219. (in Russ.)

Перепелова О. В., Петрова И. А. 2019. Пациент-центрированность при оказании населению медицинских услуг как ценность и принцип деятельности // Менеджер здравоохранения. № 10. С. 12—17.

Perepelova O. V., Petrova I. A. (2019) Patient-Centeredness in the Provision of Medical Services to the Population as a Value and Principle of Activity. *Manager of Health Care*. No. 10. P. 12—17. (In Russ.)

Решетников А. В., Айвазян Ш. Г., Присяжная Н. В. Роль участкового врача во мнениях молодых и опытных профессионалов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 331—346. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.764>.

Reshetnikov A. V., Aivazyan S. G., Prisyazhnaya N. V. (2020) Role of the district physician in shaping the opinions of young and experienced professionals. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 331—346. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.764>. (In Russ.)

Садреева С., Зинатуллина Д. Психоэмоциональный статус больного АГ с позиций пациентоориентированности // Врач. 2018. № 2. С. 83—86. <https://doi.org/10.29296/25877305-2018-02-23>

Sadreeva S., Zinatullina D. (2018) The Psychoemotional Status of a Hypertensive Patient in the Context of His Awareness. *Vrach (The Doctor)*. No. 2. P. 83—86. <https://doi.org/10.29296/25877305-2018-02-23>. (In Russ.)

Серегина И. Ф., Гришина Н. К. Опыт использования социологического мониторинга в здравоохранении // Общественное здоровье и здравоохранение. 2010. № 3. С. 63—68.

Seryogina I. F., Grishina N. K. (2010) Experience in Using Sociological Monitoring in Health Care. *Public Health and Health Care*. No. 3. P. 63—68. (In Russ.)

Ходакова О. В., Шильникова Н. Ф., Никифоров А. В. Результаты мониторинга социальной удовлетворенности, застрахованных в системе обязательного медицинского страхования // Дальневосточный медицинский журнал. 2013. № 2. С. 85—88.

Hodakova O. V., Shilnikova N. F., Nikiforov A. V. (2013) The Results of the Monitoring of Social Satisfaction of the Insured Persons in the Mandatory Health Insurance System. *Far East Medical Journal*. No. 2. P. 85—88. (In Russ.)

Шульгина С. В. Отзывчивость системы здравоохранения: определение, структура, понятия, методические подходы к проведению исследования // Экология человека. 2015. № 2. С. 27—32.

Shulgina S. V. (2015) The Health System Responsiveness: Definition, Structure, Concepts, Methodological Approaches to Research. *Ekologiya cheloveka [Human Ecology]*. No. 2. P. 27—32. (In Russ.)

Balint E. (1969) The Possibilities of Patient-Centered Medicine. *The Journal of the Royal College of General Practitioners*. Vol. 17. No. 82. P. 269—276.

Berwick D. M., Nolan T. W., Whittington J. (2008) The Triple Aim: Care, Health, And Cost. *Health Affairs*. Vol. 27. No. 3. P. 759—769. <https://doi.org/10.1377/hlthaff.27.3.759>.

Black N., Varaganum M., Hutchings A. (2014) Relationship between Patient Reported Experience (PREMs) And Patient Reported Outcomes (PROMs) In Elective Surgery. *BMJ Quality & Safety*. Vol. 23. No. 7. P. 534—542. <https://doi.org/10.1136/bmjqs-2013-002707>.

- Bragazzi N. (2013) From P0 to P6 Medicine, a Model of Highly Participatory, Narrative, Interactive, and “Augmented” Medicine: Some Considerations on Salvatore Iaconesi’s Clinical Story. *Patient Prefer Adherence*. No. 7. P. 353—359. <https://doi.org/10.2147/PPA.S38578>.
- Donabedian A. (2005) Evaluating the Quality of Medical Care. 1966. *The Milbank quarterly*. Vol. 83. No. 4. P. 691—729. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0009.2005.00397.x>.
- Engel G. L. (1977) The Need for a New Medical Model: A Challenge for Biomedicine. *Science*. Vol. 196. No. 4286. P. 129—136. <https://www.doi.org/10.1126/science.847460>.
- Emanuel E. J., Emanuel L. L. (1992) Four Models of the Physician — Patient Relationship. *JAMA*. Vol. 267. No. 16. P. 2221—2226. <https://doi.org/10.1001/jama.1992.03480160079038>.
- Fekri O., Macarayan E. R., Klazinga N. (2018) Health System Performance Assessment in the Who European Region: Which Domains and Indicators Have Been Used by Member States for Its Measurement? Copenhagen: WHO Regional Office for Europe. URL: https://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0004/365386/hen-55-eng.pdf (accessed: 19.10.2021).
- Gerteis M., Edgman-Levitan S., Daley J. (1993) Through the Patient’s Eyes. Understanding and Promoting Patient-centered Care. San Francisco, CA: Jossey-Bass.
- Greaves F., Pape U. J., King D., Darzi A., Majeed A., Wachter R. M., Millett C. (2012) Associations between Internet-Based Patient Ratings and Conventional Surveys of Patient Experience in the English NHS: An Observational Study. *BMJ Quality & Safety*. Vol. 21. No. 7. P. 600—605. <https://doi.org/10.1136/bmjqs-2012-000906>.
- Gualandi R., Masella C., Piredda M., Ercoli M., Tartaglini D. (2021) What Does the Patient Have to Say? Valuing the Patient Experience to Improve the Patient Journey. *BMC Health Services Research*. Vol. 21. Art. 347. <https://doi.org/10.1186/s12913-021-06341-3>.
- Håkansson E. J., Holmström I. K., Kumlin T., Kaminsky E., Skoglund K., Högländer J., Sundler A. J., Condén E., Meranius M. S. (2019) «Same Same or Different?» a Review of Reviews of Person-Centered and Patient-Centered Care. *Patient Education and Counseling*. Vol. 102. No. 1. P. 3—11. <https://doi.org/10.1016/j.pec.2018.08.029>.
- Institute of Medicine (US) Committee on Quality of Health Care in America. (2001) Crossing the Quality Chasm: A New Health System for the 21st Century. Washington, DC: National Academies Press. <https://doi.org/10.17226/10027>.
- Kruk M. E., Gage A. D., Arsenault C., Jordan K. et al. (2018). High-Quality Health Systems in the Sustainable Development Goals Era: Time for a Revolution. *Lancet Glob Health*. Vol. 6. No. 11. P. e1196-e1252. [https://doi.org/10.1016/S2214-109X\(18\)30386-3](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(18)30386-3).
- Kumar R., Chattu V.K. (2018) What Is in the Name? Understanding Terminologies of Patient-Centered, Person-Centered, and Patient-Directed Care! *Journal of Family Medicine and Primary Care*. Vol. 7. No. 3. P.487—488. https://doi.org/10.4103/jfmpc.jfmpc_61_18.

Langberg E. M., Dyhr L., Davidsen, A. S. (2019) Development of the Concept of Patient-Centredness — A Systematic Review. *Patient Education and Counseling*. Vol. 102. No. 7. P. 1228-1236. <https://doi.org/10.1016/j.pec.2019.02.023>.

Mead N., Bower P. (2000) Patient-Centredness: A Conceptual Framework and Review of the Empirical Literature. *Social Science & Medicine*. Vol. 51. No. 7. P. 1087—1110. [https://doi.org/10.1016/s0277-9536\(00\)00098-8](https://doi.org/10.1016/s0277-9536(00)00098-8).

OECD (2019), Health at aGlance 2019: OECD Indicators. Paris: OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/4dd50c09-en>.

Omran A. R. (2005) The Epidemiologic Transition: A Theory of the Epidemiology of Population Change. *The Milbank Quarterly*. Vol. 83. No. 4. P. 731—757. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0009.2005.00398.x>.

Partnering with Patients and Families to Design a Patient and Family-Centered Health Care System/ Recommendations and Promising Practices. 2nd Printing 2011 Institute for Patient- and Family-Centered Care. URL: <https://www.ipfcc.org/resources/PartneringwithPatientsandFamilies.pdf> (accessed 15.07.2021).

Frampton S. B., Charmel P. A., Planetree (eds.) (2008) Putting Patients First: Best Practices in Patient-Centered Care. 2nd ed. San Francisco, CA: Jossey-Bass.

Shutzberg M. (2021) The Doctor as Parent, Partner, Provider... or Comrade? Distribution of Power in Past and Present Models of the Doctor-Patient Relationship. *Health Care Anal.* Vol. 29. P. 231—248. <https://doi.org/10.1007/s10728-021-00432-2>.

Timmermans S. (2020) The Engaged Patient: The Relevance of Patient-Physician Communication for Twenty-First-Century Health. *Journal of Health and Social Behavior*. Vol. 61. No. 3. P. 259—273. <https://doi.org/10.1177/0022146520943514>.

Tonelli M. R., Sullivan, M. D. (2019) Person-Centred Shared Decision Making. *Journal of Evaluation in Clinical Practice*. Vol. 25. No. 6. P. 1057—1062. <https://doi.org/10.1111/jep.13260>.

Veatch R. (1972) Models for Ethical Medicine in a Revolutionary Age. *The Hastings Center Report*. Vol. 2. No. 3. P. 5—7. <https://doi.org/10.2307/3560825>.

WHO Regional Office for the Western Pacific (2008). People-Centred Health Care: Technical Papers: International Symposium on People-Centred Health Care: Reorienting Health Systems in the 21st Century, The Tokyo International Forum, 25 November 2007. Manila: WHO Regional Office for the Western Pacific. URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/207004> (accessed 10.07.2021).

WHO Regional Office for Europe (2013) Strengthening People-Centred Health Systems in the WHO European Region A Framework for Action towards Coordinated/Integrated Health Services Delivery (CIHSD). URL: https://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0005/231692/e96929-replacement-CIHSD-Roadmap-171014b.pdf (accessed 19.10.2021).

DOI: [10.14515/monitoring.2022.2.1929](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1929)

Т. М. Полушкина, Ю. А. Акимова, Е. Г. Коваленко

СОЦИАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ И ИНКЛЮЗИВНАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Правильная ссылка на статью:

Полушкина Т. М., Акимова Ю. А., Коваленко Е. Г. Социальные стандарты и инклюзивная модель развития сельских территорий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 359—383. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1929>.

For citation:

Polushkina T. M., Akimova Y. A., Kovalenko E. G. (2022) Social Standards and an Inclusive Model for the Development of Rural Areas. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 359–383. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1929>. (In Russ.)

СОЦИАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ И ИНКЛЮЗИВНАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

ПОЛУШКИНА Татьяна Михайловна — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Саранск, Россия
E-MAIL: polushkinatm@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4192-5176>

АКИМОВА Юлия Алексеевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Саранск, Россия
E-MAIL: yuaakimova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0404-5105>

КОВАЛЕНКО Елена Георгиевна — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления
E-MAIL: kovelena13@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4688-6030>

Аннотация. Статья посвящена необходимости применения государственных социальных стандартов жизни и жизнеобеспечения в системе государственного регулирования инклюзивного (всеобъемлющего) развития сельских территорий Российской Федерации. Содержит анализ современного состояния и сложившихся тенденций их социально-экономического развития. Предпринята попытка оценить возможности согласования инклюзивной модели развития сельских территорий

SOCIAL STANDARDS AND AN INCLUSIVE MODEL FOR THE DEVELOPMENT OF RURAL AREAS

Tatyana M. POLUSHKINA¹ — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Professor at the Department of State and Municipal Administration
E-MAIL: polushkinatm@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4192-5176>

Yulia A. AKIMOVA¹ — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor at the Department of State and Municipal Administration
E-MAIL: yuaakimova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0404-5105>

Elena G. KOVALENKO¹ — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Department of State and Municipal Administration
E-MAIL: kovelena13@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4688-6030>

¹ National Research Mordovia State University, Saransk, Russia

Abstract. The article focuses on the need to apply state social standards of life and life support in the state regulation system of the inclusive (comprehensive) development of rural areas of the Russian Federation. The article analyzes their current state and trends in socio-economic development. The authors try to assess the possibilities of harmonizing an inclusive model of rural development and agrarian policy within a country's rural development model that is adequate to modern challenges. The authors argue

и аграрной политики в рамках адекватной современным вызовам модели сельского развития страны. Аргументирован вывод о неравномерности социального, экологического и экономического развития сельских территорий страны, значительной дифференциации по большинству важнейших индикаторов развития с городами, что крайне опасно для государства, для его единства и целостности. Отправными точками этой статьи служат социальная приверженность российского государства, что определено Конституцией, и необходимость применения целенаправленного государственного подхода в политике сельского развития.

Ключевые слова: социальные стандарты, сельские территории, инклюзивное развитие, государственное регулирование, социальное неравенство, пространственная дифференциация

Благодарность. Обоснована целесообразность применения стандартов жизни и жизнедеятельности в качестве инструмента определения приоритетов политики сельского развития и контроля за эффективностью ее реализации. Что, в свою очередь, будет способствовать инклюзивному и устойчивому развитию сельских территорий Российской Федерации, выравниванию социального пространства, снижению социального неравенства, концентрации ресурсов на приоритетных направлениях социальной политики, решению проблем продовольственной безопасности.

the conclusion about the uneven social, environmental, and economic development of rural areas of Russia, significant differentiation in the majority of the most important indicators of development with cities, which is extremely dangerous for the state, its unity, and integrity. The authors rely on the social commitment of the Russian state, defined by the Constitution, and the need to apply a goal-oriented state approach to rural development policy. The article substantiates the expediency of applying the standards of life and life activity as a tool for determining the priorities of the rural development policy and monitoring the effectiveness of its implementation. This, in turn, will contribute to the inclusive and sustainable development of rural areas of the Russian Federation, the alignment of social space, the reduction of social inequality, the concentration of resources in priority areas of social policy, and the solution of food security problems.

Keywords: social standards, rural areas, inclusive development, government regulation, social inequality, spatial differentiation

Введение

Перед страной стоит задача перехода от отдельных, весьма разрозненных мер по развитию сельских территорий к выработке нового, ориентированного на человека подхода социально, экологически и экономически устойчивого, инклюзивного развития с соответствующим уточнением формообразующего признака государственного регулирования — социальных прав сельских жителей, обеспечивающих им достойный уровень и качество жизни в соответствии со стандартами, преобладающими в обществе в целом. В основе государственной политики сельского развития лежит задекларированная Конституцией социальная приверженность РФ. Социальным стандартам жизни и жизнеобеспечения сельскими жителями необходимо законодательное закрепление. Политика инклюзивного развития сельских территорий должна отвечать на новые вызовы, включающие старение и депопуляцию населения, социальное неравенство (внутри и между поселениями, в том числе и прежде всего с городами), неполноту использования потенциала развития территорий, снижение их конкурентоспособности, социальную и политическую напряженность, экологические риски, снижение возможности устойчивого развития страны и регионов. Признак инклюзивности добавляет в понятие устойчивого развития важность, необходимость и реализуемость решения проблем социального расслоения населения, равенства возможностей в условиях неравенства пространственного развития территорий различного уровня. Непременным условием и следствием экономического аграрного роста выступают его устойчивость и инклюзивность; усиление роли и качества человеческого капитала (высокие темпы индустриализации не за счет снижения уровня жизни сельского населения и перераспределения ресурсов из традиционной аграрной сферы в промышленность); «социализация» экономических отношений в пределах конкретной территории, предполагающая определенную меру соучастия в ее развитии граждан (собственников человеческого капитала), бизнеса, а также публичных институтов (государственных, региональных, муниципальных, общественных организаций и пр.). Это сложное и важное направление научных исследований необходимо активизировать в силу его высокой практической значимости для развития страны в целом.

Обзор литературы

Развитие сельских территорий находится в фокусе внимания как зарубежных, так и российских ученых. Значимость этого научного направления подтверждается принятием множества нормативно-правовых актов как на федеральном, так и на региональном уровне. Несмотря на существование множества научных работ и действующих законодательных актов, не сформирована инклюзивная модель развития сельских территорий, позволяющая обеспечить жителей села всей необходимой инфраструктурой и услугами для достойного уровня жизни.

На теоретические и практические аспекты обеспечения инклюзивности в разных сферах обращено внимание многих ученых. Так, например, критериям, индикаторам и методам оценки инклюзивного развития сельского хозяйства и агропродовольственной системы в целом уделяется внимание в работах Е. Деруновой, Н. Киреевой, О. Прущак, В. Демичева [Derunova, Kireeva, Pruschak, 2020; Демичев,

2018]). Значение инклюзивной экономики для развития общества, ее сущность и факторы рассматриваются такими авторами, как А. И. Новиков, М. К. Вяткина, О. В. Скудалова (см., например, [Новиков, Виткина, 2018; Скудалова, 2020]). Р. И. Шарафутдинов и его соавторы исследуют понятия «инклюзивный рост», «инклюзивное развитие» применительно к различным территориальным образованиям (регион, муниципалитет), говоря при этом об их значимой роли на современном этапе и выделяя несколько типов инклюзивного развития (органический, атомистический, гармонический) (см., например, [Шарафутдинов и др., 2018; Пивоварова, Хохлова, 2015]). По мнению В. А. Михеева, сотрудничество государства, бизнеса и гражданского общества должно стать основой для формирования инклюзивной политики развития человеческого потенциала [Михеев, 2018].

Следует отметить, что концепция инклюзивного роста является достаточно дискуссионной и приобрела наибольшую известность в трудах, опубликованных за рубежом (см., например, [Ranieri, Ramos, 2015; Corrado, Corrado, 2017; Mitra, Das, 2018; Rodríguez-Pose A., Tselios, 2013]). Вопросы инклюзивного развития рассматриваются не только в рамках концепции устойчивого развития, но и в контексте концепции модернизации, а также являются предметом исследования для международных организаций — например, ФАО (Food and Agriculture Organization of the United Nations — Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций¹). Вопросам формирования инклюзивной модели развития сельской местности в стране достаточного внимания пока не уделяется, но следует отметить труды [Бурганов, Мавляутдинова, Гафаров, 2020; Усенко, 2019; Гильфанов, 2018, 2019, 2020]. Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении разработки социальных стандартов. Пока в работах российских и зарубежных ученых фрагментарно рассматриваются отдельные аспекты формирования социальных стандартов [Коваленко, Полушкина, Якимова, 2018; Муравьева, Евсюкова, 2019; Медведева, Тимошенко, 2019; Полушкина, 2018; Пашкевич и др., 2018], но применительно к сельской местности такие работы практически отсутствуют.

Материал и методы

Для достижения поставленных целей авторы провели анализ результатов теоретических исследований российских и зарубежных ученых, посвященных проблеме устойчивого развития сельских территорий. В ходе исследования нами также проанализирована нормативно-правовая база: федеральные законы Российской Федерации, указы Президента РФ; нормативные акты, в частности, государственные, региональные и муниципальные программы, затрагивающие разные аспекты сельского развития. Методологическую базу исследования составили общие и специальные научные методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, аналогия.

Информационно-эмпирическую основу материалов, использованных для обоснования выводов авторов, составили официальные данные Федеральной службы государственной статистики и ее территориального органа по Республике

¹ Стратегическая работа ФАО по обеспечению инклюзивности и эффективности продовольственных систем // Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций. 2017. URL: <https://www.fao.org/3/i6627r/i6627r.pdf> (дата обращения: 25.04.2022).

Мордовия. В анализе статистического материала привлекались методы эмпирического исследования — наблюдение, сравнение, оценка.

Системный подход обеспечил комплексность и адресность проведенного исследования, ориентированного на повышение результативности деятельности органов публичной власти и наметить дальнейшие направления в изучении вопроса разработки социальных стандартов жизни и жизнеобеспечения в системе государственного регулирования инклюзивного развития сельских территорий.

Обоснование значимости проблемы

В России на государственном уровне проблемам устойчивого развития сельских территорий посвящены: Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» (2006 г.), Стратегия устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 г. (2017 г.), Стратегия пространственного развития Российской Федерации (2019 г.), Указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» (2020 г.), Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации (2010 г.), Экологическая доктрина Российской Федерации (2002 г.), Градостроительный кодекс Российской Федерации (2004 г.), Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия до 2020 г. (2012 г., продлена до 2025 г.), Федеральная научно-техническая программа развития сельского хозяйства на 2017—2025 гг. (2017 г.), Государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий» (2019 г.). К законодательным актам, регулирующим устойчивое развитие сельских территорий можно отнести также Федеральный закон № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (1999 г.), и Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (2003 г.), Федеральный закон № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (2007 г.), Федеральный закон № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (2011 г.), Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (2012 г.), Федеральный закон от № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» (1999 г.), Федеральный закон № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (1992 г.) и др. Во всех перечисленных документах формализованы острые проблемы в социальном, экологическом и экономическом положении сельских территорий и зафиксирована необходимость их устойчивого развития. Определены цели, задачи и механизм решения проблем, предпринимаются некоторые меры по улучшению ситуации в сельском развитии. Однако до сих пор на сельских территориях РФ имеют место неустойчивые тренды развития, прогрессируют масштабы обезлюдивания, усиливается социальная поляризация и дифференциация уровня жизни городского и сельского населения, снижаются реальные доходы на фоне низких темпов экономического роста, не решены проблемы доступа к объектам социальной и инженерной инфраструктуры. В программных документах по развитию аграрной сферы экономики до сих пор имеет место сугубо отраслевой

подход. Все это может привести к серьезным социально-политическим рискам в развитии сельских территорий, да и всей страны в целом. Поэтому вполне обоснована необходимость смены модели сельского развития страны с узкоотраслевой, направленной преимущественно на развитие сельскохозяйственного производства, на инклюзивную устойчивую, позволяющую трансформировать парадигму экономического развития за счет обеспечения согласованного решения социальных, экологических и экономических проблем. В связи с этим нельзя не согласиться с мнением, определяющим инклюзивный рост как экономическую модель, направленную на создание и развитие сбалансированной социально-экономической системы с учетом социального равенства, окружающей среды и природных ресурсов [Feshari, Valibeigi, 2017]. Инклюзивность (всеобщность) позволяет минимизировать последствия неравномерного развития для достижения целей устойчивого развития за счет сочленения социальной, инновационной, ресурсно-экологической и конкурентной составляющих в сельской политике [Киреева, Прущак, 2019; Пахомова, Рихтер, Малышков, 2013]. Она позволяет рассматривать сельские территории как часть страны, где должны быть созданы комфортные для проживания условия с равным (в сравнении с городскими) доступом к труду с достойной оплатой, медицине, образованию, культуре и пр., а сельчан — не как ограничитель либо локомотив модернизации аграрного производства в стране, а как 25,4% граждан, имеющих равные социальные права с городскими жителями.

Суть концепции инклюзивного роста заключается в равномерном распределении выгод от экономического роста между различными участниками экономической деятельности и создании возможностей для включения в процесс создания ВВП как можно большего числа заинтересованных лиц. Таким образом, реализация инклюзивной модели развития на уровне сельских территорий позволит обеспечить повышение благосостояния сельских жителей, а также снижение территориального неравенства и максимально эффективное достижение целей устойчивого развития.

До недавнего времени практическому применению концепции инклюзивного роста препятствовало отсутствие актуальной системы показателей, определяющей эффективность деятельности по ее реализации. Учеными Всемирного экономического форума по формированию будущего экономического прогресса в 2017 г. была разработана новая система оценки экономического развития стран, которая получила название Inclusive Development Index, включающая три группы показателей: рост и развитие; инклюзивность; преемственность поколений и устойчивость развития.

В рассматриваемом рейтинге в 2018 г. Россия занимала 19 место² и имеет положительную динамику за последние пять лет. Однако ее показатели по трем параметрам Индекса неодинаковы: более высокие оценки имеют процессы экономического развития в сравнении с интеграцией, преемственностью между поколениями и устойчивостью. Россия недавно оправилась от рецессии, и хотя рост ее производительности по-прежнему низок, трудности 2015 г. преодолены. С точки

² The Inclusive Development Index 2018. Summary and Data Highlights. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Forum_IncGrwth_2018.pdf (дата обращения: 10.02.2021)

зрения инклюзивности, страна обеспечивает достойные условия жизни для большей части своего населения, но концентрирует богатство в руках небольшой группы людей: коэффициент Джини 82,6 свидетельствует о высоком уровне концентрации доходов и его росте в последнее пятилетие. Относительно преемственности в России фиксируется низкий уровень долга настоящего поколения перед будущими при одновременном сохранении углеродоемкости экономики на фоне истощения природных ресурсов и существенного влияния климатических изменений.

Обсуждение исследуемой проблемы

Сельские территории занимают преобладающую часть территории Российской Федерации, их особенность — низкая плотность населения (2,3 человека на 1 км²), занятого преимущественно сельскохозяйственным производством. На 1 января 2021 г. из 20846 муниципальных образований страны почти 80,7 % являлись сельскими поселениями, доля сельского населения составляет 25,2 % (предварительная оценка). Объектом настоящего исследования является Республика Мордовия — достаточно типичный регион центральной России. Большую часть ее территории занимает сельская местность (около 70 %), доля сельского населения равна 35,9 % от общей численности. Демографическая ситуация республики, как и многих других территорий нашей страны, характеризуется снижением численности населения на протяжении всего периода современной российской действительности. С 1991 г. убыль населения по региону составила 167 тыс. человек (17,4 %), причем сокращение произошло в основном за счет численности сельского населения на 29 %. Численность городского населения сократилась за этот же период на 8,4 %. Только за последние 3 года население Мордовии сократилось на 13 тыс. человек или 1,5 % общей численности населения, при этом темпы убыли населения по муниципальным районам республики за 2017—2019 гг. различаются в восемь раз: от 1,0 % в Лямбирском до 8,88 % в Атюрьевском районе.

В структуре сельского расселения Республики Мордовия преобладают малочисленные населенные пункты. Из 1240 населенных пунктов региона около 7,5 % не имеют постоянного населения, 18,4 % — от 1 до 10 человек, 48,8 % — от 1 до 99 человек, 20 % имеют население менее 200 человек. Наибольшее количество населенных пунктов с числом жителей не более 50 человек находится в Темниковском, Ковылкинском, Ельниковском и Zubovo-Полянском муниципальных районах республики.

Состояние социальной инфраструктуры сельских территорий республики характеризуется следующими данными: общая площадь жилых помещений в сельской местности, оборудованная водопроводом, составляла 60,6 %, канализацией — 40,9 %, отоплением — 91,8 %; ваннами — 24,1 %; газом — 96 %; горячим водоснабжением — 24,7 %. Удельный вес общей площади жилых помещений, оборудованной всеми видами коммунальной инфраструктуры, составил всего 24,7 %. Динамика развития жилищного фонда муниципальных образований представлена в таблице 1. Из представленных данных видно, что в среднем по районам республики уровень обеспеченности жильем составляет 33,1 кв. м на душу населения, тогда как комфортным считается показатель 30 кв. м. При этом в шести муниципальных районах на душу населения приходится менее 30 кв. м.

Таблица 1. Динамика жилищного фонда по муниципальным образованиям, в тыс. м²

Муниципальные образования	2012 г.	Ранг	2014 г.	2016 г.	2019 г.	Кв. м на душу населения в 2019 г.	Ранг
Городской округ Саранск	7253,1	1	7737,3	8083,1	8593,4	24,7	1
Ардатовский район	704,6	8	713,1	707,6	726,6	29,5	8
Атюрьевский район	316,2	20	314,2	319,7	326,5	42,9	19
Атяшевский район	622,2	9	591,3	603,7	617,8	36,8	9
Б-Березниковский район	432,0	15	398,4	404,4	415,8	34,1	15
Б-Игнатовский район	215,0	22	217,2	219,7	221,2	33,0	22
Дубенский район	481,7	14	486,8	494,8	504,4	44,2	14
Ельниковский район	337,9	18	320,4	309,3	311,2	32,8	21
Зубово-Полянский район	1235,0	3	1293,5	1312,6	1347,2	24,8	3
Инсарский район	356,5	17	367,1	363,1	372,4	31,6	18
Ичалковский район	549,6	12	551,4	559,1	570,7	31,9	12
Кадошкинский район	201,1	23	204,2	208,3	214,8	32,5	23
Ковылкинский район	1059,2	4	1089,6	1105,0	1146,8	30,8	4
Кочкуровский район	333,6	19	361,5	396,9	415,6	42,4	16
Краснослободский район	755,8	7	762,4	769,1	785,5	34,5	7
Лямбирский район	816,7	6	837,9	872,3	922,7	27,2	5
Ромодановский район	547,0	13	557,8	573,7	589,5	30,5	10
Рузаевский район	1604,9	2	1625	1649,3	1670,1	26,9	2
Старошайговский район	402,6	16	382,7	386,6	404,1	35,4	17
Темниковский район	554,1	11	536,4	538,4	550,9	41,1	13
Теньгушевский район	306,1	21	307,5	308,9	320,1	32,0	20
Торбеевский район	580,5	10	563,1	565,7	575,2	31,3	11
Чамзинский район	832,1	5	845,7	863,2	889,1	29,9	6

В Российской Федерации численность малоимущих домашних хозяйств, проживающих в сельской местности, составляет 51,4% (2019 г.) от их общего количества. Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума на селе более чем в три раза выше, чем в городе. Среднемесячная номинальная начисленная зарплата в сельском хозяйстве составляет 65,1% от средней по экономике, а денежные расходы домашних хозяйств в сельской местности на треть меньше по сравнению с домашними хозяйствами в городах. В Республике Мордовия, которая занимает по уровню доходов на душу населения 81 место среди субъектов РФ, средняя заработная плата работника, занятого в сельском хозяйстве, составляет 26207,01 р., что ниже среднереспубликанского уровня на 13% и ниже средней заработной платы по сельскому хозяйству в среднем по стране на 18%.

В последние годы в Республике Мордовия отмечается общероссийская тенденция сокращения объектов здравоохранения, образования и культуры в сельской местности. Так, за последние десять лет количество медицинских организаций

региона уменьшилось на 29 единиц или на 41,3% по всем уровням оказания медицинской помощи в основном за счет их сельского звена (см. тыбл. 2). Число больниц первого уровня сократилось на 14 единиц или на 64%. Сокращение сельских школ происходит в регионе, как и в целом по стране, уже последние 20 лет. В целом по стране это сокращение составило около 50% [Заир-Бек, Мерцалова, Анчиков, 2020].

Таблица 2. Уровень обеспеченности медицинскими учреждениями в муниципальных районах республики

Муниципальные районы	Больничные учреждения (районная больница), единиц	Фельдшерско-акушерские пункты	Число больничных коек — всего, единиц	Число станций скорой помощи (отделений), единиц	Амбулаторно-поликлинические учреждения	Численность врачей — всего, человек	Численность среднего медицинского персонала — всего, человек
Ардатовский район	1	31	65	1	—	51	188
Атюрьевский район	1	16	43	1	—	20	85
Атяшевский район	1	30	55	—	—	35	123
Б-Березниковский район	1	20	58	—	1	23	78
Большеигнатовский район	1	18	40	—	—	8	54
Дубенский район	1	20	40	1	1	31	97
Ельниковский район	1	19	43	1	1	23	90
Зубово-Полянский район	1	35	135	2	40	77	236
Инсарский район	1	19	40	1	—	30	88
Ичалковский район	1	24	88	—	—	57	195
Кадошкинский район	1	5	35	1	1	9	41
Ковылкинский район	1	39	217	1	7	110	312
Кочкуровский район	—	12	—	—	1	22	55
Краснослободский район	1	29	203	1	34	92	292
Лямбирский район	—	15	50	—	7	42	78
Ромодановский район	—	16	50	1	1	44	102
Рузаевский район	2	25	388	1	5	220	503
Старошайговский район	1	16	85	1	1	28	98
Темниковский район	1	28	70	1	2	39	138
Теньгушевский район	1	15	55	—	1	29	109
Торбеевский район	1	28	103	1	—	86	278
Чамзинский район	1	18	200	1	2	93	255

Достаточно сложная ситуация сложилась и в культурно-досуговой сфере: наблюдается устойчивое сокращение числа учреждений, количество работников в них ниже установленного минимума. Уровень износа культурно-досуговых строений в сельской местности составляет от 60 до 90 %, причем изначально это были не специально построенные здания, а лишь приспособленные. Для примера в таблице 3 приведены данные о динамике числа общедоступных библиотек и клубных учреждений по муниципальным образованиям Республики Мордовия в последние пять лет³.

Таблица 3. Динамика числа общедоступных библиотек клубных учреждений по муниципальным образованиям Республики Мордовия, ед.

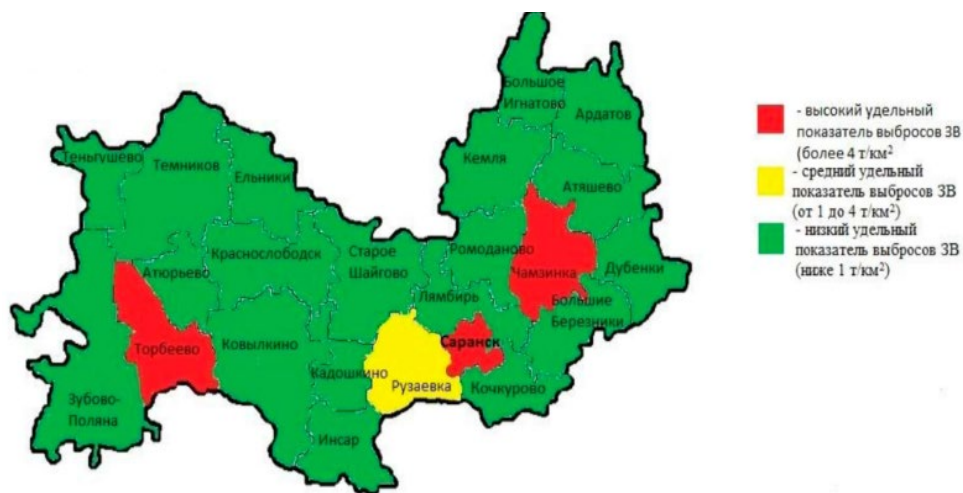
Муниципальные районы	Число библиотек			Число клубных учреждений		
	2015 г.	2019 г.	Изменение	2015 г.	2019 г.	Изменение
Ардатовский район	34	34	↔	36	36	↔
Атюрьевский район	15	15	↔	15	15	↔
Атяшевский район	29	25	▼	26	26	↔
Б-Березниковский район	18	18	↔	17	17	↔
Б-Игнатовский район	17	18	Δ	17	17	↔
Дубенский район	19	19	↔	20	20	↔
Ельниковский район	18	17	▼	12	13	Δ
Зубово-Полянский район	40	40	↔	38	38	↔
Инсарский район	19	17	▼	18	19	Δ
Ичалковский район	30	29	▼	30	30	↔
Кадошкинский район	8	1	▼	2	0	▼
Ковылкинский район	42	41	▼	41	42	Δ
Кочкуровский район	13	13	↔	12	12	↔
Краснослободский район	23	23	↔	17	18	Δ
Лямбирский район	21	19	▼	17	17	↔
Ромодановский район	21	16	▼	15	15	↔
Рузаевский район	32	32	↔	18	19	Δ
Старошайговский район	16	17	Δ	18	17	▼
Темниковский район	24	22	▼	23	23	↔
Теньгушевский район	15	13	▼	16	15	▼
Торбеевский район	21	16	▼	18	17	▼
Чамзинский район	22	20	▼	21	21	↔

Справочно: ↔ — количество объектов не изменилось, Δ — увеличилось, ▼ — сократилось.

³ Муниципальная статистика 2020 // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия: официальный сайт. URL: https://mrd.gks.ru/municipal_statistics (дата обращения: 11.11.2020).

Более благоприятным образом выглядит экологическая составляющая социально-экологически-экономического развития сельских территорий России. Так, в исследуемом нами регионе сельские территории по рассчитанным значениям удельного показателя выбросов загрязняющих веществ можно классифицировать на три группы по степени антропогенного воздействия. Это группы с высоким (более 4 тонн/км²), средним (от 1 до 4 тонн/км²) и низким (менее 1 тонн/км²) значением. К первой группе относятся Торбеевский, Чамзинский муниципальные районы и г. Саранск. Ко второй группе относятся Ромодановский, Рузаевский муниципальные районы. Наконец, к третьей группе относятся 19 муниципальных районов, удельный показатель выбросов которых меньше 1 т/км². Для сведения: по образованию отходов от производства сельское хозяйство занимает менее 1 % от их общего количества в стране. Наглядное представление позитивных результатов проведенного анализа экологической составляющей устойчивого развития сельских территорий Республики Мордовия отображено на рисунке 1.

Рис. 1. Значение удельного показателя выбросов загрязняющих веществ по Республике Мордовия в 2019 г., т/км²

Для комплексной оценки социального, экологического и экономического развития муниципальных образований республики было использовано 18 показателей: плотность населения, доля возрастных групп в трудоспособном населении, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, объем собственных доходов бюджета за исключением безвозмездных поступлений, инвестиции в основной капитал, оборот розничной торговли, валовой муниципальный продукт, продукция сельского хозяйства, площадь жилья, приходящегося в среднем на одного жителя, площадь жилья, оборудованного водопроводом, площадь жилья, оборудованного газом, число общеобразовательных учреждений, число больничных коек, число спортивных сооружений, количество выбросов в окружающую среду, естественный прирост/убыль на 1000

человек населения, миграционный прирост / убыль, уровень зарегистрированной безработицы. Расчет интегрированных индексов устойчивости позволил разделить все муниципальные районы на 4 группы. К *наиболее устойчивым*, имеющим высокий потенциал развития относятся всего четыре муниципальных района (Ковылкинский, Лямбирский, Рузаевский, Чамзинский) или 18% от общего количества, к *относительно устойчивым* — восемь (Атяшевский, Zubovo-Полянский, Ичалковский, Кочкуровский, Краснослободский, Ромодановский, Старошайговский, Торбеевский), к *наименее устойчивым* — семь (Ардатовский, Атюрьевский, Дубенский, Ельниковский, Инсарский, Кадошкинский). Остальные четыре района (Большеберезниковский, Большеигнатовский, Теньгушевский, Темниковский) имеют весьма слабый уровень устойчивости и низкий потенциал развития. Разница в критериях отнесения территорий к определенному типу устойчивости составляет более 5 раз.

Данные вышеприведенного анализа подтверждают гипотезу о значительной неравномерности социального, экологического и экономического развития сельских территорий как на уровне «село-село», так и по сравнению с городами (город — село). Причем дифференциация по большинству важнейших индикаторов развития имеет затяжной характер, проблемы неравенства имеют застарелый и системный характер, обусловленный историческими и природными особенностями развития конкретных сельских территорий. Это доказывает необходимость смены парадигмы сельского развития.

Преодоление неравенства, переход на инклюзивную модель развития предполагает новый тип отношения государства к сельским территориям, исключающих нарастание процессов их деградации. Соотношение инклюзивного развития и устойчивого развития представлено на рисунке 2.

Рис. 2. Соотношение понятий инклюзивное развитие и устойчивое развитие⁴

⁴ См. [Гильфанов, 2018: 5—10].

В целом институты инклюзивного развития обеспечивают:

- участие населения в управлении государством ради общественной выгоды;
- справедливое распределение общественных благ с учетом интересов всех слоев и групп населения;
- формирование эффективного общественного договора власти, бизнеса и гражданского общества;
- рост уровня жизни широких масс населения не только в краткосрочном, но и в долгосрочном периоде⁵.

Формирование инклюзивной модели развития села должно быть основано на ряде принципов, среди которых можно выделить следующие:

- формирование модели развития снизу вверх, с учетом требований и специфики конкретных территорий;
- в рамках предлагаемой модели должен обеспечиваться равный доступ для всех групп и слоев населения (независимо от места проживания) к социальной инфраструктуре (включая учреждения культуры, досуга, коммунальной сферы, образования и т. д.);
- построение на основе принципов устойчивости;
- реализация модели должна сопровождаться не только количественными изменениями отдельных показателей и экономическим ростом, но и качественными изменениями в жизни сельского населения;
- при формировании модели развития должны учитываться интересы стейкхолдеров и населения территории.

В Программе комплексного развития сельских территорий на период 2020—2025 г. в качестве основных целей определено сохранение доли сельского населения России на уровне не менее 25,3%, достижение соотношения среднемесячных располагаемых ресурсов сельского и городского домохозяйств до 80%, повышение общей доли площади благоустроенных жилых строений до 50%. В Указе Президента РФ № 204 сказано о необходимости снижения уровня бедности в целом по стране к 2024 г. в 2 раза и доведении его до уровня 6—6,5%. Следовательно, в сельских территориях страны этот показатель должен быть снижен в 4 раза, а в городских — на 30%. Возникают вполне логичные вопросы о возможности выполнения данных целевых показателей в рамках современной политики сельского развития и о том, насколько выполнение этих целевых показателей приблизит сельских жителей к высокому качеству жизни, обеспечению конституционных прав в области здравоохранения, образования и культуры.

Отсюда выстраивается следующий алгоритм разработки механизмов государственного регулирования развития сельских территорий (см. рис. 3): определяются целевые параметры уровня жизни и жизнеобеспечения сельских жителей в форме государственных социальных стандартов → оценивается фактический уровень жизни и жизнеобеспечения сельских жителей, уровня развития сельских территорий → формулируются цели и приоритеты государственной политики развития сельских территорий, отвечающей требованиям устойчивости их развития → формируются конкретные инструменты государственного регулирова-

⁵ Экстрактивные институты как причина отсталости экономики. URL: <https://popecon.ru/501-ekstraktivnye-instituty-kak-prichina-otstalosti-ekonomiki.html> (дата обращения: 20.04.2022).

ния, направленные на повышение уровня жизни и жизнеобеспечения сельского населения, оптимальные с точки зрения бюджетных расходов, эффективности и социальной справедливости [Лаврухина, 2013] → оцениваются бюджетные возможности страны (региона) → выбираются наиболее приоритетные направления и инструменты государственного регулирования для развития сельских территорий → разрабатываются либо корректируются программные документы → оценивается степень достижения приоритетных целей и задач и т. д. Для обеспечения реализации предложенной модели необходимо, на наш взгляд, проведение межсекторальной политики, которая предполагает взаимодействие на всех этапах планирования между разными сферами (экология, экономика, социальная сфера и др.) и всеми уровнями власти в целях достижения обозначенных приоритетов.

Рис. 3. Концептуальная модель обоснования государственного регулирования развития сельских территорий

С помощью социальных стандартов или неких уровней государственных гарантий, выражаемых в нормах и нормативах, можно перевести понятия достойной

жизни, качества жизни на язык социально-экономических показателей. Они регламентируют приоритетные направления социальной политики, позволяют постоянно поддерживать реальное содержание основных государственных социальных гарантий [Марасанова, 2013]. Кроме того, они призваны упорядочить межбюджетные отношения между органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления [Алешина, 2017].

При установлении социальных стандартов уровня и качества жизни было бы правильным ориентироваться именно на их минимальный уровень, чтобы не противоречить идее непрерывного развития или улучшения в системе социальной защиты населения. Минимальный уровень должен устанавливаться в соответствии с прогрессивными ориентирами, стремящимися к искоренению бедности и социальной изоляции граждан. В конечном итоге, государственные социальные стандарты должны быть направлены на достижение гарантируемых государством показателей уровня и качества жизни населения [там же].

Следование данной логической схеме при принятии решений в области государственного регулирования развития сельских территорий будет помогать лицам, принимающим решения, понять потенциальные последствия, компромиссы и общий результат регулирующих воздействий, иметь объективную доказательную базу для принятия решений. Стратегические цели должны базироваться на желаемых и реально достижимых в прогнозируемый период показателях уровня и качества жизни сельского населения — социальных стандартах жизнедеятельности. При этом важна социальная ценность принимаемых решений, также известная как общественная ценность, основана на принципах и идеях экономики благосостояния. Например, сюда входят воздействие на окружающую среду, культуру, здравоохранение, социальную помощь и пр. Более того, использование нормативов при разработке и принятии решений делает более прозрачной оценку степени достижения целевых параметров.

Требуют постоянного мониторинга и согласования с целями политики все программные документы по развитию сельских территорий. При изменении внешних условий или изменении политических целей целесообразна их быстрая корректировка [Полушкина, 2018].

Социальные стандарты могли бы служить также и ориентиром пространственного развития России, способствовать выравниванию социального пространства, концентрировать ресурсы на приоритетных направлениях социальной политики, объективно оценивать уровень социального развития в территориальном разрезе. Социальные стандарты должны включать в себя стандарты жизни и стандарты жизнеобеспечения человека. Их примерный перечень приведен ниже (см. табл. 4).

Поскольку многие современные тенденции социально, экономически и политически неустойчивы, а существующие политические рамки недостаточны, значимость разработки социальных стандартов все более ощутима. Их применение при полном соблюдении принципов subsidiarity и пропорциональности, необходимы для преодоления побочных эффектов и взаимозависимости между отдельными территориями. Основными аргументами в пользу установления социальных стандартов можно назвать следующие:

- необходимость обеспечения достойной жизни и полноценного участия в жизни общества для всех;
- обеспечение более устойчивого и эффективного развития экономических систем.

Таблица 4. Социальные стандарты жизни и жизнеобеспечения сельских жителей

Стандарты жизни сельского населения	
<ul style="list-style-type: none"> — Норматив уровня образования экономически активного населения; — норматив ввп/врп на душу сельского населения; — норматив младенческой смертности; — норматив соотношения величины начисленной заработной платы и прожиточного минимума (для трудоспособного населения); — норматив доходов на душу населения, кратные доходам городских жителей; 	<ul style="list-style-type: none"> — норматив занятости сельского населения; — норматив количества инвалидов; — норматив доходов на душу сельского населения, кратный прожиточному минимуму; — норматив средней продолжительности жизни при рождении; — норматив доли здорового населения; — норматив безработицы сельского населения; — норматив численности сельских жителей, зарегистрированных в органах государственной службы занятости (на одну вакансию).
Стандарты жизнеобеспечения сельского населения	
<ul style="list-style-type: none"> — Норматив охвата детей дошкольным образованием; — норматив численности учащихся на одного учителя; — норматив доступности скорой медицинской помощи; — норматив дорог с асфальтовым покрытием; — норматив пешеходной и автомобильной доступности школ от места жительства; — норматив среднего уровня образования; — норматив обеспеченности педагогическими кадрами; — норматив обеспеченности врачебным персоналом; — норматив нормативной площади жилого помещения; — норматив структуры финансирования образовательных учреждений по уровням бюджетной системы; — норматив численности учащихся на один компьютер; — норматив уровня госпитализации населения; — норматив доставки до медицинских учреждений; — норматив газификации сельских населенных пунктов; — норматив охвата учащихся дополнительным образованием; — норматив количества образовательных учреждений, подключенных к сети интернет; — норматив охвата сельского населения медицинской помощью; — норматив обеспеченности водопроводными сетями; — норматив обеспеченности жилых домов телефонной связью; — норматив соответствия дорог общего назначения техническим требованиям; 	<ul style="list-style-type: none"> — норматив количества регулярных пассажирских маршрутов; — норматив времени прибытия пожарных караулов, служб МЧС, нарядов полиции; — норматив максимальной доли расходов на коммунальные услуги; — норматив отношения платных услуг к объему бюджетного финансирования в образовательных учреждениях; — норматив обращений в медицинские учреждения на 1000 жителей; — норматив средней длительности пребывания в стационаре; — норматив уровня преступности; — норматив безопасности дорожного движения; — норматив количества библиотек; — норматив доступности государственных (муниципальных) учреждений; — норматив радиуса охвата банковскими учреждениями; — норматив числа постоянных пользователей сети интернет; — норматив обеспеченности учреждениями торговли бытового обслуживания; — норматив доли выпускников школ, удовлетворенных условиями обучения; — норматив среднего вызова прибытия поликлинического врача по вызову; — норматив загрязнения воздуха; — норматив уличного освещения; — норматив количества объектов культуры, не требующих капитального ремонта; — норматив предельного увеличения тарифов на услуги естественных монополий; — норматив радиуса обслуживания населенными отделениями связи; — норматив обеспеченности врачебными койками; — норматив пешеходной/автомобильной доступности учреждений здравоохранения.

Поскольку глобальный рост замедляется, пределы экономической модели, основанной на экспорте и конкурентоспособности, становятся все более очевидными. Для решения этой проблемы необходимо повышение роли внутренних источников роста, развитие собственного потенциала территорий. Появляется все больше свидетельств того, что сокращение неравенства и увеличение расходов на социальную политику и услуги положительно влияют на экономику как за счет побочных эффектов со стороны спроса (укрепление внутреннего спроса и противодействие экономическим кризисам), так и за счет предложения, путем повышения квалификации сотрудников, производительности и долгосрочного потенциального роста [Income Inequality..., 2015]. Социальные инвестиции оказывают положительное превентивное воздействие на здоровье и благополучие людей, давая долгосрочную экономию средств государственного бюджета, помогая в обретении веры в политику государства. Население нередко разочаровывается во власти, поскольку она не обеспечивает ему социальную безопасность и благополучие.

Социальные стандарты не должны представлять собой узкий перечень минимальных положений, которые могут спровоцировать возникновение конкуренции за финансовые ресурсы для развития территорий. Их задача — стимулировать процесс восходящей социальной и экономической конвергенции, который обеспечивает постепенно более высокий уровень социальной защиты для всех людей на всей территории страны.

В основе разработки таких стандартов должны лежать принципы адекватности и качества, что подразумевает использование комплексного подхода, обеспечение равных возможностей и равного обращения, а также переосмысление некоторых основных предположений относительно наилучшего способа разработки систем занятости и социальной защиты, таких как определенные политики активизации и способы установления иерархии между социальными льготами. При этом следует констатировать тот факт, что не существует универсального сочетания денежных и натуральных льгот и услуг для каждого жителя, поскольку это во многом зависит от личных характеристик и потребностей заинтересованного лица. Однако необходимо обеспечить комплексную поддержку во всех областях и на протяжении всей жизни человека на любой территории, будь то село или город.

Необходима разработка таких стандартов, которые бы обеспечивали не только необходимый уровень социальной защиты и доходов, высокий уровень занятости, но и всеобщий доступ ко всем услугам и общественным благам.

Справедливая оплата труда и адекватная минимальная заработная плата являются важными компонентами и имеют ключевое значение для защиты людей в сфере занятости, предотвращения дискриминации на рынке труда по любым признакам и решения проблемы бедности, но кроме адекватного уровня доходов необходимы и другие составляющие обеспечения достойного качества жизни населения (доступ к элементам развитой инфраструктуре в области культуры, спорта, досуга; благоустройство территорий и другие).

Сельская местность в России достаточно многофункциональна и для обеспечения ее развития необходимо повышение рентабельности агропромышленного комплекса, улучшение инфраструктуры села, развитие аграрного и зеленого туризма, внедрение минимальных стандартов социальной и коммунальной

инфраструктуры, закрепление статуса молодого специалиста для тех, кто после обучения выезжает работать в село. Все это будет способствовать повышению привлекательности сельской местности для проживания, особенно это важно для молодежи. В данной области одним из наиболее ярких и успешных примеров является Свердловская область, которая начала практическую реализацию уникальной программы редевелопмента сельской местности «Уральская деревня» [Lylov, Semin, Skvortsov, 2019].

Целью программы — устойчивое социально-экономическое развитие села, высокий уровень социального обеспечения населения территории за счет реализации минимальных социальных стандартов. По мнению разработчиков рассматриваемой программы, необходимо решить не менее четырех взаимосвязанных задач для достижения общей цели данной программы и достижения поставленных показателей:

— во-первых, механизм реализации программы должен предусматривать переход к формированию многоотраслевого сельскохозяйственного производства, обеспечивающего экологически чистую сельскохозяйственную продукцию и сырье с применением передовых технологий, робототехники и других научно-технических достижений;

— во-вторых, механизм должен быть адаптивным не только к инновациям, но и к стимулированию развития малого агробизнеса и потребительской кооперации в сельской местности;

— в-третьих, он должен способствовать обеспечению сельского населения надлежащими социально-культурными и жилищными услугами;

— в-четвертых, необходима разработка мер по повышению престижа села и его привлекательности для сельской молодежи.

На международном уровне разработаны руководящие принципы городского и территориального планирования (Guidelines on Urban and Territorial Planning (Guidelines)). Они призваны восполнить пробелы в планировании, предоставляя определенную справочную основу, которая может быть применима в различных масштабах и адаптирована к конкретным территориям с учетом местных особенностей⁶. В них продвигаются ключевые принципы и рекомендации городского и территориального планирования, которые могут помочь всем странам и городам эффективно управлять демографическими изменениями (рост, стагнация или упадок) и повышать качество жизни в существующих или новых поселениях. Так, на уровне муниципалитетов стратегии развития могут определять приоритетность инвестиционных решений и поощрять синергизм и взаимодействие между отдельными территориями.

Каким бы ни был подход, успешная реализация планов всегда требует сильной политической воли, соответствующих партнерских отношений с участием всех соответствующих заинтересованных сторон и трех ключевых компонентов:

— наличия соответствующей нормативно-правовой базы, системы правил и положений, обеспечивающих прочную и предсказуемую основу для территориального развития;

⁶ Guidelines on Urban and Territorial Planning (Guidelines). URL: https://www.uclg.org/sites/default/files/ig-utp_english.pdf (дата обращения: 21.04.2022).

- планирования социальной, культурной инфраструктуры с целью максимального удовлетворения потребностей сельского населения;
- наличия необходимого финансового обеспечения.

Все вышеназванные компоненты должны быть сбалансированы, обеспечивая достижение определенных в стратегических документах показателей, что в свою очередь приведет к усилению межсекторального взаимодействия, развитию механизмов муниципально-частного партнерства. Местным органам власти для этого необходимо согласовывать документы развития территории с отраслевыми и другими территориальными планами, включая планы межтерриториального сотрудничества. Использование территориального подхода позволит местным органам власти лучше решать проблемы пространственного неравенства или неравенства между городом и селом, чтобы более эффективно интегрировать социальные, экономические и экологические аспекты развития в отношении населения и секторов в регионе в целом. Такие подходы могут стать основой для разработки и реализации социальных стандартов и явиться отправной точкой для понимания ключевой динамики между городскими и сельскими территориями, особенно в свете текущих тенденций быстрой урбанизации и массовой миграции. Сельские и городские районы и население во многом взаимосвязаны: сельские продукты продаются на городских рынках, причем последние являются важным источником дохода для сельской экономики; сельские районы также полагаются на города в плане доступа к услугам, занятости и информации; городские районы, в свою очередь, обращаются к сельским за ключевыми товарами и услугами, такими как продукты питания, сырье и природные ресурсы; сельские жители часто переезжают в городские центры временно или постоянно для работы или доступа к услугам, которых часто не хватает в сельской местности (газификация, здравоохранение, дошкольное и общее образование, бытовое обслуживание, транспортные сети и т. д.). Стандартное понимание «территорий» должно выходить за рамки изучения физического пространства как основной единицы анализа.

Заключение

В целом, устойчивое развитие сельских территорий характеризуют, с одной стороны, основные ограничения внешних природных ресурсов, которые формируют отдаленную перспективу, а с другой — возможности социально-экономического развития сельских сообществ, хозяйствующих субъектов, диверсификации экономики территории, формирования новых направлений деятельности и экологической инженерии. Сегодня актуализируется потребность в эффективных концепциях экономического роста, ориентированных в первую очередь на решение демографических, социальных и культурных проблем. Одной из них является концепция инклюзивного роста, тесно связанная с реализацией парадигмы устойчивого развития и заключающаяся в снижении уровня территориального неравенства и равномерном распределении выгод от экономического роста между различными участниками экономической деятельности, а также создании возможностей для включения в процесс создания ВВП как можно большего числа заинтересованных лиц. Для обеспечения инклюзивного и устойчивого территориального развития

необходимо сосредоточить внимание на основных участниках сельской жизни (например, на мелких сельхозпроизводителях, женщинах, молодежи, коренных народах). Должна быть реализована ключевая роль государства в развитии сельской местности при одновременном диалоге между всеми участниками производственного процесса (в том числе между потребителями и производителями), содействующая инклюзивным решениям, отвечающим взаимозависимости города и деревни. В этом отношении социальные стандарты и передовые практики, учитывающие социальные, экологические, экономические аспекты и обеспечение продовольственной безопасности на территориальном уровне, могут сыграть значимую роль в жизни населения, а также в стимулировании частных инвестиций в контексте развития территорий.

Список литературы (References)

Алешина И. В. Социальные стандарты в Российской Федерации — гарантии социальных прав человека // Молодой ученый. 2017. № 41. С. 99—103. URL: <https://moluch.ru/archive/175/45899/> (дата обращения: 20.04.2022).

Aleshina I. V. (2017) Social Standards in the Russian Federation are Guarantees of Social Human Rights. *Young Scientist*. No. 41. P. 99—103. URL: <https://moluch.ru/archive/175/45899/> (accessed: 20.04.2022). (In Russ.)

Бурганов Р. Т., Мавляутдинова Г. С., Гафаров М. Р. Инклюзивная модель роста как механизм устойчивого развития региональных и национальных экономических систем // Казанский экономический вестник. 2020. № 4. С. 33—41. URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F_887141088/KEV.4._1_.pdf (дата обращения: 20.04.2022).

Burganov R. T., Mavlyautdinova G. S., Gafarov M. R. (2020) Inclusive Growth Model as a Mechanism for Sustainable Development of Regional and National Economic Systems. *Kazan Economic Bulletin*. No. 4. P. 33—41. URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F_887141088/KEV.4._1_.pdf (accessed: 20.04.2022). (In Russ.)

Гильфанов Р. Р. Роль инклюзивности в формировании современных принципов устойчивого развития территорий // Научные труды центра перспективных экономических исследований. 2018. № 15. С. 5—10.

Gilfanov R. R. (2018) The Role of Inclusion in the Formation of Modern Principles of Sustainable Development of Territories. *Scientific Works of the Center for Advanced Economic Research*. No. 15. P. 5—10. (In Russ.)

Гильфанов Р. Р. К вопросу о необходимых условиях инклюзивного развития территорий // Научные труды Центра перспективных экономических исследований. 2019. № 17. С. 99—104.

Gilfanov R. R. (2019) On the Issue of Organizational and Managerial Support of the Process of Inclusive Planning of Territory Development. *Scientific Works of the Center for Advanced Economic Research*. No. 17. P. 99—104. (In Russ.)

Гильфанов Р. Р. Концептуальная модель инклюзивного планирования развития сельских территорий // Научные труды Центра перспективных экономических исследований. 2020. № 18. С. 49—55.

Gilfanov R. R. (2020) The Conceptual Model for Inclusive Rural Development Planning. *Scientific Works of the Center for Advanced Economic Research*. No. 18. P. 49—55.

Демичев В. В. Инклюзивное развитие экономики сельского хозяйства России для достижения ЦУР // Статистика — язык цифровой цивилизации: сб. докладов междунар. науч.-практ. конф. «II Открытый Российский статистический конгресс» (Ростов-на-Дону, 4—6 декабря 2018 г.) в 2 т. Т. 1. Ростов н/Д: АзовПринт, 2018. С. 586—592.
Demichev V. V. (2018) Inclusive Development of the Russian Agricultural Economy to Achieve the SDGs. In: *Statistics — The Language of Digital Civilization: Collection of Articles. Reports International. Scientific-Practical Conf. “II Open Russian Statistical Congress” (Rostov-on-Don, December 4—6, 2018) in 2 volumes. Vol. 1. Rostov-on-Don: AzovPrint. P. 586—592.*

Киреева Н. А., Прущак О. В. Инклюзивная модель развития агропродовольственной системы России: теоретико-методологический базис // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2019. № 5. С. 45—50.
Kireeva N. A., Prushchak O. V. (2019) Inclusive Model of Developing of the Agri-Food System of Russia: Theoretical and Methodological Basis. *Bulletin of the Saratov State Social and Economic University*. No. 5. P. 45—50.

Коваленко Е. Г., Полушкина Т. М., Якимова О. Ю. Необходимость разработки социальных стандартов качества жизни сельских жителей // Вестник Поволжского государственного технологического университета. Серия: Экономика и управление. 2018. № 1. С. 56—70.

Kovalenko E. G., Polushkina T. M., Yakimova O. Yu. (2018) The Need to Develop Social Standards for the Quality of Life of Rural Residents. *Vestnik of Volga State University of Technology*. Series: Economy and Management. No. 1. P. 56—70.

Лаврухина Е. А. Социальные ресурсы развития сельских территорий Российской Федерации: социологический анализ: дис. ... д-ра соц. наук. Ростов н/Д, 2013.
Lavrukhina E. A. (2013) *Social Resources of the Development of Rural Areas of the Russian Federation: Sociological Analysis: dis. ... Doctor of Social Sciences. Rostov-on-Don. 20*

Марасанова А. А. Социальные стандарты качества жизни // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2013. № 4. С. 28—36. URL: <http://sgal.bgu.ru/pub.aspx?id=24285> (дата обращения: 22.04.2022).

Marasanova A. A. (2013) Social Standards of Life Quality. *Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy (Baikal State University of Economics and Law. No. 4. P. 28—36. URL: <http://sgal.bgu.ru/pub.aspx?id=24285> (accessed: 22.04.2022). (In Russ.)*

Медведева Л. Н., Вагнер А. С. Стандарты жизнеобеспечения и трудовые ресурсы сельских территорий // Научно-техническое обеспечение агропромышленного комплекса в реализации Государственной программы развития сельского хозяйства до 2020 года: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции (18—19 апреля 2019 г.) / под общ. ред. С. Ф. Сухановой. Курган: Изд-во Курганской ГСХА, 2019. С. 61—67.

Medvedeva L. N., Wagner A. S. (2019) Life Support Standards and Labor Resources of Rural Areas. In: Sukhanova S. F. (ed.) *Scientific and Technical Support of the Agro-Industrial Complex in the Implementation of the State Program for the Development of Agriculture Until 2020: A Collection of Articles Based on the Materials of the International Scientific and Practical Conference (April 18—19, 2019)*. Kurgan: Publishing house of the Kurgan State Agricultural Academy. P. 61—67. (In Russ.)

Медведева Л. Н., Тимошенко М. А. Стандарты жизни и жизнеобеспечения сельских жителей и пенсионеров // Стратегия развития сельского хозяйства в современных условиях — продолжение научного наследия Листопада Г. Е., академика ВАСХНИЛ (РАСХН), доктора технических наук, профессора: национальная научно-практическая конференция. Волгоград: Волгоградский государственный аграрный университет. 2019. С. 44—49.

Medvedeva L. N., Timoshenko M. A. (2019) Standards of Life and Life Support of Rural Residents and Pensioners. Strategy for the Development of Agriculture in Modern Conditions Is a Continuation of the Scientific Heritage of G. E. Listopad, Academician of VASKHNIL (RAAS), Doctor of Technical Sciences, Professor: National Scientific and Practical Conference. Volgograd: Volgograd State Agrarian University. P. 44—49

Михеев В. А. Инклюзивная политика развития человеческого капитала // Власть. 2018. Т. 26. № 1. С. 30—36. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/5628> (дата обращения: 22.04.2022).

Mikheev V. A. (2018) Inclusive Policy of the Human Capital Development. *Vlast' (The Authority)*. Vol. 26. No. 1. P. 30—36. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/5628> (accessed: 22.04.2022). (In Russ.)

Муравьева М. В., Евсюкова Л. Ю. Качество жизни как условие социально-экономического развития сельских территорий // Наука и бизнес: пути развития. 2019. No. 4. С. 153—155. URL: [http://globaljournals.ru/assets/files/journals/science-and-business/94/sb-4\(94\)-2019-main.pdf](http://globaljournals.ru/assets/files/journals/science-and-business/94/sb-4(94)-2019-main.pdf) (дата обращения: 22.04.2022).

Muravyova M. V., Evsyukova L. Yu. (2019) Quality of Life as a Condition for Socio-Economic Development of Rural Territories. *Science and Business: Development Ways*. No. 4. P. 153—155. [http://globaljournals.ru/assets/files/journals/science-and-business/94/sb-4\(94\)-2019-main.pdf](http://globaljournals.ru/assets/files/journals/science-and-business/94/sb-4(94)-2019-main.pdf) (accessed: 22.04.2022). (In Russ.)

Новиков А. И., Виткина М. К. Инклюзивная экономика и социальная ответственность в регионах мира: дилемма или общественное согласие // Региональная экономика и управление. 2018. № 2. URL: <https://eee-region.ru/article/5401/> (дата обращения: 20.04.2022).

Novikov A. I., Vitkina M. K. (2018) Inclusive Economy and Social Responsibility in Regions of the World: Dilemma or Public Consent. *Regional Economy and Management*. No. 2. URL: <https://eee-region.ru/article/5401/> (accessed: 20.04.2022). (In Russ.)

Пахомова Н. В., Рихтер К. К., Малышков Г. Б. Инклюзивный устойчивый рост и стратегия новой индустриализации: институциональные рамки для согласования // Экономика и управление. 2016. № 1. С. 29—37. URL: <https://emjume.elpub.ru/jour/article/view/7> (дата обращения: 20.04.2022).

Pakhomova N. V., Rikhter K. K., Malyshkov G. B. (2016) Inclusive Sustainable Growth and Strategy for New Industrialization: Institutional Framework for Coordination. *Economics and Management*. No. 1. P. 29—37. URL: <https://emjume.elpub.ru/jour/article/view/7> (accessed: 20.04.2022). (In Russ.)

Пашкевич О. А., Левкина В. О., Недюхина О. М., Сивурова О. А. Социальные стандарты качества жизни в сельской местности: оценки, тенденции, перспективы // Вестник Белорусской государственной сельскохозяйственной академии. 2019. № 2. С. 11—17. URL: <https://elc.baa.by/vestnik/vestnik2019-2.pdf> (дата обращения: 20.04.2022). Pashkevich O. A., Levkina V. O., Nedyukhina O. M., Sivurova O. A. (2019) Social Standards of the Quality of Life in Rural Areas: Assessments, Trends, Prospects. *Bulletin of the Belarusian State Agricultural Academy*. No. 2. P. 11—17. URL: <https://elc.baa.by/vestnik/vestnik2019-2.pdf> (accessed: 20.04.2022). (In Russ.)

Пивоварова М. А., Хохлова А. М. Инклюзивное развитие региона // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2015. № 2. С. 215—220. Pivovarova M. A., Khokhlova A. M. (2015) Inclusive Development of the Region. *Innovative Economy: Prospects for Development and Improvement*. No. 2. P. 215—220.

Полушкина Т. М. Повышение качества жизни сельских жителей через внедрение социальных стандартов // Казанский экономический вестник. 2018. № 2. С. 74—79. URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F1614291470/IUEiF._KEV._2_2018__SOKRA ShhENNYJ.MAKET.pdf (дата обращения: 20.04.2022).

Polushkina T. M. (2018) Improving the Quality of Life of Rural Residents Through the Implementation of Social Standards. *Kazan Economic Vestnik*. No. 2. P. 74—79. URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F1614291470/IUEiF._KEV._2_2018__SOKRA ShhENNYJ.MAKET.pdf (accessed: 20.04.2022). (In Russ.)

Заир-Бек С. И., Мерцалова Т. А., Анчиков К. М. Портрет российской сельской школы: Информационно-аналитические материалы по результатам статистических и социологических обследований // Мониторинг экономики образования. № 35. 2020. URL: <https://www.hse.ru/data/2020/11/20/1365428187/Выпуск%2035-2020%20Портрет%20российской%20сельской%20школы.pdf> (дата обращения: 11.11.2020).

Zair-Bek S. I., Mertsalova T. A., Anchikov K. M. (2020) Portrait of a Russian Rural School: Information and Analytical Materials Based on the Results of Statistical and Sociological Surveys. *Monitoring of Education Markets and Organizations*. No. 35. URL: <https://www.hse.ru/data/2020/11/20/1365428187/Выпуск%2035-2020%20Портрет%20российской%20сельской%20школы.pdf> (accessed: 20.04.2022).

Скудалова О. В. Перспективы развития инклюзивной экономики в России // Фундаментальные научные исследования как фактор обеспечения конкурентоспособности общества и государства: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 10 апреля 2020 г. / под общ. ред. Е. П. Ткачевой. Белгород: ООО «Агентство перспективных научных исследований» (АПНИ). 2020. С. 62—65.

Skudalova O. V. (2020) Prospects for the Development of an Inclusive Economy in Russia. In: Tkacheva E. P. (ed.) *Fundamental Scientific Research as a Factor in Ensuring*

the Competitiveness of Society and the State: A Collection of Scientific Papers Based on the Materials of the International Scientific and Practical Conference on April 10, 2020. Belgorod: LLC Agency for Advanced Scientific Research (APNI). P. 62—65.

Усенко Л. Н. Создание агломераций как фактор социально-экономического инклюзивного развития экономики сельских территорий // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. Т. 216. № 2. С. 350—362.

Usenko L. N. (2019) Creating Agglomerations as a Factor of Socio-Economic Inclusive Development of the Economy of Rural Areas. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. Vol. 216. No. 2. P. 350—362.

Шарафутдинов Р. И., Герасимов В. О., Ахметшин Э. М., Габидинова Г. С., Николаева А. А. Исследование инклюзивного роста муниципальных районов и городских округов на примере Республики Татарстан // Экономика и менеджмент систем управления. 2018. Т. 28. № 2. С. 54—59.

Sharafutdinov R. I., Gerasimov V. O., Akhmetshin E. M., Gabidinova G. S., Nikolaeva A. A. (2018) Study of the Inclusive Growth of Municipal Areas and Urban Districts in the Republic of Tatarstan. *Economics and Management of Control Systems*. Vol. 28. № 2. P. 54—59.

Corrado G., Corrado L. (2017) Inclusive Finance for Inclusive Growth and Development. *Current Opinion in Environmental Sustainability*. Vol. 24. P. 19—23. <https://doi.org/10.1016/j.cosust.2017.01.013>.

Derunova E., Kireeva N., Pruschak O. (2020) The Level and Quality of Inclusive Growth Agri-Food System in Modern Conditions. *Scientific Papers: Management, Economic Engineering in Agriculture & Rural Development*. Vol. 20. No. 3. P. 193—206.

Feshari M., Valibeigi M. (2017) Determinants of Inclusive Growth in Iranian Regions (Sure Approach in Panel Data). *Regional Science Inquiry*. Vol. 9. № 1. P. 167—175.

Income Inequality and Labour Income Share in G20 Countries (2015) International Labour Organization, International Monetary Fund, Organisation for Economic Co-operation and Development, World Bank Group. URL: <https://www.oecd.org/g20/topics/employment-and-social-policy/Income-inequality-labour-income-share.pdf> (accessed: 20.04.2022).

Lylov A. S., Semin A. N., Skvortsov E. A. (2019) Development of Rural Areas in Russia in Terms of Program-Target Management. *International Transaction Journal of Engineering, Management, Applied Sciences and Technologies*. Vol. 10. No. 3. P. 335—344. URL: <https://tuengr.com/V10/335M.pdf> (accessed: 20.04.2022).

Mitra A., Das D. (2018) Inclusive Growth: Economics as if People Mattered. *Global Business Review*. Vol. 19. No. 3. P. 756—770. <https://doi.org/10.1177/0972150917713840>.

Ranieri R., Ramos R. A. (2015) After All, What is Inclusive Growth? *International Policy Centre for Inclusive Growth (IPC—IG)*. No. 188. URL: <http://www.worldwewant2015.org/node/350379> (accessed: 10.02.2021).

Rodríguez-Pose A., Tselios V. (2013) Toward Inclusive Growth: Is There Regional Convergence in Social Welfare? *International Regional Science Review*. Vol. 38. No. 1. P. 30—60. <https://doi.org/10.1177/0160017613505201>.

DOI: [10.14515/monitoring.2022.2.2113](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2113)

И. И. Краснопольская, П. Д. Гусева, Л. Мейс, Р. Кнаан

ФАКТОРЫ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЭПИЗОДИЧЕСКИХ ВОЛОНТЕРОВ

Правильная ссылка на статью:

Краснопольская И. И., Гусева П. Д., Мейс Л., Кнаан Р. Факторы удовлетворенности эпизодических волонтеров // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 384—408. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2113>.

For citation:

Krasnopolskaya I. I., Guseva P. D., Meijs L. C., Cnaan R. A. (2022) Determinants of the Episodic Volunteer Satisfaction. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 384–408. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2113>. (In Russ.)

ФАКТОРЫ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЭПИЗОДИЧЕСКИХ ВОЛОНТЕРОВ

КРАСНОПОЛЬСКАЯ Ирина Игоревна — PhD, научный сотрудник научно-учебной лаборатории политических исследований, Институт прикладных политических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: ikrasnopolskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0904-585X>

ГУСЕВА Полина Дмитриевна — преподаватель, кафедра методов сбора и анализа социологической информации, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: pguseva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2340-4230>

МЕЙС Лукас — профессор, департамент менеджмента бизнеса и общества, Роттердамская школа менеджмента, Университет Эразмуса, Роттердам, Нидерланды
E-MAIL: lmeys@rsm.nl
<https://orcid.org/0000-0001-9213-2833>

КНААН Рам — профессор, школа социальной политики и практики, Университет Пенсильвании, Филадельфия, США
E-MAIL: cnaan@upenn.edu
<https://orcid.org/0000-0001-5320-796X>

Аннотация. Статья опирается на тезис о значимости удовлетворенности эпизодических волонтеров для их будущего участия в добровольческой деятельности. Речь идет о тех, кто ситуативно, время от времени присоединяется к работе на разных волонтерских мероприятиях и уходит после

DETERMINANTS OF THE EPISODIC VOLUNTEER SATISFACTION

Irina I. KRASNOPOLSKAYA¹ — PhD, Research Fellow at the Laboratory for Political Studies, Institute for Applied Political Studies
E-MAIL: ikrasnopolskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0904-585X>

Polina D. GUSEVA¹ — Lecturer, Department of Sociological Research Methods, Faculty of Social Sciences
E-MAIL: pguseva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2340-4230>

Lucas C. P. M. MEIJS² — PhD, Professor, Department of Business-Society Management, Rotterdam School of Management
E-MAIL: lmeys@rsm.nl
<https://orcid.org/0000-0001-9213-2833>

Ram A. CNAAN³ — PhD, Professor, School of Social Policy & Practice
E-MAIL: cnaan@upenn.edu
<https://orcid.org/0000-0001-5320-796X>

¹ HSE University, Moscow, Russia

² Erasmus University Rotterdam, Rotterdam, Netherlands

³ University of Pennsylvania, Philadelphia, USA

Abstract. The article relies on the thesis of the importance of the satisfaction of occasional volunteers for their future participation in volunteer activities. The research focuses on those volunteers who occasionally participate in various volunteer activities and leave after their completion. This form of volunteer partic-

их завершения. Такая форма волонтерского участия получила достаточно широкое распространение и приходит на смену регулярному волонтерству в некоммерческих организациях, что указывает на трансформацию парадигмы взаимодействия «некоммерческая организация — волонтер». По результатам опроса эпизодических волонтеров в нашей стране ($n = 2\,494$, 2018) впервые дана их характеристика, а также ответы на вопросы, (1) как удовлетворенность на фоне других возможных факторов влияет на намерение будущего участия эпизодических волонтеров и (2) от чего зависит ее уровень. Выявлено, что для исследуемых волонтеров удовлетворенность более значима, чем другие переменные. При этом организация мероприятия и то, как к волонтеру относились другие члены команды, оказывают наиболее сильное влияние на удовлетворенность. Воспринимаемая принадлежность к НКО также важна для эпизодических волонтеров, и по этому критерию они не сильно отличаются от волонтеров регулярных. Ошибочно редуцировать роль и менеджмент эпизодических волонтеров до простой функции по выполнению несложных рабочих задач.

Ключевые слова: волонтерство, эпизодические волонтеры, менеджмент волонтеров, НКО, устойчивость волонтерства

Благодарность. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

ipation is quite widespread and replaces regular volunteering in nonprofit organizations, which indicates a transformation of the “nonprofit organization — volunteer” interaction paradigm. Based on the survey of episodic volunteers in Russia ($n = 2,494$; 2018), the authors give a characteristic of episodic volunteers for the first time. The article answers the research questions regarding (1) how satisfaction amid other possible factors influences the intention of future participation of episodic volunteers and (2) what the satisfaction of episodic volunteers depends on. Satisfaction is more significant for episodic volunteers' intention to volunteer in the future than other variables. Meanwhile, the event's organization and how other team members treated the volunteer significantly impact satisfaction. The results show that perceived NGO affiliation is important for occasional volunteers, and they are not significantly different from regular volunteers on this criterion. It is a mistake to reduce the role and management of episodic volunteers to the simple function of performing uncomplicated work tasks.

Keywords: volunteering, occasional volunteers, episodic volunteers, volunteer management, NGO, sustainability of volunteering

Acknowledgments. The study was conducted within the Basic Research Program at the HSE University.

Введение

Многие исследователи фиксируют глобальный тренд изменения профиля волонтерского участия [Macduff, 2005; Dunn, Chambers, Hyde, 2016; Dunn et al., 2020]. Речь идет, во-первых, о сокращении длительности волонтерства, о снижении доли долгосрочных регулярных волонтеров в одной некоммерческой организации (НКО) и росте доли краткосрочного волонтерского участия в различных мероприятиях. Во-вторых, волонтеры больше, чем раньше, ориентированы на конкретные проекты и мероприятия, не привязаны к одной организации [Brandsen, Honingh, 2016; Zimmer, Smith, Alijla, 2016]. В-третьих, происходит индивидуализация волонтерского участия, когда основным стимулом становятся цели и мотивы отдельных волонтеров, а не их приверженность конкретной НКО. Организации становятся недостаточно одной социальной миссии для привлечения сторонников-волонтеров, она оказывается в ситуации, когда необходимо доказывать свою эффективность. НКО вынужденно переходят от взаимодействий по модели «доверяй мне» на модель неолiberaлизма «докажи мне» [Zimmer, Pahl, 2018].

Нерегулярных волонтеров называют эпизодическими или событийными, и они отличаются от обычных волонтеров, то есть тех, кто включен в деятельность определенной организации или постоянно с ней сотрудничает. Эпизодические волонтеры (ЭВ) время от времени задействованы в разовых акциях — часто это «высокоинтенсивные» массовые мероприятия [Maas, Meijs, Brudney, 2021], их участие непродолжительно и состоит из выполнения достаточно простых заданий [Snaap et al., 2021]. Например, это может быть помощь при проведении фестивалей, спортивных мероприятий и марафонов, фандрайзинговых событий, культурных, образовательных или экологических мероприятий и т. д. Эпизодические волонтеры скорее заинтересованы в конкретных мероприятиях и проектах, чем в членстве или работе в НКО [Dunn, Chambers, Hyde, 2016; Macduff, 2005; Dunn et al., 2020]. Они не состоят в советах НКО, не задействованы в программах наставничества или регулярных встречах организации, в целом реже, чем «обычные» волонтеры, участвуют в волонтерских мероприятиях по социальной тематике. Чаще всего эпизодическими волонтерами становятся молодежь, студенты и корпоративные волонтеры [Bryen, Madden, 2006].

Количественные показатели роста доли эпизодических волонтеров фиксируются в национальных исследованиях: например, в США доля таких волонтеров оценивается минимум в 40 % [Snaap et al., 2021]. По данным о годовых часах участия от трети до двух третей волонтеров в США — это эпизодические волонтеры. Аналогичные оценки получены в Австралии (от 38 % до 69%), Канаде (от 50 % до 59 %) и Великобритании (от 44 % до 78 %) [Hyde, Dunn, Scuffham, Chambers, 2014], а также в нашей стране (58 % волонтеров можно отнести к эпизодическим)¹. Учитывая, что объем волонтерского участия достаточно велик в пересчете на полную занятость и эквивалентен 109 млн работников полной занятости [Lough, Tiessen, Lasker, 2018], то изучение эпизодических волонтеров, того, почему они продолжают участвовать, а не уходят после первого опыта, значимо как для академических исследователей, так и для практиков в НКО и волонтерских организациях.

¹ Мерсиянова И. Кто он — российский волонтер? // Благосфера. 2019. URL: <https://blagosfera.ru/blog/kto-on-rossijskij-volonter/> (дата обращения: 12.11.2020).

Наша статья основана на предположении об отличии структуры факторов повторного участия для волонтеров с разной продолжительностью задействованности. Несмотря на наличие исследований о повторном участии волонтеров, вопрос о релевантности полученных данных для эпизодических волонтеров остается открытым. Исследователи подтверждают, что для ЭВ важны не все те факторы, которые значимы для регулярных волонтеров [Macduff, 2005]. Например, в работе [Chacón, Vecina, Davila, 2007] показано, что для долгосрочных волонтеров важна приверженность организации в то время, как для начинающих волонтеров на первом месте находятся мотивы участия и удовлетворенность волонтерским опытом. Ролевая идентичность с НКО не является значимым фактором в этом случае. Аналогичные выводы получены в исследовании [Cho, Wong, Chiu, 2020].

Если смотреть традиционные теории волонтерской деятельности, например, модель продолжительности волонтерского участия [Chacón, Vecina, Davila, 2007] или модель волонтерского участия [Omoto, Snyder, 1995; Finkelstein, 2008], то в них обосновываются отличия волонтеров в зависимости от продолжительности участия. Так, повторное участие обычных волонтеров во многом связано с положительными индивидуальными эффектами: чувством принадлежности, приверженности организации, социальными поощрениями и социальными связями, ощущением собственного вклада в решение проблемы и т. д. [Bang, Ross, 2009; Yeung, 2018]. В связи с непродолжительным и разовым участием, а также со спецификой выполняемых заданий эпизодическим волонтерам доступны не все такие эффекты [Haski-Leventhal, Meijs, Hustinx, 2010].

Следуя этой логике, мы полагаем, что удовлетворенность волонтерским опытом — наиболее значимый фактор будущего участия для эпизодических волонтеров. Проверка данного предположения является первым вопросом статьи, а именно, (1) как удовлетворенность на фоне других возможных факторов влияет на намерение будущего участия? Далее мы задаем второй вопрос статьи, (2) что влияет на удовлетворенность участников эпизодического волонтерства? Действительно, учитывая краткосрочность участия, у НКО остается немного возможностей, чтобы применить обычные практики управления и удержания волонтеров, основанные на презумпции долгосрочного взаимодействия. Следовательно, НКО должны организовать мероприятие и коммуникацию так, чтобы максимально повысить удовлетворенность участников и шансы на их повторное участие [Maas, Meijs, Brudney, 2021].

Понимание поведения ЭВ и того, что влияет на их будущее участие, позволит более четко определить отличия между регулярными и эпизодическими волонтерами в более широком теоретическом и практическом контексте. Знание факторов повторного участия будет полезно для сотрудников НКО при выстраивании коммуникации с волонтерами.

Новизна исследования определяется, во-первых, новизной эмпирических данных об эпизодических волонтерах в целом, без привязки к отдельным направлениям или социально-демографическим характеристикам, за исключением нескольких работ, посвященных студенческому событийному волонтерству [Кузьминчук, Певная, Тимиршина, 2018; Мазниченко и др., 2019; Певная, Калинина,

2015] и участию в спортивных мега-событиях [Телепаева, Певная, Кузьминчук, 2018; Сухарькова, 2021; Романова, Макарова, Шашков, 2014]. Во-вторых, русскоязычные исследования по большей части фокусируются на характеристиках волонтеров, но не на организационно-управленческой составляющей работы с волонтерами и связи менеджмента с намерением будущего участия. Действительно, в основном работы анализируют социально-демографические и психологические характеристики волонтеров [Гулевич, Шевелева, Фомичев, 2013; Расходчикова, Сачкова, 2019], рассматривают особенности отдельных направлений волонтерства [Краснов, Жикина, 2021; Воробьева, Скипор, 2020], мотивы участия в волонтерской деятельности [Шуваева, 2016; Шуваева, Петрова, 2015; Клепикова, 2011; Сухарькова, 2017; Старшинова, Лукичева, 2019] и оценивают эффективность добровольческой деятельности и работы добровольческих организаций [Оценка экономической и социальной эффективности..., 2018; Ветитнев, Круглова, 2016; Романова, Мазниченко, Макарова, 2016]. В-третьих, наше исследование является проверкой применимости и универсальности общих факторов и стимулов повторного волонтерского участия, поскольку сейчас не так очевидно, совпадает ли управление эпизодическими волонтерами с принципами менеджмента регулярных волонтеров. Будет ли намерение повторного участия волонтеров одинаковым при одинаковом управлении? В этом контексте наше исследование — продолжение более широкой дискуссии о применимости общих подходов управления волонтерами к ЭВ и созвучно более ранней дискуссии о том, подойдут ли волонтерам управленческие модели, применяемые для оплачиваемых сотрудников коммерческих компаний [Meijs, 2021]?

Статья организована следующим образом. В отдельном параграфе дана краткая характеристика волонтерства в нашей стране и описан путь развития эпизодического участия. Далее мы обосновываем связь между удовлетворенностью волонтеров и намерением будущего участия, разбираем основные факторы удовлетворенности. Во второй части представлена эмпирическая база и методология исследования. В третьей мы анализируем модели исследования, там же приводятся эмпирический портрет эпизодических волонтеров и факторы удовлетворенности по результатам онлайн-опроса ($N = 2494$). В заключении отвечаем на вопрос о том, что полученные результаты дают для понимания эпизодического волонтерства и его отличий от традиционного регулярного волонтерского участия.

Контекст волонтерской деятельности в России

Для нашей страны история роста эпизодического волонтерского участия актуальна несмотря на то, что этапа регулярного волонтерского участия в пользу одной организации у нас не было. Сегодня более половины тех, кто имеет опыт волонтерства (58 %) участвуют в событийном волонтерстве². При том, что доля тех, кто занимается волонтерской работой через НКО стабильно невысока и, по данным опросов, находится на уровне 2—11 % от населения в целом, а по данным Росстата — только 2,42 % населения старше 15 лет занимались

² Мерсиянова И. Кто он — российский волонтер? // Благосфера. 2019. URL: <https://blagosfera.ru/blog/kto-on-rossijskij-volonter/> (дата обращения: 12.11.2020).

волонтерской деятельностью в СО НКО³. Всего в стране от 44 % до 82 % россиян оказывали помощь незнакомым людям за период от месяца до года по данным различных опросов⁴.

Развитие волонтерства в нашей стране можно условно разделить на два этапа. Своеобразным водоразделом стало проведение спортивных мегасобытий и Олимпиады-2014. Для подготовки Олимпиады была создана инфраструктура ресурсных центров, занимавшихся привлечением и обучением волонтеров по всей стране, что стимулировало развитие массового волонтерства. По данным Ассоциации волонтерских центров, по состоянию на 2020 г. функционирует 65 ресурсных центров развития волонтерства, еще 7 — в процессе создания⁵. Во многом этому способствует интенсивная государственная политика по развитию и финансовой поддержке волонтерской деятельности. Например, был принят ряд законодательных инициатив по регламентированию, обеспечению нормативной базы, поддержке работы волонтерских организаций и развитию инфраструктуры, включая «Концепцию развития добровольчества (волонтерства) в РФ до 2025 года» [Волонтерство и благотворительность в России..., 2019]. Во время пандемии, как и в других ситуациях кризиса [Cnaan, Handy, 2005] волонтерское участие граждан выросло, хотя существенных изменений опросы и не фиксируют. Волонтеры присоединяются как к проектам НКО и масштабным инициативам, например, к общероссийской акции #МыВместе [Певная и др., 2021; Носкова, 2020], так и действуют самостоятельно⁶. Новые волонтеры привлечены общей ситуацией кризиса, часть из них участвует эпизодически, вовлекаясь в отдельные мероприятия.

Удовлетворенность как фактор будущего участия и что на нее влияет

Связь между удовлетворенностью и будущим участием часто объясняют через логику функциональной модели мотивов Клари [Clary et al., 1998] или с помощью аргументов теории социального обмена [Blau, 1968]. В первом случае волонтер участвует в мероприятии, чтобы удовлетворить собственную разноплановую мотивацию. Во втором — волонтер оценивает баланс затрат и вознаграждения, связанный с конкретным мероприятием, и на этой основе принимает решение об участии. Решение о повторном участии основано на балансе ожиданий — удовлетворении исходных мотивов или получении ожидаемого и достаточного вознаграждения в той или иной форме. Исследования по управлению волонтерами убедительно показывают, что успешный менеджмент обязательно стремится выравнивать организационный контекст в соответствии с ожиданиями участников

³ Федеральное статистическое наблюдение в сфере государственной молодежной политики за 2019 год // Росстат. 2020. 1 января. URL: <https://fadm.gov.ru/activity/statistic> (дата обращения: 28.07.2021).

⁴ Корнеева И., Краснополянская И., Скокова Ю. Работа с цифрами: почему данные о масштабах волонтерской деятельности отличаются между собой? // Филантроп. 2019. 25 октября. URL: <https://philanthropy.ru/analysis/2019/10/25/81813/> (дата обращения: 10.11.2020).

⁵ Скокова Ю. А., Краснополянская И. И., Корнеева И. Е., Максименкова М. С., Сорокина А. А. «Третья миссия» университета: развитие волонтерской деятельности студентов и сотрудников. 2020. URL: https://drive.google.com/file/d/1wXUUXy1r5GUwR34pA2M_E-4u8y9EVqNG/view (дата обращения: 28.07.2021)

⁶ Мерсиянова И. Кто он — российский волонтер? // Благосфера. 2019. URL: <https://blagosfera.ru/blog/kto-on-rossijskij-volonter/> (дата обращения: 12.11.2020).

в плане мотивов и потребностей, что повышает намерение дальнейшего участия [Studer, Von Schnurbein, 2013].

Положительную связь между удовлетворенностью и будущим участием подтверждают результаты большого числа социальных исследований [Cho, Wong, Chiu, 2020; Fairley et al., 2013]. Например, одни из наиболее авторитетных исследователей волонтерства показали связь между удовлетворенностью, приверженностью организации и повторным участием [Omoto, Snyder, 1995]. Другие авторы, анализируя ответы 340 эпизодических волонтеров пришли к выводу, что удовлетворенность, приверженность и финансовая поддержка наиболее значимы для удержания волонтеров [Hyde et al., 2014]. Третьи продемонстрировали, что удовлетворенность волонтеров — не просто один из самых сильных, а единственный значимый предиктор, положительно связанный с намерением продолжить волонтерскую деятельность в конкретной НКО [Garner, Garner, 2011]. В работе нидерландских социологов приведен обзор исследований эпизодических волонтеров, подтверждающий значимость удовлетворенности для будущего участия [Maas, Meijs, Brudney, 2021]. В нашей стране исследование подростков-волонтеров, проведенное Т. Киселевой [Киселева, 2013], также продемонстрировало взаимосвязь между удовлетворенностью волонтерской деятельностью и желанием ее продолжать в ближайшем будущем. Практически все исследования показывают, что для начинающих волонтеров, кого в нашем случае можно приравнять к эпизодическим волонтерам, удовлетворенность участием имеет большую значимость, чем ролевая идентичность и приверженность НКО.

Ситуации эпизодического привлечения волонтеров отличаются от мероприятий, в которых добровольцы участвуют регулярно и продолжительно. Участие ситуативных волонтеров очень концентрировано по времени и содержанию, а взаимодействие с НКО и благополучателями ограничено. В таких условиях значимость организационных факторов, того, как было организовано участие, приобретает особую важность. Действительно, эмпирические исследования подтверждают, что качество организации мероприятия и работы с эпизодическими волонтерами влияет на их удовлетворенность [Cho, Wong, Chiu, 2020], а недостатки в организации работы с волонтерами часто ведут к отказу от дальнейшего участия [Dunn et al., 2020; Costa et al., 2006; Dwyer et al., 2013].

На удовлетворенность как независимую переменную влияет ряд факторов. В основном они касаются непосредственного опыта волонтеров на мероприятии, который условно можно разделить на основные стадии: (1) привлечение волонтеров, (2) мероприятие и работа волонтеров на нем, (3) завершение и благодарность [Cnaan, Heist, Storti, 2017]. Эти стадии образуют комплексную среду, формирующую волонтерский опыт, и соответственно, определяют характеристику удовлетворенности и намерение будущего участия. В Таблице 1 мы проанализировали основные индексы, которые используются для эмпирического измерения уровня удовлетворенности волонтеров и выделили основные факторы, влияющие на него (см. табл. 1).

Таблица 1. Факторы удовлетворенности волонтеров в основных эмпирических подходах к измерению удовлетворенности

Компоненты индексов удовлетворенности	Исследования
<p>Volunteer Satisfaction Index [Galindo-Kuhn, Guzley, 2002]:</p> <ul style="list-style-type: none"> — <i>качество коммуникации</i>: объем информационного потока от организации к волонтерам, ясность получаемой волонтерами информации, выражение признания и возможность обратной связи; — <i>рабочее задание</i>: соответствие задания знаниям и умениям волонтеров; — <i>эффективность участия</i>: субъективное восприятие полезности проделанной работы; — <i>организационная поддержка</i>: образовательные и эмоциональные ресурсы; — <i>групповая интеграция</i>: отношения между волонтерами и оплачиваемыми сотрудниками. 	<p>Исследования, где применяли индекс:</p> <ul style="list-style-type: none"> — спортивные волонтеры [Pauline, 2011; Kim et al., 2019]; — социальная сфера [Jensen, Mckeage, 2015]; — здоровый образ жизни [Sharpe et al., 2020]; — исследование роли лидеров [Senses-Ozyurt, Villicana-Reyna, 2016]; — мотивация волонтеров [Garner, Garner, 2011].
<p>Удовлетворенность волонтера:</p> <ul style="list-style-type: none"> — обучением; — распределением рабочих задач; — вознаграждением; — распределением вознаграждений; — признанием; — поддержкой; — равенством; — отношениями между волонтерами и оплачиваемыми; — сотрудниками. 	<p>[Green, Chalip, 2004]</p>
<p>Удовлетворенность волонтера:</p> <ul style="list-style-type: none"> — реализацией мотивов участия; — заданием на мероприятии; — менеджментом НКО, в которой работал волонтер. 	<p>[Vecina et al., 2012]</p>
<ul style="list-style-type: none"> — Индекс по прилагательным. Самооценка опыта: удовлетворительный, приносящий вознаграждение, увлекательный, интересный, важный, разочаровывающий, приятный, трудный и скучный. — Индекс по утверждениям. Степень согласия с пятью утверждениями об удовлетворительности полученного опыта в целом. 	<p>[Omoto, Snyder, 1995] [Dwyer et al., 2013] [Ramalingam et al., 2019]</p>
<p>Удовлетворенность волонтера:</p> <ul style="list-style-type: none"> — признанием респондента как волонтера; — полученным заданием; — волонтерским опытом в целом. 	<p>[Fairley et al., 2013]</p>

На основе анализа основных исследовательских инструментов, представленных в таблице 1, а также с учетом других исследований волонтерского опыта, мы разработали схему факторов удовлетворенности участием в мероприятиях эпизодического волонтерства. Каждый из факторов является гипотезой исследования (см. рис. 1).

Рис. 1. Факторы удовлетворенности опытом волонтерской деятельности

Характеристика волонтерского задания (тип и время). Волонтерские мероприятия отличаются по типу и функционалу участия. Роль волонтеров в каждом из таких мероприятий сильно отличается. Каждый тип выполняемого задания подразумевает разный уровень вовлеченности и требует от волонтера разный объем ресурсов, знаний и умений, так же, как и подразумевает разную отдачу. Например, это может быть помощь физическая, в проведении мероприятий, в том числе спортивных, в ликвидации последствий природных катаклизмов, а также более «сложная» интеллектуальная помощь в юридической, образовательной и иной деятельности.

Можно предположить, что удовлетворенность волонтеров, помогающих с навигацией посетителям какого-либо массового мероприятия, будет отличаться от удовлетворенности волонтера, участвующего в просветительском проекте в музее. Во втором случае выше уровень вовлеченности в ситуацию, волонтер глубже погружен в проблему, поэтому он больше ценит свое участие и удовлетворен собственным вкладом в проект. На вовлеченность волонтеров в деятельность НКО могут влиять самостоятельность принимаемых решений, соответствие компетенций волонтера поставленным задачам и длительность волонтерской работы [Шуваева, 2013], которые зависят от типа задания. Исследования как оплачиваемых [Grant, 2012] сотрудников, так и волонтеров [Humphrey, Nahrgang, Morgeson, 2007], подтверждают значимость типа выполняемой работы, включая уровень ответственности, для общей удовлетворенности от работы. Так, например, волонтеры Олимпийских и Паралимпийских игр — 2014 в наименьшей степени были удовлетворены аспектами волонтерской работы, связанными с востребо-

ванностью профессионального опыта, так как их ожидания относительно соответствия задания их уровню компетенций не были оправданы [Романова, Макарова, Шашков, 2014]. Следовательно, гипотезы исследования связаны с вовлеченностью и погруженностью волонтера в ситуацию и мероприятие.

Гипотеза Н1. Тип волонтерского задания связан с уровнем удовлетворенности ЭВ.

Гипотеза Н2. Время, потраченное на выполнение волонтерского задания, положительно связано с уровнем удовлетворенности ЭВ.

Организация работы волонтеров на мероприятии (обучение, возможность объяснений от организаторов, вознаграждение). Обучение, инструктаж, четкое описание задания волонтера и ожидаемых результатов, знакомство с организацией, а также возможность задавать вопросы по участию позволит волонтеру лучше ориентироваться в мероприятии и собственной роли в нем. Предполагается, что это помогает выравниванию ожиданий волонтера и его непосредственного опыта участия [Studer, 2016]. Такой баланс ожиданий и опыта влияет на удовлетворенность участием — если между ними нет расхождения, то уровень удовлетворенности скорее будет высоким [Cuskelly et al., 2006].

Выражение благодарности со стороны организации или ее доноров за сделанную работу считается значимым фактором удовлетворенности волонтерством [Спаан, Cascio, 1999]. Наличие поощрения или благодарности в устной, письменной форме или в виде сувениров оказывает положительное влияние на общий уровень удовлетворенности. Различные формы благодарности создают у волонтеров впечатление важности их деятельности и сопричастности к событию [Мартынова, Суркова, Любушкин, 2018]. А за счет того, что организаторы отвечают на вопросы волонтеров и оказывают поддержку, у волонтеров снижается уровень неопределенности и тревожности [Maas, Meijs, Brudney, 2021]. Следующие три гипотезы касаются характеристик организации работы волонтеров на всех этапах участия.

Гипотеза Н3. Проведение обучения перед началом работы положительно связано с уровнем удовлетворенности ЭВ.

Гипотеза Н4. Наличие возможности в процессе работы обратиться к кому-то с вопросом или просьбой о помощи положительно связано с уровнем удовлетворенности волонтеров участием в ЭВ.

Гипотеза Н5. Наличие вознаграждения (материального или нет) за волонтерскую работу положительно связано с уровнем удовлетворенности волонтеров участием в ЭВ.

Принадлежность к команде. Ролевая модель волонтера и его приверженность организации как фактор удовлетворенности встречается практически во всех исследованиях. Командный дух, отношение со стороны сотрудников и других волонтеров значимо влияют на удовлетворенность [Studer, 2016; Galindo-Kuhn, Guzley, 2002]. Совместная работа волонтеров и оплачиваемых сотрудников, ответственность оплачиваемых сотрудников за знакомство волонтеров с работой НКО, выполнение волонтерами и оплачиваемыми сотрудниками аналогичных заданий значительно увеличивает уровень удовлетворенности и вероятность продолжения волонтерской деятельности в НКО [Garner, Garner, 2011]. Большая дистанция между ролями волонтера и штатного сотрудника приводит к отсутствию чувства

включенности в коллектив [Истомина, Старовойт, 2016]. Так, последняя гипотеза касается воспринимаемого уровня принадлежности волонтера к команде.

Гипотеза Н6 Отношение к волонтерам как к членам одной команды положительно связано с уровнем удовлетворенности ЭВ.

Методология

Информационная база. Статья основана на результатах российского этапа международного сравнительного исследования эпизодического волонтерства. Исследование проведено в 2018—2019 гг. в 22 странах по единому инструментарию по инициативе университета Пенсильвании в США и Роттердамской школы менеджмента Университета Эразмус в Нидерландах.

Для исследования в России инструментарий был адаптирован авторами статьи при участии сотрудников Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ. Для сбора данных использован метод онлайн-опроса, на вопросы отвечали те, кто указал, что разово был волонтером на каком-либо событии и не является постоянным волонтером в организации. Рассылка анкеты по базам волонтерских организаций и сбор данных проведен Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ. Объем выборки составил 2494 человека.

Для ответа на исследовательские вопросы анализируются две модели.

Исследовательский вопрос 1: как удовлетворенность на фоне других возможных факторов влияет на намерение будущего участия? В первой модели зависимой переменной является готовность участвовать в волонтерской деятельности в будущем, а независимой — уровень удовлетворенности ЭВ участием в программах в целом (при контроле социально-демографических факторов). Готовность принимать участие в будущем измерялась при помощи вопроса: «Если эта же НКО попросит Вас принять участие в качестве волонтера в другом краткосрочном событии, мероприятии в будущем, что Вы ответите?» с вариантами ответа 1 = готов, 0 = не готов.

Исследовательский вопрос 2: что влияет на удовлетворенность участников эпизодического волонтерства? В этой модели в качестве зависимой переменной выступает уровень удовлетворенности, в качестве независимых — характеристики волонтерского задания, организация работы волонтеров на мероприятии, принадлежность к команде, социально-демографические факторы. Уровень удовлетворенности волонтеров измерялся вопросом: «В целом, как бы Вы оценили свой опыт волонтерства на данном мероприятии?» по пятибалльной шкале. Переменная перекодирована в бинарную, где 1 = удовлетворен («очень хорошо», «хорошо»), 0 = не удовлетворен («удовлетворительно», «плохо», «очень плохо»).

В качестве независимых были включены 3 группы переменных, соответствующие концептуальной модели удовлетворенности (см. рис. 1) и гипотезам исследования:

1. Характеристика волонтерского задания

Тип волонтерского задания измерялся при помощи ответов на вопрос: «Какое именно у Вас было волонтерское задание на этом мероприятии?» и предложены варианты: лидер волонтеров/группы волонтеров, организация мероприятия,

непосредственное взаимодействие с благополучателями/посетителями, помощь привлеченным на мероприятие специалистам и экспертам, уборка после мероприятия.

Время, потраченное на волонтерское задание, измерялось закрытым вопросом «Сколько всего часов Вы потратили на волонтерскую работу на этом мероприятии?».

2. Организация работы волонтеров на мероприятии

Обучение перед началом работы. Бинарная переменная на основе вопроса «Проводилось ли ваше обучение как волонтера перед началом работы?».

Получение информации от организатора о задании и времени работы. Переменная фиксировалась при помощи вопроса: «Получали ли Вы информацию от организатора о Вашем волонтерском задании и времени работы?», значения 0 = не получал никакой информации касательно волонтерской работы, 1 = получал информацию и о волонтерском задании, и о времени работы, 2 = да, получал только информацию о волонтерском задании, 3 = да, получал информацию только о времени работы.

Возможность обратиться к кому-то с вопросами или просьбой о помощи в процессе волонтерской работы. Бинарная переменная на основе вопроса «Могли ли Вы обратиться к кому-то с вопросами или просьбой о помощи касательно Вашей волонтерской деятельности? Например, это мог быть кто-то из организаторов мероприятия или лидер волонтеров».

3. Принадлежность к команде

Ощущение принадлежности к команде измерялось через отношение к волонтеру как к члену команды со стороны других участников процесса. Было включено 3 дихотомических переменных: отношение как к члену одной команды со стороны оплачиваемых сотрудников организации; отношение как к члену одной команды со стороны волонтеров, как постоянных, так и эпизодических; отношение как к члену одной команды со стороны клиентов и благополучателей организации.

Поощрение, благодарность за волонтерскую работу. «Получали ли Вы какое-то поощрение или благодарность за Вашу волонтерскую работу на данном мероприятии? Если да, то что именно?». Ответы перекодированы в бинарную переменную с двумя вариантами ответов 1 = были поощрения или благодарности в одной из форм, 0 = не было поощрений и благодарностей.

Помимо основных предикторов в модели были включены контрольные переменные, описывающие социально-демографические характеристики опрошенных: пол, возраст (18—34 года, 35—44 года, 45—54 года, 55 лет и старше), уровень образования (есть высшее образование / нет высшего образования), уровень дохода (ниже среднего, среднее, выше среднего) и тип населенного пункта (города-миллионники и другие типы населенных пунктов).

Поскольку зависимая переменная может принимать только два значения, для оценки факторов, влияющих на зависимые переменные, была использована модель бинарной логистической регрессии. Данный метод позволяет предсказать вероятность наступления изучаемого события Y в зависимости от объясняющих переменных $X_1 \dots X_p$, используя логит-преобразование зависимой переменной. Результаты интерпретируются с помощью коэффициента регрессии β и экспонента коэффициента регрессии $\beta - \exp(\beta)$, отражающего изменение шансов наступле-

ния изучаемого события, ассоциируемого с изменением предиктора по сравнению с базовой категорией. Отрицательное значение коэффициента β означает уменьшение шансов, положительное — увеличение. В качестве объясняющих переменных (x) в модель были включены 6 независимых переменных и 4 контрольных переменных. Было оценено две модели — модель, содержащая полный набор предикторов, и модель, содержащая только значимые предикторы. Выбор модели осуществлялся на основе анализа псевдо R^2 , процента правильно предсказанных значений объясняемой переменной при заданном пороге, критериев чувствительности и специфичности.

Результаты: портрет эпизодических волонтеров

Судя по социально-демографическим характеристикам, эпизодические волонтеры — это чаще женщины, чем мужчины (76 % против 24 %), средний возраст — чуть старше 30 лет, в основном — с высшим (57 %) или незаконченным высшим (14 %) образованием, со средним доходом и проживающие преимущественно в городах с населением 1 млн человек и более (41 %). Что касается рода занятий, в основном это специалисты (28 %), студенты (26 %) и люди, занимающие руководящие должности (14 %).

Эпизодические волонтеры участвовали в мероприятиях в сфере культуры, искусства и досуга (24 %), спорта (18 %), помогали на конференциях, семинарах, круглых столах (18 %), участвовали в мероприятиях по благоустройству и экологии (18 %), а также помогали в сборе средств (16 %). Основными мотивами называли желание участвовать в интересной деятельности (58 %), получить эмоциональное удовлетворение (49 %), встретиться с новыми людьми (36 %). Своим гражданским долгом волонтерство называют четверть опрошенных — 26 %. Параллельно с волонтерской деятельностью, эпизодические волонтеры активно участвуют в благотворительности — три четверти из них совершали денежные пожертвования за последний год.

Результаты: менеджмент волонтеров очень важен для их удовлетворенности

В исследовании мы анализировали две основные модели: является ли удовлетворенность самой влиятельной переменной для будущего участия эпизодических волонтеров или нет (см. табл. 2), какие факторы больше всего влияют на удовлетворенность (см. табл. 3).

В целом результаты подтвердили значимость удовлетворенности как основного предиктора будущего участия, а также вклад менеджмента волонтерского участия и воспринимаемой волонтером принадлежности к команде в итоговый уровень удовлетворенности. Гипотезы исследования также нашли подтверждение.

1. Характеристика волонтерского задания (гипотезы 1—2, тип и время участия) статистически значимо влияет на удовлетворенность эпизодических волонтеров. Так, волонтеры скорее будут довольны своим опытом, если у них были ответственные задания по организации мероприятия или они непосредственно общались с посетителями и благополучателями. Волонтеры, занимавшиеся уборкой, с меньшей вероятностью будут довольны участием. Гипотеза о положительной связи

времени, затраченного на волонтерское участие, и удовлетворенности, также подтвердилась: те, кто проработал более 20 часов, с большей вероятностью будут удовлетворены участием, чем те, кто работал меньшее время.

2. Организация работы волонтеров на мероприятии (гипотезы 3—5, обучение, обратная связь, вознаграждение) значимо связана с удовлетворенностью участием. Если было проведено обучение перед началом работы, если волонтер может обратиться с вопросом к организаторам или другим сотрудникам, если получает благодарность в той или иной форме, то с большей вероятностью он будет удовлетворен участием. При этом возможность задать вопрос и получить разъяснения от организаторов оказалась самым значимым фактором.

3. Восприятие принадлежности к команде (гипотеза 6, отношение к волонтеру). Отношение к волонтеру как к члену команды со стороны постоянных сотрудников и волонтеров, а также со стороны других эпизодических волонтеров и благополучателей оказалось самым сильным предиктором удовлетворенности среди остальных переменных.

Интересно, что удовлетворенность участием не зависит от социально-демографических характеристик эпизодических волонтеров. Вероятно, это указывает на то, что содержательные факторы преобладают при прочих равных условиях.

**Табл. 2. Результаты бинарной логистической регрессии:
 зависящая переменная — готовность участвовать в будущем**

Переменные	B (S.E.)	Exp (B)
Удовлетворенность (база = не удовлетворен)	2,342 (0,178)	10,399***
Пол (база = мужчины)	0,071 (0,165)	1,073
Возраст (база = 18—34 года)		
35—44 года	−0,716 (0,189)	0,489***
45—54 года	−1,084 (0,259)	0,338***
55 и старше	−0,685 (0,255)	0,504***
Уровень образования (база = нет в/о)		
есть в/о	0,885 (0,213)	2,424***
Материальное положение семьи (база = ниже среднего)		
среднее	−0,314 (0,251)	0,731
выше среднего	−0,345 (0,269)	0,709
Тип населенного пункта (база = не город-миллионник)		
город-миллионник	0,558 (0,138)	1,748***
Константа	−2,854 (0,332)	0,058***
N	2479	
Log Likelihood	1515,178	

* $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$. Приведены робастные стандартные ошибки.

**Табл. 3. Результаты бинарной логистической регрессии:
 зависимая переменная — уровень удовлетворенности**

Переменные	B (S.E.)	Exp (B)
Тип волонтерского задания (гипотеза 1)		
Лидер волонтеров, группы волонтеров	1,364 (0,282)	3,910***
Организация мероприятия	0,412 (0,190)	1,510**
Взаимодействие с благополучателями	0,435 (0,179)	1,544**
Помощь привлеченным специалистам и экспертам	-0,002 (0,236)	0,998
Уборка после мероприятия	-0,469 (0,282)	0,626*
Время на выполнение задания (гипотеза 2) (база = менее 20 часов)		
20 часов и более	0,786 (0,248)	2,196**
Обучение волонтеров (база = не проводилось)	0,523 (0,180)	1,688**
Возможность обратиться с вопросом, просьбой (база = не было возможности)	0,852 (0,257)	2,345***
Вознаграждение (база = нет вознаграждения)	0,632 (0,203)	1,881**
Относились к волонтеру как к члену команды со стороны		
Оплачиваемые сотрудники (база = не относились)	0,755 (0,310)	2,129**
Постоянные волонтеры (база = не относились)	1,243 (0,300)	3,467***
Эпизодические волонтеры (база = не относились)	1,552 (0,339)	4,721***
Клиенты и благополучатели организации (база = не относились)	1,956 (0,322)	7,071***
Пол (база = мужчины)	0,193 (0,193)	1,213
Возраст (база = 18—34 года)		
35—44 года	-0,113 (0,225)	0,893
45—54 года	0,034 (0,273)	1,035
55 и старше	-0,267 (0,290)	0,766
Уровень образования (база = нет в/о)		
Есть в/о	0,292 (0,251)	0,747
Материальное положение семьи (база = ниже среднего)		
Среднее	0,058 (0,314)	1,059
Выше среднего	0,095 (0,338)	1,100
Тип населенного пункта (база = не город-миллионник)		
Город-миллионник	0,014 (0,174)	1,014
Константа	-5,034 (0,688)	0,007***
N	2455	
Log Likelihood	1055,537	

* $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$. Приведены робастные стандартные ошибки.

Обсуждение и заключение

Целью исследования было разобраться в логике повторного участия эпизодических волонтеров и факторах, на него влияющих. Результаты показывают, что удовлетворенность от участия сильнее всего влияет на намерение волонтера присоединиться к другому волонтерскому мероприятию в будущем. В определенном смысле эпизодические волонтеры являются потребителями мероприятия, в котором участвуют, а не поставщиками услуг, как это происходит с «обычными» волонтерами. В этом контексте хорошо организованное мероприятие через общую удовлетворенность помогает волонтерам чувствовать себя комфортнее и создает добавленную ценность и намерение последующего участия, что в целом подтверждает выводы зарубежных исследователей [Maas, Meijs, Brudney, 2021].

Интересно, что, судя по иерархии факторов удовлетворенности, эпизодические волонтеры не так сильно отличаются от регулярных волонтеров, как можно предположить, исходя из «простого и кратковременного» участия. Для ЭВ крайне важно чувство принадлежности к команде мероприятия и организации, понимание цели и своего вклада в общее дело оказалось также крайне значимым. Вероятно, можно считать, что эпизодические волонтеры — это не отдельный «тип волонтеров», а новая форма участия, которую, однако, нельзя редуцировать до простой рабочей силы, что подтверждает предположения, выдвинутые российскими исследователями [Кузьминчук, Певная, Тимиршина, 2018].

Ошибочно упрощать роль эпизодических волонтеров до простой функции на мероприятиях, а факторы их повторного участия ограничивать только организационным характеристикам мероприятия. Для удовлетворенности волонтерским опытом необходима не только хорошая организация, но и усилия по вовлечению и принятию эпизодических волонтеров основной командой. Результаты проверки гипотез показывают: несмотря на то, что по определению эпизодические волонтеры выполняют простые задания, для них важно, что именно они делают, важно получать обратную связь от организаторов и хорошо понимать смысл задания и свою роль в общем деле. Другие исследования подтверждают положительную связь мотивации обычных волонтеров с возможностью общения во время выполнения волонтерского задания, с наличием обучения, а также с возможностью выполнять ответственные задания, которые могут пригодиться в дальнейшей профессиональной жизни [Cnaan, Handy, 2005; Cnaan, Heist, Storti, 2017]. Вовлечение в работу, понимание своего вклада в общую цель мероприятия позволяет эпизодическим волонтерам сформировать ролевую модель и принадлежность к мероприятию.

Полученные результаты дополняют выводы последних зарубежных эмпирических исследований по волонтерскому менеджменту, в которых показывается, что признание — это важный и необходимый элемент в управлении эпизодическими волонтерами [Cho, Wong, Chiu, 2020; Dunn et al., 2020]. Традиционное управление эпизодическими волонтерами, когда организаторы больше сосредоточены на проектном менеджменте и соблюдении организационных процедур, необходимо дополнить коммуникациями с эпизодическими волонтерами и адаптировать менеджмент для достижения баланса между ожиданиями волонтеров и непосредственно выполняемой работой, то есть соответствия ожиданий реальному опыту участия [Stirling, Kilpatrick, Orpin, 2011; Taylor et al., 2006].

Список литературы (References)

Ветитнев А. М., Круглова М. С. Эффективность управления волонтерским движением в Российской Федерации: методология проведения оценки // Управленец. 2016. № 5. 63. С. 22—28. URL: <https://upravlennets.usue.ru/ru/-2016/364> (дата обращения: 19.04.2022).

Vetitnev A. M., Kruglova M. S. (2016) Efficient Management of the Volunteer Movement in the Russian Federation: An Assessment Methodology. *The Manager*. No. 5. P. 22—28. URL: <https://upravlennets.usue.ru/ru/-2016/364> (accessed: 19.04.2022). (In Russ.)

Волонтерство и благотворительность в России и задачи национального развития: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9—12 апр. 2019 г. / под общ. ред. И. В. Мерсияновой. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2019.

Mersiyanova I. V. (ed.) (2019). Volunteering and Charity in Russia and Tasks of National Development: dokl. to XX Apr. intl. scientific conf. on Problems of Development of the Economy and Society, Moscow, 9—12 April. 2019. Moscow: HSE Publishing House.

Воробьева А. Е., Скипор С. И. Сравнительный анализ характеристик деятельности зооволонтеров и волонтеров, помогающих людям // Человеческий капитал. 2020. № 9. С. 253—263. <https://doi.org/10.25629/HC.2020.09.23>.

Vorobieva A. E., Skipor S. I. (2020) Comparative Analysis of Characteristics of the Activities of Volunteers with Nonhuman Animals and Volunteers Helping People. *Chelovecheskij Kapital*. No. 9. P. 253—263. <https://doi.org/10.25629/HC.2020.09.23>. (In Russ.)

Гулевич О. А., Шевелева И. А., Фомичев А. А. Помощь как стиль жизни: психологические аспекты волонтерской деятельности // Социальная психология и общество. 2013. Т. 4. № 2. С. 5—20. URL: https://psyjournals.ru/social_psy/2013/n2/60943.shtml (дата обращения: 19.04.2022).

Gulevich O. A., Sheveleva I. A., Fomichev A. A. (2013) Helping as a Lifestyle: Psychological Aspects of Volunteering. *Social Psychology and Society*. Vol. 4. No. 2. P. 5—20. URL: https://psyjournals.ru/social_psy/2013/n2/60943.shtml (accessed: 19.04.2022). (In Russ.)

Истомина А. Г., Старовойт Э. Л. Организационные паттерны социального волонтерства в Германии и России // Социологический журнал. 2016. Т. 22. № 2. С. 92—109. <https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.2.4257>.

Istomina A. G., Starovoyt E. L. (2016) Organizational Patterns of Social Volunteerism in Germany and in Russia. *Sociological Journal*. Vol. 22. No. 2. P. 92—109. <https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.2.4257>. (In Russ.)

Киселева Т. Г. Мотивация и эрзац-мотивация волонтерской деятельности // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 2. № 4. С. 33—37. URL: http://vestnik.yspu.org/releases/2013_4pp/08.pdf (дата обращения: 25.04.2022).

Kiseleva T. G. (2013) Motivation and Ersatz-Motivation of Volunteer Activity. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. Vol. 2. No. 4. P. 33—37. URL: http://vestnik.yspu.org/releases/2013_4pp/08 (accessed: 25.04.2022). (In Russ.)

Клепикова А. А. Добровольцы благотворительной организации в государственном учреждении для людей с тяжелой инвалидностью: конструкты волонтерства и профессионализма // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9. № 3. С. 391—416.

Klepikova A. A. (2011) Volunteers of a Charity Organization in the State Run Institutions for Severely Disabled People: The Constructs of Volunteerism and Professionalism. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 9. No. 3. P. 391—416. (In Russ.)

Краснов А. В., Жикина Л. Р. Особенности ценностной сферы волонтеров в связи с предпочитаемым направлением мероприятий // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2021. № 1. С. 22—30. <https://doi.org/10.24412/2308-717X-2021-1-22-30>.

Krasnov A. V., Zhikina L. R. (2021) Features of the Value Sphere of Volunteers in Connection with the Preferred Direction of Events. *Vestnik PSHPU. Series 1. Psychological and Pedagogical Sciences*. No. 1. P. 22—30. <https://doi.org/10.24412/2308-717X-2021-1-22-30>. (In Russ.)

Кузьминчук А. А., Певная М. В., Тимиршина Е. Р. Направления молодежного добровольчества: специфика и перспективы развития // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 2. С. 68—77.

Kuzminchuk A. A., Pevnaya M. V., Timirshina E. R. Types of Youth Volunteering: Specificity and Prospects of Development. *Surgut State Pedagogical University Bulletin*. No. 2. P. 68—77. (In Russ.)

Мазниченко М. А. Папазян, Г. С., Попов, Д. И., Черемшанов, С. В. Исследование развивающего потенциала студенческого событийного волонтерства // Вестник РМАТ. 2019. № 2. С. 24—34. URL: http://www.rmat.ru/wyswyg/file/about/vestnik/2019/2019_2.pdf (дата обращения: 19.04.2022).

Maznichenko M. A., Papazyan G. S., Popov D. I., Cheremshanov S. V. (2019) Research of Student Event Volunteering and Its Development Potential. *Vestnik RMAT*. No. 2. P. 24—34. URL: http://www.rmat.ru/wyswyg/file/about/vestnik/2019/2019_2.pdf (accessed: 19.04.2022). (In Russ.)

Мартынова М. Д., Суркова И. М., Любушкин В. С. Международное событие как источник личностного роста волонтера: социологический опрос и кейсы (на примере волонтерской программы Волонтерского центра Чемпионата мира по футболу FIFA 2018 в России и городе-организаторе Саранск) // *Primo Aspectu*. 2018. № 2. С. 33—40.

Martynova M. D., Surkova I. M., Lubushkin V. S. (2018) International Event as a Source of Volunteer Personal Growth: Sociological Survey and Cases (Experience of Volunteer's Program of Voluntee's Center of Football World Cup FIFA 2018 in Russia, Host-City Saransk). *Primo Aspectu*. No. 2. P. 33—40. (In Russ.)

Носкова О. П. Институт волонтерства как современная форма общественной солидарности на примере всероссийской акции #МыВместе // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Т. 6. № 4. С. 368—379. <https://doi.org/10.18255/2412-6519-2020-4-368-379>.

Noskova O. P. (2020) Institute of Volunteering as a Modern Form Social Solidarity for Example of the All-Russian Project #WeAreTogether. *Social'nye i Gumanitarnye Znanija*. Vol. 6. No. 4. P. 368—379. <https://doi.org/10.18255/2412-6519-2020-4-368-379>. (In Russ.)

Оценка экономической и социальной эффективности добровольческой деятельности: методические подходы и проблемы реализации / под общ. ред. И. В. Мерсияновой. М.: Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, 2018.

Mersiyanova I. V. (ed.) (2018) Evaluation of the Economic and Social Effectiveness of Volunteering: Methodological Approaches and Problems of Implementation. Moscow: National Research University Higher School of Economics.

Певная М. В., Калинина А. Н. Перспективы международного молодежного волонтерства в российских вузах // Университетское управление: практика и анализ. 2015. № 6. С. 78—89.

Pevnaya M. V., Kalinina A. N. (2015) The Perspectives of International Youth Volunteering in Russian Universities. *University Management: Practice and Analysis*. No. 6. P. 78—89. (In Russ.)

Певная М. В., Кульминская А. В., Широкова Е. А., Шуклина Е. А. Волонтерское участие молодежи в период пандемии: портрет героя сложного времени // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3. С. 492—510. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1930>.

Pevnaya M. V., Kulminskaya A. V., Shirokova E. A., Shuklina E. A. (2021) Volunteering Youth During the Pandemic: A Portrait of a Hero of a Difficult Time. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 492—510. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1930>. (In Russ.)

Расходчикова М. Н., Сачкова М. Е. Взаимосвязь психологических особенностей студентов и их готовности к волонтерской деятельности // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24. № 6. С. 85—95. <https://doi.org/10.17759/pse.2019240608>.

Raskhodchikova M. N., Sachkova M. Y. (2019) Interrelation of Psychological Features of Students and Their Willingness for Volunteer Activity. *Psychological Science and Education*. Vol. 24. No. 6. P. 85—95. <https://doi.org/10.17759/pse.2019240608>. (In Russ.)

Романова Г. М., Мазниченко М. А., Макарова И. Н. Мониторинг эффективности деятельности волонтерских организаций как элемент сервисного сопровождения спортивных и экскурсионных турпродуктов // Теория и практика физической культуры. 2016. № 1. С. 53—55. URL: <http://www.teoriya.ru/ru/node/4877> (дата обращения: 19.04.2022).

Romanova G. M., Maznichenko, M. A., Makarova, I. N. (2016) Monitoring of Effectiveness of Volunteer Organizations as Part of Service Support of Sports and Excursion Tourism Products. *Theory and Practice of Physical Culture*. No. 1. P. 53—55. URL: <http://www.teoriya.ru/ru/node/4877> (accessed: 19.04.2022). (In Russ.)

Романова Г. М., Макарова И. Н., Шашков А. В. Удовлетворенность волонтеров Олимпийских и Паралимпийских игр 2014 г. различными аспектами организации волонтерской деятельности // Известия Сочинского государственного университета. 2014. № 2. С. 50—58. URL: http://www.vestnik.sutr.ru/journals_n/1405864036.pdf (дата обращения: 19.04.2022).

Romanova G. M., Makarova I. N., Shashkov A. V. (2014) Satisfaction of the Volunteers of the Olympic and Paralympic Games 2014 with Various Aspects of the Organization of Volunteer Activity. *Bulletin of the Sochi State University*. No. 2. P. 50—58. URL: http://www.vestnik.sutr.ru/journals_n/1405864036.pdf (accessed: 19.04.2022). (In Russ.)

Старшинова А. В., Лукичева Ю. В. Особенности мотивации учащейся молодежи к волонтерской деятельности // Материалы XXII Международной конференции памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования». Екатеринбург: УрФУ, 2019. С. 633—645. Starshinova A., Lukicheva Yu. (2019) Peculiarities of Motivation of Students for Young People to Volunteer Activity. *Proceedings of the XXII International Conference in memory of Professor L. N. Kogan "Culture, Personality, Society in the Modern World: Methodology, Experience of Empirical Research."* Yekaterinburg: Ural federal university. P. 633—645. (In Russ.)

Сухарькова М. П. Подходы к изучению мотивации участия в практиках волонтерства // Теория и практика общественного развития. 2017. № 9. С. 12—16. <https://doi.org/10.24158/tipor.2017.9.2>.

Sukharkova M. P. (2017) Approaches to Studying Motivation to Participate in Volunteer Practices. *Theory and Practice of Social Development*. No. 9. P. 12—16. <https://doi.org/10.24158/tipor.2017.9.2>. (In Russ.)

Сухарькова М. П. Социальный, человеческий и политический капитал олимпийских волонтеров // Социальная компетентность. 2021. Т. 6. № 3. С. 362—372. URL: <http://sociacom.ru/journals/2021-6/n3/a10/> (дата обращения: 19.04.2022). Sukharkova M. P. (2021) Social, Human and Political Capital of Olympic Volunteers. *Social Competence*. Vol. 6. No. 3. P. 362—372. URL: <http://sociacom.ru/journals/2021-6/n3/a10/> (accessed: 19.04.2022). (In Russ.)

Телепаева Д. Ф., Певная М. В., Кузьминчук А. А. Социальный капитал спортивных волонтеров крупного российского региона // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4. № 3. С. 108—120. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-9>.

Telepaeva D. F., Pevnaya M. V., Kuzminchuk A. A. (2018) Social Capital of Sports Volunteers in the Large Russian Region. *Research Result. Sociology and Management*. Vol. 4. No. 3. P. 108—120. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-9>. (In Russ.)

Шуваева Е. И. Факторы, влияющие на вовлеченность волонтеров в деятельность благотворительных организаций // Практический маркетинг. 2013. № 8. С. 28—33. URL: http://www.bci-marketing.ru/2013/pm13_08.pdf (дата обращения: 19.04.2022). Shuvaeva E. I. (2013) Influencing Factors on Volunteers' Involvement in Charity Organization Activities. *Practical Marketing*. No. 8. P. 28—33. URL: http://www.bci-marketing.ru/2013/pm13_08.pdf (accessed: 19.04.2022). (In Russ.)

Шуваева Е. И. Концептуальная модель благотворительного поведения волонтера: мотивация и вовлеченность волонтеров в деятельность благотворительной организации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2016. Т. 10. № 2. С. 167—176. <https://doi.org/10.14529/em160222>.

Shuvaeva E. I. (2016) A Conceptual Model of Charitable Behaviour of Volunteers: Motivation and Involvement of Volunteers in Activities of Charitable Organizations. *Bulletin of the South Ural State University. Series, Economics and Management*. Vol. 10. No. 2. P. 167—176. <https://doi.org/10.14529/em160222>. (In Russ.)

Шуваева Е. И., Петрова Н. В. Мотивация и вовлеченность студентов в благотворительную деятельность // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 6. № 3. С. 88—100.

Shuvaeva E. I., Petrova N. V. (2015) Students' Motivation and Their Engagement in Charity. *Pushkin Leningrad State University Journal*. Vol. 6. No. 3. P. 88—100. (In Russ.)

Bang H., Ross S. D. (2009) Volunteer Motivation and Satisfaction. *Journal of Venue and Event Management*. Vol. 1. No. 1. P. 61—77.

Blau P. M. (1968) Social Exchange. *International Encyclopedia of The Social Sciences*. Vol. 7. No. 4. P. 452—457.

Brandsen T., Honingh M. (2016) Distinguishing Different Types of Coproduction: A Conceptual Analysis Based on the Classical Definitions. *Public Administration Review*. Vol. 76. No. 3. P. 427—435. <https://doi.org/10.1111/puar.12465>.

Bryen L. M., Madden K. M. (2006) *Bounce-Back of Episodic Volunteers: What Makes Episodic Volunteers Return? Working Paper No. CPNS 32*. [Working Paper].

Chacón F., Vecina M. L., Davila M. C. (2007) The Three-Stage Model of Volunteers' Duration of Service. *Social Behavior and Personality: An International Journal*. Vol. 35. No. 5. P. 627—642. <https://doi.org/10.2224/sbp.2007.35.5.627>.

Cho H., Wong Z. E., Chiu W. (2020) The Effect of Volunteer Management on Intention to Continue Volunteering: A Mediating Role of Job Satisfaction of Volunteers. *SAGE Open*. April 2020. <https://doi.org/10.1177%2F2158244020920588>.

Clary E. G., Snyder M., Ridge R. D., Copeland J., Stukas A. A., Haugen J., Miene P. (1998) Understanding and Assessing the Motivations of Volunteers: A Functional Approach. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 74. No. 6. P. 1516—1530. URL: <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/0022-3514.74.6.1516> (accessed: 19.04.2022).

Cnaan R. A., Cascio T. A. (1999) Performance and Commitment: Issues in Management of Volunteers in Human Service Organizations. *Journal of Social Service Research*. Vol. 24. No. 3—4. P. 1—37. https://doi.org/10.1300/J079v24n03_01.

Cnaan R. A., Handy F. (2005) Towards Understanding Episodic Volunteering. *Vrijwillige Inzet Onderzocht*. Vol. 2. No. 1. P. 29—35.

Cnaan R. A., Heist H. D., Storti M. H. (2017) Episodic Volunteering at a Religious Megaevent: Pope Francis's Visit to Philadelphia. *Nonprofit Management and Leadership*. Vol. 28. No. 1. P 85—104. <https://doi.org/10.1002/nml.21268>.

Cnaan R. A., Meijs L., Brudney J. L., Hersberger-Langloh S., Okada A., Abu-Rumman S. (2021) You Thought That This Would Be Easy? Seeking an Understanding of Episodic Volunteering. *Voluntas*. <https://doi.org/10.1007/s11266-021-00329-7>.

Costa C. A., Chalip L., Green B. C., Simes C. (2006) Reconsidering the Role of Training in Event Volunteers' Satisfaction. *Sport Management Review*. Vol. 9. No. 2. P. 165—182. [https://doi.org/10.1016/S1441-3523\(06\)70024-9](https://doi.org/10.1016/S1441-3523(06)70024-9).

Cuskelly G., Taylor T., Hoye R., Darcy S. (2006) Volunteer Management Practices and Volunteer Retention: A Human Resource Management Approach. *Sport Management Review*. Vol. 9. No. 2. P. 141—163. [https://doi.org/10.1016/S1441-3523\(06\)70023-7](https://doi.org/10.1016/S1441-3523(06)70023-7).

Dunn J., Chambers S. K., Hyde M. K. (2016) Systematic Review of Motives for Episodic Volunteering. *Voluntas*. Vol. 27. P. 425—464. <https://doi.org/10.1007/s11266-015-9548-4>.

Dunn J., Scuffham P., Hyde M. K., Stein K., Zajdlewicz L., Savage A., Heneka N., Ng S.-K., Chambers S. K. (2020) Designing Organisational Management Frameworks to Empower Episodic Volunteering. *Voluntas*. <https://doi.org/10.1007/s11266-020-00226-5>.

Dwyer P. C., Bono J. E., Snyder M., Nov O., Berson Y. (2013) Sources of Volunteer Motivation: Transformational Leadership and Personal Motives Influence Volunteer Outcomes. *Nonprofit Management and Leadership*. Vol. 24. No. 2. P. 181—205. <https://doi.org/10.1002/nml.21084>.

Fairley S., Lee Y., Green B. C., Kim M. L. (2013) Considering Cultural Influences in Volunteer Satisfaction and Commitment. *Event Management*. Vol. 17. No. 4. P. 337—348. <https://doi.org/10.3727/152599513X13728763846492>.

Finkelstein M. A. (2008) Volunteer Satisfaction and Volunteer Action: A Functional Approach. *Social Behavior and Personality: An International Journal*. Vol. 36. No. 1. P. 9—18. <https://doi.org/10.2224/sbp.2008.36.1.9>.

Galindo-Kuhn R., Guzley R. M. (2002) The Volunteer Satisfaction Index: Construct Definition, Measurement, Development, and Validation. *Journal of Social Service Research*. Vol. 28. No. 1. P. 45—68. https://doi.org/10.1300/J079v28n01_03.

Garner J. T., Garner L. T. (2011) Volunteering an Opinion: Organizational Voice and Volunteer Retention in Nonprofit Organizations. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. Vol. 40. No. 5. P. 813—828. <https://doi.org/10.1177%2F0899764010366181>.

Grant A. M. (2012) Giving Time, Time after Time: Work Design and Sustained Employee Participation in Corporate Volunteering. *Academy of Management Review*. Vol. 37. No. 4. P. 589—615. <https://doi.org/10.5465/amr.2010.0280>.

Green B. C., Chalip L. (2004) Paths to Volunteer Commitment: Lessons from the Sydney Olympic Games. In: In: Stebbins R. A., Graham M. (eds.) *Volunteering as Leisure/Leisure*

as *Volunteering: An International Assessment*. Oxon; Cambridge, MA: CABI Publ. P. 49—67. <https://doi.org/10.1079/9780851997506.0049>.

Haski-Leventhal D., Meijs L. C., Hustinx L. (2010) The Third-Party Model: Enhancing Volunteering through Governments, Corporations and Educational Institutes. *Journal of Social Policy*. Vol. 39. No. 1. P. 139—158. <https://doi.org/10.1017/S0047279409990377>.

Humphrey S. E., Nahrgang J. D., Morgeson F. P. (2007) Integrating Motivational, Social, and Contextual Work Design Features: A Meta-Analytic Summary and Theoretical Extension of the Work Design Literature. *Journal of Applied Psychology*. Vol. 92. No. 5. P. 1332—1456. URL: <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/0021-9010.92.5.1332> (accessed: 19.04.2022).

Hyde M. K., Dunn J., Bax C., Chambers S. K. (2014) Episodic Volunteering and Retention: An Integrated Theoretical Approach. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. Vol. 45. No. 1. P. 45—63. <https://doi.org/10.1177%2F0899764014558934>.

Hyde M. K., Dunn J., Scuffham P. A., Chambers S. K. (2014) A Systematic Review of Episodic Volunteering in Public Health and Other Contexts. *BMC Public Health*. Vol. 14. P. 1—16. <https://doi.org/10.1186/1471-2458-14-992>.

Jensen K. B., Mckeage K. K. (2015) Fostering Volunteer Satisfaction: Enhancing Collaboration through Structure. *The Journal of Nonprofit Education and Leadership*. Vol. 5. No. 3. P. 174—189.

Kim H., Choe Y., Kim D., Kim J. J. (2019) For Sustainable Benefits and Legacies of Mega-Events: A Case Study of the 2018 PyeongChang Winter Olympics from the Perspective of the Volunteer Co-Creators. *Sustainability*. Vol. 11. No. 9. 2473. <https://doi.org/10.3390/su11092473>.

Lough B. J., Tiessen R., Lasker J. N. (2018) Effective Practices of International Volunteering for Health: Perspectives from Partner Organizations. *Globalization and Health*. Vol. 14. No. 11. <https://doi.org/10.1186/s12992-018-0329-x>.

Maas S. A., Meijs L. C., Brudney J. L. (2021) Designing “National Day of Service” Projects to Promote Volunteer Job Satisfaction. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. Vol. 50. No. 4. P. 866—888. <https://doi.org/10.1177%2F0899764020982664>.

Macduff N. (2005) Societal Changes and the Rise of the Episodic Volunteer. *Emerging Areas of Volunteering*. Vol. 1. No. 2. P. 49—61.

Meijs L. C. (2021) Volunteer Stewardship Management Models for Volunteer Programs. In: Holmes K., Lockstone-Binney L., Smith K. A., Shipway R. (eds.) *The Routledge Handbook of Volunteering in Events, Sport and Tourism*. London: Routledge. P. 249—257.

Omoto A. M., Snyder M. (1995) Sustained Helping without Obligation: Motivation, Longevity of Service, and Perceived Attitude Change among AIDS Volunteers. *Journal Of Personality and Social Psychology*. Vol. 68. No. 4. P. 671—686. URL: <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/0022-3514.68.4.671> (accessed: 19.04.2022).

Pauline G. (2011) Volunteer Satisfaction and Intent to Remain: An Analysis of Contributing Factors among Professional Golf Event Volunteers. *International Journal of Event Management Research*. Vol. 6. No. 1. P. 10—32.

Ramalingam L., Sharifuddin J., Mohamed Z. A., Ali F. (2019) Motivation and Satisfaction of Volunteers for Community-Based Urban Agriculture Programmes. *International Social Science Journal*. Vol. 69. No. 231. P. 49—62. <https://doi.org/10.1111/issj.12196>.

Senses-Ozyurt S., Villicana-Reyna N. (2016) Leadership Characteristics and Volunteer Retention in Nonprofit Organizations. *The Journal of Nonprofit Education and Leadership*. Vol. 6. No. 4. P. 350—374. <https://doi.org/10.18666/JNEL-2016-V6-I4-6521>.

Sharpe P. A., Wilcox S., Stucker J., Kinnard D., Bernhart J., James K. L. (2020) Community Health Advisors' Characteristics and Behaviors, Role Performance, and Volunteer Satisfaction in a Church-Based Healthy Eating and Physical Activity Intervention. *Journal of Community Health*. No. 45. P. 88—97. <https://doi.org/10.1007/s10900-019-00722-w>.

Stirling C., Kilpatrick S., Orpin P. (2011) A Psychological Contract Perspective to the Link Between Non-Profit Organizations' Management Practices and Volunteer Sustainability. *Human Resource Development International*. Vol. 14. No. 3. P. 321—336. <https://doi.org/10.1080/13678868.2011.585066>.

Studer S. (2016) Volunteer Management: Responding to the Uniqueness of Volunteers. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. Vol. 45. No. 4. P. 688—714. <https://doi.org/10.1177%2F0899764015597786>.

Studer S., Von Schnurbein G. (2013) Organizational Factors Affecting Volunteers: A Literature Review on Volunteer Coordination. *Voluntas*. No. 24. P. 403—440. <https://doi.org/10.1007/s11266-012-9268-y>.

Taylor T., Darcy S., Hoye R., Cuskelly G. (2006) Using Psychological Contract Theory to Explore Issues in Effective Volunteer Management. *European Sport Management Quarterly*. Vol. 6. No. 2. P. 123—147. <https://doi.org/10.1080/16184740600954122>.

Vecina M. L., Chacón F., Sueiro M., Barrón A. (2012) Volunteer Engagement: Does Engagement Predict the Degree of Satisfaction among New Volunteers and the Commitment of Those Who Have Been Active Longer? *Applied Psychology*. Vol. 61. No. 1. P. 130—148. <https://doi.org/10.1111/j.1464-0597.2011.00460.x>.

Yeung J. W. (2018) Are Religious People Really More Helpful? Public and Private Religiosity and Volunteering Participation. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. Vol. 47. No. 6. P. 1178—1200. <https://doi.org/10.1177%2F0899764018783277>.

Zimmer A., Pahl B. (2018) Barriers to Third Sector Development. In: Enjolras B., Salamon L. M., Sivesind K. H., Zimmer A. *The Third Sector as a Renewable Resource for Europe*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 125—160. https://doi.org/10.1007/978-3-319-71473-8_5.

Zimmer A., Smith D. H., Alijla A. (2016) Political Parties and Political Volunteering/Participation. In: *The Palgrave Handbook of Volunteering, Civic Participation, and Nonprofit Associations*. London: Palgrave Macmillan. P. 495—515. https://doi.org/10.1007/978-1-137-26317-9_24.

DOI: [10.14515/monitoring.2022.2.1949](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1949)

Е. А. Цацура, Н. Ю. Ключева

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ, УСЛОВИЯ ЖИЗНИ И ПОТРЕБНОСТИ ЛЮДЕЙ В СИТУАЦИИ БЕЗДОМНОСТИ В МОСКВЕ

Правильная ссылка на статью:

Цацура Е. А., Ключева Н. Ю. Социально-демографические характеристики, условия жизни и потребности людей в ситуации бездомности в Москве // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 409—429. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1949>.

For citation:

Tsatsura E. A., Klueva N. Yu. (2022) Socio-Demographic Characteristics, Living Conditions, and Needs of Homeless People in Moscow. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 409–429. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1949>. (In Russ.)

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ, УСЛОВИЯ ЖИЗНИ И ПОТРЕБНОСТИ ЛЮДЕЙ В СИТУАЦИИ БЕЗДОМНОСТИ В МОСКВЕ

SOCIO-DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS, LIVING CONDITIONS, AND NEEDS OF HOMELESS PEOPLE IN MOSCOW

ЦАЦУРА Елена Алексеевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социального анализа и прогнозирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: tsatsura-ea@ranepa.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9142-2070>

Elena A. TSATSURA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher, Institute for Social Analysis and Forecasting
E-MAIL: tsatsura-ea@ranepa.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9142-2070>

КЛЮЕВА Надежда Юрьевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии младшего школьника Института детства, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; руководитель, Служба помощи бездомным Каритас Архиепархии Божией Матери в Москве, Москва, Россия
E-MAIL: nadia.klueva@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4741-2064>

Nadezhda Yu. KLUEVA^{2,3} — Cand. Sci. (Psy.), Associated Professor at the Institute of Childhood; Project manager
E-MAIL: nadia.klueva@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4741-2064>

Аннотация. Во многих развитых странах проблематика бездомности в течение последних десятилетий прочно вошла в основную политическую повестку как серьезный вызов для благополучия населения. Это находит отражение в стратегических документах и законодательстве. В России, к сожалению, поддержка людей в ситуации бездомности пока не носит необходимого системного характера. В стране фактически нет данных о бездомных людях, за исключением статистики, которая собирается на уровне специализированных государственных учреждений, не находится в открытом доступе и не объединяется в какую-либо общую базу. В основу данной работы легли результаты проведенного в 2019 г. в Москве (где можно

Abstract. In many developed countries, the problem of homelessness has firmly entered the main political agenda over the past decades as a serious challenge to the well-being of the population. This is reflected in strategic documents and legislation. In Russia, unfortunately, support for homeless people does not yet have the necessary systemic character. In addition, there is virtually no official data on homeless people, with the exception of statistics that are collected at the level of specialized state institutions and that are not publicly available and are not combined into any common database. This study is based on the results of a survey conducted in 2019 in Moscow, a region with — supposedly — the highest level of homelessness. The authors

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

² Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia

³ Caritas of Mother of God Archdiocese in Moscow, Moscow, Russia

предполагать самый высокий уровень бездомности) опроса 297 бездомных людей — жителей социальных центров и посетителей дневных центров и точек раздачи питания. С опорой на подходы, признающие бездомность результатом влияния как структурных, так и индивидуальных факторов, в статье представлен анализ социально-демографических характеристик, условий жизни, потребностей людей в ситуации бездомности в зависимости от места рождения, причин попадания на улицу, длительности пребывания там, сохранности контактов с родственниками. Опрос показал, что для родившихся в Москве первый опыт бездомности, как правило, оказывается длительным, а для родившихся в других регионах это чаще временные трудности, однако ситуация имеет тенденцию к повторению. Только треть среди опрошенных граждан России не имеют регистрации по месту жительства, при этом четко прослеживается быстрый рост доли таких людей по мере увеличения стажа бездомности. Непосредственно на улице регулярно ночует около половины опрошенных, среди других мест ночевки самые распространенные — вокзалы, подъезды, электрички, аэропорты, реже — социальные учреждения, трудовые дома и квартиры знакомых и родственников. Несмотря на то что у многих опрошенных есть опыт обращения в государственные и некоммерческие организации, получаемая там помощь далеко не в полной мере соответствует потребностям людей, оказавшихся на улице. Все это свидетельствует о необходимости развития соответствующего направления государственной социальной политики, равно как и деятельности негосударственных организаций, помогающих людям в ситуации бездомности.

surveyed 297 homeless people — residents of social centers and visitors to day centers and food distribution points. Based on approaches that recognize homelessness as a result of the influence of both structural and individual factors, the article presents an analysis of socio-demographic characteristics, living conditions, the needs of people in a situation of homelessness, depending on the place of birth, the reasons for getting into the street, the length of stay there, and maintaining contact with relatives. The survey showed that for those born in Moscow, the first experience of homelessness usually turns out to be long, and for those born in other regions, these are more often temporary difficulties, but the situation tends to repeat itself. Only a third of the respondents do not have registration at their place of residence, and there is a clear increase in the proportion of such people as the experience of homelessness increases. About half of the respondents regularly spend the night directly on the street, among other places of overnight stays the most common are railway stations, entrances, electric trains, airports, less often shelters, work houses and apartments of acquaintances and relatives. Despite the fact that many of the respondents have experience of seeking help from state and non-profit organizations, the assistance received there is far from fully meeting the needs of people who find themselves on the street. All this stresses the importance to develop both state social policy and the activities of non-governmental organizations that help homeless people.

Ключевые слова: бездомность, бездомные люди, бедность, социальная политика, миграция

Keywords: homelessness, homeless, poverty, social policy, migration

Благодарность. В работе использованы результаты проекта «Социально-информационный центр для людей в ситуации бездомности» Каритас Архиепархии Божией Матери» в Москве, выполненного в 2019 году. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы — государственного задания РАНХиГС и научно-исследовательской работы МПГУ.

Acknowledgments. The work uses the results of the project «Social Information Center for People in a Homeless Situation» carried out in 2019 by the Caritas of Mother of God Archdiocese of Moscow. The article was prepared as part of the research work — the state assignment of the RANEPA and the research work of the Moscow State Pedagogical University.

Во многих развитых странах проблематика бездомности в течение последних десятилетий прочно вошла в основную политическую повестку как серьезный вызов для благополучия населения. Это находит отражение в стратегических документах и законодательстве. В России, к сожалению, поддержка людей в ситуации бездомности пока не носит необходимого системного характера. Государственных центров социальной адаптации и негосударственных организаций, помогающих бездомным людям, недостаточно (так, по данным на конец 2018 г., в стране было 138 государственных учреждений для бездомных, имеющих 8069 мест¹), их возможности по выводу людей из ситуации бездомности ограничены, а в законодательстве зачастую не учитывается сама возможность для человека в такую ситуацию попасть. С 1990-х годов идет дискуссия о том, что нужен отдельный закон о бездомности, несколько законопроектов рассматривались, но не были приняты.

С началом пандемии коронавируса в 2020 г. введение режима изоляции, ограничения на работу большинства предприятий и рост безработицы обострили проблему бездомности. К сожалению, правительство не предложило никаких особых мер поддержки данной категории граждан. В то же время существенно выросла нагрузка на НКО и волонтеров, продолживших помогать бездомным в условиях существенных административных, финансовых и прочих ограничений.

В июне 2021 г. тема помощи бездомным людям рассматривалась на заседании Совета по вопросам попечительства в социальной сфере при Правительстве РФ, различным ведомствам было поручено проработать отдельные аспекты проблемы — о доступности социальных услуг и медицинской помощи, о профилактике бездомности, о возможности постановки на учет в качестве нуждающихся в жилье.

Определение и типология бездомности

В качестве официального определения бездомности можно привести определение, включенное в ГОСТ Р 52495—2005 «Социальное обслуживание населения.

¹ Росстат. Социальное положение и уровень жизни населения России 2019. URL: http://gks.ru/bgd/regl/b19_44/ (дата обращения: 12.10.2021).

Термины и определения». Бездомный — это «гражданин без определенного места жительства: гражданин, не имеющий регистрации по месту жительства в качестве собственника, по договору найма или поднайма, договору аренды или на иных основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, или не имеющий возможности проживать по месту регистрации по независящим от него причинам».

Как видим, основу определения составляет вопрос регистрации по месту жительства и возможности проживать по месту регистрации. Это достаточно широкое определение, так как фактически включает в себя не только ситуации уличной бездомности, но и возможные ситуации латентной бездомности — например, когда человек снимает жилье без возможности оформить регистрацию по месту жительства или проживает с родственниками, не имея возможности зарегистрироваться. Международные типологии бездомности строятся по другим принципам и намного более детализированы. Так, в типологии, разработанной Институтом глобальной бездомности (Institute of Global Homelessness, IGH) выделены три большие группы бездомных: люди, не имеющие крыши над головой; люди, живущие во временном жилье, в кризисных центрах или приютах; люди, проживающие в плохих или небезопасных жилищных условиях. Они подразделяются на 17 подгрупп, учитывающих различные нюансы ситуации бездомности, отдельные уязвимые категории (например, женщины, мигранты), различные жизненные ситуации (например, выход из медицинского или социального стационарного учреждения, места отбывания наказания без жилья), проживание в разного рода небезопасном жилье (под угрозой выселения или с угрозой насилия и т. д.), неподходящем жилье (например, ветхое жилье, нежилые помещения, переполненное жилье) [Busch-Geertsema, Culhane, Fitzpatrick, 2016]. Ранее в Европейской типологии ETHOS (European Typology of Homelessness and Housing Exclusion) выделялись четыре большие группы бездомных (без крыши над головой; живут в организациях для бездомных; находятся в небезопасном или неподходящем жилье), а также 13 подгрупп [Busch-Geertsema, 2010].

Концептуальной базой международных типологий выступают три основания, определяющие возможность проживания дома: безопасность (включая юридические права на проживание и фактическую вероятность выселения, а также доступность оплаты жилья); физическое состояние (качество жилья, перенаселенность, внешние угрозы) и социальная сфера (социальные отношения, личное пространство, внутренние угрозы) [Busch-Geertsema, Culhane, Fitzpatrick, 2016].

Наше исследование сфокусировано на людях, находящихся в ситуациях уличной бездомности в Москве, проживающих в государственных центрах социальной адаптации, а также в негосударственных приютах и рабочих домах. При этом не имеет значения наличие или отсутствие регистрации по месту жительства, а также наличие жилья где-либо в Москве или другом населенном пункте, если человек фактически в этом жилье не проживает по каким-либо причинам. Таким образом, в данной статье используется следующее определение бездомности: «...состояние (социальное положение) человека, связанное с отсутствием у него места, пригодного для проживания (за исключением государственных, муниципальных или негосударственных учреждений для бездомных), в связи с тем, что у него либо нет прав на конкретное жилое помещение, которое он мог бы

использовать для проживания, либо нет возможности такие права реализовать» [Коваленко, Федорец, 2006].

Исследования бездомности

Отражением слабой заинтересованности в решении проблемы бездомности со стороны российского общества и государства является и слабая разработанность тематики бездомности в отечественных социальных исследованиях. Тем не менее в ряде работ за последние десятилетия осмысляются вопросы, связанные с определением бездомности [Буланников, 2019; Волков, 2010], работой организаций, помогающих бездомным людям [Павлюткина, 2012; Соловьева, 2001], изучением причин бездомности и путей выхода из нее — на базе качественных исследований [Кузинер, 2020; Коваленко, 2010; Stephenson, 2006], характеристик бездомных людей — на базе количественных исследований [Бездомные российского мегаполиса..., 2019; Гутов, Никифоров, 2001], положением бездомных граждан [Коваленко, Строкова, 2013; Карлинский, 2004].

В истории изучения бездомности выделяется два основных подхода — индивидуалистический и структурный. Индивидуалистический во главу угла ставит личностные характеристики, поведение и потребности бездомных людей (например, наличие той или иной зависимости, ментальные нарушения и т. д.). Авторы, придерживающиеся структурного подхода, объясняют причины бездомности влиянием внешних социальных и экономических факторов, в том числе бедностью, состоянием рынка труда и рынка жилья [Fitzpatrick, 2005]. Однако со временем стало ясно, что четкое разделение невозможно, поэтому в настоящее время в научном сообществе достигнут консенсус о взаимодействии структурных и индивидуальных факторов [Please, 2000]. Механизм возникновения бездомности описывается следующим образом. Структурные переменные, такие как нехватка жилья, растущий уровень бедности, безработица, создают условия, способствующие возникновению ситуации бездомности, и определяют масштабы бедствия. При этом люди с личными проблемами более уязвимы в этих неблагоприятных социальных и экономических условиях, чем другие. Таким образом, попадание их в состояние бездомности может объясняться не просто индивидуальными особенностями, но и восприимчивостью к структурным факторам [Please, 2000]. Такой смешанный подход дает более полное представление о причинах бездомности. Кроме того, С. Фицпатрик делает предположение, что для разных форм бездомности соотношение важности индивидуальных и структурных факторов может быть разным [Fitzpatrick, 2005]. Н. Плис также говорит о существовании «разных бездомностей» и разных подгрупп людей в ситуации бездомности как о наборе отдельных социальных проблем, порождаемых теми или иными факторами, а не о единой проблеме бездомности [Please, 2005]. В более поздней работе [Please, 2016] автор, выделяя три взаимосвязанных фактора, приводящих к бездомности (индивидуальные характеристики, доступ к неформальной поддержке и доступ к формальной поддержке), отмечает, что сложности с одним фактором могут не привести к бездомности, проблемы в двух направлениях делают риск бездомности довольно высоким, а вот если сходятся все три фактора, то бездомность практически неизбежна. Люди в ситуации бездомности — весьма неоднородная группа, что

осложняет ее исследование и осмысление как качественными, так и количественными методами [Hastings, 2020; Haber, Toro, 2004]. При этом все еще достаточно широко распространено стереотипное представление о людях, попавших в ситуацию бездомности, как об однородной группе, а различия в зависимости от пола, возраста, социального положения и других факторов игнорируются [Anderberg, Dahlberg, 2019]. В то же время, как отмечают в своем исследовании А. Шлей и П. Росси [Shlay, Rossi, 1992], подход, подчеркивающий однородность бездомного населения, позволяет сравнивать параметры последнего с параметрами населения в целом, показывая, что среди бездомных намного больше доли крайне бедных, одиноких людей и т. д. Это может быть особенно важно для России, где научных данных о характеристиках бездомного населения крайне недостаточно. Те, кто поддерживает теорию однородности, придерживаются мнения, что бездомность порождается определенными особенностями попадающих в эту ситуацию. Напротив, подчеркивание разнородности людей в ситуации бездомности говорит о том, что люди, входящие в данную категорию, не сильно отличаются от тех, у кого есть дом, а следовательно, бездомность — ситуация, в которую может попасть любой гражданин [Bramley, Fitzpatrick, 2018; Shlay, Rossi, 1992].

Меньшая, но более заметная доля бездомного населения находится в ситуации бездомности в течение длительных периодов (хроническая бездомность), большинство — короткий промежуток времени (временная бездомность)². Кроме того, человек может попасть в ситуацию бездомности один раз или сталкиваться с повторяющимися эпизодами бездомности [Hastings, 2020]. При этом измерение длительности бездомности осложняется тем, что, как правило, она время от времени прерывается [Shlay, Rossi, 1992]. Именно эти особенности привели к тому, что бездомность стали концептуализировать скорее не как «ситуацию», а как «процесс» [Hodgetts et al., 2007; Martijn, Sharpe, 2006].

Лонгитюдные исследования показывают, что наибольшая доля бездомных — это бедное население, не имеющее высокой потребности в специализированной поддержке [Culhane et al., 2013]. Кроме того, исследования подтверждают, что потребность в специализированной поддержке и особое поведение, ассоциирующееся с длительной бездомностью, не всегда являются ее причинами, но могут возникнуть в процессе нахождения в такой ситуации определенное время или в случае повторяющихся эпизодов бездомности [Please, 2016]. Так, исследование [Culhane et al., 2013] показало, что во время экономических кризисов увеличивается доля людей, не имеющих потребности в специализированной поддержке, однако становящихся бездомными. При этом у части из них не получается быстро преодолеть неблагоприятную ситуацию, а также заметно ухудшается психическое и физическое здоровье, что приводит к хронической или повторяющейся бездомности [Please, 2016].

Проблема бездомности существует во всех странах, при этом исторический, социальный, культурный контекст в каждой из них во многом определяют особенности бездомности, которая есть в том или ином обществе, что хорошо проиллюстрировано в ряде работ [Smith, 2015; Fitzpatrick, Stephens, 2014; Fitzpatrick, Christian, 2006; Fitzpatrick, 1998]. Например, в исследовании [Fitzpatrick, 1998] высказано

² OECD (2020) HC3.1 Homeless Population. URL: <https://www.oecd.org/els/family/HC3-1-Homeless-population.pdf> (accessed 15.01.2021).

предположение, что социальный, экономический и политический контекст могут влиять не только на масштабы проблемы бездомности, но и на состав бездомного населения, а также на степень нуждаемости людей, оказавшихся в такой ситуации, в дополнительной поддержке. В частности, в стране с более благоприятной социальной и экономической обстановкой будет мало бездомных людей, но относительно велика доля тех, кто имеет множественные личные проблемы, а в стране со сложными социальными и экономическими условиями — наоборот, большое число людей в ситуации бездомности и малая доля нуждающихся в особой дополнительной специальной поддержке. Влияние структурных факторов становится более очевидным при сравнительных исследованиях. Показано, что разные системы социального обеспечения влияют на природу бездомности [Benjaminsen, 2016]; в частности, в Дании бездомность, связанная просто с бедностью, — нетипичное явление, в отличие от США. Большое значение имеет и то, что в каждой стране бездомность определяется по-своему, так же как и по разным методикам собираются данные о количестве бездомных (там, где такие данные вообще собираются).

Потребность в новых социальных инициативах для решения проблемы бездомности в России, необходимость расширения поля научного знания о данной проблеме, слабая методологическая проработанность подходов к работе с бездомными, отсутствие опоры на конкретные исследования благополучателей при разработке программ помощи в государственных и некоммерческих организациях — все это делает изучение бездомности важной задачей как в прикладном, так и в научном плане.

Методология и эмпирическая база исследования

В данной статье авторы, опираясь на количественный аналитический подход, затрагивают целый пласт вопросов, включая социально-демографические характеристики бездомных граждан, условия жизни бездомных в Москве, а также доступность различных направлений помощи. В работе выдвинуты и проверены следующие гипотезы:

- 1) социально-демографические характеристики и механизмы попадания людей на улицу различаются для тех, кто родился в Москве, и тех, кто приехал в Москву;
- 2) нахождение в ситуации бездомности связано с отсутствием регистрации по месту жительства;
- 3) бездомные люди не работают;
- 4) людям в ситуации бездомности слабо доступна горячая еда, возможность принять душ и постирать одежду;
- 5) предоставляемая помощь со стороны государственных служб и негосударственных организаций не соответствует потребностям бездомных людей.

Опрос бездомных людей проводился в Москве в рамках проекта «Социально-информационный центр для людей в ситуации бездомности» в период с 10 мая по 3 августа 2019 г. силами сотрудников и волонтеров благотворительной организации Каритас Архиепархии Божией Матери. Использовалась стандартизированная анкета с несколькими открытыми вопросами.

Поиск респондентов осуществлялся на точках раздачи питания и оказания социальной помощи некоммерческих и религиозных организаций, на основных вокзалах, в дневных центрах, рабочих домах, центрах социальной адаптации (ЦСА)

и просто на улицах города. Кроме того, был проведен опрос среди участников летнего благотворительного лагеря для бездомных людей. Отметим, что в ходе опроса возникли сложности с рекрутингом бездомных женщин. Многие из тех, кому предлагалось поучаствовать в опросе на улице, отказывались, в том числе реагировали агрессивно на такое предложение. Всего был опрошен 301 человек, однако несколько анкет оказались практически пустыми и были исключены из дальнейшего анализа. Окончательную базу исследования составили 297 случаев, в том числе 259 человек, опрошенных на улице, в точках помощи, дневном центре, летнем лагере, и 38 человек, опрошенных в ЦСА, приютах, рабочих домах.

Анкета основывалась на инструментарии двух ранее проведенных исследований — межрегионального исследования «Социальные и правовые аспекты бездомности», проведенного в 2005 г. в семи регионах России [Социальные и правовые аспекты..., 2007], а также проекта «Исследование факторов, способствующих успешной трудовой интеграции и дальнейшей социальной реабилитации людей, оказавшихся на улице в результате трудной жизненной ситуации», реализованного в Москве РОО «Милосердие» и лабораторией «Социология религии ПСТГУ» при поддержке Фонда президентских грантов в 2018–2019 гг. [Бездомные российского мегаполиса..., 2019]. Анкета состояла из нескольких блоков, однако здесь мы затронем лишь некоторые аспекты, а именно: социально-демографические характеристики бездомных людей (возраст, пол, семейное положение, миграционный опыт, наличие паспорта, наличие регистрации по месту жительства и пр.), стаж бездомности, причины потери жилья, условия жизни на улице, опыт обращения за помощью и потребность в различных видах помощи. Для анализа данных был создан массив в SPSS. Для проверки значимости различий между группами проводился тест Стьюдента на равенство средних для двух независимых выборок. Описанные в статье различия между группами по отдельным переменным являются значимыми на 1-, 5- или 10-процентном уровнях значимости.

Социально-демографические характеристики бездомных людей

Как и в других странах, бездомными в России в основном являются мужчины среднего возраста. При этом, в отличие от распространенной ситуации за рубежом, бездомные люди в России имеют довольно высокий уровень образования (неполное среднее образование только у 8 %).

Говоря о социально-демографических характеристиках бездомных, находящихся в Москве, важно, на наш взгляд, рассмотреть отдельно группы людей, родившихся в Москве (таких среди опрошенных 23 %) и родившихся в других населенных пунктах (77 %). Родившиеся в других регионах чаще продолжают работать или подрабатывать, среди москвичей доля не работающих больше (64 % по сравнению с 52 % родившихся в других регионах). Также люди, приехавшие из других регионов, чаще имеют опыт пребывания в трудовом доме — 49 % по сравнению с 36 % родившихся в Москве. Они в целом лучше оценивают свое здоровье, около половины из них считают, что не нуждаются в медицинской помощи (среди родившихся в Москве — только 31 %). Почти 40 % ответили, что у них есть жилье, тогда как среди родившихся в Москве таких только 19%; среди приехавших в Москву ниже и доля не имеющих регистрации — 35 % по сравнению с 42 % родившихся в Москве. При этом пас-

порта не имеют равные доли опрошенных в обеих группах (около 48%). Нет отличий и по доле имеющих судимость — чуть более 30% в обеих группах. У 36% родившихся в Москве есть в городе знакомые, которые могут им помочь в случае необходимости; из тех, кто родился в других регионах, знакомых в столице имеют 30%. Однако у них по сравнению с москвичами чаще сохраняются контакты с родственниками: почти половина родившихся в других регионах (45,5%) периодически контактируют с близкими, тогда как из москвичей таких лишь 32%. Интересно отметить, что текущая бездомность является повторной для четверти родившихся в Москве и почти для половины (46%) родившихся в других регионах. Также среди последних велика доля людей, только недавно столкнувшихся с бездомностью: треть опрошенных (31%) имеют стаж бездомности до шести месяцев. Среди родившихся в Москве таких лишь 5%, а более 70% находятся в ситуации бездомности дольше года (среди родившихся в других регионах — 46%). Средний стаж текущей бездомности среди респондентов, родившихся в Москве, — 5,1 года, а среди родившихся в других населенных пунктах — 3,3 года (см. табл. 1). Таким образом, для москвичей первый опыт бездомности, как правило, оказывается длительным, а для приезжих это чаще временные трудности, но зачастую, сумев их преодолеть, они снова попадают в ту же самую ситуацию. Средний возраст опрошенных бездомных людей — 46,5 лет (совпадает у родившихся в Москве и в других населенных пунктах). Свой первый опыт бездомности 8% опрошенных приобрели еще в детстве (до 18 лет). 10% впервые столкнулись с бездомностью в ранней молодости (19–25 лет). В возрасте 26–35 лет впервые оказались на улице 26% опрошенных, в возрасте 36–55 лет — 49%; только 6,5% впервые стали бездомными после 55 лет.

Таблица 1. Характеристики бездомных людей, опрошенных в Москве, %

	Родились в Москве	Родились в других регионах	Итого	Разность средних, в процентных пунктах
Доля в массиве	23	77	100	
Гражданство другой страны	0	13	10	13***
Не работает	64	52	55	12*
Опыт трудового дома	37	49	46	13
Имеют судимость	35	37	36	4
Нет регистрации	42	35	37	7
Нет паспорта	49	48	48	1
Не нуждаются в медпомощи	31	51	47	20***
Имеют жилье	19	39	35	20***
Есть кто-то, кто может помочь в Москве	36	30	31	6
Есть контакт с родственниками	32	46	43	14*
Стаж бездомности до 6 мес.	5	31	25	26***
Стаж бездомности 6 мес. — 1 год	12	10	10	2
Стаж бездомности 1,1 года — 5 лет	52	36	39	16**
Стаж бездомности более 5 лет	19	11	13	8
Повторная бездомность	26	46	41	20***

*** $p < 0,01$; ** $p < 0,05$; * $p < 0,10$.

Сфокусируемся подробнее на респондентах, которые попали в ситуацию бездомности, приехав в Москву из других регионов России и других стран, — тех, для кого именно приезд в Москву можно назвать фактором риска бездомности. Вообще, внутренняя и внешняя миграция являются одним из основных каналов попадания на улицу. В России наиболее мобильные граждане, решившиеся поехать в другой регион, в случае возникновения сложных ситуаций оказываются без поддержки. Отсутствие рядом близких, напряженные отношения с оставшимися в другом регионе, низкая доступность государственных услуг (медицина, оформление документов), неправовое пространство рынка труда — все это приводит к тому, что люди в определенный момент своей жизни оказываются на улице. Среди опрошенных, приехавших из других регионов, 86 % родились в городе и 14 % — в сельской местности. 76 % всех опрошенных, приехавших из других регионов и стран, прибыли в Москву с целью найти работу: среди граждан России в выборке таких оказалось 71 %, а среди граждан других стран — 91 %.

Жилье и его потеря

Среди опрошенных бездомных людей можно выделить следующие группы: у 35 % из них есть жилье (формально не бездомные, но фактически бездомные); у 44 % ранее было жилье (стали бездомными); у 21 % никогда не было своего жилья (изначально имели повышенный риск бездомности и стали бездомными). Среди родившихся в Москве меньше доля тех, кто ответил, что имеет жилье, — 19 % по сравнению с 39 % среди родившихся в других населенных пунктах. А вот доля тех, у кого никогда не было своего жилья, одинакова в обеих группах (около 21 %).

На вопрос о причинах потери жилья родившиеся в Москве и родившиеся в других населенных пунктах отвечали по-разному. Так, в качестве причины потери жилья назвали мошенничество 40 % родившихся в Москве и лишь 11 % родившихся в других населенных пунктах; продали или заложили свое жилье соответственно 20 % москвичей и 7 % приезжих; семейные причины (оставили родственникам, выгнали родственники) были у 23 % и у 43 % представителей этих групп.

В собственном жилье до его утери жили 60 % опрошенных бездомных, родившихся в Москве; у родителей, супругов или других родственников проживали 17 %; в съемном жилье — 9 %, в жилье, предоставленном работодателем — 1,5 %, в чужом жилье (у друзей, знакомых, у сожителя) — 8 %. Родившиеся в других населенных пунктах только в 32 % случаев проживали в собственном жилье перед тем, как оказались на улице; в 27 % случаев жили у родителей, родственников или супругов; в 18 % случаев — в съемном жилье и в 13 % случаев — в жилье, предоставленном работодателем.

Система регистрации по месту жительства

Действующая система регистрации по месту жительства и связанные с ней ограничения осложняют положение бездомных людей и ограничивают возможности справиться со сложной ситуацией. Однако отметим, что среди опрошенных в Москве бездомных граждан России только у 34 % нет регистрации, 18 % имеют регистрацию в Москве и 47 % — в другом населенном пункте. Из родившихся в Москве у 45 % сохранилась регистрация в столице, еще 9 % имеют регистрацию

в другом населенном пункте, нет регистрации у 42 % опрошенных. 56 % из родившихся в других регионах зарегистрированы не в Москве, у 8 % есть регистрация в Москве, а 35 % не имеют регистрации по месту жительства.

Только у 23 % имеющих паспорт нет регистрации по месту жительства, в то время как среди тех, кто не имеет паспорта, регистрации нет уже у 50 %. Четко прослеживается заметное увеличение доли не имеющих регистрации по месту жительства по мере увеличения стажа бездомности (от 15 % среди тех, кто находится в ситуации бездомности менее одного месяца, до 45 % среди тех, у кого стаж бездомности составляет от пяти до 10 лет, и 61 % среди тех, кто является бездомным более 10 лет). Среди имеющих регистрацию по месту жительства в другом населенном пункте существенно выше доля тех, кто поддерживает контакт с родственниками: 47 % по сравнению с 34 %–39 % в других группах.

Отсутствие регистрации сказывается на доле работающих на постоянной работе. Если среди имеющих регистрацию в Москве или в другом населенном пункте 9 % и 12 % соответственно работают на постоянной работе, то среди не имеющих регистрации таких лишь 3 %. Также видно, что в целом те, кто имеет регистрацию в другом населенном пункте, чаще продолжают работать (постоянно или временно) по сравнению с другими группами (47 % не работают по сравнению с порядка 60 % в других группах).

Отсутствие регистрации резко сокращает долю пытавшихся восстановить паспорт (58 % по сравнению с 80 % имеющих регистрацию в Москве и 71 % имеющих регистрацию в других населенных пунктах). А вот на количество обращавшихся и не обращавшихся за медицинской помощью в течение последнего года наличие или отсутствие регистрации не влияет.

Рынок труда и занятость

У абсолютного большинства опрошенных (85 %) есть специальность. Многие ответили, что подрабатывают время от времени (37 %), и есть даже те, кто имеет постоянную работу (9 %); 55 % декларируют, что ищут работу.

С увеличением возраста доля занятых на постоянной работе или подрабатывающих сокращается, а доля неработающих — увеличивается. Сокращается также доля когда-либо проживавших в трудовых домах. Если в самой молодой группе (18–34 года) более половины опрошенных имели опыт проживания в трудовых домах, то в самой старшей возрастной группе (60 лет и старше) — только четверть.

Среди родившихся в Москве выше доля неработающих (64 %) по сравнению с родившимися в других населенных пунктах (51 %). Приехавшие в Москву из других городов с целью найти работу несколько чаще работают на постоянной работе по сравнению с приехавшими по другой причине. Те, у кого есть собственное жилье где-либо, значительно чаще работают на постоянной работе (18 %). Наличие паспорта также существенно увеличивает как долю работающих на постоянной работе (13 % по сравнению с 4 % не имеющих паспорта), так и долю подрабатывающих время от времени (41 % по сравнению с 34 % не имеющих паспорта).

Работая в неформальном секторе, люди не защищены от обмана со стороны работодателя. С фактами невыплаты заработной платы за выполненную работу

сталкивались 72 % опрошенных, причем приехавшие в Москву чаще имели такой опыт (75 %) по сравнению с родившимися в Москве (61 %).

Для 138 случаев удалось сопоставить время прекращения работы и время начала текущей бездомности. Интересно отметить, что чуть более чем в половине этих случаев (54 %) люди продолжали работать уже после того, как оказались бездомными. В четверти случаев (26 %) прекращение работы предшествовало бездомности, еще в 20 % случаев год потери работы и начала бездомности совпали.

На открытый вопрос о причинах прекращения работы было получено 130 ответов. Наиболее частые причины, которые были названы: закрылось место работы, закончилась работа на объекте, кончилась вахта или сезонная работа, потерял доверие, попросили уйти, уволили, поругался с начальством, сократили, из-за проблем со здоровьем, травма, алкогольная зависимость.

Условия жизни бездомных людей

Среди вопросов анкеты были вопросы, касающиеся базовых условий жизни: о месте ночевки в течение последнего месяца, доступности горячей еды, возможности помыться и постирать одежду.

Отметим, что доля ночующих непосредственно на улице очень велика. Только около половины опрошенных (49 %) ни разу за последний месяц не ночевали непосредственно на улице, 29 % ночевали на улице несколько раз, а 12 % весь последний месяц ночевали на улице. Постоянно ночевали в подъездах 6 % опрошенных, еще 27 % несколько ночей провели в подъездах. Лишь небольшая доля опрошенных имела опыт регулярных ночевок в заброшенных домах: 6 % ночевали в таких местах несколько раз, а 3 % — все время. Электрички как регулярное место ночлега использовали 20 % опрошенных, еще 4 % все время ночевали в электричках в течение последнего месяца. Большая доля опрошенных использует как место ночлега вокзалы: 30 % ночевали на вокзалах несколько раз, 10 % — все время. Аэропорт становился местом регулярного ночлега для 17 % опрошенных, а 6 % постоянно ночевали в аэропортах. Среди различных типов чужого или специализированного жилья как места для ночевки наибольшая доля приходится на социальные учреждения (ЦСА, приюты) — 17 % опрошенных ночевали в них несколько раз, почти 10 % ночуют там постоянно. В трудовых домах несколько раз ночевали 15 % опрошенных, а 4 % жили в них на протяжении всего последнего месяца. В чужих квартирах (у знакомых и родственников) ночевали несколько раз 16 % опрошенных, жили все время — 2 %. Родившиеся в Москве чаще ночуют в подъездах по сравнению с родившимися в других регионах. Приехавшие из других населенных пунктов чаще ночуют в электричках. Среди родившихся в Москве больше доля ночующих в социальных центрах и приютах, среди родившихся в других населенных пунктах — ночующих непосредственно на улице. Кроме того, среди родившихся в других населенных пунктах больше тех, кто ночевал в трудовых домах.

Условия уличной жизни, очевидно, чрезвычайно неблагоприятны для человека. Среди опрошенных на улице только 52 % ежедневно едят горячую пищу, еще 35 % — один раз в два-три дня. Крайне тяжелая ситуация у 9 % опрошенных — они едят горячую пищу один раз в неделю и реже. Проживание в приюте (ЦСА, трудовом доме) закрывает потребность в горячей пище (97 % едят горячую пищу

ежедневно). Среди опрошенных на улице почти 82 % моются один или несколько раз в неделю (в приютах — 95 %). Несколько хуже ситуация у женщин (75 % имеют возможность помыться один или несколько раз в неделю), а также у родившихся в Москве (только 71 % моются один или несколько раз в неделю) по сравнению с родившимися в другом населенном пункте (85 %). Среди опрошенных на улице около половины ответивших моются в специализированных учреждениях (санпропускник, ангар спасения), еще около 20 % — в местах общего пользования (бани). Более 80 % опрошенных в приютах (включая ЦСА, трудовые дома) моются там, где проживают, но порядка 17 % указали также специализированные учреждения (санпропускник и пр.). По сравнению с возможностью принять душ, которая, как мы видим, относительно доступна, возможность постирать одежду есть у гораздо меньшего числа бездомных. Только 56 % опрошенных на улице могут стирать одежду один или несколько раз в неделю, еще 27 % — один-два раза в месяц. Отметим, что проживание в приюте такую возможность предоставляет — 90 % в данной подвыборке ответили, что стирают одежду один или несколько раз в неделю, и никто не сказал, что стирает реже одного раза в месяц. Более 40 % опрошенных на улице чаще всего стирают в специализированных учреждениях (санпропускник, некоммерческие инициативы), еще около 20 % пользуются помощью друзей и родственников. Проживающие в приютах, как правило, стирают одежду в месте проживания (почти 70 %), но также довольно часто используют специализированные учреждения (четверть ответивших).

Потребности бездомных людей и получение помощи

Опрос бездомных людей в ходе исследования в основном проходил в точках раздачи питания и проведения прочей социальной работы, поэтому не удивительно, что 83 % опрошенных назвали хотя бы одну организацию, помогающую бездомным в Москве. Многие упоминали несколько организаций, среднее число упоминаний — две организации на человека. Намного хуже обстоят дела со знанием организаций, которые могут оказать медицинскую помощь. Больше половины опрошенных (53 %) затруднились назвать такие организации, меньше четверти (24 %) назвали учреждения государственной системы здравоохранения (больницы, поликлиники, скорая помощь).

Несмотря на то что у многих опрошенных есть опыт обращения в государственные и некоммерческие организации, полученная помощь далеко не в полной мере соответствует потребностям людей, оказавшихся на улице. Не смогли получить нужную помощь в тех организациях, куда обращались, 44 % опрошенных (еще более 20 % затруднились ответить). Самые частые ответы о видах помощи, которую не удалось получить лично респонденту: медицинская помощь; помощь в трудоустройстве; лекарства; жилье, временное жилье; деньги (например, пособия, на оплату госпошлины); восстановление документов; юридическая помощь. Однако, учитывая разнообразие потребностей (варианты, суммированные в «другое», составляют 36 %), а также принимая во внимание, что одна из задач исследования состоит в том, чтобы понять потребности и желания бездомных людей, кратко перечислим весь спектр ответов: стоматология, психиатрическая помощь, психологическая помощь, моральная поддержка, понимание проблем бездом-

ного, нужная информация, регистрация, еда, одежда, обувь, стирка, душ, средства гигиены, ночлег, очки, телефон, доступ в Интернет, билет, деньги на дорогу, деньги на проезд (пополнение тройки), загранпаспорт, поиск родственников, восстановление контактов, помощь в оформлении пенсии, помощь в оформлении инвалидности, помощь в преодолении алкогольной зависимости.

Далее рассмотрим три важных направления поддержки — восстановление документов, трудоустройство и получение медицинской помощи. У 33% опрошенных на улице и в приютах нет никаких документов. Паспорта имеет чуть более половины (53%), СНИЛС — 42%, полис ОМС — только 37%. Паспорт чаще есть у тех, у кого бездомность повторная (59% по сравнению с 47% первично бездомных), меньше стаж бездомности (у бездомных менее одного года паспорт в среднем имеется более чем в 60% случаев, а у бездомных более одного года — менее чем в 48% случаев) и у женщин по сравнению с мужчинами (67% против 50%). Восстановление документов малодоступно, но чрезвычайно важно, так как с их отсутствием закрывается множество возможностей — нельзя официально трудоустроиться, снять комнату в хостеле, купить билет для проезда в другой регион и многое другое. 64% не имеющих документов пытались восстановить паспорт. Среди причин, почему остальные респонденты не обращались за восстановлением паспорта, лидируют следующие: «нет средств на оплату пошлины, штрафа, фото» (49%) и «считаю бесполезным» (25%). За помощью в восстановлении документов к организациям, помогающим бездомным, обращались 40% опрошенных.

63% опрошенных связывают окончание бездомности с нахождением работы, которая позволит снимать жилье, или с предоставлением жилья, но только 23% получали помощь в этом направлении в течение последнего месяца. Когда-либо обращались за помощью в трудоустройстве 32% опрошенных.

Потребность в медпомощи — одна из самых острых. Отметим, что родившиеся в Москве хуже оценивают свое здоровье, среди них только 31% считают, что не нуждаются в медпомощи, в то время как среди приехавших из других регионов — 51%. Около половины опрошенных обращались за медицинской помощью в течение последнего года. Не получили необходимую помощь 18%, а 13% указали на другой результат (например, помощь была оказана частично). Чем старше возраст опрошенных, тем хуже оценки здоровья и больше доля нуждающихся в медобследовании и медпомощи. Так, если в группе от 25 до 34 лет 29% ответили, что нуждаются в медобследовании или медпомощи, то в группе от 60 лет и старше — уже 61%. Самой актуальной является стоматологическая помощь (39%), на втором месте — хирургическая (28%). На необходимость психиатрической помощи указали 10%, еще 16% отметили потребность в других видах медицинской помощи.

Выводы

Несмотря на остроту проблемы бездомности, должного внимания ей не уделяется. Ни на федеральном уровне, ни на уровне регионов или муниципалитетов не существует стратегических документов, посвященных профилактике и решению проблемы бездомности или хотя бы упоминающих о ней и обозначающих возможные направления работы для изменения ситуации. Более того, в России фактически нет данных о бездомных людях, за исключением статистики, которую собирают

специализированные государственные учреждения и которая не находится в открытом доступе и не объединяется в какую-либо общую базу. Опрос, о котором шла речь в данной статье, позволяет, опираясь на количественные данные, рассмотреть отдельные аспекты жизни бездомных людей на примере Москвы, где можно предполагать самый высокий уровень бездомности в Российской Федерации.

Сравнение двух групп людей в ситуации бездомности — родившихся в Москве и родившихся в других населенных пунктах — позволило увидеть существенную разницу между ними как с точки зрения длительности стажа бездомности, повторяемости ситуации бездомности, так и с точки зрения причин потери жилья, наличия жилья и регистрации по месту жительства, а также сохранности контактов с родственниками. По аналогии с выявленными в зарубежных работах различиями между более и менее благополучными по социально-экономическим условиям странами [Fitzpatrick, 1998] можно сделать вывод, что родившиеся в Москве чаще попадают в ситуацию бездомности в сложных случаях, при наличии большего числа индивидуальных факторов, и им требуется больше специализированной поддержки. В то же время среди родившихся в других регионах и попавших в Москве в ситуацию бездомности больше тех, кто оказался бездомным «случайно», в силу имеющихся в стране в целом структурных проблем — с бедностью, безработицей, незащищенностью на рынке труда, слабой системой социальной защиты и специализированной поддержки бездомных. Таким образом, первая из выдвинутых в работе гипотез подтверждается.

Напомним, что в официальном определении бездомности отсутствие регистрации является первым критерием отнесения человека к данной категории. Однако среди опрошенных бездомных граждан России только 34 % не имеют регистрации по месту жительства. Можно сказать, что вторая гипотеза нашего исследования не подтвердилась. При этом четко прослеживается положительная корреляция доли не имеющих регистрации по месту жительства со стажем бездомности. Следовательно, попадание в ситуацию бездомности в большинстве случаев не связано с отсутствием регистрации по месту жительства, но регистрация теряется со временем.

Проблему бездомности можно образно сравнить с айсбергом. Зачастую люди видят только его верхушку — бездомных на улице, мимо которых стараются побыстрее пройти, но от их глаз и их внимания скрыт огромный пласт как структурных факторов государственного уровня (жилищная политика, рынок труда, документирование, система регистрации), так и индивидуальных проблем людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации и в итоге — на улице.

Несмотря на то что у многих опрошенных есть опыт обращения в государственные и некоммерческие организации, получаемая помощь далеко не в полной мере соответствует потребностям людей, оказавшихся на улице. Если не говорить о предоставлении временного жилья или содействии в обретении постоянного, три важнейших направления поддержки — помощь в восстановлении документов, трудоустройстве и получении медицинской помощи. Около половины бездомных не имеют паспорта. То, что 64 % из них пытались восстановить паспорт, но эти попытки не увенчались успехом, а среди причин, по которым люди не обращались за восстановлением паспорта, лидируют «нет средств на оплату

пошлины, штрафа, фото» и «считаю бесполезным», свидетельствует о существенных административных барьерах в данной области. За помощью в восстановлении документов к организациям, помогающим бездомным, обращались 40 % опрошенных. Восстановление паспорта имеет настолько высокую важность для взаимодействия человека и государства, что имеет смысл разработать механизм освобождения от обязательных платежей в случае трудной жизненной ситуации, в том числе бездомности. Это возможно сделать, например, через специальную программу социальной защиты.

Более 60 % опрошенных связывают выход из бездомности с нахождением работы, которая позволит снимать жилье, или с предоставлением жилья, но только менее четверти получали помощь в этом направлении в течение последнего месяца. Многие говорили, что подрабатывают время от времени и даже имеют постоянную работу, несмотря на ситуацию, в которой оказались. Таким образом, третья гипотеза также не находит подтверждения, хотя большинство бездомных людей действительно не работают. Стоит также отметить, что, работая в неформальном секторе, люди не защищены от обмана со стороны работодателя, подавляющее большинство опрошенных сталкивались с фактами невыплаты вознаграждения за выполненную работу.

Нуждаемость в медицинской помощи — одна из самых острых потребностей. В обследованиях или медицинской помощи нуждаются более 40 % опрошенных. Несмотря на то что в течение года за медицинской помощью обращалось около половины опрошенных, существенная часть из них необходимую помощь не получили или получили не полностью.

Исследование показало, что имеются значительные сложности с обеспечением доступности базовых благ для бездомных — четвертая гипотеза работы подтвердилась. Из повседневных потребностей бездомным в Москве наименее доступны возможность есть горячую еду и стирать одежду.

За последние двадцать лет в Москве возникла сеть некоммерческих и религиозных организаций, которые наряду с государственным центром социальной адаптации оказывают бездомным людям различные виды помощи, в основном срочной (раздача питания, одежды и т. п.). Кроме того, за последние годы в столице появилось несколько негосударственных дневных центров, где проводятся юридические и психологические консультации, предоставляется помощь в поиске работы. Однако исследование показывает, что этого недостаточно. Пятая гипотеза — о несовпадении потребностей попавших в ситуацию бездомности и тех услуг, которые предоставляют государственные и негосударственные организации, — подтвердилась. Наряду с дальнейшим развитием проектов срочной помощи, связанных с гигиеной (душевые, прачечные), необходимо переформатировать точки раздачи питания — здесь нужно беседовать с проходящими людьми, вникать в каждую конкретную ситуацию и переадресовывать к специалистам. Это потребует существенных усилий со стороны сотрудников и волонтеров благотворительных проектов, поэтому их необходимо специальным образом готовить, обучать. Кроме того, поддержка бездомных людей должна включать направление, связанное с обретением человеком жилья. Мировой опыт показывает эффективность проектов заселения людей в жилье с сопровождением специалистов, в том

числе проектов адаптационных квартир для людей с алкогольной или наркозависимостью на период реабилитации [Gaetz, Scott, Gulliver, 2013; Parsell, 2012].

В целях развития мер поддержки важно разработать и принять стратегический документ, фиксирующий наличие проблемы на самом высоком уровне и обозначающий направления работы для снижения ее остроты. Кроме того, имеет смысл детализировать определение бездомности, используя международные типологии, что позволит более сфокусированно разрабатывать определенные меры для различных категорий бездомных и разных случаев бездомности.

Важно понимать, что бездомные люди — одна из наиболее сложных категорий населения для проведения социологических и других исследований. Они не попадают в массовые опросы, недостаточно учитываются при переписи населения, а проведение уличных исследований всегда оставляет открытым вопрос репрезентативности. При этом исследовать проблему бездомности крайне важно — только так можно привлечь внимание к ней и аргументированно искать работающие решения для ее преодоления. Важным шагом может стать создание базы данных о нахождении бездомных людей в различных типах учреждений — больницах, государственных и негосударственных приютах, учреждениях системы исполнения наказаний и пр. Это позволило бы понять, где, кроме непосредственно улицы, находятся сегодня бездомные люди, сколько их и какие у них проблемы. А дальше — начать планировать и осуществлять разного рода поддержку для предотвращения и прекращения уличной бездомности.

Вопрос, который требует дальнейшего отдельного изучения: как добиться включения определенного вопроса в повестку ключевых социальных проблем государства? Необходимо внести меры, направленные на снижение остроты проблемы бездомности, в перечень мероприятий государственных и региональных социальных программ в сфере социальной поддержки населения, содействия занятости, развития здравоохранения и жилищной обеспеченности. Пока проблема бездомности не будет сформулирована как значимая для государства, о существовании бездомных людей будут привычно забывать при разработке нормативно-правовых актов и принятии решений в различных сферах социальной политики.

Список литературы (References)

Буланников А. В. К истории слова БОМЖ // Русская речь. 2019. № 1. С. 18–36. <https://doi.org/10.31857/S013161170003938-0>.

Bulannikov A. (2019). History of the Word 'Bomzh' ('Bum'). *Russian Speech*. No. 1. P. 18–36. <https://doi.org/10.31857/S013161170003938-0>. (In Russ.)

Волков В. В. Бездомность в современной России: проблема типологии бездомных // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4. С. 366–370.

Volkov V. V. (2010) Homelessness in Modern Russia: The Problem of Typology. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. No. 4. P. 366–370. (In Russ.)

Гутов Р., Никифоров А. Бездомность в России: взгляд на проблему // Народонаселение. 2001. № 4. С. 117–121.

Gutov R., Nikiforov A. (2001) Homelessness in Russia: A Look at the Problem. *Population*. No. 4. P. 117–121. (In Russ.)

Карлинский И. З. Анализ социального и правового положения бездомных в современной России. СПб.: Дельта, 2004.

Karlinsky I. Z. (2004) Analysis of the Social and Legal Situation of the Homeless in Modern Russia. Saint-Petersburg: Delta. (In Russ.)

Коваленко Е. А. Воронка бездомности и ограничение потенциальных возможностей // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8. № 4. С. 519–536.
Kovalenko E. A. (2010) Homelessness Whirlpool and Limitation of Capabilities. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 8. No. 4. P. 519–536. (In Russ.)

Коваленко Е. А., Строкова Е. Л. Бездомность: есть ли выход? 3-е изд., перераб. М.: Фонд «Институт экономики города», 2013.

Kovalenko E. A., Strokovaya E. L. (2013) Homelessness: Is There a Way Out? Moscow: IUE. (In Russ.)

Коваленко Е. А., Федорец А. В. Бездомность в России: проблематика и методология изучения. М.: Фонд «Институт экономики города», 2006.

Kovalenko E. A., Fedorets A. V. (2006) Homelessness in Russia: Major Problems and Research Approaches. Moscow: IUE. (In Russ.)

Кузинер Е. Н. «Пойду домой, домой это значит в подвал»: повседневные практики и стратегии выживания бездомных женщин // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 273–298. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1653>.

Kuziner E. N. (2020) 'I Will Go Home', With 'Home' Meaning 'Basement': Homeless Women's Daily Practices and Coping Strategies. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 273–298. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1653>. (In Russ.)

Павлюткина Е. Л. «Скрепление» и ответственность: специфика некоммерческих организаций в работе с бездомными (на примере религиозных организаций) // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 4. С. 539–554.

Pavlyutkina E. L. (2012) "Binding" and Responsibility: Aspects of Non-Governmental Organizations' Work with the Homeless. The Case of Religious Organizations. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 10. No. 4. P. 539–554. (In Russ.)

Бездомные российского мегаполиса: социально-демографический портрет, каналы попадания на улицу и отношение к помощи благотворительных организаций. Аналитический отчет по результатам анкетирования посетителей Ангара спасения. // ПСТГУ, Научно-исследовательская лаборатория «Социология Религии». 2019. URL: http://socrel.pstgu.ru/en/report_of_project_2019 (дата обращения: 30.01.2021).

Homeless People in Russian Megapolis: Socio-Demographic Portrait, Trajectories of Getting into the Street and Attitudes to the Charitable Organisations' Help: analytical report on the results of a survey of visitors to the Angara salvation (2019) St. Tikhon's Orthodox University, Research seminar "Sociology of Religion". URL: http://socrel.pstgu.ru/en/report_of_project_2019 (accessed: 30.01.2021). (In Russ.)

Соловьева З. Р. Реабилитация бездомных: исследование «Ночлежки» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. 4. № 3. С. 92–108.

Solovyeva Z. R. (2001) The Rehabilitation of the Homeless: A Study of a Shelter. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 4. No. 3. P. 92–108. (In Russ.)

Социальные и правовые аспекты проблемы бездомности в России. По материалам межрегионального исследования. СПб.: Б.и., 2007.

Social and Legal Aspects of the Problem of Homelessness in Russia. Based on Materials from an Interregional Study. (2007) Saint Petersburg. (In Russ.)

Anderberg M., Dahlberg M. (2019) Homelessness and Social Exclusion in Two Swedish Cities. *European Journal of Homelessness*. Vol. 13. No. 1. P. 31–58.

Benjaminsen L. (2016) Homelessness in a Scandinavian Welfare State: The Risk of Shelter Use in the Danish Adult Population. *Urban Studies*. Vol. 53. No. 10. P. 2041–2063. <https://doi.org/10.1177/0042098015587818>.

Bramley G., Fitzpatrick S. (2018) Homelessness in the UK: Who Is Most at Risk? *Housing Studies*. Vol. 33. No. 1. P. 96–116. <https://doi.org/10.1080/02673037.2017.1344957>.

Busch-Geertsema V. (2010) Defining and Measuring Homelessness. In: O'Sullivan E., Busch-Geertsema V., Quilgars D., Pleace N. (eds.) *Homelessness Research in Europe: Festschrift for Bill Edgar and Joe Doherty*. Brussels: FEANTSA. P. 19–39. URL: <https://www.feantsaresearch.org/download/ch013303200488323787194.pdf> (accessed 30.01.2021).

Busch-Geertsema V., Culhane D., Fitzpatrick S. (2016) Developing a Global Framework for Conceptualising and Measuring Homelessness. *Habitat International*. Vol. 55. P. 124–132. <https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2016.03.004>.

Culhane D. P., Metraux S., Byrne T., Stino M., Bainbridge J. (2013) The Age Structure of Contemporary Homelessness: Evidence and Implications for Public Policy. *Analyses of Social Issues and Public Policy*. Vol. 13. No. 1. P. 228–244. <https://doi.org/10.1111/asap.12004>.

Fitzpatrick, S. (1998) Homelessness in the European Union. In: Kleinman M., Matznetter W., Stephens M. (eds.). *European integration and housing policy*. London: Routledge. P. 197–214.

Fitzpatrick S. (2005) Explaining Homelessness: A Critical Realist Perspective. *Housing, Theory and Society*. Vol. 22. No. 1. P. 1–17. <https://doi.org/10.1080/14036090510034563>.

Fitzpatrick S., Christian J. (2006) Comparing Homelessness Research in the US and Britain. *European Journal of Housing Policy*. Vol. 6. No. 3. P. 313–333. <https://doi.org/10.1080/14616710600973151>.

Fitzpatrick S., Stephens M. (2014) Welfare Regimes, Social Values and Homelessness: Comparing Responses to Marginalised Groups in Six European Countries. *Housing*

Studies. Vol. 29. No. 2. P. 215—234. <https://doi.org/10.1080/02673037.2014.848265>.

Gaetz S., Scott F., Gulliver T. (eds.) (2013) *Housing First in Canada: Supporting Communities to End Homelessness*. Toronto: Canadian Homelessness Research Network Press. URL: <https://www.homelesshub.ca/sites/default/files/HousingFirstInCanada.pdf> (accessed 05.02.2021).

Haber M., Toro P. (2004) Homelessness among Families, Children, and Adolescents: An Ecological-Developmental Perspective. *Clinical Child and Family Psychology Review*. Vol. 7. No. 3. P. 123—164. <https://doi.org/10.1023/b:ccfp.0000045124.09503.f1>.

Hastings C. (2020) Homelessness and Critical Realism: A Search for Richer Explanations. *Housing Studies*. <https://doi.org/10.1080/02673037.2020.1729960>.

Hodgetts D., Radley A., Chamberlain K., Hodgetts A. (2007) Health Inequalities and Homelessness. *Journal of Health Psychology*. Vol. 12. No. 5. P. 709—725. <https://doi.org/10.1177/1359105307080593>.

Martijn C., Sharpe L. (2006) Pathways to Youth Homelessness. *Social Science & Medicine*. Vol. 62. No. 1. P. 1—12. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2005.05.007>.

Parsell C. (2012) Home is Where the House Is: The Meaning of Home for People Sleeping Rough. *Housing Studies*. Vol. 27. No. 2. P. 159—173. <https://doi.org/10.1080/02673037.2012.63262>.

Pleace N. (2000) The New Consensus, the Old Consensus and the Provision of Services for People Sleeping Rough. *Housing Studies*. Vol. 15. No. 4. P. 581—594. <https://doi.org/10.1080/02673030050081113>.

Pleace N. (2005) State, Trait, Choice or Something Else? The Need for a New Definition of Homelessness in the UK. Housing Studies Association Conference, Workshop Paper. York, UK.

Pleace N. (2016) Researching Homelessness in Europe: Theoretical Perspectives. *European Journal of Homelessness*. Vol 10. No. 3. P. 19—44.

Shlay A., Rossi P. (1992) Social Science Research and Contemporary Studies of Homelessness. *Annual Review of Sociology*. P. 129—160. <https://doi.org/10.1146/annurev.so.18.080192.001021>.

Smith A. (2015) Can We Compare Homelessness Across the Atlantic? A Comparative Study of Methods for Measuring Homelessness in North America and Europe. *European Journal of Homelessness*. Vol. 9. No. 2. P. 233—257.

Stephenson S. (2006) *Crossing the Line: Vagrancy, Homelessness and Social Displacement in Russia*. Aldershot: Ashgate.

DOI: [10.14515/monitoring.2022.2.1980](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1980)

Р. Э. Бараш

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК, РОССИЙСКИЙ КОНТЕКСТ

Правильная ссылка на статью:

Бараш Р. Э. Социальные медиа как фактор формирования общественно-политических установок, российский контекст // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 430—453. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1980>.

For citation:

Barash R. E. (2022) Social Media as a Factor Forming Social and Political Attitudes, the Russian Context. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 430–453. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1980>. (In Russ.)

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК, РОС- СИЙСКИЙ КОНТЕКСТ

БАРАШ Раиса Эдуардовна — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-MAIL: raisabarash@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5899-973X>

Аннотация. В статье рассматривается влияние социальных медиа на общественно-политические установки граждан, политическую коммуникацию и низовой активизм. Обращаясь к социологическим данным, автор резюмирует, что регулярное общение с единомышленниками в электронных медиа прямо не влечет роста социально-политической заинтересованности, осознанности или субъектности, непосредственно не мотивирует граждан к низовой самоорганизации и социально-политической активности. Вместе с тем культивируемая социальными медиа дискуссионная культура общения, предоставляемые ими ресурсы для свободного общения формируют у регулярных пользователей интернета и социальных сетей запрос на публичное выражение взглядов, в том числе и политических, информационную открытость и коммуникативную свободу. Среди российской аудитории социальных медиа выше запрос на перемены в стране и обществе.

Ключевые слова: коммуникация, электронные медиа, интернет, социальные сети, самоорганизация

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского науч-

SOCIAL MEDIA AS A FACTOR FORMING SOCIAL AND POLITICAL ATTITUDES, THE RUSSIAN CONTEXT

*Raisa E. BARASH¹ — Cand. Sci. (Polit.),
Leading Researcher*
E-MAIL: raisabarash@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5899-973X>

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

Abstract. The paper examines the influence of social media on the social and political attitudes of citizens, their political communication, and grassroots activism. Basing on the sociological data, the author concludes that regular communication with like-minded people via social media does not directly entail the growth of social and political interest, awareness, or subjectivity, does not directly motivate citizens to grassroots self-organization and political activity. At the same time, the culture of the online communication cultivated by social media forms a request for public expression of views, including the political ones, as well as for information openness and communicative freedom among users of the Internet and social networks. The Russian social media audience is characterized by a higher demand for changes in the country and society.

Keywords: communication, electronic media, Internet, social networks, self-organization of scientists

Acknowledgments. The study was supported by a grant from the Russian

ного фонда (проект № 20-18-00505) в Федеральном научно-исследовательском социологическом центре Российской академии наук.

Science Foundation (Project No. 20-18-00505) at the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Социальные медиа как инструмент общественной консолидации: постановка проблемы

Расширение аудитории социальных медиа актуализирует вопрос об их влиянии на установки граждан по значимым общественно-политическим вопросам и общественную консолидацию. Некоторые авторы приписывают цифровизации почти неограниченные возможности поддержки «низового активизма», политического участия и электронной демократии [Pianini, Omicini 2019: 84]. Тиражируя ссылки на тематически связанные интернет-источники, социальные медиа создают возможности включения в информационное поле постоянно разрастающейся аудитории, они способны превращать рядовых граждан в экспертов и ньюсмейкеров. Объединяясь в рамках интернет-коммуникации, ранее децентрализованные группы и не связанные между собой персоны даже в отсутствие единого лидера способны формировать виртуальные коалиции [Montgomery, 2007: 91—92], взаимодействовать по поводу значимых проблем или событий, координировать коллективные действия [Owen, 2006]. Цифровые медиа «высвечивают» скрытые проблемы, становятся рупором публично непредставленных групп, упрощают и повышают эффективность общественных объединений, используются в качестве механизма контроля действий политического руководства [Elshahed, 2020].

В рамках настоящей статьи социальные и электронные медиа понимаются как синонимичные определения специфических ресурсов интернет-коммуникации, включающих в себя социальные сети и интернет-сайты, в том числе web-страницы, условно традиционных медиа (ТВ-каналов, радиостанций, печатных изданий и пр.), а также Telegram-каналы и мессенджеры. Такая интерпретация созвучна с определением социальных медиа, предложенным Р. Скоблом, — как любых видов свободной от цензуры интернет-коммуникации, предполагающих обратную связь с аудиторией в формате комментариев либо обсуждения контента, мгновенно обновляющих или корректирующих контент, сочетающих разнообразные способы презентации информации (текстовый, видео- и аудиофайлы и т. п.)¹. Д. Миллер, один из основных авторов широко растиражированного исследования «Why We Post», посвященного изучению поведения представителей разных культур и социальных групп в социальных медиа, считая невозможным единственно корректное универсальное определение социальных медиа, предлагает рассматривать их как своеобразное место общения и даже обитания пользователей, создающее масштабируемую социальность, которая, благодаря ресурсам полимедиа (то есть всего диапазона digital-ресурсов), позволяет коммуницировать с неограниченным

¹ Scoble R. (2011) What Is Social Media? *Scobleizer.com*. February 16. URL: <http://scobleizer.com/2007/02/16/what-is-social-media/> (дата обращения: 18.03.2022).

числом собеседников на любые темы². Дж. Липшульц определяет социальные медиа как разнообразные цифровые каналы, используемые аудиторией для прямой, хотя и технически опосредованной, коммуникации [Lipschultz, 2018: 13]. К. Торсон делает важное замечание: социальные медиа, предоставляя аудитории новые возможности коммуникации и публичной социально-политической саморепрезентации, не содержат четких алгоритмов онлайн-активизма, так что благодаря им молодежь сегодня самостоятельно вырабатывает наиболее эффективные способы политической репрезентации и политического действия [Thorson, 2014b].

Интерес к влиянию социальных медиа «подогрели» протесты в Северной Африке и Восточной Европе в 2010-х годах: их участники взаимодействовали в том числе и посредством цифровой коммуникации. «Арабская весна» даже породила веру в революционный потенциал интернета и социальных сетей: летом 2011 г. на каирской площади Тахрир появились сувенирные футболки с логотипами Facebook³, YouTube и Twitter и подписью «методы свободы» [Srinivasan, 2017]. Привлекательность гипотезы Facebook*- и Twitter-революций связана с идеей социальных изменений, приносимых цифровизацией: распространением ценностей эгалитарной открытой культуры [Burke, 2018], идеалов демократии, гражданского участия, информационной открытости и достоверности [Moore, 1999: 40—41], способностью социальных сетей аккумулировать социальное недовольство и протестные настроения, содействовать формированию коллективных целей и задач [Ахременко, Стукал, Петров, 2020]. Выстроенная на критике и даже отрицании актуальных принципов общественного устройства, протестная коммуникация часто предлагает альтернативные социально-политические ценности и модели [Антоновский, 2017; Храбан, 2017; Бараш, Антоновский, 2018]. Благодаря масштабной цифровизации складываются предпосылки виртуальной коммуникации людей, не связанных личными взаимоотношениями.

Способность социальных медиа консолидировать протестную коммуникацию, не создавая сетей регулярного плотного взаимодействия активистов (как это бывает в традиционных социальных движениях) [Della Porta, 2017], сыграло ключевую роль в «сборке» протеста в различных сообществах. Это наблюдается в демократических (Испания, Греция, США) и авторитарных режимах (Йемен, Тунис, Египет), в политических системах с высокой степенью внутренней цензуры, как в Беларуси и России, и в гибридных политических режимах типа Турции при Р.Т. Эрдогане или Украины при В. Януковиче [Belyaeva, Albert, Zaytsev, 2019]. Цифровой контент способствует формированию у своей аудитории установок по актуальным вопросам: в 2020 г. большинство американских пользователей считали, что соцсети влияют на принятие ими политических решений (63%), формирование социально-политических взглядов (58%), предоставляют возможности медийного представительства (64%)⁴.

² What Is Social Media? // Why We Post. 2016. YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=627Ksat_Csk&t=11s (дата обращения: 18.03.2022).

³ Здесь и далее * означает социальные сети, деятельность которых запрещена на территории Российской Федерации.

⁴ Pew Research Center's American Trends Panel // Pewresearch.org. 2020. July 13—19. URL: <https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/2020/09/SMEfficacy-MethodsTopline.pdf> (дата обращения: 18.03.2022).

Вместе с тем Д. Миллер предлагает не переоценивать модернизационный потенциал социальных медиа, замечая, что тематика востребованного цифрового контента определяется интересами аудитории, в том числе и консервативными⁵. Многие пользователи соцсетей намеренно избегают прямых споров и конфликтов в сети, остерегаются резких общественно-политических суждений и отдают предпочтение развлекательному контенту. К слову, российская аудитория социальных сетей еще в 2014 г. использовала цифровые медиа в первую очередь для общения с близкими и для развлечения [Бараш, 2014]. Влияние сетевой коммуникации может быть и откровенно негативным, когда она способствует популяризации антилиберальной идеологии, в том числе национализма и правого популизма [Mihelj, César, 2020; Fuchs, 2019; Rajnik, Sauer, 2018]. Американские пользователи социальных медиа указывают на их способность отвлекать людей от действительно важных проблем (79 %), распространять дезинформацию и нетерпимость (64 %) ⁶. Аудитория социальных медиа, общаясь преимущественно с единомышленниками или ориентируясь на узко тематический контент или конкретные информационные ресурсы, может еще сильнее укрепляться в уже сложившемся мнении (как это бывает в ситуации складывания парадоксов «эхо-камер» [Dubois, Blank, 2018] и «пузырей фильтров» [Cardenal et al., 2019]).

«Пузыри фильтров», предлагающие пользователям на основании персонализированной истории поисковых запросов, местоположения и даже марки используемой техники таргетированный контент либо контекстную рекламу, могут создавать предпосылки для манипулирования общественным мнением со стороны поисковых (Google, Yahoo, Yandex и пр.) или социальных сетей. Производным от фильтр-пузырей является эффект манипулирования поисковыми системами (Search Engine Manipulation Effect, SEME), когда целенаправленные подтасовки результатов поисковых запросов влияют на установки пользователей, в том числе и по социально-политическим темам: например, если выдача преимущественно негативной информации о политическом кандидате приводит к его низкой electoralной популярности, и наоборот. Несомненно, в отличие от аудитории традиционных медиа, получающих безальтернативную интерпретацию событий, аудитория цифровых медиа может перепроверять достоверность информации в различных источниках. Но связь глобально расширяющейся цифровой коммуникацией с модернизацией социально-политических установок аудитории и тем более с распространением практик низового активизма многие исследователи считают не очевидной, отмечая, что низовая самоорганизация возникает не из включения в digital media, но из интереса граждан к социально-политическому участию [Kalathil, Boas, 2003: 1—3], а консолидационный потенциал интернет-коммуникации реализуем лишь при наличии у высоко мотивированных граждан или харизматичного лидера инициативы преобразований и желания действовать [Coleman, Blumler, 2009: 11—12]. Цифровые медиа способствуют выстраиванию

⁵ Мемы — это легкий способ ассоциировать себя с какой-либо системой ценностей // Meduza.io. 2018. 20 января. URL: <https://meduza.io/feature/2018/01/20/memy-eto-legkiy-sposob-assotsiirovat-sebya-s-kaкой-libo-sistemoy-tsennostey> (данный материал создан и распространен средством массовой информации, признанным выполняющим функции «иностранный агента»; дата обращения: 18.03.2022).

⁶ Pew Research Center's American Trends Panel // Pewresearch.org. 2020. July 13—19. Pewresearch.org. URL: <https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/2020/10/SNSRATE-ToplineMethods.pdf> (дата обращения: 18.03.2022).

«слабых связей» между неоднородным населением [Granovetter, 1983], но становятся ресурсом коллективного действия для уже сложившихся групп, мотивированных общностью интересов, взглядов или проблем.

Обратной стороной чрезмерной «виртуализации» активизма многие исследователи считают «slacktivism»⁷, когда популярные интернет-кампании, посвященные решению значимых социальных проблем, имеют незначительный либо нулевой практический результат, оказываясь миражом самоорганизации и «размывая» низовой активизм. Рассуждая о феномене slacktivism, Е. Морозов пишет, что многочисленные кампании цифрового активизма, декларирующие задачи изменения мира через Facebook* и Twitter, создавая у участников онлайн-кампаний мнимое ощущение собственной полезности и важности при минимуме практических затрат, лишь отвлекают от реальной помощи тому же делу и провоцируют «социальное безделье»⁸. Ряд эмпирических исследований подтверждают гипотезу «цифрового нарциссизма» некоторых активных блогеров, активно — нередко напоказ — размещающих социально и политически значимый контент, но мало склонных к участию в конкретных инициативах [Gentile et al., 2012]. М. Гладуэлл пишет, что интернет-активизм укрепляет слабые социальные связи, расширяет информированность аудитории, но потенциал интернет-кампаний для решения серьезных проблем, в том числе и через протестную коммуникацию, крайне невысок⁹. Для серьезных социальных изменений нужны не слабые связи, но прочные отношения, опирающиеся на стабильную коммуникацию, координацию действий и иерархию, зачастую сопряженную для участников с высокими рисками и серьезными издержками (благополучия, свободы и даже жизни). Такие сильные связи формируются повседневной солидарностью, которую социальные медиа могут серьезно упростить, но не способны создать.

Вместе с тем коммуникация на околополитические темы в социальных медиа способна повысить интерес к онлайн-самовыражению и — косвенно — к политическому участию [Kwak et al., 2018], ведь, как показывают исследования, среди пользователей социальных медиа выше готовность к диалогу с идейными оппонентами [Lee, Lane, Kwak, 2020]. Существующие эмпирические данные позволяют сделать вывод, что политическая онлайн-репрезентация характерна прежде всего для серьезно мотивированных активистов, тогда как неуверенная в своих взглядах аудитория, опасаясь конфликта или неверного истолкования своих высказываний, избегает публикационной активности в социальных медиа [Thorson, 2014a]. Однако участие в интернет-дискуссиях провоцирует участников к более аргументированной защите своей позиции, что привлекает дополнительную аудиторию, повышает интерес к политическому участию [Lane, Kim, Lee, 2017], способствует интенсивной коммуникации и возможным солидарным действиям единомышленников [Kim, Kim, 2008; Kwak et al., 2020]. Активные пользователи социальных медиа чаще заявляют свою позицию по важным вопросам, и, полу-

⁷ «Slacktivism» — сочетание слов «slacker» (англ.: бездельник) и «activism» (англ.: активизм).

⁸ Morozov E. (2009) From Slacktivism to Activism. *Foreign Policy*. September 5. URL: <http://foreignpolicy.com/2009/09/05/from-slacktivism-to-activism> (дата обращения: 18.03.2022).

⁹ Gladwell M. (2010) Small Changes: Why the Revolution Will Not Be Tweeted. *The New Yorker*. September 27. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2010/10/04/small-change-malcolm-gladwell> (дата обращения: 18.03.2022).

чив одобрение соратников и единомышленников, еще больше утверждаются в собственных установках и своей значимости как активных участников политического процесса. Сталкиваясь в социальных медиа с вызовами своим убеждениям, идейно мотивированные или вовлеченные в политическое участие люди склонны наращивать онлайн-коммуникацию с единомышленниками, что часто «подталкивает» их к прямому политическому участию, например, в форме голосования на выборах [Lane et al., 2019].

Значительное влияние на установки аудитории социальных медиа оказывает и региональная специфика: авторы уже упоминавшегося исследования «Why We Post» резюмируют, что социальные медиа не делают мир однородным, но, напротив, отражают культурные различия и служат своеобразным целям местной или региональной аудитории¹⁰. Если в Чили и Турции социальные медиа используются для поддержания семейных связей, а в Бразилии — для общения единомышленников, то пользователи из Великобритании размещают посты и фотографии для самовыражения. Исследуя влияние интернет-коммуникации на социальную жизнь в России, П. Колозариди и О. Довбыш отмечают, что интернет-коммуникация в различных российских регионах очень своеобразна, поскольку отражает местные культурные традиции и социальные нормы, территориальные и исторические особенности распространения виртуальной коммуникации и др. [Kolozaridi, Dovbysh, 2020]. Многообразии моделей влияния социальных медиа на мнение своей аудитории по значимым общественно-политическим вопросам, ее готовность к самоорганизации и участию, а также региональные и конъюнктурные особенности цифровой коммуникации актуализируют изучение установок российской цифровой аудитории — этим вопросам посвящена представленная статья.

Методология исследования

В качестве основного источника информации о влиянии цифрового контента на общественно-политические установки аудитории социальных медиа, их политическую коммуникацию и низовой активизм в рамках данной работы используются данные массового социологического опроса Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, проведенного в 2020 г. в рамках реализации проекта Российского научного фонда (проект № 20—18—00505) по общероссийской выборке (N = 2000), репрезентирующей население страны по региону проживания, а внутри него — по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения.

Несомненно, данные прикладных социологических исследований являются очень своеобразным инструментом диагностики социального порядка, прежде всего, с методологической точки зрения, из-за юмовской проблемы неоднозначности и неочевидности связи между результатами и приписываемой причинностью [Stinchcombe, 2005: 22], между мнением респондента и предшествовавшими обстоятельствами его индивидуального опыта, а также между заявлениями и реальными действиями. Достоверность отражения социального порядка посредством опросов прямо зависит и от компетентности «медианного респондента», участ-

¹⁰ Social Media is not Making the World More Homogenous // Ucl.ac.uk. URL: <https://www.ucl.ac.uk/why-we-post/discoveries/8-social-media-is-not-making-the-world-more-homogenous> (дата обращения: 18.03.2022).

вующего в тех или иных опросах. Справедливо сомнение в корректности выводов о реальных общественных тенденциях, сделанных на основании суммирования мнений случайно отобранных индивидов [Юдин, 2020]. Наконец, валидность данных любого социологического исследования прямо зависит от технического соблюдения процедуры опроса и исследовательской этики [Рогозин, Ипатова, 2015], соответствия социологической информации требованиям достоверности, устойчивости и репрезентативности [Шляпентох, 2006: 80].

Данные опросов, как и публикации пользователями своего мнения в социальных медиа, имеют отношение в первую очередь к тому, что респондент декларирует, а не как он себя ведет в реальности. Однако результаты массовых социологических исследований, прочитанные и интерпретированные критически, сегодня довольно полно репрезентируют мнение значительного числа людей по актуальным проблемам и, будучи корректно использованы, могут служить для описания повседневности.

Консолидационный потенциал социальных медиа в России

Интерес к консолидационному потенциалу социальных медиа в России возник в начале 2010-х годов вместе с появлением глобальной исследовательской гипотезы о Facebook*- и Twitter-революциях. После московских протестов 2011—2012 гг., когда электронная коммуникация значительно упростила взаимодействие разрозненных участников протестного движения [Соколова, Головина, Семирханова, 2014], социальные медиа стали рассматриваться как один из базовых элементов протестной коммуникации [Архипова** и др., 2018], упрощающий мобилизацию и повышающий эффективность коллективных действий [Соколов, Курбанова, 2018; Радченко, Ксенофонтова, Писаревская, 2014].

Вместе с тем распространение ограничений антиэкстремистского законодательства на электронные медиа, расширение возможностей уголовного и административного преследования за «протестный контент» (посты, лайки и репосты) затрудняют оценку влияния цифровой коммуникации на установки россиян, особенно по значимым социально-политическим проблемам. Значительно снизило публичную интернет-активность и ужесточение санкций за участие в несогласованных митингах, а также серьезные трудности с легальной низовой самоорганизацией. Требования российского законодательства к владельцам соцсетей не допускать использования электронных медиа для совершения уголовно наказуемых деяний или распространения деструктивного контента (экстремистских материалов, материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, и т. д.) делают возможным признание любого политически ангажированного контента недостоверным либо опасным, предполагает штрафные санкции для авторов и распространителей признанных противозаконными сообщений.

Несмотря на ограничение свободы слова, аудитория социальных медиа в России последовательно расширяется¹¹, упрощаются и механизмы интернет-

¹¹ В 2021 г. аудитория интернета в России выросла до 124 млн пользователей, социальных сетей — до 99 млн. См.: Интернет и соцсети в России в 2021 году — вся статистика // Web-canape.ru. 2021. 12 февраля. URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-i-socseti-v-rossii-v-2021-godu-vsya-statistika/> (дата обращения: 18.03.2022).

Здесь и далее: ** 26.05.2023 внесена в реестр иностранных агентов.

коммуникации (67 % российских интернет-пользователей для выхода в сеть используют смартфон)¹². Данные, на которые опирается эта статья, свидетельствуют, что вследствие расширения регулярной аудитории¹³ интернета (82 %) и социальных сетей (68 %) социальные медиа стали третьим по популярности источником информации после федерального и регионального (местного) телевидения, потеснив радио и печатную прессу. Отвечая на вопрос о том, из каких источников они часто получают информацию о важнейших событиях в мире, 65 % респондентов назвали программы центрального телевидения (ТВ), 46 % — программы регионального ТВ, 39 % — социальные сети, 37 % — интернет-издания, 20 % — радиoproграммы, 12 % — печатную прессу, 7 % — зарубежные СМИ. Вместе с тем включенность в цифровые медиа не интегрирует аудиторию в либеральный дискурс (консервативная и охранительная повестка широко представлены онлайн), часто сочетается с информацией из традиционных медиа (тем более, что у многих ТВ каналов, газет, журналов и радиостанций есть сайты и страницы в соцсетях) и связывает единомышленников, обменивающихся схожим контентом и солидарных в оценке событий / ситуации [Agrawal, Budak, Abbadi, 2011].

Кроме того, большинство пользователей обращаются к социальным медиа отнюдь не за политическими новостями или серьезной аналитикой, но используют их в первую очередь как удобный ресурс быстрого общения по самым разным поводам. По данным исследования ФНИСЦ РАН, постоянная аудитория интернета (64 %) и социальных сетей (68 %) использует соцсети прежде всего для общения с друзьями и знакомыми. Еще 20 %—21 % активной аудитории оперативно связываются с коллегами по работе, 15 %—18 % находят знакомых с общими интересами, 8 %—9 % участвуют в тематических интернет-сообществах, 7 % делятся информацией о жизни своего города, поселка. Социальные медиа, действительно, значительно упростили регулярное взаимодействие и упрочили «слабые связи» внутри малых групп (семья, друзья, коллеги, единомышленники и т. п.) [Stieglitz, Dang-Xuan, 2012: 1290].

Вторым по востребованности после коммуникативного является информационный ресурс социальных сетей: половина (46—50 %) активных пользователей социальных медиа узнают здесь новости и информацию о текущих событиях. Еще 17 %—19 % пользователей знакомятся с новостями кино и музыки, новыми играми, книгами, 13 %—15 % — читают публикации известных блогеров. Развлекательный ресурс социальных сетей, позволяющий просто проводить время, интересует лишь треть (34 %) их активных пользователей. Еще 7 % узнают из соцсетей о жизни популярных блогеров и персон (см. табл. 1).

Номинальный же потенциал социальных сетей как механизма политической коммуникации и консолидации невысок. Лишь 2 %—3 % активных пользователей интернета и соцсетей обращаются к последним для общения с политическими единомышленниками. Не более 1 % — для участия в организации и проведении политических и гражданских акций. И это при том, что все последние громкие

¹² Аудитория интернета в России // Mediascope.net. 2020. 21 сентября. URL: http://mediascope.net/upload/iblock/Ob4/Mediascope_%D0%A0%D0%98%D0%A4_2020.pdf (дата обращения: 18.03.2022).

¹³ К регулярной аудитории тех или иных медиа относятся те, кто пользуются ими ежедневно или несколько раз в неделю.

протестные акции в России (выступления в поддержку Ивана Голунова, протестные митинги накануне выборов в Мосгордуму, «мусорные» протесты в Архангельской области, протестные акции против объединения ЯНАО и Архангельской области) организовывались и координировались главным образом посредством и при активном общении участников в соцсетях и тематических интернет-чатах.

Таблица 1. **Причины обращения к социальным сетям постоянной аудитории интернета и социальных сетей, % (три варианта ответа) 14**

Цели использования ресурсов социальных сетей	Регулярное пользование	
	Интернетом	Социальными сетями
Коммуникативный ресурс		
Общаться с друзьями и знакомыми	64	68
Для оперативной связи с коллегами по работе	20	21
Находить знакомых с общими интересами	15	18
Участвовать в каких-либо тематических интернет-сообществах	8	9
Обмениваться информацией о жизни своего города, поселка и т. д.	7	7
Информационный ресурс		
Узнавать новости и получать информацию о текущих событиях	46	50
Знакомиться с новостями кино и музыки, новыми играми, книгами	17	19
Знакомиться с публикациями известных блогеров	13	15
Развлекательный ресурс		
Просто проводить свободное время	31	34
Узнавать о жизни известных и популярных людей страны	7	7
Ресурс самоорганизации		
Общаться с политическими единомышленниками	2	3
Участвовать в организации и проведении политических, гражданских акций	1	0

Активная вовлеченность в социальные медиа и регулярный доступ к новостному контенту социальных сетей и интернета в современной России не выливается в резко критические оценки актуальной повестки (см. табл. 2). Респонденты, получающие информацию из социальных сетей и интернета, не отличаются от своих сограждан, черпающих информацию о мире преимущественно из телевизионных передач, радикальностью оценок ситуации в стране. И аудитория социальных медиа (54 %), и ТВ-аудитория (49 %) практически совпадают в своих оценках актуальной ситуации, преимущественно считая ее кризисной, напряженной. Многие —

¹⁴ Источник данных в табл. 1—10 — данные опроса ФНИСЦ РАН, проведенного в 2020 г. в рамках реализации проекта РНФ (проект № 20—18—00505).

около трети (30%—34%) в обеих группах — считают ситуацию в стране нормальной. Примерно совпадает и доля алармистов: лишь 8%—11% аудитории цифровых медиа и телевидения оценивают ситуацию как катастрофическую.

Таблица 2. Отношение к внутривнутриполитической ситуации в России и перспективам ее развития среди аудитории ТВ, социальных сетей и интернета, % (один ответ)

	Все опрошенные	Регулярный источник информации о важнейших событиях в мире		
		Программы центрального телевидения	Интернет-издания	Социальные сети
Ситуация нормальная, спокойная	31	34	30	30
Ситуация напряженная, кризисная	51	49	54	54
Ситуация катастрофическая	9	8	9	11
Затруднились ответить	9	9	7	6
Страна будет развиваться успешно	13	15	12	13
Страну ждут трудные времена	46	44	50	48
Ничего принципиальным образом не изменится	33	33	30	31
Затруднились ответить	8	8	7	8

Совпадает телевизионная и цифровая аудитория и в своих оценках перспектив развития страны: большинство в обеих группах настороженно оценивает будущее, будучи уверенными, что страну ждут трудные времена (44%—50%), еще около трети (33% телеаудитории и 30%—31% аудитории социальных медиа) уверены, что ничего принципиально не изменится. Оптимистов, считающих, что страна будет развиваться успешно, в обеих группах меньшинство (12%—15%; см. табл. 2).

Потенциал политизации аудитории социальных медиа в России

Российская аудитория социальных медиа не отличается и повышенным интересом к политике: лишь четверть респондентов, основным источников важнейшей информации о мире которых является интернет и социальные сети (22%—24%), внимательно следят за информацией о политических событиях (табл. 3). Большинство же регулярной аудитории социальных сетей и интернета (43%) демонстрируют умеренный интерес к политике и внимательно за информацией о политических событиях не следят. Этот показатель практически не отличается от аналогичного у телевизионной аудитории (42%). Вместе с тем треть аудитории электронных медиа заявляют, что они вообще не интересуются политикой

(33%—35%), совпадая уровнем политического абсентеизма с телевизионной аудиторией (38%).

В контексте общемировой политизации цифрового контента, активного использования социальных медиа представителями политического истеблишмента для обсуждения актуальной повестки, коммуникации с избирателями или проведения дискуссий с оппонентами [Hong, Nadler, 2011], а также рядовыми пользователями для общения с единомышленниками или участия в общественно-политических мероприятиях [Stieglitz, Dang-Xuan, 2012: 1277] политическая «индифферентность» российской аудитории цифровых медиа выглядит вынужденной. Это можно объяснить строгостью российского законодательства в отношении возможностей политического самовыражения «в сети». Но умеренно взвешенные и в чем-то безразличные оценки актуальной ситуации в стране от постоянной аудитории социальных медиа сменяются более резкими, как только речь заходит о болезненных вопросах свободы слова, политической конкуренции и сменяемости власти в России.

Таблица 3. **Интерес к политике среди аудитории ТВ, социальных сетей и интернета, % (один ответ)**

	Все опрошенные	Регулярный источник информации о важнейших событиях в мире		
		Программы центрального телевидения	Интернет-издания	Социальные сети
Да, внимательно следят за информацией о политических событиях	19	19	24	22
Нет, не следят внимательно за информацией о политических событиях	41	42	43	43
Политикой не интересуются	41	38	33	35

Интернет-издания и социальные сети в современной России — одно из немногих мест, где возможна хотя и ограниченная в силу действующего законодательства, но реальная дискуссия практически по любым вопросам, в том числе и по политическим. А. Колесников пишет, что для оппозиционно настроенных граждан электронные медиа в России 2020-х годов выполняют роль механизма оперативного распространения важной информации и поддержания коммуникации идеологических единомышленников, они стали аналогом самиздата и тамиздата советских диссидентов 1960-х годов¹⁵. Неслучайно постоянные пользователи интернета и социальных сетей очень остро ощущают ограниченность возможностей

¹⁵ Колесников А. На языке площадей. Как наследие диссидентов 1960-х проявляется в сегодняшних протестах // Carnegie.ru. 2021. 9 февраля. URL: <https://carnegie.ru/commentary/83840> (дата обращения: 18.03.2022).

выражать свои политические взгляды, в четверти случаев ответов оценивая такую возможность как плохую (24%). Отсюда возникает запрос активной аудитории пользователей социальных медиа на возможность свободного выражения собственных взглядов, свободу слова. Для регулярной аудитории социальных медиа важность свободы слова и средств массовой информации являются буквально абсолютной — 86% тех, кто регулярно пользуется интернетом, и 87% регулярных пользователей соцсетей заявляют о том, что им в той или иной степени важна возможность свободного общения и свободные СМИ.

Запрос на информационную открытость аудитория социальных медиа распространяет и на власть: среди значимых ее характеристик респонденты называют доступность (открытость) информации о деятельности органов власти (49%, см. табл. 4), возможность личного общения с представителями органов власти (40%), открытость информации о биографии представителей власти, их доходов и недвижимости (32%), готовность представителей власти дискутировать с оппозицией и гражданским обществом (29%). Среди активной аудитории социальных медиа заметно выше запрос на возможность граждан прямо общаться с представителями органов власти (42% против 32%—35% среди тех, кто не включен в виртуальную коммуникацию), а также на готовность власти дискутировать с представителями оппозиции и гражданского общества (32% против 19%—21% респондентов, не включенных в электронную коммуникацию).

Таблица 4. Мнение о важных атрибутах доступности власти среди активных пользователей социальных медиа и тех, кто не включен в цифровую коммуникацию, % (три варианта ответа)

	Все опрошенные	Пользование интернетом		Пользование социальными сетями	
		Пользуются ежедневно	Вообще не пользуются	Пользуются ежедневно	Вообще не пользуются
Доступность (открытость) информации о деятельности органов власти	49	49	45	49	46
Возможность личного общения с представителями органов власти	40	42	32	42	35
Открытость информации о биографии представителей власти, их доходов и недвижимости	32	33	32	31	32
Готовность представителей власти дискутировать с представителями оппозиции и гражданского общества	29	32	19	32	21
Возможность посещения гражданами зданий, в которых располагаются органы власти	22	22	21	23	22
Территориальная близость мест расположения органов власти	11	11	10	12	9
Затруднились ответить	19	16	28	17	27

Нынешняя же власть, как можно заключить из данных опроса, не кажется респондентам заинтересованной в диалоге с гражданами. 84 % всех участников опроса заявили, что у российских граждан сегодня нет возможности влиять на политику государства в целом. И эта уверенность в коммуникативной закрытости российской власти и скепсис в отношении перспектив граждан повлиять на принятие политически решений одинаково велики и среди телевизионной аудитории (84 %), и респондентов, которые получают актуальную информацию преимущественно через интернет-ресурсы (86 %) или социальные сети (84 %).

Коммуникативная закрытость власти является важной причиной откровенного недоверия россиян большинству существующих в России институтов представительной демократии. Среди активных пользователей социальных медиа уровень недоверия ключевым органам власти выше, а уровень доверия — ниже. Менее половины (47 %—48 %) активных пользователей социальных медиа доверяют президенту РФ. Среди россиян, не участвующих в электронной коммуникации, этот показатель выше более чем на 10 процентных пунктов (58 %—61 %). В аудитории социальных медиа уровень доверия президенту на 13 процентных пунктов ниже, чем среди зрителей федеральных телеканалов (45 % против 58 %).

Более половины активных пользователей интернета и социальных сетей (51 %) признаются в недоверии Правительству РФ. Среди не включенных в новые медиа уровень недоверия ниже (44 %—46 %).

Таблица 5. **Уровень доверия президенту и Правительству РФ среди аудитории ТВ и социальных медиа, % (один ответ)**

	Все опрошенные	Пользование интернетом		Пользование социальными сетями		Регулярный источник информации о важнейших событиях в мире		
		Пользуются ежедневно	Вообще не пользуются	Пользуются ежедневно	Вообще не пользуются	Программы центрального телевидения	Интернет-издания	Социальные сети
Президенту России								
Доверяют	51	48	61	47	58	58	45	45
Не доверяют	30	33	26	35	27	25	35	36
Затруднились ответить	18	18	13	18	16	17	21	19
Правительству России								
Доверяют	30	29	37	29	35	34	27	28
Не доверяют	50	51	44	52	46	46	52	52
Затруднились ответить	20	20	19	19	19	20	21	21

Недовольство «кулуарностью» российской политики, непрозрачностью механизмов принятия значимых государственных решений приводит к тому, что многие представители активной аудитории социальных медиа приписывают именно власти основную ответственность за проблемы российского общества. Почти половина респондентов, которые получают новости о мире главным образом из интернет-ресурсов (47 %) и социальных сетей (46 %), уверены, что основные угрозы для России находятся внутри страны. Уверенных в большей значимости внешних угроз заметно меньше (38 %—39 %).

Оценки представителей постоянной телеаудитории распределяются противоположным образом. Почти половина тех, кто получает новости преимущественно от центрального телевидения (47 %), уверены в том, что основные враги России находятся за ее рубежами. В том, что основные проблемы страны связаны с ее внутренними вызовами, убеждены чуть более трети (35 %) представителей телевизионной аудитории.

Таблица 6. Оценка характера угроз для России среди аудитории ТВ, социальных сетей и интернета, % (один ответ)

	Все опрошенные	Регулярный источник информации о важнейших событиях в мире		
		Программы центрального телевидения	Интернет-издания	Социальные сети
Основные угрозы для России исходят из-за рубежа	41	47	38	39
Основные угрозы для России находятся внутри страны	41	35	47	46
Затруднились ответить	18	19	15	15

Аудитории социальных медиа в России:

запрос на социальные перемены и готовность к солидарным действиям

Невысокий уровень доверия цифровой аудитории представительным органам власти, особенно таким «персонализированным», как президент и Правительство РФ, связан как с их коммуникативной закрытостью для граждан, так и с выраженным запросом активной аудитории социальных медиа на перемены в стране, которые власть не стремится реализовать. Данные опроса свидетельствуют о том, что многие в стране ждут перемен (54 %). Но среди активной аудитории интернет-изданий (64 %) и социальных сетей (61 %) запрос на перемены актуализирован заметно сильнее (разница составляет почти 20 процентных пунктов), чем среди постоянных телезрителей (46 %). Большинство представителей постоянной телеаудитории уверены, что страна нуждается в стабильности (53 %). Среди тех, кто получает актуальную информацию из социальных медиа, запрос на стабильность

почти вдвое меньше — лишь 36%—38% считают, что страна нуждается в стабильности и это важнее, чем перемены.

Та же оппозиция наблюдается в отношении установок на общественные перемены. Большинство респондентов (60%—61%), регулярно пользующихся цифровыми медиа, уверены, что стране и обществу нужны экономические и политические реформы. За стабильность выступает в 1,5 раза меньше пользователей социальных медиа (38%—39%). Установки россиян, не пользующихся социальными медиа, противоположны: почти две трети из них (63%) — за стабильность, меньшинство (36%) — за перемены (см. табл. 7).

Таблица 7. **Запрос на перемены в жизни страны среди аудитории ТВ, социальных сетей и интернета, % (один ответ)**

	Все опрошенные	Пользование интернетом		Пользование социальными сетями		Регулярный источник информации о важнейших событиях в мире		
		Пользуются ежедневно	Вообще не пользуются	Пользуются ежедневно	Вообще не пользуются	Программы центрального телевидения	Интернет-издания	Социальные сети
Да, страна нуждается в существенных переменах, нужны новые реформы в экономической и политической жизни страны	54	60	36	61	40	46	64	61
Нет, страна нуждается в стабильности, это важнее, чем перемены	45	39	63	38	58	53	36	38

Однако запрос аудитории социальных медиа на общественные изменения и динамичное развитие страны не подкрепляется готовностью участвовать в социально значимых инициативах, способных изменить существующее положение дел, во всяком случае сейчас. Большинство активных пользователей социальных медиа (46%) никакого участия в общественно-политической жизни не принимают, за исключением «безобидных» голосования на выборах (36%) и обсуждения политических событий с друзьями, коллегами по работе и учебе (23%—24%). Акции низовой самоорганизации — удел меньшинства: 7% активных пользователей социальных сетей принимали участие в выборных кампаниях в качестве наблюдателя, агитатора, сборщика подписей, 5% участвовали в благотворительных и волонтерских движениях, 4% — в общественном самоуправлении по месту жительства, 3% — в деятельности профсоюзных организаций. Лишь 3% респондентов, активно вовлеченных в электронную коммуникацию, в течение последних полутора лет принимали участие в общественно-политических акциях (митингах, демонстрациях и т. п.).

Не готовы активные пользователи социальных медиа и к коллективным действиям, направленным на изменения. В случае значительного ухудшения жизни

не более 18%—19% активных пользователей социальных медиа готовы к участию в акциях: 11%—12% готовы принять участие в митингах, демонстрациях, голодовках в случае ухудшения своего положения или положения своей семьи, 4% готовы отстаивать свои интересы через профсоюзные организации, 3% могут вступить в политическую партию. Этот показатель почти вдвое больше, чем среди граждан, не включенных в виртуальные сети (18%—19% против 10%—12%), но явно недостаточен для того, чтобы изменить ситуацию, так что *виртуальная коммуникация не становится значимым триггером общественно-политического активизма*.

А вот готовность к индивидуальным действиям, направленным на улучшение собственной жизни, среди аудитории социальных медиа заметно выше, чем среди тех, кто не включен в цифровую коммуникацию. 37% активных пользователей социальных сетей и интернета заявили, что в случае ухудшения своей жизни они будут искать дополнительные источники заработка, еще 6%—7% примут решение о переезде в другой регион страны, 5%—6% готовы переехать в другую страну, не более 3% готовы взяться за оружие для отстаивания своих интересов. В то же время большинство респондентов, не включенных в цифровую коммуникацию (37% тех, кто не пользуется интернетом, и 27% тех, кто не включен в социальные сети), для улучшения своей жизни скорее ничего предпринимать не будут.

Таблица 8. **Готовность реагировать на значительное ухудшение жизни аудитории социальных медиа и тех, кто не включен в цифровую коммуникацию, % (два варианта ответа)**

	Все опрошенные	Пользование интернетом		Пользование социальными сетями	
		Пользуются ежедневно	Вообще не пользуются	Пользуются ежедневно	Вообще не пользуются
Индивидуальные действия					
Будут искать дополнительные источники заработка	32	37	14	37	22
Примут решение о переезде в другой регион страны	5	6	1	7	2
Примут решение о выезде из России в другую страну	4	6	1	5	2
Возьмутся за оружие для отстаивания своих интересов	2	3	1	3	2
Коллективные действия					
Примут участие в митингах, демонстрациях, голодовках	10	11	6	12	7
Будут отстаивать свои интересы через профсоюзные организации	4	4	3	4	4
Вступят в какую-либо политическую партию для защиты своих интересов	2	3	1	3	1
Ситуация неопределенности					
Что-то предпримут, но что, еще не решили	27	28	20	27	23
Никак не будут реагировать, будут терпеть дальше	4	3	6	3	5
Ничего предпринимать не будут	14	8	37	8	27
Затруднились ответить	16	16	19	15	18

Среди активной российской аудитории социальных медиа сегодня невысок и протестный потенциал. Большинство — 59%—60% активных пользователей социальных медиа — не готовы принимать участие в протестных выступлениях по социальным или экономическим вопросам (например, против пенсионной реформы). Еще меньше тех, кто готов участвовать в митингах и демонстрациях в защиту демократических прав и свобод (свободы слова, собраний, шествий и т. п.) — 67%—68%. Но, учитывая ужесточение «законодательства о митингах», а также ряд громких разбирательств в отношении политических активистов, это объяснимо. Вероятно, среди активной аудитории социальных медиа реальный потенциал низовой самоорганизации, в том числе и протестной, несколько выше заявленного и при благоприятных условиях он может быть реализован [Докука, 2014; Ушкин, 2014].

Большинство представителей активной аудитории социальных медиа (68%—69%) считают для себя важным право граждан на участие в мирных акциях протеста (демонстрациях, митингах, забастовках). Среди респондентов, не включенных в цифровую коммуникацию, запрос на гарантированное государством право на мирный протест ниже на 13 процентных пунктов (55%—57%). Обращает на себя внимание, что каждый третий представитель постоянной цифровой аудитории назвал для себя право на мирный протест абсолютно важным (табл. 9).

Таблица 9. Оценка важности права на участие в мирных акциях протеста (демонстрациях, митингах, забастовках) среди аудитории социальных медиа и тех, кто не включен в цифровую коммуникацию, % (один ответ)

	Все опрошенные	Пользование интернетом		Пользование социальными сетями	
		Пользуются ежедневно	Вообще не пользуются	Пользуются ежедневно	Вообще не пользуются
Право на участие в мирных акциях протеста (демонстрациях, митингах, забастовках)					
Очень важно	29	33	18	34	19
Скорее важно	37	35	37	35	38
Скорее не важно	13	20	31	20	28
Совершенно не важно	4	11	15	11	15

Не участвуя прямо в общественно значимых коллективных действиях и не рассматривая для себя ближайшую перспективу этого, активные пользователи интернета и социальных сетей отличаются выдающимся умением успешно налаживать продуктивные «слабые связи». Отвечая на вопрос о возможности обратиться в случае необходимости к своим знакомым, друзьям или родственникам за помощью, активные участники социальных медиа в разы чаще, чем не включенные

в виртуальную коммуникацию граждане, демонстрировали уверенность в поддержке родных и близких при необходимости, например, взять в долг крупную сумму (30 % против 17 %—21 %), найти приработок (23 %—24 % против 8 %—13 %), обратиться к хорошим врачам или попасть в хорошую больницу (21 %—22 % против 9 %—10 %), устроиться на хорошую работу (15 %—17 % против 3 %—5 %), устроить детей в хорошую школу (9 % против 4 %). Это подтверждают и наблюдения Г. Асмолова о способности пользователей Рунета к оперативной консолидации в кризисной ситуации и мобилизация ресурсов для решения проблемы [Asmolov, 2020]. При этом более половины респондентов, не включенных в цифровую коммуникацию (61 %—69 %), признавались, что не имеют знакомых и друзей, к которым они могли бы обратиться за помощью в сложных ситуациях (табл. 10).

Впрочем, сети коммуникации активных пользователей социальных медиа — это лишь предпосылки для солидарных действий, и консолидационный потенциал таких «слабых связей» в отсутствие легитимных возможностей низовой самоорганизации крайне невелик.

Таблица 10. Оценка вероятности обратиться в случае необходимости к своим знакомым, друзьям или родственникам и получить от них реальную помощь среди аудитории социальных медиа и тех, кто не включен в цифровую коммуникацию, % (любое количество ответов)

	Все опрошенные	Пользование интернетом		Пользование социальными сетями	
		Пользуются ежедневно	Вообще не пользуются	Пользуются ежедневно	Вообще не пользуются
Возможность взять в долг до 100 тыс. рублей	28	30	17	31	21
Поиск приработков	20	23	8	24	13
Обращение к хорошим врачам или устройство в хорошую больницу	18	21	9	22	10
Устройство на хорошую работу	12	15	3	17	5
Устройство детей в хорошую школу	8	9	4	9	4
Решение жилищной проблемы	7	8	6	8	5
Содействие в доступе к должностным лицам, способным помочь в решении личных проблем	6	6	5	5	5
Возможность взять в долг более 100 тыс. рублей	6	8	3	7	3
Поступление в хороший вуз	4	6	2	6	1
Продвижение по карьерной лестнице	4	5	1	5	1
Таких знакомых нет	46	41	69	41	61

Заключение

Таким образом, социальные медиа не только превратились для россиян в один из основных источников информации о мире, но и значительно упростили регулярное взаимодействие внутри малых групп, упрочив «слабые связи» внутри них. Однако номинальный потенциал социальных медиа как механизма политической коммуникации и консолидации откровенно невысок, «политизированная» аудитория интернета и социальных сетей, несмотря на расширяющиеся сети виртуальной коммуникации, не стремится к протестной самоорганизации и избегает прямых резких оценок политической конъюнктуры.

Культивируемая социальными медиа дискуссионная культура общения и предоставляемые цифровыми медиа коммуникационные ресурсы даже в ситуации цензуры формируют у регулярных пользователей социальных медиа запрос на свободу самовыражения, в том числе и по политическим вопросам, информационную открытость и коммуникативную свободу. Среди активной аудитории социальных медиа высок запрос на информационную открытость власти, способной к прямому общению с гражданами и конструктивной дискуссии с оппозицией, выше среди «коммуникативно продвинутых» россиян и запрос на социально-политические изменения в стране и обществе. Однако регулярное общение с единомышленниками в социальных медиа в современной России не влечет интереса к низовой самоорганизации и коллективным действиям, особенно протестным.

Список литературы (References)

Антоновский А. Ю. Наука как общественная подсистема. Никлас Луман о механизмах социальной эволюции знания и истины // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 154—167.

Antonovsky A. Y. (2017) Science as a Social Subsystem. Niklas Luhmann about Mechanisms of Social Evolution of Knowledge and Truth. *Problems of Philosophy*. No. 7. P. 154—167. (In Russ.)

Архипова А. С.**, Радченко Д. А., Титков А. С., Югай Е. Ф., Гаврилова М. В., Белянин С. В., Козлова И. В. «Пересборка митинга»: Интернет в протесте и протест в интернете // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 12—35. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.02>.
Arkhipova A. S.**, Radchenko D. A., Titkov A. S., Kozlova I. V., Yugai E. F., Belyanin S. V., GavriloVA M. V. (2018) «Rally Rebuild»: Internet in Protest and Protest on the Internet. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 12—35. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.02>. (In Russ.)

Ахременко А. С., Стукал Д. К., Петров А. П. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 73—91. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.06>.
Akhremenko A. S., Stukal D. K., Petrov A. P. (2020) Network vs Message in Protest Diffusion on Social Media: Theoretical and Data Analytics Perspectives. *Polis. Political Studies*. No. 2. P. 73—91. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.06>. (In Russ.)

Бараш Р. Э., Антоновский А. Ю. Системно-коммуникативное исследование радикальных движений, или как возможна научная теория протеста // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 2. С. 91—105. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2018-11-2-91-105>.

Barash R. E. Antonovsky A. Y. (2018) A Study of Social Movements from the Systemic Communication Standpoint: is a Scientific Theory of Political Protest Possible? The Philosophy Journal. Vol. 11. No. 2. P. 91—105. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2018-11-2-91-105>. (In Russ.)

Бараш Р. Э. Протестное движение: в поисках нового политического субъекта // Власть. 2014. Т. 22. № 10. С. 52—61.

Barash R. E. (2014) The Protest Movement: in Search of a New Political Subject. *The Authority*. Vol. 22. No. 10. P. 52—61. (In Russ.)

Докука С. В. Практики использования онлайн-социальных сетей // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 137—145.

Dokuka S. V. (2014) Practices of Using Online Social Networks. *Sociological Studies*. No 1. P. 137—145. (In Russ.)

Ушкин С. Г. Протестные сообщества в социальных сетях: три года наблюдений // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 6. С. 112—118. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.6.08>.

Ushkin S. G. (2014) Protest Communities in Social Networks: Three Years Of Observations. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 112—118. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.6.08>. (In Russ.)

Радченко Д. А., Ксенофонтова И. В., Писаревская Д. Б. Логика виртуального протеста: Интернет после выборов // «Мы не немые»: Антропология протеста в России 2011—2012 годов / общ. ред. и сост. А. С. Архипова**. Тарту: Научное издательство ЭЛМ, 2014. С. 17—44.

Radchenko D. A., Ksenofontova I. V., Pisarevskaya D. B. (2014) The Logic of Virtual Protest: The Internet after the Elections. In: Arkhipova A. S.** (ed.) *We Are Not Dumb! Anthropology of Protest in Russia, 2011—2012*. Tartu: ELM. P. 17—44. (In Russ.)

Рогозин Д. М., Ипатова А. А. Насколько разумна наша вера в результаты «бумажных» квартирных опросов? М.: Радуга, 2015.

Rogozin D. M., Ipatova A. A. (2015) How Reasonable Is Our Belief in the Results of “Paper” Apartment Surveys? Moscow: Raduga. (In Russ.)

Соколова А., Головина М., Семирханова Е. «Вы нас даже не представляете»: социальный портрет митингующих в динамике // «Мы не немые»: Антропология протеста в России 2011—2012 годов / общ. ред. и сост. А. С. Архипова**. Тарту: Научное издательство ЭЛМ, 2014. С. 84—122.

Sokolova A., Golovina M., Semirkhanova E. “You Can’t Even Imagine Us”: A Social Portrait of Protesters in Dynamics In: Arkhipova A. S.** (ed.) *We Are Not Dumb! Anthropology of Protest in Russia, 2011—2012*. Tartu: ELM. P. 84—122. (In Russ.)

Соколов А. В., Курбанова А. А. Интернет — технологии в массовых движениях // Власть. 2018. Т. 26. № 9. С. 35—41. <https://doi.org/10.31171/vlast.v26i9.6147>.

Sokolov A. V., Kurbanova A. A. (2018) Internet Technologies in Mass Movements. The Authority. Vol. 26. No. 9. P. 35—41. <https://doi.org/10.31171/vlast.v26i9.6147> (In Russ.)

Юдин Г. Б. Общественное мнение, или Власть цифр. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020.

Yudin G. B. (2020) Public Opinion, or the Power of Numbers. Saint Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg. (In Russ.)

Шляпентох В. Э. Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. М.: ЦСП, 2006.

Shlyapentokh V. E. (2006) Problems of the Quality of Sociological Information: Reliability, Representativeness, Predictive Potential. Moscow: Special Projects Center. (In Russ.)

Храбан Т. Е. Коммуникативные тактики социально-политического протеста в социальных сетях. Ученые записки УО ВГУ ИМ. П. М. Машерова. 2017. Т. 23 С. 157—161.

Khraban T. E. (2017) Communicative Tactics of Social and Political Protest in Social Networks. *Scientific Notes of Vitebsk State University Named After P. M. Masherov*. Vol. 23. P. 157—161. (In Russ.)

Asmolov G. (2020) Runet in Crisis Situations. In: Davydov S. (ed.) *Internet in Russia. A Study of the Runet and Its Impact on Social Life*. Springer, Cham. P. 231—250. https://doi.org/10.1007/978-3-030-33016-3_12.

Agrawal D., Budak C., El Abbadi A. (2011) Information Diffusion in Social Networks: Observing and Influencing Societal Interests. *Proceedings of the VLDB Endowment*. Vol. 4. No. 12. P. 1512—1513.

Belyaeva N., Albert V., Zaytsev D. (eds.) (2019) *Protest Publics. Toward a New Concept of Mass Civic Action*. Switzerland: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-05475-5>.

Burke C. B. (2018) *America's Information Wars: The Untold Story of Information Systems*. Lanham, MD: The Rowman & Littlefield Publishers.

Cardenal A. S., Aguilar-Paredes C., Galais C., Pérez-Montoro M. (2019) Digital Technologies and Selective Exposure: How Choice and Filter Bubbles Shape News Media Exposure. *The International Journal of Press/Politics*. No. 24. P. 465—486. <https://doi.org/10.1177/1940161219862988>.

Coleman S., Blumler J. G. (2009) *The Internet and Democratic Citizenship: Theory, Practice and Policy*. Cambridge, MA: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CB09780511818271>.

Della Porta D. (2017) *Political Economy and Social Movement Studies: The Class Basis Of*

Anti-Austerity Protests. *Anthropological Theory*. Vol. 17. No. 4. P. 453—473. <https://doi.org/10.1177/1463499617735258>.

Dubois E., Blank G. (2018) The Echo Chamber is Overstated: The Moderating Effect of Political Interest and Diverse Media. *Information, Communication and Society*. Vol. 21. No. 5. P. 729—745. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2018.1428656>.

Elshahed H. (2020) Social Media Mobilization and Political Activism in Egypt. *Global Media Journal*. Vol. 34. No. 18. URL: <https://www.globalmediajournal.com/open-access/social-media-mobilization-and-political-activism-in-egypt.php?aid=87917> (accessed 12.04.2022).

Fuchs C. (2019) Nationalism on the Internet: Critical Theory and Ideology in the Age of Social Media and Fake News. New York, London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429343476>.

Gentile B., Twenge J. M., Freeman E. C., Campbell W. K. (2012) The Effect of Social Networking Websites on Positive Self-Views: An Experimental Investigation. *Computers in Human Behavior*. Vol. 28. No. 5. P. 1929—1933.

Granovetter M. (1983) The Strength of Weak Ties: A Network Theory Revisited. *Sociological Theory*. No. 1. P. 201—233.

Hong S., Nadler D. (2011) Does the Early Bird Move the Polls? The Use of the Social Media Tool 'Twitter' by U.S. Politicians and Its Impact on Public Opinion. In: *Proceedings of the 12th Annual International Digital Government Research Conference: Digital Government Innovation in Challenging Times*. New York, NY: Association for Computing Machinery. P. 182—186. <https://doi.org/10.1145/2037556.2037583>.

Kalathil Sh., Boas T. C. (2003) Open Networks, Closed Regimes: The Impact of the Internet on Authoritarian Rule. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace.

Kim J., Kim E. J. (2008) Theorizing Dialogic Deliberation: Everyday Political Talk as Communicative Action and Dialogue. *Communication Theory*. Vol. 18. No. 1. P. 51—70.

Kolozaridi P., Dovbysh O. (2020) Diversity of the Internet in Russia's Regions: Towards an Alternative Research Agenda. In: Davydov S. (ed.) *Internet in Russia. A Study of the Runet and Its Impact on Social Life*. Springer, Cham. P. 149—169. https://doi.org/10.1007/978-3-030-33016-3_8.

Kwak N., Lane D. S., Zhu Q., Lee S. S., Weeks B. E. (2020) Political Rumor Communication on Instant Messaging Platforms: Relationships with Political Participation and Knowledge. *International Journal of Communication*. Vol. 14. No. 20. P. 5663—5685. URL: <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/download/15200/3267> (accessed 12.04.2022).

Kwak N., Lane D. S., Weeks B. E., Kim D. H., Lee S. S., Bachleda S. (2018) Perceptions of Social Media for Politics: Testing the Slacktivism Hypothesis. *Human Communication Research*. Vol. 44. No. 2. P. 197—221. <https://doi.org/10.1093/hcr/hqx008>.

Lane D. S., Kim D. H., Lee S. S. (2017) From Online Disagreement to Offline Action: How Diverse Motivations for Using Social Media Can Increase Political Information Sharing and Catalyze Offline Political Participation. *Social Media + Society*. Vol. 3. No. 3. P. 1—14. <https://doi.org/10.1177/2056305117716274>.

Lane D. S., Lee S. S., Liang F., Kim D. H., Shen L., Weeks B. E., Kwak N. (2019) Social Media Expression and the Political Self. *Journal of Communication*. Vol. 69. No. 1. P. 49—72. <https://doi.org/10.1093/JOC/JQY064>.

Lee S. S., Lane D., Kwak N. (2020) When Social Media Get Political: How Perceptions of Open-Mindedness Influence Political Expression On Facebook. *Social Media + Society*. Vol. 6. No. 2. P. 1—12. <https://doi.org/10.1177/2056305120919382>.

Lipschultz J. H. (2018) *Social Media Communication: Concepts, Practices, Data, Law and Ethics*. New York, NY: Routledge.

Mihelj S., César J.-M. (2020) Digital Nationalism: Understanding the Role of Digital Media in the Rise of 'New' Nationalism. *Nations and Nationalism*. Vol. 27. No. 2. P. 331—346. <https://doi.org/10.1111/nana.12685>.

Montgomery K. C. (2007) *Generation Digital: Politics, Commerce, and Childhood in the Age of the Internet*. Cambridge, MA; London: The MIT Press.

Moore R. K. (1999) Democracy and Cyberspace. In: Hague B. N., Loader B. D. (eds.) *Digital Democracy*. London: Routledge. P. 39—62. <https://doi.org/10.1177/0894439302238975>.

Owen D. (2006) The Internet and Youth Civic Engagement in the United States. In: Oates S., Owen D., Gibson R. K. (eds.) *The Internet and Politics. Citizens, Voters and Activists*. New York, NY: Routledge. P. 17—33.

Pianini D., Omicini A. (2019) Democratic Process and Digital Platforms: An Engineering Perspective. In: Contucci P., Omicini A., Pianini D., Sîrbu A. (eds.) *The Future of Digital Democracy*. Heidelberg: Springer Verlag. P. 83—96. https://doi.org/10.1007/978-3-030-05333-8_6.

Pajnik M., Sauer B. (2018) *Populism and the Web: Communicative Practices of Parties and Movements in Europe*. London; New York, NY: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315101958>.

Stieglitz S, Dang-Xuan L. (2012) Social Media and Political Communication: a Social Media Analytics Framework. *Social Network Analysis and Mining*. No. 3. P. 1277—1291. <https://doi.org/10.1007/s13278-012-0079-3>.

Srinivasan R. (2017) *Whose Global Village? Rethinking How Technology Shapes Our World*. New York, NY: New York University Press.

Stinchcombe A. (2005) *The Logic of Social Research*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Thorson K. (2014a) Facing an Uncertain Reception: Young Citizens and Political Interaction on Facebook. *Information, Communication & Society*. Vol. 17. No. 2. P. 203—216. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2013.862563>.

Thorson K. (2014b) Sampling from the Civic Buffet: Youth, New Media, and Do-it-Yourself Citizenship. In: Gil de Zuniga H. (ed.) *New Technologies & Civic Engagement: New Agendas in Communication*. New York, NY: Routledge. P. 3—22. <https://doi.org/10.4324/9781315750927>.

DOI: [10.14515/monitoring.2022.2.2046](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2046)

Е. А. Островская

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ МЕДИАДИСКУРС ОБ РПЦ: ПРАВОСЛАВНЫЕ TELEGRAM-КАНАЛЫ

Правильная ссылка на статью:

Островская Е. А. Альтернативный медиадискурс об РПЦ: православные Telegram-каналы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 454—476. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2046>.

For citation:

Ostrovskaya E. A. (2022) Alternative Media Discourse about the ROC: Orthodox Telegram Channels. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 454–476. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2046>. (In Russ.)

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ МЕДИАДИСКУРС ОБ РПЦ: ПРАВОСЛАВНЫЕ TELEGRAM- КАНАЛЫ

ОСТРОВСКАЯ Елена Александровна — доктор социологических наук, профессор кафедры теории и истории социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

*E-MAIL: elenaostrovspb@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0664-1514>*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблемы неоднородности внутрицерковного медиадискурса о современном российском православии. Автор знакомит читателя с результатами своего исследования узкого сегмента либеральных Telegram-каналов. Методологической рамкой стали концепция коммуникативных фигураций Андреаса Хеппа, стратегия case-study, методы биографического и экспертного интервью. Такая композиция методологии и методов позволила автору выявить и описать социокультурные, поколенческие, профессиональные и мировоззренческие характеристики среды либеральных православных Telegram-каналов. В Telegram существуют православные каналы, посвященные непосредственно проблематике либерализации РПЦ, а также каналы, высказывающиеся по этой тематике опосредованно — через комментарии текущей новостной повестки в либеральном ключе или участие в межканальных дискуссиях. Каналы, нацеленные узко на либеральный паттерн дискурса об РПЦ, имеют отчетливый фрейм релевантности. Селекция тематик для обсуждения производится здесь в соответствии с тремя критериями: ориентированность на определенных

ALTERNATIVE MEDIA DISCOURSE ABOUT THE ROC: ORTHODOX TELEGRAM CHANNELS

Elena A. OSTROVSKAYA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor, Department of Theory and History of Sociology

*E-MAIL: elenaostrovspb@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0664-1514>*

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article invites a sociological study of points of the church discussion about the ROC, which construct fundamentally different semantic worlds of Russian Orthodoxy. The author addresses the problem within the church media discourse about contemporary Russian Orthodoxy in a narrow segment of liberal Telegram channels. The methodological framework of the study combines the concept of communicative figurations by Andreas Hepp and the case-study strategy. This composition supplied the focus of the study on identifying and analyzing the constellation of actors, topics, and practices of those Orthodox Telegram channels that enter an open discussion on the issue of liberalization and reform of the Russian Orthodox Church. The article raises the following questions: What socio-cultural, generational, professional, and ideological characteristics distinguish the milieu of liberal Orthodox Telegrammers? What is the relevance frame of liberal Telegram channels that determines the way of information exchange and the content of communications about modern Orthodoxy? How do the communicative practices of individual channels construct a semantic world that other media recognize as belonging to the liberal discourse of the church? The author

богословов, религиозные убеждения, социальные идеи и практики. Сообразно этим критериям дискурс каналов нацелен на обсуждение таких тем, как восстановление института права в церкви, создание правовой системы с независимым судебным производством, расширение прав различных групп на участие в церковном управлении, выборность клира, финансовая отчетность, защита интересов рядового духовенства и мирян. Выборочный case-study либеральных каналов показал, что их практики разворачиваются либо в логике нишевого СМИ, либо в логике блога.

found out that there are Telegram Orthodox channels directly devoted to the liberalization of the Russian Orthodox Church and those that speak out on these topics indirectly — through comments on the current news agenda in a liberal manner or participation in inter-channel discussions. Channels devoted narrowly to the liberal pattern for debate about the ROC have a distinct frame of relevance. In this context, the selection of relevant meanings follows three criteria — focusing on certain theologians, religious beliefs, social ideas, and practices. According to this frame, the following topics are relevant for direct discussion: the restoration of the institution of law in the church, the creation of a legal system with independent judicial proceedings, the expansion of the rights of various groups to participate in church government, the election of the clergy, financial reporting, protection of the interests of ordinary clergy and laity. A particular case study of liberal Orthodox channels showed that their practices unfold either in the logic of a niche media or a blog.

Ключевые слова: либеральный церковный дискурс, медиатизация православия, коммуникативные фигуры, православные Telegram-каналы

Keywords: liberal church discourse, mediatization of Orthodoxy, communicative figurations, Orthodox Telegram-channels

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, в рамках проекта № 19-011-00871 «Социальные медиа как фактор трансформации православия в современной России».

Acknowledgments. The research was carried out with the financial support of the RFBR, within project No. 19-011-00871 “Social media as a factor of transformation of Orthodoxy in modern Russia”.

Тотальная медиатизация социальных практик открыла перед социологами религии уникальную возможность изучения сообществ и дискурсов, прежде труднодоступных или, по умолчанию, не рекомендуемых для исследования. Однако исследования такого рода все еще пробуксовывают. Консервативная академи-

ческая логика выкидывает за борт труднодоступные религиозные сообщества. Объяснение простое — они ведь статистически малые, не оказывают влияния на общественное мнение, политически не конфликтные. Зачем тратить годы на поиск входа к респондентам, мнения которых не экстраполировать на общество в целом? В разряд труднодоступных наряду с закрытыми религиозными группами интересным образом попадают и православные приходские общины, монастыри, внутрицерковные дискурсы о современном российском православии.

В российских социологии и религиоведении православие представлено количественными опросами о специфике современной «религиозности» россиян и степенях «воцерковленности» граждан. На заре перестроечных 1990-х годов вопросы о специфике новой религиозности российских граждан после эпохи гонений на религию, о форматах воцерковления представлялись чем-то очень прогрессивным и остроактуальным. В 2020-х годах социологи и религиоведы так и не пришли к пониманию того, что есть религиозность и как все-таки измерить воцерковленность православных. Однако размышление о «религиозности» православных в цифрах продолжается. Благо и реальность не подводит: в 2021 г. опросы ВЦИОМ показали, что количество аффилирующих себя с православием снизилось на 9 п. п. и составило 66 % опрошенных по сравнению с 2017 го., когда таковых было 78 %¹.

Преобладание стратегии количественных исследований РПЦ имеет отчетливый идеологический формат. Опросы населения о религиозной аффилиации граждан и воцерковленности верующих у храмов накануне крупных церковных праздников не требуют кропотливых поисков входа в религиозное сообщество, доверия респондентов. Они понятны, не опасны, не затрагивают мировоззренческих диспозиций общества. Социолог в такой ситуации, как правило, особенно если это православный социолог, получает одобрение со стороны священноначалия. Количественное изучение специфики религиозности постсоветского гражданина не берет в рассмотрение внутренних церковных настроений и дискуссий. Результаты количественных опросов даже по касательной не затрагивают вопроса о динамике развития православной жизни с начала эпохи ее возрождения в 1990-х годах. Они презентуют РПЦ как некий монолит, традиционную религию, да, претерпевающую секуляризацию, как и многие иные религии в условиях современного общества.

Соприкоснуться хотя бы в первом приближении с темой реформирования богослужбной практики или организационной и управленческой структур РПЦ можно в основном благодаря публикациям издания Meduza*² или статьям в «Новой газете»³. О рухнувшем проправославном консенсусе российского общества, о по-

¹ Великий пост — 2021. Аналитический разбор // ВЦИОМ. 2021. 15 марта. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikii-post-2021> (дата обращения 26.01.2022).

² Здесь и далее * означает средство массовой информации, признанное в РФ выполняющим функции «иностранного агента». См., например, Лученко К. Богослужения на русском, женское священство и новые правила поста. Шесть идей для реформ в РПЦ // Meduza*. 26.01.2016. URL: <https://meduza.io/feature/2016/01/26/bogoslužheniya-narusskom-zhenskoe-svyaschenstvo-i-novye-pravila-posta> (дата обращения 18.08.2021).

³ Севастьянов Л. Православный блокчейн. РПЦ нужно отказаться от вертикальной модели управления // Новая газета. 2018. № 125. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2018/11/11/78544-pravoslavnyy-blokcheyn> (дата обращения 16.08.2021); Чапнин С. Деньги, кадры, послушание. Реформирование РПЦ: что предстоит поменять после окончания эпохи патриарха Кирилла? // Новая газета. 2019. № 99. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/09/06/81865-dengi-kadry-poslushanie> (дата обращения 16.08.2021).

ляризации настроений и «воронке конфликтов» внутри РПЦ мы узнаем со страниц «Нового литературного обозрения»⁴. А обсуждение такой, казалось бы, остроактуальной темы, как отношение православного большинства российского общества к интернету и новым медиатехнологиям, было инициировано опубликованной на английском языке коллективной монографией «Цифровое православие в постсоветском мире»⁵ [Suslov, 2016].

В истекшие несколько лет постепенно стали появляться медиаисследования, в которых звучали темы противоречивости публичного имиджа православного священства [Морозов, 2016], кризисных компонентов и неудовлетворительности приходской офлайн-коммуникации между священником и мирянином [Богданова, 2020], системного мировоззренческого кризиса внутри церковного сообщества [Агаджанян, 2021]. В данном контексте хочу подчеркнуть, что даже если в изначальный проект исследования входили только задачи изучения медиапрактик какого-либо прихода или структуры священнических блогов в социальных сетях, то социолог все равно неизбежно соприкасается с конфликтной и неоднозначной конкретикой православной среды. Цифровизация приходской и храмовой жизни и все углубляющийся процесс медиатизации религиозных коммуникаций, взаимодействий священников и мирян сделали православие проницаемым для научного анализа.

В течение нескольких лет изучения православных священнических блогов в социальных сетях «ВКонтакте», Facebook**⁶, Instagram**, LiveJournal и на платформе YouTube я неоднократно слышала от респондентов о конфронтирующих мировоззренческих направлениях внутри РПЦ и неписанном табу на публичное обсуждение реального содержания такой конфронтации. В интервью звучало мнение, что понятие «либерал» постепенно превратилось в ярлык и аларм-метку (*alarm mark*), произвольно навешиваемые на тех священников, кто отваживается публично озвучивать собственную гражданскую позицию, комментировать в своем блоге остроактуальные события внутри РПЦ.

В моих последующих экспертных интервью с представителями православных СМИ, учеными-религиоведами, имевшими опыт работы в православных медиа, уже открыто заявлялся тезис о том, что актуальный и открытый дискурс об РПЦ давно выведен за рамки повестки православных СМИ. Площадкой для подобных дискуссий стал Telegram.

Предлагаемый читателю материал — это первый шаг в направлении социологического изучения сегментов церковного дискурса об РПЦ. Качественная стратегия исследования позволяет войти в этот дискурс, рассмотреть его смысловые сегменты, конструирующие принципиально различные интерпретации

⁴ Статья «Конец „проправославного консенсуса“: религия как новый раскол российского общества» известного российского социолога Дмитрия Узланера была первоначально опубликована на английском языке в 2018 г. [Uzlaner, 2018]. Широкому российскому читателю она стала доступна благодаря переводу на русский язык и публикации в журнале «Новое литературное обозрение»: Узланер Д. Конец «проправославного консенсуса»: религия как новый раскол российского общества // Новое литературное обозрение. 2020. № 3. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/163_nlo_3_2020/article/22227/?fbclid=IwAR0nxYldWf_x8zEBz9G-8aG4ZxSnkKJWbc mAnAnFdjgaQbxbyR950tGYDs (дата обращения: 18.08.2021).

⁵ Рецензию на эту монографию с подробным аналитическим обзором статей см.: [Белоруссова, 2020].

⁶ Здесь и далее ** означает социальные сети, деятельность которых запрещена на территории РФ.

социальной реальности. В настоящей статье я обращаюсь к проблеме внутрицерковного медиадискурса о современном российском православии в узком сегменте либеральных Telegram-каналов. А такой ракурс рассмотрения предполагал case study тех православных Telegram-каналов, которые выходят на открытую дискуссию по проблемам либерализации, организационного и управленческого реформирования РПЦ. Меня интересовали следующие вопросы: какие социокультурные, поколенческие, профессиональные и мировоззренческие характеристики отличают среду либеральных православных Telegram-блогеров? Каков фрейм релевантности либеральных Telegram-каналов, определяющий способ обмена информацией и содержание коммуникаций о современном православии? Каким образом коммуникативные практики отдельных каналов конструируют смысловой мир, опознаваемый другими каналами как относящийся к либеральному направлению церковного дискурса?

Методология и методы исследования

В своем исследовании я использовала концепцию коммуникативных фигураций, предложенную Андреасом Хеппом в рамках социально-конструктивистской теории медиатизации общества⁷. Выбор в пользу этой концепции был напрямую связан с рабочей гипотезой о существовании паттернов дискурса об РПЦ внутри профессиональной православной среды, воспроизводимых в коммуникативных практиках православных Telegram-каналов. Концепция коммуникативных фигураций А. Хеппа нацелена на выявление коммуникативных паттернов, увязывающих в единое целое офлайн- и онлайн-коммуникации. Коммуникативная фигурация трактуется как состоящая из трех обязательных компонентов: констелляции акторов, фрейма релевантности и коммуникативных практик, опосредуемых медиа и включенных в разнообразие других социальных практик. Констелляция акторов — структурная основа фигурации — это сеть взаимосвязанных индивидов, соотнесенных в своей деятельности и коммуницирующих друг с другом. Она характеризуется контингентностью («сейчас так, но может быть иначе») — состав акторов подвижен и открыт к появлению новых участников. Констелляция акторов в своем расширенном объеме может быть не связана в офлайн-повседневности ни узлами локальной религиозной общины, ни принадлежностью к какой-либо организации, ни родством или дружбой. Онлайн-консолидации опосредованы конкретными запросами/интересами акторов к дискурсу о современности, идентичности, практиках, ритуалах и проч. Фрейм релевантности — это смысловой ориентир коммуникаций, задающий рамку обмена информацией в желаемом направлении и производящий селекцию смыслов из общего коммуникативного поля дискурса. Коммуникативные практики — это опосредуемые медиа тематизированные коммуникации, которые вплетены в широкое разнообразие социальных офлайн-практик. Репертуар медиа, используемый индивидуальными акторами, может быть весьма разнообразен. Медиаансамбль фигурации, как правило,

⁷ Социально-конструктивистская теория медиатизации общества и концепция коммуникативных фигураций рассматривались мною в статьях о медиaprактиках и цифровых консолидациях русскоязычных ортодоксальных евреев [Ostrovskaya, 2021], а также о священнических блогах в социальных сетях [Островская, 2021]. Анализ теории и концепции содержится и во вводной редакционной статье к отдельному выпуску журнала «Государство, религия, церковь в России и за рубежом», посвященному теме религии и медиа [Гришаева, Шумкова 2020].

беднее по ассортименту, в нем превалирует одно медиа, используемое всеми акторами [Hepp, Hasebrink, 2018: 30—32].

Исследование православных Telegram-каналов, посвященных дискурсу о православии, проводилось в период с января по июль 2021 г. с использованием качественных методов case-study — экспертного, биографического, полуструктурированного интервью и онлайн-анализа текстов. На этапе пилотажа было проведено семь экспертных интервью с исследователями религии, имеющими долгосрочный опыт изучения православной среды и сотрудничества с различными православными СМИ, а также обладающими навыками ведения блога или написания/редактирования текстов для православного цифрового ресурса. Экспертам были предложены вопросы об использовании новых медиатехнологий внутри православной среды, о православных медиапрактиках в социальных сетях, о классификации Telegram-каналов по критерию «консервативные — либеральные». На первом этапе исследования сбор информации также проводился посредством анализа публикаций о популярных Telegram-каналах в православных СМИ и подписки на эти каналы с целью мониторинга тематического репертуара и основных коммуникативных практик. Результаты первого этапа исследования позволили сформировать целевую выборку для изучения конкретных кейсов, отвечающую следующим критериям: долгосрочный опыт работы внутри РПЦ, опыт сотрудничества с православными медиа или актуальная профессиональная деятельность внутри РПЦ; количество подписчиков не менее трех тысяч, тематическая направленность канала на дискурс о либерализации РПЦ. На втором этапе были проведены интервью и выборочный текстовый анализ каналов. Всего было сделано 27 интервью, в целевую выборку попали 5. Целевая выборка по Telegram-каналам наполнялась методом выборки, управляемой респондентами [Volz, Heckathorn, 2008]. Первая волна наполнения выборки была образована каналами, названия которых повторялись во всех интервью, а также были аттестованы экспертами в качестве «либеральных». В результате первой волны в выборку попали каналы «Православие и зомби» и «Батюшка Лютер». Вторая волна наполнения выборки пришла через интервью с авторами этих каналов и дополнила выборку каналами «Темная теология», «Религия сегодня» и сайтом «Ахилла»⁸.

Отдельно необходимо сказать об этической составляющей исследования. В тексте авторские цитаты помечены названием соответствующего канала. Они согласованы и разрешены к публикации.

Конstellация акторов: православие как призвание и профессия

В большинстве интервью с экспертами и авторами Telegram-каналов подчеркивалась закрытость среды православной журналистики и блогосферы для «внешних, нецерковных людей». Из интервью в интервью повторялся тезис о разделении на «свой — чужой» внутри этой среды профессионалов, включенных в дискурс об РПЦ. В этом контексте биографический нарратив представлялся мне оптикой, благодаря которой возможно пролить свет на способы входа и формирования

⁸ «Православие и зомби», см. URL: <https://t.me/orthozombies>, на период исследования у канала был 6 121 подписчик; «Батюшка Лютер»: URL: <https://t.me/batluter> — 7 190 подписчиков; «Религия сегодня». URL: <https://t.me/relijiontoday> — 10 636 подписчиков; «Темная теология»: <https://t.me/darktheology> — 1 541 подписчик.

социальных связей в данной среде, обнаружить символические коды опознавания «свой — чужой» и связь между биографическим сценарием и индивидуальными медиарепертуарами.

Либеральные Telegram-каналы созданы преимущественно представителями поколения родившихся в самом конце 1970-х — в 1980-х годов. Большинство характеризовало себя как выходцев из среды изначально нерелигиозной и невоцерковленной. Выбор православия они оценивали как самостоятельный, сделанный в отрочестве или ранней юности, противопоставляли его тому, что было в родительской семье. Вместе с тем культурный бэкграунд родителей оказывался весьма значимым в отношении траекторий духовного поиска — выбора из многообразия религиозного предложения 1990-х годов:

В семье никто не был религиозен, но как-то это всегда было — в культуре, в книжках, которые я любила в детстве и в юности. С начала 90-х стали открывать храмы прямо рядом с домом. Мы ходили, это было очень красиво, из какой-то другой жизни — руины, открытое небо и литургия. Потом я заявила бабушке, что хочу креститься. Ну, непорядок какой-то, да, еще батюшка меня спросил в этой церкви. Я крестилась, еще была «Детская Библия», которую все читали, такая глянцево-синяя. Я прочла эту вот Библию, потом еще было Евангелие в комиксах, которое баптисты раздавали. А в 13 лет я поняла, что мне надо Библию прочесть. Потом я ходила к протестантам в воскресную школу. В начале 90-х они раздавали бумажки, мол, к нам приходите, у нас тут собрания. Года три каждое воскресенье к ним ходила с подружками. Тогда я уже начала понимать, что это не православие. Эстетическая часть православная перевешивала: культура, иконы мне очень нравились. Мама у меня вообще гид-переводчик, хорошо знала искусство. Мы с ней все время ходили иконостасы в соборах Кремля рассматривали, в Третьяковку — в залы иконописи. Я занималась языками, филологией, литературой с самой школы и потом я поступила на журфак, потому что это было такое совмещение всех моих литературно-филологических интересов и настроений 1990-х. Тогда очень хотелось менять мир с помощью слова, была такая романтическая посылка. Поступила на журфак МГУ, было бодро и интересно. Мой духовный поиск совпал с профессиональным приложением. Дальше уже начались встречи со священниками. («Православие и зомби», интервью, июль 2021 г.)

Биографические нарративы респондентов, школьная и вузовская социализация которых прошла в столичной образованной среде, обнаруживают общие коммуникативные коды принадлежности к определенной мировоззренческой нише российской церковной среды. К числу этих кодов относятся осознанное решение о воцерковлении, поиск определенного храма, чтение книг из «так называемого набора интеллигента — Шмеман, владыка Антоний Сурожский» (интервью с автором канала «Батюшка Лютер»), социализация в общинах конкретных приходов, связанных в своей деятельности с тем вузом, в котором учились респонденты:

Я родился в довольно стандартной семье — ничего с религией связанного не было, никакого серьезного религиозного бэкграунда тоже не было. И, собственно, с верой

я стал знакомиться, когда начали воцерковляться мама и бабушка. Это был довольно сложный процесс, связанный с чтением Антония Сурожского и общением с представителями отдельных приходов. Какую-то свою осознанную церковную жизнь я помню года с 1999. Дальше была такая стандартная приходская социализация через хождения на богослужения, воскресную школу, молодежку и т.д. Потом, после школы, я поступил на теологию в ПСТГУ, потому что знал о нем от своих старших товарищей по приходу, знал некоторых преподавателей. Церковная среда, к которой я тогда принадлежал, была более всего связана с ПСТГУ. Я сам много читал про уклад семинарий, это мне было не близко, я хотел чего-то более свободного. Я закончил бакалавриат и магистратуру богословского факультета. Потом продолжил заниматься научной и административной работой. Вся моя дальнейшая жизнь так или иначе связана с теологией. («Религия сегодня», интервью, июль 2021 г.)

Респонденты, не избравшие стезю преподавателя религиозного образовательного учреждения с консолидированной церковно-приходской средой, стремились тем не менее включаться в многообразные социальные связи внутри так называемой церковной среды. Здесь и сотрудничество с разными церковными или околоцерковными СМИ, и должности в церковных структурах. Близкое знакомство с организованной церковной жизнью изнутри, долгосрочное наблюдение ее жестких границ и правил часто приводили респондентов к решению о смене профессиональной стези:

...В 2008 г. мне пришла в голову идея попробовать, как это живется в монастыре. Поехал в Соловецкий монастырь и жил там в качестве послушника. Я понял, что это не мое, вернулся в Москву и принял решение поступать в семинарию. В 2009 г. поступил в семинарию, которая в Сергиевом Посаде. Учился очно два года, потом перешел на экстернат, потому что меня пригласили работать в Богословскую комиссию. Когда учишься в семинарии и видишь, как устроена система управления церковью, то понимаешь, что не очень хочется быть крепостным. Понятно, что священнический сан дает некую власть, кому это интересно, но все равно самый бесправный в церкви — это священник, так как они находятся во власти епископов. Мне все это очень быстро стало понятно, потому что мне было уже под 30, я имел жизненный опыт. Перейдя на экстернат, я поступил туда в аспирантуру. Там не требовалось иметь высшее духовное образование, достаточно было светского высшего. У меня еще дополнительное журналистское образование РУДН. Мы работали на портале «Богослов.ру» — писал туда религиозную аналитику. Я проработал в Комиссии десять лет, в 2020 г. я оттуда ушел. («Темная теология», интервью, июль 2021 г.)

Сходные жизненные траектории обнаруживаются и в биографиях респондентов, выбравших стезю священника. Их жизненный проект складывался в начале 2000-х годов, отмеченных идеологическими посылами высшего священноначалия к либерализации РПЦ. Однако реализовать этот проект оказалось мало возможным. В своей профессиональной практике они столкнулись с замкнутыми мировоззренческими общинами внутри РПЦ, неприятием каких бы то ни было инноваций консервативной средой собственных приходов:

Стандартная модель прихода, как она сложилась в советское и постсоветское время, такова: священник приходит, служит, освящает все, что можно освятить. У прихода нет какой-то активной деятельности. То, что сделал Патриарх Кирилл, за что ему честь и хвала — приходы должны заниматься внебогослужебной деятельностью. Соответственно, модель приходской жизни должна была измениться. Это не то что просто пришел, отслужил литургию, посвятил и ушел. Постоянно должна быть активность на приходе, мероприятия — миссионерить, привлекать молодежь, вести евангельские кружки, проводить паломничества и поездки. Этого мне хотелось — модель священника, который не ограничен алтарем, новый тип священника. Это тип, который Патриарх Кирилл очень насаждал, тип, который дал хороших клириков. Я пришел к этому через пример Николо-Кузнецкого храма, где все это было, конечно, еще до Патриарха Кирилла, потому что там всегда служили активные и равнодушные священники. <...> Меня направили служить в храм Рождества Пресвятой Богородицы во Владыкино, который тоже не закрывался в советское время. Некоторые из клириков там оказались мне близки по взглядам, что надо менять что-то в церкви. Я искал единомышленников. Тогда я познакомился с о. Георгием Кочетковым, о. Владимиром Лапшиным, вокруг которого собираются духовные чада прот. Александра Меня и вообще интеллигенция. Что касается о. Георгия Кочеткова, то он хоть и занимался переводами богослужения на русский язык, но на самом деле по взглядам он очень консервативен, община консолидирована жестко вокруг него. Сам я никогда не вошел бы в его братство. Но на самом деле и никола-кузнецовская модель общинная тоже очень закрытая и жестко выстроенная. Если у Кочеткова, чтобы войти в его сообщество, человек должен пройти полную катехизацию, то в никола-кузнецком случае такой основной принцип — это идея многодетности. Семья должна быть многодетной, чтобы считаться православно-христианской. Если семья не может иметь детей или много детей, то она входит в категорию тех, кто должен служить Богу по-другому, например помогать многодетным семьям прихода. <...> В 2015 г. мне предложили стать настоятелем храма, но сам храм еще предстояло построить. Я начал строительство храма и сразу развернул свою деятельность: организовал катехизаторские курсы, паломнические поездки, кино клуб, евангельский кружок, вложил силы в существовавшие уже воскресную школу и лекторий. Три года я там настоятельствовал. Но не всем нравилась моя деятельность, некоторые представители старой гвардии прихода стали писать жалобы. В итоге возникла потенциально конфликтная ситуация с теми людьми, у которых было иное видение церковной жизни. («Батюшка Лютер», июнь 2021 г.)

И в приведенной цитате, и в сходных интервью респонденты подчеркивали, что на практике столкнулись с цензурой и критикой со стороны вышестоящего священноначалия, невозможностью свободного высказывания. Все это стимулировало поиск альтернативного пространства коммуникаций о современной РПЦ. Таковым для многих стали интернет и социальные сети. Вынужденный или добровольный отказ от сана имел своим следствием создание собственной медианши («Батюшка Лютер», «Ахилла»).

В случаях, когда респонденты избирали стезю религиозной журналистики, долгосрочное сотрудничество с православными изданиями вкупе с глубоким погружением в конкретику православной жизни приводило к пониманию несовместимости логики и формата СМИ с ригидной средой идеологически ангажиро-

ванных церковных медиа. В ситуации жесткого цензурирования и недопустимости свободного аналитического высказывания выходом становилась вновь возникшая площадка мессенджера Telegram:

Потом я стала работать на документальных проектах. Мы делали фильмы, первый был про философов советского времени, назывался «Отдел». Там Мамардашвили, Корякин, Щедровицкий, Грушин. Круг людей, которые работали в журнале «Проблемы мира и социализма», в Институте философии. Потом был фильм «Жара» про религиозные поиски этих вот советских интеллигентов 70—80-х. Параллельно я продолжала писать про православие разные репортажи. У меня вышла книжка «Матушки» — интервью с женами священников, отчасти такой исследовательский интерес. Потом была книжка «Россия — взгляд с колокольни», когда мы ездили с фотографом Анной Гальпериной по разным городам — смотрели, какой сейчас регион и какую роль играет Церковь, кто там есть из интересных священников. Я всегда работала везде. Я успела побывать главным редактором «Татьянин день», там была идея сделать хорошее СМИ! И на короткий период мне даже удалось сделать это СМИ. А дальше начались всякие сложности, включая цензурные и бюджетные, и прочие. Я ушла. Когда ты внутри — это сильная аналитическая оптика. Конфликт интересов я избегаю, есть кодекс журналиста. В моем случае трудно отделить личную веру от профессиональной компетентности. Теперь религией я занимаюсь в свободное время. Мои журналистские тексты я продолжала писать, Telegram-канал у меня есть. («Православие и зомби», интервью, июль 2021 г.)

Православные Telegram-каналы: фрейм релевантности либерализма

Появление первых православных каналов⁹ на платформе мессенджера Telegram пришлось на 2016 г. В течение последующих трех лет эта платформа была обжита большинством православных официальных СМИ. Появились на ней и личные блоги священников и мирян. Здесь необходимо отметить, что в Telegram есть каналы, функционирующие как блоги, и те, которые представляют тот или иной православный сайт, портал или медиапроект. Последние в большинстве случаев публикуют анонсы-ссылки на вновь опубликованные статьи или материалы соответствующих порталов, проектов или сайтов. В числе изученных мною кейсов, примером таких является канал «Ахилла», представляющий одноименный сайт. Блоги священников также подразделяются на те, чьи авторы пишут только для своего канала в Telegram, и те, которые полностью или частично дублируют контент основного блога в Instagram**, «ВКонтакте» или Facebook**.

Свое исследование я сосредоточила на изучении тех православных Telegram-каналов, которые большинством интервью были охарактеризованы как относящиеся к либеральному направлению внутри РПЦ. В числе прочих респондентам были предложены вопросы о смысловом и практическом наполнении разделения на «консерваторов» и «либералов», о референции каналов в Telegram и собственного канала по полюсам «консервативный — либеральный». Общим для

⁹ См.: Первыми православными каналами в Telegram стали «Православный календарь» и «Евангелие», причем оба явились инициативными проектами совместных усилий журнала «Фома» и радио «Вера». См.: В Telegram появились каналы православной тематики // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. 2016. 6 июля. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4554693.html> (дата обращения: 07.08.2021).

всех оказался ответ, что это деление, с одной стороны, зыбкое и весьма условное, но, с другой стороны, оно все-таки используется в дискурсе различных направлений внутри церковной среды РПЦ. Однако далеко не все респонденты готовы были причислить созданные ими медиа к входящим в созвездие «либеральных»:

Сама терминология устаревшая, очень условная и огрубленная. В конце 1990-х — начале 2000-х годов либералами считали тех, кто за экуменизм, за богослужение на русском языке, за открытость миру, за дружбу с католиками. А консерваторами считались те, кто за то, чтобы ничего не менять, быть как деды и прадеды — косоворотка и лапти, патриотизм, царь-батюшка. Сейчас эти понятия более размыты, смешаны, каждый по-своему понимает, что такое либеральное, а что — консервативное. Четко консервативный сайт — «Православие.ру». Условно-либеральными можно назвать только блогеров. «Церквача» называют либеральным, «Ахиллу», но лишь по признаку критики. Мы либеральные в том смысле, что мы за права человека, открытость и проч. <...> Мы думали, наш ресурс будет площадкой, объединяющей разные лагеря, для независимого и доброжелательного обсуждения церковных тем. Но не пошло это по многим причинам. Мы были неожиданным проектом. Для консерваторов мы слишком либеральны, для либералов мы слишком резкие, злые. В либеральной интеллигентской среде у нас не пошло с дружбой, потому что они нас восприняли как конкурентов. Мы в их понимании влезли на их территорию, на которой они своим весомым словом несли либеральные церковные ценности. («Ахилла», интервью, июль 2021 г.)

В приведенной цитате отчетливо звучит тезис о культурной неоднородности либеральной православной среды, существовании внутри нее разделения на «свой — чужой». Этому мнению противостоит тезис, высказанный в интервью с одним из авторов Telegram-канала «Религия сегодня». Респондент отметил, что часто обсуждаемое противостояние внутри православных либералов отнюдь не умаляет наличия у них общей идеи и большого потенциала для консолидированных действий:

Обычно считается, что либеральная «тусовочка» разрознена и все ругаются друг с другом. Но это не так: есть либеральная идея, которая объединяет, либеральные медиа в русле этой идеи и существуют. Русская консервативная тусовка не имеет единой внятной идеи, это просто все, кто не либералы. Для консерваторов, например, важно сохранить то, что от Советского союза сохранилось. А это плохо бьется с тем, что хотят церковные люди. Есть, например, митрополит Тихон Шевкунов, который сливает все в одно — и Сталина, и новомучеников, и все. Но сказать, что Тихон являет весь русский консерватизм, нельзя. Есть какой-то консерватизм вокруг Шипкова, есть вокруг остатков русских националистов, которые при этом еще и православные, еще примеры консерватизма, но создать что-то вместе эти люди не могут. А вот православные либералы сегодня консолидированы. Они выступают на разных площадках — в Шанинке, в Европейском и в РАНГХИСе, еще где-то. Это сильный выход за пределы и установка на диалог со светской либеральной публикой. И за счет поддержки светских либеральных медиа они идут таким широким шагом. А православные консерваторы сегодня сбиты в кучки, готовые перегрызться здесь и сейчас, у них нет установки на диалог. («Религия сегодня», июль 2021 г.)

В цитате выше респондент подчеркнул две тенденции в процессе кристаллизации современной либеральной православной среды — обращение к аудитории крупных столичных вузов для привлечения светской молодежи и интеллигенции, а также активный диалог со светскими либеральными СМИ. Однако ключевым принципом классификации направлений церковного дискурса, по мнению респондента, являются способы выстраивания взаимодействий внутри православной общины, с церковной властью, с государством:

Есть еще такие базовые вещи для либеральной мысли — сама идея богослужения на понятном языке и самоуправления прихода исходит из примата индивида над обществом. Важно не то, что мы все делаем по единым книгам, а то, что если я лучше понимаю русский язык, то имею право молиться на русском. Если приход хочет иметь этого священника, а не того, значит, тоже имеет право. Но здесь все не так просто. Например, Преображенское братство и ПСТГУ-шная тусовка плохо укладываются в противопоставление консерваторов и либералов. Есть три типа взглядов на взаимодействие внутри общины, общины и церковной власти, общины и государства. Они характеризуются следующим: есть позиция «строить вместе», сотрудничать там, где это возможно, она характеризует центральное направление, связанное с епископом Пантелеймоном Шатовым и ему подобными; есть позиция «строить рядом», которой придерживаются условные меневцы — давайте построим что-то хорошее, но не под эгидой РПЦ или не на государственные деньги; третья позиция — мы (с государством или с церковной властью — в зависимости от ситуации) все единое целое. Такие три подхода обнаруживаются и в медиасреде. («Религия сегодня», интервью, июль 2021 г.)

Характеризуя православные Telegram-каналы как консервативные или либеральные, респондент определил «Религию сегодня» как идеологически нейтральный. Более того, в интервью данный канал определялся как анонимный аналитический блог, нацеленный на обсуждение проблемы «религия и политика» применительно к разным религиям России, включая и православие:

В Telegram есть условно либеральное направление, которое можно охарактеризовать тем же «Батюшкой Лютером», «Православием и зомби», «Темной теологией» — это такое идейно-либеральное. Это больше с точки зрения мысли, а не политики. Туда же может примкнуть «Церквач» и «Ахилла». Есть официоз, который ни туда и ни сюда, к которому относится «Владимир Легойда». Есть консервативные каналы, консервативная аналитика типа «Лабарума» и «Правблога». Telegram-канал «Религия сегодня» был создан в 2019 г. Возникла мысль, что хорошо было бы сделать канал, который не был бы сильно политически ангажированным, был бы рассчитан на разную аудиторию, то есть в чем-то выражал бы наши взгляды, в чем-то просто умеренные взгляды, в котором можно было бы вести дискуссию с другими «телеграмерами», занимающимися христианскими темами или другими религиями. У нас была идея не говорить свои имена, потому что мы пишем от лица канала. Состав редакции меняется, от трех до пяти человек. Основная концепция канала — мы говорим о религии и политике, стараемся при этом быть минимально за или против кого-то. Публикуем короткие тексты по общественно-религиозным вопросам, законотворчеству, реагируем на новости

из жизни религиозных сообществ. Конкуренцию нам создают отчасти каналы «Со своей колокольни» и «Восточная церковь». Эти каналы не консервативные и не либеральные, нейтральные, мы такие же. («Религия сегодня», интервью, июль 2021 г.)

Иначе выстраивается фрейм релевантности дискурса об РПЦ теми, кто охарактеризовал свои каналы в качестве либеральных. Так, автор канала «Батюшка Лютер» подчеркнул, что внутри РПЦ имеет место разделение на либералов и консерваторов, но понять его можно при условии различения политических программ и церковно-идеологических установок:

В русском православии есть две горячие темы: язык богослужения и изменения в чинопоследовании богослужений — то, из-за чего был раскол в XVII веке. Наши сегодняшние споры — это последствия травмы раскола. Есть два главных вопроса, по которым маркируют человека как консерватора или либерала. Если он за богослужение на русском и за реформу чинопоследования, то все — он либерал. И наплевать, какие у него идеи по всем остальным пунктам. Но это очень плоско. Русские люди — формалисты, и любой отход от формы — это травма. Отец Александр Шмеман, например, — такая икона русских либералов, поскольку он был за то, чтобы сделать литургию ближе к людям, вся литургическая реформа проистекает из его идей. Но, если почитать его труды, он очень на консервативных позициях стоял. Само слово «либерал» ругательное в современной России. Если хотят потопить священника, называют его либералом. Из Telegram-каналов такой очень консервативный — «Лабарум», и еще один — «Центр „Хризма“». Они ультраправой повестки, все время полощут канал «Батюшка Лютер». Или вот «Сорок сороков», которых изначально воспринимали как народное движение, но на деле они оказались очень политизированными. Надо разделять политику и дела церковные: церковные либералы и консерваторы отличаются от политических. («Батюшка Лютер», июнь 2021 г.)

Принципиально важно, что именно канал «Батюшка Лютер» в июле 2020 г. инициировал дискуссию «телеграмеров» по теме либеральное направление в РПЦ. Участие в ней приняли самые разные каналы, а палитра высказанных мнений варьировала от оценки церковного либерализма как «мертвого клише» до определений «либерального лагеря» как объединенного набором социальных, правовых и политических идей. Сам канал «Батюшка Лютер» охарактеризовал среду православного либерализма как состоящую из разных групп, неконсолидированных, но взаимодействующих друг с другом. В основе их возможного сближения лежит консенсус по четкому набору тем, актуальных для церковного либерализма. С точки зрения канала, для либерального дискурса об РПЦ релевантны темы «системных преобразований: независимого церковного судопроизводства, реальной соборности и выборности клира, финансовой отчетности, защиты интересов рядового духовенства и мирян» (цитата из поста канала «Батюшка Лютер» от 10 июля 2020 г.).

Активное участие в дискуссии принял канал «Православие и зомби». Его авторы охарактеризовали свой канал как посвященный либеральному церковному дискурсу об РПЦ и подчеркнули, что сами разработали собирательный портрет

российского церковного либерала. Представленный каналом портрет предполагает оценку принадлежности к православному либерализму по трем типологическим признакам — пантеон, религиозные убеждения, социально значимые идеи и практики.

В пантеон, или круг богословов, релевантных для современного церковного либерала, авторами были включены: митрополит Антоний Сурожский, протоиерей Александр Мень, мать Мария (Скобцова), протоиерей Александр Шмеман, новомученики (канонизированные жертвы советской власти); богословы Парижской школы (протоиерей Сергей Булгаков, протопресвитер Николай Афанасьев, Оливье Клеман и другие); авторитетные духовники (архимандрит Софроний (Сахаров), архимандрит Таврион (Батозский), священник Георгий Чистяков, протоиерей Павел Адельгейм, протоиерей Виктор Мамонтов, архимандрит Иоанн (Крестьянкин) и другие), Дитрих Бонхеффер.

В комплект *религиозных убеждений* православных либералов респонденты включили следующие: евхаристическое богословие, приоритет религиозного опыта над церковной доктриной, критика клерикализма, модернизация обряда, этика как часть веры, просвещение как миссия, снятие противоречий между наукой и религией.

В круг *социально значимых идей и практик* православного либерала входят: благотворительность — активное участие в благотворительных мероприятиях в качестве волонтеров/сотрудников НКО или в личном качестве; пацифизм и в целом неприятие насилия; правозащита, основанная на христианском понимании достоинства личности; историческая память — поминовение жертв советских репрессий, включая радикальные формы вроде призывов к коллективному покаянию за большой террор (специфика общин Кочеткова); инклюзивное отношение к разным стигматизируемым сообществам (хотя в вопросе принятия в церкви ЛГБТ+ даже в среде церковных либералов существует очень сильная поляризация).

Предложенный авторами канала «Православие и зомби» собирательный портрет трактовался в интервью как описывающий разнообразие групп, которые типологически можно отнести к так называемым церковным либералам. Собственное видение фрейма релевантности коммуникаций об РПЦ авторы канала «Православие и зомби» определили как связанное с обсуждением тем восстановления института права в церкви, создания правовой системы с независимым судебным производством, расширения прав различных групп на участие в церковном управлении и борьбы с дискриминацией внутри церкви. Квинтэссенцией либеральной позиции должна стать, по их мнению, «ориентированность на плюрализм, инклюзивность и солидарность, которые требуют хотя бы минимальной эмпатии. И этот ресурс у православия тоже есть — это идея соборности, как ее понимали русские богословы и религиозные философы» (цитата из поста канала «Православие и зомби» от 9 июля 2020).

Либеральные Telegram-каналы: case-study

В настоящем разделе я проанализирую два кейса — каналы «Православие и зомби» и «Батюшка Лютер». Именно их авторы инициировали в 2018—2020 гг. формирование в Telegram ниши либерально-аналитического дискурса об РПЦ.

Коммуникативные практики обоих каналов тематизированы исключительно либеральным фреймом релевантности. Они располагают большим количеством подписчиков, вплетены в коммуникации других православных каналов и часто упоминаются в острых дискуссиях нелиберальных «телеграммеров». В интервью авторам каналов были предложены вопросы о мотивах создания блога, о целевой аудитории, выборе тем, динамике развития контента в течение времени ведения каналов.

«Православие и зомби» был создан в 2018 г. как авторский канал (имена авторов указаны в описании канала), профилирующийся на освещении избранных событий и реалий церковной жизни «с комментариями от автора бестселлеров „Матушки“, „Россия: взгляд с колокольни“ и „Вавилон и окрестности“»¹⁰. Объясняя мотив создания канала, его автор-основатель подчеркнула, что имела долгосрочный опыт сотрудничества и работы в православных церковных СМИ. Однако этот опыт привел к отчетливому пониманию, что фрейм релевантности этих СМИ не допускает возможности открытого аналитического высказывания по остроактуальным проблемам современной церковной жизни. Telegram как медиа привлек ее своей новизной, отсутствием функции комментариев, возможностью публикации заметок в журналистском ключе, но без цензуры со стороны главного редактора, свободой в подборе тем и форме подачи материала. Поначалу целевой аудиторией канала стал круг ближайших единомышленников, а также коллеги из светских СМИ, желавшие иметь компетентную экспертизу по актуальной повестке в РПЦ. В дальнейшем аудитория значительно расширилась:

В 2018 г. хотелось попробовать, как это устроено в Telegram. В Facebook** у меня столько друзей и знакомых, которым не интересно про православие. Хотелось в одно место собирать, заметки, размышления, тезисы, которые у меня есть о православии. И получилось такое маленькое СМИ — 6 128 подписчиков. Из каких-то постов тексты получались. Потом я его бросила на какое-то время. Это совершенно бесплатная работа получается. Название канала — просто ироничная шутка, аллюзия и парадокс. Все началось с «Гордость и предубеждение и зомби» — все такое классическое и благолепненькое, а там зомби. Аудитория канала — френды, которым интересны мои комментарии о православии, и православная часть моих знакомых. Еще мои коллеги и друзья журналисты, которые ждут от меня объяснений. Одна из моих социальных функций — объяснять коллегам и друзьям, а что это на самом деле. Они не из этой среды, и на каждый инфоповод они обращаются ко мне — по событиям, по экспертам. Судя по отзывам в личку, это так и работает. За три года аудитория выросла, но я понятия не имею, кто эти люди. Это как стандартное СМИ — транслирует информацию, я продумываю форму подачи — картинки, листинг и проч. Все существует в произвольном виде. Подборки тем специально не создаем. Чаще всего это по вдохновению, либо инфоповод, инсайдерская информация, или какие-то вещи, о которых все говорят. Мы не подписывались обрабатывать все инфоповоды. («Православие и зомби»)

В приведенной цитате канал «Православие и зомби» оценивается автором как СМИ, альтернативное другим официальным и зарегистрированным православным

¹⁰ URL: <https://t.me/orthozombies> (дата обращения: 06.04.2022).

медиа. В ответе на вопрос о классификации православных медиа респондентка отметила, что ни одно из них не рекомендовала бы тому, кто хочет иметь «объективную картинку». Если интересуют актуальные внутрицерковные трактовки событий и прочее, то искать такое следует в Telegram:

Я сама никакие православные СМИ не рекомендовала бы. Если по каким-то причинам надо знать, что происходит, то надо мониторить официальные сайты, например «Патриархия.ру». А для объективной картинки надо читать Telegram-каналы, подписаться на основные и читать. Рабочая группа по коронавирусу при Патриархии, например, очень информативный канал. Telegram-каналы делятся на анонимные и с авторами. Есть канал Церквач, который публикует сливы, из которых большая часть оказывается вполне соотносённой с реальностью. Если взять одновременно «Церквач» и «Патриархия.ру», некая объективная картинка вырисовывается. Есть «Религия сегодня» с экспертными оценками, вполне профессиональная команда работает. Есть «Православие и зомби», но это взгляд. Можно хохом подписаться на все — «Легойда», «Вахтанг Кипшидзе», «Савва Тутунов». Из всего этого складывается более или менее мозаичная реальная картинка. Из СМИ почерпнуть нормальную информацию трудно, куча текстов. Есть, конечно, такие просвещенческие тексты — на Правмире, про православие. («Православие и зомби», интервью, июль 2021 г.)

В 2020 г. у канала «Православие и зомби» появился второй автор, охарактеризовавший себя в интервью как либерального теолога. В его ответах была сходная оценка канала в качестве «облегченного СМИ», вещающего прежде всего для гуманитарной интеллигенции и имеющего свою «повестку». Специфику формата респондент определил как лапидарные тексты, доносящие до аудитории смысл в предельно доступной форме. Год спустя второй автор открыл канал-блог «Темная теология» для публикации собственных размышлений на темы современной либеральной теологии:

К «Православие и зомби» я подключился с 2020 г. Мне кажется, что аудитория канала — это гуманитарная интеллигенция, часто не связанная с религией, но ей интересно почитать, что там происходит. Комментарии не подключены. Тут идея облегченного СМИ, тут логика вещания. Когда канал создавался, не было опции комментариев. Мы так себе это и мыслили, как радиоточку. Если аудитории нравится, она подписывается. У нас около 50 % подписчиков активно вовлечены в канал. Средний охват 78 %. У нас два типа повестки — актуальная и просветительская. Мы все обсуждаем, прежде чем писать. Первый вариант — я читаю что-то обсуждаемое или это может быть интересно нашей воображаемой аудитории. Второе направление — популярные теологические темы. Например, наткнулся на нетривиальные темы, есть такая астро-теология. Мы стараемся без зауми писать, а для зауми я специальный канал завел — «Темная теология». Мой канал — это не СМИ, скорее, заметки на полях того, чем я занимаюсь, это блог. Полторы недели существует, но уже набрал тысячу подписчиков. Телеграм был выбран, потому что нравится способ структурирования — это канал, который можно упорядочивать — в отличие от фейсбука, который площадка. («Темная теология», интервью, июль 2021 г.)

В 2018—2019 гг. коммуникативные практики канала «Православие и зомби» составляли преимущественно аналитические записки и критические комментарии ключевых событий внутри организационной жизни РПЦ (кадровые перестановки, выступления ее спикеров, события в конкретных приходах и т. п.), а также об участии РПЦ в политической и социальной повестке российского общества. После годичного перерыва, в 2020 г., канал возобновил свою активность уже силами двух авторов. Подключение к работе канала второго автора привело к постепенному размыванию узкой логики «облегченного СМИ» — круг тем и ассортимент практик расширились. «Православие и зомби» стал активнее участвовать в дискуссиях других каналов, публикуя у себя отклики или ответы на поднимаемые там вопросы. На канале появились аналитические дайджесты мнений внутри закрытых приходских чатов и групп православных священников в мессенджере WhatsApp. Авторы представляли краткие обзоры результатов опросов, проведенных в этих чатах. Кроме того, появились формы взаимодействия с аудиторией — анкеты по текущим остроактуальным сюжетам церковной жизни. Например, анкета о церковной жизни до и после пандемии, нацеленная на сбор информации о религиозных медиапрактиках подписчиков в период локдауна.

Анализ динамики изменения тем показывает, что в первый год вещания канала преобладали посты о дискуссиях вокруг признания РПЦ «царских останков», о контенте православных медиа и переговорах между РПЦ и Украинской Православной Церковью, о возможности реформирования управленческих структур РПЦ, об отношении к локдауну внутри РПЦ в период первой волны пандемии COVID-19. В 2020—2021 гг. появились аналитические обзоры по таким важным темам либерального дискурса, как проблемы теологического образования в российских духовных и светских ВУЗах, интерпретации визуальных образов «новых» иконописцев, разбор тезисов зарубежных либеральных теологов.

Анализ ссылок канала на иные медиа и другие Telegram-каналы показал, что преобладают ссылки на те светские медиа, в которых публиковались статьи об РПЦ автора-основателя канала, — Meduza*, Takiedela, Московский центр Карнеги, Colta. На православные медиа авторы ссылаются редко, и в лидерах здесь «Патриархия.ру» и «Православие и мир». Сайт «Патриархия.ру» упоминался преимущественно в связи с отсылкой к инфоповоду для аналитической заметки канала или для комментария. Ссылки на портал «Православие и мир» — это в основном ссылки на статьи прежних лет автора-основателя канала. Из православных Telegram-каналов самые частые ссылки на посты собственного канала, а также были рекомендованные для чтения или для информации «Религия сегодня», «Церквач», «Батюшка Лютер».

«Батюшка Лютер» стартовал в 2019 г. как анонимный священнический канал, нацеленный преимущественно на обсуждение составляющих либерализации РПЦ. Он быстро набрал большое количество подписчиков и оппонентов. В описании канала в качестве ведущей тематической рамки было обозначено следующее: «Ecclesia semper reformanda est. Обновление — нормальный модус бытия Церкви. Мы пишем о церковной реформе. Наша цель — дать свой личный и субъективный ответ на актуальные вопросы»¹¹. Однако из интервью с одним из первоначальных

¹¹ URL: <https://t.me/batluter> (дата обращения 11.04.2022).

авторов следует, что за два года своего существования канал пережил изменения и в составе ведущих, и в практиках, и в тематическом формате:

Вначале было несколько авторов, мы думали начинать в ЖЖ, но потом решили в пользу Telegram, который тогда был в тренде. Название долго выбирали, пришла идея назвать «Батюшка Лютер». В названии зашифрованы три аллюзии: на реформу церкви («Лютер»), на принадлежность к православному священству («батюшка»), на панк-рок и вообще на контркультуру («батюшка Ленин» из песни Летова). Месяц мы готовились и в феврале 2019 г., когда как раз была годовщина интронизации Патриарха Кирилла, мы «выстрелили». Здесь важно учитывать, что, когда мы начинали, в церковном секторе Telegram был только один анонимный канал — «Церквач». «Батюшка Лютер», насколько мне известно, стал вторым. Был еще авторский канал «Православие и зомби», но он, во-первых, никогда не был анонимным, во-вторых, на первом этапе своей деятельности просуществовал не очень долго. В определенный момент другие участники «Батюшки Лютера» отошли от проекта, и я остался один-единственный автор. <...> Обратной связи с аудиторией у нас нет. Поначалу в Telegram и не было функции комментирования, но мы и собирались выступать без комментариев со стороны. Когда появилась функция комментариев, я не стал ее включать, потому что зачем все эти выяснения отношений, распри? Вообще мы думали, что, как только кто-то начнет говорить о реформе в церкви, все сразу откликнется, и реакция пойдет как домино — все начнет меняться. Но вскоре стало понятно, что так не будет. Первые посты были про организацию финансовой жизни прихода. Эту тему я выбрал сознательно, потому что хотелось принести в дискуссию о реформе церкви что-то свежее, перестать по пятисотому разу обсуждать язык богослужения и чин литургии. Тогда полагали, что канал будет только о разных аспектах реформы: как должна поменяться РПЦ, ее служение, организация приходской жизни, священноначалие и отношения священноначалия и подчиненных и т. д. Весь этот спектр тем мы пытались охватить максимально. Параллельно с этим осознали, что это скучновато для широкой аудитории, поэтому начали уделять внимание актуальным вопросам. Тогда как раз была тема с Украиной, ну, и всякими-разными инфоповодами, связанными с РПЦ. Хотели таким образом привлечь большую аудиторию, чтобы люди могли узнать наши идеи, как может измениться РПЦ. Но постепенно стало неинтересно писать о жареном. Теперь больше богословские интересуют вопросы, нежели церковно-политические. Видимо, из-за этого «Батюшку Лютера» стали меньше репостить. («Батюшка Лютер»)

В приведенной цитате отчетливо прослеживается постепенное изменение коммуникативного формата канала — от средства вещания (2019 г.) в направлении блога (2020—2021 гг.). В сравнении с каналом «Православие и зомби», претендующим на статус «облегченного СМИ», «Батюшка Лютер» весьма разнообразен по коммуникативным практикам. Текстовый анализ блога показал, что в нем присутствуют не только аналитические эссе по темам либерализации организационной структуры РПЦ, изменения богослужебных правил, приходской жизни, бесправного положения младшего духовенства и др., и не только критические комментарии к остроактуальной повестке РПЦ. «Батюшка Лютер» публикует рецензии на книжные новинки церковных авторов, известных священников и мирян,

чи убеждения созвучны либеральному фрейму канала. Подписчики могут пользоваться объемной библиотекой, в цифровом реестре которой имеются и дореволюционные переводы на русский язык богослужебных текстов молитв и литургий, и аудиофайлы записей встреч с теологами или священниками, проведенных в прямом эфире канала. Первоначальный отказ от взаимодействия с аудиторией постепенно сменился новыми формами коммуникации с подписчиками — аудиочаты с возможностью прямого подключения, аудиозаписи с гостями, приглашенными к «Батюшке Лютеру». Весьма интересной представляется и коммуникативная практика привлечения других Telegram-каналов к дискуссии по определенной теме. Например, уже упомянутая дискуссия о либеральном направлении в РПЦ (июль 2020 г.). По сути дела, «Батюшка Лютер» использовал стратегию создания «цифрового круга историй», когда через ссылки, хештеги и поименования Telegram-каналов, которые находятся в коммуникативной связке друг с другом, запускается цифровая история по определенной теме и к ней каждый из участников добавляет свои комментарии, критику или мнение.

Анализ ссылок канала позволяет говорить о продуманной стратегии формирования блогосферы православных «телеграмеров», откликающихся на обсуждение спектра тем, посвященных либерализации церковной жизни. В число самых частых входят ссылки на каналы «Быть», «Научпоп», «Религия сегодня», «Православие и зомби», «Темная теология». Перечисленные каналы также ссылаются на блог «Батюшка Лютер», включают его название в популярные среди православных «телеграмеров» опросы подписчиков о «топах» читаемых ими блогов.

Заключение

Проведенное исследование показало, что медианиша Telegram содержит широкий ассортимент православных аналитических каналов, ведущихся представителями официальных церковных структур или официальных православных СМИ, священниками, воцерковленными мирянами и т. п. Они презентуют различные мировоззренческие позиции церковного дискурса о современном православии и РПЦ. Внутри этой ниши имеется отчетливый сегмент взаимосвязанных коммуникаций по темам, релевантным для либерального мировоззренческого направления церковного дискурса. Конstellация акторов, включенных в коммуникации по темам, релевантным для либерального дискурса, представлена преимущественно поколением родившихся в конце 1970-х годов и в 1980-х годах. Их юность и социализация пришлись на 2000-е годы — короткий период организационных инноваций в РПЦ, крохотную «оттепель», обещающую дальние горизонты. Биографические нарративы респондентов, школьная и вузовская социализация которых прошла в среде московской воцерковленной интеллигенции, обнаруживают общие коммуникативные коды принадлежности к определенной мировоззренческой нише российской церковной среды. Общим для них стал также поиск возможности объединить свои религиозно-мировоззренческие позиции с профессиональной самореализацией. Большинство респондентов располагали богатым опытом работы в церковных структурах или сотрудничества с церковными и околоцерковными СМИ, включенными в их индивидуальные медиарепертуары. Однако и в случаях выбора в пользу стези православного священника, и в случаях

выбора профессионального пути церковного журналиста поиск наталкивался на противодействие консервативной церковной среды, противившейся идейным и организационным инновациям. Невозможность реализовать жизненные сценарии, сложившиеся в периоды воцерковления и глубоких погружений в церковную жизнь, приводила респондентов к поиску альтернативных пространств с возможностью свободного высказывания своих мыслей и коммуницирования с единомышленниками. Таковыми для многих стали интернет и новые медиа.

В Telegram существуют православные каналы, коммуникации которых напрямую посвящены темам либерализации РПЦ, и каналы, высказывающиеся по этим темам опосредованно — через комментарии текущей новостной повестки в либеральном ключе или участие в межканальных дискуссиях. Каналы, нацеленные узко на либеральный паттерн дискуссии об РПЦ, имеют отчетливый фрейм релевантности. Селекция смыслов, релевантных их фрейму, производится в соответствии с тремя критериями — ориентированность на определенных богословов, религиозные убеждения, социальные идеи и практики. Сообразно этому фрейму в качестве релевантных для прямого обсуждения выступают следующие темы: восстановление института права в церкви, создание правовой системы с независимым судебным производством, расширение прав различных групп на участие в церковном управлении, выборность клира, финансовая отчетность, защита интересов рядового духовенства и мирян. Выборочный case-study либеральных каналов показал, что их практики разворачиваются либо в логике нишевого СМИ, либо в логике блога. В обоих случаях основным в ансамбле используемых медиа выступает Telegram, а вот привлечение дополнительных зависит от коммуникативного профиля канала.

Ведущим методом своего исследования я намеренно избрала case study, позволяющий социологу сосредоточить анализ непосредственно на объекте изучения, а не на соотношении объекта с некой удобной, «объективно существующей» идеологически ангажированной рамкой. Применительно к объекту данного исследования такой рамкой могло бы стать традиционное противопоставление «правых и левых», «либералов и коммунистов» и т. Однако в мои задачи входило открыть дискуссию по сложной для отечественной социологии религии теме — направлениям церковного дискурса о современном российском православии. В развитие этой дискуссии, полагаю, будет полезным сдвинуться с обочины политологических трюизмов в направлении прикладных качественных исследований проблемы.

Список литературы (References)

Агаджанян А. Сопротивление и покорность. Вызовы пандемии, позднеמודерные эпистемы и русский православный этос // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. Т. 39. № 1. С. 12—38. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-1-12-38>.

Agadjanian A. (2021) Resistance and Submission, Pandemic, Late Modern Epistemes, and Russian Orthodox Ethos. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. Vol. 39. No. 1. P. 12—38. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-1-12-38>. (In Russ.)

Богданова О. Медиатизация пастырства в Русской православной церкви: предпосылки формирования сайтов с вопросами священнику // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. Т. 38. № 2. С. 207—234. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-2-207-234>.

Bogdanova O. (2020) Mediatization of Pastoral Care in the Russian Orthodox Church: Reasons Behind “Ask the Priest” Websites. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. Vol. 38. No. 2. P. 207—234. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-2-207-234>. (In Russ.)

Белоруссова С. Православие в интернете и интернет в православии. Рецензия на: Suslov M. (ed.) (2016) *Digital Orthodoxy in the Post-Soviet World: The Russian Orthodox Church and Web 2.0*. Stuttgart: Ibidem Verlag // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. Т. 38. № 2. С. 407—414. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-2-407-414>.

Belorussova S. (2020) Eastern Orthodoxy in the Internet and Internet in Eastern Orthodoxy. Review of: Suslov M. (ed.) (2016) *Digital Orthodoxy in the Post-Soviet World: The Russian Orthodox Church and Web 2.0*. Stuttgart: Ibidem Verlag. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. Vol. 38. No. 2. P. 407—414. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-2-407-414>.

Гришаева Е., Шумкова В. Теории среднего уровня в исследовании религии и медиа: медиатизация, медиация и RSST // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. Т. 38. № 2. С. 7—40. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-2-7-40>.

Grishaeva E., Shumkova V. (2020) Middle-Range Theories in Religion and Media Studies: Mediation, Mediatization and RSST. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. Vol. 38. No. 2. P. 7—40. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-2-7-40>. (In Russ.)

Морозов М. Е. Образ священника в средствах массовой информации // Мониторинг общественного мнения. 2016. № 6. С. 184—193. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.6.10>.

Morozov E. M. (2016) Clergy Public Image in Mass Media. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 184—193. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.6.10>. (In Russ.)

Островская Е. А. Миссия выполнима: православные батюшки-блогеры // Концепт: философия, религия, культура. 2021. Т. 5. № 1. С. 44—59. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-1-17-44-59>.

Ostrovskaya E. A. (2021) Mission Possible: Russian Orthodox Priest Blog. Concept: Philosophy, Religion, Culture. Vol. 5. No. 1. P. 44—59. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-1-17-44-59>. (In Russ.)

Hepp A., Hasebrink U. (2018) Researching Transforming Communications in Times of Deep Mediatization: A Figurational Approach. In: Hepp A., Breiter A., Hasebrink U. (eds.) *Communicative Figurations. Transforming Communications — Studies in Cross-Media Research*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 15—48. https://doi.org/10.1007/978-3-319-65584-0_2.

Ostrovskaya E. (2021) Media Practices of Russian-Speaking Orthodox Jews: Women's Groups and Rabbis' Blogs on Facebook and Instagram. *State, Religion and Church*. Vol. 8. No. 1. P. 44—69.

Suslov M. (ed.) (2016) *Digital Orthodoxy in the Post-Soviet World: The Russian Orthodox Church and Web 2.0*. Stuttgart: Ibidem Verlag.

Uzlaner D. (2018) The End of the Pro-Orthodox Consensus: Religion as a New Cleavage in Russian Society. In: Köllner T. (ed.) *Orthodox Religion and Politics in Contemporary Eastern Europe: On Multiple Secularisms and Entanglements*. New York, NY: Routledge. P. 173—192.

Volz E., Heckathorn D. D. (2008) Probability Based Estimation Theory for Respondent Driven Sampling. *Journal of Official Statistics*. Vol. 24. No. 1. P. 79—97.

DOI: [10.14515/monitoring.2022.2.2221](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2221)

Е. А. Ирсетская, М. Ю. Милованова

**ПРОБЛЕМАТИКА ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ. ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ГЕНДЕРНЫЕ РЕСУРСЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ:
МЕЖДУНАРОДНЫЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ»**

Правильная ссылка на статью:

Ирсетская Е. А., Милованова М. Ю. Проблематика гендерных исследований в условиях современных общественно-политических трансформаций. По материалам международной научно-практической конференции «Гендерные ресурсы устойчивого развития: международный и российский опыт» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 477—484. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2221>.

For citation:

Irsetskaya E. A., Milovanova M. Yu. (2022) Gender Research in the Context of Modern Socio-Political Transformations. Based on the Materials of the International Scientific and Practical Conference “Gender Resources for Sustainable Development: International and Russian Experience”. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 477–484. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2221>. (In Russ.)

ПРОБЛЕМАТИКА ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ. ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ГЕНДЕРНЫЕ РЕСУРСЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ»

GENDER RESEARCH IN THE CONTEXT OF MODERN SOCIO-POLITICAL TRANSFORMATIONS. BASED ON THE MATERIALS OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE “GENDER RESOURCES FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT: INTERNATIONAL AND RUSSIAN EXPERIENCE”

ИРСЕТСКАЯ Елена Александровна — кандидат социологических наук, доцент, Финансовый университет при правительстве Российской Федерации, Москва, Россия; доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Россия; специалист Департамента специальных программ и мероприятий, Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Москва, Россия
E-MAIL: irsetskaya_e@wciom.com
<https://orcid.org/0000-0003-0191-6486>

Elena A. IRSETSKAYA^{1,2,3} — *Cand. Sci. (Soc.)*, Assistant Professor; Assistant Professor; Specialist at the Department of Special Programs and Activities
E-MAIL: irsetskaya_e@wciom.com
<https://orcid.org/0000-0003-0191-6486>

МИЛОВАНОВА Марина Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Россия
E-MAIL: m_milovanova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6198-6972>

*Marina Yu. MILOVANOVA*² — *Cand. Sci. (Hist.)*, Associate Professor
E-MAIL: m_milovanova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6198-6972>

Аннотация. 4 марта 2022 г. в РГГУ состоялась международная научно-практическая конференция «Гендерные ресурсы устойчивого развития: международный и российский опыт», во второй раз ставшая междисциплинарной площадкой для специалистов по гендерным исследованиям. В центре внимания участников конференции были следующие вопросы: жен-

Abstract. On March 4, 2022, the Russian State University for the Humanities hosted an international scientific and practical conference “Gender Resources for Sustainable Development: International and Russian Experience”, which for the second time served as an interdisciplinary platform for gender researchers. The conference focused on the following issues: women’s historical

¹ Financial University under the government of Russian Federation, Moscow, Russia

² Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

³ Russian Public Opinion Research Center (VCIOM), Moscow, Russia

ская историческая память как ресурс устойчивого общественного развития; гендерные особенности политического восприятия власти в различные исторические эпохи; представленность женской дипломатии; социальное неравенство и политика гендерного равенства в современном мире; проблема насилия в контексте пандемии COVID-19. Конференция представляет интерес для широкого круга специалистов, занимающихся гендерными исследованиями. Материалы обсуждений могут послужить основой принятия нормативных документов, направленных на решение важных вопросов, касающихся регулирования и защиты положения женщин в современном обществе.

Ключевые слова: гендерные исследования, гендерные роли в труде и занятости, социо-экономическое положение российских женщин, историческая память

memory as a resource for sustainable social development; gender characteristics of political perception of power in different historical times; representation of women's diplomacy; social inequality and gender equality policies in modern world; the problem of violence in the context of the COVID-19 pandemic. The conference appears to be significant to a wide range of professionals involved in gender studies. The discussions can serve as a basis for the adoption of normative documents aimed at solving important issues related to the regulation and protection of the women's status in modern society.

Keywords: gender research, gender roles in work and employment, socio-economic situation of Russian women, women's historical memory

Актуальность создания междисциплинарных академических площадок по проблемам гендерных исследований и эффективной коммуникации продиктована важнейшим дискурсом Декларации ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» и конкретно Целью 5: «Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек»¹. Преодолеть гендерное неравенство без новой философии мышления и парадигм развития, без признания глобального гендерного тренда в силу происходящих глубоких структурных социально-экономических трансформаций невозможно. Интерес со стороны ученых, представляющих разные отрасли знания, к гендерным исследованиям как в мире, так и в России не просто не утихает, но активно растет.

4 марта 2022 г. в РГУ состоялась международная научно-практическая конференция «Гендерные ресурсы устойчивого развития: международный и российский опыт», объединившая специалистов по гендерным исследованиям, которые стремятся также осмыслить современные социальные проблемы в контексте устойчивого развития.

¹ См. https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R (дата обращения: 13.04.2022).

Организатором конференции выступил социологический факультет РГГУ в партнерстве с Институтом социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Исследовательским комитетом по гендерной политологии Российской ассоциации политической науки (РАПН), Российской ассоциацией исследователей женской истории, Центром гендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Федерацией женщин с университетским образованием, журналом «Женщина в российском обществе», научной школой «Гендерная и экономическая социология», Исследовательским комитетом «Гендерная социология» Российского общества социологов и другими организациями.

В конференции участвовали около ста представителей академических и вузовских научно-образовательных учреждений, включая РГГУ, МГУ им. М. В. Ломоносова, Финансовый университет при Правительстве РФ, ИНСАП РАНХиГС, ФНИСЦ РАН, ИС ФНИСЦ РАН, кафедру ЮНЕСКО НИТУ МИСиС, НИУ ВШЭ, ЮФУ, Уральский государственный педагогический университет, федеральные университеты Кемерово, Пятигорска, Рязани, Твери, Санкт-Петербурга, Республики Дагестан и др. Анализ содержания представленных гендерных исследований показывает глубокую связь полученных данных с историческим и национальным контекстом, однако осмысление глобальной повестки устойчивого развития и становление нового гендерного порядка немыслимы без включения российских ученых в контекст международных и глобальных гендерных исследований. Отметим, что тематика конференции вызвала высокую заинтересованность со стороны исследователей из Индии, Италии, Турции, Пакистана, Парагвая, Великобритании.

Международный контекст дискуссии на конференции касался аспектов комбинаторных исследований и возможности применения западных феминистских теорий к российским реалиям и особенностям социально-культурного развития общества.

Особое внимание было уделено различным формам гендерного неравенства, в частности особенностям положения женщин, в котором они оказались в связи с кризисной ситуацией, вызванной пандемией COVID-19. Как в российском, так и в западном обществе многие эксперты отмечают, что данный кризис в первую очередь «ударил» по женщинам: их доходы сократились намного больше, чем у мужчин. Ухудшение качества жизни женщин, увеличение их трудовой нагрузки, возросшее количество эпизодов домашнего насилия в отношении женщин, вызванное введением мер локдауна, — все эти последствия необходимо преодолевать в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

В пленарной части конференции с докладами выступили ведущие специалисты в области гендерных исследований в России. Научный руководитель Департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Г. Г. Силласте в докладе «Методология и смена парадигм в исследовании социогендерного пространства и гендерного равноправия» обратила внимание коллег на истоки новых гендерных норм. По словам эксперта, на позитивное изменение гендерных норм повлияло совершенствование процессов развития социально-демографических общностей в соответствии с ценностями и возможностями нового времени. В ходе выступления спикер обозначила направления работы для достижения гендерного равно-

правия. «Прежде всего, это касается обеспечения жизненно важных интересов мужчин и женщин как граждан страны, а это право на жизнь и безопасность, труд и его достойную оплату, жилье и доступную медицину, образование и отдых, получение информации и доступность коммуникации», — пояснила Галина Георгиевна. Выступления Н. А. Шведовой, доктора политических наук, главного научного сотрудника, профессора, руководителя Центра социально-политических исследований Института США и Канады РАН, и Г. М. Михалевой, доктора политических наук, профессора РГГУ, были посвящены реализации принципа гендерного равенства в контексте устойчивого развития на примерах зарубежных стран и России.

Концепция конференции предполагала учет роли информационной войны, когда размываются идентичности и повышается значение механизмов памяти. Данной проблематике был посвящен круглый стол «Женская память и взгляд нового поколения в гендерных исследованиях». Ведущей круглого стола выступила Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, заслуженный профессор РФ. Она отметила участие в конференции членов Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ) и поддержку в подготовке мероприятия Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2020-910) и Российского научного фонда (грант 22-28-01428). Центральный вопрос, вынесенный на обсуждение: можно ли считать женские воспоминания о молодости ресурсом современной позитивной оценки уровня зажиточности, освоенности новых повседневных практик, устойчивого развития, большей демократичности внутрисемейных отношений, взаимозаменяемости семейных ролей. В докладе М. Б. Булановой, доктора социологических наук, профессора РГГУ, на примере подвижнической работы Л. А. Шанявской и ее навыков *soft skills* для открытия Народного университета (РГГУ) была показана сила женской дипломатии. Каждый докладчик круглого стола старался найти свой ответ на вопрос о ресурсах социального оптимизма в истории и в современном моменте.

С позиции гендерологии как науки, изучающей общественное бытие полов, включая эволюцию их общественных статусов, организаторы конференции ставили задачу понять степень проработанности так называемых мужских исследований. Этому была посвящена отдельная секция «Гендер и новые социальные практики: интеракция феминных и маскулинных категорий», которая прошла на площадке Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. И. А. Симонова, кандидат философских наук, доцент, А. Г. Оболенская, кандидат экономических наук, доцент, и А. В. Швецова, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, представляли Уральский государственный педагогический университет и рассказали о своем интересном исследовании, раскрывающем различные позитивные и негативные стороны материнства в России. Они подняли множество актуальных проблем и предложили пути их решения в контексте регионов России.

О. Г. Овчарова, доктор политических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Российской государственной специализированной академии искусств, поделилась результатами коллективного исследования семейной политики, которое она провела с соавторами из Тверского государственного университета Н. Н. Козловой и С. В. Рассадиным. Методику исследования было предложено

распространить и применить в большинстве регионов России для оценки сложившейся ситуации и выявления потребностей и запросов гражданского общества в области семейной политики.

И. С. Шушпанова, кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ИПИ ФНИСЦ РАН, представила результаты мониторинга социального самочувствия российских женщин в период пандемии. Участников заинтересовали различия в самооценках мужчин и женщин по разным социально-экономическим индикаторам.

Большой интерес вызвали доклады и дискуссия на секции «Повестка 2030 — в контексте проблемы насилия в условиях пандемии COVID-19». Повестка устойчивого развития представляет структуру из 17 основных целей, принятых ООН в 2015 г. Достижение этих целей представляется наиболее прогрессивным и эффективным путем общественного развития, который предполагается реализовать в период до 2030 г. Действительно, по многим из обозначенных 17 направлений наблюдается заметный прогресс, однако в целом деятельность по реализации проекта пока не достигла необходимых темпов и масштабов. Проблемы социального неравенства, в частности гендерного неравенства, несправедливость и вытекающие отсюда проблемы насилия над женщинами и детьми в семье, требуют принятия специальных мер и представляются актуальными для всего человечества, что обозначено в Повестке 2030.

Как в России, так и в Европе большой интерес вызывает изучение потенциала СМИ в качестве средства формирования публичного дискурса по проблеме насилия в отношении женщин. Данной проблеме был посвящен доклад Розальбы Бельмонте и Фламинии Сакка «Рассказы женщин от первого лица как инструмент разрушения стереотипных представлений о гендерном насилии» (Университет Тушиа, Италия). Авторы отметили, что социальная представленность гендерного насилия вызывает растущий интерес у итальянских исследователей во многих смежных областях социологии. Растущий интерес ученых-социологов к этой теме обусловлен важнейшей ролью передаваемых через культуру социальных механизмов, которые находят отражение в языке. Используя данные механизмы, учреждения и отдельные социальные субъекты репрезентируют насилие в отношении женщин со стороны мужчин, воспроизводя тем самым условия, лежащие в основе гендерного неравенства.

Каждое социальное явление находит отражение в соответствующих языковых конструкциях, которые выбираются для его описания и представления в общественном информационном пространстве. В этой связи повествование представляет собой фундаментальный эвристический и герменевтический инструмент для социального анализа, с помощью которого можно придать смысл социальному явлению. Тем не менее часто бывает, что институты или различные социальные субъекты строят повествование о социальных явлениях, не вовлекая людей, которые испытали воздействие насилия на себе. Именно в этом заключается проблема с рассказами женщин о гендерном насилии. Повествование слишком часто ведется от лица внешних социальных субъектов, в то время как женщины исключаются из построения социального представления того, от чего они пострадали. Авторы исследования представили эмпирический анализ значимости повествования

женщин о случаях насилия от первого лица в качестве инструмента для устранения искаженной социальной репрезентации гендерного насилия, которое способствует закреплению его нормализации в качестве социальной практики, снятию ответственности с лица, совершившего такое насилие, и утверждению сексистских предрассудков в отношении женщин, ставших жертвами такого насилия.

Значимым выводом представленного исследования является тезис о том, что неравенство между мужчинами и женщинами влияет на представленность в СМИ информации о гендерном насилии, тем самым иницируя общественное обсуждение этой темы. Действительно, насилие в семье недостаточно освещается прессой. С одной стороны, это наиболее часто совершаемое преступление в отношении женщин. С другой стороны, это наиболее часто встречаемое гендерное преступление, которое освещается в итальянских СМИ и которое не воспринимается достаточно серьезно общественным мнением.

«Согласно риторике международного сообщества, домашнее насилие рассматривается как одно из самых распространенных и грубых нарушений прав и свобод человека», — отметила в своем докладе О. В. Китайцева, доцент кафедры прикладной социологии РГГУ. Без предупредительных мер и надлежащего реагирования проблема насилия в отношении женщин приобретает пугающие масштабы. В данном процессе СМИ являются важным механизмом, способным оказать значимый эффект, направленный на привлечение внимания к этой проблеме.

Е. А. Ирсетская, специалист ВЦИОМ, доцент Финансового университета при Правительстве РФ, рассмотрела проблемы, касающиеся экономической сферы общественного развития, которые повлекла за собой пандемия, поставив под угрозу достижения в области гендерного равноправия, нарабатывавшиеся в течение предыдущих десятилетий. В первую очередь это проявилось в уменьшении оплаты женского труда, увеличении безработицы. Находясь на самоизоляции в домашних условиях, наряду с рабочими обязанностями женщинам приходилось заниматься детьми и хозяйственной работой по дому. Данная ситуация увеличила разрыв гендерных ролей и повлекла за собой усиление гендерной сегрегации в различных отраслях, сферах экономики и профессиях.

Заслуживает особого внимания целый ряд докладов секции «Гендерные ресурсы социальной сферы (образование, здравоохранение, труд, занятость): вызовы цифрового общества». Так, Г. С. Волынова, кандидат экономических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения, рассказала о роли проактивности женщин в расширении их присутствия в медиапространстве, отметив, что это важный фактор, влияющий на понимание и принятие равенства полов. М. Л. Галас, доктор исторических наук, профессор Финансового университета при Правительстве РФ, представила доклад о гендерных аспектах миграции из стран постсоветского пространства, в котором отметила, что внешние мигранты, прибывающие в Россию, не обладают образованием и квалификацией, в России часто обзаводятся второй неофициальной семьей, 60% из них работают без договора. Они создают конкуренцию на рынке труда для российских работников, отмечена динамика нарастания феминизации миграции. О. В. Гребняк, младший научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН, сделала сообщение о распределении социогендерной активности при переходе к цифровому государ-

ству, отметила, что на цифровых сервисах и платформах преобладают женщины. М. В. Ломоносова, кандидат социологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, осветила тему повышения квалификации педагогов российской школы в условиях цифровизации, указав, что эти практики часто носят имитационный характер. Ю. Е. Островская, младший научный сотрудник ИС ФНИСЦ РАН, проанализировала новый документ Международной организации труда — Конвенцию о предотвращении харассмента, подчеркнув, что этот документ свидетельствует о продвижении новой международной нормы. Э. О. Илларионова, аспирантка РГГУ, выделила гендерные аспекты возможностей и ограничений цифровизации на российском рынке труда. Н. И. Белова, кандидат социологических наук, доцент РГГУ, рассмотрела с гендерных позиций социально-трудо-вые конфликты в сфере здравоохранения. И. О. Шевченко, доктор социологических наук, доцент РГГУ, проанализировала мотивацию труда и ценностные трудовые ориентации работников в гендерном разрезе.

Подводя итог, можно сказать, что в центре внимания участников конференции «Гендерные ресурсы устойчивого развития: международный и российский опыт» оказались следующие вопросы: женская историческая память как ресурс устойчивого общественного развития; гендерные особенности политического восприятия власти в различные исторические эпохи; представленность женской дипломатии; социально-экономическое положение российских женщин как фактор демографического развития; социальное неравенство и политика гендерного равенства в современном мире; проблема насилия в контексте пандемии COVID-19; механизмы продвижения женщин в социальной и политической областях; становление нового гендерного порядка; проблема соотношения гендерных ролей в сфере труда и занятости; миграционные процессы и особенности демографической политики в России и странах Запада.

